

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
★ БИБЛИОТЕКА ★

ВЕРНЕР ЗОМБАРГ

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

ТОМ ПЕРВЫЙ

В В Е Д Е Н И Е.
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА.

ИГРЫЙ ПОЛУТОМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1

9

3

1

WERNER SOMBART

БИБЛІОТЕКА УЧНІВ СІДНЕЙСЬКОЇ АКАДЕМІЇ

DER MODERNE KAPITALISMUS

ERSTER BAND

EINLEITUNG

DIE VORKAPITALISTISCHE WIRTSCHAFT
DIE HISTORISCHEN GRUNDLAGEN
DES MODERNEN KAPITALISMUS

ERSTER HALBBAND

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

33
3.82

ВЕРНЕР ЗОМБАУРГ

ПРОТИВ НТД-СТАНО
В 1900 ГОДУ

1957

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

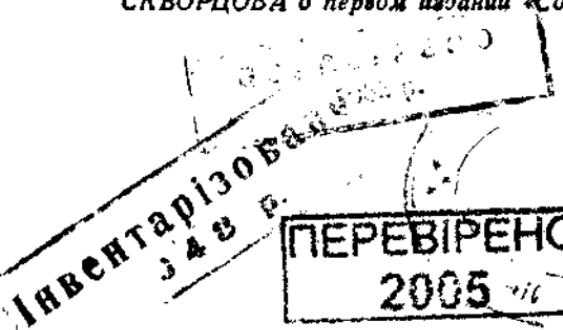
ТОМ ПЕРВЫЙ

ВВЕДЕНИЕ

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

ПЕРВЫЙ ПОЛУТОМ

Перевод с немецкого Ст. ВОЛЬСКОГО
с предисловием М. ЗОРКОГО и приложением статьи И. И. СТЕПАНОВА-
СКВОРЦОВА о первом издании «Современного капитализма»

6188

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 6000 экз.
Главлит № А — 64226
Гиз № 36529/у — 14
Заказ № 1761
85 п. л.
★

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие М. Зоркого	Стр. IX
Предисловие автора ко второму изданию	1

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. Основные факты хозяйственной жизни	15
I. Забота о поддержании существования	—
II. Техника	17
III. Труд и его организация	19
IV. Хозяйство	25
Глава II. Многообразие хозяйства и его обусловленность	26
I. Многообразие хозяйственной жизни	—
II. Обусловленность хозяйственной жизни	28
Глава III. Задача наук о хозяйстве	32
I. Дифференцирование науки о хозяйстве	—
II. Руководящие линии учения о народном хозяйстве	33
III. Задача настоящей работы	34
Общая литература	38

ПЕРВАЯ КНИГА ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Первый отдел

Глава IV. Докапиталистическое хозяйственное мышление	41
Источники и литература	—

Второй отдел ВЕК ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Глава V. Состояние материальной культуры Европы в эпоху раннего средневековья	52
Глава VI. Хозяйство деревень	57
Литература	—
Глава VII. Барщинное хозяйство	65
Литература	—
I. Распространение поместного хозяйства	67
II. Основные черты барщинного хозяйства	71
III. Организация труда в барщинном хозяйстве	77
1. Сельское хозяйство	—
2. Промышленное производство	83
а) Производство предметов питания	84
б) Изготовление предметов одежды	87
в) Строительное дело	91
г) Изготовление посуды и орудий	94
д) Транспорт товаров	98

Третий отдел
ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА

	Стр.
Глава VIII. Возрождение менового хозяйства	100
Литература и источники	—
I. Меновое хозяйство вообще и его возникновение	101
II. Развитие менового хозяйства в эпоху европейского средневековья	102
III. Предварительные стадии профессиональной торговли	120
IV. Зачатки профессиональной торговли	124
V. Зачатки ремесла	127
Глава IX. К теории образования городов	131
I. Понятие города	—
II. Схема теории образования городов	136
Глава X. Возникновение средневекового города	141
Литература и источники	—
I. Происхождение городов из деревень и в частности городов «нарочито основанных» (Gründungsstädte)	142
II. Субъекты горообразования	149
1. Потребители	—
2. Производители	160
III. Объекты образования	165
1. Духовенство	166
2 Войны и чиновники	169
3. Ремесленники	170
4. Торговцы	173
5 Лица, получающие милостыню	180
IV. «Тяга в город»	—

Четвертый отдел
ВЕК РЕМЕСЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

Глава XI. Хозяйственная политика города	185
Глава XII. Хозяйственная система ремесла	192
I. Понятие ремесла	—
II. Общая организация хозяйства	194
III. Задачи ремесленного товарищества	195
IV. Своеобразие ремесленного труда	197
V. Профессиональное расчленение ремесла	198
VI. Стой ремесленного труда	199
VII. Внутреннее расчленение ремесла	200
Глава XIII. Условия существования ремесла	203
I. Население	—
II Техника	204
III. Формы сбытовых отношений	208
1. Причины, связанные со спросом	211
2. Причины, связанные с предложением	212
Глава XIV. Развитие потребностей в благах	216
Предварительные замечания	—
Источники и литература (к гл. XIV—XV)	—
Глава XV. Способ покрытия потребностей	224
I. Конечные потребители	—
Сбыт товаров, привозимых издалека	235
II. Производители	246
Глава XVI. Организация промышленного труда	248
I. Связь производителя с рынком	—
II. Размещение промышленности	—
III. Число промышленных производителей и эффективность их труда	252
IV. Форма хозяйства	258

Стр.

Глава XVIII. Торговля как ремесло	279
Предварительные замечания	—
I. Размеры оборотов	280
II. Торговец	291
О счетном искусстве средневековья	295
III. Стой локапиталистической торговли	298
Добавление ко второму изданию	306

ВТОРАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Первый отдел

СУЩНОСТЬ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Глава XIX. Капиталистическая хозяйственная система	315
I. Понятие	—
II. Капиталистическое предприятие	317
III. Функции капиталистического предпринимателя	318
1. Организационные	—
2. Торговые	319
3. Счетоводно-хозяйственные	320
IV. Капитал и его использование	—
V. Условия капиталистического хозяйства	322
Глава XX. Возникновение капитализма	323
I. Движущие силы	—
II. Историческое построение современного капитализма	326

Второй отдел

ГОСУДАРСТВО

Глава XXI. Сущность и происхождение современного государства	330
I. Понятие современного государства	—
II. Происхождение современного государства	331
III. Значение государства для капитализма	335

Глава XXII. Армия	338
-----------------------------	-----

Предварительные замечания	—
-------------------------------------	---

Литература	—
----------------------	---

I. Возникновение современной армии	—
1. Создание новых организационных форм	—
а) Сухопутная армия	—
б) Флот	341
2. Увеличение численности армий	343
а) Сухопутные армии	—
б) Флот	344
II. Принципы снаряжения армий	346
1. Вооружение	347
2. Обеспечение питанием	349
3. Одежда	352
а) Системы обмундирования	—
б) Форма	354

Глава XXIII. Меркантилизм как целое	355
---	-----

Источники и литература	—
----------------------------------	---

Глава XXIV. Промышленная и торговая политика	365
--	-----

Источники и литература	—
----------------------------------	---

I. Общий обзор	357
II. Пожалование привилегий	368
1. Пожалование монополий	—
2. Торговая политика	373
3. Планмундирование	376

	Стр.
III Регламентирование	378
IV. Унификация	383
Глава XXV. Транспортная политика	386
Литература	—
I. Мероприятия по содействию частным предпринимателям	—
1. Предоставление монополий и привилегий	—
2. Премирование	387
3. Унификация	388
II. Государственное содействие транспортным интересам	—
Глава XXVI. Деньги	390
Предварительные замечания	—
Источники и литература	391
I. Деньги, возникающие из обмена, и деньги, установленные государством	393
II. Металлические деньги	396
1. Общие основы денежной системы от XIII до XVIII в	—
2. Форма монет и денег	400
а) Пространственные границы распространения монет	—
б) Валютные и монетные системы	402
III. Банковские деньги	415
IV. Начальные стадии бумажных денег	418
Глава XXVII. Колониальная политика	421
Предварительные замечания	—
Источники и литература	422
I. Идея колоний	423
II. Возникновение колониальных государств	425
III. Использование колоний	431
Глава XXVIII. Государство и церковь	436
Предварительные замечания	—
Литература	—
I. Усиление нетерпимости	438
II. Развитие идеи терпимости	445
Приложение. Состояние частного права	449
Приложение: предисловие И. И. Степанова-Скворцова к первому изданию «Современного капитализма»	453
Именной указатель	499
Предметный указатель	502
Географический указатель	507

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Почти вся научная деятельность Вернера Зомбарта посвящена разработке теории и истории капитализма. В центре всех произведений Зомбарта стоит его монументальный труд «Der Moderne Kapitalismus» («Современный капитализм»). К этому труду так или иначе примыкают все многочисленные монографии, этюды, статьи и научные доклады Зомбарта.

Первое издание «Современного капитализма» вышло в самом начале XX в. Оно должно было, по намерению автора, представлять собой некий «систематизированный обзор эмпирического материала современной социальной науки». Но первый вариант этой работы показался самому автору неудовлетворительным. После огромной подготовительной работы Зомбарт в 1916—1927 гг. опубликовал шесть объемистых полутомов второго издания, которое оказалось по сути дела совершенно новым произведением. Самая задача труда здесь трактуется по-иному. Зомбарт вознамерился «описать хозяйственную жизнь европейских народов в генетическом и систематическом порядке, начиная с ее первых стадий и кончая современностью». При этом он обещает попутно «касаться всех отраслей государственной и духовной жизни». Короче говоря, перед нами—опыт своеобразной историко-экономической энциклопедии буржуазного общества.

Зомбарт—экономист, или, по немецкой терминологии, «национал-эконом». Но теоретическое изучение хозяйства он считает неотделимым от исторического. Проблему происхождения капитализма он выдвигает в своей работе на одно из главных мест. Этой проблеме посвящен предлагаемый первый том (оба полутома) и значительная часть второго. Здесь Зомбарт выступает перед читателем в первую очередь как историк¹.

¹ Первый полутом не представляет собой законченного целого. Разбор зомбартовской теории происхождения капитализма будет дан в предисловии ко второму полутому. Настоящий очерк содержит ряд общих замечаний о методологии Зомбарта как историка и об его отношении

Зомбарт вышел из рядов так называемый «исторической школы» германских экономистов.

Подобно тому как Англия явилась метрополией экономической теории, Германия оказалась обетованной землей экономической истории. Это обстоятельство легко объясняется особенностями германского развития.

Буржуа передовой капиталистической страны, уверенно продвигавшийся к экономическому и политическому господству, обнажил яркую неприязнь к истории. Символом его экономической науки был абстрактный и надисторический товаровладелец. Лейтмотивом его юридической науки оказалась идея естественного права,—идея, воплощенная в надисторическом правовом субъекте, т. е. в том же абстрактном *economic man*, но облаченном в юридические определения. На германской почве, напротив, и правовая и экономическая наука сразу же выступили под флагом истории. Наука страны, в которой, по выражению Маркса, долгое время не происходило никакой истории, оказалась насквозь пропитанной «историзмом».

Такое положение представляется парадоксальным лишь на первый взгляд. Там, где развитие шло революционным путем, история третировалась буржуазией как нагромождение мало поучительных нелепостей. Новый способ производства, утвердившийся на развалинах старого, объявлялся естественным порядком вещей. Какой интерес могла представить проблема генезиса социально-экономических явлений, раз новое общество рассматривалось как возникшее не в генетической связи с прошлым, а вопреки этому прошлому? Отсюда — безразличное отношение классической экономии к историческому характеру явлений: «она заинтересована не в том, чтобы генетически развить различные формы, а в том, чтобы путем анализа свести их к их единству, так как она исходит из них как из данных предпосылок»¹.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 388—389.—В другом месте той же работы Маркс, имея в виду Англию, пишет: «Все исторически сохранившиеся отношения — не только расположение деревень, но и самые деревни, не только жилища землевладельческого населения, но и само это население, не только первоначальные центры управления имениями, но и самые эти управление — были беспощадно уничтожены там, где они противоречили условиям капиталистического производства в сельском хозяйстве... Все условия производства не воспринимаются в таком виде, в

Путь германского капитализма был иным. Для основного ядра будущей Германии, для Пруссии, это был путь постепенного и мучительного преобразования феодального строя в буржуазный. Прусскому помещику удалось, медленно приспособляясь к новой буржуазной среде, обуздать классы, которые могли бы плебейским способом разрешить задачи буржуазной революции в Германии. Буржуазия была вынуждена пойти на компромисс; крепостное поместье было преобразовано в юнкерское хозяйство, а раздробленная «Священная Римская империя» превратилась в спаянную железом и кровью бонапартистскую монархию.

«Прусский путь» определил не только особенности экономического и политического развития Германии, но и лицо ее официальной науки.

Только в области философии Германия первой трети XIX в. шла в авангарде человечества. Но если Гегелю удалось подняться до предельных высот, доступных буржуазной мысли, то тем разительнее выступил контраст между гегельянством и современной ему национальной практикой. Вступая в сферу общественной практики, сам Гегель превращался в ординарного чиновника прусской королевской короны. Наука, которая пыталась обобщить эту жалкую практику и руководить ею,—германская социальная наука нашла себя и утвердила, с первого же шага противополагая свои идеи идеям Великой революции, рационализма, классической экономики. Абстрактному человеку она противопоставила «исторического», буржуазному космосу — юнкерско-бюргерскую национальность, задаче решительного ниспровержения старого порядка — задачу осторожного и осмотрительного движения вперед, с непрерывной оглядкой на прошлое. Германия долго оставалась провинциальной страной по сравнению с теми странами, которые были действительными лидерами капиталистического развития. Она зависела от них, потому что отражала в уродливом виде их развитие, и в этой уродливости она справедливо видела свою национальную и историческую самобытность.

«Историзм» возникавшей германской науки праздновал свои первые победы в работах романтиков; каждый романтик был историком, независимо от того, был ли он филологом, лириче-

ложении капитала... Померанский помещик, который думает о своих наследственных марках, хозяйственных центрах, сельскохозяйственной коллегии, может поэтому хвататься за голову по поводу «неисторического» взгляда

ским поэтом, правоведом или драматургом. Общетеоретическое знамя этому направлению дал Шеллинг, провозгласивший высшим принципом человеческого творчества преклонение перед продуктом исторического прошлого.

С романтизмом теснейшим образом связана историческая школа права. Эта школа предпочла «французскому» способу ликвидации старой юридической надстройки «органически прогрессирующую науку права». Освящая именем истории власть прусского помещика, она в то же время не закрывала ему пути для «органического» переползания на капиталистический путь. Это была, по словам Маркса, «школа, узаконявшая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего».

Слова Маркса целиком приложимы и к исторической школе «национал-экономии», которая сложилась в тесной идейной связи с исторической школой права.

Основоположниками этой школы германских экономистов были Рошер, Книс, Гильдебранд. Но, по мнению Густава Шмоллера, главы второго поколения «историков», основоположники не пошли дальше общих деклараций и пожеланий; только с того времени, как работы Шмоллера и его друзей открыли «эпоху историко-хозяйственных монографий», следует датировать «новую эру в экономической науке»¹.

Шмоллерианство—детище бисмарковской Германии. В 1871 г. «революция сверху» разрешила задачу национального объединения; в 1872 г. был основан «Союз социальной политики», участники которого, с легкой руки национал-либерала Оппенгейма, получили кличку «катедер-социалистов». Свою миссию эти господа усматривали в укреплении «новой Германии». Это означало, во-первых, обоготовление прусско-полицейского государства; во-вторых,—упорную борьбу против социал-демократии под знаменем куцой социальной реформы. С недопускающей никаких сомнений ясностью изложил задачи этого течения один из столпов исторической школы, Гельд. «Так называемый катедер-социализм,— писал Гельд,— выдвинул в противовес как радикальной приверженности манчестерства к принципу *laissez faire*, так и радикальному стремлению социал-демократии к перевороту—самостоятельный принцип примирения порядка и свободы. Упрямому экономическому консерватизму и социальной революции он противопо-

¹ Schmoller, Über einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. Leipzig 1878, стр. 267.— Его же, Grundriss der allgemeinen

ставил законную, шаг за шагом (*schriftweise*) продвигающуюся вперед положительную реформу»¹.

Научные труды исторической школы должны были служить обоснованием этой истинно-бисмарковской программы². В соответствии с духом времени шмоплерианство провозгласило своим высшим принципом самый безбрежный, самый вульгарный и самодовольный эмпиризм. «Она (историческая школа) требует прежде всего историко-хозяйственных монографий,—писал Шмоплер,—связи каждого специального изыскания с его историческими корнями; ей особенно важно выяснить прежде всего возникновение отдельных хозяйственных институций, а не всего народного хозяйства или универсального мирового хозяйства. Нет нужды ставить широкие исторические проблемы: надо при помощи строгого исторического метода изучать единичное»³. Любовному исследованию этого единичного и посвятили себя экономисты исторической школы. Никогда в Германии, родине классической философии, так не третировалась теория, как в годы засилья «исторического» метода.

Главной отличительной чертой этого «исторического метода» была его... антиисторичность. Как для Савиньи и Рошера, так и для Шмоплера и его сподвижников характерно раболепное преклонение перед результатом развития и слепое игнорирование тенденции развития. Подлинный исторический метод

¹ Held, *Sozialismus, Sozialdemokratie und Sozialpolitik*, Leipzig 1878, стр. 148—149.

² Среди соратников Бисмарка нашлись такие твердолобые и панически настроенные люди, которым шмоплерианство показалось социальной опасностью; в глазах какого-нибудь фон-Трейчке катедер-социалисты были «покровителями» социал-демократии (H. von-Treitschke, *Sozialismus und seine Gegner*, Berlin 1875). Позднее вся буржуазная литература сошлась на высокоположительной оценке заслуг катедер-социалистов перед капитализмом. При этом для некоторых авторов не осталась скрытой и связь между катедер-социализмом и бисмарковским бонапартизмом. Цитируя слова Шмоплера о монархии и чиновничестве как «нейтральной силе в классовой борьбе», Момберт замечает: «это идея цезаристской социальной политики, как она формулирована в Англии, Дизраэли, во Франции—Наполеоном III... Если попытаться охватить это течение кратким наименованием, то можно его назвать консервативной социальной политикой, великим практическим представителем которой стал Бисмарк» (Paul Momber, *Geschichte der Nationalökonomie*, Jena 1927, стр. 479). См. также E. von-Philippovitch, *Das Eindringen der sozialpolitischen Ideen in die Literatur* (в коллективной работе *Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im XIX Jahrh.*, том II, раздел XXXI, стр. 1—51).

³ Schmoller, *Grundriss*, т. I, стр. 120.

революционен. Немецкий лжеисторизм был призван помочь осуществлению самого реакционного варианта капиталистического развития и одновременно крепить плотину против рабочей революции.

Гегемония исторической школы была недолговечной. 90-е годы были переломными в истории буржуазной Германии. Под оболочкой «общитой парламентскими формами деспотии» бурно вырастала индустрия, складывался монополистический капитализм. После отмены исключительных законов невиданным темпом поднималось рабочее движение, руководимое социал-демократией. Классовая борьба вступала в новый этап.

Историческая школа сыграла свою роль теоретического оруженося германской буржуазии предимпериалистической эпохи. Теперь надо было перевооружаться. На очередь стала задача поднять буржуазную «социальную науку» на новую ступень, приспособить ее к изменившейся обстановке классовой борьбы. Среди тех, кто попытался выполнить эту задачу, был Зомбарт.

II

На первых же страницах «Современного капитализма» Зомбарт почел за благо решительно отмежеваться от теоретического нигилизма исторической школы. Зомбарт чувствует «лихорадку критической нервозности», которая охватила германскую науку на рубеже XX в. Причину этого поветрия Зомбарт видит во взаимодействии столкновении «двух миров»: мира эмпирии и мира теории. Зомбарт обещает подняться над обеими крайностями, равно отвергая и «эмпириков, которым всякая теория отяготительна и даже ненавистна», и «только-теоретиков, которые утратили чуткое понимание жизни или никогда не обладали этим пониманием»¹.

Зомбарту действительно не по вкусу кропотливая и слепая возня с изолированным фактом, которая составляла существо и гордость «исторического» метода. Зомбарт нисколько не гнушается абстракций: напротив, он неутомимо теоретизирует и воздвигает одну конструкцию затейливее другой. Но на каждой ступени исследования, как только он сталкивается с проблемой соотношения теории и эмпирии, — он неизменно обнаруживает полную беспомощность.

Примером может послужить первый вариант его теории гене-

¹ Зомбарт, Современный капитализм, перев. под ред. Базарова и Степанова, изд. Скирмунта, с предисловием И. Степанова, т. I, стр. 3 и сл.

зиса капитализма. Предпосылки капитализма Зомбарт счел необходимым разделить на субъективные и объективные. К субъективным он отнес возникновение вещественного имущества и возникновение «капиталистического духа»; к объективным — благоприятный для накопления капитала правовой порядок и «экономическую возможность извлечения прибыли». Далее Зомбарт подробно исследует исторический ход нарастания «субъективных предпосылок». Выясняется, что «капитал-имущество» возник из аккумулированной городскими землевладельцами земельной ренты; выясняется, что «капиталистический дух» непостижимым образом созрел в лоне того самого ремесленного плебса, которому сам Зомбарт наотрез отказал в надежде на выход из рокового круга потребительского хозяйства. Разбор этих утверждений читатель найдет в предисловии ко второму полутому; пока что оставим их без возражений и согласимся с Зомбартом, что «хозяйствующим субъектам теперь одного не достает для реализации их планов: не достает объективных условий их деятельности».

Но здесь-то и обнаруживается, что «объективные условия» вообще не могут быть подвергнуты историческому изучению; для этого в них слишком мало... случайного. Зомбарт считает своей обязанностью «проводить резкую грань между изменением фактов в том случайном виде, какой они приняли в эмпирической действительности, и между раскрытием того закономерного хода, какой принимает хозяйство, раз эти факты даны»¹. Таким образом учение о происхождении «капитала-имущества» из накопленных рент, учение о пришествии в мир капиталистического духа — все это следует трактовать с точки зрения случайности. Покончив с «субъективными» предпосылками, мы оказались перед материалим совсем иной природы. «Субъективные» предпосылки принадлежат миру эмпирии, «объективные» — миру теории; им суждено навеки движение в различных и несопоставимых плоскостях. О том, чтобы когда-либо воссоединить эти два мира, не приходится и мечтать. Так коллизия между эмпирией и теорией, похороненная Зомбартом в предисловии, воскресла и разорвала пополам всю его концепцию.

Эта злополучная коллизия стояла поперек пути не только нашего автора. Она ставила под угрозу весь «теоретический ренессанс» германской буржуазной науки, подлинный смысл которого состоял в попытке широким фронтом дать отпор марксизму. Отвечая назревшей потребности, Макс Вебер выступил со своей

¹ Там же, стр. 366.

теорией «идеальных типов». В отличие от Зомбарта, объявившего, что конфликт между логическим и историческим отжил свой век, Вебер признал, что и «поныне абстрактно-теоретический метод с неприкрытой и на первый взгляд непреодолимой (*unüberbrückbar*) резкостью противопоставляет себя эмпирическо-историческому исследованию». Не ограничиваясь общими сетованиями, Вебер предложил методологическое орудие, при помощи которого теория могла бы обуздить непокорную эмпирию. Этой цели должен был служить «идеальный тип», конструкция, существующая только в воображении исследователя и помогающая ему теоретически осмыслять действительность¹. Неокантианская теория «идеальных типов» быстро завоевала себе популярность среди германских историков, экономистов и «социологов».

Эта теория пришла по вкусу и Зомбарту. Во втором издании «Современного капитализма» Зомбарт сам признал, что с проблемой общего и единичного он в первом варианте своего труда не справился. Зато теперь «наихудший недостаток первого издания», а именно «недопустимое смешение теоретического и эмпирически-реалистического способа исследования» Зомбарт обещает решительно устраниТЬ. С этой целью он, следя прямому указанию Вебера, строго проводит принцип *Doppelbetrachtung* через весь труд; каждое звено исследования будет трактоваться в двух планах: историческом и логическом.

Веберовская панацея не спасла второе издание «Современного капитализма» от участи первого. Раньше Зомбарт произвольно указывал отдельным проблемам их места: одной — в храме теории, другой — на торжище эмпирии. Теперь через все исследование правильно прошла зловещая трещина *Doppelbetrachtung*.

Эта двойственность сказалась и в трактовке главной категории зомбартовского произведения, категории капитализм².

Зомбарт далек от рассуждений о капитализме «вообще». Заслуга Зомбарта состоит в том, что он всегда выступал против попыток универсализации этой категории. Во всех своих работах

¹ Max Weber, Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis (Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, Tübingen 1921, стр. 190 и сл.).

² Взгляды Зомбарта на сущность капитализма изложены в наиболее компактной форме в статье «Prinzipielle Eigenart des modernen Kapitalismus» («Grundriss der Sozialökonomie», Tübingen 1925, IV, I, стр. 1—26) и в брошюре «Die Ordnung des Wirtschaftslebens» (Encyclopädie der Rechts- und Staatswissenschaft, XXXV Berlin 1925; есть русский перевод под названием «Строй хозяйственной жизни», М. 1926).

Зомбарт исходит из того, что хозяйство *in abstracto* не существует,—существует всегда «лишь совершенно определенного рода исторически особое хозяйство»¹. Политическая экономия — «историческая социальная наука». Все ее понятия суть «исторические категории». Такой категорией является и капитализм.

Взгляды, модернизирующие докапиталистическую экономику, Зомбарт считает «допотопными и недоброкачественными». Капитализм достиг своего полного развития «лишь однажды на протяжении истории человечества: в нынешнюю эпоху, в то время как в более ранние периоды налицо лишь ростки (*Ansätze*) капиталистической организации хозяйства»².

В этих утверждениях Зомбарт следует за Марксом. Но в трактовке самой категории «капитализм» Зомбарт далеко уходит от Маркса — в сторону неокантианства и вульгарной апологетики капитализма.

Зомбарт не отрицает того, что «капитализм для науки открыт Марксом и с тех пор все более становится подлинным предметом экономической науки»³. Но Зомбарту совершенно чуждо марксово понятие общественно-экономической формации. В соответствии со своим принципом *Doppelbetrachtung* это понятие Зомбарт расщепляет на два других: понятие «хозяйственной системы» и понятие «хозяйственной эпохи».

Первое из этих понятий Зомбарт считает центральным и «высшим» понятием экономической науки. Оно означает «определенную сложившийся способ хозяйствования, т. е. определенную организацию хозяйственной жизни, внутри которой господствует определенный хозяйственный образ мыслей и применяется определенная техника». Таким образом в понятии хозяйственной системы «исторически обусловленное своеобразие хозяйственной жизни связывается в логическое единство»⁴.

Для Маркса и Ленина общественно-экономическая формация — реально существующая совокупность производственных отношений, развитие которой есть естественно-исторический процесс. Для Зомбарта понятие хозяйственной системы есть лишь часть

¹ Sombart, Die Ordnung des Wirtschaftslebens, стр. 5.

² «Grundriss der Sozialökonomie», IV, I, стр. 26. — В другом месте Зомбарт, имея в виду Допша, восклицает: «Прямо-таки фантастично в применении к эпохе каролингов говорить о капитализме, если вообще придавать этому слову какой-нибудь разумный смысл!» («Der moderne Kapitalismus», изд. 2, т. II, стр. 7).

³ «Grundriss», там же, стр. 2.

технического аппарата, которым пользуется наука, желая упорядочить накопленный материал. Место реального процесса занимает «идеальный тип».

«Само понятие» (хозяйственной системы), сообщает Зомбарт, «создано мною»¹. Это заявление не вполне соответствует действительности. У Маркса Зомбарт взял идею социально-экономической формации, но принизил ее до уровня веберовского «идеального типа». В полемике с народниками Ленин блестяще показал, что только открытие объективно существующих общественно-экономических формаций, каждая из которых развивается на основе своей специфической закономерности, «впервые поставило социологию на научную почву»². Заменяя это основное понятие идеальной «утопией», Зомбарт отказывается ступить на почву научной социологии и предпочитает путь, им самим в другом месте охарактеризованный как пустопорожние формулы.

«Хозяйственная система» в толковании Зомбарта есть чисто логическая категория. Немудрено, что Зомбарт вынужден допустить существование стольких хозяйственных систем, сколько есть различных мыслимых «возможностей устройства хозяйственной жизни». Он пытается даже сочинить таблицу, замыкающую «круг этих возможностей»³.

Понятие хозяйственной системы необходимо Зомбарту-теоретику. Зомбарт-историк при «реально-эмпирическом исследовании» оперирует другим понятием — понятием хозяйственной эпохи. Под этим следует разуметь «исторический промежуток времени, в течение которого преобладала определенная хозяйственная система». Хозяйственные эпохи связаны между собою во времени; смена хозяйственных систем не подчинена никакой закономерности. Здесь есть лишь «некоторая психологическая закономерность, поскольку данная система как бы (?) имеет тенденцию выделить из себя следующую»⁴. Эта таинственная тенденция, непостижимым образом возникающая внутри хозяйственной системы (логической категории!), предназначается в концепции Зомбарта для того, чтобы заменить положение Маркса об естественно-историческом характере развития формаций.

Различию между системой и эпохой Зомбарт придает огромное значение. «Большинство систематиков хозяйственной жизни

¹ Ленин. Собр. соч. изд. 2, т. I, стр. 81.

² Sombart, Die Ordnung des Wirtschaftslebens, стр. 33.

³ Sombart, том же, стр. 34—20.

совершали ошибку, непозволительным образом связывая проблему выработки системы с проблемой разделения на хозяйственныe ступени...» Это «две совершенно различные вещи»¹. Любой объект исследования должен быть точно так же расчленен и «двойным способом» рассмотрен. «Нет ничего вреднее для правильного понимания исторических соотношений, как постоянный переход от одной плоскости к другой и смешение обеих сфер бытия: именно такой метод и понижает столь сильно научно-познавательную ценность великого творения Карла Маркса»².

Этот упрек по адресу Маркса, неоднократно повторяемый Зомбартом, довершает картину. Зомбарт как будто и не подозревает, что «конфликт», доставивший ему и его коллегам столько хлопот, давным-давно был разрешен в работах Маркса. Логический метод исследования в «Капитале» есть «тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей». Развитие хода мыслей в «Капитале» есть «не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически-последовательной форме исторического процесса, — исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым учит нас сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме»³.

«Неуклюжая кляча обыденного буржуазного разума, — писал Энгельс, — растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления». Зомбарт намеревался преодолеть ограниченность исторической школы, ликвидировав фатальный «конфликт» теории и эмпирии. На деле у Зомбарта между логическим и историческим разверзается пропасть. Иная судьба и не могла ожидать «социального теоретика» современной буржуазии. Историческая действительность — это крах капитализма и надвинув

¹ Sombart, там же, стр. 39.

² Зомбарт, Современный капитализм, т. III, полутом I, стр. XXII.

³ Энгельс, Рецензия на «К критике политической экономии». — В другом месте Энгельс и Каутский, полемизируя с Антоном Менгером, пишут «...Экономические узоры» у Маркса представляют собой... не только экономические исследования. Эти исследования носят по преимуществу исторический характер. Они показывают ход общественного развития от феодального способа производства средних веков до современного развитого капитализма, исчезновение прежних классов и классовых противоречий и образование новых классов с новыми противоположными интересами» («История марксизма», т. I, стр. 55).

шаяся вплотную пролетарская революция. Для буржуазного идеолога возвыситься до теории, которая была бы адекватна такой действительности, означало бы предать дело своего класса и перейти на сторону врага.

III

Объявив войну ползучему эмпиризму, взяв под свое покровительство теорию, Зомбарт выполнял определенный «социальный заказ». «Ввиду бесплодности исторической школы, — писал в 1904 г. Каутский, — широкие круги даже буржуазного общества начинают требовать от молодого поколения политики-экономов углубления в теорию»¹. Повинуясь этому требованию, Зомбарт время от времени «углубляется в теорию» и формулирует основы своей общей методологии.

В предисловии к первому изданию «Современного капитализма» Зомбарт поставил ребром вопрос о «последних причинах», к которым сводимы социальные события. «Единственная, подлежащая нашему рассмотрению, движущая сила хозяйственного развития — человеческая мотивация». Задача исследователя — «вскрыть преобладающие ряды мотивов, рассматривая последние как первично действующие причины». Такова «высшая заповедь» нашей науки. Базисом учения о капитализме провозглашается «историческая психология».

Но как же перекинуть мост между мотивацией и социальным фактом? Как, изучая общий ход процесса, объяснить уклонения от типического? Переходя к разрешению этих щекотливых вопросов, Зомбарт считает нужным предупредить читателя, что «интеллектуальный такт» не менее необходим социальному теоретику, чем тонкий слух — музыканту. Он неоднократно демонстрирует этот интеллектуальный такт на деле. «В какой бы степени явления, рассматриваемые как типические, ни определялись преобладающими целями руководящих субъектов хозяйства, они, конечно, в то же время представляют продукт многочисленных других факторов, деятельность которых теоретик должен принимать во внимание не менее, нежели деятельность движущих сил. Необходимо только приводить эти другие факторы в иное отношение к определяемым ими явлениям, а именно видеть в них объективные условия...» В результате «явления лучше всего будут приведены в удобообразимую систему; с другой стороны, лучше всего будет воздано должное богатству и разнообра-

¹ См., например, «Политическая и «Теория прибавочной стоимости» Маркса.

зию создаваемых жизнью форм. В построении движущих сил, как последних причин социального процесса, находит себе выражение идея единства; в полном признании объективных условий — идея специфических особенностей»¹.

Перед восхищенным читателем, не ожидавшим столь гениально простого выхода из затруднений, развертывается действительно «удобообозримая система». Целеполагание хозяйствующих субъектов объявляется первопричиной экономического процесса; но в то же время гостеприимно распахивается дверь для любого «фактора» со стороны.

Что касается «объективных условий», то Зомбарт подразделяет их на «первичные» условия и «производные». Противопоставив одни другим, он неожиданно находит воспроизведенной только что «разрешенную» проблему. В «разложении производных условий» Зомбарт храбро усматривает «одну из существеннейших задач социального теоретика». Будущий теоретик хозяйства должен будет снова «создавать длинные ряды идей, которые теперь, по-видимому, совершенно вышли из моды». Зомбарт по заслугам издается над эмпириками исторической школы, которые, как огня, боятся подобного рода «длинных рядов». Но за мужественной увертюрой следует по обыкновению конфуз. Оказывается, что свести «объективные условия к последним причинам», объяснить самые эти условия, как создание основных «движущих сил», далеко не всегда возможно. «Не подлежит ни малейшему сомнению, что не все условия хозяйственного процесса могут быть сведены к действиям первичных причин». Что же это за неразложимые феномены? Здесь, разъясняет Зомбарт, «мы имеем дело с тем, что можно назвать первичными условиями». — Такова одна из наиболее излюбленных уловок Зомбарта: в наиболее слабых пунктах аргументации появляется на выручку новоизобретенная терминология, а порой и специальные экскурсы, посвященные классификации и истолкованию терминов. Отдельные части исследования искусственно сцепляются между собой целыми гирляндами дефиниций.

Итак, «первичные условия» не подлежат влиянию «первичных причин». Эти «первичные условия» социальный теоретик должен рассматривать как априори своей науки. Пресловутый длинный ряд идей не должен быть, оказывается, чрезмерно длинным...

Зомбарт не указывает никаких признаков, по которым можно было бы выделить «первичные условия» из среды прочих. На-

¹ Зомбарт. Современный капитализм, 1 изд., т. I, стр. 13.

против, в разряд «первичных», т. е. необъяснимых явлений может попасть любое явление из любой сферы социальной жизни. «Не всякое событие государственной и духовно-культурной жизни, не всякое явление из национальной, естественно-исторической или технической области, — короче говоря, не все то, что определяет своим характером типический ход социального процесса, может быть обусловлено вышеуказанными (первичными) причинами»¹. Еще короче говоря: теоретик имеет *carte blanche*: дело решает его ничем не стесненный «интеллектуальный такт».

Так Зомбарт обеспечил себе полную свободу оперировать фактическим материалом. Но и эта неприхотливая «методология» показалась ему обременительной. В позднейших работах он сбросил с себя и эту обузу, провозгласив полное самодержавие своего «интеллектуального такта».

Впрочем еще в первом издании «Современного капитализма» Зомбарт разразился целой иеремиадой о тщете научных трудов, о вечной загадке сущего, о роковом разрыве между теорией и действительностью. Надо «покорно примириться с невозможностью». Ученый — «ужасное существо» с мертвящим дыханием, «несчастный кропатель», пытающийся «прикрывать своими пустопорожними формулами тысячу разнообразную жизнь»². Социальной науки таким образом не существует.

Эти ламентации получили дальнейшее развитие в статье «Karl Marx und die soziale Wissenschaft», появившейся в 1908 г.³ Зомбарт начинает этот крайне характерный для него этюд с навязших в зубах риккертинских разглагольствований о якобы неизбежном разрыве между науками о природе и науками о духе. Существуют ли вообще законы общественного развития? Ответ гласит: нет. О социальной закономерности хотя бы в таком урезанном виде, в каком она фигурировала в первом издании «Современного капитализма», теперь нет и речи. Социальные «законы» — не что иное, как технический аппарат для познания. Нельзя найти общее между ценообразованием и горением, между силой тяжести и стремлением к барышу. Природа в существе своем останется всегда тайной, между тем как историю мы в состоянии изучить, потому что получаем о ней сведения «из самих себя». «Кто скажет, почему земля кружится вокруг солнца? Но почему Ромео кружится вокруг Джульетты, Наполеон — вокруг Англии, спеку-

¹ Там же, стр. 15.

² Там же, стр. 18.

лянт вокруг биржи, — это я знаю, потому что сам подобное переживал»¹.

Науки об обществе и науки о природе не только различны: чем дальше, тем больше расходятся их пути. В естествознании берет верх «тенденция к обездушению и квантификации», в социальных науках — «тенденция к одушевлению и квалификации». Эти тенденции непримиримы.

Исследователь общества тоже должен делать открытия, но открывать не законы, а людей. Он может не быть великим Rechner («счетчиком»), великим «абстрагистом», но он должен быть великим Erleber («оживителем»). Социальная наука есть искусство. Преодолеть хаос общественных явлений можно только одним средством: художественно их организовать². Вот почему Маркс и Золя кажутся Зомбарту конгениальными и равновеликими.

Чем дальше, тем пестрее становится философский наряд Зомбarta, тем безудержнее его всеядный эклектизм. Во втором издании «Современного капитализма» особенно явственно сказывается влияние Макса Вебера. Вслед за Вебером Зомбарт устремляется к задаче «синтетического объединения разрозненных результатов исследования» и, подобно Веберу, надеется разрешить ее при помощи систематизирующих категорий, «идеальных типов». Но кроме Вебера не один десяток других голосов звучит в тех частях зомбартовской работы, где он предается размышлению на общие темы. «Он вообще богат по части налетных (*angeflogene*) философских рефлексий», — с дружественной снисходительностью замечает по адресу Зомбарта Трёльч³.

Эклектизм не маскируется уже никакими поисками «последних причин». Теперь Зомбарт на протяжении десятков страниц при помощи «простейших наблюдений» и лжеаксиом старательно навязывает читателю глубокомысленный тезис о «многообразной обусловленности хозяйственной жизни». Теория «мотивации» продолжает казаться Зомбарту центром его исторической концепции. На деле она становится все менее заметной в том хаосе зависимостей, который Зомбарту так и не удалось организовать. Во втором издании этот хаос еще более захлестнул работу и во многом отбросил ее на уровень вульгарной «социологической» макулатуры.

¹ Там же, стр. 434.

² Там же, стр. 442.

³ Ernst Troeltsch, Der Historismus und seine Probleme, I. Buch, Tübingen 1922, стр. 366.

Если методологические «принципы» первого издания претерпевают во втором значительные изменения, то «конструктивная» сторона работы, и в частности — теория происхождения капитализма, от этого не выигрывает. Узловые положения сплошь и рядом разжижены и обесцвечены; топорная схематика первого издания во втором становится внешне усложненной, но по существу не менее примитивной; все исследование опутано утомительной и бесплодной классификацией; теория «факторов» торжествует в ее наиболее плоском варианте; во всех углах многоярусного здания царит раздражающая суeta, и только самому автору кажется, что труд его звучит, как «симфония, построенная по строгим правилам контрапункта».

IV

У Зомбарта не только теория и эмпирия принципиально разорваны между собой, но и собственные методологические *credo* плохо вяжутся с собственными историческими построениями. Тот же Трёльч, говоря о Зомбарте, справедливо заметил, что «не следует на основании мнения самого автора о своем методе заблуждаться относительно его действительного метода»¹. Впрочем и в методологии «самого автора», как мы помним, гарантированы достаточные права его «интеллектуальному такту».

«Руководящей идеей» своего труда Зомбарт считает теорию капиталистического духа. «Хозяйство есть объективный дух»². «Капитализм вырос из глубин европейской души»³. Зомбарт уделяет в своих работах сотни страниц таинству, которое он именует «психогенезисом» капитализма. Вся хозяйственная жизнь есть лишь средство для реализации нового представления о цели; это представление формирует новую хозяйственную систему. «Капиталистическим духом мы называем, — пишет Зомбарт, — душевное настроение, сочетавшее дух предпримчивости и буржуазный дух в одно целостное единство. Этот дух и создал капитализм»⁴.

Тех, кто подозревает, что дело обстояло наоборот, Зомбарт отсылает к своей монографии «Буржуа». Там он как будто пытается объясниться до конца. Он решительно возражает против «догмы», которая видит в капиталистическом духе функцию хо-

¹ Troeltsch, Der Historismus und seine Problemen, I. Buch, стр. 366.

² Sombart, Nationalökonomie. Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 30, N. 1, 1929.

³ См. ниже, стр. 323.

⁴ См. ниже, стр. 325.

зяйственной организации, а не ее субстанцию¹. «Не рождается ли капиталистический дух из капитализма?» — задает Зомбарт законно возникающий вопрос. И категорически отвечает: «Об этом не может быть и речи»². Свой вывод Зомбарт утверждает по обыкновению в борьбе с Марксом, ожесточенно отталкиваясь от исторического материализма. «Объемом нашего знания и глубиной нашего психологического анализа» Зомбарт считает себя гарантированным от «подобных гипотез, порожденных юношеской чрезмерностью, если не остолбенелым упрямством». Он отказывается «снова впасть в то авантюристическое представление», которое рассматривает производственные отношения, как реальное основание всего социального здания³.

Таково credo Зомбарта по вопросу о капиталистическом духе. Нетрудно убедиться, что и в этом вопросе, как и во многих других, Зомбарту не раз и не два приходится пользоваться именно «авантюристическим» методом Маркса, игнорируя свои собственные credo. В надлежащих местах Зомбарт сооружает специальные лазейки, для того чтобы вырваться из слишком тесных объятий капиталистического духа и пустить в ход тот запретный метод, от применения которого наш исследователь декларативно отказывался не однажды.

Теория «множественной обусловленности» прекрасно приспособлена для подобных надобностей. Еще в первом издании Зомбарт предупреждает, что «необходима известная почва для того, чтобы идеальные мотивы могли оказать свое действие при посредстве хозяйственной политики». Конечная движущая сила хозяйственного развития — «проявление капиталистических интересов, или — что то же — стремление капитала к реализации». Такова даже «господствующая мысль этой книги» (имеется в виду второй том)⁴. Итак суверенный *spiritus capitalisticus* первого тома во втором томе неожиданно заговорил марковой прозой.

Но то было в первом варианте концепции, и Зомбарт может в свое оправдание сослаться на рецидивы «юношеской неумеренности — если не остолбенелого упрямства». Однако и в более поздних работах этот трюк с переодеванием духа повторяется десятки раз.

Даже в «Буржуа» — монографии, целиком посвященной капи-

¹ Зомбарт, Буржуа. Этуды по истории духовного развития современного экономического человека. Пред. С. Членова, М. 1924, стр. 149.

² Там же, стр. 274.

³ Там же, стр. 276.

⁴ Зомбарт, Современный капитализм, изд. 1, т. II, стр. 6.

талистическому духу,—Зомбарт обставляет свои доводы вереницей оговорок; между прочим, он ограничивает во времени компетенцию своего «духа», разъясняя, что в эпоху раннего капитализма предприниматель делает капитализм, в эпоху высоко развитого капитализма—капитализм делает предпринимателя»¹.

Во втором издании Зомбарт обеспечивает себе еще большую свободу действий. Пережевывая свою обычную идею о хозяйственной цели, которая толкает предпринимателя на его подвиги, Зомбарт заявляет: «Эта целеустановка имманентна идее капиталистической организации; получение прибыли может следовательно считаться объективной целью капиталистического хозяйства, с которой субъективная целеустановка отдельного хозяйствующего субъекта не должна непременно совпадать». Несколько смущенный, видимо, таким явным покушением на прерогативы своего *spiritus'a*, Зомбарт в специальной ремарке замечает следы и терроризирует читателя, сообщая ему, что речь идет о «сложных связях, ускользающих от обыкновенного здравого смысла»².

Зомбарт настойчиво предостерегает против всяких попыток изобразить рождение капитализма как «растительный процесс». История новой хозяйственной системы есть «история личностей». Вначале был творческий акт дерзающего одиночки. Но если бы Зомбарт вздумал последовательно проводить эту точку зрения, ему следовало бы изучать не происхождение капитализма, а жизни отдельных отцов-первокапиталистов. От подобного занятия Зомбарт благоразумно уклоняется под всякими предлогами. Немудрено, что эти эклектические выверты тревожат таких благоджелательных критиков Зомбарта, как фон-Белов, который не раз распекает нашего автора за переоценку массы, за недооценку геройской личности³.

¹ Зомбарт, Буржуа, стр. 153.

² См. ниже, стр. 316.

³ Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, изд. 2, том I, стр. 836. — Эта сторона работ Зомбарта вообще смущает его буржуазных критиков. «Он признает, что психические силы служат предпосылками нашей научной дисциплины», — разводит руками учитель Зомбарта, Шмидлер, — но «он не освободился от всех остатков представлений, заимствованных им у Маркса... а впадает в старое и отброшенное наукой заблуждение о том, что... хозяйственные процессы... можно и должно объяснить чисто экономически» (*Jahrbuch für Gesetzgebung*, 1903, N. 1, стр. 298—9). Белов высказывает удовлетворение по поводу того, что Зомбарт так решительно отвергает Маркса в вопросе о воздействии идеологии на хозяйственный процесс. Но Белову не нравится, что Зомбарт при помощи своего капиталистического

Чем дальше, тем больше линяет теория мотивации. «В двух направлениях,— пишет Зомбарт во втором томе нового здания,— можем мы проследить это (капиталистическое) развитие»: речь может ити об образовании новых материальных условий и о новой ориентировке духа. Эти два процесса Зомбарт объявляет параллельными, причем первый из них, как выясняется, «в существенном создается и определяется развитием производительных сил»¹. Здесь капиталистический дух попросту выселен в особое гетто, а экономическая история становится свободным полем для материалистического объяснения событий. Наконец, Зомбарт и вовсе выпроваживает своего *spiritus'a* за ворота: «Так как нам трудно проследить проявления капиталистического духа, мы предпочтем заняться внешней деятельностью, осадками его в хозяйственной жизни и по первому их появлению будем считать начало капитализма»². Еще решительнее он высказался совсем недавно в своем цюрихском докладе о судьбах капитализма: «Я безоговорочно признаю, что рассуждения о хозяйственном сознании, о субъективном духе представляют наиболее слабый пункт моего изложения и не могли быть иными по той простой причине, что здесь нет возможности привести какие-либо эмпирические доказательства»³.

Так беспардонно разделяется Зомбарт со своей теорией «психогенезиса» капитализма там, где она мешает ему разглядеть реальные связи капиталистического общества, которым в конце концов и посвящен его труд. И все же нашлись такие простаки, которые приняли на веру всю декламацию Зомбарта о суверенитете духа. Один глубокомысленный «социолог» додумался даже до того, что усмотрел в «Современном капитализме»... возрождение гегельянства! Зомбарт, оказывается, «не только существенно рас-
тализма, его специфичность. В этом Белов видит недопустимую уступку марксизму. Неразрывно связать определенную форму сознания с определенной системой хозяйства — не значит ли в прикрытой форме проповедывать материалистическую ересь? И Белов категорически отрицает существование капиталистического духа вообще. «Во все времена, — пишет Белов, — были люди, стремившиеся к наибольшему барышу, как во все времена были люди с противоположным характером» (von Below, *Probleme der Wirtschaftsgeschichte*, Tübingen 1920, стр. 409). Белов настаивает на том, что капиталистический дух всегда можно обнаружить и в цеховом ремесле (там же, стр. 457).

¹ Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, изд. 2, т. II, стр. 19.

² Там же, стр. 5.

³ «Буржуазные ученые о закате капитализма», М. 1929, стр. 87 и сл. «Накопление капитала зависит не от чего иного, как только от уровня производительности труда» (там же, стр. 89).

ширил марксово учение, но и снова поставил его на гегелевские ноги, поскольку он снова уделил духу решающую роль...»¹.

Считать идею капиталистического духа действительным средоточием исторической концепции Зомбарта было бы ошибкой. Но не меньшей ошибкой было бы впадать в другую крайность и объявлять ее всего-навсего стилистическим приемом, полагать, что зомбартовская теория «духа» — только «декларативный привесок», только словесная шелуха, которую достаточно отбросить, чтобы обнаружилось здоровое ядро.

Спора нет: Зомбарт ввел теорию «духа» в свои работы отчасти и для того, чтобы дурачить своих буржуазных коллег, чтобы маскировать свои заимствования у Маркса. Но есть не мало пунктов, в которых Зомбарт остается действительно верен своей «руководящей идеей». Есть черта, дальше которой он в своем вольнодумстве ступить не осмеливается. Это та черта, пе-решагнуть которую означало бы обязать себя к революционным выводам. У этого рубежа Зомбарт неизменно останавливается, выдвигая вперед как заслон свою теорию капиталистического духа. Ею он старается оградить себя от революционно-марксистской скверны; под ее прикрытием он предпринимает время от времени вылазки против «однобокости» исторического материализма.

Дело, следовательно, не только в мимикрии, дело и в существе эклектической концепции Зомбарта. Функции капиталистического духа в зомбартовской системе не только внешние; этот дух выполняет ответственные поручения и внутри самой системы. Он цементирует те ее части, которые Зомбарт не в силах соединить другими обычными для него средствами. Он является последним козырем в тех случаях, когда у Зомбарта иссякают аргументы иного порядка. Покуда исследование идет без перебоев, астральный *spiritus capitalisticus* остается в бездействии. Но как только оно приходит к трудному перевалу, одолеть который с помощью марксова метода Зомбарт не умеет или не решается,

¹ H. Lorenz-Stoltenberg, Kurzer Abriss einer Geschichte der deutschen Soziologie («Weltwirtschaftliches Archiv», B. 31, N. 1, 1930). — В достаточной мере поверхностны и «ученые» рассуждения Фехнера, посвященные теории капиталистического духа [Fechner, Der Begriff des kapitalistischen Geistes und das Schelersche Gesetz von Zusammenhang der historischen Wirkfaktoren (vergleich und Ausgleich zwischen Sombart und Max Weber) — «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», B. 63, N. 1, 1930; Der Begriff des kapitalistischen Geistes bei W. Sombart und Max Weber und die soziologische Grundkategorien Gemeinschaft und Gesellschaft — «Weltwirtschaftliches Archiv»].

ему остается прибегнуть к одному из резервированных крайних средств. И тогда — либо происходит бурное извержение терминов и дефиниций, под толстым слоем которых окончательно погребается существо изучаемой проблемы; либо выключается свет, и начинается столоворчение с вызовом капиталистического духа.

V

Мы начали с указания на то, что центральной темой зомбартовских работ является капитализм. Но есть еще одна тема, которой тоже посвящены все писания Зомбarta. Эта тема легко прощупывается под верхним слоем его изложения; она проходит сквозь все работы Зомбarta, она непрестанно коробит и возмущает изнутри поверхность этих работ и в тысячах мест прорывается наружу. Эта тема — Маркс.

Далеко позади остались времена, когда о Марксе можно было безвозвратно умалчивать или рассуждать о нем с невозмутимым тупоумием какого-нибудь Вильгельма «Фукидида» Рошера¹. Вопрос об отношении к Марксу — больное место германской буржуазной науки, и в частности исторической — там, где она пытается подняться на уровень хоть сколько-нибудь значительных обобщений. Добродушное непонимание Маркса, смешанное с известным пиететом, можно разыскать теперь только в каком-нибудь мелкобуржуазном медвежьем углу Европы; но даже и это обывательское «примиренчество» к марксизму решительно отходит после войны и революции в прошлое. Все более характерными для германской науки становятся два типа воителей против марксизма. Одни открыто питают непримиримую ненависть к Марксу; они всегда настороже и всегда готовы ринуться в бой против малейшего проблеска марксистской крамолы. Другие, напротив, не упускают случая почтительно отзоваться о гении Маркса, они готовы принять в марксизме все, что в нем есть верного и неустаревшего; не их вина, если «неверного» и «устаревшего» в марксизме так много...

* * *

Но если для всех этих людей, каким бы способом они ни пытались преодолеть марксизм, вопрос об отношении к Марксу —

¹ По мнению этого геттингенско-лейпцигского мудреца Маркс был способным человеком, но недостаточно глубокомысленным и к теоретическому анализу непригодным. Особенно недоумевал Рошер по поводу того, что в «Капитале» сюртук повидимому рассматривался как живое существо и даже вступал в беспорядочное общение со множеством других товарных тел. (Roscher, Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, München 1874 стр. 1219).

больной и всегда актуальный вопрос, то для Зомбарта этот вопрос — открытая кровоточащая рана. На всех извилинах своего исследовательского пути Зомбарт неизменно оглядывается на Маркса; он заклинает именем Маркса и проклинает это имя; он не устает поносить и возносить своего главного учителя и главного врага.

Энгельс считал величайшими открытиями Маркса материалистическое понимание истории и «разоблачение тайны капиталистического производства посредством понятия о прибавочной стоимости», — понятия, от которого «берет начало научный социализм», которое является «средоточием идей этого учения»¹. Зомбарт, который своими ранними статьями произвел даже на Энгельса впечатление первого немецкого профессора, который понял Маркса², — Зомбарт тоже превосходно знал, в чем состоит революционная сердцевина теории Маркса. Зомбарт нашел в этой теории многое для себя приемлемым, «почти» все ... за исключением этой революционной сердцевины.

«Эта скучная история об эксплоатации» вызывала его раздражение еще в первом издании «Современного капитализма». Он пытался отвергнуть самый термин «прибавочный продукт», заменив его «прибавочными результатами технического (!) труда», — и все это для того, «чтоб не породить в читателе целого ряда неправильных представлений», вытекающих из марксовой теории стоимости³. При всех замысловатых зигзагах своего дальнейшего пути Зомбарт всегда оставался верен этой своей антипатии. «Марксистский» грим, которым украсил себя Зомбарт, напугал было в начале наиболее недалеких ученых бюргеров. Но Шмoller уже в 1903 г., после выхода первого тома работы своего ученика, знал, с каким «марксистом» он имеет дело. «Зомбарт потрудился, — писал Шмoller, — так интерпретировать квинт-эссенцию марксовой теории стоимости, что ее можно совместить со здравым человеческим смыслом; остается, однако, открытым вопрос о том, что при этом уцелело от подлинного Маркса»⁴.

Но и то, что уцелело, подвергалось в дальнейших работах Зомбарта непрерывной «обработке». Оказалось, что марксова теория накопления и обнищания «ошибочна», теория концентрации и обобществления «одностороння и неполна», теория неиз-

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, М. 1928, стр. 189.

² Энгельс, Закон стоимости и норма прибыли.

³ Зомбарт, Современный капитализм, изд. I, т. 1, стр. 204—205.

⁴ Schmoller, «Jahrbuch für Gesetzgebung» usw., 1903 г., Н. 1, стр.

бежности краха капитализма «неосновательна», а стало быть, и вся теория капиталистической эволюции — «беспочвenna» (*haltlos*). Точно так же отбрасывает Зомбарт и марксову теорию кризисов¹. Сочувственно наблюдая эволюцию своего ученика, Шмoller уже в 1909 г. с удовлетворением писал на страницах своего «Jahrbuch»: «То, что Зомбарт оставил от Маркса, похоже на бесформенный торс, на тело, у которого нехватает ни рук, ни ног, и к тому же вырвано сердце»².

Зомбарту кажется чудовищной самая «мысль о возможности применить гегелевскую диалектику к эмпирическому миру». Маркс «ученически подменил» гегелевские противоречия антагонизмами (!). Материалистическая диалектика это «забавный трюк» (*schnurriges Verfahren*), если не «мистификация» или не «простое жульничество» (*kompetter Schwindel*)³.

Диалектика Маркса пугает Зомбarta прежде всего потому, что она революционна. Зомбарт не может не видеть растущего противоречия между общественным производством и индивидуальным присвоением, — противоречия, которое на наших глазах взрывает буржуазное общество. Это грозное противоречие Зомбарт силился упрятать в один из футляров своей «очищенной» от противоречий системы. Конфликт между хозяйственной целью и конечным эффектом, между «величайшим субъективным рационализмом» и «абсолютной объективной иррациональностью образования цен» — «это, — уверял Зомбарт, — антиномия совершенно безобидного свойства, без всякого «диалектического» глубокомыслия»⁴.

Взаимодействие политического и хозяйственного «факторов» Зомбарт тоже решил представить «без всякого диалектического глубокомыслия». В первом издании своего труда Зомбарт попытался подменить первоначальное накопление постепенным процессом «совершенно безобидного свойства». Это не удалось, и Зомбарту пришлось порознь принять все до одного элементы той картины, которую написал Маркс и «зловеще-кровавое» освещение которой Зомбарт безуспешно старался ослабить⁵. Но картины в целом у Зомбарта все же не получилось, и прежде всего потому, что он так и не выяснил роли классовой борьбы и наси-

¹ Sombart, *Das Lebenswerk von Karl Marx*. Jena 1909.

² Schmoller, *Karl Marx und Werner Sombart*, *Jahrbuch für Gesetzgebung usw.*, 1909, N. 3, стр. 1235—1241.

³ Sombart, *Der proletarische Sozialismus («Marxismus»)*, т. I, стр. 215—218.

⁴ Зомбарт, Современный капитализм, изд. I, т. II, стр. 58.—Ср. статью Зомбарта в *«Grundriss der Sozialökonomie»*, IV, I, стр. 9.

⁵ Там же, т. I, стр. 274.

лия в ранней истории капитализма. Зомбарт сбивается в своем изображении генезиса капитализма то в одну, то в другую сторону, рисуя этот генезис то как автоматический чисто хозяйственный процесс, то как продукт государственного гения. Зомбарт не понял и не сумел показать, как силы нового общества, созревшего в лоне старого, при помощи государственного насилия прорвали стеснявший их заколдованный круг, ускорили ход исторического процесса, сократили длительность его переходных стадий. Другими словами, Зомбарт не понял главного в первоначальном капиталистическом накоплении.

Снедаемый манией классификации, Зомбарт не преминул распортировать и формы классовой борьбы. Он показал, что революции бывают самых различных видов и категорий¹. Только одной категории революций Зомбарт не насчитал: революций исторически неизбежных и исторически необходимых. Все революции случайны и бессмысленны. Политические события вообще не влияют на экономический строй. «В особенности (!) развитие капитализма можно считать совершенно независимым от великих политических революций последнего века». Это относится к двум английским революциям, и «в еще неизмеримо большей степени» к Великой французской революции. Более того: буржуазные революции мешают развитию капитализма. «Если она (французская революция XVIII в.) и имела какое-либо значение для хода хозяйственной жизни, то вот какое: она замедлила капиталистическое развитие Франции на два поколения». Позиции капитализма были, по мнению Зомбарта, до 1789 г. прочнее, чем в 1815 и даже 1830 г. О такой «маловажной» (*be-langlos*) революции, как революция 1848 г., и говорить не приходится². Зомбарт за издержками революции отказывается видеть ее социальное значение, оценить те неизмеримые заслуги, которые она оказала его классу. Здесь наш исследователь падает до уровня тупого собственника, который количество выбитых стекол и непроданных штук товара в своей лавочонке считает окончательным балансом революции.

¹ Sombart, Die Formen des gewaltsamen sozialen Kampfes.—«Kölner Vierteljahrhefte für Soziologie», 1924, N. 1—2.—Здесь у Зомбарта в качестве основных типов революции фигурируют персональные революции, конституционные, парламентские, массовые, военные, хозяйственные и т. д. Свою «типологию революций» Зомбарт рекомендует взамен теории Маркса. Дело в том, что «Марксова теория революции настолько ошибочна и в целом и в частности», что она может рассматриваться только как «революционная легенда» (стр. 4—6).

Что уж и говорить о пролетарской революции! «Ошибкаются все те, кто ожидает насильтственного низвержения существующего хозяйственного строя и внезапного изменения основ хозяйственной жизни». «Никакой революционный акт не может заставить новую хозяйственную систему появиться на свет, хотя бы на час раньше, чем это произошло бы и без этого толчка благодаря действию внутренних (*innewohnende*) движущих сил хозяйственной жизни...»¹. Пролетарское восстание может только смять и отбросить назад хозяйственное развитие, но не в силах переделать экономику, которой предназначено изменяться «органическим», «растительным» путем.

Принципиально отвергнув марков метод материалистической диалектики, Зомбарт в этом отношении остался тверд до конца: его можно упрекнуть во многом, но никак не в «диалектическом глубокомыслии». Противоречивость исторического процесса однако оказалась далеко не «бездидной антиномией»: она на каждом шагу ставит нашего автора в тупик. Зомбарт так и не понял пределов и форм обратного воздействия «надстроечных» моментов на производственные отношения. Это послужило одной из главных причин его долголетних и тщетных поисков таинственного корня, из которого вырос капитализм. Накопление земельных рент; добыча благородных металлов; евреи; роскошь; война; жажда наживы и «экономический рационализм», — то одно, то другое, то третье кажется ему ключом к тайне. Диалектическое развитие в его целостности ни разу не отразилось в исторических построениях Зомбарта. Впоследствии он объявил, что в своих монографиях он «с полным сознанием и произвольно выдвигал вперед какую-либо одну из сторон процесса капиталистического развития». В своих «Teilstudien» он якобы свивал «отдельные нити» для будущей «цельной ткани». Но когда он эти нити, из которых каждая претендовала на то, чтобы быть Ариадниной нитью, попытался соединить в «цельную ткань», эта ткань у него распузылась под руками. Элементы, из которых, по мнению Зомбарта, возник буржуазный космос, оказались попросту нагроможденными рядом. Получилось не живое единство, а механическая и мертвая смесь.

Отказавшись от марковой диалектики, Зомбарт не в силах выполнить свое обещание: вдохнуть живую жизнь в материаль-

¹ Там же, т. III, стр. 1009; Sombart, Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert und im Anfang des XX Jahrhunderts. Eine Einführung in der Nationalökonomie, изд. 7 стр. VI

Зомбарт не видит бесконечно богатой целостности исторического процесса. Он, презрительно третирующий Rechner'ов («счетчиков»), сплошь и рядом сам оказывается в плену количеств. Он слишком часто забывает, что вопросы о содержании социально-экономических процессов не решаются арифмометром, что социология не покрывается статистикой, что успешно оперировать цифрами может лишь тот, кто видит сущность и качественные различия изучаемых форм. Связь между такими явлениями, как изменение потребностей и образование рынка, он вынужден изображать графически: это «родственные проблемы, но не тождественные; это не совпадающие, а пересекающиеся круги проблем» ...¹ Такими бесплодными чертежами пересыпаны зомбартовские труды.

Разрыв между историческим и логическим мстит за себя на каждом шагу. Беспомощный в своей надисторической систематике, где лжеаксиомы чередуются с тавтологиями, Зомбарт оказался антиисторичным и в своей генетике. Если феодальное поместье втягивалось в водоворот рынка, то это протекало якобы «в совершенно одинаковых формах во всех странах Европы». Капиталистическая работа на дому принимала везде «совершенно одинаковые формы»². Из таких примеров можно было бы составить отдельный том. Зато там, где надо уловить общее и основное в многоцветной игре явлений, там Зомбарт спешит спрятаться за «множественную обусловленность». О мыслителе такого рода писал Маркс: «Где ему удается заметить различие, он не видит единства; там, где он видит единство, он не замечает различия»³.

Упрекая марксистов в пренебрежении к эмпирии, Зомбарт сам рассыпает на страницах своего труда образцы совершенно недопустимого развязного отношения к историческому факту. Изолировав явление из общей связи, Зомбарт непринужденно мнет его своими исследовательскими щипцами, пока оно не примет достаточно «научную» форму. Живые явления попадают в учченую коллекцию Зомбарта обескровленными и обесцвеченными, наколотыми на булавки и снабженными старательно дефинированными этикетками.

Даже Шмoller счел нужным напомнить своему питомцу, что «выяснение причин более важно, чем изобретение новых терминов»⁴

¹ Sombart, Der moderne Kapitalismus, изд. 2, т. II, стр. 718.

² Sombart, Der moderne Kapitalismus, изд. 2, т. II, стр. 709.

³ Маркс, Морализирующая критика и критизирующая мораль, Сочинения, т. V, М. 1929, стр. 206.

«Маркс никогда не дефинирует¹», раздраженно восклицает Зомбарт. Но определения,— писал Энгельс,— «не имеют значения для науки», и по той простой причине, что «они всегда оказываются неудовлетворительными; единственным реальным определением является развитие самой сути дела, а оно не есть уже определение». Между тем у Зомбарта «самая суть дела» всегда обречена на четвертование. Марксисты вовсе не отрицают практической пользы терминов, определений, перечисления тех или иных характерных признаков явления. Маркс придавал огромное значение терминологии «Капитала». Широко известны классические ленинские определения, например определение империализма. Такие определения «не могут вредить, если только от них не требуют больше, чем они могут выражать»². Но зомбартовские дефиниции тем отличаются от марковых и ленинских определений, что они не рождаются из конкретного материала и не движутся вместе с ним, а растут и ветвятся независимо от него. Таких, как Зомбарт, имел в виду Маркс в своей полемике против Гейнцена. «Когда он устанавливает различающие определения,— писал Маркс,— они тотчас же окаменевают у него под руками, и он видит самую вредную софистику в стремлении так столкнуть между собою эти отдельные понятия, чтобы они вспыхнули огнем»³.

По мнению Зомбарта, Маркс хотя и мыслил «строго каузально», но «не сознавал в полном объеме» вытекающих отсюда последствий. Маркс и здесь был только несовершенным и превзойденным предтечей Зомбарта⁴. Впервые «постигший» всю глубину каузального метода, Зомбарт растерянно мечется среди следствий и причин. «Теория» новейшего направления,— пишет Зомбарт,— больше всего возлюбила такую игру, как затемнение ясных отношений или перевертывание причины и следствия⁵. Слово «теория» Зомбарт берет в саркастические кавычки, не подозревая, что внутри этих кавычек окажется и его собственная теория.

Лишенный доступа к сущности явлений, Зомбарт, наученный Риккертом и Вебером, пускает в ход суррогаты абстракции, вроде своих «системообразующих» идей; он утешает себя тем, что «без

¹ Зомбарт, цит. выше статья в «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», XXVI, 1908.

² Энгельс, Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» (Анти-Дюлинг, изд. 1928 г., стр. 341).

³ Маркс, цит. статья, стр. 206.

⁴ Зомбарт, Современный капитализм, изд. I, т. I, стр. 5.

⁵ Зомбарт, Современный капитализм, изд. I, т. I, стр. 204.

идеи догмы нет богословия, без идеи стиля — искусствознания¹. В отличие от маркса гениального проникновения в сущность исторических процессов абстракция Зомбарт — расщепляющая, мертвящая абстракция.

Так Зомбарт привел учение Маркса в «научный вид». С таким теоретическим компасом он отважился двинуться в дальний путь — изучать хозяйственную историю Европы на протяжении целого тысячелетия. Трудно бы пришлось нашему исследователю, если бы на каждом крутом повороте этого пути к нему не являлась на выручку триада дружественных ему стихий: терминологический туман; капиталистический дух; интеллектуальный такт. Эта триада и призвана, повидимому, заменить в «системе» Зомбарта материалистическую диалектику Маркса.

* * *

Так Зомбарт «очистил» марксизм от революции и диалектики. После этой операции от маркса учения остались, разумеется, одни осколки. Но именно эти осколки и пришлись Зомбарту по душе. Из них он и мастерит свою конструкцию, суетливо перетаскивая их с места на место, дробя их и комбинируя то так, то этак, заливая образовавшиеся между ними пустоты эклектической кашицей и непрестанно любуясь делом своих рук.

Зомбарт считает себя последователем Маркса, — не учеником, конечно, а преемником. Он готов стать на защиту Маркса от марксистов, этих «олухов», которые пытаются объяснить прошлое при помощи «плохо переваренного материалистического понимания истории². Он афиширует свою близость к Марксу. Он пугает филистеров тенью великого старца. «От Шмоплера, — громогласно заявляет он, — меня отделяет Карл Маркс»³.

Но от Маркса его отделяет Густав Шмоплер. Маркс с презрением третировал тупых кротов исторической школы. Напротив, Зомбарт не чувствует себя в конфликте с «историзмом», «как со всякой другой серьезной экономической теорией»⁴.

В своей монографии о войне Зомбарт попробовал декларировать свое отношение к методу Маркса. «Материалистическое понимание истории должно, наконец, перестать нам служить единственным путеводителем. Оно выполнило свои обязанности. Но

¹ Sombart, Die Ordnung des Wirtschaftslebens, стр. 5, 15.

² Sombart, Luxus und Kapitalismus, стр. 112.

³ Зомбарт, Современный капитализм, изд. I, т. I, стр. 17.

⁴ Там же.

теперь мы должны сделать новый шаг вперед». И Зомбарт расстраганно прощается с историческим материализмом, испытывая, по его словам, «те же чувства, с какими старого верного слугу отпускают на покой (*aufs Altenteil*) не потому, что он ничего не стоит, а потому только, что он состарился и ни на что путное более не пригоден; но и впредь к нему относятся с уважением. Не потому мы отказываемся от материалистического понимания истории, что мы считаем его ошибочным: оно не более ошибочно и не более правильно, чем какой бы то ни было другой единый метод понимания истории. Но оно уже больше не приносит плодов... золотоносная жила иссякла»¹. Что это, как не символ веры эклектика?

Зомбарт признал себя по ряду вопросов последователем Маркса. Но он и не подумал точно указать, что именно он почерпнул у Маркса. Напротив, он чаще всего направляет читателя по ложному следу. Охотнее всего Зомбарт ссылается на Маркса там, где ему удается извлечь точку зрения Маркса, оттенить его «старомодность» и «диллетантизм», продемонстрировать свое превосходство и эрудицию. Реже всего он ссылается на Маркса там, где эта ссылка ему кажется невыгодной, где заимствование было бы слишком очевидно или где сопоставление с Марксом могло бы снизить в глазах читателя эффект каких-нибудь конструктивных или терминологических новшеств, которыми его осчастливили Зомбарт. Кроме того, таких ссылок было бы слишком много: Маркс накренил бы в свою сторону весь именной реестр в конце каждого из томов. В таких случаях Зомбарт предпочитает подчеркнуть, что предшественников в данном вопросе он не имеет вовсе, или с серьезным видом указать, что он опирался только на какой-нибудь капитулярий (сплошь и рядом, как показала критика, сомнительный), на сонеты Петрарки, в крайнем случае — на еврейский Мидраш или на сборник индийских басен Пантшатантура — но никогда на Маркса. И это в таких вопросах, как например теория образования состояний, где всю библиографию Зомбарт ограничивает упомянутой Пантшатантрой².

Фигура умолчания не всегда однако удовлетворяет Зомбарту. Там, где он испытывает особенную необходимость оттолкнуться от Маркса, он рассыпает уничтожающие ремарки. «Марксовая глава о первоначальном накоплении была в свое время, — сообщает Зомбарт, — гениальным произведением. Теперь его изложе-

¹ Sombart, Krieg und Kapitalismus, стр. 4.

² Sombart, Der moderne Kapitalismus, изд. 2, т. I, стр. 590.

ние устарело. Мы знаем, что в нем нет почти ни одного слова, которое... находилось бы в соответствии с фактами¹. Вряд ли есть нужда комментировать это утверждение. Для понимания генезиса капитализма все писания Зомбарты и его коллег, взятые вместе, не стоят, конечно, гениальной главы Маркса². Да и чего стоили бы вообще эти писания, если бы их авторы не имели позади себя «устаревших» глав «Капитала»! Сила единственно научного метода, метода Маркса, такова, что даже изуродованный и искаженный, непоследовательно применяемый, только он и дает этим людям возможность кое-как овладеть фактическим материалом и в отдельных случаях добиться сколько-нибудь значительных результатов.

Зомбарт, крупнейший и продуктивнейший среди своих коллег, не составляет среди них в этом смысле исключения. Все ценное, что рассыпано в многочисленных трудах Зомбарты, есть не более как обоснование, иллюстрация, в лучшем случае дальнейшее развитие, очень часто—лишь популярный пересказ Маркса. Это относится не только к десяткам глав, где Зомбарт просто одевает в цифры и факты прямые указания Маркса, упустив из вида необходимость на него сослаться. Это относится и ко многим идеям и понятиям, которыми так гордится Зомбарт, к ряду «tragende Begriffe» его труда.

Противоположность между «идеей пропитания» и «идеей прибыли», между Bedarfdeckungsprinzip и Erwerbsprinzip, есть один из центральных тезисов Зомбарты; в литературе эту идею имеют нередко «зомбартовской». Здесь он впустил в свои аппар-

¹ Там же, стр. 787.

² А. Савин, обычно крайне «осторожный» в своих оценках, счел необходимым подчеркнуть «глубокую важность и значительность» именно 24-й главы «Капитала», которая, по мнению Савина, дала «наиболее известное построение английской социальной истории». «Эти 50 страниц,— писал Савин,— одно из самых влиятельных произведений исторической литературы», дающее «значительно больше, чем 10 томов Роджерса или полемика Ашли и Лидама» (А. Савин, статья в сборнике «Помощь», стр. 456—457). Шюрихский проф. Зивекинг в своих «Grundzüge» называет Маркса «одним из первых историков хозяйства», а многое из того, что создано Марксом — общим достоянием науки. Зивекинг признает, что новейшие исследования капитализма «очевидным образом вдохновлены Марксом». «Когда мы перелистываем такие книги, как работу Шаубе, работу Гайнена и — в первую голову — работу Давидсона, не кажется ли нам, — вопрошают Зивекинг, — что здесь написаны главы, над которыми Маркс поставил заголовок: «Торговый и ростовщический капитал средневековья?» («Grundzüge der Wirtschaftsgeschichte», стр. 98; см. его же статью в «Vierteljahrsschrift für Sozialpolitik», 1911, II).

таменты настоящее, живое противоречие и оно внесло, действительно некоторое движение и жизнь в мертвую конструкцию Зомбартса. Но эта «зомбартовская идея» принадлежит не Зомбарту. В «зомбартизированной» форме здесь выступает противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью — противоположность, несколько знакомая каждому читателю «Капитала».

Идею особой хозяйственной идеологии капитализма, специфического *spiritus'a*, Зомбарт считает центром своей системы. «Кроме меня самостоятельно разрабатывал эту тему только Макс Вебер»¹. Но если отбросить мистическую миссию, которой Зомбарт наделил свое детище, и оставить то ценное, что он вместе с Максом Вебером дал для понимания связи между хозяйственной жизнью и отдельными типами идеологий, — то сразу приходит на память, что до Зомбарта и Вебера существовал на свете, помимо Пантшатанты, и «Капитал». Недаром Белов, чуткий ко всему, что связано так или иначе с марксизмом (что не мешает и ему украдкой таскать запретные плоды), отказал идеи капиталистического духа в признании². В «Капитале» и других работах Маркса указаны пути к социальной подоплеке католицизма, лютеранства, пуританизма, религий Востока. В этих работах сверкают рассыпанные щедрой рукой мастера сотни драгоценных замечаний, которые могут послужить верным компасом для исследователя буржуазных идеологий. По признанию самого Зомбарта, со страниц «Капитала» глядит на нас живой образ буржуа. Краеугольный камень истории буржуазных идеологий, — науки, основателем которой мнит себя Зомбарт, — заложен в работах Маркса. Только ничтожную долю этих богатств Зомбарт заимствовал и «зомбартизировал», т. е. опошили.

VI

Омолодить путем марксистской прививки, укрепить буржуазную науку; лишить революционного жала, «расколдовать» обезвредить марксизм — такова двойная задача, которой всегда оставался верен Зомбарт.

Появившись на научно-литературной арене к началу 90-х годов, молодой «экстраординарный» профессор сразу же обратился к проблемам широко разлившегося рабочего движения, выступившего под знаменем Маркса.

¹ См. ниже, стр. 41.

² V.-Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte, стр. 409.

Зомбарта поглотила возможность поставить на службу делу своего класса и организационную мощь этого растущего гиганта и его теоретические ресурсы. Немецкий пролетариат приглашался повернуть на путь трэд-юнионов. Эта идея не блестала новизной; на германской почве она была выдвинута задолго до Зомбарта целой плеядой катедер-социалистов во главе с Брентано. Но Зомбарт уже в свой наиболее ранний период, когда он Маркса считал «блестящей путеводной звездой», а Энгельса — «другом и отцом» рабочего класса¹, — задумывался над более широким и более дерзким планом.

Зомбарт понимал, что марксизм неотделим от рабочего движения; революционная идеология пролетариата относится к росту его организаций, «как сырость — к дождю, как гром к молнии». Но он не терял надежды на то, что в рамках марксизма найдут «место почти все оттенки... более или менее устойчивого рабочего движения»². Зомбарт давным-давно додумался до той премудрости, которая позднее стала девизом II Интернационала: итти к рабочим с открытой антимарксистской проповедью нельзя; надо в самом марксизме отыскать такие «оттенки», которые гарантировали бы рабочему движению максимальную «устойчивость».

Но не только эта сторона дела привлекала молодого Зомбарта. Для него было несомненным, что перед лицом новых задач, вставших перед германской буржуазией, традиционное задопятиство Шмидлеров обречено на крах. Зомбарт понимал, что мало дезорганизовать сознание противника, — необходимо организовать сознание своего класса. Зомбарта в тот период пленила стройность и отчетливость мировоззрения Маркса. Для Зомбарта было ясно, что не беспомощную стряпню всяких Шеффле и Брентано можно противопоставить блестящему и остро отточенному оружию марксизма. Зомбарт несколько не сомневался в том, что «большинство предпринятых до сих пор попыток опровержения Маркса» — «сплошная галиматья»³. Он считал, что настоящая критика Маркса еще впереди⁴. «Ближайшая и самая настоятельная задача всякой науки, — востревоженно писал Зомбарт, — так или иначе разобраться в марксизме»⁵.

¹ Зомбарт, Фр. Энгельс, изд. 1923 г., стр. 32—33.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Sombart, Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx («Brauns Archiv», 1894, т. VII, стр. 555—594). В этой статье Зомбарт намечает подробную программу для «серьезной» критики Маркса.

⁵ Зомбарт, Фр. Энгельс, стр. 34.

На рубеже XIX и XX вв. Зомбарт метил в идеиные вожди рабочего класса. Его «Социализм и социальное движение» стал действительно одной из ходких книг в рабочих кварталах. Но пролетарские революционеры без труда разоблачили «слегка подкрашенный в марксистский цвет социал-либерализм à la Брентано и Зомбарт» (Ленин). Особенно резко и с неподдельной революционной страстью отхлестала Зомбарта Роза Люксембург¹. Меринг язвительно отдал претенциозного «фата» (Giegerl). Плеханов показал на основании самых ранних работ Зомбарта, «буржуазный характер его общественных симпатий» и «неисправимую буржуазную ограниченность, ее же не преядаши»²... Ленин, говоря о сущности марксизма, усматривал ее в «соединении революционной теории с революционной практикой, — том соединении, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом». «Зомбарты, Булгаковы, Струве, Прокоповичи и К°» советуют буржуазии отдать «благоразумно и честь-честью то, что она может (в принципе) отдать, не теряя своего господства». В Зомбарте Ленин видел представителя «модной буржуазной науки», «теоретика либерализма», «идейного вождя либерализма». Русский легальный марксизм был только филией международного зомбартизма. Как и Зомбарт, Струве (в свои лучшие годы) колебался «между Бюхером и Марксом, между либеральной и социалистической экономией»³.

Зомбарту не удалось стать теоретическим знаменем социал-реформизма. Складывавшаяся партийная и профсоюзная бюрократия в услугах Зомбарта не нуждалась. Господа Ауэры, которые в конце концов действительно вывели германскую социал-демократию на путь зомбартизма, в то время тяготились даже «дорогим Эдди» (Бернштейном); они нашли более рафинированное оружие, более надежное прикрытие в каутскианской «ортодоксии». Только война и революция окончательно раскрыли карты, и теперь зомбартизм, бернштейнианство, каутскианство — дружественные оттенки в общем фашистском и социал-фашистском лагере.

Но неудавшийся дезорганизатор пролетарского сознания, Зомбарт зато немало поработал над тем, чтобы укрепить идеиные

¹ R. Luxemburg, Die «deutsche Wissenschaft» hinter den Arbeitern. «Neue Zeit», 1900 г., стр. 740, 773, особенно 776—779. — Cp. Gesammelte Werke, том III; там же ее статья «Hohle Nüsse».

² Плеханов, Собр. соч., т. XVI, стр. 199, 202, 204.

³ Ленин, Собр. соч., изд. 2, т. II, стр. 82, 503; т. III, стр. 431, 501; т. VIII,

позиции своего собственного класса. В марксизме он прежде всего искал компас для того, чтобы не затеряться в океане фактов, по волнам которого без руля и без ветрил носились его друзья из исторической школы. «В наш век преклонения перед фактами и беспредельного эклектизма, — писал Зомбарт — ...марксизм служит нам... мощным предостерегающим маяком»... Зомбарт верил, что в борьбе с марксизмом удастся перевооружить и дисциплинировать буржуазную мысль. Он даже готов признать здесь известную закономерность: «в той мере, в какой путь исследования удален от марксизма, возрастает несистематичность, эклектизм». В самом деле, что было бы с историческими конструкциями самого Зомбарта, если бы заимствования у Маркса и борьба против Маркса не придавали все же этой рассыпанной храмине известное единство? На борьбе с марксизмом надо закаляться; но бороться с марксизмом надо, черпая энергию из него же. В этом, объявляет Зомбарт, и состоит «великая методологическая миссия социально-философской системы Маркса — Энгельса»¹. Итак, великая миссия марксизма — в том, чтобы предостерегать и ориентировать эпигонов буржуазной лженауки!

А. Тальгеймер почему-то вообразил, что Зомбарт отстоит от марксизма дальше, «чем другие буржуазные учёные Германии, будь то экономисты, историки, юристы и т. п.»². Это конечно неверно. Из всех «клопов полицейски-буржуазной университетской науки» (так Ленин называл катедер-социалистов) Зомбарт ближе всех подобрался к марксизму, — руководствуясь, впрочем, именно теми намерениями, которые присущи этой породе насекомых вообще. Идейный паразитизм — таков теперь удел самых передовых людей класса, который когда-то давал миру таких людей, как Гегель.

Зомбартизм по самой своей природе чужеяден. Зомбартизм — попытка преодолеть марксизм при помощи самого марксизма; идейно разоружив пролетариат, идейно вооружить буржуазию. Теоретические конструкции Зомбарта возникают и рушатся, как карточные домики, калейдоскопически сменяя одна другую; но сущность зомбартизма остается неизменной. Зомбартизм — не система взглядов, а научно-политическая авантюра.

Наиболее проницательные буржуа давно раскусили эту игру. Но таких ретроградов, как фон-Белов, все же пугает игра с огнем.

¹ Зомбарт, Фр. Энгельс, стр. 25—26.

² Тальгеймер, предисловие к брошюре Зомбарта «Строй хозяин».

Фон-Белова шокирует то, что Зомбарт сближает себя с Марксом, что Зомбарт оказался на ролях «наиболее одаренного поклонника Маркса в Германии». Белов рекомендует Зомбарту другие, более достойные образцы: в области конструкций — Эйхгорна, Моммсена, даже Савиньи; в области стиля — конечно, Ранке¹.

Но Зомбарт давно разуверился в целебности рекомендуемых Беловым моштей. Зомбарт в свое время рьяно обрушился на вульгарных марксоедов. В эти грозные филиппики полезно однако вслушаться повнимательнее. «Чудаки и завистники, — негодует Зомбарт, — отрицают его (Маркса) научное значение, потому что они слишком ленивы, чтобы его читать»². Дело таким образом не в зоологической ненависти фон-Беловых к пролетарскому революционеру Марксу. Не ленитесь читать Маркса, умейте читать Маркса, читайте его по моему способу — вот о чем взывал Зомбарт к своим менее храбрым коллегам, на которых нахвалило ужас самое имя Маркса. И все же он всегда видел своих настоящих соратников именно в них, а не в подлинных «поклонниках» Маркса. Зомбарт не раз твердил, что между наукой и марксистами нет ничего общего. Он третирует научную продукцию марксистов: это «бесплодный камень» (*taubes Gestein*)³. Зато «с ним (Беловым), — заявляет Зомбарт, — мы всегда охотно и легко сможем говориться».

При всем этом Зомбарт не прочь стать в позу научной сверхобъективности. Это одна из его наиболее излюбленных поз. Неутомимый апологет капитализма, он обвиняет марксизм в... апологетике. Когда-то Зомбарт соглашался с тем, что в экономической теории Маркса нет ни грана этики⁴, и даже заслужил по этому поводу одобрительное замечание Ленина. Но с тех пор как марксизм прочно «образует часть партийной программы»⁵, он стал для надпартийного Зомбарта вдвойне неприемлем. Зомбарт призывает очистить «способность суждения от уродливых примесей политической заинтересованности»⁶. Даже самое понятие «капитализм», расшифровке которого он, по собственным словам, посвятил половину жизни⁷, начинает ему казаться не со-

¹ V.-Below, Probleme der Wirtschaftsgeschichte, стр. 433, 437, 440.

² Sombart, K. Marx und die soziale Wissenschaft («Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», XXVI, 1908, стр. 429).

³ Sombart, Krieg und Kapitalismus, стр. 4.

⁴ Sombart, Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx (1894).

⁵ Sombart, Krieg und Kapitalismus, стр. 4.

⁶ Зомбарт, Современный капитализм, изд. 1, т. I, стр. 2.

⁷ «Единственные мысли о заряте капитализма», стр. 85—86.

всем благонадежным. Что касается его детища, «Современного капитализма», то это, оказывается, не более как «самодовлеющая познавательная конструкция»¹.

На деле Зомбарт конечно один из наиболее передовых и чутких бойцов своего класса. Основные этапы эволюции Зомбарта находят непосредственное объяснение в истории классовой борьбы последних сорока лет. Вся его деятельность за эти годы служит делу обороны буржуазного общества. Для нужд этой обороны его возлюбленная «страна капитализма» им прилежно «исследована, прорезана дорогами... изучена во всех своих частях»². Он внимательно следит за новыми процессами, изменяющими лицо этой «страны»; и в то же время он пытается проследить передвижения в лагере противника. В числе первых, хотя и в обычной для него парадоксальной форме, Зомбарт бьет тревогу, когда новая опасность грозит капитализму.

Зомбарт остается до конца предан этой своей «стране». Читателя не должны вводить в заблуждение мизантропические выходки нашего автора, перемежающиеся вспышки скепсиса. Зомбарт не может скрыть от себя, что «стране капитализма» грозит неминуемое землетрясение; но «неорганическая» теория крушения Зомбартом отвергнута, капитализм не может, не должен погибнуть насилиственной смертью, и Зомбарт гонит от себя прочь дурные предчувствия. Эта раздвоенность находит свое отражение в соответствующих «аллюрах стиля». Зомбарту нравится трагическая складка на лбу, и еще до войны, отвечая на вопрос о судьбах капитализма, он не прочь был повздыхать о том, что капитализм стареет, или даже загадочно вопросить: «кто знает?» не придется ли «вернуть золото Рейну?» Безликий трестированный капитал кажется Зомбарту менее импозантным, чем героический буржуа-пионер. Раствущую «бюрократизацию» капитализма Зомбарт встречает недовольной гримасой.

Но как только судьба капитализма была действительно поставлена на карту, от деланной расслабленности Зомбарта не осталось и следа. Еще в период мировой войны, когда в экстренном порядке была пересмотрена вся историческая наука для строжайшего согласования с соображениями Главной квартиры, Зомбарт с особым рвением ввязался в это дело. Его книжонка о купцах и героях вызвала омерзение даже у видавших виды австромарксистов из «Kämpf'a». Но непосредственным ответом на рево-

¹ Зомбарт, Современный капитализм, т. III, полутом I, стр. XXVIII.

² Там же, стр. 11.

люционные бури 1918—1923 гг. является его двухтомный «Пролетарский социализм».

Вряд ли во всей антимарксистской литературе есть что-либо подобное этому зловонному пасквилю. Задыхаясь от классовой ненависти, Зомбарт громоздит в кучу все нелепости, которые когда-либо и где-либо злобствующие буржуазные писаки изрыгали по адресу пролетариата и его теории. Зомбарт вынужден признать, что ортодоксальный марксизм революционен, что именно большевики «призваны воплотить в жизнь наследие Маркса», что ленинское учение о диктатуре пролетариата—целиком марксистское, и что даже ненавистная ЧК создана по заветам Бабефа, Бланки и Маркса¹. Но тем хуже и для большевиков и для Маркса. Зомбарт опустошил для биографии Маркса и для оценки его трудов весь свой арсенал площадной ругани; «одаренный поклонник Маркса» показал господам фон-Беловым, что все их антимарксистские статейки—сущие пустяки по сравнению с этим извержением.

Достойным эпилогом погромного трактата явились заключительные главы, посвященные Советской республике. Впрочем у Зомбарта наше государство—не республика, а абсолютная монархия во главе с Лениным; Октябрьская революция—взрыв «полуживотных страстей» деревни и «диких инстинктов» «голодной черни» городов; советскую систему выдумали евреи и осуществили татары²... Весь этот бред состряпан с обычным наукоподобием, снабжен библиографией, занимающей полсотни страниц, и пестрит нескончаемыми ссылками на Ивана Грозного и Платона, Отто Бауэра и братьев Карамазовых.

Превращение Зомбарта в фашиста не означало, что со старым зомбартизмом покончено, что свою специфическую функцию Зомбарт счел исчерпанной. За бурным 1923 г. последовали годы «умиротворения» и даунсизации. В работах, которые написаны после «Пролетарского социализма», Зомбарт в значительной мере придерживается своих старых приемов. Последний том «Современного капитализма» начинается и кончается данью восхищения теоретическому и историческому гению Маркса. Теперь Зомбарт при каждом случае зловеще пророчит закат капитализма. Он сожалеет только (!) о том, что гибель капитализма произойдет не по Марксу. Все будет гораздо «скучнее». Нас не ждут, увы, катастрофы; капитализму предстоит спокойная старость. Ничего не

¹ Sombart, Der proletarische Sozialismus (Marxismus), т. I, стр. 403 и сл.

² Там же, т. II, стр. 452—517.

поделаешь: «кто хочет заниматься наукой, должен покориться»¹. Этой скорбной тирадой Зомбарт завершает свой долголетний труд.

Не нужно однако особой проницательности для того, чтобы обнаружить, что Зомбарт если не сулит капитализму бессмертие, то во всяком случае не допускает и мысли об его исчезновении в течение ближайшей эпохи. Будущее хозяйство будет «пестрым» (*buntschneckig*), но в этой хозяйственной фуге непременно будет звучать и капитализм².

Эпоха преобразования капиталистического общества началась, собственно говоря, еще до войны, «Если что и изменилось с тех пор, так это общая установка (*Gesamteinstellung*): до войны главная установка была капиталистической, а половина хозяйственной жизни была организована социалистически; в будущем, может быть, основная установка будет социалистической, а половина хозяйственной жизни будет организована капиталистически»³... В этой изумительной формуле Зомбарт превзошел самого себя.

Несколько более минорно прозвучал цюрихский доклад Зомбарта о будущих судьбах капитализма. Но и на этот раз те, кто давно привык к трагическим ужимкам мэтра, не ошиблись относительно сути дела. «Нет разногласий — заявил по поводу цюрихских прений Файлер, — что будет капитализм. Это кажется мне решающим. Поздний ли, развитой ли капитализм — так или иначе капитализм». В том же духе интерпретировал суть разногласий и выступивший в Цюрихе «человек практики», финансово-индустриальный делец Зильверберг. «Я не вижу... ни одного пункта в отношении существующего хозяйственного строя... который оправдал бы конечный вывод о возможности какого-либо иного развития». Спор может ити лишь о том, какой капитализм предстоит: «капитализм барокко» или «капитализм ренессанса»⁴? Рейнсковестфальский промышленник Зильверберг верит в буржуазный «ренессанс», предоставляя своим ученым друзьям верить в «капитализм барокко»; так или иначе — капитализм!

¹ Sombart, *Der moderne Kapitalismus* (II. Auflage), т. III, стр. 1022.

² Там же, стр. 1009 — 1022. — С подобным «прогнозом» не замедлили конечно солидаризироваться социал-демократы. «Зомбарт точно рисует, не говоря об этом прямо (*verbis expressis*)», — торжествующе пишет А. Браунталь, — «почти ту же самую картину будущего хозяйства, которую теоретики социалистического движения давно изображали как картину первой фазы социализма» (*Gesellschaft*, 1928, том I, стр. 375—378).

³ Sombart, *Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert*, изд. 7, стр. V — VII.

⁴ «Буржуазные ученые о закате социализма», стр. 71.

* * *

«Всем, что есть хорошего в моей работе, я обязан духу Маркса». Это заявление Зомбартта неоспоримо. Лучшее у Зомбартта — то, что прямо взято у Маркса, примыкает к Марксу или добыто при помощи метода Маркса. По ряду вопросов Зомбартт в течение долгих лет неутомимо собирал богатейший материал, блестящее подтверждающий выводы Маркса. Опирающаяся на необъятную литературу, работа Зомбартта является ценной сводкой фактического материала, своеобразным справочником, написанным, в отличие от обычных справочников, талантливо и привлекательно. Работа Зомбартта дает историкам и экономистам импульсы к теоретической и исследовательской работе. В этом понимании не только «провоцирующая», по его собственному определению, манера Зомбартта и уж во всяком случае не те «диспозиции», которые он рекомендует вниманию своих будущих последователей. Огромный материал, собранный Зомбарттом, говорит сам за себя, заглушая порою голос автора. Благодаря этому скоплению материала самая атмосфера под сводами зомбартовского здания насыщена проблемами, о которых архитектор и не помышлял или которые он старательно обходил.

Вот почему «Современный капитализм» окажется полезным и советскому читателю. Автор, правда, притязает на совсем иное и на неизмеримо большее: на то, чтобы его работа заменила развенчанный им и «устаревший» «Капитал». У читателя-марксиста самое это сопоставление вызовет только улыбку. Пестрое, громоздкое, насспех сколоченное сооружение Зомбартта, поставленное рядом с титаническим зданием, которое воздвиг Маркс, покажется этому читателю балаганом.

Глубоко поучительна судьба зомбартизма. Зомбарт усмотрел свою миссию в том, чтобы упорядочить сознание буржуазии перед лицом наступающего врага. Заслуги Зомбартта перед своим классом бесспорны. И все же эту миссию Зомбартту выполнить не удалось. Виной тому — не только особенности самого Зомбартта, но и прежде всего — тот тупик, в котором очутился его идеально обнищавший класс. Произведение Зомбартта представляет глубокий интерес как яркое свидетельство теоретического бессилия современной буржуазии.

M. Зоркий.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Одни взгляд на оглавление показывает, что второе издание книги «Современный капитализм», два тома которой появляются четверть века спустя после выхода в свет первого издания, с иной стороны представляет собой совершенно новую работу. Из прежнего текста я едва ли использовал и десятую часть, да и эта часть в большинстве случаев излагается в совершенно иной идеиной связи.

Если я тем не менее сохранил прежнее заглавие (хотя оно мне весьма мало нравится), то я сделал это для того, чтобы показать, что основная проблема, рассмотрение которой является задачей моей работы, осталась той же самой, — и не только основная проблема, но и целый ряд руководящих идей. В остальном новое издание и по содержанию своему есть новая работа; читатель, взявшись за ее изучение, убедится в этом уже по прочтении первой главы.

Какие задачи ставит себе этот труд в его переработанном виде, я не буду пояснять в настоящем предисловии, ибо я говорю об этом в последнем разделе третьей главы «Введения». Но зато именно здесь, на пороге книги, я хотел бы обратить внимание читателя на два обстоятельства: на существенное различие нового издания от старого, и на то место, которое по моему мнению должно быть отведено этой книге в связи с особенностями ее научного задания.

* * *

Отклонения второго издания от первого заключаются главным образом в следующем:

1. Новое издание значительно расширено в смысле подбора материала. Первое издание дает лишь отрывки исторического процесса, а новое издание стремится дать общую картину хозяйственного развития европейских народов. Поэтому я начинаю свое описание с эпохи Каролингов и особенно подробно рассматриваю

эпоху раннего капитализма, т. е. XVI, XVII и XVIII вв., оставшиеся почти совершенно не освещенными в первом издании, а от них уже перешедшими к современности.

Странами, хозяйственная жизнь которых давала мне главный материал для моего описания, были Италия, Франция, Великобритания, Швейцария, Нидерланды, Германия и Австрия; Испания, Португалия, Скандинавия и Россия реже входили в круг моих исследований. Само собой разумеется, я уделил должное внимание и азиатским, африканским и американским колониям европейских стран.

Распределение материала между отдельными томами также было изменено. Первый том, наряду с общим введением, содержит в себе описание докапиталистического хозяйства и исторических основ современного капитализма. Объемистый второй том, написанный заново, посвящен изображению хозяйственной жизни в эпоху раннего капитализма. Третий том, который появится позднее, опишет капитализм в эпоху его полного развития.

2. В смысле конструкции второе издание отличается от первого гораздо большей сложностью построения. «Импровизированный дискант» заменен целой симфонией, построенной по строгим правилам контрапункта и требующей от читателя большого труда и углубления. XX глава первого тома старается дать некоторое представление о развитии основной темы, иногда очень сложном. Этот новый способ обработки материала несомненно вызовет упреки в излишней тяжеловесности и трудной усвоемости, но зато он предохранит книгу от той легкомысленной и не вдумчивой критики, которая хватается за какой-нибудь один бросающийся в глаза пункт и, характеризуя весь труд в целом, отделяется замечанием вроде того, что книга касается «теории земельной ренты» и т. п.

Я больше всего хотел бы, чтобы по изучении моей работы читатель вынес глубокое и живое ощущение неизмеримого богатства проблем, заключающихся в словах «возникновение современного капитализма». Я был бы особенно доволен, если бы отныне стали невозможны такие необоснованные «истории развития» капитализма, как, например, недавно появившаяся книга Фрица Герлиха, и если бы стало еще менее возможным, чтобы уважаемый историк вроде фон Белова в своих отзывах о таких легкомысленных сочинениях выражал «похвалу полезной работе».

Когда я в своих последних сочинениях сознательно выдвигал какую-либо одну сторону капиталистического развития, этот мой метод оставался совершенно непонятным; мудрые люди покачи-

вали головами и начинали сомневаться в здравом уме автора, который связывает развитие современного капитализма сегодня с городской земельной рентой, завтра с продукцией благородных металлов, послезавтра с евреями, затем с роскошью и, наконец, с войной. При этом совершенно упускали из виду, что дело шло о частичных исследованиях, и не видели, что я, пользуясь этим методом профессора, стремился только к тому, чтобы в каждом отдельном случае направить взгляд зрителя на одну сторону проблемы и таким образом заставить его некоторое время напряженно позиценться именно этой частичной проблемой. Теперь я связываю все эти отдельные нити в одну ткань и показываю, что в создании современного капитализма принимали участие не только те силы, о которых я говорил, но и многие другие.

3. В смысле методов второе издание пыталось по возможности устраниТЬ наихудший недостаток первого издания (который, вместе с тем мимоходом, не был отмечен ни одним из моих критиков, даже самых беспощадных, за исключением лишь Макса Вебера, часто указывавшего мне на него во время личных бесед), — именно, недопустимое смешение теоретического и эмпирическо-исторического способа исследования. Этот недостаток особенно сильно давал себя чувствовать при исследовании ремесла, но часто выявлялся и в других случаях. Ныне я обратил особенное внимание на разделение теоретической и эмпирической части при рассмотрении каждой отдельной проблемы и строго провел этот двойной способ исследования через всю работу. Об этом я подробнее говорю в III главе настоящего тома. Этому новшеству я придаю большое значение и надеюсь, что оно и в методологическом отношении принесло пользу нашей науке. Отсюда и естественно перехожу ко второму пункту, который я хотел выяснить в предисловии: к вопросу о том отношении, в каком стоит настоящий труд (и его автор) к различным «направлениям» или «школам», или «методам» политической экономии.

* * *

Тот, кто еще и теперь разделяет все направления нашей науки на «абстрактно-теоретическую» и «эмпирико-историческую» школу, будет чувствовать себя потерянным при чтении этой книги. Ибо, сколько бы он ни старался, ему никак не удастся отнести ее к той или другой из этих двух «школ», «направлений» или «методов». Но это повторяется с каждой работой наших дней, занимающейся социальной наукой и стремящейся идти по новым путям. Этому не приходится удивляться, ибо противоположение «исторической» и

«абстрактной» политической экономии потеряло или, по крайней мере, должно было бы потерять для нас всякий смысл и значение.

Если еще и теперь некоторые односторонне одаренные молодые политики-экономы говорят о «теоретическом» направлении нашей науки и сознательно противопоставляют его принципам исследования «исторической школы», то это объясняется тем, что понятие «теории» совершенно произвольно и исключительно в силу традиции приурочивается к определенному комплексу проблем. В него включаются только те проблемы, которые связаны с поддержанием и разработкой логических схем, установленных так называемыми «классиками» нашей науки, и с раскрытием «закономерности» явлений (вернее — мыслительных процессов), обнаруживаемой с помощью этих логических схем по методу изолирования.

Ценность этой так называемой «теории», в особенности метода абстракции и изолирования, автор настоящей работы признает не в меньшей мере, чем кто бы то ни было другой. Всякий, кто потрудится изучить это сочинение, в бесчисленных местах найдет применение этого метода. Для этого стоит прочесть хотя бы XXXIII главу первого тома, разработанную целиком по этому методу. Но я считаю совершенно недопустимой мысль, что подобными абстракциями и изолированием явлений исчерпывается сущность и содержание той социальной науки о хозяйственной жизни, которую называли до сих пор политической экономией или учением о народном хозяйстве, или что создание подобных конструкций предоставляет какую-то самостоятельную часть этой науки. С такой точки зрения человека, занятого исключительно вычислениями сопротивления и тому подобных свойств строительного материала, следовало бы называть архитектором, между тем как на самом деле такой человек является только частичным рабочим. Ученый, занимающийся в политической экономии только абстрагированием и изолированием, является не чем иным, как частичным рабочим, подобно тому, как таким частичным рабочим является и его противоположность — исследователь, занимающийся лишь накоплением фактов.

В настоящее время нам кажется очевидным, что только объединение этих обоих видов деятельности приводит к созданию научного политico-экономического труда; утверждать, что «теория» и «эмпирия» относятся друг к другу, как форма и содержание одного и того же объекта, представляется почти тривиальностью. (Моя мысль особенно ясно выявляется из сравнения XXXIII и XXXV глав первого тома: XXXIII глава посредством метода изоляции устанавливает «закономерную связь», «теоретически» суще-

ствующую между ценностью и ценой денег, XXXV же глава, руководясь этой схемой, рассматривает фактическое отношение между добычей благородных металлов и ценообразованием в определенную историческую эпоху.)

Впрочем, этот взгляд проводился уже главными выразителями старой так называемой «исторической» школы, а теперь он господствует у всех исследователей моего поколения, давших что-либо ценное в области нашей науки. Ни к одному из них нельзя применить старого термина «теоретик» или «историк»; все они, как правило и наиболее одаренные представители молодого поколения, являются в одно и то же время и «теоретиками» и «историками». Настоящая работа также и теоретична и исторична.

Особенностью современного подхода к научному исследованию некоторые считают то обстоятельство, что в нем «теоретические» проблемы (как в прочих науках, так и в социальных) опять выступили на первый план; на этом основании стали даже говорить о «возрождении теоретического интереса». Это совершенно верно. При этом, однако, в отношении нашей науки не следует применять слова «теория» в вышеприведенном узком смысле. Если это «возрождение теории» обозначает и для политической экономии обновление и прогресс, то уж, конечно, носителями этого прогресса отнюдь не являются те упорные люди, которые, невзирая ни на что, высоко держат знамя «абстрактного» исследования. Тот, кто в дальнейшей разработке формул Рикардо (еще раз подчеркиваю: я считаю их очень ценными и полезными, если исследователь отчетливо сознает их ограниченную познавательную ценность и твердо помнит, что все абстракции и все положения, основанные на изолировании фактов, имеют смысл только в рамках хозяйственной системы, строго ограниченной по своим историческим признакам) — тот, говорю я, кто видит задачу нашей науки в усвоении и дальнейшей разработке этой схематики понятий, несомненно может, при известной одаренности, создать полезный труд, но новатором, представителем живой мысли, реформатором он отнюдь не является. Наоборот, это — эпигон.

Так называемое возрождение теории, происходящее в нашу эпоху и совпадающее с философским возрождением, имеет совершенно другое значение. Наш век стал более философским в том отношении, что он гораздо больше, чем раньше, спрашивает о «смысле» явлений и о «смысле» их познания. Отдельные же науки и в частности социальные науки стали более теоретическими в том отношении, что они придают большую ценность, чем раньше, логической остроте, систематической проработке

материала и прежде всего синтезу отдельных научных дисциплин. В этом стремлении к синтетическому связыванию разбросанных результатов исследования я и вижу основную особенность нашего времени.

Бремя, возлагаемое на нас непрерывно накапляющимся материалом, мы ощущаем, в конце концов, как невыносимую тяжесть и стараемся по мере сил освободиться от нее. Но это достигается не тем, что мы отвращаемся от всякой «науки» и пытаемся убежать «подальше на простор», а тем, что мы стремимся оживить мертвый материал и овладеть им, одушевляя его с помощью упорядочивающих и систематических категорий. Я хотел бы, чтобы и на эту работу смотрели, как на такую попытку духовного освобождения, ибо если в ней обнаруживается особенное пристрастие к построению логических понятий и систем, то лишь потому, что с их помощью имеется в виду обработать и одушевить материал, неустанно собирающийся многими поколениями.

Праздным спором, спором о словах, является дискуссия о том, можно ли назвать разработанную в настоящем труде науку (и в других трудах, родственных ему по духу) «политической экономией» или же она представляет собой скорее социологию хозяйства или что-либо подобное. Конечно, она есть нечто совершенно иное, чем то, что представители манчестерской школы называли пятьдесят лет тому назад политической экономией, понимая под этой последней дисциплину, не отягощенную никаким историческим или философским балластом и рассматривающую злободневные экономические вопросы (другими словами — меркантильные проблемы) ради целей сегодняшнего дня, — дисциплину, являвшуюся учением здравого смысла, «наукой» о рынке для рынка, о практике для практики, деловой доктриной, которую можно назвать политической экономией секретаря торговой палаты. Я опять-таки весьма далек от того, чтобы подвергать сомнению чрезвычайно большую полезность подобного учения о рынке сегодняшнего дня. Но я решительно отрицаю, что это можно назвать наукой о человеческом хозяйстве вообще. Политическая экономия секретаря торговой палаты только пополняет собою все более и более растущий список искусственно создаваемых учений, входящих в широкий круг хозяйственных наук. Наряду с ними, в качестве центральной науки, объединяющей отдельные науки о народном хозяйстве, остается существовать и та наука, которая ставит своей задачей включение хозяйственной жизни в великий связный поток человеческого общественного бытия. А сделать это возможно только на историко-философской основе.

Мы никак не можем согласиться с тем, что наука, называемая до сих пор политической экономией, должна возвратиться к тому положению, в котором она находилась 50 лет тому назад, когда начали свою реформаторскую работу германские мастера «исторической школы» и так называемого социалистического направления, основные достижения которых должны остаться нашим прочным приобретением.

Вряд ли приходится говорить о том, что моя работа не служит никакому определенному политическому, хозяйственному или социально-политическому партийному направлению. Это разумеется само собой. За последние десятилетия и в Германии начали различать представителей нашей науки не по их научным методам и работам, а по их политическим взглядам, что очень дурно характеризует нашу эпоху и, к сожалению, напоминает американские нравы. Если так поступают представители практических интересов, то их нельзя за это особенно порицать, ибо, как таковым, им вовсе не требуется знать, что такое наука. Но крайне опасно то, что эта дурная привычка начинает распространяться и в ученых кругах. По моему мнению только несамостоятельным и по существу ненаучным людям может прийти на мысль при оценке того или иного ученого спрашивать о том, как он голосует при выборах в рейхstag, симпатизирует ли он предпринимателям или рабочим и т. п.

* * *

Моя характеристика взглядов, которыми руководилась настоящая работа, была бы неполна, если бы я не сказал несколько слов о моем отношении к историческому исследованию и историкам.

В кругах профессиональных историков считается совершенно бесспорным, что эта работа в ее первом издании является плохой и неудачной книгой. Историки со своей уничтожающей критикой были в значительной степени правы. Первое издание в отдельных своих частях содержит серьезные промахи, да и весь его способ изложения, бурный и стремительный, должен был вызвать возражения и отрицательную оценку у историков, привыкших к трудолюбивому крохоборству и выросших в строгих школьных традициях. Я надеюсь, что значительная часть тех ошибок, которые содержались в первом издании, устранена во втором.

Но я не могу согласиться с историками, что их отрицательная критика правильна во всех ее частях. Историкам, публично высказывавшимся по поводу моей книги, я ставлю в упрек не столько

враждебный тон их критики, хотя в интересах дела было бы лучше, если бы они его избегли, — тем более, что школьники ведь чувствуют себя обязанными говорить в том тоне, какой им дали учителя. Я чуть не смеялся, видя, как во многих университетах считается признаком хорошего тона, чтобы молодой доктор, изучающий какую-либо историко-хозяйственную проблему, хотя бы в самом незаметном месте своего сочиненьца непременно царапнул меня и заявил, что «само собой разумеется» он не желает иметь ничего общего с моими взглядами (которые, однако, очень часто немало помогали ему при писании его работы).

Но это в конце концов не так важно. Важнее то, что многие историки отвергают и самый способ исторического изложения, проводимый в моей работе, т. е. отвергают конструктивные обобщающие элементы моего метода. В противоположность этому взгляду я хотел бы подчеркнуть следующее. Конечно, вопрошать мир истории можно двумя способами, — либо спрашивая о том, что случилось однажды, либо интересуясь тем, что повторялось. Вопрос о единичном характере события можно назвать специфически-историческим, а вопрос о его повторяемости — социологическим. И тот и другой вопросы совершенно правомерны, и всякое историческое описание пользуется ими обоими. Смотря по объекту исследования, преобладает или тот или другой. В качестве крайних полюсов можно указать, с одной стороны, на биографию, с другой стороны, на историю быта. В истории хозяйства также уместны и та и другая постановка вопросов. Здесь тоже не существует никакого «или-или», а только «и-и». Но следует подчеркнуть, что даже сколько-нибудь плодотворная история хозяйства должна быть не только восполнена, но и обоснована изучением тех особенностей, какими занимается историко-социологическое исследование. Ибо лишь после того, как установлено, какие хозяйственные явления носят всеобщий, т. е. повторяющийся характер, можно с уверенностью сказать, в чем заключается особенность рассматриваемого комплекса проблем.

Итак, своеобразие настоящего труда заключается в том, что в нем вопрос о всеобщности хозяйственных явлений рассматривается в наиболее широких границах, какие только можно допустить. Границами этими является культурный круг южно-европейских и западно-европейских народов, ставших со времени переселения народов носителями европейской истории. Поскольку мы изучаем этот круг, вопрос снова приобретает специфически исторический характер: существует только история современного капитализма, а не история капита-

лизма вообще. Но в пределах этого культурного круга мы оставляем без рассмотрения отдельные особенности различных народов и спрашиваем лишь о том, какие хозяйствственные явления, приведшие к возникновению современного капитализма, общи всем европейским народам. Я не только считаю совершенно правильной такую постановку вопроса, но и полагаю (как я уже говорил выше), что изучение этих общеевропейских черт хозяйственного развития является необходимой предпосылкой для плодотворного исследования хозяйственных судеб более узких объединений.

Моя работа, следовательно, отнюдь не исключает социальных исследований, относящихся к целой стране или даже к отдельной деревне, а наоборот, впервые придает им настоящую ценность. Германскую, французскую, английскую и прочие истории хозяйства можно писать только тогда, когда знаешь, что такое европейская история хозяйства. Я поступал подобно математику, изъемлющему из всех величин повторяющиеся буквы, выносящему их за скобки и превращающему $ab+ac+ad\dots$ в $a(b+c+d)$; во всех отдельных историях европейского хозяйства, каждая из которых является продуктом общеевропейской и национальной почвы, я выискивал общеевропейскую ноту и прослеживал ее в ее своеобразном развитии. Всякий историк, если он над этим хорошенко подумает, должен признать, что такой метод вполне правомерен и должен существовать наряду с историческим исследованием в более узком смысле слова.

Но в то же время он должен выяснить себе и другое обстоятельство: именно, что при разрешении поставленной мною проблемы необходимо пользоваться таким научным аппаратом, какого обычно не применяет историк, разрешающий знакомые для него более узкие проблемы. Этот аппарат — искусственная схематика систематической науки о хозяйственной жизни. Только основательное теоретическое овладение всем познавательным материалом делает возможным вскрыть наиболее общие связи явлений. Историю возникновения современного капитализма может написать только политикоэконом с хорошей теоретической подготовкой, знающий также и хозяйственную жизнь современности. Конечно, такую подготовку может иметь и профессиональный историк. Но, к сожалению, в кругах историков, особенно более старых историков, такая подготовка еще не считается обязательной. Иначе был бы невозможен тот, например, факт, что такой известный исторический исследователь, как Анри Пиренн, прочел своим коллегам, собравшимся со всего земного шара (на Лондонском конгрессе историков 1913 г.) доклад о фазах развития капитализма,

свидетельствовавший о прямо-таки поразительной неосведомленности автора. Вся напряженная мыслительная работа последних десятилетий прошла мимо этого ученого совершенно незамеченной и к проблемам, мучающим нас в течение целого поколения, он отнесся с невинностью ребенка. Такой тип историков хозяйства должен совершенно сойти со сцены, ибо в противном случае мы не тронемся дальше. Что тип этот уже отчасти принадлежит прошлому, об этом свидетельствуют работы некоторых молодых историков хозяйства в различных странах, которые не отмахиваются с высокомерием от поставленных нами проблем, а, наоборот, ревностно и умело рассматривают их со своей точки зрения. Я твердо уверен, что подрастающее поколение, в том числе и историки, будет признавать работы вроде моей не бесполезными и неудачными попытками, а необходимым дополнением их собственных исследований, посвященных истории хозяйства в более узком смысле.

* * *

Я должен коснуться еще одного более второстепенного пункта: метода моего цитирования. Многие критики нападали и на это (да и на что вообще они в моей книге не нападали!). Выставленные против моих цитат возражения дают мне удобный повод вкратце охарактеризовать метод моего цитирования. Прежде всего, нападают на множество цитат, утверждая, что я слишком много цитирую того или другого автора и «обременяю» книгу чрезмерно обильным «мертвым» материалом. Я отвечу этим критикам, что по-моему я вовсе не собирал «мертвого материала», а наоборот каждая из моих цитат придает книге живость. Как увидит читатель, почти все мои цитаты — цитаты из источников, даже в тех случаях, когда они взяты из литературных обработок данного предмета. Лишь в виде исключения я привожу взгляды других исследователей, — не потому, чтобы я их низко оценивал, а потому, что я желал бы по возможности исключить из настоящей работы всякую полемику, в бесполезности которой меня убедил опыт. Цитаты из источников, нередко весьма многочисленные и по возможности дословные, я привожу для того, чтобы лучше запечатлеть в душе читателя отмеченное мною явление и заставить его интенсивно пережить изложенный отдельный случай. Только давая читателю самые яркие картины действительности, я и мог сделать сносными мои до чрезвычайности абстрактные обобщения. Я стремлюсь к тому, чтобы самое общее положение выводить из самой intimной конкретности. Поэтому я должен был давать совершенно конкретные картины, дабы затем устана-

вливать совершенно общие черты. Это делало необходимым весьма большое обилие материала. Отсюда и вытекает обременительное множество цитат.

По мнению других критиков, я цитирую слишком мало; другими словами, в том или ином месте моей работы они не находят указания на то или иное сочинение или источник. На это я отвечаю: я вполне признаю, что я не овладел всей относящейся к теме литературой. Это вообще было бы вряд ли возможно ввиду столь широкой области исследования. Поэтому я буду благодарен каждому, кто укажет мне, что там или здесь я проглядел важный источник (при том условии, если этот источник может в том или ином важном пункте исправить результат моих изысканий). Наоборот, я считаю совершенно мелочным прием, употребляемый многими, даже почтенными критиками, которые весьма недовольны, когда процитируешь двенадцать сочинений и не упомянешь тридцатого, может быть совершенно бесполезного, но зато известного данному критику. Впрочем, при той постановке проблемы, какая лежит в основе настоящей работы, полнота цитат из источников вовсе не является необходимым условием доказательности.

Многие считут недостатком моей книги то, что я пользовался только печатными источниками и не привлек к рассмотрению источников рукописных. Я напомню таким критикам, что подобную работу нельзя было бы написать, если бы я отдался архивным исследованиям. Несомненно, многие моменты европейской хозяйственной истории еще и теперь темны и выяснить их могут только архивные работы. Но уже и теперь печатные источники представляют возможность дать ясный общий обзор. Этот обзор следует попытаться дать как раз для того, чтобы сделать более плодотворными дальнейшие исследования. Изучение настоящей работы показывает, как мне кажется, какую массу новых идей дает переработка напечатанного материала источников.

Что касается самого способа моего цитирования, то многие выражали сомнение в том, сам ли я находил свои цитаты или заимствовал их из других сочинений. На это я замечу, что широко распространенную привычку (как раз у историков!) списывать цитаты у других писателей, не упоминая об этом заимствовании, я всегда считал своего рода воровством духовной собственности. В сущности следовало бы специально оговариваться всякий раз, когда указанием на тот или иной источник автор обязан другому писателю. Правда, это правило нельзя соблюдать всегда. Но научная честность безусловно требует, чтобы автор сверял с подлинником всякое приводимое другим место (или, в случае

если данного сочинения нельзя достать, сделал бы это с помощью ученика или приятеля). Этого правила я строго придерживался при писании настоящей работы.

В ученых кругах все больше и больше укрепляется другой, столь же дурной обычай—давать обзоры литературы, не знакомясь с приводимыми трудами. При современном положении нашей библиографической техники весьма нетрудно составить любой список книг, который производит на непосвященного впечатление учености, но в котором всякий, знакомый с предметом, по большей части узнает пособие, явившееся материалом для составления списка. Подобный некрасивый прием следовало бы предотвратить молчаливо соблюдаенным правилом, что в литературный обзор не вносится ни одна книга, в пригодности которой для данной цели автор не вполне убежден. Судя по моему опыту, литературные указатели полезны для читателя, в особенности для начинающего читателя, только тогда, когда они дают своего рода руководящую нить при обозрении многочисленной литературы. Поэтому я поставил себе в обязанность при указании почти всякого сочинения давать его краткую характеристику, из которой читатель мог бы составить себе приблизительное представление о том, чего именно касается данная книга.

Вступать в полемику по существу с теми критиками, которые возражали против отдельных частей моей книги, я предпочитаю в соответствующих местах текста. Критиков, потрудившихся вдуматься в общий ход моих мыслей, было не очень много. В интересах дела я желал бы, чтобы число их увеличилось по выходе в свет настоящего второго издания. В большинстве случаев, читая этих критиков, недоумеваешь, по какой причине они не сказали почти ничего дельного относительно моей книги,— по недостатку ли доброй воли, или вследствие малого понимания предмета. Но быть может, они сознательно избегали сказать что-либо значительное? В их записных книжках я хотел бы начертать слова ста-рика Гете: «От критики нельзя ни оберечься, ни оборониться; нужно действовать вопреки ей, и она мало-помалу с этим свыкнется». Можно утешаться лишь тем, что там, где в науке хозяиняет критика, очень редко прорываются родники жизни, и что живые элементы духа не может разрушить никакая критика, хотя бы и самая ожесточенная.

Вернер Зомбарт.

Сентябрь 1916 г.
Миттель-Шрейберграу на Рейне.

ВВЕДЕНИЕ

Глава I.

Основные факты хозяйственной жизни.

I. Забота о поддержании существования.

Для сохранения своей жизни человек, подобно всем живым созданиям, должен непрерывно восполнять свое индивидуальное бытие элементами материальной природы, которые он берет извне для своего потребления и которые он старается приспособить к своим нуждам. То обстоятельство, что человек, не ограничиваясь элементарными средствами существования, расширил круг своих потребностей и в образе «культурных нужд» создал целый новый мир потребительских благ, указывает лишь на различие в степени его потребностей. Ведь и мир животных нуждается в чрезвычайно многообразных благах, различных по количеству и по качеству.

Наряду со всеми прочими живыми созданиями человек поставлен перед необходимостью посвящать значительную часть своих жизненных сил на создание запаса благ, от которого зависит его жизнь. Так как окружающая его природа слишком скучна нужными ему продуктами, то он должен думать о покрытии своих потребностей, должен «заботиться о поддержании существования».

Эта забота о поддержании существования, составляющая, как мы сказали, общую характеристику всех живых существ нашей земли, проявляется как правильный круговорот, обоснованный естественными особенностями живых существ и необходимых для их потребления материальных предметов. Предметы внешней природы собираются и приспособляются к потребительской цели — птица приносит перья и устраивает из них, «строит», гнездо; этот первый акт мы называем производством. После того как блага произведены, они отправляются по своему назначению (идут в потребление) — птица питает своих птенцов принесенными ею

мухами. Этот акт мы называем актом распределения. После этого блага употребляются или потребляются: акт потребления, за которым неизбежно должен следовать снова акт производства. Таким образом, производство (созидание) — распределение—потребление («трата») повторяются все снова и снова, и будут повторяться, пока не исчезнет с нашей земли последняя искра жизни.

Все предметы внешней природы, служащие для поддержания существования, мы называем предметными благами или материальными благами (в противоположность чисто духовным, не материальным благам). Такие предметы потребления могут либо быть признанными (эффективные блага), либо не быть признанными, как таковые, хотя бы по своим материальным свойствам они были вполне пригодны для поддержания существования: шерстяная нитка всегда могла бы служить птице строительным материалом, но она была «открыта» в качестве такового лишь после того, как появился городской уклад жизни. Если материальные вещи служат непосредственному потреблению, то мы называем их потребительными благами, если же они предназначены для изготовления других благ, то мы называем их производственными благами. По примеру Карла Мангера мы именуем первые благами первого порядка, а вторые—благами высших порядков (второго, третьего и т. д.).

Всякое производство или созидание благ, как мы несколько тяжеловесно выражаемся, лежит на том, что живые существа пускают в ход свою энергию и с помощью нее формируют применительно к своим потребностям вещи или силы, имеющиеся в окружающем мире (в «природе»). Таким образом в каждом производственном акте одновременно действуют человеческий труд и природа, которые мы поэтому и можем назвать факторами производства,—первый личным, а второй вещественным фактором производства.

В каждом производственном процессе внешняя природа проявляется, во-первых, как условие труда и, во-вторых, как объект труда. В первой своей функции природа творит вещественные условия для продуктивного труда, причем условия эти могут быть либо даны естественно, как, например, земная поверхность, где помещено предприятие, воздух, являющийся для нас атмосферой, силы природы и т. д., либо искусственно приведены в такой вид, который соответствует производственным целям, как, например, помещения для работы, дороги, каналы, восковые ячейки пчел. Предмет труда есть вещь, на которую направлен труд. Предмет

труда также либо находится в готовом виде, либо сам по себе является уже продуктом. В последнем случае мы называем предмет труда сырьем материалом.

II. Техника.

В предыдущем изложении мы указывали те элементы поддержания существования, которые неизменно встречаются в каждом акте поддержания существования, кем бы он ни совершился—животными или людьми. Теперь нам следует рассмотреть те особые явления, которые свойственны человеческим заботам о поддержании существования и которые превращают их в хозяйство.

Первое обстоятельство, характерное для человеческих забот о поддержании существования,—это метод, применяемый человеком при производстве благ (остающийся одинаковым при всяком обращении человека с вещами, следовательно и при перевозке благ), применение того, что можно назвать инструментальной техникой, или, если мы ограничим смысл этого слова, техникой вообще.

Под техникой в широчайшем смысле этого слова мы понимаем все приемы, применяемые для достижения определенной цели, а следовательно под материальной или экономической техникой мы понимаем все приемы производства благ.

В частности, техническая подготовленность заключается: 1) в познании свойств окружающей нас природы. Это техническое знание охватывает целесообразное использование материалов, сил и преобразующих процессов самой природы; 2) в техническом умении. Иногда это умение проявляется только в определенном методе при выполнении той или другой деятельности. Из таких методов следует, как особенно важные, подчеркнуть два: разложение совокупной деятельности на ее отдельные составные части, выступающие после этого, как особые процессы, и объединение материалов, благодаря которому одна и та же операция выполняется сразу над целым рядом однородных предметов, а не во временной последовательности.

Иногда техническое умение развивается до инструментальной техники. Под ней я подразумеваю такой способ деятельности, при котором для достижения технического успеха применяются те или другие материальные вещи, инструменты. Поскольку мы имеем в виду производство благ, мы называем эти инструменты средствами труда, которые таким образом следуют рассматривать как третью форму участия природы в поддержании человеческого существования (наряду с предметами труда и

условиями труда, которые свойственны всем вообще заботам о поддержании существования). Все составные элементы вещественного производственного фактора можно назвать также средствами производства в широком смысле, выделяя среди них, как средства производства в узком смысле, такие элементы, которые сами являются продуктами труда. В дальнейшем изложении, поскольку не делается никаких оговорок, я буду употреблять термины «средства производства» в указанном широком смысле слова, т. е. как совокупность всех вещественных факторов производства.

Уточняя нашу терминологию, можно сказать, что средства труда (по марксовскому определению) суть вещь или комплекс вещей, помещаемые рабочим между собою и предметом труда, дабы использовать его в своих целях как средство воздействия на прочие вещи. Можно различать активные и пассивные средства труда. Под первыми Маркс понимает «механические средства труда, совокупность которых можно назвать костяком и мускульной системой производства»; это—орудия и машины, воздействующие под руководством человека на обрабатываемую материю. Другая категория средств труда играет в производстве более пассивную роль и служит резервуаром для материалов и сил, как например котлы, трубы, бочки, корзины, ведра и т. д. Это такие средства труда, «совокупность которых можно вообще назвать сосудистой системой производства».

Орудие есть такое средство труда, которое помогает человеческой работе (например швейная иголка), машина — такое средство труда, которое заменяет человеческую работу и само делает то, что без него делал бы человек (швейная машина).

Обширная литература, которая создалась по поводу этого проводимого мною различия между орудием и машиной, не побуждает меня к внесению каких бы то ни было изменений. Раз понятия обоих этих средств труда образованы и должны быть образованы для целей народнохозяйственного познания, то проводить различие между ними можно только так, как это делаю я, ибо только при таком противопоставлении главным признаком понятия окажется экономически существенный момент—отношение к процессу труда.

В применении средств труда проявляется первая наиболее существенная особенность человеческой заботы о поддержании существования. Ее можно выразить старым изречением, что человек—животное, производящее орудия (*tool making animal*).

Это выражение следует понимать не только в его поверхностном смысле, т. е. не только в том смысле, что человек (может быть совершенно случайно) пользуется средствами труда, а жи-

вотное не пользуется, но и в более глубоком смысле,—именно, что в применении орудий (под которыми здесь подразумеваются всякого рода средства труда и всякого рода оружие) ярче всего выражается свойственное человеку поведение: выполнение сознательных действий, руководимых известной целью. Еще большее значение имеет здесь то обстоятельство, что повидимому это специфическое человеческое свойство именно благодаря употреблению орудий достигло высокого развития. Ибо как раз орудие и сделало для человека возможным, а значит и необходимым стать властелином земли путем развития своих чисто духовных способностей.

III. Труд и его организация.

1. Человек живет, пользуясь своими силами. Человеческая деятельность отлична (или отличается нами) от животной деятельности в том отношении, что она является разумной деятельностью, т. е. деятельностью, руководимой целями. Человеческую деятельность, которая служит цели, вне ее находящейся, мы можем назвать трудом, противопоставляя ее игре, которая цель эту находит в себе самой.

Я пытаюсь определить понятие труда соответственно чисто объективным признакам. По моему мнению лишь в этом случае оно получит необходимую определенность, всякое же присоединение субъективных моментов неизбежно придаст ему неопределенный и колеблющийся смысл. Понятие труда по большей части устанавливается на основании понятий усилия и полезности, т. е. ценностных суждений. Но всякая попытка придать этим категориям точный и единообразный смысл должна закончиться неудачей именно потому, что они являются ценностными суждениями. Согласно моему определению трудом можно назвать и социально вредную деятельность вора, пытающегося произвести взлом, и всякое занятие, «не требующее усилий», если только оно подсказывается вне его лежащей целью.

Продуктивностью (или производительностью) труда мы называем способность труда производить в определенное время определенное количество благ, интенсивностью труда — количество энергии, истрачиваемой в определенный промежуток времени.

2. Всякий человеческий труд есть общественный труд, а потому и проблема человеческого труда всегда есть в то же время и социологическая проблема.

Всякий человеческий труд общественен в том смысле, что труд одного человека невозможен без труда другого человека. Очеловечивание людей может происходить только в рамках человеческого общества и труд даже самого одинокого человека покоятся ныне на труде всех предыдущих поколений.

Часто — и с полным правом — указывали, что когда Робинзон, лишенный всего, был выброшен на необитаемый остров (что не вполне соответствует истине, так как он во всяком случае сохранил часть одежды и еще кой- какие мелочи), то он принес с собой воспоминания о многих знаниях и способностях, которые были для него необходимым орудием в борьбе за существование и без которых он был бы не в состоянии устроить свою жизнь. Другими словами, Робинзон мыслим только как искусственный продукт тысячелетий старой культуры. Эта взаимосвязанность человеческого труда во времени существовала всегда, принимая либо чисто идеальную форму (как воспоминание), либо материальную форму — в виде продуктов труда. В каждый отдельный момент наш труд поконится на прошлых продуктах труда. Если чисто идеальная взаимосвязанность человеческого труда во времени не является исключительной особенностью человечества, а свойственна всем вообще живым существам, то материальная связанность свойственна почти исключительно человеку. В еще большей степени это можно сказать о другом виде связи, о связи в пространстве: успех человеческого труда всегда связан с трудом его прочих современников. В условиях примитивного общества труд отдельного человека становится возможным благодаря совместной работе его сородичей в той общине, в которой он живет. В настоящее время труд отдельного человека связан с трудом тысяч и десятков тысяч людей, продукты работы которых он присваивает себе посредством обмена. Если определенный труд одновременно выполняется несколькими лицами в одном и том же помещении, то это является лишь различием в степени общественного характера труда.

3. Всякая человеческая работа, являясь общественным актом, должна выполняться в определенном порядке. Всякая планомерная деятельность, связующая нескольких людей, неизбежно отличается упорядоченностью. В порядке работ объективируется план. Если мы имеем в виду порядок человеческого труда, то мы говорим об организации труда. В основе организации человеческого труда лежат два — и только два — принципа: специализация и сотрудничество. Все прочие возможности сочетания человеческого труда определенным образом являются лишь разновидностями этих обоих принципов.

Вопрос о том, следует или не следует называть эти различные возможности особыми терминами, решается каждым сообразно его личным склонностям. За последнее время Вилли Гельпах (Willy Helpach) в статье, помещенной в XXXV томе «Archiv für Sozialwissenschaften», предложил весьма детальную номенклатуру. Его отдельные термины и их подразделения го-

всячко мне очень мало и по моему мнению не выясняют, а запутывают дело. Поэтому я предпочитаю сохранить лишь две категории — специализацию и сотрудничество, — которые, как мы сказали, включают в себя все мыслимые возможности организации труда. Я считаю совершенно неудачной попытку привести объективные различия отдельных принципов организации в какую бы то ни было связь с чисто субъективными отношениями человеческой природы или человеческого сознания, или человеческого расположения или нерасположения к процессам труда. Способ воздействия определенного вида труда на человека есть совершенно самостоятельная проблема, и притом психологическая, а не социологическая.

Под специализацией я понимаю тот способ упорядочения, при котором одному и тому же работнику на долгое время поручается выполнение одинаковых и повторяющихся трудовых операций. Степень специализации может быть чрезвычайно различна. Принцип специализации на первых порах проявлялся в том, что женщины производили женскую работу, а мужчины мужскую и что кузнечные или горшечные работы выполнялись всегда определенными работниками; если в современном конфекционном промысле одна и та же работница всю свою жизнь занята только пришиванием пуговиц к мужским жилеткам, то мы имеем в данном случае лишь более широкое применение того же самого принципа. Поэтому по существу дела не имеет никакого значения, возникает ли выполняемый рабочим частичный процесс вследствие горизонтального или вертикального деления существовавшего ранее единого общего трудового процесса. Совершенно неважно, например, разделяется ли данный трудовой процесс между слесарем и кузнецом, или между кожевником и сапожником. Наконец для понятия специализации неважно, происходит ли специализация между несколькими предприятиями (о чем мы сейчас будем говорить) или в рамках одного и того же предприятия. В первом случае возникают так называемые специальные предприятия, которые весьма сильно отличаются друг от друга по степени специализации, но внутри которых нельзя установить никакой точной границы для той или иной специальности.

Кузнечное дело в целом является специальным производством по сравнению с тем общим кустарным промыслом, который некогда включал его в себя; кузнечное дело стало специализированным производством после того, как от него отделилось слесарное дело; внутри специализированного таким образом промысла производство орудий в свою очередь является специальной отраслью, в которую входит как специальная отрасль производство кос и т. д. Разумеется, при исторических исследованиях вполне допустимо принимать определенную степень специализации за нечто твердо установленное и называть предприятия, отличающиеся этой степенью специализации, «полными предприятиями», а предприятия, охватывающие лишь части этого целостного производства, «специальными предприятиями». Мы

с полным правом поступаем так, когда, например, изображаем процесс разложения старого «ремесла».

Сотрудничество есть совместная работа многих в одном общем деле, которое имеет своей целью или непосредственное потребление или изготовление определенного предмета. Если труд не специализирован, то сотрудничество может иметь место, если он специализирован, оно неизбежно должно происходить, ибо только при этом условии становится возможным необходимое объединение частичных работ. Совершенно ясно, что сотрудничество специализация стоят друг к другу в том же самом отношении, в каком в органическом мире или в математике стоят друг к другу интегрирование и дифференцирование. Ничто не мешает применить эти термины и к организации человеческого труда, если только мы будем твердо помнить чисто образный характер этих выражений, заимствованных из совершенно других миров.

4. Когда мы представляем себе великий феномен человеческого труда, как результат разумной деятельности, тысячи различных частичных действий складываются во внутренне-связанные единства вследствие общей зависимости их от определенного трудового плана. В нашем представлении мир труда расчленяется на столько же внутренне-целостных трудовых процессов, сколько существует трудовых планов. Когда связь отдельных действий продолжается долгое время и, достигши более высокой ступени, превращается в единое целое, возникает предприятие. Точнее говоря, предприятиями можно назвать учреждения, организованные с целью непрерывного выполнения работы.

Если то или иное лицо одно выполняет данную работу и, осуществляя ее, создает предприятие, то для регулирования его деятельности и для упорядочения и поддержания предприятия достаточно чисто субъективного плана. Но как только несколько лиц объединяются для совместного труда, план этот неизбежно должен объективироваться в виде известного распорядка. Ибо для того, чтобы деятельность отдельного лица планомерно сочеталась с общей работой, она должна осуществляться непременно в должном месте, в должное время и должным образом. В связи с этим возникает распорядок предприятия, все равно в мысленной, или в устной, или в письменной форме; распорядок этот может подразумеваться сам собой, может быть составлен в определенных выражениях, может вытекать из собственной воли отдельных органов трудового процесса или быть навязан им со стороны. Все это не имеет значения, — достаточно того, что он существует,

Мы можем сказать, что общей задачей распорядка предприятия является целесообразное сочетание отдельных производственных факторов в единое целое путем правильного распределения их деятельности в пространстве и времени. В частности, распорядок предприятия сводится к следующим пунктам, в каждом из которых должно обнаруживаться упорядоченное единство, дабы мы могли говорить об одном предприятии:

а) подготовка к трудовому процессу; сюда относится право распоряжаться приемом, размещением и увольнением рабочих, их качественным и количественным подбором, а также мастерскими и средствами труда, необходимыми для производства;

б) оформление трудового процесса, т. е. определение места и времени, где и когда должна производиться работа;

в) выполнение трудового процесса, т. е. принятие мер к фактическому исполнению предначертанного плана, к тому, чтобы трудовой процесс протекал согласно выработанным предписаниям. Другими словами, руководство должно также носить единый характер, внешне проявляющийся в тожестве руководящих и надзирающих органов¹.

Вопрос о том, что такое предприятие, задавался часто и получал весьма различные ответы. Мы поступим всего правильнее, если мы будем усматривать единство предприятия в единстве его распорядка. Это единство может быть обусловлено либо самим предметом (объективное или производственное единство), либо произвольной целеустановкой самого работающего (субъективное единство или единство цели). При одном и том же цикле работ цель может быть различна.

«Цель действующего может быть одна, а цель самого его создания—другая,—так например, целью архитектора может быть денежная выгода, но целью строительства является дом» (св. Фома).

Это различие чрезвычайно важно для капиталистического хозяйства, где цель действующего субъекта и цель самого дела никогда не совпадают. Ранее я называл единство, создаваемое первой целью, хозяйством, а единство, создаваемое второй—предприятием, характеризуя первый вид единства, как общность хозяйственного использования, а второй, как производственную общность. Но лучше образовать одно высшее понятие—понятие предприятия—и внутри этого последнего провести границу между

¹ Подробности см. в первом издании настоящего труда и в статье, помещенной в «Archiv», т. XXXVII, стр. 12 и сл.

предприятием в хозяйственном смысле этого слова (*Wirtschaftsbetrieb* или *Verwertungsbetrieb*) и предприятием в производственном смысле (*Werkbetrieb*)¹.

5. Различные формы, принимаемые предприятиями, лучше всего выясняются для нас в своем своеобразии, если в качестве отличающего их признака мы выберем своеобразные сочетания производственных факторов, прежде всего стараясь представить себе отношение отдельного рабочего к общему процессу и общему продукту труда. Ибо при оформлении предприятий все своеобразие их выражается в конечном счете в особом характере этого отношения. Отношение рабочего к его работе по существу может быть двойкое. В одних случаях работа и ее результат принадлежат нераздельно одному индивидууму, являются видимым выражением его собственной исключительно личной деятельности, а потому и сами они носят индивидуальный и личный характер (разумеется, поскольку дело идет об одной и той же работе, выполняемой в рамках одного предприятия). В других случаях работа и ее результат представляют собой продукт деятельности многих, — продукт, отдельные части которого нельзя отличить друг от друга, как произведенные определенным индивидуумом; работа и ее результат существуют только как общая работа и общий результат и носят поэтому не личный, не индивидуальный, а коллективный, общественный характер. Поэтому предприятия можно подразделить на две группы — на индивидуальные и на общественные предприятия, в зависимости от того, является ли их продукт результатом труда одного рабочего, или результатом труда совокупности рабочих.

О труде одного рабочего можно говорить, в сущности, лишь тогда, когда мы имеем перед собой единоличное предприятие. Но к числу индивидуальных предприятий можно причислить и такие, где работает бок-о-бок пара рабочих, выполняющих каждый особую операцию, или где работа выполняется главным рабочим с помощью нескольких подсобных лиц: их можно назвать предприятиями с подсобным трудом. В зависимости от числа занятых лиц (единственный критерий, известный статистике) индивидуальные предприятия принадлежат либо к категории «мелких», либо к категории «средних» предприятий. Обще-

¹ При полной невозможности адекватно передать на русском языке эти немецкие выражения, мы в некоторых случаях будем оставлять слово «предприятие» для *Wirtschaftsbetrieb* и переводить *Werkbetrieb* архаическим термином «заведение». Прим. ред. русского перев.

ственныe предприятия по большей части являются «крупными» предприятиями.

Среди общественных крупных предприятий мы различаем, в особенности в области промышленного производства, мануфактуру и фабрику.

Мануфактурой я называю такое общественное крупное предприятие, в котором существенные части производственного процесса выполняются посредством ручной работы. Фабрикой я называю такое общественное крупное предприятие, в котором наиболее важные части производственного процесса стали независимыми от оформляющего содействия рабочего и переданы самостоятельно действующей системе безжизненных тел. Особая функция этих последних заключается в том, чтобы все более и более совершенно преодолевать качественную и количественную ограниченность сил индивидуального рабочего, путем введения в производство машин и научных способов химической обработки. Поэтому при подобных условиях для развития индивидуально-личных сторон труда не остается более места¹.

Хозяйственное предприятие принимает особые формы, которые я называю формами хозяйства.

IV. Хозяйство.

Хозяйством называется забота человека о поддержании своего существования. Поэтому в каждом хозяйстве мы встретим следующие особенности:

1) Определенный хозяйственный образ мыслей, под которым я подразумеваю все духовные моменты, определяющие отдельные виды хозяйственной деятельности, т. е. все оценки, целеустановки и максимы, одушевляющие ведущих хозяйство людей, называемых нами хозяйствующими субъектами. Хозяйственный образ мыслей хозяйствующих субъектов объективируется в хозяйственных принципах.

2) Определенная техника, т. е. определенные приемы, которыми пользуются хозяйствующие субъекты для осуществления своих целей.

3) Определенная организация труда, т. е. определенный порядок, которому подчиняются все отдельные хозяйственные мероприятия.

¹ Проблему форм предприятия я рассмотрел более подробно в первом издании настоящего труда и в вышеупомянутой статье в «Archiv». Там же я ответил и на возражения против моей систематики, делавшиеся в возникшей по этому поводу литературе.

Глава II.

Многообразие хозяйства и его обусловленность.

1. Многообразие хозяйственной жизни.

Краткое обозрение хозяйственных процессов современной нам действительности и рассмотрение хозяйственной жизни прошлых времен убеждают нас в том, что хотя люди вели хозяйство повсюду и во все времена, и во всяком человеческом хозяйстве повторяется один и тот же ряд основных фактов, тем не менее приходится признать, что формы, в которых проявляется хозяйственная жизнь, отличаются крайним разнообразием в зависимости от места и времени. Если мы ближе присмотримся к фактам и несколько подумаем над ними, мы убедимся, что это различие вытекает из различия тех форм, в каких проявляются три основные факта, характерные для человеческого хозяйства. Попытаемся представить себе, какие возможности раскрываются в этом отношении¹.

1. **Хозяйственные принципы.** Прежде всего различия возникают вследствие различной целеустановки хозяйствующих субъектов. При этом можно отметить два существенно различных вида целеустановки. Люди стремятся или к созданию запаса потребительных благ, точно установленного и в смысле количества, и в смысле качества, т. е. стремятся удовлетворить свои естественные нужды, или же они ставят своей задачей извлечение выгоды, т. е. стараются путем своей хозяйственной деятельности получить возможно большую сумму денег. Можно сказать, что в первом случае их действия диктуются принципом покрытия потребности, а во втором случае — принципом наживы.

¹ Здесь мы даем только схемы возможностей и описываем их вкратце. «Различные возможности» подробно описываются в надлежащих местах.

Различие хозяйственных принципов вытекает далее из различных способов ведения хозяйства. Хозяйство можно вести или традиционно, или рационалистически. Традиционное ведение хозяйства имеет место тогда, когда оно поконится на слепом выполнении переданных от прошлого правил, рационалистическое, — когда оно строится на сознательном желании подчинить все мероприятия принципу целесообразности.

2. Техника. Наблюдаемые в ней различия также вызываются прежде всего противоположностью двух методов — рационального и эмпирического. Если достижение конечного технического результата происходит под влиянием разумных и сознательных соображений целесообразности, то мы говорим о рациональном методе, который можно назвать научным методом, если он обосновывается причинным объяснением естественных процессов; если, наоборот, техническое умение поконится только на ловких приемах, переданных по наследству и применяемых без критики, то этот метод мы называем эмпирическим.

3. Организация. Если мы представим себе все возможные распорядки и учреждения, создаваемые организацией хозяйства, то перед нами раскроется чрезвычайно пестрая картина. Организация хозяйства определяет:

а) Способ, каким привлекаются к производительной деятельности необходимые для производства факторы — средства производства и рабочие силы. Так, например, иногда рабочие силы составляются из принадлежащих к семье лиц и работают по приказу главы семьи; иногда рабочая сила берется со стороны насилиственным порядком; иногда ее ставят на работу государственная власть, существующая в обществе свободных людей; иногда рабочие уговариваются о совместной работе, как равноправные соратники: иногда они покупаются на рынке, как товар, иногда нанимаются в качестве помощников за определенное вознаграждение, которое в некоторых случаях точно определяется властями и т. д.

б) Способ, каким занятые в производстве люди оказывают влияние на его формы и общий ход. Руководитель производства есть, конечно, хозяйствующий субъект. Но отношение к нему остальных участников производства может быть чрезвычайно различным, и взаимоотношения между руководителем и руководимыми могут принимать и действительно принимают самый разнообразный характер, начиная от неограниченного деспотизма и кончая самой свободной демократической конституцией.

в) Способ, каким используется продукт: иногда он до-

ставляется за определенное вознаграждение заказчиком, иногда он продается на рынке, иногда он потребляется в хозяйстве самого производителя, иногда он сдается на ферму или в аббатство, иногда отправляется в государственный магазин и т. д.

г) Способ участия работающих в производствелиц в распределении производственного дохода: иногда такого участия совершенно нет, — например при барщинной работе крестьян, выполняющих ее в качестве повинности; иногда оно выражается в получении части дохода, иногда в получении определенной суммы ценностей, исчисляемой независимо от дохода (натурой или деньгами); иногда участие это определяется молчаливым соглашением, иногда определено составленным свободным договором, иногда нормами, введенными правительством и т. д.

д) Способ организации трудового процесса; трудовой процесс может вестись в мелких предприятиях, в крупных предприятиях и т. д.

е) Способ, каким определяется форма хозяйства.

II. Обусловленность хозяйственной жизни.

Столь же простые соображения приводят нас к выводу, что своеобразный вид, который принимает хозяйственная жизнь, зависит от выполнения определенных условий, другими словами, что определенная хозяйственная жизнь строится на основе известного количества духовных и материальных, естественных и искусственных данностей.

Условия хозяйственной жизни либо гомогенны, либо гетерогенны. Гомогенные явления, — это те, которые благоприятствуют осуществлению целей, доминирующих у хозяйствующих субъектов. Наоборот, гетерогенными явлениями я называю такие, которые ставят препятствия достижению целей, руководящих хозяйствующими субъектами.

По своей природе условия эти могут быть естественными или культурными, в зависимости от того, даны ли они человеку природой или созданы им самим.

Земля и народ — вот две сферы, в которых проявляются естественные условия.

Земля может оказывать определяющее влияние на уклад хозяйственной жизни своеобразием почвенных продуктов — пригодных для лици растений или минералов, далее, своим климатом, географическим положением, очертаниями поверхности.

Народ, конечно, в значительной степени является созданием человеческой истории и его особенности должны быть поэтому

отнесены к числу культурных условий хозяйственной жизни. Но для всякой культуры он представляет собою нечто, данное от природы, и потому является в то же время естественным условием (чрезвычайно важным). Население оказывает влияние на уклад хозяйственной жизни, с одной стороны, в силу свойственных ему расовых особенностей, мировоззрения, работоспособности и темперамента, с другой — в силу свойственных ему количественных соотношений, проявляющихся в плотности населения, его возрастном составе и его норме прироста.

«Культурные условия» столь же многообразны, сколь многообразны формы культуры. Систематизируя, их можно свести к следующим:

1. Условия объективной культуры, т. е. всякой культуры, существование которой не зависит от индивидуума и выходит за рамки единичных жизней, ибо оно объективируется в каком-либо предмете, имеющем иногда только значение символа, как например национальное знамя или статуя монарха.

Объективная культура выражается поэтому в определенном культурном достоянии, которое может носить:

1. Материальный характер. Материальное культурное достояние образуется из совокупности вещественных благ, находящихся в распоряжении того или другого человеческого общества.

2. Идеальный характер. Идеальное культурное достояние связано с тем или иным вещественным благом как со своим материальным субстратом, но оно не ограничено этим субстратом и имеет самостоятельное значение как духовное достояние.

Идеальное культурное достояние может быть двоякого рода. С одной стороны, в эту категорию входит то, что я называю институциональной культурой (*institutionelle Kultur*), с другой стороны, так называемая духовная культура.

1. Институциональная культура (ради простоты мы заменяем словом «культура» выражение «культурное достояние») заключается в тех порядках, учреждениях и организационных формах, которыми пользуется народ. Они объективируются в документах, касающихся общественного строя, законах, религиозных системах, правилах фабричного распорядка, цеховых статутах, таможенных, тарифах и т. д., указывающих людям, каким образом они должны регулировать свои взаимоотношения. Внутри всей вообще институциональной культуры мы различаем четыре важных комплекса, в которых тысячелетия отложили и накопили свой опыт: а) государство, б) церковь, в) хозяйство и г) обычай.

2. Духовная культура, поскольку она представляет собою культурное достояние, складывается из всего того идеального культурного достояния, которое не исчерпывается теми или иными постановлениями. Сюда относятся, следовательно, всякого рода идеалы, оценки, стремления и т. д. Сильное чувство государственности, глубокое религиозное настроение, гуманное мировоззрение или алчный дух мимоны, — все это есть составная часть культурного достояния народа.

Сюда же относится и все то, что обычно исключительно имеют в виду, когда говорят о духовном культурном достоянии народа: достижения науки и искусства, которыми данный народ пользуется.

Сюда относятся также технические познания и технические навыки, имеющие столь большое значение для формирования хозяйственной жизни.

Этой объективной культуре противостоит то, что можно назвать:

Б. Личной культурой, культурой собственной личности. Она заключается в использовании живым человеком культурных благ. Благодаря ей «складывается» сам этот человек; она его неотъемлемая личная собственность, она возникает вместе с ним и через него и вместе с ним умирает. Культура личности может быть: 1) телесной культурой или 2) душевной культурой. К первой относится спортивная тренировка тела, чистота, изящество одежды и т. д., между тем как душевная культура личности находит свое выражение в моральном, интеллектуальном или эстетическом совершенствовании индивидуума. Ясно, что между объективной культурой и субъективной культурой могут разверзаться целые пропасти и что одна и та же объективная культура — например владение определенными научными или художественными сокровищами — может весьма различно отражаться на культуре личности. Это различие может быть качественным — в зависимости от различного влияния, которое оказывает на человека использование им культурных благ, или количественным, в зависимости от более или менее широкого круга лиц, принимающих участие в благах объективной культуры.

Когда мы говорим о культуре народа, то мы имеем в виду как совокупность его «объективного» культурного достояния, так и степень развития и своеобразный характер личной культуры, отличающей людей данного народа. Кроме того имеется еще и нечто третье, приходящее нам на ум, особенно когда мы говорим о культуре определенной «эпохи», — нечто такое, что как бы сочетает в одно объективную и субъективную культуру, сущ-

ствует и выражается только в них и в то же время является чем-то другим, существующим параллельно с ними.

В. Совокупность всех культурных явлений, которые мы мысленно сочетаем в некое единство и характеризуем определенными отличительными признаками. Это можно, пожалуй, назвать **культурным стилем** (эпохи или страны), который мы несомненно ощущаем как единство, хотя бы он проявлялся только в тысяче разнообразных и несвязанных друг с другом выражений объективной и субъективной культуры данного времени или данной страны. Говоря о «культуре Ренессанса» в противоположность «современной культуре», мы имеем в виду именно этот «культурный стиль».

Простое размышление говорит, а история подтверждает, что и этот особый культурный стиль может оказывать большое влияние на хозяйственную жизнь.

Глава III.

Задача наук о хозяйстве.

I. Дифференцирование науки о хозяйстве.

Первоначально, т. е. тогда, когда хозяйство впервые стало объектом мышления, существовала только одна единственная «наука» о хозяйственной жизни. Это было учение о домашнем хозяйстве — экономика, называвшаяся также и экономией (*οἰκονομία*) и впервые разработанная греками.

«Итак, мы нашли, — сказал Сократ, — что домашнее хозяйство есть название науки и что эта наука помогает людям улучшать свой домашний быт. Под домашним же бытом мы понимаем всю совокупность имущества; мы считаем таковым то, что полезно каждому в жизни, а полезным, как мы, наконец, выяснили — является то, чем человек умеет пользоваться»¹.

Οἰκονομία охватывала также заботы отца о семье, о поддержании благополучия его домашних: отдаваемые им приказания о пастбище овец, о приготовлении вина, о прядении шерсти, правила, которых он придерживался при воспитании детей и обхождении с рабами, его покупки и продажи, заключение договоров и всю вообще повседневную деятельность — запашку и жатву, прядение и ткачество, складывание запасов в амбары и их распределение.

Наука об экономии имела своей задачей подавать хорошие советы домохозяину относительно всех его домашних обязанностей.

В таком же смысле понимали камералисты и камеральную науку, которая должна была учить всему тому, что должен знать хороший управляющий: как надо разводить свиней, как надо колонизовать земли, как держать в порядке домашнее хозяйство государя, как помогать расцвету промышленности и торговли.

¹ «*Oeconomicus*», 6 глава, немецкий пер. М. Годермана.

Разложение старых хозяйственных союзов и все более и более искусственный характер хозяйственной жизни приводили прежде всего к разработке целого ряда учений, стремившихся к тому, чтобы детально исследовать особенно трудные части экономического быта и дать практику хорошее знание предмета. Все постановления, отражавшиеся в «праве», научно изучались юриспруденцией; всевозможные технические сведения, касавшиеся землемерия, переработки материалов, перевозки товаров, ведения промышленных и торговых предприятий вошли в состав «технологических» наук, которые и должны были основательно исследовать эти области.

В старой науке о хозяйстве оказался в конце концов некоторый остаток, который нельзя было отнести ни к юриспруденции, ни к технологии. Этот остаток мы называем учением о народном хозяйстве, национальной или политической экономией. Предмет ее лучше всего описать отрицательно: предметом политической экономии (каким бы именем мы ее ни называли) является деятельность, направленная к поддержанию человеческого существования, поскольку она не рассматривается учением о праве или многочисленными техническими науками. Выражаясь положительно, мы можем сказать: политическая экономия есть учение о системах хозяйства. Этим определяются руководящие линии этой науки.

II. Руководящие линии учения о народном хозяйстве.

1. Так как забота о поддержании человеческого существования есть явление общественное, то и наука, имеющая ее своим предметом, есть социальная наука: все употребляемые ею понятия должны, после исключения из нее технических наук, носить социально-научный отпечаток.

2. Если мы хотим мыслить о хозяйстве и научно постигнуть его явления, то мы можем представить его себе лишь в готовой исторической обстановке, т. е. как определенно сформированное историческое образование. Политическая экономия априорно определяется, как историческая социальная наука. Поэтому и все понятия политической экономии суть «исторические категории». То, что противопоставляли этим последним как «экономические категории», были не социально-научные, а технологические понятия (капитал-средства производства). Они допустимы только как вспомогательные понятия.

3. Основное понятие политической экономии есть понятие хозяйственной системы. Я понимаю под этим определенно сложившийся способ хозяйства, т. е. определенную организацию

хозяйственной жизни, внутри которой господствует определенный хозяйственный образ мыслей и применяется определенная техника. В понятии хозяйственной системы исторически обусловленное своеобразие хозяйственной жизни связывается в логическое единство. Все прочие политico-экономические понятия нужно сообразовать с этим верховным или основным понятием.

4. Научные методы, которыми пользуется политическая экономия, варьируют в зависимости от своеобразия исследуемой хозяйственной системы. Но исследование будет всегда руководиться одной из следующих трех различных точек зрения:

а) Теоретическая точка зрения: постижение всех явлений и их связей с помощью чистых логических понятий.

б) Реалистически-эмпирическая точка зрения: установление фактического хода хозяйственной жизни и ее изменений в те или другие промежутки времени с помощью «теоретических» познаний. При реалистически-эмпирическом способе исследования выдвигается понятие хозяйственной эпохи, соответствующее понятию хозяйственной системы. Под ним я подразумеваю исторический промежуток времени, в течение которого преобладала определенная хозяйственная система или, точнее, способ хозяйства, соответствующий определенной хозяйственной системе.

в) Политическая точка зрения: соотнесение всех явлений к определенному идеалу и взвешивание тех путей и средств, которые помогают осуществлению идеала.

III. Задача настоящей работы.

В соответствии с только-что развитыми положениями настоящая работа поставила себе целью описать хозяйственную жизнь европейских народов в генетическом и систематическом порядке, начиная с ее первых стадий и кончая современностью.

К этому я добавлю следующие пояснения:

1. «Начиная с ее первых стадий», т. е. с того времени, когда хозяйственная жизнь народов, захвативших Европу после переселения народов, стала расти от собственных корней, следовательно, примерно, со временем Каролингов.

2. «Хозяйственная жизнь европейских (в особенностях южно-европейских, западно-европейских и средне-европейских) народов» (поскольку, должны мы прибавить, она проявляется и протекает в единообразных формах). Итак, сама постановка вопроса указывает, что в хозяйственных явлениях мы подмечаем наиболее общие их черты, а не своеобразные особенности от-

дельных стран. Обе постановки вопроса, из которых одна стремится к выявлению общих и согласующихся черт, а другая — к установлению черт своеобразных и различных, и которые можно охарактеризовать как социологическую и историческую постановку вопроса, очевидно, одинаково правомерны: они не исключают, а наоборот, пополняют друг друга. Наряду с бесчисленными трудами, выясняющими отдельные области хозяйственной жизни, настоящая работа является первой попыткой дать общеевропейскую историю хозяйства.

3. Европейская «хозяйственная жизнь» должна быть изложена «генетически и систематически». Это значит, что каждое отдельное явление хозяйственной жизни соотносится с господствующей в данный момент хозяйственной системой. Понятие хозяйственной системы, а также и хозяйственной эпохи служат для упорядочения всего того необозримо огромного материала, которым можно было овладеть лишь с помощью этих двух основных понятий.

Итак, нам предстояло изучить различные хозяйствственные системы, господствовавшие в течение одиннадцати столетий от 800 до 1900 г. и затем описать их в их логической чистоте («идеально-типовски»). Описанные таким образом хозяйственные системы суть: а) потребительское хозяйство в обеих его формах: крестьянское и помещичье потребительское хозяйство; б) ремесло; в) капитализм.

Этим трем хозяйственным системам соответствуют три хозяйственных эпохи, сменявшие друг друга в Европе на протяжении последнего тысячелетия. Изображение тех действительных форм, какие принимала в эти три эпохи хозяйственная жизнь, и является непосредственной задачей настоящего труда. Мы впервые делаем попытку описать способ хозяйства, ибо до сих пор, если не говорить об узко-специальных монографиях, все так называемые истории хозяйства были не чем иным, как историями хозяйственных предписаний. По существу ни Кеннингэм, ни Левассер, ни Инама-Штернегг, ни Ковалевский не дают ничего иного, кроме истории права. Настоящая же работа хочет показать, какие реальные формы принимала забота людей о поддержании существования и как протекали в действительности хозяйственные процессы. Этот труд хотел бы дать живое представление о том, что думали, чего хотели и что делали крестьянин и помещик, ремесленник и купец, и каким образом их отдельные действия складывались в удивительное целое общественного хозяйства. Мы ставили себе следующую проблему: во-очию показать читателю «полноту истории», заставить его интен-

сивно пережить неизмеримое богатство отдельных явлений и в то же время в каждый отдельный момент сохранять у него ясное представление о целом, внушив ему твердую уверенность, что он может свободно отдаваться рассмотрению тысячи деталей, не рискуя в то же время затеряться в сумятице фактов. Этой уверенности способствует, с одной стороны, соотнесение всех явлений с господствующей в данный момент хозяйственной системой, с другой стороны — двойственное рассмотрение каждой проблемы — теоретически-абстрактное и реалистически-эмпирическое, проводимое в каждом отдельном случае. О чем бы я ни говорил в настоящем сочинении — о ремесле, капитализме, образовании городов, образовании состояний, образовании рынков и цен, денежном и натуральном хозяйстве, — поскольку я касаюсь данного предмета впервые, я подготавлю читателя к эмпирическому описанию фактов теоретическим конструированием соответственного комплекса явлений. Я надеюсь, что этот метод, примененный здесь впервые, приведет к плодотворным результатам.

4. В настоящей работе я ставил себе целью оживить хозяйственную жизнь, рассматриваемую в ее различных проявлениях. Поэтому я должен был, прежде всего, избегать метода, осмеянного еще Мефистофелем, но, к сожалению, еще и сейчас широко применяющегося:

Тот, кто хочет познать и описать что-либо живое,
Старается сначала изгнать дух...

Я всеми силами стремился к тому, чтобы при своих исследованиях не разрушать «духовных уз», объединяющих в одно целое всякое живое хозяйство, а, наоборот, показать их связующую силу. Поэтому я прежде всего старался отыскать дух, который господствовал в ту или другую хозяйственную эпоху и из которого развивалась хозяйственная жизнь этой эпохи, и проследить его действительное влияние. В основе моего труда лежит мысль, что в различные эпохи господствовали различные уклады хозяйственного мышления и что этот хозяйственный образ мыслей и является духом, придающим себе свойственную ему форму и, таким образом, творящим хозяйственную организацию. Этот основной взгляд, выраженный уже в первом издании настоящей работы, выявлен здесь с еще большей отчетливостью и сделан руководящий идеей всех моих описаний¹. Я нередко буду иметь случай разъяснить, как я его понимаю.

¹ Возражения, которые выдвигали против этого моего основного взгляда бесчисленные критики, разбирающие первое издание настоящей работы, только укрепили мое убеждение, что лишь мой способ исследования дает воз-

5. Но дух на земле не всемогущ. Чтобы он мог сформировать жизнь по своему собственному подобию, должны быть выполнены определенные условия. Значительная часть описаний, заключающихся в настоящей работе, указывает именно эти условия, необходимые для осуществления хозяйственных идей. Так как формы хозяйственной жизни, как мы знаем, обусловлены формами всей остальной культуры в ее совокупности, то описание условий хозяйственной жизни заставляет нас касаться всех отраслей государственной и духовной жизни и немало способствует оживлению картины.

Условия определенного способа хозяйства в одном случае (при рассмотрении ремесла) я описал систематически, в другом случае (при рассмотрении капитализма) — генетически. В главной части настоящей работы, изображающей возникновение современного капитализма, на это генетическое описание обращено особое внимание.

6. При таком способе исследования определенное расчленение исторического хода событий получается без всяких натяжек, как бы само собой. В определенные моменты времени тот или другой хозяйственный принцип и соответствующая ему хозяйственная система пользуются почти неограниченным господством, в другие эпохи, наоборот, мы замечаем, как в рамках господствующей хозяйственной системы возникают новые хозяйствственные принципы, борющиеся за признание. Другими словами, каждый новый хозяйственный принцип должен сначала прорубить себе дорогу в рамках существующей хозяйственной системы. Для своего осуществления он создает себе хозяйственныe формы, уклад которых определяется в значительной степени особенностями хозяйственного строя, порожденного другим (в данное время господствующим) хозяйственным принципом, и лишь постепенно преображает в своем духе всю хозяйственную жизнь. С точки зрения новой хозяйственной системы эпоха, когда в рамках старого порядка проявляются новые хозяйственные принципы, есть ее ранняя эпоха, с точки же зрения старой хозяйственной системы она является поздней эпохой этой системы. В промежутке между ними лежит развитая эпоха определенной хозяйственной системы, когда полностью развивается дух только одной

möglichkeit глубоко заглянуть в сущность хозяйственной организации. Я попытался опровергнуть выставленные против меня аргументы, чтобы доказать правильность своей точки зрения, в моей работе: «Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen» (1913), стр. 3 и сл., 441 и сл. Имеется русский пер., изд. Гиза.

хозяйственной системы. Применение этой схемы генетического исследования к эмпирически определенным хозяйственным периодам лежит в основе всего последующего изложения.

Общая литература.

Насколько я знаю, не существует ни одной работы, которая шла бы по тому же пути, как я. Родственные мысли скорее всего можно встретить в книгах: Gustav Schmoller, *Grundriss der politischen Oekonomie* (первое изд. в 1900 г.) и Karl Bücher, *Entstehung der Volkswirtschaft* (первое издание в 1893 г.). Но по самому плану этих работ в них нельзя найти систематического описания хозяйственного исторического процесса в различных странах. Такое описание можно встретить только в работах, посвященных хозяйству отдельных стран. Наиболее известные «истории хозяйства» важнейших народов таковы: W. Cunningham, *The growth of english industry and commerce*, 2 vol., Levasseur, *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France*, 4 vol. Th. v. Inama-Sternegg, *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*, 3 Bd-e. Каждая из этих трех работ, хотя и являющихся скорее историями хозяйственного строя, чем хозяйственной жизни, представляет исключительную в своем роде ценность. В настоящее время они в значительной мере устарели и в смысле постановки вопросов, и в смысле методов, и в смысле логической структуры понятий. Вполне на высоте современных исследований стоит превосходный этюд Р. Кетшке: R. Koetschke, *Deutsche Wirtschaftsgeschichte bis zum XVI Jahrh.*, помещенный в *«Grundriss der Geschichtswissenschaft, her. von A. Meister»*, Bd II, 1.

Работа Максима Ковалевского «Экономическое развитие Европы» (есть русское издание) не содержит в себе того, что обещает заглавие: это чистая история права, касающаяся, главным образом, аграрных отношений и рассматривающая их в национальных рамках.

ПЕРВАЯ КНИГА.

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ.

Глава IV.

Докапиталистическое хозяйственное мышление.

Источники и литература.

Литературы, занимающейся вопросом о проявлении в хозяйственной жизни своеобразного духа, свойственного тому или другому историческому периоду, почти не существует. Следует упомянуть работы, которые посвящены критике важнейших глав первого издания настоящего труда и которые я буду приводить при случае. Кроме меня самостоятельно разрабатывал эту тему только Макс Вебер в своих статьях: «Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus» (в «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», Bd 21 и сл.). В связи с этой работой появился также целый ряд критических статей.

По этому моему описанию приходится опираться исключительно на использование источников. Об особенностях и познавательной ценности этих последних я сделаю несколько предварительных замечаний.

Для всякого, заинтересовавшегося данной проблемой, имеются в изобилии источники, раскрывающие дух хозяйственной жизни. Их можно подразделить на прямые и косвенные. Непосредственные данные о хозяйственном духе нам доставляют сами хозяйствующие люди в своих высказываниях.

1. Эти непосредственные свидетельства могут носить случайный характер (разговоры, письменные сообщения и т. д.) или могут быть даны в систематическом, упорядоченном виде (автобиографии, завещания, «размышления» и т. д.). Но гораздо легче познакомиться с душой хозяйствующих людей обходным путем. Эти возможности можно назвать общим именем косвенных источников познания. Сюда относятся:

2. «Дела» хозяйствующих людей, в которых как бы «соседает» их дух. Я имею в данном случае в виду общие создаваемые людьми организации: основание деревень, фабричных и транспортных предприятий, технические работы, как-то: сооружение мастерских, создание средств труда, прокладка железных дорог, ирригация, постройка каналов и гаваней и т. д., приемы для выполнения определенных хозяйственных целей (счетоводство), санитарно-игиенические учреждения, темп развития, ритм хозяйственной жизни (быстрое появление новых формаций, быстрое расширение хозяйственного организма и т. п.).

3. Правовые нормы: постановления о праве свободного самоопределения, о конкуренции, о рекламе, о ценообразовании, о внимании процентов и т. д.

4. Моральные учения религиозного или светского характера. Сюда можно причислить и все критические произведения: сатиры, памфлеты, планы реформ и т. д.

5. Отражение духа времени в общественном мнении: например, оценка обществом отдельных профессий (торговля) или отношение к ним со стороны определенных классов (отношение дворянства к наживе). Далее, отражение эпохи в литературе, искусстве и науке—изображение типов, особенности наиболее популярных «направлений».

6. Социальные взаимоотношения между отдельными группами населения: дружественное сожительство, враждебность (например, рабочих к предпринимателям), патриархальный быт, деловой подход.

7. Политика, поскольку в ней проявляется хозяйственное мышление отдельных лиц: захватная политика, свободная торговля и т. п.

Совершенно ясно, что познавательная ценность почерпнутых из этих источников свидетельств весьма различна.

Непосредственные свидетельства (1) очень редки и уже по одному этому не дают много материала. Конечно, иногда они могут иметь большое значение для правильного понимания того или другого момента. В большинстве случаев приходится читать между строк. Это особенно приходится сказать о всех систематических изложениях мыслей. В автобиографиях или мемуарах выдающихся хозяйствующих людей (таких документов имеется масса) авторы естественно изображают себя как людей совершенно бескорыстных, думающих только об общем благе и совершенно не заботящихся о денежных прибылях. Но многие относятся к самим себе честно и в этом случае доставляют наилучшие данные. Необходимо также учесть то обстоятельство, что такие систематические непосредственные свидетельства исходят по большей части лишь от выдающихся людей и потому, когда мы хотим возвести их взгляды и достижения в общее правило, мы предварительно должны свести их к среднему уровню.

Из остальных источников наиболее надежны «дела» хозяйствующих субъектов (2). Дела, по крайней мере, никогда не лгут.

Источники, поименованные под рубрикой (3) и (4), очень важны, но ими весьма рисковано пользоваться. Поэтому некоторые исследователи вообще не желают признать за ними значения познавательного источника, из которых можно почерпнуть определенное представление о вещах, следовательно в частности и о «духе» времени. На этом основании в свое время многие критики упрекали меня, что я выводил идеологию средневекового ремесленника из цеховых уставов, критических сочинений и планов реформ, как например, реформа императора Сигизмунда. Относительно этого рода источников и их применимости я сделала следующие замечания.

Ошибка—весьма нередкая—заключается не в том, что из этих источников хотят почерпнуть познание, а в том, что из них хотят почерпнуть неверное познание. Ведь, например, о распространении и видах воровства не будут судить на основании Уголовного кодекса, а Промышленный устав ничего не скажет о фактических отношениях между рабочими и предпринимателями в настоящее время. Но зато из них можно ясно узнать, как смотрят в наше время господствующее общественное мнение на воровство

и охрану труда. Конечно, выраженный в законодательстве или в памфлетной литературе взгляд может быть «устарелым» и не соответствовать «духу времени». Но это нужно будет доказать, руководствуясь, прежде всего, материалом, выдвигаемым противной стороной. Так, историк нашего времени, если он не слишком тупоголов, из литературы, посвященной среднему словесному, должен будет сделать заключение, что в Германии еще довольно многим людям свойственен ремесленный образ мыслей, но в то же время он должен будет признать, что основное мировоззрение нашего времени, поскольку оно проявляется в широкой литературе и проводится в законодательстве и управлении, отличается совершенно иным, капиталистическим характером. Наоборот, говоря о «духе», господствовавшем в средневековой хозяйственной жизни, мы должны будем сказать, что хотя бесчисленное множество отдельных действий и мыслей погрешали против ремесленного мировоззрения, выраженного в моральных и правовых нормах (в конце средних веков таких случаев было весьма много), тем не менее все это считалось проступками и осуждалось «духом времени» (5). Дух времени воспринимал их как проступки, и никто не осмеливался оправдывать их. На протяжении всех средних веков мы не встретим ни одного сколько-нибудь влиятельного произведения, где защищался бы принцип «*Ote-toi que je t'y mèttais*» («уходи, чтобы я мог встать на твоё место»), где отстаивались бы индивидуальная ответственность перед самим собой и неограниченное стремление к наживе.

До возникновения капитализма в центре всех стремлений и всех забот стоит живой человек. Он—«мера всех вещей»: *mensura om̄pium regum homi*. Этим определяются и отношения человека к хозяйству: хозяйство, как и все прочие дела людей, служит человеческим целям¹. Поэтому исходным пунктом всей хозяйственной деятельности является потребность человека, т. е. его естественная нужда в благах. Этот исходный пункт есть важнейшее следствие, вытекающее из указанного понимания. Производить нужно столько благ, сколько человек потребляет, он должен получать столько, сколько он отдает. Сперва определяются расходы, а в соответствии с ними доходы. Такой способ ведения хозяйства я называю расходным хозяйством. Всякое докапиталистическое и добуржуазное хозяйство есть в этом смысле слова расходное хозяйство.

Сама потребность определяется не произволом индивидуума: с течением времени внутри отдельных социальных групп она становится величиной, определенной и в качественном и в количественном отношении, величиной, которую следует рассматривать как точно

¹ «*Divitiae comparantur ad oeconomiam non sicut finis ultimus, sed sicut instrumenta quaedam, ut dicitur in I Pol. Finis autem ultimus oeconomicae est totum bene vivere secundum domesticam conversationem*». S. Thom., S., th. II^a, II^a qu. 50 a 3, Ср. примечание на сл. стр.

фиксированную. К этому и сводится идея жизни соответственно своему сословию, проникавшая все докапиталистическое хозяйство. То, что постепенно создал долгий жизненный процесс, получает принципиальное признание от авторитетов права и морали и возводится на степень предписания. Идея жизни соответственно своему сословию получает обоснование в разработанной системе св. Фомы: отношения человека к внешнему миру благ должны подлежать известным ограничениям, сообразоваться с известным масштабом — *necesse est quod bonum hominis circa ea* (т. е. *bona exteriora*) *consistat in quadam mensura*. Этим масштабом и измеряется «жизнь соответственно своему сословию»: «для жизни человека необходимы вещи, сообразные его сословию»¹.

Жить надо согласно сословию,— следовательно, в различных сословиях различно качество потребляемых благ и различно их количество. Резко отделяются друг от друга два слоя, стиль существования которых окрашивал докапиталистическое бытие: господа и народные массы, богатые и бедные, сеньоры и крестьяне, ремесленники и торговцы, люди, незанятые хозяйственными работами и ведущие свободную независимую жизнь, и хозяйствующие люди, в поте лица своего добывающие хлеб свой.

Жить по-господски — значит жить во-всю и давать жить многим другим. Это значит проводить дни в войнах и на охоте и коротать ночи в веселом кругу собутыльников, за игрой в кости или в объятиях красивых женщин. Это значит строить замки и церкви, блестать роскошью и помпой на турнирах и при других торжественных случаях, швырять деньгами, все равно, позволяют ли это средства или нет. Расходы всегда больше доходов. Следовательно, приходится позаботиться о том, чтобы соответственно увеличились и эти последние: управляющий должен повысить пошлины крестьян, арендатор должен платить более высокую аренду

¹ Вся эта цитата из сочинения св. Фомы «*Summa theol.*», II^a, IIe qu. 118, Art. I, согласно тексту, который принят в новом издании его сочинений (Рим 1886) и которого я всегда придерживаюсь. гласит следующее: «*Bona exteriora habent rationem utilium ad finem:—Unde necesse est, quod bonum hominis circa ea consistat in quadam mensura: dum scilicet homo secundum aliquam mensuram quaerit habere exteriores divitias, prout sunt necessaria ad vitam eius secundum suam conditionem. Et ideo in excessu huius mensurae consistit peccatum: dum scilicet aliquis supra debitum modum vult acquirere vel relinere. Quod perlinet ad rationem avaritiae quae definitur esse immoderatus amor habendi.*». Глоссатор, кардинал Газтани, защищает эти положения и поясняет: «под словом жизнь надо понимать не только пищу и питье, но все удобные и приятные для человека вещи, не противные совести (*salva honestate*)».

Иногда (как мы увидим ниже) средств для покрытия дефицита приходится искать вне круга нормального хозяйственного приобретательства. Сеньор презирает деньги. Деньги грязны, как грязна вообще всякая деятельность, направленная к наживе. Деньги существуют для того, чтобы их тратить¹: «употребление денег заключается в трате их» (св. Фома).

Так жили светские, а долгое время и духовные сеньоры. Яркую картину сеньориальной жизни духовенства во Флоренции в эпоху Кватроченто, картину, вполне типичную для жизни богатой докапиталистического времени, набрасывает Л. Б. Альберти: «Священники хотят превзойти всех в блеске и роскоши; они хотят иметь большое число упитанных и изукрашенных коней и выступать публично с большой свитой. С каждым днем увеличивается их склонность к ничегонеделанию и их наглый разврат. Хотя судьба дает им большие средства, они всегда недовольны; не думая ни об экономии, ни о хозяйственности, они мечтают только о том, чтобы удовлетворить свои распаленные аппетиты. Им вечно нехватает доходов, и расходы всегда превышают их обычные доходы. Поэтому недостаток они стараются пополнить из других источников и т. д.»².

Но для широких масс народа и в докапиталистическую эпоху было необходимо устанавливать постоянное и упорядоченное соотношение между расходами и доходами, потребностями и получаемыми благами, ибо люди располагали лишь ограниченными средствами. Конечно, и здесь на первое место ставилось определенное традицией потребление, которое необходимо было покрыть. Это приводило к идее пропитания, налагающей своеобразную печать на все докапиталистическое хозяйство.

Идея пропитания родилась в лесах Европы у племен молодых народов, только-что переходивших к оседлой жизни. Идея эта сводится к тому, что каждая крестьянская семья должна получить

¹ Ср. мою книгу «Роскошь и капитализм» (1912), нем. изд., стр. 102 и сл.

² I preti... «vogliono tutti soprastare agli altri di pompa e ostentatione, vogliono molto numero di grassissime e ornatissime cavalcature, vogliono uscire in pubblico con molto exercitio di mangiatori, et insieme anno di di in di voglie per troppo otio et per poca virtù lascivissime, temerarie, inconsulte. A' quali, perchè pur gli soppedita e soministra la fortuna, sono incontentissimi, e senza risparmio o masserizia, solo curano satisfare a'suo incitati appetiti... sempre l'entrata manca et più sono le spese che l'ordinarie sue ricchezze. Così loro conviene altronde essere rapaci e alle onestissime spese, ad altate e suoi, a sovenire agli amici, a levare la famiglia sua in onorato stato e degno grado, sono inumani, tenacissimi, tardi, miserimi.» L. B. Alberti, *I libri deela famiglia*; editi da Gir. Mancini (1908), p. 265.

столько усадебной земли, столько пахотной земли, и такую долю общинного пастбища и общинного леса, сколько ей нужно для своего прокормления. Таким комплексом производственных возможностей и средств производства и была древне-германская гуфа, которая, как мы увидим впоследствии, достигла наиболее полного развития в германской деревне, но основная идея которой проявлялась во всех поселениях кельтских и славянских народов. Это значит, что характер и размер отдельного хозяйства определяются характером и размером потребности, принимаемой за данное. Хозяйство, как я сказал, подчиняется принципу покрытия потребности.

Из круга крестьянских представлений идея пропитания была перенесена и в область промышленного производства, торговли и транспорта и господствовала здесь над умами до тех пор, пока эти сферы хозяйства были организованы по-ремесленному. Это положение мы впоследствии детально докажем.

Когда я еще раньше развивал подобные же мысли, мне возражали: совершенно нелепо думать, будто в какую бы то ни было эпоху люди ограничивались только поддержанием своего существования, добыванием «пропитания», покрытием своих естественных и соответствующих традициям потребностей. Наоборот, утверждали критики, «в природе человека» во все времена было заложено стремление зарабатывать как можно больше, становиться как можно богаче. Я и сейчас оспариваю это столь же решительно, как и раньше, и категоричнее, чем когда бы то ни было, утверждаю, что в докапиталистическую эпоху хозяйственная жизнь руководствовалась принципом покрытия потребностей и что крестьянин и ремесленник своей нормальной хозяйственной деятельностью старались только обеспечить себе пропитание и ничего больше. Возражения, выдвинутые против этого моего взгляда, поскольку их вообще пытались обосновать, сводятся, главным образом, к двум одинаково неприемлемым тезисам:

1. Отдельные ремесленники всегда стремились выйти за рамки простого «пропитания», расширяли свое производство и получали прибыль от своей хозяйственной деятельности. Это верно, но это доказывает лишь то, что из правила всегда бывают исключения, которые в данном случае лишь подтверждают правило. Читатель должен вспомнить, что я сказал о «преобладании» определенного духа. Никогда не было такой эпохи, когда господствовал бы один дух.

2. История европейского средневековья учит нас, что во все времена у широких народных масс проявлялась большая жадность к деньгам. Я это тоже допускаю и в дальнейшем изложении буду иметь случай говорить об этой растущей алчности. Но я утверждаю, что она не могла поколебать основ, на которых покоился дух докапиталистической хозяйственной жизни. Отрицательное отношение докапиталистического хозяйства к наживе доказывается тем обстоятельством, что страсть к наживе и алчность к деньгам старались найти себе удовлетворение вне круга товарного производства, товарного транспорта и по большей части даже вне круга товарной торговли. Ради добывания денег бегут на горные промыслы, ищут сокровищ,

захимаются алхимией и всякими магическими искусствами, наконец, ссужают деньги под проценты,—но все это делают потому, что в рамках повседневного хозяйства нажиться нельзя. Аристотель, глубже всего уловивший сущность докапиталистического хозяйства, смотрит поэтому на приобретение ленег сверх естественных потребностей, как на нечто такое, что не относится к хозяйственной деятельности. Изобилие наличных денег тоже не служит хозяйственным целям. О том, что необходимо для существования, заботится оно. Деньги же приспособлены только для внереального «безнравственного» употребления. Всякое хозяйство имеет меру и границы, добывание же денег не имеет их. (Pol. Lib. I.)

Если мы спросим, в каком духе велось хозяйство крестьян и ремесленников, руководившихся подобными принципами, то нам достаточно лишь вспомнить, кто был хозяйствующим субъектом и кем выполнялась — лично или с помощью немногих подсобных сил — вся текущая работа по части руководства, организации, распределения сил и выполнения трудовых процессов. Это — простые средние люди с сильными инстинктами, развитыми чувствами и ощущениями и весьма мало развитыми интеллектуальными способностями. Несовершенство мышления, недостаток духовной энергии, недостаток духовной дисциплины обнаруживается в эту эпоху не только у жителей деревень, но и у жителей городов, ибо и города в течение многих столетий оставались лишь большими, органически выросшими деревнями.

Недостаточное развитие интеллекта у этих людей сказывается и в других областях культуры. О развитии права в средние века Койтген когда-то остроумно заметил: «Здесь дело идет о недостатке духовной энергии, проявлявшемся в наших старых юридических определениях и объяснявшемся тем, что они исходили от людей, не привыкших к интенсивной духовной работе... Достаточно напомнить хотя бы о том, какими огромными пропусками страдают наши старые городские статуты, когда они касаются различных областей правовой жизни»¹.

В сфере хозяйственной жизни этому соответствует мало развитая способность к отчетности, к точному измерению величин, к правильному обращению с цифрами.

Этому дефекту калькуляторских способностей соответствует, с другой стороны, чисто качественное отношение хозяйствующих субъектов к миру благ. Говоря современным языком, не образуется никаких меновых ценностей (определеняемых исключительно количественно), существуют только потребительские блага, т. е. качественно различные друг от друга вещи.

¹ Friedrich Keutgen, Ämter und Zünfte (1903), 84.

Работа настоящего крестьянина, как и работа настоящего ремесленника, есть одинокое созидание: он отдается своему занятию в молчаливом самоуглублении. Он живет в своем творении, подобно тому как живет в своем творении художник, и он бы предпочитал совсем не отдавать свой продукт на произвол рынка. Крестьянка со слезами выводит любимую «Пеструшку» из стойла на бойню; старый гусак отстаивает свою глупую голеву, которую хочет купить торговец. Но если дело доходит до продажи (а при связях, основанных на обмене, это ведь должно быть общим правилом), то произведенный товар должен быть достоин своего творца. За спиною своего произведения стоит крестьянин и ремесленник, относящийся к нему так же, как художник, стоящий на страже своей чести. Этим фактом объясняется, например, глубокое отвращение всего ремесленного сословия не только к фальсификации или суррогатам, но даже к простой неряшливой работе.

У докапиталистического хозяйствующего человека энергия воли так же мало развита, как энергия духа. Это проявляется в медленном темпе хозяйственной деятельности. Прежде всего, от этой деятельности стараются по возможности уклониться. Когда можно «попраздновать», празднуют. К хозяйственной деятельности устанавливается приблизительно такое же эмоциональное отношение, как у ребенка в школьной учебе, которой не занимаются, если к этому не принуждают. Мы не замечаем ни малейшего следа любви к хозяйству или хозяйственному труду. Это господствующее настроение мы можем непосредственно вывести из того основного факта, что в течение всей докапиталистической эпохи число праздничных дней в году было невероятно велико. Недурной обзор многочисленных праздников, соблюдавшихся в баварском горном деле еще в XVI в., дает Г. Пеец¹. По его словам, в различных случаях соотношение между рабочими днями и праздничными днями было таково:

Из 203 дней	123 праздника
» 161 »	99 »
» 287 »	193 »
» 366 »	260 »
» 366 »	263 »

С работой не спешат. Люди совершенно не заинтересованы в том, чтобы в короткое или хотя бы в определенное время произвести или изготовить побольше вещей. Длительность производственного периода определяется двумя моментами: необходимостью

¹ H. Peetz, Volkswissenschaftliche Studien (1885), 186 и сл.

хорошо и солидно изготовить предмет и естественными потребностями самого работающего человека. Производство благ есть деятельность живых людей, «переживающих» себя в своем творении; поэтому оно в такой же степени следует органическим законам этих полнокровных индивидуумов, в какой, например, рост дерева или акт рождения у животных определяется в его направлении, цели и мере внутренней необходимостью этих существ.

При сочетании отдельных трудовых процессов в единую профессию, как и при определении темпа работы, единственным решающим моментом является человеческая природа с ее требованиями: правило — «человек есть мера всех вещей» — сохраняет свое значение и здесь. Этому высоко личному способу ведения хозяйства соответствует эмпиризм хозяйства или, как его стали называть за последнее время, традиционализм. Хозяйство ведется эмпирически, традиционно,— другими словами, по таким методам, которые переняты от отцов, которым научились, к которым привыкли. Решая вопрос о том или другом мероприятии или правиле, смотрят прежде всего не вперед, не по направлению к цели и спрашивают не исключительно о целесообразности данного акта, а озираются назад, ища примеров, образцов и опыта.

Мы должны помнить, что это «традиционистическое» поведение есть поведение всех вообще естественных людей, что в более раннюю эпоху человеческого бытия оно целиком господствовало во всех областях культуры и объяснялось причинами, которых следует искать в самой природе человека и которые в конечном счете коренятся в сильной тенденции человеческой души к инертному закостенению.

С самого момента нашего рождения, а может быть и раньше, окружающая нас среда, противостоящая нам как признанный авторитет, придает нашим способностям и воле определенное направление: все сообщения, учения, действия, чувства и воззрения родителей и учителей принимаются нами без дальнейших рассуждений. «Чем менее развит человек, тем сильнее поддается он этому могучему влиянию примера, традиции, авторитета и внушения»¹.

1 A. Vierkandt, Die Stetigkeit im Kulturwandel (1908), 103 и сл. Здесь можно встретить много остроумных замечаний на тему о «традиционизме». Между психикой докапиталистического европейского человека и психикой «первобытных народов» естественно оказывается довольно значительный параллелизм; см. там же, стр. 120 и сл.

4 Современный капитализм, т. I, полутом I.

К этой мощи традиции в дальнейшем ходе человеческой жизни присоединяется еще и другое влияние, столь же сильное: власть привычки, в силу которой человек всегда предпочитает делать то, что он уже раз сделал и что он вследствие этого «может делать», власть, удерживающая его на раз избранном пути.

Теннис¹ очень остроумно называет привычку волей или желанием, возникшим благодаря опыту. Первоначально безразличные или неприятные идеи, ассоциируясь и смешиваясь с идеями приятными, сами становятся привлекательными и, наконец, переходят в жизненный круговорот, как бы впитываются в кровь. Опыт — это упражнение, а упражнение в данном случае обозначает формирующую деятельность. Упражнение, трудное на первых порах, благодаря многократному повторению становится легким, придает уверенность и определенность неуверенным и неопределенным движениям, создает особые органы и особые запасы сил. Вследствие этого действующий человек всегда обнаруживает склонность повторять то, что стало для него легко, т. е. остановиться на раз усвоенном, относясь к новшествам с равнодушием и даже с враждебностью, т. е. обнаруживает склонность стать традиционалистом.

Сюда присоединяется еще другой момент, правильно отмеченный Фиркандтом, — именно, что отдельный человек группы, стремясь выказать себя как достойный ее член, особенно бережно относится к культурным благам, отличающим эту группу. Благодаря этому и происходит то, что отдельная личность принципиально не стремится к новому, а старается скорее полностью воспроизвести старое.

Таким образом, человек как бы втискивается самыми разнообразными силами в рамки существующей культуры, что определенным образом влияет и на всю его душевную культуру: «способность к самочинным действиям, к инициативе, самостоятельности, и без того слабая, ослабляется еще больше в силу того общего положения, что способности могут развиваться только по мере их постоянного применения и при отсутствии его замирают»².

Все эти отдельные черты докапиталистической хозяйственной жизни, как и всей вообще докапиталистической культурной жизни, находят свое внутреннее единство в основной идее, — в идее жизни, покоющейся на застое и исчерпывающей себя в проявле-

¹ F. Tönnies, *Gemeinschaft und Gesellschaft*, 2 Aufl., 1912, стр. 112 и сл.

² А. Фиркандт, *указ. соч.*, стр. 105.

ниях, данных в пространстве одновременно, друг возле друга. Высочайший идеал того времени, как это видно из удивительной системы св. Фомы, где он находит свое последнее завершение, есть единичная душа, покоющаяся в себе самой, полностью развивающая свое существенное ядро и представляемая как органическая составная часть живого человечества. К этому идеалу приспособляются все жизненные требования и все жизненные формы. Ему соответствует раз навсегда установленное деление людей на определенные профессии и сословия, которые с точки зрения их общих отношений к целому рассматриваются как нечто группющее и которые предписывают индивидууму прочно установленные формы, внутри которых он может совершенствовать свое индивидуальное бытие. Этому идеалу соответствуют и руководящие идеи, под влиянием которых стоит хозяйственная жизнь: принцип покрытия потребностей и принцип традиционализма, являющиеся оба принципами застоя. Основная особенность докапиталистического существования—это уверенное в себе спокойствие, свойственное всякой органической жизни.

ВТОРОЙ ОТДЕЛ.
ВЕК ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Глава V.

Состояние материальной культуры Европы в эпоху раннего средневековья.

Если бы император Карл пожелал собрать воедино все явления, подмеченные его гетевским глазом во время путешествий и военных походов в Зорбенланде, по пути в Рим или в Ронсеваль, и если бы он захотел создать себе представление об образе жизни узнанных им народов, в особенности об их материальном быте и основах этого последнего, то я думаю, что общая картина получилась бы повсюду довольно одинаковая. Правда, на Эльбе люди жили в деревнях, имеющих форму круга, и обрабатывали свои четырехугольные поля плугом-мотыгой, а при устье Рейна пришлые племена селились в скученных деревнях и на своих длинных, беспорядочно перемешанных полосах пахали землю колесным плугом; правда, на Везере, на западе Франции, в альпийских долинах и во многих других местах поселяне жили в уединенных фермах, а по ту сторону Альп ютились ближе друг к другу в деревнях, выстроенных на подобие городов и окруженных стенами. Но это была только поверхностная сторона явлений, только внешняя форма человеческого существования. Внутренняя сущность человеческой культуры обнаруживала гораздо больше сходств, чем различий. Во всяком случае в вещественных условиях быта того времени обнаруживаются совершенно определенные одинаковые основные черты, налагающие на него резкий отпечаток и четко отделяющие его от более ранних и более поздних эпох. Конечно, при установлении этих особенностей мы не можем придерживаться слишком точных хронологических делений и в основу нашего рассмотрения должны положить несколько столетий—примерно VIII, IX и X столетия нашей эры.

Итак, в эту эпоху общий характер материальной культуры во всех частях Европы был приблизительно один и тот же. Это значит, прежде всего, что культура была примитивна и носила чисто деревенский отпечаток. В обширной империи франкского короля не было в сущности ни одного города, не существовало никакой городской жизни. Это можно считать совершенно бесспорным в отношении тех областей, в которые еще не проникла римская культура, по это правильно и в отношении стран, входивших некогда в состав мировой римской империи. Уже в IV в. в цветущих рейнских областях римские города почти исчезли. В 311 г. Евмений характеризует бургундские и лотарингские местечки как малозаселенные, грязные, неоживленные, мрачные и говорит, что даже военные дороги пришли в полный упадок¹. Эти может быть несколько преувеличенные утверждения панегириста Рима подтверждаются другим писателем того же времени, который, описывая область рейнской долины, говорит, что в ней не имеется никаких городов². В 406 г. были разрушены Вормс и Майнц³, а римские города на правом берегу Рейна и при его устьи погибли уже в IV столетии⁴.

В смысле застройки города эти не были вполне разрушены, хотя очень часто уничтожались и самые здания: и храмы, и театры стали излюбленными каменоломнями, из которых настоятели брали строительный материал для своих церквей и монастырей...⁵. Во многих городах стены остались теми же, какими они были в римскую эпоху⁶. Многие постройки сохранились до нашего времени. Но важно то, что в культурном, следовательно, прежде всего, в экономическом отношении города почти исчезли. Ибо даже там, где стены их продолжали существовать, в эпоху Каролингов жителями их были все те же земледельцы. «Нет никаких

¹ «Eutropius rap.» в «Constant. Recueil des Hist. des Gaules etc.» 1, 113.

² «На этом пути (от Майнца до Кельна) не видно никаких городов и замков, кроме того места, где сливаются реки... Римомагум представляет собою небольшой город и рядом с этой колонией стоит одна башня». «Amm. Marc.», 16, 3.

³ «Послание епископа Иеронима (123) к Агерухии», изд. Vallarsi, 1766 г., чит. у S. Rietschel, Die Civitas auf deutschem Boden bis zum Ausgang der Karolingerzeit (1894), 32.

⁴ Ритшель, указ. соч., стр. 33.

⁵ Указание этих мест можно найти у K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, 3 Teile in 4 Bänden, 1884 (чит. всюду как DWL.), 1, 78.

⁶ Относительно Кельна см. L. Ennen, Gesch. d. Stadt C., 5 томов от 1863 до 1880, 1, 81; то же можно сказать и относительно Вены.

оснований предполагать, что в епископских резиденциях и вообще в укрепленных местах население было иное, чем в деревне... Это были все те же общины (марки), как и в деревне...»¹ Отсюда и сложились такие термины, как мегунцанская марка, вормская марка, бингиорская марка. Араб, объехавший в X или XI в. Германию, сообщает, что Майнц в это время был еще городом, но одна его часть была заселена, а другая обращена под пашню². Еще в 845 г. Старый Город Страсбурга — древний Аргенторат — в известной своей части был необитаем: мы узнаем, что монастырь св. Стефана, основанный там, был построен «среди щебня и развалин». Римские замки по Дунаю от батавского лагеря до Сирмиума, включая Виндогону, были окружены развалинами³.

В других римских колониях⁴ и даже в самой Италии положение было почти такое же. Регрессивный процесс, продолжающийся в течение целых столетий, постепенно лишил здесь города их городского характера. Муниципии давным давно перестали быть необходимыми средоточиями промышленной жизни и капитaloобразования и даже перестали играть роль рыночных центров. Уже в империи поздних императоров они были «в сущности лишь винтиками, служившими целям государственной налоговой администрации»⁵. С падением римской империи устранилась и эта функция, и муниципии быстро начали исчезать; в них разрушались даже постройки. Долгие войны с готами и, главным образом, вторжение лонгобардов окончательно доконали их. Нам сообщают, что лонгобардские князья уничтожили до основания завоеванные ими города — Падую, Кремону, Мантую, города от Луни в Тоскане до границы франкской области и многие другие. Король Ротар, так же как король Агилулф, «разрушил город начисто», «изгнал жителей и разрушил здания», «разрушил окружавшие города стены до самого их фундамента и приказал именовать эти города деревнями»⁶. «Он приказал называть их деревнями», — т. е. тем, чем они давно уже стали в экономическом

¹ Ритшель, указ. соч., стр. 85. Там же можно найти доказательство того, что в «городах» того времени земля шла под сельскохозяйственную обработку. Ср. также гл. X.

² G. Jacob, Ein arabischer Berichterstatter aus dem 10 oder 11 Jahr. (1890), 13.

³ Hans v. Volteolini, Die Anfänge der Stadt Wien (1913), 8/9.

⁴ О судьбе французских городов см. у Flach, Origines de l'ancienne France, 2 (1893), 237 и сл.

⁵ См. Max Weber, Römische Agrargeschichte (1891), стр. 267, где эти процессы описаны лучше всего.

⁶ Erodostorius, Historia, 21, 22, 23, 24, 28, 46.

смысле слова: местопребыванием земледельческого населения. Так обстояло дело не только в области, завоеванной германцами, где аграрный характер новой культуры, конечно, выступал явственнее всего (я буду еще об этом говорить ниже), но и в замках экзархата, где хозяйничал крупный землевладелец, получивший с VII в. решающее значение в государстве; по всей вероятности, не иначе было и в замках, воздвигнутых на венецианском побережье¹.

Сельские области были очень слабо заселены, и между немногочисленными деревнями, местечками и отдельными фермами тянулись обширные пространства пустошей, болот и лесов, в которых стаи волков бродили сотнями². Италия являла картину полного одичания. Оросительные и осушительные сооружения пришли в полный упадок, и места, где раньше были цветущие поля, покрылись иссохшими пустынями и болотами (ибо страна столь искусственной земельной культуры, как Италия, страдает вдвое от разрушения этих сооружений): «Ныне... поля покинуты людьми и лишены всех земледельцев, и земля лежит втуне: на ней не живет никакой владелец»; «В той земле, в которой мы живем, мир не возвещает, а воочию показывает свой конец (!)»³. Точно так же и Павел Диакон (V, 29) говорит об «обширных, пригодных для жилья местах, которые до этого времени были необитаемы». На брошенных полях образовывались болота и вместе с ними приходила малярия⁴; в других местах земля обрастила деревьями и кустарниками и образовывались те могучие леса, о которых говорят нам источники того времени, как например, леса в окрестностях Беневента, Реджио Эмилии, Модены, Павии, Болоньи, Пармы, Феррары, Вероны (здесь был расположен «гигантский Ногариенский лес») и других поселений⁵, где в настоящее время исчезли всякие следы лесов.

¹ Ludo M. Hartmann, *Gesch. Ital. im Mittelalter*, 1898, II, 2, 100, 105 и сл.

² Относительно Аквитании см. описание, данное в летописи св. Бертина от 846 г. «Волки, прибежавшие из нижних частей Галлии, смело пожирают людей и в некоторых частях Аквитании они скопляются стаями до 300 штук, нападая на проезжающих по дороге людей и смело набрасываясь всей стаей на всех, которые хотят им сопротивляться», *Prudentii Trecensis Ann. s. a. 846. MG. SS.*, 1, 442.

³ Gregorii M., *Dial.* III c. 38.

⁴ L. N. Muratori, *Ant. It. M. Æ.*, I. II. Diss., XXI, p. 154, 164, 171, 180; G. Verci, *Storia della Marca Irivigiana*, 1 (1786), Doc. № IV.

⁵ Муратори, цит. соч., стр. 150, 164, 171, 180. Свидетельства о «чрезвычайно больших лесах во флорентинско-фиезольской области» приведены у Rob. Davidsohn, *Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz*, 1 (1896), S. 36 и сл.; об этом упоминается вплоть до XI в.

Много пустующей земли было и в Испании в то время, когда испанская марка была включена в состав французской монархии¹. Ясно само собой, что колоссальные леса имелись и во Франции², и в Германии³.

Нечего доказывать, что все это свидетельствует о крайне редком населении.

К сожалению, мы не имеем никакой возможности хотя бы приблизительно определить плотность населения того времени. Но уже все перечисленные нами симптомы, а также результаты целого ряда статистико-топографических исследований не оставляют никакого сомнения в том, что общая цифра населения была чрезвычайно мала.

¹ Доказательства можно найти у М. Ковалевского, «Экономическое развитие Европы», немецкий перевод, 1901 г., З, 431.

² При пожалованиях земли, происходивших в ту эпоху, леса составляли наибольшую часть даримой площади. См. примеры у K. Th. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 1879 и сл. (цит. D W G.), I, 215; Lampricht, DWL., I, 94. «О пустошах» в Баварии см. Th. Bitterau, Die Traditionen des Hochstifts Freising, I Bd (744—926) (Quellen und Erörterungen zur bayer. u. deutschen Geschichte, N. F., IV Bd. (1905), S. LXXXI).

³ Сюда относятся исследование Лампрехта в первом томе его «Истории германской хозяйственной жизни в средние века» и весьма обстоятельный труд Майтленда — F. Will. Maitland, Domesday Book and Beyond стр. 20 и сл.

Глава VI. Хозяйство деревень.

Литература.

Сделанный ниже очерк деревенского хозяйства в эпоху европейского средневековья основывается, главным образом, на результатах так называемых «старых» исследований. Писатели, которым мы обязаны этими исследованиями,— это прежде всего Маурер, Ландау, Герар, Мейцен, Инаама, Лампрехт, Гирке, Сибом. Так как мое изложение придерживается в основном сочинений этих исследователей, то я не делаю ссылок на источники. За последние десятилетия взгляды их много раз спорились; среди важнейших представителей «нового» направления следует упомянуть Каро, Виттиха, Р. Гильдебранда, С. Ритшеля, Иог. Рейхеля, Тевенена, Фюстель де Куланжа, Тамассина и за последнее время Допша. Но сколько бы мы ни старались, нам не удастся объединить результаты этих критических работ в одну связную общую картину. Поэтому я не вмешиваюсь в споры, касающиеся отдельных пунктов; насколько я могу судить, споры эти, если бы даже «новое направление» оказалось правым по всем вопросам, ничего не меняют в основных чертах той картины старого деревенского хозяйства, которая здесь больше всего нас интересует. Ибо разрешение в ту или другую сторону вопроса о том, оставалась ли старая гуфа неизменной или нет, была ли она и общинная марка автономной организацией или входила в состав поместья, не затрагивает существенных особенностей хозяйственной организации средневековой деревни. Особенности эти сводились к хозяйственной автономии, покрытию потребностей за счет собственного хозяйства, частному хозяйству, которое варьировало по размерам и отчасти включалось в общинно-хозяйственную организацию.

Как складывалась в этой обстановке хозяйственная жизнь? Какую форму принимали заботы людей тех столетий о поддержании своего существования?

В хозяйственном строе того времени можно ясно заметить две различных организаций, которые мы рассмотрим одну после другой: крестьянское хозяйство в деревенских общинах и барщинное хозяйство в крупных поместьях.

Народы Европы (к западу от русской границы) в теченье рассматриваемой нами эпохи уже давно перешли к оседлому образу жизни. Не говоря о старых культурных народах, даже германцы с первых столетий нашей эры стали жить оседлыми поселениями и начали заниматься земледелием; со временем своего перехода в свободные германские области славяне также перешли к оседлому образу жизни, а в конце концов (около 600 г.) и ирландские кельты превратились изnomадов в земледельцев. Великие переселения народов прекратились уже за несколько столетий до этого. Аграрный быт Европы начал стабилизоваться и отливаться в те прочные формы, какие он принял при окончательном оседании земледельческого населения.

Как я уже указывал выше, формы поселений были весьма разнообразны и с внешней стороны придавали европейскому аграрному быту крайне пестрый отпечаток, тем более, что в одной и той же области селились различные национальности и племена, влияние которых нередко очень долгое время сказывалось на форме поселений¹.

Как известно, только очень небольшие пространства Европы были заселены людьми одной народности: нижняя Германия между Эльбой, Везером, средней горной областью и Северным морем представляла единственную страну с чисто германским населением, а Ирландия — единственную страну с чисто кельтским населением. Через все прочие страны прошли самые различные народы, отложив там свою культуру подобно геологическим пластам.

При заселении Европы образовались, главным образом, те формы поселений, которые были свойственны римлянам, кельтам, германцам и славянам. Европейский континент был разделен между этими народностями, и вплоть до обозреваемой нами эпохи Германия до Эльбы была заселена славянами, а в остальных частях отчасти кельтами, отчасти немцами; во Франции и Великобритании смешивались кельтские и германские поселения, а к югу от Альп (поскольку там не сохранилось остатков первоначальных форм) — встречались одновременно и римский способ

¹ Неисчерпаемо богатый материал по части всех проблем расселения можно найти в книге Мейцена, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven*, 3 B-de und Atlasband, 1895. В вопросах, обследованных Мейценом, мы стоим на твердой почве; там, где исследования Мейцена прерываются, по большей части иссякают и все наши познания в этой области. К сожалению, это можно сказать обо всех областях к югу от Альп.

разделения земли по центуриям и германский способ расселения по деревням¹.

В мою задачу не входит описание хотя бы основных особенностей, отличавших эти четыре национальные способы расселения. Я ограничусь лишь кратким указанием признаков, характерных для различных форм поселений, и в отношении всех прочих деталей рекомендую читателю обратиться к книге Мейцена.

Славянское поселение базируется на тесной связи между отдельными домами. Крестьяне живут в деревнях, которые имеют форму круга и на периферии которых разбросаны отдельные хозяйствственные постройки. От этих построек идут по радиусам земельные участки, принадлежащие отдельному крестьянскому двору, и владения каждого двора сосредоточены в одном месте.

Кельтское поселение базируется на клановом устройстве. Жители селятся отдельными дворами, вокруг которых расположена вся площадь, принадлежащая крестьянину.

Германское поселение покоятся на основе товарищества. Крестьянская община живет беспорядочно скученными деревнями. Земельные владения каждой крестьянской семьи разбросаны в различных местах пахотной плодородной почвы по так называемым геваннам. Отсюда и название — геванская деревня (*Gewanddorf*).

Романское поселение имеет вид похожих на города деревень, где каменные дома примыкают стенами друг к другу. Особый случай составляют поселения колоний, расположенные по системе центурий и имеющие вид правильных четырехугольников по двести югеров в каждой стороне.

В данном случае мне важнее всего выяснить, что, несмотря на чрезвычайно многообразные способы расселения, крестьянское хозяйство того времени и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе по существу отличалось большим однообразием и обнаруживало целый ряд совпадающих признаков, что отчасти вытекало из самой «природы вещей»².

Если мы хотим понять органическое единство и своеобразие какого-либо социального образования, являющегося определенной хозяйственной системой, то, как мы знаем, мы должны искать руководящую идею, приведшую к его возникновению и поддерживающую его в дальнейшем: руководящую, основную идею, которая есть опять-таки не что иное, как движущие интересы

¹ См. карту в атласе мейценовской книги, где графически изображено территориальное распространение различных форм поселений в Европе к северу от Альп.

наиболее влиятельного круга лиц, объединенные в мысленное единство и отраженные в сознании.

Моментом, определявшим своеобразные формы расселения всех европейских народностей, могло быть только стремление членов кочевого племени обеспечить себе существование, несмотря на все больший и больший недостаток земли и на усиливающиеся захваты богатых владельцев стад. Это была идея «пропитания», как впоследствии назвали такое стремление.

Представим себе яснее объективные условия хозяйствования в ту раннюю эпоху, когда племена переходили к оседлому образу жизни:

1. Земля: ее нехватало для кочевого хозяйства, но было вполне достаточно для экстенсивного земледелия.

2. Техника: она отличалась совершенно примитивным характером и в области земледелия, и в области скотоводства, и в области промышленной и транспортной деятельности.

3. Население: оно было до крайности незначительно и отдельные группы его были еще крепко связаны узами кровного родства. В виду всех этих условий всякое стремление осуществить «идею пропитания» неизбежно должно было приводить к такому хозяйственному строю, какой мы фактически встречаем у европейских народностей в эпоху их детства.

Образование поселений происходит в области, которая представляет собою общее владение группы кочевых, родственных по крови семейств и до сих пор использовалась поселенцами сообща. Центр тяжести хозяйства переносится из скотоводства в земледелие. Для этой цели каждое семейство получает клочок земли в свое исключительное пользование, временное или постоянное. Клочок этот должен быть достаточно велик, чтобы обеспечить земледельцам существование, соответствующее их традициям, и дать занятие рабочим силам, получающим средства к жизни от распашки земли. Доли пашни должны быть по возможности одинаковы по величине и по качеству. Самое владение во многих местах называется «сохой» (*agatim*), пахотной землей или семейным владением, семейной землей, а иногда и просто семьей (*familia*).

У всех народов одинаково повторяется одна и та же основная идея: каждая крестьянская семья получает клочок земли, приспособленный к ее потребностям и ее рабочей силе. Всего тщательнее эта идея проведена в немецких гуфах; но «и кельтские отдельные фермы являются крестьянскими владениями, хотя и не одинаковыми по величине, но, по крайней мере, такими, которые

дают достаточно средств для прокормления крестьянской семьи». Вот почему и во французских документах мы встречаем выражение «*mansus*», употребляющееся вместо термина «*tates*». То же самое можно сказать и о славянских зезинах.

При всех способах расселения значительная часть земельных владений изымается из пользования отдельных семейств и в качестве общего владения передается всей общине. К этому сводится сущность альменды. Эта часть деревенской земли служит основой для совместного ведения скотоводства и используется как пастбище. Это объясняется прежде всего общими условиями, которые в ту раннюю эпоху не допускали никакой иной формы скотоводства, кроме коллективной. Примитивному скотоводству соответствует и примитивное земледелие. Первыми системами земледелия, практиковавшимися после перехода к оседлому образу жизни, были по всей вероятности или грубое двухполье или совершенно примитивное однополье.

Внутренняя связанность всех членов крестьянской общины, коренящаяся в кровном родстве и в вытекающих отсюда чувствах симпатии, которые и приводят к образованию «общин» в теннисовском смысле слова¹, находит свое экономическое выражение в изолированности всей общины и во взаимной зависимости отдельных крестьянских семейств друг от друга. С внешним миром община почти совершенно не сносится. Между отдельными деревнями первое время не пролагалось даже никаких дорог. Круг жизненных отношений не выходит за узкие пределы деревенской запашки. Так как каждая отдельная семья хочет быть совершенно самостоятельной на своем участке, то из этого сам собою вытекает регулирующий производство принцип: покрытие естественных потребностей собственными средствами.

Покрытие потребностей регулирует долю участия каждого в использовании общинных владений: каждый должен брать столько, сколько ему нужно (так, по крайней мере, обстояло дело первое время), но он не должен ничего продавать.

Этим же принципом определяется и совокупность получаемых в хозяйстве продуктов: продукты хозяйства — это общепринятые у народа питательные плоды и растения, материал для тканья и т. д.

Под влиянием этого же принципа слагается и взаимопомощь, оказывавшаяся крестьянами другу другу и бывшая в раннюю эпоху чем-то само собою разумеющимся.

Тот же принцип вынуждает каждую семью заниматься не только

¹ F. Töppies, Gemeinschaft und Gesellschaft, 1887, 2 Aufl., 1912.

сельскохозяйственным, но и промышленным производством. Ясно, что большая часть промышленных продуктов должна была вырабатываться в самом крестьянском хозяйстве. Как мы покажем в надлежащем месте, домашняя промышленная деятельность крестьянских хозяйств сохранилась до нашего времени. Постройка домов, изготовление одежды, орудий и украшений, выпечка хлеба несомненно были исконными отраслями крестьянского потребительского хозяйства. Даже необходимые для крестьянина железные предметы, как например иглы, подковы и т. д., крестьянин производил сам из той руды, которую он находил в окрестностях и выплавлял в простых плавильных печах¹. Там, где приходилось строить более обширные сооружения, об этом заботилась вся община. Так обстояло дело с (водяными) мельницами², а также и с кузницами³. Наконец, уже в раннюю эпоху в деревнях имелись отдельные специальные работники, выполнявшие для других необходимые промышленные работы: прежде всего кузнец и шорник, эти первичные типы деревенского ремесленника⁴. Пер-

¹ Много нового материала по этому вопросу можно найти у Alfons Müller, *Geschichte des Eisens im Inner-Oesterreich*, 1 (1909), 111 и сл.

² См. салический закон, 22. *Lamprrecht DWL*, 1,17. В «Книге Страшного Суда» положение изображается так: «Владение мельницей разделено иногда на столько частей, что мы должны как будто прийти к выводу, что мельница была выстроена за счет всей деревни». F. W. Maitland, D. Book and Beyond (1897), стр. 144.

³ В известном месте Lex Baiuv. (IX, 2) церковь, герцогский дворец, мельница и кузница именуются такими общественными зданиями, которые пользуются наибольшей охраной. «Эти здания, в которых люди не жили постоянно и которые посещались только во время работы и нередко были расположены совершенно уединенно на берегу реки, особо защищались законом, подобно земледельческим орудиям, оставленным в поле без всякой охраны. Они всегда стояли *открытыми* — и кузницы и мельницы: эти общественные мастерские были собственностью общины и все члены общины имели право использовать их по очереди». F. Dahp, *Könige d. Germanen*, IX, 2 (1905), 443. Спорному вопросу о том, являлись ли мельницы «частной собственностью» или находились в собственности общины (марки), посвящена книга Carl Koehele, *Das Recht der Mühlen bis zum Ende der Karolingerzeit*, 1904. Существовали: 1) «частные мельницы» крестьян (совершенно примитивные); 2) общинные мельницы; 3) частные мельницы помещиков, которые могли, а впоследствии должны были использоваться крестьянами. См. VII главу. По поводу выше отмеченных споров смотреть также M. Thévenin, *Etudes sur la propriété au moyen age*, в «Revue Histor.», 1886.

⁴ Кузнец, *faber ferrarius*, упоминается в салическом законе — 35,6; 10,26; lex Baiuv. — 9,2; в законе алеманов — 81,7 и в других местах; плотник *ulomus* упоминается в салическом законе — 35,6; 10,26 (впрочем можно думать, что в этих местах имеется в виду поместный рабочий).

воначально они не были самостоятельными хозяевами, а являлись как бы своего рода общиными чиновниками, которых община содержала с обязательством бесплатно выполнять все кузнечные и шорные работы. Обломки этих социальных образований остались еще и в наши дни; в несколько измененном виде они и по сей день существуют в крупных поместьях — так называемые поместные ремесленники, а кое-где сохранились и по деревням — деревенские ремесленники.

Само собою разумеется, этот крепко сколоченный житейский узел отразился и в правовых формах, регулировавших все житейские отношения. Медленно и постепенно допускает к себе посторонних пришельцев община родственных по крови сельчан; медленно и постепенно отдельная крестьянская семья приобретает право свободного распоряжения своим земельным участком. А там, где, подобно германским деревням, основанным на системе геванн, земля отдельных крестьян «перемешана» с землей остальных, община строго следит за общим ведением хозяйства, причем отдельные крестьяне совершенно лишены права произвольно распоряжаться своей землей (принудительный севооборот).

Эта первоначальная форма крестьянского хозяйства, охарактеризованная мною несколькими штрихами, несомненно сохранялась в своих основных чертах в течение всех тех столетий, которые предшествовали эпохе Каролингов. Изменилось главным образом, следующее: отношения кровного родства все более и более уступали место отношениям соседской близости, и в среду поселян, объединенных когда-то узами крови, постепенно стали проникать чужеродные элементы. В области имущественных отношений начали проявляться довольно сильная дифференциация. Старые владельцы гуфы по большей части исчезли и их место заняли крупные крестьяне или владельцы частей гуфы. Наряду с «гуфнером» появляется единоличный «владелец котты», известный в английских источниках под именами *cottarius*, *croftmann*, *cotsettle*.

Но дух старого крестьянского хозяйства несомненно оставался одним и тем же — таким, каким он был еще 1000 лет назад — и способы ведения хозяйства не испытывали сколько-нибудь серьезных изменений. Мы знаем, что даже трехполье, господствовавшее в крестьянском хозяйстве в течение всего средневековья и сохранившееся вплоть до нашего времени, начало распространяться не ранее конца VIII в.¹

¹ См., например, B. F. Dahm, Könige d. Germanen, IX, 1, 443. По мнению Майцена (Siedelungen, 2, 592), трехпольное хозяйство впервые упоминается в 771 г. в ратской галльской области. Еще и до сих пор лучшей книгой,

Но хозяйственная жизнь эпохи Каролингов может быть и не приняла бы во всей Европе столь однообразных форм, какими она фактически отличалась, если бы она находилась под исключительным влиянием крестьянского хозяйства. Ибо, хотя крестьянское хозяйство имело массу сходных черт, тем не менее в нем всегда проявлялись характерные особенности национальных способов расселения. Европейской хозяйственной жизни того времени ее значительную однородность придавала, главным образом, вторая организация, уже упоминавшаяся нами, — барщинное хозяйство в крупных поместьях, которое не обнаруживало почти никаких различий от Сицилии до Шотландии и от Зорбенланда до испанской марки. Об этом хозяйстве мы и будем говорить в следующей главе.

где перечисляются «древние Институты» сельского хозяйства, остается книга Karl Gottlieb Anton, *Geschichte der teutschen Landwirtschaft von den ältesten Zeiten bis zum Ende des 15 Jahrhunderts*, 3 B-de, 1799. Конечно, у Антона можно нередко встретить неправильное истолкование.

Глава VII. Барщинное хозяйство. Литература.

Литература о поместном хозяйстве и об его экономическом строении последние годы чрезвычайно выросла как в Германии, так и за границей. Обзор английской литературы об английском поместном хозяйстве можно найти у Nathaniel J. Hope, *The manor and manorial records*, перв. изд. 1906, стр. 312 и сл. Эта книга дает выпуклую картину отдельных сторон поместной жизни в Англии, удачно иллюстрируя их старыми образными описаниями. По этому вопросу ср. также P. Vinogradoff, *The growth of the Manor*, 1905, и его же, *English Society in the XI century*, 1908. Литература французов, итальянцев и немцев, носящая по большей части монографический характер, рассмотрена в труде Alfons Dopsch, *Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland*, 2 B-de, 1912,— в наиболее новом и полном сочинении, которое появилось на немецком языке. Из более поздней литературы нужно также отметить хорошую работу Пауэна—Heinr. Рацея, *Die Kostergundherrschaft Heisterbach. Beiträge zur Geschichte des alten Mönchlums u. s. w.*, herausg. von H. d. Herwegh, Heft 4, 1913 (поместья начинают развиваться только с XII в.).

Хотя отдел о барщинном хозяйстве я написал около 8 лет тому назад, новые исследования и в частности работа Допша не заставили меня внести ни одного единственного изменения. Я с удовольствием могу констатировать, что во многих пунктах мнения мои согласуются с мнениями Допша, поскольку вообще историк и политико-эконом могут иметь одинаковые «взгляды» на хозяйствственные отношения.

Это особенно следует сказать о первом томе, где ошибочные взгляды ранних исследователей (в особенности Инамы) корректируются на основании интересной критики источников. Значение «капитулярия о городах» я оцениваю совершенно так же, как Допш, и потому относящиеся к этому мои замечания могу оставить без изменений.

Иначе обстоит дело со вторым томом, где Допш хочет итти путем «самостоятельного созидания». Здесь наши дороги расходятся, прежде всего потому, что наши основные воззрения относительно задач исторического описания резко противоречат друг другу. Я вполне согласен, что приведенный Допшем материал источников богаче, чем в каком бы то ни было более раннем общем сочинении, касающемся этой эпохи (за исключением главы

о «промышленности», которая чрезвычайно скучна). Но материал этот не есть еще история. Чтобы сделать его историей, Допш должен был бы осветить его светом «теории». Но как раз эту задачу автор энергично отвергает. Он с особенным пылом обрушивается на «теоретиков», в особенности на «политико-экономов» Инааму и Бюхера. Здесь и начинается его ошибка. Если бы он оспаривал неверные и плохо построенные теории этих авторов,— «теория» Инаамы чрезвычайно плохо обоснована и не является в сущности никакой теорией, теория же Бюхера нуждается в поправках—то можно было бы только поблагодарить Допша за то, что он противопоставил им свою собственную «теорию». Но он не хочет ничего и слышать о «теории», а тем не менее желает что-то «строить»!

Я хочу здесь раз навсегда определенно изложить мою точку зрения на этот спор между «теоретиками» и «историками». Следует твердо запомнить, что может быть только одно из двух: либо историки довольствуются ролью наших поставщиков и доставляют нам материал источников, на основании которого мы «строим», либо они строят сами. Но в этом случае они должны иметь некий архитектурный план, который они презрительно именуют «теорией». Теория эта состоит из двух элементов: 1) из системы ясных и точно определенных понятий, 2) из схемы, согласно которой единичные факты сочетаются в одно целое. В данном случае схемой этой является идея определенной хозяйственной системы. Тот, кто не располагает обоими этими элементами, не может вообще «строить». Если же тем не менее он пытается привести факты в порядок, то его неизбежно постигает беда. Возникает безнадежная путаница, которая гораздо хуже, чем простое скопление сырого материала, ибо собранный материал может быть объединен другим автором, имеющим более ясные и систематические взгляды. Так например, человек, описывающий народное ополчение, не может считать, что он пишет историю армии; точно так же не может писать историю хозяйства автор, смешивающий поселенца, обязанного выполнять определенные промышленные работы, с наемным рабочим (в бюхеровском смысле) (см. Допш, 2, 154) или говорящий о «натурально-хозяйственном капитализме» (sic!) (2, 52) и под рубрикой «денежное хозяйство» рассматривающий одновременно ценообразование и кредитное дело (§ 12).

Тогда и возникают такие поистине дикие представления, что, например, запреты ростовщичества и взимания процентов в эпоху Каролингов издавались для того, чтобы защитить публику от «монополистического повышения цен, практикуемого капитализмом» (sic!) (2275). Конечно, ныне нельзя говорить ни об одной эпохе, не упоминая о «капитализме». Если заемодавцы берут высокие проценты за потребительский кредит, если землевладельцы поднимают цены на необходимые жизненные продукты — вот уже вам и «капитализм». Таким образом, оказывается, что капитализм существовал уже в эпоху Каролингов. Не хватает только, чтобы «капитализм» был открыт у древних германцев в эпоху Тацита. Приводить в остоубенение специалистов и изумлять профанов, — вот назначение подобного рода теорий (ибо, конечно, это «теории», но плохие и допотопные). Пока «история хозяйства» пишется историками со столь недостаточной предварительной подготовкой, никакое взаимное понимание невозможно. Одним из весьма немногочисленных видных историков, придерживающихся иного метода, является Георг фон Белов, с которым я поэтому всегда диспутирую охотно и легко. Я не могу не привести здесь золотые слова, сказанные фон Бело-

шам в его последнем сочинении (*«Der deutsche Staat des Mittelalters»*, 1914, стр. 107) относительно предпосылок хорошего исторического описания, — сюда, под которыми я целиком подписываюсь. Особенное значение они приобретают потому, что они принадлежат одному из наших лучших историков: если бы что-либо подобное сказали мы, «систематики», нас бесцеремонно оттолкнули бы в сторону как испорченных «теоретиков». Слова фон Белова относятся к истории права, но, конечно, то же самое правильно и в применении к истории хозяйства.

«Историк может и обязан предостерегать от произвольных юридических конструкций, не опирающихся на материал источников. Само собою разумеется, юридический подход не есть единственно возможный подход к прошлому. Но если мы хотим описать старые правовые отношения, то мы можем это сделать только средствами юридической науки». «История права занимается юридическими вопросами и должна следовательно отвечать на них по-юридически» (фон Амира). Для истории права «оказывается мертвым материалом все то, чего она не может понять догматически» (Бруннер). Мое требование сводится только к тому, что при историческом описании необходимо усвоить всю научную подготовку нашего времени и что поэтому историк в своих работах должен обнаружить такую же чистоту, ясность и точность представлений, каких мы требуем ныне от всех вообще описаний»... «Я уже много раз высказывался в том смысле, что определенность и ясность понятий отнюдь не являются качествами, вредными для настоящего исторического исследования». (Разрядка моя.)

Когда же, наконец, «историки хозяйства» усвоят себе этот взгляд своего выдающегося коллеги? Меня и других политики-экономов отделяет от большинства историков хозяйства отнюдь не противоречие, существующее между «политико-экономом» и «историком». Есть ведь и историки, подходящие к исследованию прошлого с такими же предпосылками, как и мы, а с другой стороны — я на это также хотел бы обратить внимание — есть и достаточно «политико-экономов», которые по части неясности понятий могут поспорить с любым представителем всякой другой науки.

Мои суждения о работе Допша не единичны: к совершенно таким же выводам приходит, с точки зрения историка, и Пауль Зандер в своем ответе на замечания Допша, сделанные по поводу зандеровской критики его книги. Критическая статья Зандера помещена в *«Schmoller's Jahrbuch»*, 37 Jahrg., полемика — там же (38 Jahrg.).

I. Распространение поместного хозяйства.

В настоящее время никто не оспаривает, что «поместные хозяйства» вместе с развившимся на их почве своеобразным хозяйственным строем — барщинным хозяйством — существовали в эпоху средневековья у всех европейских народов и оказывали величайшее влияние на все культурное развитие этих народов, особенно на уклад их хозяйственной жизни.

Спорными остаются лишь следующие вопросы: во-первых, значение «поместных хозяйств» (в смысле организаций, изъятых из-под действия общего

права и имеющих собственное «поместное право») для развития конституционного права. Возникло ли городское право из поместного права или из общего права? Подлежали ли первоначально права горожан нормам поместного права, лишь постепенно освобождаясь от этой зависимости? На какой основе возникли цехи — на основе поместного права или общего права, составлялись ли они первоначально из несвободных или свободных людей и т. д.? Все эти вопросы, конечно, совершенно выходят из круга нашего рассмотрения. Во-вторых, столь же спорной является и другая проблема, с особенной остротой выдвинутая Гергардом Зеелигером (*Gerhard Seeliger, Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. Abhandlungen der phil. histor. Klasse der K. Sächsischen Gesellschaft der Wiss.*, XXII Bd., Heft 1, 1904), — вопрос о том, какое влияние оказывали поместья на личное правовое положение живших в их округе людей (Зеелигер отстаивает тот правильный по моему мнению взгляд, что «в поместьях свободное население не исчезло, а имелось в довольно больших количествах»; *указ. соч.*, стр. 196). Наконец, в-третьих, я оставляю в стороне вопрос о том, насколько большим распространением пользовались поместные хозяйства, т. е. в каком количественном отношении занятая поместьями земля находилась в первую половину средних веков к земле, занятой свободными крестьянами. Предположения, часто высказывавшиеся раньше, будто в X и XI вв. существовали только поместные хозяйства, являются несомненно преувеличением. В отношении Англии этот взгляд отстаивался, между прочим, Сибомом и Эшли, крайне воззрения которых были впоследствии корректированы исследованиями Виноградова, Эрла, Раунда, Майтленда и Поллока. В отношении Франции Флах и некоторые другие доказали, что наряду с поместными хозяйствами продолжали существовать и свободные крестьянские общины. Как это ни странно, в отношении Италии старая точка зрения ныне снова выдвигается в сочинении *Ludo M. Hartmann, Geschichte Italiens*, II, 40 и сл.; II, 2, 15 и сл.

Я уже сказал, что поместно-барщинная хозяйственная организация в различных странах Европы отличалась весьма однородными чертами. В самом деле, с какими бы источниками мы ни знакомились — с уставом монастырей в Боббио или Фарфе, с уставом владений градского патриарха или равенского епископа (в Италии), с уставом аббатства Сен-Жермен де Пре или Тиронского аббатства св. Троицы, или с уставом монастырей в Клерво, Корби, Сен-Реми (во Франции), с уставами Сен-Галленского монастыря в Швейцарии, с уставами Прумского или Вейсенбургского монастыря, с уставами доменов Карла Великого, с уставами аббатств в Рейхенау, Фульде, Лорше, Вердене на Руре, с уставами владений графа Сибото фон Фалькенштейна в Германии, с уставами Рамсайского, Мальмсберийского, Уустерского или Питерборосского монастырей в Англии или с уставом монастыря Сен-Тру около Лютиха, — всюду, как мы это детально покажем в дальнейшем, мы встречаем приблизительно одну и ту же картину.

Конечно, это единообразие наблюдается постольку, поскольку дело идет о реальных формах техническо-хозяйственного процесса,—организации производства благ, распределении благ и потреблении благ—как о едином комплексе жизненных отношений. Другие стороны поместного хозяйства, наоборот, обнаруживают большое многообразие, как например политическое положение землевладельцев в стране, личное правовое положение крестьянина и рабочего, проявляющее всевозможные оттенки, начиная от чисто рабских отношений в древнеримском смысле (в некоторых частях Италии) и кончая полной личной свободой сокмана и аладиария, наконец, права владения крестьян, представляющие чрезвычайно пеструю картину, ибо нередко в одной и той же стране, а иногда и в одном и том же поместьи существуют бок о бок чистая собственность и краткосрочная аренда, наследственное пожалование и ливелларское владение, эмфитеузис и отношения, напоминающие частичную аренду. План настоящей работы не только позволяет, но и требует, чтобы мы отвлеклись от всех этих различий и сосредоточили внимание только на основном реальном феномене.

Я буду описывать хозяйственную жизнь. При этом мы должны твердо помнить, что в ту раннюю эпоху, когда формальное право было далеко не столь решающим моментом, как традиция и обычай, правовые формы имели лишь второстепенное значение для развития жизненных отношений. Ведение хозяйства на барщинном дворе или в деревне X и XI вв. совершенно не определялось более или менее свободным правовым положением действующих в хозяйстве лиц. Отношения были до крайности пестры и *ingenui* работали рядом с *servi*; система работ и повинностей складывалась более или менее независимо от этих правовых различий. Если семейство жило на земле, то для него было довольно безразлично, числилось ли оно семейством, свободных людей или семейством крепостных, приписано ли оно было к земле или «могло ити куда захочет», владело ли оно землей на правах бенефиция, прекария, *colonia partiaria* или наследственного пожалования или на каких-либо иных правах. Для него было важно лишь следующее: 1) какую часть урожая оно должно было отдавать; 2) сколько дней в году оно должно было работать на господской барщине; 3) оставалось ли оно на одном и том же участке из поколения в поколение.

Невольно спрашиваешь себя, чем объясняется такое поразительное сходство отношений. Отвечая на этот вопрос, обычно указывают на общий источник средневекового барщинного строя,—на римское землевладение и нивелирующее влияние христианской церкви. Я считаю это объяснение недостаточным и полагаю, что необходимо принять в расчет третий фактор, способствовавший образованию средневековых поместных хозяйств: именно «природу вещей», понимая под этим не очень удачным выражением ту совокупность фактов, которые при наличии определенных условий вызывали с известной необходимостью отмеченные здесь явления. Во всяком случае не подлежит сомнению, что поместную организацию мы встречаем и в совершенно других культурах, но что как раз те самые народы, которые создавали историю средневековья, создали весьма схожие социальные образования за-

долго до того, как начало сказываться римское влияние. То, что сообщает нам Тацит о германцах¹, уже содержит зародыши поместного хозяйственного строя средневековья.

Итак, приходится притти к заключению, что распространению по Европе поместной организации в течение средних веков существенно способствовали аналогичные социальные образования, возникшие у европейских народностей давным давно. Достаточно известно², что барщинный уклад достиг полного развития уже в последние столетия Римской империи; исследователи нередко подчеркивают связь, существующую между римским и средневековым поместным землевладением³. Достаточно ясно выяснена и роль, которую играла церковь при развитии и распространении этого хозяйственного строя⁴. Мы знаем, что сначала церковь, а затем и племена-завоеватели во всей области римской культуры просто-напросто стали на место римских посессоров, в остальных же частях Европы этот способ хозяйствования распространился под прямым влиянием представителей церкви.

Большое значение приобрел устав *Benedicti regula monachorum* (rec. Wölfflin, 1895), о котором я еще буду говорить впоследствии. При основании новых монастырей проводились те же принципы управления, какие соблюдались в старых монастырях. Так например, можно ясно проследить, что организация Верденского аббатства, основанного настоятелями Лиудгером и Гильдигриром, жившими ранее в Монте-Казино, сложилась по образцу устава бенедиктинских монахов. См. R. Kötzschke, *Studien zur Verwaltungsgeschichte der Grossgrundherrschaft Werden a. d. Ruhr* (1903), стр. 103 и сл. Влияние отдельных монастырей широко распространялось по всем направ-

¹ «Ceteris servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur: quam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit et servus hactenus paret: cetera domus officia uxor ac liberi exsequuntur». Germ. c. 25. Об аналогичных отношениях у кельтов см. Meitzen, *Siedlungen*, 1, 88.

² Max Weber, *Röm. Agrargeschichte*, стр. 243. A. Schulten, *Die römischen Grundherrschaften*, 1896. Cp. Oskar Siebeck, *Das Arbeitssystem der Grundherrschaft des deutschen M. A.*, Leipzig, In. Diss., 1904, стр. 11, 23.

³ Cp. B. Seeböhm, *English Village Community* (1883), Ch. VIII. Ковалевский — всюду. Meitzen, указ. соч., P. Vinogradoff, *Growth of the Manor*, '37 и сл. Хороший суммарный обзор положения исследования дает Silvio Pivano, *Systema curtense* в *Bulletino dell'Istituto storico Italiano*, № 30, 1909; особ. стр. 107 и сл.

⁴ Aug. Rivet, *Le régime des biens de l'église avant Justinien. Thèse pour le doctorat*, Lyon 1891. H. Stutz, *Die Verwaltung und Nutzung des kirchlichen Vermögens in den Gebieten des westeuropäischen Reichs von Konstantin d. Gr. bis zum Eintritt der germanischen Stämme in die Katholische Kirche*. In. Diss., Berlin, 1892. Th. Mommsen, *Die Bewirtschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I* в *Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Bd. I (1893), стр. 43 и сл.

влениям, либо вследствие того, что один монастырь пересыпал свой устав другому, либо вследствие того, что монастыри обменивались определенными лицами. Так например, инструкция Валаса монастырю Боббио в Верхней Италии (опубликованная Гартманом, M. Hartmann, *Zur Wirtschaftsgesch. Italiens*, стр. 129), очевидно, была написана под влиянием адалтгардовских Statuta abbatariae Corbeiensis (опубликованных Гераром в *«PoI d'Arm»*, 2,306). Что аббаты монастырей часто перемещались на очень отдаленные места, — факт общеизвестный. Так, Прумский монастырь в IX в. получил одного из виднейших своих настоятелей, Маркварда, из Феррьерского монастыря. J. N. a b. Hontheim, His. Trev., 1,185, примечание цит. у Lamprecht, DWL., 1,79. Знаменитый план для перестройки Сен-Галленского монастыря, составленный в 820 г., был итальянского происхождения: см. J. v. Schlosser, *Die abendländischen Klosteranlagen des früheren Mittelalters*, 1889.

II. Основные черты барщинного хозяйства.

На вопрос, в чем заключалась существенная особенность той новой хозяйственной системы, которая пришла в мир вместе с крупными поместьями, мы можем дать следующий общий ответ: это был такой хозяйственный строй, который был создан богатыми людьми для того, чтобы покрывать свои потребности в благах с помощью посторонних рабочих, работавших в их хозяйстве.

Так как здесь не излагается генезис этой хозяйственной системы, то мы можем не говорить и о возникновении этого нового класса руководящих хозяйствующих субъектов и их богатства, заключавшегося, главным образом, в праве распоряжения обширными земельными владениями и рабочими силами, необходимыми для обработки земли.

Достаточно упомянуть лишь важнейшие причины, приведшие к возникновению средневекового крупного землевладения.

Причины эти были таковы:

1. Присвоение крупных участков земли князьями при переходе к оседлому образу жизни (следовательно, еще до переселений).

2. Захват этой коронной и государственной земли королями, последовавший во время переселения народов; захватывались как крупные земельные владения в римских областях, так и общинная земля в областях старого племенного расселения.

Иногда имела место непосредственная пересадка на новую почву имущественных отношений римского права: так например, переселенцы, заселившие в VI и VII вв. венецианские лагуны и пришедшие сюда из угрожаемых городов континента, принадлежали к трибуンским родам и вместе со своими рабами и колонами перенесли в лагуны свой поместный уклад. См. Hartmann, *Die wirtschaftliche Anfänge Venedigs in Vierleijahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 2 (1904), 434 и сл.

3. Весьма распространенное дарение земли свободными землевладельцами церковным и светским магнатам.

4. Прогрессирующий захват площадей из состава земель, принадлежащих Маркам и альмендам.

5. Принятие земли по праву залога и покупки, которое стало уже довольно рано допускаться народными законами.

6. Противозаконный и насильственный захват владений, остававшийся без отпора и в силу давности превращавшийся в право собственности.

Теперь перенесем наше внимание на самих новых хозяйствующих субъектов: познакомимся с их стремлениями, с их потребностями, с тем общим духом, который руководил ими, когда они перестраивали хозяйство на новом основании, и, наконец, с созданной ими хозяйственной организацией.

Прежде всего, следует спросить — кто были те «новые» люди, в руки которых отчасти уже перешло, отчасти все более и более переходило ведение хозяйства и что отличало их от прежних хозяйствующих субъектов — от крестьян деревенской общины?

Люди, которые после падения Римской империи выделились из широкой массы народа, принадлежали, как известно, отчасти к духовному, отчасти к светскому сословию. Это были набожные, одинокие монахи и видные сановники церкви; это были короли и князья и свободные люди, имевшие в своем распоряжении вооруженную свиту; это были служилые люди, получавшие землю от своих господ в вознаграждение за оказанные услуги.

Общим признаком всех этих людей было то, что они располагали достаточно большим состоянием и достаточно большим доходом, чтобы не участвовать непосредственно в ведении хозяйства. Они могли жить как праздный класс и хотели так жить. Они избегали «грязных занятий». Они заполняли свою жизнь другим: они состояли на военной службе или отправляли церковные трябы, проводили время в одинокой праздности или среди веселых друзей, в шумных попойках или в набожном созерцании, в охоте или в играх. Они вели жизнь сеньоров. Только монахи, особенно в самый ранний период средневековья, нередко принимались за лопату и топор, чтобы выкорчевывать леса и трудом собственных рук добывать себе средства существования на только что расчищенной земле. Но монахи эти были наполовину крестьяне и не являлись «землевладельцами», как их преемники в более поздние столетия.

Размеры отдельных земельных владений и нетрудовых доходов, получавшихся землевладельцем, были очень различны. В этом отношении существовал целый ряд ступеней богатства, начиная с незначительного воина, располагавшего доходом с двух или трех гуф¹, и кончая светским и духовным магнатом, во владении

¹ Судя по английским источникам, доход самого мелкого землевладельца (lorda manora) можно определить в 5—20 ф. ст. (100—400 ф. ст. по современной стоимости). Наталиэль Дж. Гон, цит. соч., стр. 14.

которого находились целые страны¹. Несомненно, имелось немало землевладельцев, доход которых далеко превышал традиционные потребности одной семьи; можно даже сказать, что эта категория крупных земельных собственников все более и более становилась нормальным типом землевладельца. Что же делал этот богатый землевладелец с излишками своих доходов?

Прежде всего он, разумеется, стремился к тому, чтобы расширить круг лиц, которые были свободны от забот по добыванию хлеба и вместе с ним или в непосредственной зависимости от него участвовали в проедании его дохода. Светские магнаты устраивали для себя двор и, прежде всего, заводили свиту вооруженных людей, — иногда потому, что король требовал от них содержания военных отрядов, в любую минуту готовых к действию, иногда потому, что они считали отряды эти необходимыми для собственной безопасности или для расширения своего могущества. Духовные магнаты, свита которых нередко превращалась во внушительный двор, старались об увеличении числа служителей церкви и числа монахов в монастырях и копили средства для раздачи милостыни бедным.

Наряду с этим увеличением круга потребителей наблюдалось и стремление поднять жизненный уровень, утончить потребности. У светских магнатов постепенно развивалась страсть к пышности и вкус к зажиточному и роскошному образу жизни; особенно усиленно привычки эти культивировались женщинами². Аббаты и епископы, кроме того, заботились о богатом и пышном убранстве своих монастырей и церквей, не забывая впрочем и о том,

¹ Допш (1,271 и сл.) приводит список дарений и ленов светским землевладельцам, выделяемых из королевского имущества; здесь же он указывает и размеры владений в эпоху Каролингов. Уже в этом списке отдельных дарений размеры их колеблются между одной гуфой и 104 манзами с 300 крепостными.

² См., например, перечисление женских украшений в эпоху Каролингов, приведенное автором жития св. Гатумода Гандерсгеймского, MG. SS., 4,167, с. 2. Конечно святой человек в этом случае не пожалел красок. Но такого рода свидетельства отнюдь не должны приводить к предположению, что эта эпоха уже утопала в роскоши, — предположению, к которому склоняется Допш. Мой светский рассудок подсказывает мне, что если хотят создать себе правильное представление об образе жизни того или другого пола, то не следует опираться на перечисление украшений, приводимое ревностным проповедником нравственности; для этого скорее нужно приглядеться к тому, как был построен барский двор и какая мебель и посуда были включены в инвентарь средневекового поместья. Тогда придется притти к совершенно иному заключению. См., например, описание английского манора ранней "Эпохи" у Нат. Дж. Гона, указ. соч., стр. 26 и сл.

чтобы приукрасить и свою собственную жизнь материальными и духовными наслаждениями: утончением гастрономии мы обязаны, главным образом, духовенству.

Стремление к беспрерывному и полному удовлетворению этих потребительских нужд давало лейтмотив всему поместичьему хозяйству. Это ясно видно из предписания Карла Великого, которое гласит¹: «Тот, кто получил от нас бенефиций, должен тщательно позаботиться, насколько он может это с божьей помощью сделать, чтобы никто из людей, принадлежащих к этому бенефицию, не умирал с голода и чтобы каждый свободно продавал, согласно предписаниям закона, только то, что превышает потребности его семьи». Если и в эпоху средневековья у землевладельцев обнаруживается несомнённое стремление увеличивать свое имущество, т. е. свои земельные владения, то стремление это всегда подсказывалось желанием еще лучше и еще шире удовлетворять наличные потребительские нужды: располагать более многочисленной свитой, иметь большее число крепостных, подчинять своему влиянию все большее и большее число душ. А иногда — просто пышнее жить или богаче изукрасить любимую церковь. Выражаясь моей терминологией, можно сказать: принцип покрытия потребностей остается регулирующим принципом поместного хозяйственного строя².

Особые способы ведения хозяйства определялись целым рядом местных обстоятельств.

Прежде всего, необходимо отметить факт, что во многих случаях довольно значительное число людей стремилось жить сообща, т. е. стремилось образовать большое общее потребительское хозяйство. В состав такого хозяйства входила челядь в резиденциях светских и духовных князей, и таким же хозяйствам принадлежали и религиозные общины монахов (существовавшие с момента основания христианской церкви), а затем и общины белого духовенства. После VI в. белое духовенство переходит к общинной жизни³.

¹ Приведенное место находится в конце таксы цен, изданной Карлом Великим в 794 г. на франкфуртском синоде. MG. LL. 2. (переп. у Fagiez, Doc. № 88.)

² Ср. сказанное у Lampricht, DWL, I, 2, 844 и источники, приведенные там же в примечании 3. Далее ср. бреве Валаса для монастыря в Боббио, приведенное у Hartmann, Zur. W. G. Italiens, 63 и сл.: «В различных уставах этого времени, равно как и предыдущего времени, проявляется не забота об увеличении доходов монастыря, а забота о том, как регулировать потребление». Привед. соч., стр. 37.

³ См. Phil. Schneider, Die bischöflichen Domkapitel (1885), стр. 26 и сл.

Отдельные стремления в этом направлении проявляются в VI и VII вв., а в VIII и IX вв. они систематизируются и входят в общий обиход благодаря распространению хродегангского и ахенского уставов. В 760 г. мецкий епископ Хродеганг составил устав для клира своей кафедральной церкви по образцу устава св. Бенедикта и латеранских каноников; в основу его были положены предписания относительно общей жизни клира. Этот устав быстро распространился и нашел себе подкрепление со стороны государственного законодательства: капитулярии Пипина и Карла Великого предписывают духовенству совместную жизнь, Людовик Благочестивый также является одним из самых ревностных сторонников этого принципа. В 817 г. на ахенском соборе, он приказывает принять Аквисгранский устав, составленный по образцу Хродегангского устава и вменяющий в обязанность всему духовенству жить в одном доме, есть и спать в общих помещениях. Клирики, принадлежавшие к одной и той же церкви и объединенные общностью жизни, назывались капитулом. В IX в. капитулы эти распространялись по всему христианскому миру и представляли собой новый важный тип крупного потребительского хозяйства, значение которого для развития хозяйственных отношений средневековья по моему мнению было немало.

К сожалению, источники не дают нам никаких данных, позволяющих определить число этих крупных потребительских организаций. Об их размерах в том или другом случае мы можем судить лишь по отдельным статистическим данным, разбросанным в источниках. Данные эти, конечно (поскольку они вообще надежны), относятся почти исключительно к большим монастырям, т. е. к крупнейшим центрам потребления (если не считать королевский двор и несколько архиепископств). В 822 г. в монастыре Корби¹, число ртов, которое приходилось ежедневно кормить, было не менее 300, но редко превосходило 400; число ежедневно выпекаемых хлебов рачительный аббат (руководствуясь правилом — «мы желаем, чтобы распределляемая нашими служителями пища была скорее чрезмерно обильна, чем недостаточна»)² определяет в 450 (с 15 мельниц), число свиней, потребляемых ежегодно — в 600. Монастырь состоял из нескольких отделений, управлявшихся особыми лицами: 1) гостинница для пилигримов; 2) монастырский двор, где содержалось 150 провенариев (послушников и служащих); 3) монастырь в собственном смысле.

¹ Stat. antiqua Abb. S. Petri Corbeiensis в прилож. к PoJ. d'Utrinon, 2, 306 и сл.

² Указ. соч., стр. 312.

В начале XII в. в английском монастыре Петерборо содержится 100 человек: 40 слуг и 60 «монахов, живущих по полному монашескому уставу»¹.

В 885 г. в Эхтернахе жило 40 братьев; в X в. в Прюме числилось 186 братьев, в монастыре св. Максимины — 20 братьев; в 920 г. в Фульде жило 180 человек, а о Герсфельде Ламберт рассказывает, что уже в ранние времена там имелось 150 монахов².

При решении вопроса об организации производства весьма большое значение имело то обстоятельство, что не было достаточного числа подходящих рабочих сил, с помощью которых можно было бы создать хозяйства типа ойкоса вроде тех, какие существовали в эпоху римских императоров, или хотя бы поместные хозяйства крупного масштаба. Возможно, что и руководители новых хозяйственных единиц не имели необходимых технических познаний, чтобы стать во главе более сложного крупного хозяйства.

Далее, не могло быть и речи о сколько-нибудь значительном классе самостоятельных промышленных производителей, специализировавшихся на определенной профессии, — другими словами, о классе ремесленников, а следовательно, нельзя было думать и о таком хозяйстве, которое покрывало бы свои потребности при помощи рынка.

Наконец, ведение хозяйства приобретало совершенно своеобразный характер еще и благодаря тому, что земельные владения всех крупных поместий отличались крайней чересполосицей, т. е. не сосредоточивались на одной определенной площади, а были разбросаны на больших расстояниях друг от друга; иногда владения одного и того же владельца находились во многих деревнях, где несколько гоф принадлежало одному помещику, а остальные — целому ряду других владельцев. Положение изменилось только тогда, когда помещики стали корчевать собственную землю и стали сами населять целые деревни.

Таким образом сложилась та своеобразная организация, которую мы называем барщинным хозяйством и которую можно охарактеризовать следующими чертами.

¹ Liber niger Питербороского монастыря. Прил. к *Chronica Peterburgense* (Cambr. Society 1849), стр. 167 и сл.

² О численном составе германских монастырей см. источники, приведенные у Лампрехта (DWL), 1, 2, 845 и сл. Ср. также правила об оброках Рейхенаусского аббатства в Würtemb. II. B., 1, 124—126. (Докум. от 843 г.)

III. Организация труда в барщинном хозяйстве.

Вся потребность в благах, возникавшая внутри крупнопоместного потребительского хозяйства, в общем и целом должна была покрываться за счет собственных доходов, путем приспособления продукции к собственным нуждам. Другими словами, барщинное хозяйство было в основе своей таким же потребительским хозяйством, как и хозяйство крестьянское, но существенно отличалось от этого последнего тем, что круг людей, объединенных в хозяйстве, включал в себя многочисленные посторонние элементы. Поэтому этот тип хозяйства я называю расширенным потребительским хозяйством.

1. Сельское хозяйство.

Посмотрим сначала, как добывались средства питания и органические материалы, т. е. каким образом протекало сельскохозяйственное производство. Мы наблюдаем поразительный факт, что сельскохозяйственное производство по большей части велось в тех самых крестьянских хозяйствах, о которых мы уже говорили раньше. Помещичье право собственности на землю в большинстве случаев ни в чем не меняло общего облика хозяйства; экономически оно проявлялось только в обязанности крестьянина отдавать землевладельцу часть своего производственного дохода. Поэтому все заботы землевладельца сводились прежде всего к тому, чтобы собирать с крестьян эти доли. Эта задача лежала на определенных лицах, которые назывались управляющими или старостами (*villici*) и которые по общему правилу назначались помещиком для каждой деревни, где жили крестьяне, несущие повинности в пользу помещика. Когда общая сумма сборов была невелика, таким управляющим нередко назначался один из крестьян; иногда, если землевладелец принадлежал к категории мелких и имел всего только несколько гуф, сбором занимался он сам. Помещения, куда крестьяне должны были сдавать свои продукты, назывались в Германии барским двором (*Fronhof*), в Италии — *rectorium*, *dominicalia*, *dom. dominicata* и т. д.¹; округ, находившийся в ведении управляющего, назывался во Франции фиск (*terre*)². Сборы заключались во всевозможных продуктах полеводства и скотоводства: в хлебе, скоте, битой птице, меде, воске, шерсти, вине и т. д. Иногда при опре-

¹ См. баварский кодекс (середина X в.), который дает нам данные об организации поместий архиепископа равенского. См. статью Гартмана в «Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsforschung», XI Bd, 3 Heft.

² Guérard, Pol. d'Irm., 1, 45.

делении их принимались в расчет особенности каждого отдельного крестьянского двора.

Для хозяйственной структуры не имели значения следующие обстоятельства: 1) крестьянские права собственности на землю: структура не менялась от того, принадлежала ли земля крестьянину или землевладельцу; 2) те³ правовые титулы, на основании которых крестьянин⁴ должен был вносить свой натуральный оброк; 3) личное правовое положение крестьянина.

Судя по новым данным, можно как будто притти к выводу, что «свободные договорные отношения», в том числе и испольщина, уже в эпоху Каролингов играли более значительную роль, чем это думали раньше¹. Впрочем, по самому своему существу испольщина есть «потребительская» форма пользования². Управляющий отвозит сданные ему продукты на господский двор или на один из барских дворов, где они и потребляются. В крупных поместьях доставка распределялась в течение года таким образом, что каждый барский двор должен был в продолжение известного числа дней поставлять все запасы, необходимые для помещика; сумма продуктов, которую надо было поставлять каждый день, называлась *servitium*. Об этом упоминается уже в капитулярии о городах. В крупных поместьях между центральным господским двором и отдельными управляющими существовали еще промежуточные инстанции: так называемые пробства, препозитуры, находившиеся под управлением препозита или прокуратора. Так например, владения графа Сибото фон Фалькенштейна (в Баварии) были разделены на четыре препозитуры, каждая из которых включала в себя довольно значительное число барских дворов³.

Но крестьянское хозяйство было только одним источником, из которого сельскохозяйственные продукты притекали в помещичье потребительное хозяйство. Другим источником было поместное хозяйство, т. е. хозяйство, которое помещик вел на собственной земле через посредство своих служащих. Эта часть помещичьих владений, обрабатываемая самим помещиком, называлась помещичьей землей, *terra dominica, indominicata*, в Англии — доменом лорда, а на англо-саксонском наречии — землей танов (*thane's inland*).

¹ Относительно Италии см. обстоятельную работу Silvio Pivano, I contratti agrari in Italia nell'alto medio-evo, 1904. Там же можно найти и указание литературы. Ср. также Допш, W. Entwicklung.

² См. гл. VIII.

³ Codex Falkensteinensis, ed. Hans Petz (Drei bayerische Traditionsbücher aus dem 12 Jahrh., 1880), S. XXII, XXIII.

За последнее время весьма знающие исследователи стали высказывать сомнение в том, что в раннее средневековье все помещики вели собственное хозяйство: W. Wittich, *Die Frage der Freibauern* (*Zeitschrift der Savignyst.* Germ., 22); *Allfreiheit und Dienstbarkeit des Uradels in Niedersachsen* (*Vierteljahrsschr. f. soz. u. W. Gesch.*, Bd. 4, S. 77). По мнению Виттиха существовали и такие «мелкие землевладельцы», «которые жили, главным образом, за счет сборов с своих крепостных». Я считаю это маловероятным и полагаю, что возражения, выставленные Ф. Гекком против взглядов Виттиха, вполне основательны. См. Ph. Heck, *Beiträge zur Rechtsgeschichte der deutschen Stände im M. A.*, I, *Die Gemeinfreien der Karolingischen Volksrechte*, 1900, а также названную ниже его статью. Допш (1,287) в настоящее время также присоединяется к нему. Кроме того, по моему мнению, множество причин, «заложенных в самой природе вещей», говорят против гипотезы Виттиха, которую впрочем и сам автор поддерживает теперь не целиком.

Относительно размеров помещичьей земли следовало бы написать особое исследование. В существующих сочинениях этот важный вопрос рассматривается лишь мимоходом. То, что говорит об этом Инаама в своей монографии о помещичьей земле (S. A. aus der *Festgabe für Georg Hanssen*, Zum 31. 5. 1889, стр. 25) оставляет читателя неудовлетворенным. Мне кажется, что в принятые по этому вопросу взгляды вкрадось много заблуждений, главным образом потому, что очень трудно отличить упоминаемую в источниках помещичью землю и гуфы простого деревенского старосты, обязанного собирать оброк, от административного округа управляющего или пробста. Поэтому Лампрахт (DWL, 1, 2, 756 и сл.) и Инаама (DWG, 2, 161) совершают по моему мнению ошибку, когда (Лампрахт — в эпоху Каролингов и Оттонов, а Инаама — для X—XII вв.) определяют величину помещичьей земли в одну гуфу и когда Лампрахт (для конца XII в.) определяет размеры помещичьей земли в С. Максимине в среднем только в 26,5 моргенов, в Руперсберге — в 30 моргенов, в Трирском архиепископстве — в 50 моргенов. Этому противоречат многие данные, имеющиеся в царственных документах VIII, IX и X вв. и относящиеся как раз к сфере исследования Лампрахта (ср. например *Mitt. Rhein. U. B.*, Bd. I, № 59, 52, 63), а главным образом ряд общих соображений. Мне кажется, что в данном случае помещичья земля смешивалась с землей, находившейся в ведении управляющих (*mans. indom.* в большинстве случаев обозначала лишь место, где производился сбор продуктов). С другой стороны, если бы размеры помещичьей земли мы исчисляли по среднему размеру упоминаемых в Pol. d. Igm. площадей «помещичьей земли», приходящейся на один фиск, то мы получили бы слишком высокие цифры (размеры отдельного поместья пришлось бы тогда определить в 250 гектаров, т. е. около 1 000 моргенов). Возможно, что в административном округе фиска имелось несколько помещичьих хозяйств. На основании точных исчислений можно установить следующие величины: в конце IX в. помещичья земля господского двора Фримергейма, принадлежавшего Верденскому аббатству, составляла $607\frac{1}{2}$ моргенов (включая $12\frac{1}{2}$ так называемых *Bedemorgen*). R. Kötzschke, *Studien zur Verwaltungsgeschichte der Grossgrundherrschaft, Werden a. d. Ruhr* (1901), 13. Гуф имелось $119\frac{1}{2}$. Кецшке, на мой взгляд, правильно считает, что в каждой гуфе было по 30 моргенов и, таким образом, крестьянская земля, платившая натуральный оброк, составляла 3 645 моргенов. Следовательно, отношение помещичьей земли к земле, принадлежавшей к гуфам, составляло 1 : 6. (Исследования Кецшке

содержат в себе самое лучшее, что за последнее время было написано о поместной организации: автор имеет свои взгляды.) По моим собственным вычислениям поместья земля Прумского монастыря составляла в среднем 92,4 прусских моргена (MRh. UB., Bd. I, № 135), Лоршского аббатства—165 моргенов, Фульского аббатства—122 моргена, Вейсенбургского монастыря (XIII в.)—362 моргена (Trad. poss. que Wirz., ed. Zeuss, стр. 273 и сл.), английского монастыря в Рамсее—300 акров и больше [Cart. mon. de Ramesia, 1 (1884), 405, 490]. Сибо (см. его *The English Village Community* (1883), нем. пер. 1885, 137 стр.) для X в. принимает величину помещичьей земли в 9 гайд, а размеры крестьянской земли в 21 гайду, считая, что эти величины можно признать средними для манора (одна гайда=6 виргатам; одна виргата=24 акрам). Ср. также Ph. Heck, *Die kleinen Grunbbesitzer der breyium exempla* в *Vierteljahrsschr. f. Soz. u. Wirtschaft. Gesch.*, IV Bd., стр. 354. Гекк считает, что даже наиболее мелкие землевладельцы имели помещичьей земли от «более чем 30 моргенов» до 240 моргенов. В настоящее время А. Допш (*«Хозяйственное развитие»*, 1, 233 и сл.) приходит к совершенно таким же выводам. Допш полагает, что господское поместье и потребительское хозяйство (Допш хочет сказать поместное хозяйство) «не вполне покрывают друг друга». Соображения, которыми он обосновывает этот взгляд, не всегда кажутся мне убедительными. Особенно спорным нахожу я его главный аргумент, — именно, что источники говорят также и о *mansi indomesticati*, т. е. о господских гуфах. Почему бы им не упоминать о них? Господская земля, которая в большинстве случаев была разбросана по разным местам (в этом отношении я совершенно согласен с Допшем) во всех поселениях, основанных по системе гуф, составлялась из отдельных гуф, которые, разумеется, были перемешаны с крестьянской землей. Каким же иным термином можно было обозначать их, как не термином «помещичья гуфа»? Мне кажется, что еще и до сих пор господствует совершенно неверное представление, будто средневековое поместное хозяйство является хозяйством на окруженной площади и непременно обслуживается собственным персоналом и собственными орудиями. В дальнейшем мы покажем, что это отнюдь не было общим правилом.

Помещичья земля находилась в ведении барского двора и обрабатывалась под руководством управляющего. Размеры этого собственного помещичьего хозяйства, повидимому, колебались. Но по общему правилу оно равнялось крупному крестьянскому хозяйству, т. е. хозяйству крестьянина, владевшего 3 или 4 гуфами.

Рабочие силы, с помощью которых велось поместное хозяйство, состояли отчасти из бессемейной челяди и семейных поденщиков, живших (однако, вероятно не во всех случаях) на барском дворе и обрабатывавших для добычиания средств к существованию небольшой участок или получавших от помещика определенный паек. В этом отношении они мало чем отличались от наемных рабочих наших современных больших поместий. Личное правовое положение этих поместных рабочих значительно варьировало. В Италии оно, повидимому, мало отличалось от положения античных рабов.

Эти поместные рабочие упоминаются в германских источниках (MRh. U. B., Bd. I, № 41 a 804 г.), как *servi* и *ancillae* — «крепостные и служанки, состоящие в браке и живущие в поместьях» (Wirt. UB., 1, 92); тот, кто не получает бенефиция, дающего ему средства к жизни, «должен получать довольствие с господского двора». Cap. de villis c. 50. В итальянских документах они обозначаются термином «massarii» = *servi mass.*: Inquisitiones 862 и 883 гг. монастыря в Боббио (Hartmann, Zur Wirtsch. Gesch. Ital., 50). В Англии они назывались «котселями», которые, согласно Rectitudines singularum personarum получали за свои услуги либо определенное довольствие, либо участок полевой земли, либо известную долю умолата, либо известную долю других доходов хозяйства, либо одну или несколько штук скота в господском стаде. (Саксонский текст Rectitudines относится к X в., латинский перевод — к XI в.; он опубликован в Thorpes, Ancient Laws and Institutions of E., 1 (1840), стр. 433—441 и в 1842 г. был издан в отдельном издании H. Leo с интересным, хотя и небезупречным введением.) Для меня представляется сомнительным, принадлежали ли «манципии», упоминаемые, например, в Fragm. ampl. Pol. Sithiensis (приложение к Pol. d'Irr., 397) к этой категории несвободной челяди, как это предполагает Maupere (Fronhöfe, 1, 335). Манципии часто упоминаются в противоположность семье: *cum familiis et mancipiis*. Cod. Laur., I, 100, 113.

При составлении инвентаря виллы Аспалиум упоминаются 17 деревянных домишек, которые стоят на господском дворе и в которых имеется 17 же комнат и достаточное количество домашних принадлежностей. По всей вероятности это были жилища поместных наемных рабочих. См. «Brev. reg. fisc.», извлечения и переводы приведены в приложении к «Pol. d'Irr.», 301, и у Мейцена, Поселения, 1, 603 и сл.

Если источники¹ показывают, что уже в IX и X вв. существовал сильно дифференцированный рабочий класс, то картину эту нельзя безоговорочно признать правильным отображением действительности. Очень часто капитулярием о городах ошибочно пользовались для того, чтобы воссоздать быт поместного хозяйства в эпоху Каролингов. Не следует, однако, забывать, что в юридических источниках, содержащих в себе подобные указания или перечисления всех возможных случаев, даются как раз идеальные, не соответствующие действительности картины.

Вторую группу рабочих сил, которыми располагает помещик или его управляющий, составляют живущие в деревне крестьяне, обязанные выполнять барщинные повинности. Этот институт, возлагавший на экономически-самостоятельных крестьян (конечно, весьма различных по своему правовому положению) обязанность отдавать часть своей рабочей силы для обслуживания нужд господского двора, — в форме ли пахотной повинности, если они имели собственную упряжку, в форме ли ручного труда, если такой

¹ Об этом говорится уже в сборниках народного права, затем в капитулярии о городах и в «Rect. sing. pers.», где перечисляется не менее 16 отдельных специальностей наемных поместных рабочих.

упряжки у них не было,¹ или наконец в форме «головной повинности»², — несомненно перешел в средние века из римского мира. В эпоху средневековья он распространен по всей Европе, и при этом почти в одной и той же форме и в одном и том же виде. Когда в XIII в. монах Цезарий составлял примечания к книге о повинностях, выполняемых в пользу Прумского монастыря, он сделал к главе о крестьянских барщинных повинностях следующее примечание: «Таким образом, крестьяне, принадлежащие к поместью, должны пахать, засевать и жать господские поля и своевременно отвозить (их продукты) в житницу и вообще делать то, что полагается всем»³. Подробное описание барщинных повинностей, повторяющихся повсюду, является совершенно излишним⁴.

Барщинная повинность крестьян теснейшим образом связывала крестьянское хозяйство с поместным хозяйством. Равным образом можно сказать, что правильную картину средневекового хозяйственного строя мы получим только тогда, если мы будем мыслить поместное хозяйство включенным в хозяйство деревень, ибо оно являлось неотъемлемой составной частью этого последнего. Там, где существовал обязательный севооборот, помещичья земля подлежала ему в такой же мере, как и крестьянская, помещичье стадо паслось на общем выгоне вместе с крестьянским стадом; владелец барского двора нередко обязан держать производителей, которые используются всем деревенским стадом⁵ и т. д. Даже там, где помещик устраивает новое поселение на своей собственной земле, в большинстве случаев создается своего рода деревенская община, в состав которой добровольно вступает помещичье хозяйство.

¹ «qui... non habet animalia sive animal ad hoc utile veniet quando ei praecepitur a nostro ministro cum suo fessorio et cooperabitur aliis hominibus quod ei injunctum fuerit». Цезарий, прав. Прюм. мон., MRh. U. B., I, 145, прим. 3.

² В Англии (а вероятно и в других странах) надсмотрщики брались из числа крестьян, обязанных выполнять барщинные повинности; надсмотрщики эти выбирались в поместных судах своими односельчанами. Таким надсмотрщиком был, например, гееve, который смотрел за плугами, hayward, несший на себе ответственность за уборку хлеба, constable и др. Гон, 67 и сл.

³ MRh. U. B., I, 144, прим. 1.

⁴ Лучшие обзоры можно найти в «Pol. d'Irm», (IX век) и «Cart. Mon. de Rameiseia» (XIII век), указ. соч., стр. CCIV f., 281 и сл.

⁵ Данные по этому поводу см. у G. Landau, Das Salgut (1862), стр. 35. Ср. также v. Below, Entstehung der deutschen Stadtgemeinde (1889), стр. 16.

2. Промышленное производство.

Большинство сочинений, посвященных этому предмету, оставляет совершенно без рассмотрения то, что мы обычно называем промышленной деятельностью¹. Поэтому я поставил себе задачей подробнее остановиться на организации промышленного труда в рамках барщинного хозяйства. В этом отношении источники дают чрезвычайно богатый материал, который, как это ни странно, подвергся обработке лишь в очень незначительной своей части.

Когда говорят о промышленной деятельности в поместьях раннего средневековья, по большей части довольствуются тем, что повторяют известный список тех профессий, относительно которых Карл Великий в своем Капитулярии о городах сказал, что они должны иметься во всех его поместьях. Поступать так значит слишком упрощать задачу. Если бы мы сказали, что «ремесленники», перечисленные в Капитулярии о городах, имелись во всех поместьях, то мы, конечно, получили бы совершенно неверное представление о промышленной организации этих столетий². Это недопустимо и по целому ряду других соображений. Прежде всего, необходимо помнить, что упомянутый список представляет собою известную программу, которая отнюдь не всегда строго выполняется. Она не выполнялась даже в императорских доменах, как это видно из инвентарей, дошедших к нам от эпохи Карла Великого³. С другой стороны, организацию императорских поместий нельзя вполне приравнивать к организации мелких или средних поместий. Наконец, необходимо различать между духовными и светскими поместьями. В смысле организации промышленной деятельности чрезвычайно важно было то обстоятельство, что в поместьях, принадлежащих духовенству (не всегда, но в большинстве случаев), не имелось женщин-работниц. Кроме того, необходимо обратить особенное внимание на крупные монастыри, где часть монахов непосредственно участвовала в промышленной деятельности.

¹ Подробнее всего говорит об этом И. на м а (DWG., 2, 253 и сл., 290 и сл.).

² Ср. также у. Below, Die Entstehung des Handwerks in Deutschland, в Zeitschrift für Soz. u. Wirtschaftsgesch., 5 (1897), стр. 128 и сл., а теперь и подробную критику «так называемого» Капитулярия о городах, данную Допшем, «Хозяйственное развитие», 26 и сл.

³ В «Spec. brev. reg. fisc.» об одном поместьи говорится: «слуг, занимающихся золотыми и серебряными работами и прочими подобными работами, не имеется».

В дальнейшем я попытаюсь возможно лучше выяснить указанное нами различие и набросать картину нормального промышленного производства в поместьях или, лучше говоря, дать очерк всего того, что в этой области повторялось повсюду в более или менее неизменном виде.

Прежде всего оказывается, что и потребность в промышленных продуктах (совершенно так же, как и потребность в сельскохозяйственных продуктах) покрывалась путем совместной деятельности помещичьего хозяйства и деревенских крестьянских хозяйств¹. Ясное представление о возникшей таким образом искусной системе промышленного производства мы получим в том случае, если мы постараемся изобразить производственный процесс в его отдельных ступенях.

а) Производство предметов питания.

Хлеб крестьяне доставляли отчасти в готовом для употребления виде², выпекая его в собственных печах из помола деревенских мельниц. На континенте это отнюдь не являлось общим правилом. Наоборот, в большинстве случаев крестьяне повидимому доставляли зерно, а мельники муку³, помещик же заставлял

¹ Для этих обитателей деревень, обязанных выполнять «промышленные» барщинные повинности, до сих пор никакого особого термина не имеется. Я ничего не имею против того, чтобы называть их «ремесленниками» и противопоставлять их, как «сельских ремесленников», «дворовым ремесленникам», работающим на барском дворе, подобно тому, как это делает F. Philippi, *Die erste Industrialisierung Deutschlands*, 1909, стр. 9. Но необходимо быть крайне осторожным. Лучше называть их ремесленниками в кавычках, а еще лучше обозначать их как поселенцев (крестьян), обязанных выполнять промышленные повинности. Во всяком случае нельзя забывать, что они являются становым хребтом потребительского помещичьего хозяйства.

² Прежде всего, это следует сказать относительно Англии: см. Кеппел, *Cod. diplom.*, 1, 193; срав. 1, 296, 299, 311; 2, 46, 355; далее *Ramsey Cartular*, а также обстоятельную работу Nellie Neilson, *Economic conditions on the manors of Ramsey Abbey*. Филадельфийская диссертация 1898 г. В источниках других стран поставки крестьянами печеного хлеба упоминаются редко. О них говорится, например, в летописях Прумского монастыря (см. Лампрехт, *DWL*, 1, 2, 787), далее в летописях Верденского аббатства (R. Kötzschecke, *Studien*, 17). В этом последнем случае (несколько иная форма!) из двух модиев ржи, доставляемых помещику барским двором, 24 хлеба должно было выпекаться крестьянами, может быть даже в помещичьих «пекарнях».

³ Сен-Жерменский монастырь получает оброк с 71 мельницей; оброк вносится в виде зерна, муки, солода и денег. Guérard, *Pol. d'Im.*, V, 1, § 342. Монастырю в Корбье 15 мельниц платят в качестве оброка 2000 модиев

выпекать из нее хлеб в своих собственных пекарнях. На каждом сколько-нибудь приличном барском дворе имелась, повидимому, пекарня (а также, заметим мимоходом, и пивоварня)¹. Большинство помещиков уже в довольно раннюю эпоху владело собственными мельницами², хотя в некоторых случаях помещики предпочитали возлагать перемалывание и очистку определенного количества зерна на деревенские мельницы как барщинную повинность³. Управление мельницами и приписанными к ним землями

муки; Statuta ant. abb. st. Petri Corb. от 828 г. в прилож. к Pol. d'Irm., стр. 312. В сборнике правил Вейсенбургского монастыря сплошь и рядом употребляется фраза: «Мельницы... откуда получаются мюдии...» (указ. соч., всюду).

¹ Оба эти здания вместе называются «камбай»: «На народном языке камбу мы называем «пекарней» и «пивоварней». См. примечания Цезария к правилам Прумского монастыря. Камбы встречались очень часто, но все же не на каждом барском дворе. Об этом можно заключить из того обстоятельства, что в инвентарях камбы упоминаются особо. MRh. UB., Bd I. «Камбу» мы встречаем и во Франции: см. план Тиронского аббатства св. троицы в картуларии аббатства, опубликованном «M. Luc. Merlet» 2 т. 1883 г.; далее, она упоминается во всех полиптиках Ирмина. В Англии она упоминается в Ramsey Cart. и в Liber Niger в приложении к Питерборосской хронике (указ. соч., стр. 167 и сл.)

² Поместные мельницы упоминаются уже в ларственных документах Хлодвига, а также и во всех более поздних документах. См. например договоры о покупке, заключавшиеся церковью св. Бертина в VIII в.; в следующем столетии монастырь строит собственные подливные мельницы. См. «Cart. Folguini», № 48, цит. у Ковалевского, 40. Ср. также упомянутые выше английские источники и кроме того «Reg. Priorat. B. M. Wigowiensis», изд. WiH. Hale Hale (Cambd. Soc.), 1865.

³ С течением времени поместные мельницы стали «банальностью»: «Здесь имеется мельница, куда все вилланы Броутона, Бардебойса, Кольдкота, Водегирста и Вальдгирста должны везти зерно», «Cart. Mon. de Rameiseia», 1 (1834), 333. О поместных мельницах в германском праве см. Waitz, Verf. Gesch., 8, 275 и сл. В описаниях французских монастырских построек всегда упоминается мельница: Clairvaux (XIII в.), Descriptio positionis seu situationis Mon. Clarae Vallensis в Opp. S. Bernardi, ed. Mabillon. Nova ed. (1719), 2, 1324, 25; Тиронское аббатство св. Троицы — в указ. соч.

³ «Каждому мельнику должны даваться дом и шесть бонуариев земли, ибо мы хотим, чтобы он мог хорошо выполнять то, что ему приказывают, и доставлял хорошую муку. Поэтому он должен иметь быков и прочий скот, при помощи которого он мог бы работать и содержать себя и всю свою семью». Устав монастыря в Корбье в приложении к «Пол. Ирм.», стр. 312 и сл. Мельник был обязан: 1) платить оброк мукой (см. прим. 2, стр. 72), 2) взамен барщинных повинностей, от которых он освобождался, молоть на мельнице господскую муку. Относительно Англии см. Ковалевский, указ. соч., 3, 183. Очень часто мука перемалывалась по пути из оброчного крестьянского хозяйства на барский двор, как это картино описывается в правилах Рамсейского монастыря (290): «Одну рингу зерна он

поручалось крестьянам¹, а в пекарнях и пивоварнях работа выполнялась либо постоянными наемными рабочими за определенный паек, либо крестьянами или арендаторами, которые обязаны были работать там по очереди².

Из предыдущего изложения ясно, что потребность в пиве покрывалась совершенно таким же образом, как и потребность в хлебе. Разница заключалась лишь в том, что вместо зерна или муки доставлялся солод. Так же точно получалось вино³, а в южных странах оливковое масло⁴. Соль или покупалась (как я укажу

везет на гауктонскую мельницу; это зерно хранит коттари из св. Ивона, а затем зерно перемалывается в муку и упомянутый Ричард получает его с мельницы и отвозит в Рамсейский монастырь». Впрочем, во всех подобных случаях никогда нельзя точно знать, о чем идет речь — о сельской мельнице, обязанной выполнять барщинные повинности, или о мельнице, построенной самим помещиком.

¹ «Здесь имеется три подручных и один мельник, который получает от земли то, что ему необходимо», устав Прумского монастыря, гл. 2. «Подручные мельника, живущие в окружности» и «*upiscuique facit dies 5 inter messem et pratum et corvagias*», — там же, стр. 34. По всей вероятности перемалывать господскую муку должны были только мельницы, расположенные поблизости от поместья, мельницы же, расположенные «в окружности», должны были выполнять обычновенные земледельческие повинности.

² В камбе «живущие там люди обязаны печь квашеный хлеб и варить пиво». Некоторые из крепостных должны были регулярно заниматься печением хлеба и варкой пива. Кроме того, крестьяне должны были выполнить и экстраординарные повинности. Так например, когда аббат приезжал в данную местность, «крестьяне из господского двора должны везти зерно на мельницы, молоть его там, перевозить на господскую камбу и там печь хлеб и варить пиво». См. комментарии аббата Цезария к уставу Прумского монастыря: «Приготовлять пиво и хлеб по уставу», «приготовлять по уставу хлеб», «приготовлять хлеб, когда необходимо». *Trad. possessionesque Wizenb.* (изд. Цейса 1842 г.), 274, 277. Ср. также Ковалевский, указ. соч., 3, 59. В Питербороском монастыре в пекарне работают: два пекаря, «qui victimum militis habent», 1 vannator (человек, очищающий зерно), 2 пекаря, получающие ежедневно 2 хлеба и 2 «кружки пива», 2 истопника, 2 подручных (*servientes molantes*). В пивоварне работают: 1 мастер (*braccharius*), 2 истопника, 3 водоноса. Вознаграждение выдается или «ad panes» или «ad blada», т. е. паек выплачивается либо хлебом, либо зерном. Вместе с тем уже в эту эпоху (начало XII в.) выплачивается и денежное вознаграждение. Прил. к Питерборосской хронике, 187 и сл.

³ См. Лампрехт, DWL. Исследования Лампрехта как раз сосредоточивались на винодельческих областях.

⁴ Картинное описание того, как получалось масло, дает Plac. Arpirandi Diaconi (882 г.), помещенное в приложении к «*Pol. d'Irrt.*» (стр. 348). Описание относится к Северной Италии: крепостные «стараются избавиться от сокращения оливок с господских оливовых садов лемунского поместья и от выжимки оливок, а также не хотят перевозить выжимаемое масло, как это

в надлежащем месте), или добывалась на собственных солеварнях помещика¹. Иногда она взималась в виде оброка с крестьянских солеварен, иногда получалась в качестве соляных пошлин².

б) Изготовление предметов одежды.

Прежде всего нам следует рассмотреть «текстильную промышленность» и портняжное дело, т. е. такие промыслы, при посредстве которых получается одежда. Промышленность эта организована в поместьях самым различным образом, причем в каждом отдельном случае нельзя указать, почему практикуется именно данная форма, а не другая. Иногда весь производственный процесс, начиная от первичной переработки льна или шерсти и кончая выделкой готового предмета потребления (одежды или украшения), переносится в крестьянское хозяйство, и одна и та же крестьянская семья выполняет все процессы труда, а иногда выработка продукта поручается нескольким крестьянским семьям. Но во всяком случае готовые предметы потребления непосредственно переходят от оброчного крестьянина к помещику.

Как сообщает нам Цезарий, одежды, которые носили монахи Прумского монастыря (еще в XIII в.), шились женщинами крестьянских семейств, изготавливавшими также и самый материал (полотно): «Наши крестьяне (*mansū*) должны ежегодно изготавливать камзилы. Камзил — одежда, изготовленная из чистого полотна в VIII ульн в длину и в II ульны в ширину, каковые

с давнего времени делали их родители и родные из местечек Чевенна, Кантолиго, Сельваниако и Мандренино». Пресс для выжимания оливок мы встречаем и в Тиронском аббатстве св. троицы. См. описание монастыря в документах аббатства, опубликованных Мерле. О том, каким образом получал масло монастырь св. Юлии в Брешии, см. «*Cod. Langob.*», стр. 713, о монастыре в Боббино см. Гартман, 52 и сл.

¹ Документ 716 г. (*Cod. dipl., LXVII*) говорит об обмене, который произвел король Ательбад, обменявший у Устерского монастыря участок земли, чтобы устроить там солеварню; на солеварне было построено 3 сарая и сложено 6 печей. В XIII в. монастырь владел собственной солеварней в Виче, которая ежегодно давала ему 280 мит (с 2800 бушелей) соли, очевидно предназначенных главным образом для продажи. *Reg. Prior. B. M. Wigorniensis*, ed. W. Hale Hale (Cambr. Soc.)

Другие аналогичные места приведены у *Leo, Rect.*, 203. В Италии церквям и монастырям часто дарились пан в соляных промыслах. См. *A d. Schaubē, Handelsgesch. der rōm. Völker usw.* (1906), стр. 46, прим. 3 (XI в.). Многие церкви и монастыри владели собственными соляными промыслами (X в.). Ср. Шаубе, указ. соч., стр. 72, 83. Относительно Германии см. подробности у Иккана, *DWG.*, 2, 238 и сл. и у Дана, Короли германцев, IX, 2 (1905), 428 и сл. (для баварской области).

² Подробности о соляных пошлинках и соляном оброе см. у Шаубе, указ. соч., особенно стр. 83 и сл.

одежды шьют жены наших людей и, по изготовлении, доставляют казначею монастыря».

Жены крестьян Фульдского аббатства должны были доставлять монастырю скатерти (алтарные покровы?), скатерти для трапез, покрывала для других надобностей, туники, меховые шубы и т. д. См. Schappat, Hist Fuld., 1 (1729), 26 и сл., — на основании документов аббатства (IX—XI вв.). В правилах Прумского монастыря мы встречаем упоминание о «туниках для церковных служб» (облачениях?), которые должны были поставлять крестьяне.

Работы, находившиеся обычно на обязанности крестьянок, нередко выполнялись работающими монахинями. Так например, монахини монастыря св. Андрея изготавливали одежду из козьей шерсти, — сначала для княжеского двора во Флоренции, а впоследствии для флорентийского епископа. Монахини монастыря в Сан Микеле имели «лабораторию», где они ткали материи вместе со своими послушницами. Нонантульский аббат, бывший верховным настоятелем их монастыря, возложил на них обязанность ежегодно изготавливать для него 5 штук крепкого сукна из шерсти, которую он посыпал им со своим посланным. См. Davidsohn, Gesch. von. Florenz, 1, 91. Если женский монастырь рассматривать как «барский двор», то эту форму удовлетворения потребностей придется отнести к другому, ниже разбираемому типу.

Следует вспомнить, что уже в эпоху Тасита крепостные крестьяне германцев доставляли «одежды» (25); да и вообще своеобразное сочетание крестьянского и помещичьего хозяйства при производстве промышленных предметов является специфической чертой германцев.

Иногда крестьяне доставляли только готовую льняную или шерстяную ткань (частое упоминание в источниках этой формы оброка заставляет заключить, что это было общим правилом)¹.

Иногда для производства их женщины употребляли сырье, добывшее и переработанное ими самими², иногда они получали

¹ Из массы источников, относящихся к Англии, об этом упоминает например «Черная книга» Питерборосского монастыря. Указ. соч., стр. 159, 162, 163, 165 (...*Uinas de panno*, ...*Uinas de lineo rappo*).

Относительно Франции укажем документы аббатства св. Бертина в «Coll. des Cart. de la France», т. IV (1840), № XXI: «XXII служанки делают XII ладмонов» (ладмон есть ткацкая работа, возлагаемая на нехороших или сварливых женщин: Герар, глоссарий к Пол. Ирм.). «От этих искусных в мастерстве XIII женщин получается VI с половиной ладмонов». То же самое мы находим в № XXIV, XXV и во многих других.

Относительно Германии: правила Прумского, Фульдского, Вейсенбургского и др. монастырей. См. также W. Wittich, Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland (1896), особенно стр. 297 и сл. (XII в.).

См. также места, приведенные в 1 и 2 примечаниях.

² «Женщины, которые делают камзилы, сами собирают лен, моют его в воде и приготовляют». MRh. U. B., 1, 150. «Должны поставлять... полотно из собственного льна». Cod. Lauresch., III., р. 178, 219. «Имеется X ткачих, некоторые из которых должны поставлять полотно из собственного льна». Schappat, Hist. Fuld., 1, 31; «должны делать камзилы... из собственного льна». Cod. Wirz., ed. Zeuss, 275.

сырье от помещика¹. В этом последнем случае сырье материалы доставлялись в виде оброка другими крестьянскими хозяйствами или производились в поместьи.

Во всех тех случаях, когда крестьяне доставляли готовые предметы потребления, на господском дворе не производилось никаких промышленных работ. Но если крестьяне доставляли только ткань, то ткань эту нередко приходилось подвергать дальнейшей переработке в поместье землевладельца и приготовлять из нее одежду. По всей вероятности портняжная работа выполнялась женщинами помещичьей семьи вместе с их служанками. Там, где женщин не было, как например, в капитулах и монастырях, приготовление одежды лежало на обязанности специально содержимых для этого портных. Не существовало ни одного монастыря, где бы не имелось собственной портняжной мастерской².

Где вальцовались сукна? Конечно, на господских вальцовых мельницах, которые имелись при всех более или менее крупных барских дворах³.

Где красились сукна? По всей вероятности также на господских дворах. К этому выводу приходится прийти на основании того факта, что помещики запасают красильные вещества, либо покупая их на ярмарках, как это делают напр. монахи Сен-

¹ «Эти служанки, если им дается полотно, делают из него камзилы. Та же служанка делает и сукно из господской шерсти». «Пол. Ирм.», стр. 150, 176; ср. там же, стр. 109, 212, 244 и в др. местах.

Совершенно неправильно думать, как это полагает v. Below, *Territorium und Stadt* (1900), стр. 342, что оброчные крестьяне всегда перерабатывали только собственное сырье. Само собою разумеется, что здесь мы не имеем в виду ни «наемного труда», ни «ремесленного труда». По вопросу об общей организации обработки шерсти на германских барских дворах ср. Erich Koberg, *Die Anfänge des deutschen Wollgewerbes* (1908), 13 и сл.

² Монастырь в Фарфе (Х в.): «Впереди должен находиться другой дом длиной в X и V футов, шириной в XXX футов. Дом этот должен тянуться вплоть до сакристии, и там находятся все портные и их подручные для шитья того, что поручает им казначай. Там же должен находиться стол длиной в XXX футов и другой стол рядом с ним; ширина обоих этих столов должна быть VII футов». *Consuetudines Monasticae*, Vol. I, Cons. Farf. (1900), p. 138, 39.

«В портняжной мастерской» Питерборосского монастыря имеется два портных, «2 человека, промывающих сукно, один человек, приносящий дрова, и один портной для починок» (цит. соч., стр. 167 и сл.).

Детали можно найти у I. von Schlosser, *Die abendländischen Klosteranlagen des frühen M. A.*, 1889.

³ Такие мельницы имелись при монастыре в Корбье в IX в., в Клервоском монастыре в XIII в. (см. ниже) и в Субиакском монастыре в XI в. «Reg. Subl.», 98 и 154, приведено у Шаубе, 46.

жерменского аббатства, либо получая их от крестьян в виде оброка¹.

«Красильщик» также упоминается в источниках как промышленный рабочий господского двора (аббатства)².

Но был возможен еще и третий случай: все изготовление одежды (начиная с обработки первичного сырья или во всяком случае с пряжи и тканья) производилось в господском хозяйстве. Особенно часто это бывало в крупных светских поместьях, вследствие чего и число служанок в таких поместьях было столь велико, что им приходилось отводить особое помещение. Это и есть недоброй памяти гинекей.

Гинекеи редко упоминаются в источниках, что вполне понятно, ибо в поместьях, принадлежащих духовенству, их часто не имелось. Тем не менее, иногда они бывали и в этих поместьях, если не на главном господском дворе, то во всяком случае на более или менее крупных господских дворах поместья. Так например, на господском дворе Леер, принадлежавшем Верденскому аббатству на Руре, в XI и XII вв. изготовление шерстяных материй производились семью женщинами, для содержания которых назначались определенные доходы. Р. Кеишке, Исследования, 80. Относящиеся к этому указания основываются почти всегда только на соответствующих местах Капитулярия о городах; на этом источнике основывается, например, наилучшее описание гинекеев, данное Маурером (*Fronhöfe*, I, 241 и сл.). Но гинекеи, очевидно, существовали и в других крупных светских поместьях, подобно тому как подобные же «девичьи» имеются еще и сейчас в каждом дворянском поместьи. См., например, документ о даре графа Эбергарда Мюбахскому монастырю (728 г.), где говорится: «Из числа наших крепостных, имеющихся в нашем гинекее, передается 40». *Bréquigny*, Dipl., I, 458. Гинекей поместья Стефансверт имел 24 женщины, изготавливавших одежду и половики. Ср. также «*Genesecum puellarum*» в имении графа Эберта во Фландрии в X в. MG. SS., 15, 11, стр. 583, Z. 2.

Но и в поместьях духовенства (в монастырях) мы также встречаем промышленных рабочих, выполняющих первичные процессы ткачества (так например, рабочие эти обрабатывают шерсть)³.

Можно ли думать, что в этом случае веретена доставлялись крестьянами? Я затрудняюсь, как истолковать упоминаемые в документах Прумского монастыря «*linum fusa XXX*» «*de lino fusa XXX*» — как веретена или как веретена вместе с намотанной на них пряжей⁴.

¹ Так например, красную краску (крап?), необходимую для монахов Реймского монастыря Сен-Реми, должны были доставлять крестьяне. См. Герар, «Пол. Ирм.», стр. XXX; в качестве оброчной статьи эта краска упоминается в правилах Прумского монастыря. См. Лампрехт (DWL), 12, 787.

² Davidsohn, Forschungen, 3, 211. Ср. сл. стр., прим. 1.

³ «*Battitor lane*»: Davidsohn, Forschungen, 3, 211. Наряду с этим упоминаются *tintor* и *tirator rapporum* (документы от 1303 г.).

⁴ MRh. U. B., 1, 170.

Вторая обширная область, относящаяся к изготовлению одежды — изготовление обуви из дубленой кожи, — распадается на две главных отрасли — дубильное дело и сапожное дело. Оба эти производственные процессы происходили, повидимому, в самом поместьи. По крайней мере, я не знаю ни одного случая, когда бы крестьяне были обязаны поставлять кожу или обувь. С другой стороны, нередко встречаются упоминания о кожевенных заведениях в крупных поместьях¹ и очень часто — упоминания о сапожной мастерской или, по крайней мере, об 1—2 сапожниках.

Очень наглядную картину различных промышленных заведений, находящихся на большом барском дворе (среди которых упоминаются вальцовская мельница, мельница для перемалывания зерна и дубильное заведение) дает уже цитированное нами описание в творениях св. Бернгарда (изд. Mabillon, 1719, 2, 1324 и сл.). Описание это мало известно (я наткнулся на него только в одном сочинении, именно в книге H. D. Arbois de Jubainville, *Etudes sur l'état interieur des abbayes cisterciennes* 1858, где извлечения даны во французском переводе), и потому главные места его я приведу здесь в оригинале. Описание принадлежит перу современника и относится к XIII в.; оно выдержано в очень «поэтическом» стиле и при перечислении отдельных зданий старается избежать сухости, группируя все эти здания вокруг маленькой речки (притока р. Об), протекающей через монастырский двор: «Fluvius... primum in molendinum impetum facit; deinde «eum... ad se fullones invitant, qui sunt molendino confines... graves illos sive pisillos sive maleos dicere mavis vel certe pedes ligneos... alternatim elevans atque deponens gravi labore fullones absolvit... tot ergo volubiles rotas rotatu rapido circumducens, sic spumaps exit ut ipse quasi molli et mollior fieri videatur... excipiuntur dehinc a domo coriaria ubi conficiendis bis quae ad fratrum calceamenta sunt necessaria operosam exhibet sedilitatem. Deinde minutam se et per membra multa distribuens singulas officinas officioso discursu perscrutatur, ubique diligenter inquirens, quid quo ipsius ministerio opus habeat coquendis, cribrandis, vertendis, terendis, rigandis, lavandis, ruscendis...».

в) Строительное дело.

Когда помещик хотел что-нибудь строить, к услугам его была масса сырья и рабочих сил, сосредоточенных в его собственном поместьи. Дерево он брал из собственного леса, песок и камни из своих собственных песочных ям и каменоломен, солому из своих коней. «Небученных» рабочих сил можно было найти достаточно много среди челяди или среди поместных рабочих, из которых некоторые оказывались опытными каменщиками или (что было также в более раннюю эпоху) искусными плотниками. Из числа

¹ Английское аббатство в Мо еще в 1396 г. имеет собственное дубильное заведение. Подробности см. у L. F. Salzmann, Engl. Ind. of the Middle Ages (1913), 173.

рабочих, живущих на господском дворе, источники упоминают каменщика и (еще чаще) плотника. Первоначально плотник не только занимался плотничными работами, но был в то же время и каретником¹. Рабочие силы, если помещик не мог найти их среди своей челяди, а также и нехватавшие материалы доставлялись опять-таки крестьянством.

Упоминаются следующие повинности и оброчные статьи:

а) Постройка печи для обжигания извести и подвоз всех нужных для этого материалов: палок, прутьев, дров, извести;

О том, как строилась печь для обжигания извести, очень картинно рассказывает нам все тот же Цезарий, которому мы обязаны большинством наших сведений об организации барщинного хозяйства. Относящееся сюда место мы также считаем нужным привести полностью в подлиннике (MRh. ЦВ., 1, 151): «Scendum est, quod dominus abbas quolibet anno si vult ad edificationem ecclesie calcis furnum potest facere et ad hoc omnes curie citra Kile tenantur eum juvare. Curia enim de denesbure et hermansbanye adducent palos («stehchen») et perticas («gerlen») ad tunicam furni sepiendam. Omnes alie curie de oslihc adducent truncos laudabiles et magnos; quilibet mansus adducet, truncos quotum quilibet habebit XVI pedes in longitudine et duos et dimidium in grossitudine (latitudine). Curie antem alie sicut rumersheym sarensdorpf et valmers heym adducent lapides calcis quilibet mansus caratas XVI. (Какая масса!) Постройка известковых печей как повинность упоминается и в других местах: «для известковой печи V кубов камня».

б) постройка и ремонт дома²;

в) постройка стен, ремонт изгороди и т. д.³;

г) кровельные работы⁴;

д) доставка строевого леса⁵;

е) доставка черепиц⁶;

¹ На одном из барских дворов Верденского аббатства среди челяди упоминается каменщик, которого староста должен был ежегодно посыпать в Верден на более или менее долгое время для выполнения господских работ (XI, XII вв.). Р. Кецшке, Исследования, 80.

² (Крепостные) «построили наш дом вплоть до крыши». См. Лампрехт («Хозяйственная жизнь Германии»), 1, 588. «Имеется XV крепостных, каждый из которых должен строить, когда имеется такая работа»; «Когда необходимо чинить здание, находящееся на господском дворе», «...для постройки господского здания V человек» (26½ печей в Грейзингенском поместье) Trad. Wiz., ed. Zeuss, стр. 277—279.

³ «Строить забор» Trad. Wiz., 279; «делать стену» Cart. Mon. de Ramesqia, 1, 335, 366, Верден: Р. Кецшке, Исследования, 17.

⁴ «Бонингамский монастырь имеет III двора с XII бунариями; весь год они заняты только тем, что чинят монастырские крыши». Fragm. ampl. Pol-Sithiensis в «Пол. Ирм.», 403.

⁵ Каждый (?) крестьянский двор Бейсенбургского монастыря доставляет «по ¼ сажени (carratam) леса» (строительного или топлива?), цит. соч., стр. 273 и сл.

⁶ В том же монастыре крестьяне обязаны доставлять по «L tegulae», цит. соч. (неясно — черепиц или тесин).

- ж) доставка подрешетин и теса для деревянной крыши¹;
 з) доставка мельничных жерновов².

Конечно, в эпоху раннего средневековья таким образом могли строиться только очень примитивные деревянные здания и мастерские. Если надо было воздвигнуть дворец или каменную церковь, то приходилось обзавестись теми немногими художниками и ремесленниками, которые еще сохранили искусство строить из камня. Эти художники во время постройки жили при дворе крупных магнатов, перебивавших их друг у друга. Так, например, король пиктов Нехтан просит у аббата Цеольфрида (710 г.) «архитекторов, которые бы воздвигли у него каменную церковь по римскому обычаю»³. Епископ зальцбургский рассыпает мастеров-каменщиков, кузнецов и плотников на постройку церкви⁴. Иногда пускали в ход официальный административный аппарат и с помощью чиновников добывали редкие материалы, необходимые для постройки. Так, папа Адриан в 768 г. просит короля Карла, чтобы он приказал доставить 2 000 фунтов олова, которые ему нужны для покрытия двора при церкви св. Петра. Олово это должны были доставить графы, каждый по 100 фунтов⁵.

Эти профессиональные строители только отчасти выходили из рядов оброчных крестьян, в большинстве же случаев они были, по всей вероятности, свободными странствующими ремесленниками. Об этих свободных ремесленниках мы будем еще говорить ниже.

¹ Этот вид оброка пользуется очень большим распространением. В источниках тесины называются *scintuli*, *scintulae*, *scindulae* и т. д., подрешетины — *axiles*, *asiles*, *axiculli* (как выражается Цезарий, «*Vulgariter appellati esselingae*»). ... Я не понимаю, что имеет в виду Лампрахт (указ. соч., 1, 787), когда слово *axiculli* он переводит «поленья». По исчислению Лампрахта Прумский монастырь получал всего 14 232 *axilles* и 57 038 *scindulae* (цит. соч., 2, 143). Много мест, свидетельствующих о существовании этого рода оброка, можно найти в «Пол. Ирм.»

² Либо «без вознаграждения», либо по договоренной цене (в таком случае это было уже началом меновых отношений). Эта повинность практиковалась и в монастырях св. Майкента и Монтьернефа. См. R. Boissonade, *Essai sur l'organisation du travail au Poitou*, стр. 197 (1900), 117.

³ Beda, *Hist. eccl.*, V, 21, цит. стр. 197, у Montalembert, *Die Mönche des Abendlandes*, 5 (1868), 6. В том же источнике говорится, что в 674 г. аббат Бенедикт пригласил 674 французских стекольщика для устройства окон в перестроенном помещении Веремаутского аббатства. Anderson, *Hist. of Commerce*, I, 49.

⁴ Conv. Baij. (872 г.) цит. у Дана, Короли германцев, IX, 2, 444.

⁵ «...мы просим, чтобы вы приказали вашим графам, поставленным в Италии, доставить упомянутое олово, каждому графу по 100 фунтов». Ep. Hadr. ed. Cenni, 1, 472; цит. у Hegel, *Städteverfassung Italiens*, 2, 12.

То, чего требовал отдельный помещик от своих крепостных в качестве повинности, король возлагал на свободных как общественную службу: возведение и ремонт дворцов, церквей и других общественных зданий, прокладку мостов и дорог. Эти работы должны были производить в первую очередь жители ближайших мест. В одном из капитуляриев императора Людовика II (капитулярий 850 г., гл. 8) высказываются жалобы на обветшание названных зданий; капитулярий рекомендует, чтобы каждого жителя принудительно держали на работе и не отпускали его до тех пор, пока он не выполнит своего урока. Здесь мы видим остатки римского института общественных сооружений.

2) Изготовление посуды и орудий.

Сюда относятся все те промыслы, которые не включены в три вышеназванные группы, т. е. прежде всего промышленность по изготовлению орудий и оружия (кузнецы и каретники), а также промышленность по изготовлению домашней посуды (кроме названных выше бочаров и горшечников).

По общему правилу эти отрасли промышленности обслуживались крестьянами, обязанными отправлять в пользу господина повинности или платить ему оброк. Только сравнительно небольшая часть этой продукции выполняется в поместном хозяйстве: источники всюду говорят, что крестьяне поставляли готовые предметы потребления.

Италия. Имение Лулиатика монастыря Боббио поставляет 5 сошников. L. M. Hartmann, *Zur Wirth. Cesch. Ital.*, 64. В документе, относящемся к 907 г., крепостной Нононтольского монастыря обязуется ежегодно поставлять 15 серпов. *Cod. dipl. Lang. Mon. Hist. Patr.*, XIII, № 422, с. 730; в инвентаре монастыря св. Юлии в Брешии упоминается о поставках серпов, железных пил, топоров, сошников; цит. соч., № 419, с. 706 и сл.

Германия. В начале XII в. Корвейский монастырь получает в качестве оброка: «50 фрустров (!) ножей, кос, вил». *Nik. Kindlinger, Münst. Beiträge*, 2 (1790), 133 документа. В XIII в. крестьянские гуфы доставляют Вейсенбургскому монастырю «по одному большому и малому топору». Кроме того, на отдельных гуфах лежит обязанность доставлять «*Opus fabricandi vomeres ad tria aratra et maileos cementariogitum*»; «ту же работу выполняет кузнец, живущий на горе». «*Item oggerus persolvit vomerem*». *Trad. ed. Zeuss*, 273 и сл. Другие гуфы в той же самой области доставляют винные бочки «*in autumno vascula... ad vinum*», цит. соч., стр. 278. Мелкий крестьянин, владеющий одной квартулой земли, поставляет Прюмскому монастырю *patella*. *MRh. UB.*, 1, 169.

В поместьях Северной Германии домашнюю посуду поставляют латты: **В. Виттих**, указ. соч., особенно стр. 297 и сл.

Франция. Во владениях монастыря св. Жермена 22 крестьянских двора поставляют 30 мотыг. «*Pol. Irm..., прол.*», 1, 731; в том же месте

сельский староста доставляет 8 топоров, владелец одной полугуфы доставляет 6 пик, 6 копий и т. д.; ремесленник Гадон платит оброк за полугуфы продуктами своего труда. Цит. соч., стр. 149. Крестьянин аббатства св. Бертина доставляет 12 фляжек (?) и 100 чаш (?). «Pol. Sith.», указ. соч., стр. 400. Крепостной Антельмар и его жена, принадлежащая к сословию колонов, в местечке Нова Вилла ежегодно поставляют 6 штук деревянной посуды, 3 деревянных колеса, 7 деревянных факелов. Pol., XIII, 64, стр. 143.

Иногда крестьяне обязаны выполнять все работы определенного рода: все кузнечные, все каретные и тому подобные работы, за что землевладелец предоставляет им соответствующий участок земли.

Англия. «Кузнец в Вермауте владеет 12 акрами за изготовление железных частей телег»; «Кверндонгширский кузнец владеет 12 акрами за изготовление железных частей телег»; «кузнец владеет 1 бобатой за свою службу». Из Boldon Book, Hundred Rolls, Domesday, цитировано у Сибома, цит. соч., стр. 70. В таком же положении находится и плотник, судя по английским источникам. Ср. Reg. Worc. 56a. James E. Thorold Rogers, A Hist. of Agricult. a. Prices in England, 7 vol., 1866, I, 469. Каретник в Южном Бренте должен собственоручно изготовить и доставить плуг и деревянную борону; кроме того, он должен помогать крестьянам при изготовлении телег. Кузнец должен вместе с каретником изготавливать плуги и подковывать железными подковами лошадей господина: верховую лошадь и ездовую лошадь. За ковку других лошадей он получает кожу для своего раздувального меха; наконец, во время жатвы он обязан точить серпы, за что в Чальгрове емудается один акр пастбища. В Винтерборне он должен чинить посуду, в которой изготавливается сыр, и обивать ее железными обручами. За это он получает барабана, щерсть и сыр, приготовленный до Иванова дня, а также миску масла для смазывания своих мехов. Гон, 73.

Германия. Гуфа, «выполняющая кузнечные работы», платит только 12 пенсов душевой подати, между тем как прочие платят 24 пенса. Книга ларений епископа Мегингода церкви св. Мартина в Мюнстере (Х в.). Mittel Rh. UB., 1, 339.

К числу этих же ремесленников принадлежит и Регинард горшечник (tornator) в Вельдерне (около Утендорфа в Пинцгау), который вместе с другими маленькими подарками был передан графом Хунрадом фон Зульцау (в 1150—1160 гг.) Берхтесгадскому монастырю и которому была пожалована земля при условии выполнения известных повинностей. Berchtesgadener Schenkungsbuch, CXII, 1; ср. F. V. Zillner, Gesch. der Stadt Salzburg, 2 (1890), 154.

Франция. «Дворы, которые выполняют плотничью работу»; документ от 682 г. Cart. de St. Berlin. Cart. Folquin, № 9: «Из-за той земли, которая обязана выполнять плотничные работы»; документ от 721 г., там же, № 27,

Вместе с тем такого рода работы выполнялись, конечно, и жившими в поместье ремесленниками—«поместными ремесленниками», как сказали бы мы. На господских дворах очень часто встречаются поместный кузнец и поместный каретник¹.

¹ В 822 г. в монастыре в Корбье было не менее 6 кузнецов, 2 ювелира, 2 кузнеца, изготавливших щиты, и четыре каретника.

На господском дворе, повидимому, имело место и бочарное производство. Об этом заставляет думать то обстоятельство, что многие крестьяне были обязаны поставлять планки и обручи для бочек. По всей вероятности, так было в поместьях, производивших много вина. Помимо бочек здесь, конечно, приходилось изготавливать и «большие сосуды для выжимки виноградного сока, которые называются «*buden*»¹.

Для того, чтобы указанные нами производства могли вестись без перебоя—все равно крестьянами или дворовыми,—надо было иметь наготове необходимое сырье и полуфабрикаты. По части получения их не встречалось никаких трудностей, если вопрос шел о дереве или глине. Но совершенно иначе обстояло дело там, где надо было перерабатывать железо. Проблема получения этого материала была трудна и разрешалась она тремя различными способами.

Иногда помещик покупал необходимое железо на ярмарках. Этот случай нас здесь не касается.

Иногда он закладывал небольшой железноделательный завод на своей собственной земле².

Иногда (источники говорят об этом чаще всего) помещик возлагал доставку железа на своих крестьян в виде оброка. Но это могло быть, конечно, лишь в тех случаях, если в данной местности находилась железная руда, которую крестьяне самым примитивным образом перерабатывали в железо³.

Об англо-саксонских землевладельцах нам сообщают, что они отправляются в поездку с собственным «кузнецом». Неясно, что это был за кузнец—кузнец, изготавливший оружие, или нечто в роде «оруженосца». См. *Ines dōmas*, § 63; *Adelbirthes dōmas*, § 7, беседы Эдуарда Исповедника и его законы (21), на которые указывает Лéo во введении к своему изданию *Rect.* (1842), стр. 132. Примечательно, что все ремесленники на англо-саксонском наречии называются «*Smidas*» подобно тому, как в старо-северном наречии даже сапожник называется «*skô-smidr*».

¹ Глосса Цезария, цит. соч., стр. 145. Ср. места в «Пол. Ирм.» и «Пол. Рем.», I, 144 и сл., у Гераара, цит. соч., § 292, 2, 288.

² Лоршскому монастырю некто платит «третью часть своей копи для изготовления железа». Cod. Laur., № 3701, т. III, стр. 239. Ср. также места в MRh. UB., т. II, которые относятся к Тирскому архиепископству.

³ Во всех полиптиках, изданных и комментированных Гераром, поставка железа упоминается как оброчная статья. То же самое мы встречаем в Cod. Laur., № 3881 (Лорш) (цит. у Шанната), в правилах монастыря св. Эммерана. Графу Сибото фон Фалькенштейн также доставляется крестьянами железо. Cod. Falk. в «Drei bayer. Trad. Büchern», относящихся к XII стол. (1880), стр. XXIV. Такие же оброчные статьи упоминаются в инвентаре монастыря св. Юлии в Брешии: Cod. Dipl. Lang., № 419, стр. 716, 712. О монастыре в Боббио см. Гартман, «Хозяйственная История Италии», 64 и 86.

Если поставленное железо не перерабатывалось в господских кузнечных мастерских, то оно передавалось для дальнейшей обработки крестьянам, обязанным выполнять в пользу господина кузнечные работы¹. То же самое можно сказать и о необходимом для топки древесном угле, который доставлялся гуфами.

* * *

Так приблизительно протекала в большинстве случаев промышленная жизнь в поместьях. На протяжении долгого промежутка времени, начиная от образования поместий и кончая довольно поздним периодом средних веков, т. е. до XII и XIII вв., в ней происходили лишь незначительные изменения. По моему мнению, о «разложении» якобы существовавших крупных поместных предприятий нигде не говорится. Таких предприятий в действительности нигде не существовало, разве лишь в одном-двух королевских доменах и в очень немногих крупных монастырях. По общему правилу дело шло о небольшом поместном хозяйстве которое включало в себя также и промышленное производство, и которое по существу осталось, пожалуй, неизменным вплоть до нашего времени. Наряду с этим под влиянием поместья в деревне развивались элементы самостоятельной промышленной жизни, которая, как мы впоследствии увидим, постепенно приводила к образованию городов.

Заметим мимоходом, что примитивная промышленная деятельность, протекавшая в поместьях, в некоторых местах уже в эпоху раннего средневековья приводила к созданию художественных промышленных работ.

Как известно, центром этой деятельности были монастыри, где искусные и прилежные монахи сохраняли и совершенствовали старую римскую промышленную технику. Они были строителями того времени; они занимались росписью по стеклу, работами по эмали, чеканкой, ювелирным делом, изготовлением органов, художественным ткачеством², чеканкой по золоту и изготовлением золотой пряжи³. С монахами соперничали любившие искусство

¹ «Х.. делает железные части телег и приор доставляет ему железо и уголь...» Reg. Worc. 56а у Роджерса, История, 1, 469. «Кузнец получает угли», цит. у Сибома, цит. соч, стр. 70.

² Около 985 г. в Сомюрском монастыре св. Флорана существовала «мануфактура», где монахи ткали «ткани, украшенные цветами и фигурами животных»; в 1025 году такое же заведение мы находим в Пуатье. F. Michel, *Recherches sur les étoffes de soie* (1852), 71.

³ См. технический трактат, найденный в Луккском соборе и опубликованный Муратори в его «Древностях», II, 365 — 388). Частями напечатано

⁷ Современный капитализм, т. I, полуточк. I.

князья церкви вроде аббата Бернарда, впоследствии епископа Гильдесгеймского.

Он сам был опытен во многих искусствах: «в искусстве не было ничего, чего бы он не старался сделать»... В своем дворце он построил мастерские, где многочисленные рабочие обрабатывали металлы. Мастерские эти он посещал ежедневно: «Он обходил мастерские, где производились различные операции над металлами, и смотрел за работой отдельных рабочих». *Tangmarus, Vita S. Bernardi*, цит. у J. Labarte, *Hist. des arts Industriels au moyen age etc.*, 4 т., 1864 — 1866, 1, 146.

Но художественная промышленность процветала, по всей вероятности, и во многих поместьях светских владельцев. Так, например, нам рассказывают об искусной дочери Бихмана, графа области Гауес Гамалант, которая по части изготовления драгоценных одежд превосходила почти всех женщин своей страны. У нее было множество опытных помощниц, которых она к себе привлекла¹. Мы слышим также о мастерских для тканья шелковых материй, устроенных нормандскими королями в Сицилии (XII в.)².

3. Транспорт товаров.

Подобно сельскохозяйственному и промышленному производству, землевладельцы организовывали и развивали водный и суходутный транспорт также на основе барщинных повинностей. Нередко землевладельцы впервые создавали его как особую хозяйственную функцию. Производство благ, хотя и в гораздо более простой форме, было известно еще и до поместной организации хозяйства. Наоборот, транспорт благ на далекие расстояния не мог иметь места в первобытном крестьянском хозяйстве, ибо все продукты потреблялись в том же месте, где они производились. Только в поместьях, с их далеко раскинутыми друг от друга владениями, возникла необходимость в транспорте продуктов на большие расстояния, а вместе с тем — как правильно заметил уже Мей-

у Фанье, Док., № 94. Еще в XIII столетии в английских и французских монастырях процветает ювелирное искусство. См. H. Baudrillart, *Hist du Luxe*, 3² (1881), стр. 188.

¹ Она... «имела многочисленных подручных, обученных различным ткаческим работам, и по части изготовления драгоценных одежд превосходила всех женщин наших областей». Альперт Мецкий, MG SS., 3, 702.

² «Он приказал воздвигнуть эти благородные мастерские, прилегающие ко дворцу, где ткутся шелковые ткани различных цветов». *Hugonis Falc. Hist. Sicil.*, цит. у F. Michel, указ. соч., стр. 81/82. Эту художественную промышленность, организованную на основах потребительского хозяйства, я попытался исследовать в моем сочинении «*Kunstgewerbe und Kultur*» (1908), 19 и сл.

цен—рождалась и потребность в развитии сети дорог между отдельными заселенными пунктами. Как мы уже указывали, работа по транспорту возлагалась на отдельных крестьян в качестве повинности; это побуждало их превращаться мало-по-малу в профессиональных шкиперов или извозчиков, которых мы встречаем в ближайшую хозяйственную эпоху в рамках меновой хозяйственной организации. Упомянем здесь только некоторые места источников, из которых выясняется транспортная повинность.

В правилах французских монастырей в качестве повинностей упоминаются: 1) обязанность поставлять телеги для перевозки зерна, вина и т. д.; 2) обязанность поставлять лошадей для путешествий; 3) обязанность поставлять суда в тех местах, где грузы перевозятся водой.

См. по этому поводу Герар в прологе к «Пол. Ирм.», § 411 и сл.

Германия. В правилах Прумского монастыря встречаются выражения: «занимается судоходством», «совершает поездки на судне», «должен совершать поездки на судне до Кобленца или до такого места, до которого можно доехать в 4 дня». Из 120 барских дворов, принадлежащих монастырю, 30 совершали «поездки», т. е. выполняли транспортные повинности. У *Imbatt de la Touz*, *Des immunités commerciales accordées aux églises*, в его «*Etudes... dédiées à Gœr. Monod*» (1896), р. 77 и сл. В «*Cod. Laur.*», № 3671 имеется следующее место: «Из XXX гуфы каждый из крепостных должен отправляться на службу с судном и другими орудиями, какие ему прикажут»; или: «восьмой (двор крепостных крестьян) не платит, а совершает поездки на судне». Там же, № 3660.

В *Cod. Wiz.* (издание Цейса, 277): «Каждый... по приказу должен отправляться на судне либо во Франкфурт, либо в Лидрихсгейм»; «и те XIII..., которые платят вином, должны на своих собственных телегах ездить в Вормс и Франкфурт»: там же, стр. 278. Существовала также паромная повинность: *La comblet*, ЧВ., 1, 95, № 153.

Италия. Во владениях монастыря Боббино жители Сорлеско «должны собирать оливки в Гарде и перевозить масло и железо из Сорласко до Плаценции», т. е. из одного владения монастыря в другое. См. L. M. Haftmann, *Zur. Wirt. Gesch. Ital.*, 86 и таблицу в приложении V, № 55.

Англия. «Он же должен каждый год ездить в Бристоль, в Уэльс, в Приди и Бриджуотер, перевозя господское зерно, сыр, шерсть и все прочие продукты, которые предпишет ему господин... Он должен ездить также в Эксбридж, или совершать поездки на судне всякий раз, когда прикажет господин». «Proceedings of Archaeol. Inst. Salisbury», р. 203. «App. to Notice of the Cusumal of Bleaton», р. 182—210. Сит. у Сибома, стр. 57.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ.

ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА.

Глава VIII.

Возрождение менового хозяйства.

Литература и источники.

К I. Впервые связно описал «немую торговлю» К. Andree, *Geographie des Welthandels*, 1 (1867), 23 и сл. Основной работой, на которой базируется большинство позднейших работ, является О. Schrader, *Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgesch. u. Warenkunde* (1886). Чрезвычайно ценные данные доставили описания и наблюдения путешественников, изучавших культуру первобытных народов. Этот материал умело собран в работах Иосифа Кулишера, одна из которых, опубликованная на немецком языке (*Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses*, в *Jahrb. f. NÖ III. F.*, Bd. XVIII, стр. 305 и сл.) суммирует результаты предыдущих исследований. Ценна также и статья Sartorius von Waltershausen, *Entstehung des Tauschhandels in Polynesien*, помещенная в *Zeitschr. f. Sozial. u. Wirtsch. Gesch.*, Bd. IV, стр. 1 и след. Следует упомянуть об обстоятельной обработке предмета в статье M. Pantaleoni, *L'origine del baratto: A proposito di un nuovo studio del Cognetti*, помещ. в *Gorn. degli Economisti*, сер. 11 а, т. XVIII, XIX XX (1899—1900).

К II. Мы обладаем обильными источниками, позволяющими установить факт непрерывного обмена в эпоху раннего средневековья. См. A. Schulte, *Geschichte des mittelalterlichen Handels u. Verkehrs etc.*, 2 Bd-e, 1900, а также перечисленные там на стр. 69 сочинения. Из более важных трудов последних лет можно добавить: W. Varges, *Der deutsche Handel von der Urzeit bis zur Entstehung des Frankenreichs*. Progr. Ruhrort, 1903. Alex. Buggé, *Die nordeuropäischen Verkehrswege im frühen Mittelalter etc.*, помещ. в *Vierteljahrsschr. für Soc. u. W. G.*, Bd. IV (1906), стр. 227, 277. Ad. Schäube, *Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge*, 1906. Alf. Dopsch, *Die W. Entwicklung der Karolinger*, 2 (1913), 180 и сл.

К сожалению, большинству авторов, работающих по истории торговли, не хватает политico-экономической подготовки, и потому из книг их редко можно узнать что-либо большее, кроме того факта, что тогда-то происходили торговые операции. Но даже для констатирования этого факта необ-

холимо иметь точные познания о мире хозяйственных явлений. Поэтому некоторые симптомы, весьма важные для истории торговли, как например таможенные тарифы, очень часто истолковываются неверно. Конечно, таможенный тариф является важным опорным пунктом и позволяет выяснить движение товаров, роды перевозимых товаров и т. д. Но из одного факта существования таможенного тарифа нельзя еще заключать о наличности товарообмена, а в особенности о существовании торговли товарами как профессии. Источники говорят нам, что пошлины взимались также и с тех продуктов, которые перевозились внутри помещичьего потребительского хозяйства и которые не обменивались и не продавались. Так, например, § 13 капитулярия 805 г. (MG. LL., Ia, 134) постановляет, что нельзя взимать пошлины в том случае, когда люди «перевозят свой продукт из одного своего дома в другой или поставляют его во дворец и в войско, без всяких торговых целей». Следовательно, иногда и с таких продуктов взималась пошлина. С другой стороны, таможенные тарифы могут служить доказательством распространения безобменной хозяйственной организации, — именно в тех случаях, когда взимаемые пошлины являются натуральными пошлинами. Пошлины эти играют большую роль во всю эпоху раннего средневековья. Относительно VIII в. см. J. M. Pardessus, *Diplom. etc.*, 2 т., 1843—1845, 2, 501 (пошлины в монастыре Корбье); для IX в. см. *Leges portoriae* в MG. LL., 3, 480; далее, *Charla Bosonis de Monasterio Dervensi* в прилож. к «Пол. Ирм.», стр. 347 (пошлины солью, перцем, корицей, клеем и т. д., взимаемые по реке По); описание натуральных пошлин, взимавшихся на альпийских дорогах, для X в. можно найти у Шульте, I, 68. Натуральные пошлины встречаются еще в XI в., в эпоху Генриха IV,—так например, судя по таможенным спискам Кобленца, пошлины взимались железными котлами, металлическими чашами, вином, сыром, козьими шкурами, рыбой, воском и мечами.

I. Меновое хозяйство вообще и его возникновение.

Меновая (или товарообменная) организация существует во всех тех местах, где потребность многих хозяйств в благах покрывается таким образом, что одно хозяйство добровольно передает свои продукты другому хозяйству за определенный эквивалент и потребляет обмененные продукты. Эта организация практически включает в себя всякий хозяйствственный строй, не являющийся в основе своей потребительским хозяйством. Она может покояться как на натуральном, так и на денежном обмене, т. е. может быть или натуральным или «денежным» хозяйством; она может строиться и на основе ремесленного, и на основе капиталистического производства.

Одно время думали, что хозяйство и обмен являются синонимами и что развитие человечества происходило благодаря процессам обмена; что товарообмен есть необходимый составной элемент всякого человеческого хозяйства, подобно производству или потреблению; что товарообмен (выражаясь современным язы-

ком) не есть историко-экономическая, а элементарно-экономическая категория. В настоящее время мы знаем, что правильно как раз противоположное: товарообмен развился в человечестве сравнительно поздно и во всяком случае потребовался долгий процесс воспитания, прежде чем люди приучились «обмениваться» с другими, т. е. прежде чем они перестали опасаться, что другой (чужеземец) обманет их, когда он будет передавать им свой продукт. Наши дети еще и сейчас повторяют поговорку: «Не обманешь, не продашь»¹. Мы знаем и формы, в которых люди постепенно приучались к товарообмену, ибо по нравам современных первобытных народов или народов, живших до самого последнего времени первобытной жизнью, мы можем заключать об институтах, существовавших в первобытные времена. Если итти таким путем, то основной формой придется признать так называемую немую меновую торговлю, о которой, как нам описывает Геродот, ему сообщили карфагеняне. В наше время форма эта наблюдалась у многочисленных первобытных народов, которые практиковали ее или при обмене товаров друг у друга, или при меновых сношениях с европейцами.

II. Развитие менового хозяйства в эпоху европейского средневековья.

Не может быть и речи о том, что меновое хозяйство в первоначальном смысле этого слова возникло у европейских народов в историческую эпоху их существования. Только на крайнем северо-востоке Европы (в областях, примыкающих к Сибири) мы узнаем об отдельных племенах, обменивавших товары с западными торговцами посредством «немой торговли»². Мы можем вообще с уверенностью сказать, что три крупнейших народности—кельты, славяне и германцы—в ту эпоху, когда мы имеем о них сведения, — уже привыкли к товарообмену, даже к товарообмену, производимому при помощи денег³. В областях римской культуры

¹ В эпоху европейского средневековья это недоверие, свойственное первобытным народам, только что вступающим в историю, устранилось скорее ибо они сразу подверглись влиянию высшей культуры. Тем не менее оно еще находит себе выражение в разработанной системе права чужеземцев, представляющего собою не что иное, как сумму предохранительных мер, с помощью которых единоплеменники старались защититься от вероятных злоупотреблений людей, принадлежавших к другому племени или городу.

² По арабским источникам. См. Georg Jacob, *Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter* (1897), стр. 124.

³ Если верить рассказам Диодора (5,22, § 1,2), племена, населявшие Великобританию и западное побережье Германии в так называемый

существовал высоко развитый товарообмен, возникший за много столетий до того, как в эти области вторглись северные народы¹.

Конечно, уже в эпоху Римской империи в сильной степени замечалось возвращение к условиям потребительского хозяйства². После падения Римской империи регресс этот продолжался в течение целых столетий и достиг своей крайней точки между VIII и X вв.³. Тем не менее, в течение всего средневековья существовали более или менее значительные меновые отношения, и во все решительно столетия этого периода потребительское хозяйство пополняло свои запасы путем покупки и продажи услуг и товаров⁴. Поэтому, когда я обозначаю эпоху до конца первого тысячелетия нашей эры как век потребительского хозяйства, то это нужно понимать именно в том смысле, какой я придал этому термину во введении. Это значит, что ведение хозяйства основывалось главным образом на принципе потребительского хозяйства, который и являлся регулятивной идеей хозяйства, его духом. Другими словами, стремление хозяйствующих субъектов сводилось, главным образом, к тому, чтобы покрывать свои потребности средствами собственного хозяйства, а обмен с другими хозяйствами был лишь второстепенным явлением, которое не могло изменить общего характера ведения хозяйства.

Соответственно этому я и выбрал заглавие для настоящей главы. Здесь идет речь не о возникновении менового хозяйства

поздний каменный век (1500—1000 лет до Р. Х.) уже занимались «торговлей» (оловом и янтарем). Варгес, указ. соч., стр. 7 и сл. О «торговом обмене» германских племен в начале исторической эпохи см. у Варгеса, указ. соч., стр. 24 и сл. По этому поводу см. также общие сочинения о первобытной культуре европейских народов.

¹ По моему мнению наиболее полную общую картину экономической культуры эпохи римской империи дает L. Friedländer в своем сочинении «Sittengeschichte Rom's», 7 изд., 1901. Спор Бюхера и Майера не привел ни к каким новым выводам.

² См. Max Weber, *Römische Agrargeschichte* (1891), стр. 262 и сл.

³ Трудно сказать, в какой момент произошел наибольший упадок меновой хозяйственной организации — после похода лангобардов и сарацинов, т. е. приблизительно в VIII в., или после вторжения и грабежей венгров, т. е. во второй половине X в. Ад. Шаубе полагает, что для народов Средиземноморского побережья таким моментом был X в. (*Handelsgeschichte der romisch. Völker*, 1906). В эти столетия я не вижу никаких существенных изменений. Следует отметить то обстоятельство, что денежная масса в Европе, особенно в Германии, непрерывно уменьшалась вплоть до конца эпохи Каролингов и что продукция драгоценных металлов начинает увеличиваться только при Оттоне I. См. ниже.

⁴ «Ни помещичье хозяйство, ни крестьянское хозяйство не были вполне изолированными». v. Below, *Der deutsche Staat des Mittelalters* (1914), стр. 127.

в эпоху европейского средневековья, а только о его оживлении, о его развитии. Зародыши его имелись уже налицо. Проследим же, каким образом из них выросло то мощное растение, которое мы наблюдаем уже в XIII и XIV вв.

1. Одним из факторов, непрерывно побуждавших к расширению товарообмена, были профессиональные купцы, приезжавшие в Европу с Востока либо для того, чтобы запастись на севере и востоке Европы ценностями местными продуктами вроде янтаря, дорогих мехов¹ и т. д., либо для того, чтобы сбыть восточные товары — украшения, одежду и т. д. (об этом я буду говорить ниже). Описывая европейскую жизнь в средние века, мы никогда не должны забывать, что на Востоке находились Византия и Багдад — два центра высочайшей культуры, которые воздействовали на «варварскую» или погруженную в «варварство» Европу. Влияние этих городов во многом напоминало то влияние, которое наши культурные центры оказывают ныне на Восток или на области африканских и азиатских первобытных народов.

2. Наряду с этим незаметно продолжали действовать и те силы, которые в каждом крестьянском потребительском хозяйстве, как бы просто ни было оно организовано, вызывают тенденции, приводящие к его преобразованию и к появлению меновых хозяйственных форм. Всегда имеется возможность производить излишки, которые становятся удобными объектами продажи² по мере того, как слабеет первобытная общинная идея³. К этим излишкам крестьянских хозяйств, получавшимся при исключительно хороших урожаях, все в больших и в больших количествах присоединялись постоянные излишки или определенные специальные виды производственных доходов. О добывании этих добавочных продуктов хозяйство заботилось все время: оно производило мед, воск, вино, домашнюю птицу (в хозяйствах имелись курятники). В этом же направлении действовали и крестьяне, жившие на не-

¹ Торговля с этими восточными областями давала большой активный баланс. По моему мнению об этом прежде всего свидетельствует огромная масса находимых арабских монет. Продавцы шкур и т. под. предметов ничего не покупали у арабских торговцев и поэтому получали в уплату деньги. Монеты местные жители закапывали в землю или употребляли в качестве украшений. Я к об. указ. соч., стр. 59 и сл.

² См. сказанное в конце гл. VI.

³ Так например, из одного документа 1168 г. мы узнаем, что чиновники землевладельца в августе месяце должны были опрашивать всех крестьян, не имеют ли они продажного вина. См. Schöppelin, Alsatia diplom., Bd. I, № 249, цит. Ковалевским, З, 289.

плодородном морском побережье: они занимались рыболовством, а затем начали заниматься рыбной торговлей¹ или торговлей солью² и этим значительно содействовали развитию менового хозяйства.

Тенденция к разложению или, по крайней мере, к ограничению потребительского хозяйства, проявлявшаяся и в накоплении случайных излишков, и в накоплении излишков таких товаров, производство которых было специальностью тех или других хозяйств, усиливается под влиянием другого процесса, непрерывно совершающегося как раз в интересующие нас столетия. Мы имеем в виду дифференацию крестьянских владений. По мере того как образуются крупно-крестьянские хозяйства, владеющие более, чем одной гуфой, увеличивается и возможность создавать количественный излишек средств питания; с другой стороны, по мере того как владения других крестьян сокращаются до полугуфы, четверти гуфы или даже небольшой парцеллы, возникает необходимость специализироваться на других, более прибыльных отраслях сельского хозяйства (например на пчеловодстве) или вообще добывать средства существования каким-нибудь иным образом (например путем промышленной деятельности). Что местные промыслы, образующиеся в определенных местах, нередко были зародышами меновой хозяйственной организации, можно доказать на основании целого ряда примеров, имеющихся в источниках. При этом, конечно, важным обстоятельством является также и рост населения.

3. Не подлежит ни малейшему сомнению, что образование меновой хозяйственной организации в средние века происходило было не так быстро, как это фактически имело место, если бы в том же направлении не действовал еще и третий фактор — купное землевладение.

Помещичье хозяйство с первого же момента своего существования должно было стремиться к установлению связи с другими хозяйствами — прежде всего для того, чтобы продавать свои продукты. Вполне вероятно, что размеры потребительского хозяйства, в особенности у богатых землевладельцев, росли не в той же пропорции, в какой росло владение, а потому и натуральный оброк крестьян должен был увеличиваться. Это происходило особенно часто в тех случаях, когда крестьяне специально

¹ Уже в IX в. вывоз сушеної рыбы с берегов Северного моря достиг довольно значительных размеров. См. А. Бугге, *указ. соч.*, стр. 229 и сл.

² Главными примерами могут служить Комаккио и Венеция. См. Гартман, *Комаккио и торговля по реке По в VIII столетии* в его сочинении *Zur Wirtschaftsgeschichte usw.*, стр. 74 и сл.

производили тот или иной продукт. Вино текло таким широким потоком, что даже обширные монастырские погреба не могли вместить его; соль, добывавшаяся на поместных солеварнях, доставлялась массами. Что было делать со всеми этими продуктами? «Монастырь получал от своих крестьянских дворов такую массу вина и соли, что стало совершенно необходимо продавать излишнее», повествует наш превосходный Цезарий¹. Поэтому винодельческие округа особенно рано стали на рельсы менового хозяйства, тем более, что и крестьяне этих мест особенно рано стали производить в своих хозяйствах излишки. Уже в IX в. латинский поэт хвалит страсбургцев за то, что они не выпивают сами все туземное вино, ибо в противном случае городу пришлось бы плохо: эльзасское вино издавна стало одной из главных статей кельнской торговли. Шерсть, бывшая с ранних времен важным продуктом английских поместий², конечно, должна была продаваться поскольку сам владелец не хотел заниматься крупным прядильным и ткацким производством. Наконец, в поместьях получался сыр. Граф Сибого фон Фалькенштайн, какую бы обширную свиту вооруженных людей он ни собрал, не мог истратить 9 694 сырных круга, которые он получал каждый год³. Точно так же и наследники Тридентского кафедрального собора никуда не могли сбыть 14 000 сыров⁴, кроме как на продажу. Зерно тоже нельзя было все выпечь в хлебы и потребить⁵, если бы даже приходилось кормить сотни людей.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы часто слышим о правилах, регулирующих продажу излишков в барщинном хозяйстве.

¹ «Antiquitus tanta copia vini ac salis proveniebat ecclesie de curtibus nostris quod opportebat quasi de necessitate superflua (заметьте дух повествования!) venundare» (указ. соч.).

² Источники, приведенные Ковалевским (3,73), говорят о значительном числе пастбищ во владениях лондонской церкви св. Павла в конце XII в. Богатый материал содержит и статья Rob. Jowitt Whitewell, English Monasteries and the Wool Trade in the 13-th Cent.,—помещенная в «Vierteljahrsschr. f. Soz. u. W. Gesch.», 2 (1904), стр. 1—33.

³ Cod. Falk. Introductio., p. XXVI.

⁴ Chr. Schneller, Tridentiner Urbare aus dem 13 Jahrh. (Quellen u. Forschungen zur Geschichte etc. Österreichs und seiner Kronländer, 4 (1898), 6).

⁵ В конце XII в. аббатство св. Панталеона в Кельне получает 438 мальтеров «triticis» (ржи), из которых потребляется 187 мальтеров; 577 мальтеров «sillginis» (пшеницы?), из которых потребляется 313 мальтеров; 891 мальтер «avepe» (овса?), из которых почти все идет на продажу. По неизданному документу, цитируемому у Лампрехта, Хоз. жизнь Герм. 1, 2, 839.

Правила монастыря в Корбье (822 г.) постановляют: десятина, уплачиваемая далеко отстоящими деревнями, не должна отвозиться в монастырь, (а продаваться?), и необходимое количество должно покупаться в поместьях, расположенных поблизости. Десятина, взимаемая с садоводов, должна продаваться, если продажу можно произвести с выгодаю: «*ibue rationabiliter vendari possunt, venundentur aut contra penarios aut contra apponit (l) et ad portarum deferatur*». Из продуктов скотоводства в хозяйстве должны потребляться лишь свиньи, а жеребята, телята и козлята должны продаваться или обмениваться либо немедленно, либо через два года: «...*portarius eos... non servando, sed... venundando vel commutando ad utilitatem hospitalis prout ratio docuerit et mellus potuerit, eos convertere studeat*» (приложение к «Пол. Ирм.» 2, 325—26, 322). Известны таксы на зерно и т. д., введенные уже Карлом Великим. См., например, решение франкфуртского синода от 794 г., приведенное У. Фанье, док. № 88.

Закон 234 Ротара (643 г.) (изд. Блюме, 49) дает разрешение крепостному «продавать из своего скота, т. е. из быков, коров, лошадей и мелкого скота, то, что полезно для дома, дабы дом получил от того пользу и не пришел в упадок». «*Et sunt in Chama manentes 13, qui reddunt de serico l. 10 et de ipsis in Papla ducitur et ibi venundaditur ad solidos 50*» (кодекс лангобардов, стр. 726). В капитулярии о городах говорится (изд. К. Гагеis 1895 г.).

В гл. 33: «То, что остается, да сохраняется впредь до нашего приказания, а затем по нашему решению либо продается, либо оставляется...»

В гл. 39: «Когда они не могут воспользоваться ими сами (т. е. яйцами и курами), они должны их продавать».

В гл. 65: «Рыба из наших садков должна продаваться, а прочие должны помещаться в таком месте, чтобы всегда быть наготове; однако, когда мы не приезжаем в наши имения, рыба должна быть продана, и сумму наши судьи должны сохранить для нашей выгоды».

Всюду повторяется одна и та же мысль: сначала позаботиться о собственном потреблении, а затем продать то, что осталось.

Но еще чаще помещики выступают на рынке в качестве покупателей. Это вполне понятно, ибо денежный доход они получали не только от продажи своих собственных продуктов, но — с давних времен — и в форме денежного оброка, взимаемого с крестьян.

Денежный оброк крестьян существует во все периоды средневековья: о нем говорят документы каждого столетия. Далеко не так знаменательно то, что денежные сборы в V в. существовали в Галлии¹, ибо в то время они еще могли собираться в этой местности; гораздо важнее, что в VIII и IX вв. о них упоминается повсюду.

Приведем отдельные примеры. В VIII в. в Италии — аббатство в Фарфе, цит. у Ковалевского, 1, 388, 411; в Англии — там же, 1, 538, в Германии (Трир): *Fragm. Chartae Leodolini* в приложении к «Пол. Ирм.», 341;

¹ В барщинной книге Суассонского монастыря св. Петра говорится: «*Solvunt in anno friscingas duas... in villa Uscladinus coloni tres... solidos tres solvunt*». *Pardessus, Dipl.*, 1, № 65.

В IX в. в Италии (Боббио): Л. М. Гартман, *указ. соч.*, стр. 58; во Франции: монастырь Сен-Жермен де Прэ, «*Пол. Ирм.*», 1, 892 и сл., Реймский монастырь св. Реми. См. записи этого монастыря, стр. XLVII. Яббатство св. Бертина,— картуларий св. Бертина в *Coll. des Cart. de la France* 4 (1840). *Pars I Folquinis № XXV, XXVII, XIX* и всюду; Германия— Прумский монастырь; *Лампрахт*, 2, 143. Вейсенбургский монастырь. *Trad. poss.*, ed. *Zeuss*, стр. 273.

Оброчные суммы, вносимые наличными в помещичьи кассы, не всегда были незначительны. На основании названных выше источников я установил следующие цифры. В переводе на современную валюту доходы эти достигали:

В монастыре Боббио	около 100 марок
» » Прумском	» 6 000 »
» » Сен-Жерменском	» 10 000 »
» » св. Реми	» 13 600 »

Уже один факт этих сравнительно высоких денежных доходов, к которым присоединялись и доходы, получаемые от продажи собственных продуктов, сам по себе делает вероятным, что помещики производили закупки. Непосредственные свидетельства превращают это предположение в уверенность. Приведем хотя бы следующие отдельные места.

Прежде всего, об этом совершенно ясно говорят многочисленные привилегии, предоставляемые духовным поместьям, которые освобождались от пошлин на их суда, на их телеги и на их выючных животных, особенно в тех случаях, когда дело шло, например, о судах, перевозивших соль, или когда определено указывалось, что от пошлин освобождаются покупки. См., например, грамоту об освобождении от пошлин, которую Прумский монастырь получил от короля Пипина (*MRh. UB.*, Bd. 1, № 18) и в которой говорится: «во всех местах нашего королевства, где люди сказанного монастыря в каком-либо городе или порту производят покупки продуктов для содержания монахов»... «Люди сказанного монастыря, которые производят покупки для нужд сказанных монахов». Подобные обороты встречаются часто: монахи Сен-Жерменского монастыря могут всюду беспошлинно покупать «как предметы освещения, так и остальные необходимые вещи». *Dipl. Cart. M.* от 779 г., привед. у *Буке*, 5, 742. Источники часто говорят о помещичьих покупках, производимых и с другими целями: Сен-Галленский монастырь посыпает монаха в Майнц «для покупки льняного полотна» *MG.*, S. 2, 97. *Mon. Sang.*, 16, 2, 752. (В аббатстве св. Бертина мы уже в VIII в. встречаем иноземное сукно: «drappos kamisis ultra marinas quae vulgo berniscris vocantur» *Cart. de St. Bertin*, *цит. соч.*, № 46). Нехватавшие предметы потребления получаются путем покупок: «Если этого (хмеля) ему недостаточно, то он должен приобрести его себе путем покупки или каким-либо иным образом (!).» Прил. к «*Пол. Ирм.*», 2, 33, 133. В дарственных записях иногда определяется назначение, по которому должна быть исправлена подаренная денежная сумма: «argentil sol. X ad pisces emendos ad pastum unum fratribus ibidem exhibendum». (*MRh. UB.*, Bd. I, № 110 от 868 г.).

Четыре человека, отправляющиеся из Гельмштетта в Бардевик, должны принести рыбу, когда они будут возвращаться обратно: «рыбу, которую они

смогут купить на пшеницу, они должны принести в свой монастырь». Ср. по этому поводу *Ansegisi Cap. Lib. I. (Cap. reg. Franc., 1, 410)*: «О монастырской казне. Епископы, настоятели и настоятельницы должны тщательно оберегать монастырскую казну, дабы благодаря обману или небрежности стражей не было потеряно что-либо из драгоценностей, сосудов или реликвий, ибо нам сказано, что они могут покупать у еврейских и других торговцев все, что им угодно».

Из анекдотов, передаваемых источниками, мы узнаем о покупках, производившихся помещиками. Наибольшей известностью пользуется маленькая история о том, как Карл Великий сыграл шутку над своими придворными щеголями: он заставил их надеть шелковые одежды, только что купленные у итальянских торговцев, и поехать вместе с ним на охоту в самые чащи сырых лесов. Конечно, все эти одежды были испорчены. Менее известна другая шутка, которую король сыграл над одним из своих духовных магнатов: король купил у одного еврейского торговца (участвовавшего в шутке) пойманную в Бахене и высущенную мышь и заставил магната купить ее, как ценную реликвию, за определенную цену. Оба эти анекдота, основанные на источниках (*Mon. Sang.*), рассказаны у Густава Фрейтага в его *«Bildern aus der deutschen Vergangenheit»*, 1, 323 и сл.

Товары, встречающиеся в торговом обороте, также приводят к заключению, что помещики производили регулярные покупки. Мы видим, например, что монахи монастыря Корбье и Камбрэ покупают пряности и специи (прилож. к «Пол. Ирм.», 2, 336), а парижские монахи в знаменитом ярмарочном местечке Квентавик на северном берегу Франции склоняются с другими монахами, чтобы покупать мед, крап, пряности и т. д. (Там же, 1, 786 и сл.) Ср. также *Otto Fengler, Quentovic, seine maritime Bedeutung unter Merowingern und Karolingern*, пом. в *Hans. Gesch. Bl.*, 1907, 1 Heft, стр. 91 и сл.

В таможенных списках VIII и IX вв. перечисляются в качестве купеческих товаров следующие предметы: золото, серебро, геммы, оружие, одежда, воск, иони, рабы,— словом, предметы, которые могли приобретать только богатые землевладельцы. См., например, Эдикт Ротара (643 г.), изд. Блюме, стр. 48, *Sicardi Pactio* (836 г.), изд. Блюме, стр. 193, *Div. Imp. LL*, 1, 142, с. 11. *Leg. port. LL*, 3, 480 и сл., *Cap. от 805 г.*, гл. 7, где приведено известное место о запрещении продавать оружие «наследственному врагу». Место это перепечатано также и у Фанье, Док., № 90. В диалогах Эльфрида перечисляются как ввозные товары следующие предметы: пурпур, шелк, драгоценности, слоновая кость, золото, цветные материи, краски, вино, масло, пиво, олово, стекло и сера. *Thogre, Analecta Anglo-Saxonica*, стр. 101, привед. у *Gibbins, Industry in England*, 4 ed. (1906), стр. 45.

Наконец, и могилы говорят на этот счет совершенно ясно. В могилах эпохи Меровингов, раскопанных в Германии, была найдено масса украшений, «являющихся, очевидно, продуктами чужеземной индустрии, привезенными торговцами». L. *Lindenschmidt*, *Handbuch der deutschen Altertumskunde*, 1 (1880—89), стр. 381, 437 и сл. Что «заморские» купцы привозили в Европу предметы украшений, известно нам и из других источников. Так например, закон Визиготов (кн. XI, т. III) упоминает о «заморских купцах», продающих золото и одежду «или всякого рода украшения нашим подданным».

Вполне естественно, что мы встречаем упоминания о судах, на которых доверенное лицо помещика отвозит на рынок зерно,

и о телегах и вьючных животных оброчных крестьян, отправляющихся на рынок с таким же грузом.

В источниках часто говорится о судах церквей и монастырей, освобождаемых императорами от уплаты пошлин и податей. Особенно часто это бывало в Италии. Относительно Италии многочисленные доказательства можно найти у Гартмана, «К хозяйственной истории Италии», стр. 87; Шаубе, указ. соч., стр. 37 и сл., 72 и сл.; относительно Германии см. Инама, 1, 440, MRh. UB., 1, № 18; относительно Франции см. Герар, «Пол. Ирм.», 1, 789.

Особенно часто на этих судах привозились с рынка закупленные товары (в частности соль). Но по всей вероятности суда эти посыпались на рынок по возможности с грузом. Что такие случаи бывали, видно из источников: в 860 г. Людовик II разрешает уполномоченному монастыря в Брешии торговать, не уплачивая ни *graticum*, ни торговых сборов: *quicunque cum regis negotiis mercimonii negotiando perrexerit*. Mühlbacher, S. 1184.

Оброчные крестьяне Реймского аббатства св. Реми ездят (в IX в.) в Шалон (80 км), в Сен-Кентен (70—110 км), в Аахен, т. е. в такие места, где можно было продать на рынке монастырское зерно. Зерно перевозилось или на телегах, запряженных волами, или на ослах: говорится, например, об обязанности доставить двух ослов *duos asinos in Vero mandense*. Pol. de l'abbaye de St. Remi de Reims etc., стр. XXVI, XVII, XIX. Четыре оброчных крестьянина Гельмштедтского монастыря должны ежегодно отвозить 9½ мальтеров зерна «в Бардевик на продажу». Urk. Helmstädt, стр. 33, цит. у Инамы, 2, 372.

Но поместья способствуют развитию менового хозяйства не только тем, что сами они выступают на рынке: они становятся своего рода ферментом, разлагающим потребительское хозяйство крестьян скорее, чем это произошло бы при других условиях. Это ясно видно хотя бы из денежного оброка, который помещики требуют с крестьян. Ибо как только хозяйство оказывается вынужденным платить регулярные денежные платежи, оно должно добывать себе денежные доходы путем продажи своих продуктов.

В этом же направлении действовало и развитие института исключительных помещичьих прав на мельницы, сукновальни, пекарни, пивоварни и т. д. и т. д. Наряду с возлагаемым на крестьян обязательством пользоваться исключительно помещичьими заведениями этого рода часто встречается и прямой запрет строить в собственном доме приспособления для перемалывания муки, выпечки хлеба, варки пива, вальцовки сукна и т. д.¹ Таким образом крестьянам прямо навязывались меновые отношения.

¹ Для Англии см. Ковалевский, 3, 139; аналогичные явления замечаются и у норманов в Сицилии. Указ. соч., стр. 381 и сл. Для Германии см., например, «Правила Прумского монастыря MRh. UB.», 1, 147—149. Для Франции — Flach, Origines etc., 2, 198 и всюду.

Было бы чрезвычайно интересно ближе проследить связь между развитием института исключительных помещичьих прав и образованием меновой хозяйственной организации. При этом следовало бы выяснить, насколько настойчиво помещики, заинтересованные в возможно высоких рыночных сборах, побуждали крестьян посев щать ярмарки.

Наконец, мне представляется вероятным, что поместья вовлекали крестьянские хозяйства в меновое хозяйство еще и тем, что они способствовали специализации крестьянского производства. Чем энергичнее помещик заставлял оброчного крестьянина специализироваться на выработке определенных сельскокозяйственных или промышленных продуктов, поставляемых на барский двор, тем более крестьянин терял экономическую самостоятельность, основанную на принципе потребительского хозяйства, и тем более он был заинтересован в том, чтобы использовать свою специальность, посвящая себя исключительно ей и продавая другим лицам продукты, остававшиеся у него по оплате оброка помещику.

Итак, в поместной организации, как таковой, заложена тенденция к разрушению поместного и крестьянского потребительского хозяйства. Поэтому и процесс разложения неизбежно должен был ити параллельно с ростом поместий, хотя протекал он медленно. То обстоятельство, что после XI в. процесс этот начал протекать быстро, скачками, и что в короткий промежуток одного или двух столетий европейское средневековье перешло от господствующего типа потребительского хозяйства к господствующему типу меновой хозяйственной организации, объясняется сочетанием целого ряда особых условий. Причины эти были приблизительно таковы.

Прежде всего приходится отметить ряд мероприятий, проводившихся помещиками и вызывавших определенные изменения (мероприятий, отчасти взаимно обусловливавших друг друга):

1. Натуральный оброк крестьян превращается в денежный оброк.

Влияние этой перемены на крестьянское хозяйство мы уже отмечали: крестьянин вынужден был продавать свои продукты.

2. Старая административная система поместий разлагается. Управляющие (старосты, бальифы) превращаются в арендаторов помещичьей земли и барского двора, где раньше они выполняли лишь функции господских управляющих, или становятся арендаторами крестьянских владений, с которых раньше они собирали оброк.

3. Крестьянские владения во многих случаях освобождаются

от прежней крепостной зависимости и переходят к более свободным формам аренды.

Изменения эти сами по себе еще не содействовали развитию менового хозяйства: такого развития не могло быть в тех случаях, когда, например, аренда уплачивалась в такой же натуральной форме, как и раньше (это было, например, во многих областях северо-западной Германии¹ и Италии², где была введена испольщина в виде зерновой аренды). Перемена сказывалась лишь в том отношении, что благодаря личной заинтересованности получался больший излишек над собственным потреблением, а следовательно, продажа сельскохозяйственных продуктов становилась одновременно и возможной и необходимой. Кроме того реформа административной системы в большинстве случаев сопровождалась превращением натурального оброка в денежный.

Обрисованные здесь процессы происходили во всех странах Европы и проявлялись более или менее одинаково. Они достаточно выяснены исследователями. Из обширной литературы я приведу лишь несколько сочинений, которые по моему мнению особенно хорошо освещают вопрос.

Общие сочинения, касающиеся Европы: S. Sugenheim, *Gesch. der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa*, 1861 (отчасти устарело). Ковалевский, указ. соч.

Судя по Флаху, указ. соч., 2, 87 и сл., во Франции перемена эта начала происходить уже в IX в. и в XII в. окончательно завершилась. Но старый уклад деревень («Villikationen») конечно продолжал еще кое-где существовать, особенно в крупных монастырских владениях, где поместная администрация разлагается только в XIII в.: H. d'Argois de Jubainville, *Etudes sur l'état interieur des Abbayes cisterciennes* (1858), 309 и сл.

В Англии по мнению Сибома (Vill., Comm., стр. 75) решительный переворот происходит в период между появлением Черной Книги (1125 г.) и появлением сотенных списков (1279 г.); по мнению же издателя *Registrum Prioratus Beatae Mariae Wigorniensis* (Will. Hale Hale, Cambd. Soc., 1865) переворот этот произошел между серединой XIII в. и моментом появления *Valor Ecclesiasticus* (1534 г.). В столь обобщенной форме взгляд этот, конечно, неправилен. Эшли («Хозяйственная история Англии», § 3, 4), опирающийся, главным образом, на только что упомянутый регистр, относит момент превращения натурального оброка в денежный к началу XIII в. И в Англии в светских поместьях реформа произошла раньше, чем в духовных поместьях. Оброк промышленными продуктами был в Англии отменен, вероятно, ранее, чем где бы то ни было. В источниках XII и XIII вв. он уже упоминается очень редко. Этот взгляд разделяется Мейценом (*Siedelungen*, 2, 132), по мнению которого в это время были отменены и все вообще оброки

¹ W. Wittich, *Grundherrschaft*, стр. 312 и сл., 317 и сл.

² E. Poggi, *Cenni storici delle leggi sull'Agricoltura* (1848), 2, 184 и сл.; C. F. von Rumohr, *Ursprung der Besitzlosigkeit des Colonen im neuen Toscana* (1830), стр. 110 и сл. (Собрание документов, относящихся к эпохе 1250 г. и позднее.)

и новинности. Ср. также Ковалевский, 3, 164 и сл. Но в записях Рамсейского монастыря (XIII в.) сельскохозяйственный натуральный оброк продолжает упоминаться попрежнему. Ср. также Gust. von Steffen, Studien zur Gesch. der engl. Lohnarbeiter (1901), 174 и сл. R. M. Garnier, History of the english landed interest (1908), 214 и сл.

В Италии начало отмеченной нами перемены можно отнести к XI в. и даже к еще более раннему периоду. См., например, документы Рипского аббатства, относящиеся к началу XI в. и приведенные у Ковалевского, 3, 352. Кроме литературы, приведенной в примечании 2 на предыдущей странице, следует еще упомянуть G. Bianchi, La proprietà fondiaria e le classi rurali nel medio evo etc. (1891), стр. 51 и сл., где обработана более старая литература.

Ход развития в Бельгии описал Brants, Essais historiques sur la condition des classes rurales en Belgique, 1880.

Для Германии прежде всего нужно упомянуть Лампрахта, «Хозяйственная жизнь Германии», 1, 620 и сл., 947; 2, 587 и сл. и Инаму, «Хозяйственная история Германии», 2, 167 и сл., 204 и сл. Из более поздней литературы следует отметить: Виттих, указ. соч., стр. 312 и сл., 317 и сл. и Мейцен, указ. соч., 2, 139 и сл., 599. Особенно поучительны описания у Кетцшке, указ. соч., стр. 133 и сл.

Относительно австрийских земель см. введение Допша к изданным им документам «Landesfürstlichen Urbaren Nieder- und Oberösterreichs aus dem 13 und 14 Jahrh.» (Oesterr. Urbarie, I, 1, 1904), стр. CXII и сл., CXС и сл. CCXI и сл. В Австрии в духовных поместьях перемена также произошла позднее. «Процесс, уже законченный в поместьях владетельных князей, здесь еще, повидимому, продолжал происходить». Допш доказывает, что в XIII в. развитие в Австрии продвинулось столь же далеко, как и в других немецких территориях (стр. CXС).

Перемены эти несомненно происходили под влиянием сознательной воли помещиков. Эти стремления помещиков объясняются прежде всего потребностью повысить земельные доходы и иметь возможность распоряжаться ими по собственному усмотрению, в особенности для приобретения дорогих предметов потребления. Поэтому помещики предпочитали денежную форму оброка. В свою очередь стремление к повышению денежных доходов было результатом того, что пышный и роскошный образ жизни в XI и XII вв. стал пользоваться в Европе всеобщим признанием. Это было выражением того нового духа, влияние которого мы нередко заметим и в других областях жизни.

Эта тенденция к «обмирщению», как мы можем выразиться простоты ради, обнаруживавшаяся среди высших слоев, в том числе и среди духовенства, укреплялась благодаря целому ряду внешних обстоятельств, которые отчасти были порождены самой этой тенденцией, а отчасти вытекали из других причин. Наиболее важные из них следующие:

1. Рост богатства, ясно проявляющийся, начиная с XI в. и

особенно в XII в. Времена стали спокойнее. Грабежи прекратились. На пустырях появляются поселенцы, которые по большей части устраиваются на помещичьей земле. Сельскохозяйственный труд становится продуктивнее. Со второй половины XII в. (в особенности в Германии) увеличивается интенсивность земледелия благодаря увеличению числа специальных культур; с половины XII в. виноградники начинают устраиваться террасами, а немногого позднее распашка целины входит во всеобщее употребление¹. Обработка земли постепенно улучшается. Землю перепахивают три и четыре раза. Увеличивают удобрение и вводят травосеяние².

В Италии снова начинают сажать виноград и оливы³.

В Англии с XII в. начинают все чаще и чаще выжигать лесные площади; по крайней мере с конца XII в. быстро входит в употребление трехпольная система⁴.

То же самое мы слышим и о Франции. Документы свидетельствуют, что уже в конце XII в. озимые поля стали перепахивать два раза⁵.

В нижнем течении Рейна, у голландцев и фламандцев, процветала разработка низин и болотистых почв, которую многочисленные колонисты этих племен занесли в Эльбские земли и далеко на восток⁶.

Промышленный труд стал продуктивнее прежде всего благодаря далеко идущей специализации. О каких-либо радикальных изменениях техники нам ничего не известно. Но растущая специализация несомненно была достаточна для того, чтобы увеличить ловкость работника и эффективность специализированных средств производства; в связи с этим и производственный эффект значительно повысился.

2. Сношения с Востоком становятся все чаще и все теснее. Как известно, именно благодаря этим сношениям стало свободно проявляться светское настроение, укрепилась потребность жить в довольствии, роскоши; эти же сношения научили как наилучшим образом использовать растущие богатства.

¹ Лампрехт, «Хозяйственная жизнь Германии», 1, 148 и сл.

² Лампрехт, «Хозяйственная жизнь Германии», 1, 529 и сл., 557 и сл. по M.Rh. UB., 1, 650; 3, 504.

³ C. Bertagnolli, Delle Vicende dell'agricoltura in Italia (1881), стр. 180.

⁴ См. Ковалевский, 3, 159 и сл.

⁵ См., например, документы, приведенные у Гераара. «Пол. Ирм.», 1, 383.

⁶ Gustav Freytag, Bilder aus der deutschen Vergangenheit, 2, 46. Дальнейшие данные можно получить из общизвестных историй развития сельского хозяйства.

3. Происходит разложение общежитий в капитулах и аббатствах. Разложение это начинается в капитулах уже в X в., затем его пытаются приостановить (аскетическая реакция против «обмирщения» духовенства в XI и XII вв.), но в XIII в. оно становится уже совершившимся фактом¹. Его можно поставить в связь с общей тенденцией оценивать жизнь с более светской точки зрения. Стремление к более свободному образу жизни сочетается с желанием в большей степени использовать получаемые капитулами богатые доходы, чем это разрешал простой быт, предписанный канонами. К этим общим причинам в епископских капитулах присоединяются еще и другие, особые причины. В XI в., а отчасти еще и раньше, епископы разделили свои диоцезы на округа и передали их в ведение духовных лиц епископской церкви. Вследствие этого каноники кафедрального собора стали архидиаконами, церковными сановниками и выдвинулись на первое место по сравнению со всеми прочими духовными лицами диоцеза. Это и было главной причиной, разрушившей их монашески скромный быт: высоким церковным сановникам стало впоследствии невозможно жить так же, как простым монахам². Изменение образа жизни заключалось в том, что ежедневно получаемый паек превратился в точно установленный годовой доход; далее, в противоположность прежней практике, когда довольствие выдавалось главным образом в виде готовых кушаний и напитков, прелату стали доставляться натуральные продукты, которые он должен был продавать, и все большие и большие суммы денег. Каждый прелат имел теперь свой собственный дом — свою курию, — а владение домом заставляло держать собственных слуг и вести собственное хозяйство, приоровленное к рыночным отношениям. Тем же путем шло развитие и многочисленных каноникатов³. Это разложение общежитий естественно ускоряло разложение старого сельского уклада.

Подобные же изменения мы наблюдаем и в организации монастырей и аббатств, очевидно под влиянием тех же самых причин. С X и XI в. аббаты начинают «обмирщаться»: «В то время

¹ См. Ph. Schneider, Die bischöflichen Domkapitel, ihre Entwicklung und rechtliche Stellung im Organismus der Kirche (1885), стр. 41 и сл.

² Эта связь описана у Я. Блакманн, Geschichte des Halberstädter Domkapitels im Mittelalter, пом. в Zeitschrift des Harzvereins, 32 (1899), 2. Руд. Блакманн, Das Domkapitel zu Verden im M. A. (1912), 16 и сл. Ср. Schulte, Adel und deutsche Kirche (1910), 274 и сл.

³ Картинное описание можно найти у К. Heinr. Schäffer, Die Kanonissenstifte im deutschen M. A. (1907), 191 и сл.

аббатства стали все более и более превращаться в Имперские княжества, преследовавшие светские, политические цели». Стремления и образ жизни аббатов, преследовавших эти цели, отделились от стремлений и образа жизни простых монахов; княжеский двор аббатов все дальше и дальше отходил от простого монашеского хозяйства. Естественно, что в конце концов монастырское имущество было разделено между аббатом и монастырем: определенная часть доходов идет на содержание братьев, а в пользу аббата предоставляются другие владения для покрытия его княжеских расходов. На ряду со всем этим повинности превращаются в твердо установленный оброк. «Таким образом, вместо сообща управляемых монастырских владений, которые существовали первоначально, возникает ряд отделенных друг от друга владений, каждое из которых управляется особо». Внутри самих монастырей также происходили перемены: монастырская жизнь сильно индивидуализировалась — «монастырские должности приобрели характер доходных мест»¹. Многие монастыри, как, например, Верденское аббатство, превратились в конце концов в простые общежития, а общежития эти с течением времени стали чем-то вроде приютов для младших сыновей дворянского и рыцарского сословия. В этих случаях они становились совершенно светскими учреждениями².

Таким образом, и здесь начинают развиваться стимулы, побуждающие к расширению меновых отношений и торгового оборота.

4. В X и XI вв. снова оживает добывание драгоценных металлов, прежде всего добывание серебра³. С конца X в. начинается

¹ См. B. Kötzschke, Studien zur Verwaltungsgesch. der Grossgrundherrsch. Werden a. d. Ruhr (1901), стр. 114, где особенно детально и живо описано это изменение монастырского строя. Об общем развитии монастырей см. G. Matthei, Die Klosterpolitik Heinrichs II (1877), 14 и сл.; A. Hauck, Kirchengesch. Deutschlands, 3, 314 (1906) 433 и сл.

² Arnold, Verf. Geschichte der deutschen Freistädte, 2, 162 и сл., ср. Кецшке, указ. соч.

³ Наши знания о ранней истории горного дела, поскольку оно связано с добыванием драгоценных металлов, до крайности скучны. Имеющийся материал источников собран в следующих сочинениях: Will, Jacob, Ueber Produktion u. Konsumtion der edlen Metalle, нем. пер. Клейнтрода (1838), стр. 151 и сл. Переводчик снабдил перевод целями добавлениями. Soetbeer, Beitr. z. Gesch. des Geld-und Münzwesens in Deutschland, пом. в Forschungen zur d. Geschichte, Bd. I, II, IV, VI. A. Hanauer, Etudes économiques sur l'Alsace ancienne et moderne, 2 vol., 1876 и 1878. И наконец «Хозяйственная история Германии», 2, 330 и сл. До пш, 2, 173 и сл. Я добавлю слова еще таких следований: в 963 г. в хронике Вильгельма (гл. 63) говорится:

разработка серебряных рудников, имевших особо важное значение в средние века (в экономическом смысле золото не играет в ту эпоху никакой роли). Разработка рудников происходит в Силезии, в Гарце (Гослар, Клаусталь), в Саксонии (Фрейберг), в Каринтии, в Зальцбургском округе, в Богемии, в Эльзасе и т. д.

Так как развитию продукции благородных металлов я приписываю большое значение для развития капитализма, то об этом я говорю подробно в том месте, где описывается процесс создания «предварительных условий» капитализма. Но добыча благородных металлов оказывала влияние и на ход развития докапиталистической хозяйственной жизни и в частности сыграла немалую роль при превращении потребительского хозяйства в меновое хозяйство. Поэтому я должен упомянуть о ней уже здесь. Прежде всего мы должны указать на то, что увеличение запаса благородных металлов способствовало «обмирщению» мировоззрения: быстрое обогащение, всегда связанное с внезапным ростом золотой и серебряной продукции, пробуждает и усиливает алчность к деньгам, делает богатство более привлекательным и повышает в глазах людей общую ценность денежного имущества. С самых отдаленных времен мы наблюдаем, что открытие богатых залежей благородных металлов всегда вызывает одни и те же душевые настроения.

Но в лежащем перед нами комплексе проблем значение роста добычи благородных металлов далеко не исчерпывается отмеченными нами настроениями, ибо можно доказать, что без этого роста продукции преобразование социальной организации не могло бы совершиться.

Если мы хотим выяснить себе роль, которую сыграл в этом преобразовании рост добычи серебра и золота, то мы должны пересмотреть и исправить некоторые экономические понятия, настоятельно необходимые нам при описании рассматриваемых связей. Многие, в особенности историки, смешивают понятия потребительского хозяйства и натурального хозяйства, менового хозяйства и денежного хозяйства, благодаря чему возникает большая путаница. Потребительское хозяйство нельзя отожествлять с натуральным хозяйством, меновое хозяйство нельзя отожествлять с денежным хозяйством; противоположными понятиями являются

«В земле Саксонии открылись серебряные жилы». MG. SS., 3, 462; под 961 г. хроника Титмара (гл. VIII) говорит: «В свое время золото просветило мир; у нас раньше всего открыты серебряные жилы». MG. SS., 3, 747. О доисторическом периоде говорится у Matt. Much, Prähistorischer Bergbau in den Alpen, пом. в Zeitschr. d. deutsch. u. österr. Alpenvereins (1902), стр. 1 и сл.

не потребительское хозяйство и денежное хозяйство, натуральное хозяйство и меновое хозяйство, а потребительское хозяйство и меновое хозяйство, денежное хозяйство и натуральное хозяйство. Как мне кажется, в ходе нашего описания мы достаточно выяснили значение потребительского хозяйства и менового хозяйства. Выражения же «денежное хозяйство» и «натурализмое хозяйство» могут иметь только тот смысл, что первое обозначает такой хозяйствственный строй, при котором наряду с потребительскими благами выступают на сцену и деньги, между тем как натуральное хозяйство ведется без денег. Но если уже существует денежное имущество и если стоимость прочих товаров определяется, измеряется и выражается с помощью какого-либо одного определенного товара, то очевидно, что для существования денег не требуется меновой хозяйственной организации в том, например, случае, когда денежное выражение и денежное имущество проявляются только при уплате штрафов, взимании податей и т. д. Если, например, в рамках поместной организации оброк превращается в денежную форму, если заработка плата выплачивается не в продуктах, а в деньгах, если пошлины взимаются не товарами, а деньгами, то все эти явления, правда, свидетельствуют о переходе от «натурального» к «денежному» хозяйству, но отнюдь еще не обозначают, что потребительское хозяйство перешло в меновое хозяйство. С другой стороны, меновое хозяйство может мирно сожительствовать с натуральным хозяйством. Ибо обмен может происходить и без посредства денег, арендная плата может определяться не денежными ставками, а продуктами земледелия, заработка плата может выплачиваться продуктами питания: все это может происходить в рамках хозяйственной организации, покоящейся на принципе обмена.

Но хотя и необходимо резко ограничить понятия потребительского хозяйства и натурального хозяйства, менового хозяйства и денежного хозяйства, все же можно признать, что потребительская организация и натуральное хозяйство, с одной стороны, и меновая хозяйственная организация и денежная хозяйственная организация — с другой стороны, до известной степени зависят друг от друга: отношения денежного хозяйства способствуют разложению потребительского хозяйства и создают или укрепляют меновые отношения, меновое же хозяйство развивает тенденции к введению в обиход денег.

Если мы четко представляем себе эту связь, то мы ясно увидим, в чем заключается значение продукции благородных металлов для того превращения потребитель-

ского хозяйства в меновое хозяйство, которое мы здесь стараемся проследить. Рост запаса благородных металлов прежде всего вызывает: а) замену прочего денежного имущества золотом или (как в нашем случае) серебром вследствие технических преимуществ, свойственных этим двум металлам. Только после того, как драгоценные металлы приобрели значение денег, деньги сделались столь прочны, ценные и подвижны, что ими стало возможно пользоваться при обмене товаров, привозившихся издалека. В сущности только деньги и делают возможным такой обмен. Такое же влияние они оказали и на специализацию производительной деятельности (поскольку она происходила в сколько-нибудь значительных размерах, т. е. приводила к образованию профессий). Таким образом известный запас металлических денег необходим для того, чтобы были осуществлены эти предварительные условия меновой хозяйственной организации, которая может тем шире развернуться, чем больше металлический запас.

Но увеличение запаса драгоценных металлов — по крайней мере на той стадии хозяйственного развития, которого достигла Европа в X и XI вв., т. е. в ту эпоху, когда народ стал ценить благородные металлы, главным образом, как денежное имущество,— оказывает влияние еще и в том отношении, что оно непосредственно разлагает потребительское хозяйство и содействует развитию менового хозяйства. Это происходит прежде всего вследствие того, что б) увеличение запаса благородных металлов создает в определенных местах страны спрос на такие товары, которые приходится приобретать путем покупки и которые, следовательно, должны производиться для обмена. При том положении, в каком находились люди той эпохи, спрос этот направлялся в первую очередь на такие товары, которые приходили из более развитых в экономическом отношении областей и привозились чужеземными торговцами в менее развитые местности: это были восточные товары. Но с течением времени спрос производителей благородных металлов, возникший из ничего, стал побуждать и местных уроженцев к производству товаров с целью сбыта.

Кроме того более обильный прилив драгоценных металлов создает целый ряд денежно-хозяйственных отношений, которые в свою очередь способствуют развитию меновой хозяйственной организации. Я имею в виду превращение натурального оброка в денежный (или даже полную отмену оброка путем уплаты выкупной суммы), натуральной заработной платы в денежную заработную плату, натуральных пошлин в денежные пошлины и введение денежных податей. Все обязательства денежной уплаты,

связанные с такими мероприятиями, необходимо предполагают наличность некоторого минимума денежного товара и могут тем легче налагаться на население, чем больше металлических денег находится в обращении: таким образом ранее развившееся меновое хозяйство в свою очередь делает возможным денежное хозяйство. Когда же вышеуказанным образом вводится денежное хозяйство, то оно опять-таки способствует развитию меновых хозяйственных отношений: человек, обязанный вносить денежную сумму, вынужден становиться продавцом, а лицо, имеющее право на получение этой денежной суммы, получает возможность стать покупателем.

Наконец, следует напомнить о том, что рост денежного запаса, вызванный увеличением продукции благородных металлов, способствовал созданию или развитию и других денежно-хозяйственных отношений, которые в свою очередь прямо или косвенно содействовали разрушению потребительского хозяйства. Я имею здесь в виду г) дачу денег взаймы, которая началась именно в эти столетия и в немалой мере способствовала разложению феодального общества и соответствующей ему потребительско-хозяйственной организации. Об этом я буду подробно говорить в другой связи и поэтому здесь не буду вдаваться в детали. Я упомяну лишь о том, что д) создание наемных военных отрядов, «солдат», разрушающее узы потребительского хозяйства, предполагает предварительный сильный рост продукции благородных металлов.

* * *

Все те тенденции, которые вовлекают хозяйственную жизнь в меновую хозяйственную организацию, чрезвычайно усиливаются благодаря новообразованию, имеющему огромное значение и в другом отношении: благодаря е) возникновению городов. Города и основанный на них ремесленный строй хозяйственной жизни являлись в сущности матерями (а не детьми, как ошибочно полагали) менового хозяйства. О них и о причинах их возникновения и роста я подробно говорю в следующих главах. Здесь я только несколько остановлюсь на преобразованиях социальной структуры, вызванных развитием менового хозяйства, и на носителях нового хозяйственного строя — торговцах и ремесленниках.

III. Предварительные стадии профессиональной торговли.

Меновое хозяйство еще не равнозначно торговле и ремеслу. Другими словами, отдельные хозяйства могут быть взаимно связаны узами обмена (происходящего при посредстве или без по-

средства денег) без того, чтобы посредническая (торговая, купеческая) или промышленная (ремесленная) деятельность осуществлялась как профессия определенными группами населения. Промышленная деятельность может сочетаться с сельским хозяйством, как это обычно и бывало на начальных стадиях менового хозяйства в эпоху европейского средневековья; «торговые» функции могут выполняться самими производителями. На начальных ступенях меновой хозяйственной организации это нормальный случай, по крайней мере там, где обмениваемые товары привозятся из близких местностей. То, чем обмениваются друг с другом крестьяне, помещики и промышленники в узких границах их околотка, вплоть до нашего времени, обменивается ими самими без посредства торговца. Но мы знаем, что в ранний период средневековья товары привозились для обмена самими производителями (или их уполномоченными) издалека.

Ремесленники со своими продуктами посещали далекие ярмарки (об этом я еще буду говорить в другой связи). Небольшие суда, привозившие соль из Венеции и Комаккио, разъезжали по рекам и по всему побережью Италии. Монахи направлялись на далекие ярмарки¹, а в некоторых местах жили специальные уполномоченные церквей и монастырей, которым было поручено производить обмен для их учреждений и которые поэтому именуются «купцами», «negociatores», хотя они представляют собою не что иное, как хозяйственных чиновников духовных общежитий и монастырей².

Когда мы читаем в источниках о движении товаров и о «купцах», то в действительности очень часто дело идет лишь о сбыте собственных продуктов, — чаще, чем мы это думали раньше. Но теперь по крайней мере мы знаем, что в средневековых текстах

¹ См. поучительную инструкцию для монахов, посещающих ярмарки, которая начинается словами: «Для монахов опасно и не совсем почетно посещать ярмарки». Тем не менее инструкция разрешает им ездить на ярмарки с условием, чтобы они жили там не более трех дней. См. *Nomast. Cisterciense*, ed. J. L. Paris (1670), стр. 260—261.

² «Торговцы», отправляемые монастырями, впервые упоминаются в документе монастыря св. Дени от 775 г. После этого такие упоминания встречаются чаще. См. *Imbatt de la Touzg, Des immunités commerciales etc.* в *Etudes dédiées à G. Monod* (1896), стр. 79. Кorda Белов (*Zeitschr. f. Soz. u. W. Gesch.*, 5, 140 и сл.) считает неудавшейся попытку доказать, на основании источников, что и в Германии при монастырях имелись собственные «торговцы», то его можно, пожалуй, признать правым. Но что вследу, где существовали крупные поместья, существовали и собственные «торговицы», — в этом едва ли можно усомниться, если представить себе положение монастыря, вынужденного регулярно продавать большие количества собственных продуктов и покупать за вырученные деньги другие продукты.

не всегда можно переводить слово «mercator» словом «купец» и что термин этот во многих случаях обозначает приехавшего на ярмарку производителя¹.

Но даже после того, как посредничество при товарообмене стало особым промыслом и начало вестись определенными категориями лиц, которые выступали наряду с производителем, еще нельзя говорить о существовании профессиональной торговли. Между профессиональной торговлей и непосредственным обменом продуктами между производителем и потребителем существуют еще две другие промежуточные ступени развития, которые можно назвать предварительными ступенями профессиональной торговли. Эти ступени — разбойничья торговля и случайная торговля.

Разбойничья торговля — родная сестра грабежа. Она заключается в том, что регулярно продаются товары, не произведенные и не купленные продавцами, а захваченные ими путем насилия. Этот вид торговли можно также назвать односторонней торговлей. Как известно, настоящим поприщем для разбойничьей торговли было море, где она существовала в виде пиратского промысла в течение целых тысячелетий:

С двумя кораблями мы вышли из гавани,
А с двадцатью вернулись в порт.
Какие великие подвиги мы совершили,
Видно из нашего груза.
Свободное море освобождает дух,
Ибо на море не знают, что значит задуматься.
На море выручает только быстрая хватка —
Как ловят рыбу, так ловят и корабль:
Когда справишься с тремя,
Берешь на абордаж четвертый.
Я тогда уже пятому приходится плохо.
У кого сила, у того и право.
Спрашивают только — что?
И никогда не спрашивают — как?

Профессиональный характер пиратского промысла изображен здесь лучше всего.

¹ Из обширной литературы по этому вопросу следует упомянуть M a i g e r, *Stadtverfassung*, 1, 322 и сл.; Goldschmidt, *Univ. Gesch. d. Handelsrechts*, 1 (1891), 127 и сл. (с большим количеством цитат из источников); W. V a g e s, *Zur Entstehung d. deutschen Städteverfassung*, пом. в *Jahrb. f. NÖ.*, III. F. Bd. VI (1894), стр. 172 и сл. и 205 и сл.; S. Reitschel, *Markt und Stadt* (1897), 42 и сл., 140 и сл., в *Below*, статья в *Zeitschr. f. Soz. u. W. Gesch.*, 5, 138, и в *Jahrb. f. NÖ.*, 20, 23; H. P i r e n p e, *Villes, marchés et marchands au moyen âge*, в *Revue historique*, 67 (1898), стр. 64 и сл.; K. Bücher, *Entst. d. VW.*

Что все ведшие торговлю народы наряду с профессиональной торговлей занимались также и разбойничьей торговлей,—настолько же достоверный факт, как и то, что европейское средневековье не было исключением из общего правила. Даже в наше время с пиратством приходилось считаться, как с обще-распространенным обычаем.

Слова «листинг» и «плата» первоначально не обозначают ничего иного, кроме добычи, военного приза. Schräder, 59. О всеобщем распространении разбойничьей торговли на первобытных ступенях культуры говорят Шрадер, 68 и сл. Кулишер (*Jahrbücher*, 18, 318 и сл.) и другие авторы. Много материала, хотя и не всегда проверенного, содержит книга K. Andree, *Geographie des Welthandels*, 1 (1867), 314 и сл. Ср. также Letourneau, *Evolution du commerce* (1897), 95 и сл., 335 и сл. В прежние времена пиратство рассматривалось как вполне дозволенный и даже бесчестный промысел. Как известно, закон Солона, а также государственный договор между Халеумом и Эантисей, заключенный в Локриде, признавали ассоциацию пиратов [Εἵ δεῖα]. Гольшmidt, 27. О разбойнической торговле в средние века и в новое время я буду говорить еще в другой связи — см. главу XXXIX. О психологической необходимости разбоя, как такого способа перемены владения, который предшествует обмену, остроумно говорит G. Simmel, *Die Psychologie des Geldes* (1900), 53 и сл. В бедуинском романе «Рытар», переведенном с арабского языка Терриком Гамильтоном (1819), разбой поэтически восхваляется.

Второй предварительной ступенью профессиональной торговли, которая нередко практикуется параллельно с первой, является та форма торгового посредничества, которую я называю случайной торговлей. Случайная торговля характеризуется тем, что хотя она представляет собою двустороннюю торговлю, т. е. основана на покупке товаров с целью их дальнейшей продажи, но ей нехватает существенного признака торговли,—именно, занятия торговлей как профессией. На этой ступени торговая деятельность осуществляется случайно, как бы в виде побочного заработка, и притом всевозможными лицами (не являющимися производителями продаваемых ими товаров). Случайная торговля также широко распространена во всех примитивных культурах (торговля вождей племен); в эпоху европейского средневековья она играла гораздо более значительную роль, чем это признают существующие описания средневековой торговли. Я надеюсь доказать это в другом месте настоящего сочинения.

Особенно важной формой случайной торговли является та, которую можно назвать сезонной торговлей: торговля, которую ведут крестьяне наряду с сельскохозяйственной деятельностью. Я полагаю, что в эпоху раннего средневековья это сочетание торговли и сельского хозяйства встречалось во всяком

случае не менее часто, чем сочетание промышленности и сельского хозяйства¹.

IV. Зачатки профессиональной торговли.

Тем не менее, если бы мы стали отрицать для той или иной эпохи европейского средневековья существование профессиональных торговцев или вообще лиц, признавшихся таковыми и резко отличавшихся от прочих классов населения, то мы несомненно совершили бы ошибку. Как раз источники раннего средневековья часто противополагают «*negotiatores*» остальным жителям той или другой местности²; привилегии, дававшиеся этим «*negotiatores*» в эпоху Меровингов и Каролингов и предоставлявшие купцам особое правовое положение во всех частях государства, заставляют предполагать, что уже в то время существовал особый класс профессиональных торговцев.

Кто были эти торговцы раннего средневековья? Откуда они происходили?

В общем и целом можно ответить: на первых порах это были по большей части чужестранцы, среди которых сирийцы стояли на первом месте. «Сирийские торговцы» вплоть до конца VII в. были связующим звеном между Азией и Средней Европой. «Сирийцы до сих пор отличаются такой врожденной страстью к коммерции,— говорит Марциан в своих толкованиях к пророку Иезекиилю,— что ради выгоды они ездят по всей земле; они так любят торговать, что во всей Римской империи они стараются чем-нибудь поживиться, несмотря на войны, убийства и кровопролития»³.

¹ «Готские купцы (с острова Готланда), посещавшие Новгород и Англию, все жили по деревням и были крестьянами». Ал. Бугге, указ. соч., стр. 267. «*Negotiatores*» также жили на земле и нуждались в пастищах». Гартман, «К хоз. истории Италии», 112.

² «В Вико, который ныне называется Траэктус (Местрихт—828 г.) приезжают очень много жителей и особенно торговцев». Eginardi Historia de transl. S. Marcellini, с. 81, цит., у Ferd. Henaux, Histoire du pays de Liège, 1^е (1872), 136. «Площадь, которая была устроена у средних ворот и которая была знаменитым местом, где часто сходились из провинций граждане и купцы, была перенесена с этого места в Вагезатию». Gesta Trevitorum, 24. MG. SS., 8, 162. Ср. также фразу (MG. Dipl., № 198): «Жителям или приезжающим на побывку купцам и (I) евреям».

³ W. Kiesselbach, Der Gang des Welthandels (1860), 25. Cp. Scheffer-Bolchorst, Zur Gesch. der Syrer im Abendlande (Mitteilungen des Instituts für oesterr. Geschichtsforschung VI).

После сирийцев появились евреи, которых нельзя отожествлять с сирийскими купцами, как это делает Киссельбах. Во всех странах Европы евреи также рассматривались как «чужестранцы», после того, как они перестали считаться римскими гражданами¹. Источники меровингской и каролингской эпохи так часто упоминают о евреях почти стереотипной фразой «евреи и прочие живущие здесь купцы»², что приходится безоговорочно признать значительное участие евреев в торговле того времени.

Кроме евреев в качестве торговцев выступали в Италии арабы, ливийцы, африканцы³ и греки⁴; в Испании северные африканцы⁵; на севере те же народности и кроме того итальянцы⁶. В VIII в. Лондон именуется «местом встречи многих народов»⁷. Так же говорят и о Париже⁸. В источниках раннего средневековья упоминаются заморские купцы⁹. В Бремене в XI в. «съезжались купцы изо всех частей земли»¹⁰.

Но мы слышим также, что и северные народы в довольно ранние времена активно участвовали в торговле,— правда, нельзя сказать, в качестве ли профессиональных торговцев или в качестве случайных торговцев.

Так например, в IX в. на дунайских ярмарках встречались «славяне, приезжавшие для торговли из Рути и Богемии» и обменивавшие здесь лошадей и рабов на воск и другие товары¹¹.

¹ J. Schipper. *Anfänge des Kapitalismus bei den abendländischen Juden* (1907), 14. G. Caro, Soz. u. W. Gesch. der Juden usw. 1 (1908), 53 и сл. 128 и сл. Ср. также прекрасную работу R. Saitschik. Beitr. z. Gesch. d. rechtl. Stellung der J., namentlich im Gebiete des heutigen Oesterr.-Ungarn vom 10—16 Jahrh., Bergner In. Diss., 1890, S. 2 и сл.

² См., например, Cap. de discipl. pal. 809. Cap. de Judaëis, 814. Cap. 832 (MG. Cap. Reg. Franc., 1, 363). Ansægisi Cap. (Cap. Reg. Franc., 1, 410), MG. Dipl., № 29, 198, 303. Ср. также Heyd, Lev. Handel, 1, 87. И нама. «Хозяйственная история Германии», I, 448. Гольдшмидт, 107 и сл. Шульте, 1, 77 и сл. Шаубе, I. Schipper. *Anfänge usw.*, стр. 15 и сл.

³ Шаубе, 33—в XI в.

⁴ Давидсон, «История Флоренции», 1, 310 и сл.

⁵ F. Dahn, Bau steine, 2, 301 и сл.

⁶ См. Шульте, Якоб, Гейд. Относительно Франции много примеров приведено у Ф. Дана, «Короли германцев», VIII, 4, 232 и сл.

⁷ Beda, Hist. eccl., привед. у Anderson, Orig. of Commerce.

⁸ «На скажанный рынок прибывают люди всех наций». Документ от 769 г., привед. у Mabillon, De re dipl., стр. 496, цит. у v. Maugier, St. V, 1, 254 и сл.

⁹ Закон Визиготов, кн. XI, тит. 3.

¹⁰ Adam Brem., 3, 57.

¹¹ Inqu. de thelonie Raffelstettensis (903—906) MG., Cap. 5, 251.

В X в. в Константинополе встречались русские купцы из Киева, Чернигова и Переяславля, куда они приезжали по Днепру, чтобы обменивать меха, воск и рабов на шелковые материи, украшенные золотом ткани, вино, сафьяновые сапоги и пряности¹.

Конечно, к чужестранным купцам вскоре присоединялись и местные, по мере того, как экономически развивались отдельные страны. В возникающих городах уже всюду имеются группы местных купцов; но о таких купцах упоминают уже источники гораздо более раннего времени².

Зная общий характер хозяйственной жизни, мы легко могли бы представить себе торговые предприятия этих «крупных торговцев»³ в эпоху, предшествовавшую возникновению городов, даже если бы источники и не давали нам столь обильного материала.

Торговцы эти представляли собой мелких маклаков, «ярмарочных гостей», каких еще и сейчас всегда можно встретить на ярмарках маленьких городков, — продавцов, носивших весь свой товар за плечами, бродячих торговцев, переезжавших со своим выручным животным или со своей тележкой из деревни в деревню, из имения в имение, как это делают они еще и сейчас в уединенных горных местностях, наконец мелких шкиперов, которые давным-давно вымерли на наших реках и по сравнению с которыми шкипер Вулков является крупным судовладельцем.

Не приходится сомневаться в том, что до возникновения городов оселой торговли не существовало. После VIII и IX вв. общим правилом была торговля на ярмарках и мессах (о ней я подробнее скажу ниже). Всего распространеннее была в раннее время разносная торговля, которая, конечно, продолжала существовать и позднее наряду с рыночной торговлей: «Все торговцы должны торговать или на рынке или в каких-либо других местах» (Cap. de disc. pal., 809, с. 2, Cap. Reg. Fr., 1, 158). Это место источника подтверждает ее существование.

Одна русская летопись от 1190 г. называет готландцев, приезжавших в Новгород «варягами». Бугге, указ. соч., стр. 250. Слово «варяг» еще и до сих пор существует в русском языке и обозначает «странствующего торговца, разносчика, скupщика».

Транспортными средствами служили тележка, выручное животное (например «с тележками и выручными животными», Dipl. Lud. P., 831 г., место,

¹ А. л. Бугге, указ. соч., стр. 246.

² В законах короля Луитпранда говорится (III, IV): «Если кто-либо для торговли... будет переезжать по провинции или переедет за ее пределы». Здесь могут подразумеваться и торговцы, и производители, торгующие собственными продуктами.

³ Так называют их Гейд, 1, 87 и Инама, 1, 448.

приведенное у Герара, I, 787) или собственная спина (славяне — см. предыдущую страницу — «обычно носят на спине груз одного человека» MG. Cap. 2, 251), или, наконец, поскольку это было возможно, с судно. Поскольку позволяли условия, торговля велась главным образом по рекам. Вследствие этого уже в раннее время землевладельцы стали стремиться к овладению речными гаванями. Многочисленные примеры см. у Эмбарде ла Тур, указ. соч., стр. 76. Что речная торговля имела наибольшее значение, доказывает то обстоятельство, что в Англии эпохи раннего средневековья слова «порт» и торговый пункт употреблялись в качестве синонимов: Майлленд, указ. соч., стр. 195 и сл. В таком же смысле употреблялось слово «лорт» и во Фландрии — см. Ригеппе, *Revue Histor.*, 57, 75.

О морском транспорте того времени подробно говорит (к сожалению, главным образом с технической точки зрения) Walther Vogel, *Zur nord- und westeuropäischen Seeschifffahrt im frühen M.* (Hans. Gesch. Bl., 1907, 1 Heft, стр. 153—205).

Сообщенные выше факты позволяют нам составить себе ясное представление и о размерах торговли раннего средневековья. Размеры эти были, конечно, чрезвычайно малы. Это предположение подтверждается следующими местами источниками.

Речные суда обслуживались обычно тремя людьми: «de una aquae navi legitima, id est quam tres homines navigant» Raffelst. Zoll. O. MG., Cap. 2, 251. Небольшие размеры судов подтверждаются и тем обстоятельством, что суда привязывались к кольям, которые каждый раз вбивались заново. Priv. Bereng. II и. Adalb. (22, 9, 951). Cod. Langob., № 595, 1019; чтобы избежать стремнин, суда тащили по земле волоком (судоходство на Днепре), А. Бугге, указ. соч., стр. 247.

В одном торговом договоре, который был заключен византийским императором с русскими торговцами (X в.), торговцам этим разрешалось жить в Константинополе 1 месяц. Но за один раз допускалось не более 50 торговцев, причем ни один из них не имел права покупать шелковых материй более чем на 50 гульденов. Бугге, указ. соч., стр. 246.

V. Зачатки ремесла.

Как обстояло дело с промышленными «ремесленниками» в рассматриваемую нами эпоху, т. е. до возникновения городов? Существовали ли свободные ремесленники в смысле самостоятельных промышленных производителей?

Я опасаюсь, что на эти вопросы мы никогда не получим удовлетворительного ответа. Во всяком случае для этого необходимо открыть совершенно новые и еще неизвестные источники. Материал, которым мы располагаем ныне, допускает всевозможные толкования.

Нам более или менее ясно, что промышленные рабочие, жившие в поместьях, мало-по-малу превращаются в самостоятельных ремесленников; что сначала они могут отдавать только часть своей рабочей силы на обслуживание широкой публики за из-

вестное вознаграждение (закон бургундцев¹); что собственная работа мало-по-малу становится главным делом для ремесленника, который должен выполнять в пользу землевладельца только определенные работы, да и то в ограниченных размерах (положение, рисуемое старым городским правом Страсбурга); что, наконец, эти обязанности устраняются либо без всякого возмещения, либо за определенный выкуп. Помещик перестал быть заинтересованным в промышленных работах живших на его землях людей и главное внимание его сосредоточилось на оживлении рыночного товарооборота.

Но по моему мнению, утвердительный ответ на вопрос о том, существовали ли наряду с промышленными поместными рабочими, которые, как мы видели, по большей части жили в деревне, также и «свободные» ремесленники, можно дать только предположительно². За говорит то соображение, что в деревнях еще в допоместную эпоху существовали промышленные рабочие и что, конечно, не все деревни и не все деревенские жители были во-

¹ «Всякий, кто разрешит своему крепостному — серебряннику, кузнцу, ювелиру, портному — отправлять свое ремесло для прочих людей...» (закон бургунд., тит. XXI, § 2).

² Несмотря на пресловутого «парижского юношу, занимавшегося изготавлением одежды» и бывшего «свободным по происхождению». (См. Greg. chfr. S. Martini, 2, 58, прив. у Maigret, Frohnhöfe, I, 181 и во всех тех сочинениях, где говорится о «начале ремесла».) Ведь мы знаем, что и «свободный человек» мог отправлять господские повинности. В данном случае личная «свобода смешивается с свободой производства. (См. «Современный капитализм», первое изд., 1, 88.) Еще менее доказательным является для существования свободного ремесла «публично испытанный кузнец», упоминаемый в законе алеманов, LXIV, 5. Выражение «publice probatus» вовсе не означает «подвергшийся публичному испытанию» или что-либо в этом роде, а значит только, что кузнец был вообще всеми испробован. Это говорится о рабочем поместьческого хозяйства, как вполне основательно и утверждал недавно С. Коэнпе в *Vierteljahrsschr. für Soz. u. WG*, 4.

Между прочим, Кене ошибается, полагая, что ювелир упоминается только в тех сборниках народных прав, «которые издавались германскими народностями — бургундами и вестготами, селившимися в областях римской культуры». О ювелире упоминается и в салическом законе X. Но уже совершенно недопустимо утверждать существование самостоятельного ремесла на том основании, что в документах упоминаются промышленные рабочие (кузнец, плотник и т. д.). Обзор состояния исследования дает Walther Müller, *Zur Frage des Ursprungs der mittelalterlichen Zünfte*, 1910. Это сочинение, защищающее взгляды Зеэлигера, вызвало дальнейшие споры; см. по этому поводу v. Below в *Zeitschr. f. Soz. Wiss.*, 1912 и в *Vierteljahrsschr. f. Soz. u. WG*, 12 (1914) и статьи Зеэлигера и Зандера в *Historische Vierteljahrsschrift*. Каких-либо новых результатов спор этот не дал. (Ср. также R. Eberstadt, *Entstehung des Zunftwesens*, 2 Aufl., 1916.)

нлечены в круг поместных отношений. Более или менее вероятно (но не больше), что по крайней мере в Италии в эпоху средневековья еще сохранились остатки римского ремесла. Так думают лучшие знатоки итальянского раннего средневековья¹ (источники от VII до XI в. молчат по этому вопросу). То же самое можно сказать и о городах, основанных римлянами вне Италии. За говорит и существование бродячих промышленных рабочих, которые не могли находиться в какой бы то ни было зависимости от землевладельцев. На этих «странствующих ремесленников» и должны были бы обратить главное внимание исследователи, избравшие своей специальностью «начало ремесла». Если между 500 и 1000 г.² и имелось какое бы то ни было «свободное ремесло», то, конечно, оно существовало в форме бродячего ремесла, главными представителями которого были ремесленники строительного промысла. Я ограничусь указанием на следующие места источников:

Эдикт Ротара (643 г.), изд. Ф. Блюме, стр. 29 (закон 144): «Если мастер-плотник со своими подручными возьмется за известное вознаграждение чинить или строить дом...» Ср. по этому поводу примечание, которое делает к этому закону Муратори (стр. 232), а также Thom. Hodgkin, *Italy and her Invaders 600—744*, 6 (1895), 191.

Законы Луитпранда, *Anni VIII*, гл. 18 (713—735 г.), изд. Блюме, стр. 93: «Если кто-либо ради производства торговли или для какого-либо промысла будет разъезжать по провинции или вне ее пределов и не возвратится в течение трех лет...» Документ Оттона I: «Если в город Вормс приедут какие-либо купцы или ремесленники» (здесь может идти речь и о тех ремесленниках, которые привозят свои продукты в Вормс; но во всяком случае смысл остается одним и тем же: если они могли (откуда бы то ни было) приезжать в Вормс, то они должны были и пользоваться свободой производства, «быть свободными», быть «ремесленниками».

На своих постройках Карл Великий использовал промышленных рабочих, которые, по крайней мере отчасти, были также странствующими ремесленниками: «Для сооружения этой базилики он пригласил из всех областей мастеров и строителей всякого рода. Над ними он поставил аббата, весьма опытного в сооружении зданий... Карл со своими пэрами... предписал, чтобы назначенные им строители заботились о всем сооружении и доставляли все необходимое для этой постройки. Всех, кто приходил из отдаленных местностей, он приглашал для строения этого здания... и кормил и одевал за общественный счет...»

Особенно поучительным представляется мне следующий отчет о постройке Гайдского аббатства в Гемпшире, который, как мне кажется, никем еще не

1 L. M. Hartmann, *Urkunde einer römischen Gärtnergenossenschaft vom Jahre 1030* (1892), стр. 10 и сл.; его же, *Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter* в *Zeitschr. f. Soz. u. WG.* 3, 109 и сл.; его же, *Zur W. Gesch. Hallens*, стр. 94 и сл. (там же, на стр. 16, перепечатана и вторая вышеназванная статья этого автора). Срав. также Hegel, *Städteverf. Italiens*, 2, 61 и сл.

был использован. Здание строилось в 902 г. и сооружение его описывается летописцем следующим образом:

«Когда было приведено множество ремесленников и рабочих и заложен фундамент, начали строить здание. Постройка шла очень быстро и была закончена в два года, что удивительно сказать и чему трудно поверить. Король послал святому отцу большую сумму денег и многочисленные дары из золота и серебра» (Lib. Mon. de Hyda, ed. Edward Edwards (1866), стр. 81).

Итак, художники и рабочие набирались за границей и вознаграждались деньгами. Очевидно, что не все они были промышленными рабочими, обязанными к выполнению повинностей. Вышеприведенное место, по моему мнению, лучше, чем какой бы то ни было другой источник, доказывает наличность в IX в. «свободного» (странствующего) ремесла. Ясно само собой, что это ремесло не выходило за весьма скромные границы. Но в этих границах существование его представляется весьма вероятным. Это странствующее ремесло приобрело большое значение для всего дальнейшего хода истории.

Глава IX.

К теории образования городов.

I. Понятие города.

На первый взгляд кажется, что слово «город» имеет довольно точный смысл и обозначает совершенно определенное явление. Во всяком случае, когда мы слышим это слово, перед нами возникает ясная картина: картина поселения, в котором живет много людей, в котором имеется много домов и улиц, окруженных по большей части зубчатыми стенами, — поселения, которое резко выделяется на фоне «деревенского округа» и обозначается на карте более или менее жирным кружком. Нечто вроде картины Нюренберга, нарисованной Альбрехтом Дюрером. Но если мы приглядимся попристальнее и постараемся определить словами, что именно понимаем мы под «городом», т. е., если мы постараемся установить точное и недвусмысленное понятие города, то мы очень скоро заметим, что это далеко не так просто. Признаки, входящие в понятие города, оказываются отнюдь не точно установленными. Они не точны в повседневной речи, не точны (или, пожалуй, еще менее точны) и в науке.

Приведем несколько примеров из литературы, касающейся средневековых городов. Наибольшим распространением пользуется определение Маурера: «Города — это окруженные стенами деревни». Определение это близко подходит к известной поговорке средних веков: «Горожанина и крестьянина отделяют только частокол и стена». Наоборот, другой ученый¹ протестует против такого определения: «Главный признак города заключается не в стенах, не в его рвах, не в числе жителей, не в процветании торговли и промышленности. Точным признаком германского

¹ K. H. Roth von Schreckenstein, Das Patriziat in den Städten (1846), 28.

города, достигшего полного расцвета, является городской совет, избранный горожанами и утвержденный соответствующей высшей властью. Печать городского совета не в меньшей степени, чем городские стены, символизирует юридически признанную и выявленную разницу между городом и деревней».

Кальсен¹ выражает ту же мысль в несколько иной окраске: «Характерным признаком города является не отъединение определенного места от окружающего его сельского округа городской стеной, а своеобразная, покоящаяся на самостоятельной общинной организации жизнь, развивающаяся под охраной городских стен».

Город — это место, которому даровано ярмарочное право: «город есть ярмарочное поселение» — говорят поэтому представители теории ярмарочного права.

Другие ученые требуют, чтобы в понятие города входило несколько признаков: местечко должно быть укреплено, оно должно быть центральным пунктом городского округа², оно должно иметь свой статут, оно должно иметь торговые права и быть корпорацией публичного права³. «Город имеет рынок... он окружен укреплениями. Он образует особый судебный округ... Он обладает большей независимостью в своих общинных делах и большим количеством общинных учреждений..., чем сельские общины... Наконец он пользуется по сравнению с деревней известными привилегиями в смысле своих обязанностей и повинностей... Привилегированное положение есть вообще признак средневекового города»⁴.

Очень ясное определение городу дает Иоган Генрих Готтлоб фон Юсти в своем «Государственном хозяйстве» (1758), т. 1, § 477: «Город есть совокупность обществ, семейств и отдельных лиц, которые живут в защищенном месте под надзором и управлением полицейской коллегии, называемой городским советом, или других лиц, назначенных для отправления полицейских функций, дабы тем успешнее, тем действительнее и тем лучше заниматься такими промыслами и вести поддерживающие их жизнь занятия, которые содействуют нуждам и удобствам страны и необходимы для того, чтобы обеспечить общее пропитание страны». Затем Юсти анализирует свое определение: «Город должен быть

¹ O. Kallisen, Geschichte der deutschen Städte, S. 238.

² Seb. Schwarz, Anfänge des Städteswesens in den Elbe- u. Salzgegenden (1892), стр. 10.

³ W. Varges, Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung, в Jahrb. f. NÖ., III., F. 6, 164.

⁴ G. v. Below, Das ältere deutsche Städteswesen und Bürgertum (1905), 4/5.

«зашитен» (естественными условиями или искусственными сооружениями) таким образом, «чтобы в него можно было проходить только в определенных, специально приспособленных для этого местах, которые назывались воротами, ибо при иных условиях не могут существовать полицейские учреждения, способствующие достижению главной цели городов».

В новейшее время предлагались, например, следующие определения «города». Международный статистический конгресс определяет города «как поселение с более чем 2000 жителей», — определение, усвоенное ныне официальной статистикой в большинстве культурных стран. Прусское городовое положение 1853 г. охватывает «все местечки, представленные до сих пор в качестве городов в провинциальном ландтаге». Процветающий американец говорит: «город есть место, где имеется университет»¹. Один из новейших историков права утверждает: «Город есть местная форма поселения широкого социального круга»². В чрезвычайно объемистом и сравнительно новом сочинении, которое посвящено проблеме образования городов и которое пытается разрешить ее с точки зрения «социологии», город определяется следующим образом: «Сложное общество, географическая база которого несмьма ограничена по сравнению с его объемом и территориальный элемент которого представлен сравнительно слабо по сравнению с его человеческими элементами»³.

Есть и такие люди, которые говорят и пишут о «городах» и всем, что с ними связано, не давая себе труда сообщить свое мнение о городах, т. е. то, что они подразумевают под «городом».

Кто же прав?

Ввиду очевидной многосмысленности понятия «город» можно было бы, пожалуй, склониться на сторону тех, которые отказываются от какого бы то ни было определения. На такой путь можно было бы встать, если бы в литературе о городах, особенно в литературе по истории средневековых городов, неясность понятий не приводила к столь вредным последствиям. Итак, мы волей-полей должны остановиться на определенном понимании этого термина. Но на каком же именно?

По моему мнению, мы прежде всего должны сказать, что

¹ Victor V. Branford, Science and citizenships в «Amer. Journ. of Sociology», May 1906, p. 733.

² P. Sandier, Feudalstaat und bürgerliche Verfassung (1906), p. 120.

³ Кенé Манніер, L'origine et la fonction économique des villes (1910), 44; в стр. 14 этого сочинения приводятся и другие, более старые определения города.

вопрос о понятии «города» решается различно в зависимости от того, даются ли нам признаки города какой-либо внешней инстанцией, или мы создаем их сами. Первое имеет место тогда, когда мы исследуем законы и истолковываем определенные документы. В этом случае, конечно, мы должны лишь спрашивать о том, что такое «город» в смысле такого-то закона или в смысле таких-то документов (например, что обозначают термины *urbs*, *civitas*, *oppidum* и т. д. в Ост-эльбской Германии в IX и X вв.). Здесь определение понятия сводится к искусству интерпретации. Понятие, установленное наукой на основании интерпретации, может быть названо аналитическим понятием.

Совершенно иное положение создается в том случае, когда мы сами образовываем понятие и, следовательно, можем, подбирая любые признаки, соединять их в единство. В этом случае города не существует, пока мы его не придумали¹. Понятия, возникающие таким образом, можно назвать общим термином синтетических понятий. «Правильны» они или нет, решает только цель: они правильны, если они целесообразны. Но очевидно, что может быть очень много целей, для которых устанавливается такое понятие, как «город». Цель может быть практической: например указания кучеру при поездке его в «город», или статистическое описание населения страны по определенным признакам и т. п. Цель может быть и научной: выяснение определенных связей человеческого общества, в частности выяснение процесса человеческой истории. В этом случае решающим моментом явится точка зрения, с которой рассматривают историю: точка зрения истории военного дела, истории искусства, истории духовного, правового, хозяйственного развития и т. д. Для каждого из этих подходов можно выработать особое понятие «города»; «правильность» этого понятия будет определяться только полнотой тех знаний, которые с его помощью дает нам автор о ходе исторической жизни.

Отсюда следует, что тот, кто занимается историей хозяйства, должен установить экономическое понятие города. Другими словами, он должен сказать нам, что следует понимать под городом, если мы хотим познать и оценить обстоятельства, игравшие важную экономическую роль в его возникновении. Я даю такое

¹ Это совершенно упускает из виду Р. Монье в своей вышеупомянутой книге, содержащей, впрочем, немало хороших замечаний (см. указ. соч., стр. 126, прим. 3). Неудачное понятие, выставленное им, оказывается плохим компасом в том необозримом море фактов, в котором беспомощно блуждает научный кораблик автора.

определение: город в экономическом смысле есть более или менее крупное поселение людей, поддержание существования которых зависит от продуктов чужого сельскохозяйственного труда¹. Особая экономическая окраска этого понятия станет нам ясна, как только мы сопоставим его с другими понятиями города — архитектурным, юридическим, статистическим и всячими другими.

То, что является городом в экономическом смысле, с административной точки зрения может, конечно, рассматриваться как деревня: примером может служить современный Лангенбилау и Кемпен до 1294 г.².

Деревня в экономическом смысле слова не становится еще городом, когда она обносится укреплениями. Так, например, «vici in modum tancipiorum» римской Африки, упоминаемые Фронтином и называемые в других источниках «замками», были настоящими деревнями, предназначенными для целей защиты³.

Равным образом деревня не становится городом и в том случае, когда в ней устраивается рынок или когда ей даже жалуется ярмарочное право.

Но деревня не становится городом в экономическом смысле даже и тогда, когда в административном смысле она во всех отношениях признается городом; многочисленные «деревни», которые в средние века «возвышались до положения городов» благодаря пожалованию городского права⁴, в хозяйственном смысле оставались тем же, чем они были до тех пор — деревнями.

Наконец, экономическое понятие города отличается и от статистического, подразумевающего под городом большое число «скученно живущих лиц». Мы должны отвыкнуть считать городами в экономическом смысле гигантские «города» древности вроде

¹ К моему определению, данному в первом издании (т. II, стр. 191, нем. изд.), я прибавил слово «более или менее крупное», вполне сознавая некоторую неопределенность, вносимую этим в понятие. С помощью цифр никогда нельзя будет установить, когда именно группа людей, живущих «по-городскому», стала достаточно большой, чтобы образовать «город». Но известная величина непременно должна быть: один единственный человек не может образовать никакого «города». Количество в известный момент переходит в качество (город). Как видит читатель, эта небольшая неясность не имеет значения для моих целей.

² Th. Ilgen, Die Entstehung der Städte des Erzstifts Köln am Niederrhein in Annalen des historischen Vereins für den Niederrein, 74 (1902), 14.

³ A. Schulten, Die römischen Grundherrschaften, стр. 45.

⁴ Ritschel, Markt und Stadt, стр. 147 и сл.; Keutgen, Ämter und Güter, стр. 75.

Ниневии и Вавилона¹, подобно тому как мы не можем признать городской характер за древними индийскими крупными поселениями вроде Калькутты² или за современным Тегераном и тому подобными пунктами³.

II. Схема теории образования городов.

Описание возникновения и сущности города должно, очевидно, вестись совершенно иначе в зависимости от того, о каком «городе» идет речь. Можно описывать когда, как и почему то или иное местечко получило городские права или свой собственный городской совет; можно описывать, когда, как и почему оно огородилось венком стен и башен; можно описывать, когда, как и почему была учреждена там ярмарка; можно описывать, когда, как и почему в этом местечке возник университет; можно описывать, когда, как и почему собрались в одном пункте тысячи земледельцев, образовав город в статистическом смысле; наконец, можно описывать, когда, как и почему возник город в экономическом смысле: когда, как и почему на одном месте поселилось значительное число людей, живущих продуктами чужого земледельческого труда.

Если мы ставим вопрос о происхождении города в экономическом смысле, то, по моему мнению, мы должны выяснить два обстоятельства.

Во-первых, откуда пришли чуждые земледелию люди, которым выпало на долю образовать город, и что побудило их поселиться вместе в одном городском поселении. Это — вопрос о причинах, приводивших к отрыву сельского населения от земли, вопрос о причинах, побуждавших отдельных лиц становиться горожанами.

¹ Это были «территории, окруженные колоссальными стенами и включавшие в себя целый комплекс более или менее разбросанных городских поселений». В них были поля и пастбища, чтобы прокормить население в случае осады (R. Röhlmann, *Die Überbevölkerung der antiken Grossstädte*, 1884, стр. 3/4).

² Древне-индийские города описываются нам как группа деревень, владеющих «в городе» общим пастбищем. В этом проявляется сходство с древней маркой.

³ Окруженные валами города Средней Азии охватывают внутри своих глиняных стен гораздо большее пространство, чем сколько необходимо для города. В Бухаре, Китае и т. д. гораздо больше половины поверхности занято под нивами, садами, пустырями, прудами и болотами, тополевыми рощами и обширными скотными дворами. При закладывании этих городов считались с необходимостью прокормиться за счет внутренних ресурсов в случае осады (F. Ratzel, *Anthropogeographie*, 2 (1891), 447).

Во-вторых (и прежде всего), мы должны выяснить: каким образом стало экономически возможно образование столь своеобразных поселений, совершенно оторванных от естественного образа жизни. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего помнить, что город живет за счет избытков сельского хозяйства и потому его жизненные условия и его жизненный размах зависят от того, какую часть этого избыточного продукта он может к себе привлечь¹. Совокупность всех этих фактов можно пояснить в деталях следующими положениями:

1. Величина города обусловливается величиной продукта, доставляемого кормящей его областью, и той долей, которую город получает из того, что мы можем назвать прибавочным продуктом.

2. При данной величине кормящей город области и при данной величине общего продукта (обусловленной плодородностью местности или состоянием сельскохозяйственной техники) величина города зависит от размеров прибавочного продукта.

Поэтому при прочих равных условиях despотические государства, где коэффициент эксплоатации сельского населения был высок, имели более крупные города, чем страны с демократическим строем.

3. При данной величине области, дающей городу средства к существованию, и при данных размерах прибавочного продукта величина города обусловливается плодородием почвы или состоянием сельскохозяйственной техники.

Поэтому плодородные страны при прочих равных условиях могут иметь более крупные города, чем неплодородные².

4. При данных размерах прибавочного продукта и при данном плодородии почвы величина города обусловливается размерами области, дающей ему средства к существованию.

Этим, например, объясняется возможность возникновения крупных торговых городов и крупных столиц в больших империях.

5. Размеры области, дающей городу средства к существованию, обусловлены степенью развития транспортной техники.

¹ Только излишний продукт земледельческого округа дает средства существования городу, который следовательно может расти «только по мере роста этого излишнего продукта» (A. Smith, Book, III, Ch. I). На этой теме очень подробно, хотя и не всегда очень умело, останавливались старые авторы (см. сочинения графа d'Argo, Dell'armonia politico-economica tra la città e il suo territorio (1771), Custodi, Scrittori class. ital. di econ. pol. P. M., Tomo 30).

² J. Volerga, Delle cause della grandezza delle città (1589), Libro I, cap. IX.

Поэтому при прочих равных условиях близость реки или моря содействуют расширению городов¹, а в стране, имеющей шоссе, опять-таки при прочих равных условиях, — города могут быть больше, чем в стране, имеющей только проселочные дороги; в стране, имеющей железные дороги, города могут быть больше, чем в стране, где существуют только шоссейные дороги.

Далее, мы должны помнить, что среди людей, «основывающих города», имеются две совершенно отличных друг от друга категории. С одной стороны, люди, которые благодаря своей мощи или своему богатству или своей деятельности имеют возможность по собственному произволу привлекать из страны продукты, потребные для их содержания, и не только для их собственного, но и для содержания других людей. Это и есть настоящие основатели городов, субъекты образования городов, активные или первичные созидатели городов. К числу таких людей относятся король, взимающий подати, землевладелец, получающий оброк, купец, извлекающий прибыль из торговли с чужестранцами, ремесленник, — промышленник, продающий за границу промышленные изделия, писатель, сочинения которого покупаются за пределами города, врач, имеющий пациентов в деревне, студент, родители которого живут в другом месте и который живет за счет «векселей» своих родителей и т. д.

Все это люди, которые живут и жить дают другим.

Они дают возможность жить другим жителям города, которые не в состоянии собственными силами получить необходимые для них средства существования (т. е. продукты земледелия) и получают эти последние только от первичных созидателей городов. Мы можем назвать их людьми, заполняющими город (*Städtefüller*), объектами образования городов, пассивными, зависимыми, вторичными (третичными) и т. д. созидателями городов. Вторичными созидателями городов являются люди, получающие свои средства к существованию непосредственно от первичных созидателей городов: сапожник, делающий сапоги для короля, певец, поющий ему свои песни, хозяин гостиницы, в которой кушает

¹ «Большие города обычно строят на берегу моря или крупных рек ради удобства транспорта, потому что водный транспорт продуктов и товаров, необходимых для существования жителей, обходится гораздо дешевле, чем телеги и сухопутный транспорт» (*Cantillon, Essai sur la nature du commerce*, 1755, стр. 22, 23). В век железных дорог правильность этого положения, конечно, вызывает большие сомнения. Относительно средних веков см. исследование K. W. Nitzschl, *Die oberrheinische Tiefebene und das Deutsche Reich* в N. A., помещенное в *Preuss. Jahrb.*, № 30, стр. 239 и сл.

землевладелец, ювелир, у которого купец покупает украшения для своей возлюбленной, театральный директор, в театр которого идет ремесленник, книготорговец, доставляющий книги писателю, парикмахер, бреющий врача, квартирохозяйка, у которой студент занимает комнату, и т. д.

Если от вторичного созидателя города «наживается» третий горожанин, то этот последний является третичным созидателем города и т. д. Поясним это примером: кельнер выпивает в ресторане кружку пива, хозяин ресторана наживается от него, от хозяина ресторана наживается пивовар; кельнер платит за свою кружку те чаевые, которые дал ему врач; врач имеет городских пациентов, например актера; актер получает свой гонорар из заработков театрального директора; заработка эти составляются за счет театральных билетов, которые, например, взял профессор; профессор получает свое содержание от государства. Вот здесь-то и выступает на сцену первичный созидатель города: государство, взимающее налоги. Все прочие суть зависимые (*abgeleitete*) созидатели города. Вообще говоря, все промышленники, все торговцы, все деятели либеральных профессий, удовлетворяющие потребности самих горожан, являются не основателями, а заполнителями городов¹. Ясное понимание различия между этими двумя группами городского населения, занимающими совершенно иное положение, есть необходимая предпосылка для того, чтобы понять происхождение города.

Город есть исторический феномен и получает свой специфический отпечаток от своеобразного сочетания обстоятельств данной эпохи. Задача историка заключается в том, чтобы из этого сочетания обстоятельств выяснить возникновение исторического города. Следовательно, он сводится к тому, чтобы вскрыть особые при-

¹ Замечательно, насколько правильно понимали люди прежнего времени проблему образования городов. Может быть это объясняется большей простотой отношений, которые именно благодаря этому легче было понять. В литературе XIX и XX вв. мы вряд ли найдем такое, например, место, как следующее: «Утверждения, что промыслы, включаемые обычно в число цехов, значительно выросли с того времени, совершенно не заслуживают внимания. Ибо так как эти промыслы зависят только от местного потребления и от числа жителей города, то все занимающиеся ими люди никогда не смогут образовать населенного и цветущего города, а, наоборот, должны рассматриваться как необходимое следствие наличности полезных жителей цветущего города» (Гетт Вельварен из Лейдена. Рукопись 1659 г. Илдана (в немецком переводе) Феликсом Дриссеном, 1911, гл. II. Ср. также правильную в общем «теорию городов», предложенную автором в гл. I).

чины, отрывавшие человеческие массы от земли; выяснить особые мотивы, которые побуждали людей сообща основывать городское поселение; установить особые условия, при которых происходило образование городов; обрисовать и истолковать особые типы первоначальных и вторичных созидателей городов. Все это я попытаюсь сделать в дальнейшем, давая историю средневекового города.

Глава X.

Возникновение средневекового города.

Литература и источники.

Здесь мы пытаемся выяснить возникновение города как реального феномена социальной жизни в эпоху европейского средневековья. Местные исторические исследования много раз занимались этой темой. Но в общем и целом необозримая литература, относящаяся к истории средневековых городов, прошла мимо поставленной здесь проблемы. В силу давно известного психологического закона, гласящего, что движение происходит в сторону наименьшего сопротивления, литература занималась почти исключительно вопросом о возникновении конституции городов. Это вполне понятно, ибо излюбленные в настоящее время источники, именно документы, влекут исследователя именно в этом направлении. По сравнению с этими документами прочие источники, из которых можно было бы гораздо лучше выяснить жизненный феномен «города», остаются почти совершенно неиспользованными. Только немногие исследователи применили к городам картографический метод, давший столь богатые результаты для истории поселений в сельских округах. В Германии методом этим, кроме нескольких историков отдельных местностей, как, например, Н. Ermisch для Фрайбурга, Haage для Нахена, воспользовались прежде всего J. Fritz и A. Rüschel; в Англии — K. Unwin и H. Iago Triggs. Слишком мало использованы составители хроник. От них можно во всяком случае узнать внешние условия, при которых возникали города. Ценное начало положено использованием статистического материала по численности и имущественному положению населения, который косвенно дает нам сведения и о возникновении городов (ибо он показывает их социальную структуру). Особенно большое значение имеют в этом отношении опубликованные за последнее время исследования по истории церквей и монастырей в городах.

Не имеет никакого смысла указывать отдельные сочинения по литературе, касающиеся истории городов. Там, где я ссылаюсь на того или другого писателя, я называю тут же его сочинения. Однако можно указать на некоторые критические обзоры новейших сочинений по этому предмету. Так, заслуживают упоминания обзоры К. Улирца (K. Uhlig) в *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*, начиная с VII тома (в этом издании дано уже более ста отзывов о различных сочинениях); далее, обзоры И. Цигена в *Zeitschrift für Kommunalwissenschaft Jahrg.*, I, N. 1 и 2.

Если спросить о причине, вследствие которой в большой массе книг, написанных при жизни последнего поколения о средневековых городах, дается так мало материала, касающегося реальных жизненных явлений, то ее можно найти, пожалуй, в том обстоятельстве, что многие авторы, желая говорить о происхождении городов, на самом деле говорили лишь о происхождении городской конституции. Они даже не ощущали тех пропусков, которыми страдали их сочинения. Это можно объяснить только тем, что они не умели правильно поставить проблему.

Это всего яснее сказывается у представителей так называемой теории ярмарочного права, т. е. у тех ученых, по мнению которых «города» средневековья возникали из ярмарочных поселений. Так как причиной возникновения городов признавался здесь вполне реальный феномен, то получалось впечатление, что именно эта теория дает экономическое, а следовательно, и весьма реалистическое объяснение. К такому выводу пришел, например, ф. Белов («Происхождение германской городской конституции», 14): по его мнению с «исторически-хозяйственной» точки зрения теория ярмарочного права правильна, ибо она имеет в виду возникновение городской жизни. В то же время он оспаривает ее с точки зрения развития городской конституции. На самом деле теория ярмарочного права совершенно несостоятельна как раз с точки зрения «хозяйственной истории». Объяснять экономическое возникновение городов ярмарками значит поступать подобно дяде Брезигу, который, как известно, выводил «бедность» из «роутегейх». Причинная связь как раз противоположна тому, что утверждают теоретики ярмарочного права: не города возникают потому, что в том или другом месте устраиваются ярмарки (или даются ярмарочные привилегии), а ярмарки устраиваются в том или другом месте потому, что там возникли или возникают города. Ярмарки ровно ничего не говорят о генезисе городов. Разумеется, соображения эти ни в малейшей мере не решают вопроса о том, какое значение имело пожалование ярмарочного права для возникновения городской конституции.

В моем собственном изложении я лишь намекну, в чем состоят проблемы и как их можно разрешить; никаких окончательных выводов я не делаю.

I. Происхождение городов из деревень и, в частности, городов, „нарочито основанных“ (*Gründungsstädte*).

Можно усомниться, существовали ли вообще города (в экономическом смысле) в эпоху европейского средневековья. Во всяком случае они никогда не «возникали» в течение короткого промежутка времени, как это бывает, например, с американскими городами. Они медленно и органически вырастали из деревень (все без исключения из деревень, понимаемых в экономическом смысле слова) путем длительного процесса преобразования, протекавшего на протяжении целых столетий. Насколько медленно происходило превращение деревень в города, мы можем видеть из того факта, что даже наиболее крупные города (не говоря уже о средних

и мелких) еще в середине и в конце средних веков сохраняли немало признаков сельских или земледельческих поселений, т. е. таких полугородских поселений, в которых часть населения занимается еще сельским хозяйством и, следовательно, не превратилась в горожан в собственном смысле слова.

Живую картину похожих на деревни средневековых городов набрасывает Густав Фрейтаг в своих «Картинах германского прошлого»¹.

«Если въехать утром в город, то прежде всего встретишь городское стадо. Ибо даже в самых крупных имперских городах горожанин занимается земледелием и имеет пастбище, луга, поля, виноградники на городской земле; большинство домов, в том числе даже дома знатных людей, снабжены скотными дворами и навесами, расположенными на узких двориках. Еще в 1350 г. в Нюренберге, Аугсбурге, Ульме близ городской ратуши можно было слышать стук цепов; неподалеку от городских стен стоят житницы и сараи, каждый дом имеет свое собственное гумно, а нередко также и давильню для винограда... На улицах города расхаживают коровы, и пастух в сопровождении собак гонит стадо овец на ближайшие холмы; скот пасется в городском лесу... Свиньи через двери проникают в дома и ищут всюду свою нечистую лищу. Скот купается в речных каналах, проложенных через город.. В городе имеется и мельница, а на отдаленных площадях большими кучами сложено зерно» и т. д. В этой картине нет, по моему мнению, ни одной неверной черты. То, что говорит Фрейтаг о больших немецких городах середины средних веков, в такой же степени верно и относительно итальянских городов, по крайней мере вплоть до XII в., для английских городов и для всех вообще городов средневековья.

Факт этот настолько установлен «источниками», что нет необходимости приводить отдельные доказательства. Для Германии можно указать читателю на суммарные описания у Маурера, Городская конституция, 176 и сл.; у Below, Ursprung der Stadtgemeinde, 22 и сл.; его же, Das ältere deutsche Städtewesen (1905) 38 и сл.; W. Varges, Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung в Jahrbücher für NÖ, 6 (1894), 163 и сл. Множество доказательств можно найти также и у Michael, Geschichte des deutschen Volkes, 1 (1897), 129 и сл. Я прибавлю еще следующие монографии. Для Зальцбурга в XIV в. F. W. Zillner, Geschichte der Stadt Salzburg, 2, 234; для Любека в 1300 г. Hoffmann, Geschichte Lübecks; Pauli, Lübische Zustände-UB., № 47; для Кельна в XVI в. Jos. Greving, Wohnungs- und Besitzverhältnisse im Kölner Kirchspiel St. Colomba, в Annalen des histor. Vereins für

den Niederrhein, 78 Н. (1904), 11. В XIII и XIV вв. всякая «городская» затея ыроде, например, сооружения городских стен, время от времени прерывалась сельскохозяйственными работами. Лампrecht, «Хозяйственная жизнь Германии», 2, 523. Наиболее обстоятельно описывает экономическую структуру средневекового (среднего) города работа Карла Бюхера, *Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14 und 15 Jahrh.*, т. I, 1886. По поводу выясняемого здесь вопроса см., например, его описания, данные на стр. 260 и сл. Это самые обстоятельные описания, которыми мы располагаем.

Что во многих итальянских «городах» еще в XI и XII вв. сельское хозяйство было весьма важным промыслом, совершенно ясно показывают документы. Для Мантуи, Пизы, Кремоны (XI, XII вв.) см. документы, приведенные у *Migatogi, Antiqui.*, IV, 13, 16, 20, 23 и цитированные у *Bethmann-Holweg, Ursprung der lombardischen Städtefreiheit* (1846), стр. 129 и сл. Далее, места источников, приведенные у *Max. Handloike, Die lombardischen Städte* (1883), стр. 708 и сл. Из всего этого мы можем с уверенностью сделать вывод, что и два столетия спустя после этой эпохи интересы сельского хозяйства еще сильно были представлены в итальянских городах. «Даже торговцы сидели на земле и мелкие землевладельцы нуждались в пастбищах». Л. М. Гартман, «К хозяйственной истории Италии», стр. 112.

Относительно английских городов мы располагаем достаточно многочисленными свидетельствами, доказывающими, что они носили совершенно такой же характер, как и немецкие,— именно, характер полугородских поселений. Для эпохи «Книги Страшного Суда» см. прежде всего Ф. В. Майтленд, стр. 203 и др. Весьма осторожный исследователь *Charles Gross* (см. его, *The Gild Merchant*, 1890, 4), ссылающийся на весьма богатую литературу и приводящий места из источников, полагает, что «даже долгое время спустя после норманнского завоевания сельскохозяйственные элементы доминировали в английских городах в гораздо большей степени, чем обычно полагают». Даже в Лондоне еще в XIII в. мы слышим о разведении свиней и быков. Эшли, «Хозяйственная история Англии», 1, 74 и 117 по «Белой Книге», XL—XLII.

«Деятельность городских жителей не ограничивалась их специальными промыслами. Во время жатвы все население устремлялось в деревню. Когда средневековый король закрывал парламентскую сессию, он отпускал магнатов на охоту, а представителей палаты общин на жатву, не делая при этом никакой разницы между деревенскими дворянами и горожанами. Мы читаем, что долгие судебные и университетские каникулы продолжались от июля до октября, лабы люди, занимающиеся правом и наукой, имели достаточно свободного времени для такого важного дела, как жатва. Конечно, по сравнению с массой сельского населения все городское население не имело особенно большого значения для работ по уборке хлеба. Но несомненно, что земля, расположенная поблизости от городов, лучше распахивалась и лучше удобрялась, чем земля, отдаленная от хороших путей сообщения, а добавочные рабочие силы, прибывавшие из города, были весьма важны для крупных землевладельцев» (*T. Rogers, Six Centuries of work and wages*, 2 тома, 1884, нем. перевод, стр. 89. Ср. также того же автора *Hist. of Agriculture*, 1 (1866), 252 и *J. R. Green, Town life in the fifteenth Century*, 1 (1894), 171).

Богатый материал по всем странам, пополняющий приведенные мною источники и описания, можно найти в упоминавшейся выше работе Р. Монье, стр. 72 и сл.

Из общего правила, гласящего, что все средневековые города постепенно выросли из деревень путем долгого процесса преобразования, продолжавшегося целые столетия, не составляют исключения и так называемые *Gründungsstädte* — «нарочито основанные» города, т. е. «города», искусственно и быстро призванные к жизни каким-либо феодальным князем или крупным помещиком. После XII в. такие города в совершенно аналогичных формах возникали на востоке Германии, в Богемии, во Франции и в Испании. Городской герб, присвоенный «городскому поселку», вводил в заблуждение многих исследователей, полагавших, что эти города представляют собою «искусственно созданные поселения торговцев и ремесленников»¹. Это предположение не имеет под собой никакой почвы. Оно никогда не могло бы появиться, если бы исследователи хотя на минуту задали себе вопрос (имеющий решающее значение для их выводов) — чем жило подобное поселение? Вспомним, что некоторые подобные поселения «основывались» в самых пустынных частях страны, как например в «бездлюдной Вендской области»², где был выстроен Любек. Поставим себя на место такой колонии, основываемой хотя бы в настоящее время и притом в густо населенной стране, и спросим, откуда она возьмет своих клиентов, раз никто в ней не нуждается. Ведь еще и сейчас какой-нибудь сапожник, пекарь или мелкий торговец, переезжающий в небольшой город или деревню, терпит иногда безвыходную нужду. Каково же было положение этих людей в средние века? Представление, из которого исходят даже многие весьма проницательные историки и согласно которому юридический акт может создать жизнь, является дикой фантазией. Именно эта мысль и подала повод к упоминавшемуся выше утверждению, будто ярмарка или ярмарочные привилегии могли создать город. Приведем хотя бы такое место: «Ярмарочное право, разрешавшее торговцам торговаться только в определенный день недели (*sic*), повидимому, не могло столь же значительно содействовать процветанию торгового населения, как ярмарочное право, не вводившее таких ограничений (*sic*)»³. Это как раз и есть старо-прусский принцип, от которого Германия старается отделаться только теперь: принцип, что предписание творит жизнь. Людям, проникнутым подобными представлениями, совершенно не приходит в голову, что купцу нужны прежде всего не привилегии, а поку-

¹ Кейтген, Гильдии и цехи, 110. Та же мысль красной нитью проходит и в сочинении Rietschel, *Markt und Stadt*.

² Pauli, *Lübsche Zustände*, 59.

³ Ритшель, Ярмарка и город, 46.

⁴ Современный капитализм, т. I, волютом 1.

шатели. На такой же основе возникла и ничем не подтверждаемая уверенность, что в средние века безлюдные земли были покрыты целой сетью городов, в экономическом смысле этого слова (ибо эти города описываются как «поселения торговцев и ремесленников»), — так называемыми «нарочито основанными» городами в Германии, «новыми городами» во Франции и т. д. Если бы даже все источники единогласно и совершенно недвусмысленным образом утверждали подобные вещи, то исследователь должен был бы сказать, или что авторы «источников» сошли с ума, или что они хотели посмеяться над немецкими профессорами XIX и XX вв.

Я совершенно не понимаю, каким образом, несмотря на огромную массу документальных данных, утверждающих противное, люди, исследовавшие источники, могли притти к тому странному взгляду, что в XI и XII вв. «основывались» города (в экономическом смысле). С ясностью, не допускающей никаких сомнений, источники говорят нам, что во всех этих случаях «основывалось» только то, что стоило основывать, т. е. деревня. В этой деревне, может быть, и имелся один-другой торговец и ремесленник. В большинстве случаев это можно сказать даже относительно «основания» «ярмарочного поселения», возникающего на окраинах уже существующего города; тем более это правильно относительно городов, основываемых в чистом поле. Эти «нарочито-основанные города» мы должны представлять себе как своего рода римскую колонию, разделенную на центурии: общезвестная квадратная разбивка улиц в ново-основываемых деревнях заставляет даже притти к мысли, что при постройке «нарочито основываемых» средневековых городов образцом служила римская военная колония. Такое предположение естественно, если мы не думаем, что при равномерном заселении города квадратная форма является естественной. Почему только деревня, а не полевая земля (поскольку мы знаем) разбита в шахматном порядке, по образцу римских колоний? Это можно объяснить только своеобразными особенностями германской вспашки, которая под влиянием германских племен распространилась также в Южной Франции и Испании, где встречается тот же шахматный порядок «городских поселений», но где полевая земля совсем не делится на квадраты. Огромная «площадь» посередине города-деревни, превращавшаяся в большинстве случаев в крытое помещение, где можно было поставить груз или телеги, имела столь большие размеры очевидно для того, чтобы загонять сюда скот, нуждавшийся в лучшей охране, чем могли предоставить безлюдные пространства, в которых нередко возникали поселения. По всей вероятно-

сти, помещения для скота и житницы крестьян-поселенцев первоначально были все расположены вокруг площади, а немногие приезжавшие ремесленники размещались в боковых улицах, называемых по их имени.

Что говорят источники, т. е. те документы, на основании которых поселенцу или группе поселенцев предоставлялись права и привилегии при заселении известной местности?

Колонистам, «основывающим» новый город, они предоставляют прежде всего обширный, в большинстве случаев даже весьма обширный участок полевой земли со всеми угодьями, т. е. с общиным пастбищем и общиным лесом. На основании источников можно с полной достоверностью доказать, что в «нарочито основываемом» городе селилось, хотя бы и наряду с прочими жителями, многочисленное крестьянское население. Это является главным пунктом. Что так называемые нарочито основанные города предоставляют собою в сущности поселения сельского типа, доказывает также и то обстоятельство, что из 300 известных нам поселков, основанных в Восточной Германии, только около 30 превышали размеры маленького земледельческого города¹. Развитие этих последних, как легко доказать, объяснялось наличностью тех действенных факторов горонообразования, о которых мы будем говорить в дальнейшем.

Приведем из источников несколько наудачу выбранных примеров.

Любек (основанный в 1165 г.) получает от Генриха Льва, в добавление к полевой земле, пожалованной еще графом Адольфом II, «все деревни, расположенные перед городом на Горегенском холме». По хронике Дитмаря от 1165 г. (*Städtechronik*, Bd. 19), цитированной у Рацли, *Lübsche Zustände* 10—11. Тем не менее, по мнению Паули, Любек возник как «торговая колония» (!).

Штеттин получает 130 гуф (*Blümcke*, Die Handwerkszünfte im mittelalterlichen Stettin, *Baltische Studien*, 34, 90). Величина гуфы определяется в 30 моргенов. Количество полевой земли, как видим, не малое. Но новым городам жаловалось иногда 150, 200 и даже 300 гуф (Фриц, *указ. соч.*).

Особенно поучителен документ об основании Франкфурта-на-Одере, выданный маркграфом Иоганном Бранденбургским и перепечатанный у Геркена, Cod. VI, 563. В извлечениях он приведен у Клоде, *Geschichte des Oderhandels*, I Stück (1845):

1. Постройку города маркграф поручает Годинусу из Герцберга.
2. Маркграф передает городу в собственность 124 гуфы пастбищ и пашенной земли и постановляет, что со 104 пред назначенных для земледелия гуф ежегодно платится определенная подать. Кроме того маркграф отводит

¹ Joh. Fritz, Deutsche Stadtanlagen, Strassburger Programm (1894), 26.

городу 60 гуф по ту сторону Одера, которые также должны платить подать, как только они будут распаханы. Остальная земля считается альмендой.

3. При небольших покупках продавцы и покупатели освобождаются от пошлин. Кто привозит товары в город, платит пошлину; кто покупает товары за наличные, пошлину не платит.

4. На крытом рынке и на ярмарках маркграф оставляет в свою пользу сбор по 3 пфеннига с каждой «стойки». Остальной доход со стоек, расположенных в городских рядах (стойки очевидно сдавались в наем торговцам), идет в пользу города; городу же поступает и доход с заведений, устраиваемых городом на рынке для пользы ярмарки.

Итак, перед нами ясная картина деревни, которая по возможности должна развиться до степени маленького земледельческого города: 164 гуфы дают ей прочный фундамент, а «рыночные заведения» открывают ей перспективы в будущем.

Но лучше всего знакомят нас с «нарочито основанными городами» богемские документы, содержание которых приводится в превосходной работе Юлиуса Липперта *Socialgeschichte Böhmens*, B. 2. (1898). Как известно, в царствование Оттокара II этот государь и его многочисленные духовные и светские вассалы, наперебой старавшиеся закрепить за собою славу «основателей городов», покрыли Богемию целой сетью германских поселений, которые мы обозначаем термином «нарочито основанные города». Решительно в каждом случае упоминается о пожаловании городу обширных пахотных земель и угодий, даже тогда, когда новый «город» возникает в связи с уже существующим городом. Так было в Новой Праге, Новом Пильзене (168 гуф), Новом Будвайсе (получившем деревни Плавен и Мальшик), Новом Глаце (60 гуф), Яусиге (26 гуф), Нимбурге (Нейенбурге) (117 гуф), Мельнике (72 гуфы); то же происходило и в Трибуау, Ландскроне, Хотцене, Яупе, Траутенау, Леймерице и др. Только в том случае, если данное мещечко зарабатывало себе хлеб каким-либо иным образом, как например, в Колине, жители которого поставляли дрова близлежащему Куттенбергу, сельскохозяйственная деятельность горожан была несколько более ограничена. Но даже и в этих случаях предусмотрительные «основатели» жаловали новым поселенцам землю для ведения сельского хозяйства. (См. указ. соч., стр. 42.)

Обработанные за последнее время источники с полной несомненностью показывают, что аналогичные городские поселения во Франции — *Villes neuves* XI в., «bastides» XIII в. в Южной Франции, — а также городские поселения в Испании никогда не основывались без пожалования поселенцам достаточно большой пахотной площади. Относительно Испании я указу на собрание документов у P. de Bofarull y Margallo, *Colección de documentos inéditos del archivo general de la corona de Aragón*, 1851; относительно Франции на J. Flach, *Origines de l'ancienne France* 2, 165 и сл., 325, 334, 343 и сл., которому я обязан указанием на вышеупомянутое собрание документов. Следует также отметить специальные исследования A. du Bourg, *Etudes sur les coutumes communales du Sud-Ouest de la France*, в *Mém. de la société arch. du midi de la France*, IIe sér., t. XII (1880—1882), 250 и сл. См. в особенности стр. 272 и сл. Жители новообразуемых городов должны были даже выполнять в пользу господина барщинные работы (стр. 268). Для уяснения того, каким образом основывались города колонистов, достаточно припомнить возникновение старых американских городов. См. Charles M. Andrews, *Die Stadt in Neu-England* в *Zeitschr. f. Soz. u. WG.*, Bd. II.

Теперь я постараюсь дать по возможности схематический обзор структуры и способа образования городов в эпоху средневековья и начну с анализа тех элементов, которые я обозначил термином «созидателей города» или субъектов городообразования.

II. Субъекты горонообразования.

1. Потребители.

Тот, кто хочет правильно понять генезис средневековых городов, должен прежде всего усвоить себе, что большинство этих городов — и в том числе все наиболее значительные из них — в течение первых столетий своего существования были почти исключительно потребительскими городами. Понять их происхождение значит, поэтому, выяснить, каким образом мог вырасти потребительский город в условиях средневековья.

Потребительским городом я называю такой город, который не оплачивает собственными продуктами своих средств существования (поскольку он получает их извне, т. е. поскольку они являются избыточным продуктом сельскохозяйственного труда), ибо это для него не нужно. Средства к существованию такой город получает в силу какого-либо правового титула (подати, рента и т. п.) и потому не имеет необходимости отдавать за них эквивалента. Когда мы говорим «получает», то, конечно, мы хотим этим сказать, что средства эти получаются известным числом лиц, являющихся основателями этого города. Своебразная особенность потребительского города заключается, следовательно, в том, что его основатели являются потребителями, между тем как люди, «заполняющие» город, работают на этих потребителей и таким образом получают долю в их потребительском фонде. Первоначальные, первичные созидатели города суть таким образом потребители, а зависимые, вторичные (третичные и т. д.) созидатели города — производители. В данном случае самостоятельным элементом, людьми, обладающими собственными средствами к жизни, оказываются потребители, производители же находятся от них в зависимости и получают возможность существовать только благодаря той доле, которую дает им класс потребителей из своего потребительского фонда. (Слово «зависимость» нужно понимать здесь в более узком смысле: в конце концов в каждом обществе все зависят друг от друга, ибо ни один человек не может лишиться другого, не потеряв вследствие этого известную часть жизненных средств.)

Поэтому для возникновения потребительских городов прежде всего необходимо, чтобы в известном месте образовался крупный

потребительский фонд, который может быть здесь же и потреблен. Потребительский фонд может быть собран либо одним или немногими крупными потребителями, либо более или менее значительным числом средних или мелких потребителей. Один король может создать такой же потребительский город, какой могут создать 1000 генералов на пенсии. Кто же был в средние века такими потребителями? Главным образом — владетельные князья, жившие за счет податей, и землевладельцы, жившие за счет земельных рент. При этом следует заметить, что граница между владетельным князем и землевладельцем в указанном нами смысле была весьма текучая: взимавший подати князь был в то же время крупным землевладельцем и, следовательно, получал с собственной земли доходы в виде земельной ренты. Резкое разграничение между коронным имуществом и государственным имуществом в то время еще не имело места.

Первая группа значительных городов, возникших в эпоху средневековья, представляла собою резиденции светских или духовных князей. Это — города, образуемые землевладельцем, который всюду является основной клеточкой средневекового города (я употребляю это слово отнюдь не в смысле поселения, пользующегося правами города. Я старался выяснить читателю, что вводимое мною понятие я понимаю в экономическом смысле, поскольку я не оговариваю противного. Поэтому пусть оставят меня в покое критики и прекратят свой несносный крик насчет якобы выдвигаемой мною теории «поместного права» (!)). Землевладелец, основывающий такой город и всюду являвшийся, повторяю я, основной клеточкой средневекового города, превращался в более или менее значительного владетельного князя и пополнял свои доходы, получаемые от земельных рент, доходами, получаемыми от податей. Это был длительный процесс, а потому и образование города происходило в этих случаях медленно и постепенно.

Города, о которых мы здесь говорим, являются, следовательно, резиденциями епископов¹ и архиепископов, графов, маркграфов, герцогов, королей.

¹ Термин «епископский город» имеет двойной смысл: юридический и реальный (как в настоящем случае). История городов, писавшаяся до сих пор, говорила о епископских городах только в первом указанном нами смысле и была совершенно права, поскольку она занималась историей городской конституции. Но для происхождения города совершенно безразлично, был ли епископ господином города или нет. В смысле истории своего развития Флоренция была «епископским городом» по преимуществу, ибо именно епископ и содействовал мощи, величию и богатству Флоренции.

Очень часто один и тот же город оказывается резиденцией и духовного и светского князя и получает благодаря этому двойную опору для своего развития. Так например, в епископских городах Верхней Италии жили и лангобардские герцоги, а впоследствии и франкские графы; к числу таких городов принадлежат Виченца, Верона, Брешия, Бергамо, Милан, Павия, Парма, Пьяченца, Модена, Мантова, Турин и др.¹. Равным образом и германские «*civitates*» эпохи Каролингов были также местопребыванием областного графа и графского суда². Общеизвестно, что значительные «столичные города» в Германии были в то же время епископскими резиденциями; такими же епископскими резиденциями были и крупные города Англии и Франции. Так, например, в XI в. в Гамбурге жил архиепископ и герцог саксонский³; во Флоренции маркграф тосканский и архиепископ⁴; в Амстердаме епископ и амстердамские графы⁵; в Ипре — епископ и фландрские графы⁶ и т. д.

Очень часто, можно даже сказать всюду, где это было возможно, особенно в области старой культуры, резиденции средневековых князей находились в городах, основанных еще римлянами. Из этого делали заключение, что значение средневековых городов находилось в какой-то связи с их римским прошлым. Предполагалось, что так как они были «центрами городской жизни» в римскую эпоху, то они снова сделались таковыми в средние века. Этот взгляд, конечно, неправилен. Как мы уже указывали в других местах, римские города давным-давно потеряли значение городских центров в ту эпоху, когда в тех же самых

Тем не менее Флоренция вообще никогда не была изъята из-под действия городского права; ее конституция превратилась сразу из конституции графского поселения в коммунальную конституцию. См. Davidsohn, Geschichte von Florenz, S. 336.

¹ H. Pabst, Geschichte des langobardischen Herzogtums в Festschriften zur deutschen Geschichte, 2 (1862), стр. 437 и сл.; Bethm.-Höllweg, Ursprung der lombardischen Städtefreiheit (1846), стр. 66, 74.

² Rietschel, Civitas, 94.

³ «Этот город в одной своей части имел епископский дом, а в другой — дворец князя», Адам Бременский, 2, 68, цит. у Маурера, 1, 63.

⁴ По мнению одного хорошего знатока ранней эпохи Флоренции «весьма значительный» рост города в XI в. объясняется тем, что в это время Флоренция становится центральным пунктом антиимператорской, иерархической партии в Тоскане. O. Hartwig, Quellen und Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz, I (1875), 93.

⁵ J. Ter Gouw, Geschiedenis van Amsterdam, 1 (1879), 43 и сл. Гийбрехт III «по праву дается почетный титул основателя Амстердама».

⁶ A. Vandepreegboom, Iphiana 3 (1830), 94 и сл.

местах начала развиваться новая городская жизнь. В частности, в римских колониях города были только местопребыванием гарнизонов и резиденциями губернаторов. Как только из них выезжали легионы и губернаторы, они обращались в ничто. Между римским и средневековым городом не существует ни малейшей внутренней связи. Фраза о том, что «торговля и обмен» якобы «перешли» в средневековые, является ни на чем не основанной. То обстоятельство, что с внешней стороны средневековые города возникали и процветали в тех самых местах, где стояли когда-то города римской империи, объясняется двумя фактами:

1. Церковь предписывала учреждение епископских резиденций в «городах» (*civitates*).

2. Руины, в особенности остатки стен, давали превосходный материал для укреплений, а на укрепления, как известно, при «основании» городов обращалось главное внимание. Поэтому на города смотрели главным образом как на крепости. О такого рода укрепленных городах мы будем говорить ниже.

Насколько большое значение имело местопребывание князя для развития средневекового города, мы увидим (поскольку это можно показать в тех или других отдельных случаях), когда познакомимся с теми элементами городского населения, которые получали средства к жизни из доходов проживающего здесь князя. Я хотел бы указать на два симптома, свидетельствующие о чрезвычайно большом значении княжеской резиденции для развития городов в эпоху средневековья.

Во-первых, цветущие города терпели большой ущерб, как только епископская резиденция переносилась из них в другое место¹. Во-вторых, знаменателен факт, что величина и богатство городов находились часто в прямом отношении к мощи и обширности владений проживающих в них князей. Другими словами, средневековые города тем больше, чем больше (и, конечно, богаче) та область, для которой они являются столицей. Там, где рано начинают проявляться централистские тенденции владетельных князей, прежде всего возникают и более значительные города. В тех же областях средневекового мира, где не возникало больших «государств» и крупных «государственных столиц», не было и больших городов.

Поэтому в Южной Италии большие города стали возникать раньше (Палермо, Неаполь), чем в Северной Италии; в Австрии

¹ См. Флах, Происхождение и т. д., 2, 329.

(Вена) раньше, чем в остальной Германии¹; во Франции (Париж) и Англии (Лондон) раньше, чем во Фландрии и Брабанте. Это ничуть не удивительно, если вспомнить, насколько значительные доходы получали, например, уже в ранний период средних веков английские или французские короли. Так, например, доходы английского короля в царствование Генриха I, т. е. в начале XII в., составляли 66 000 ф. ст., что по современной валюте равняется 5 850 000 марок². Но даже доходы владетельного князя Верхней и Нижней Австрии, жившего в Вене, составляли в XIII в. 35 000 венских пфеннигов, т. е. приблизительно 100 000 марок в современной валюте³. Если принять в расчет, что торговый оборот значительного ганзейского города в середине средних веков равнялся 1—3 млн. марок в современной валюте, если далее всю эту сумму отнести к заграничной торговле и среднюю прибыль от нее определить в 20%, с оборота (что является весьма высоким процентом), то окажется, что общая прибыль, т. е. фонд, из которого кормилось городское население, равнялась приблизительно 200—600 тысяч марок в современной валюте. Можно поэтому сказать, что английский король в 1100 г. за счет своих доходов кормил в 10—30 раз больше людей, чем любекская или ревельская торговля в XIV в.

Наряду с этими крупными потребителями — князьями в средневековом городе имеется множество средних и мелких получателей ренты, которые в свою очередь могут образовать довольно значительный потребительский фонд. Я имею в виду прежде всего все те церкви и монастыри, которые, как известно, получали иногда весьма значительные доходы. Автор, который попытается в настоящее время написать хозяйственную историю средневековых городов, должен будет постараться определить доход всех этих учреждений. Я приведу только несколько примеров.

¹ Вена рано начала превращаться в «большой город». Я не сомневаюсь ни одной минуты, что в 800 г. Ахен был величайшим европейским «городом» после Византии. Даже чрезвычайно преуменьшая число бабочек, гревшихся временно или постоянно под солнцем великого Карла, число «жителей» его «дворца» и дворцовых служб мы должны определить в 1—2 тысячи. О величине Ахена в эпоху Каролингов можно лучше всего судить по описанию Ф. Дана (*«Короли германцев»*, VIII. 6 (1900), 102 и сл.), где использован весь дошедший до нас материал источников.

² W. Stubbs, *Constitutional History* 1⁵, 415.

³ См. документы владетельных князей Нижней и Верхней Австрии, относящиеся к XIII и XIV вв. и изданные Альф. Дольшем (*Oesterr. Urbare* I. 1 (1904). S. CCXXV). Ср. H. v. Volteolini, *Die Anfänge der Stadt Wien*, 44 и сл.

Монастыри св. Фомы и св. Петра в Страсбурге в XV в. получали доход в 2374 марки или в 33 000 марок по современной стоимости¹. В 1487 г. духовные учреждения в кельнском приходе св. Колумба (приходские церкви, монастырские общины, монастыри) владели 159 домами, которые отдавались в наем и приносили 2830 1/6 марок дохода² (четверть всего дохода с домов в этом приходе). Десятина, уплачивавшаяся в XIV в. кельнскими церквями, составляла около 300 марок³, следовательно, их доходы достигали около 3000 марок, что в теперешней валюте составит около 150 000 марок (эта цифра является, может быть, еще преуменьшенной).

Чтобы изобразить в цифровых величинах значение духовных земельных владений для развития средневековых городов, нужно было бы гораздо точнее знать их число, чем мы знаем в настоящее время. Судя по всему тому, что нам известно, мы можем лишь с уверенностью сказать, что значение это было сравнительно весьма большое. Отдельные дошедшие до нас данные делают это несомненным⁴.

Во Флоренции уже в конце XII в. звонило 80 колоколов. (См. Даудсон, История Флоренции, I, 732.)

О большом числе лиц духовного звания в эпоху раннего средневековья говорит Лампrecht, Хозяйственная жизнь Германии, I, 2, 846.

Обзор имущества церквей и монастырей в 15 германских городах дает А. Püschel, Das Anwachsen d. deut. Städte, 1910. Для Вены см. Amt. Mayer, Das Kirchliche Leben usw. in der Geschichte der Stadt Wien, I (1897), 445 и сл., для Страсбурга см. Karl Achtaich, Der Bürgerstand in Strassb. (1910), 6 и сл.

В XIII в. в Париже приводятся имена 96 церквей и монастырей (в податном списке 1292 г.). См. суммарный обзор издателя Г. Герара в его *Collec. des docum. inédits, I sér., VIII т. (1837)*, стр. 624—626.

В частности относительно монастырей мы знаем, что они росли параллельно с ростом городов, и стены их давали горожанам защиту от разбойнических вторжений. Монастыри переносили в города свои резиденции отчасти для того, чтобы, как говорят нам летописцы, охранить мощи святых и реликвии от вражеских нападений. Относительно Франции и доказательства можно найти у Флаха, Происхождение и т. д., 2, 331. Относительно Германии W. Arnold (Verf. Gesch. d. deutschen Freistädte, 2, 162 и сл.) доку-

¹ Will. Kothe, Kirchliche Zustände Strassburgs im 14 Jahrh., 1903, стр. 2.

² Jos. Greving, Wohnungs- u. Besitzverhältnisse usw. в «Annalen d. hist. Vereins für den Niederrhein» 78, 24 и сл.

³ Po Liber valoris eccl. Col., перепечатанному у Amt. Jos. Binterim u. Jos. Hüb. Mooren, Die alte und neue Erzdiözese Köln, 1 Theil, 1828, стр. 51 и сл. О Гильдестайме дает сведения (довольно скучные) H. A. Lüntzel, Geschichte der Diözese u. Stadt Hildesheim, 1 (1858), 288 и сл.; 2, 23 и сл.

⁴ Общие списки германских монастырей см. у A. Hauck, Kirchengeschichte, 4 (1913), 925 и сл., а также у M. Schulte, Der Adel und die deutsche Kirche, 1910.

ментально установил перевод наиболее важных монастырей в исследованные им города; вместе с тем он указывает, что после XIII в. большинство монастырей стали основываться в городах. Если даже это были главным образом монастыри «беднейших орденов» — францисканцев, доминиканцев и августинцев, то все же следует думать, что и эти монастыри в большинстве случаев имели земельные владения и, следовательно, получали ренты. Так, например, в 1282 г. патриций Гумберт Виддер и его жена Елизавета Юнген основали в Майнце францисканский монастырь. Они подарили монастырю все свои поместья, доходы и полагавшиеся им повинности в 11 деревнях — Вейтерштадт, Астгейм, Бубенгейм, Флерсгейм, Партенгейм, Альстгейм и др.; вскоре монастырю были подарены и другие владения. См. Арнольд, указ. соч., стр. 175. По данным того же исследователя в XIII в. в Вормсе было 8 монастырей, в Майнце — 10, в Шпайере — 6. Относительно венских монастырей см. Г. Ф. Вольтелини, указ. соч., стр. 25 и сл.; там же, на стр. 48 можно найти данные о богатых поместьях церковных учреждений Вены в сельских местностях. Венские монастыри основываются, чтобы придать городу блеск: Rich. Müller, Wiens räumliche Entw. usw. в Gesch. d. Stadt Wien II. 1, 155 и сл. О лондонских монастырях см. W Stanhope, Monastic London, 1887.

Наряду с церквами и монастырями для многих германских городов имели значение и духовные рыцарские ордена, которые учреждали в них собственные коменды. Так как они были весьма богаты, то привлекали в города значительные рентные доходы, предназначенные на нужды потребления¹.

К духовным рантье присоединились и светские. Я мимоходом упомяну об одной категории первичных созиателей городов, имевших некоторое значение для довольно многих городов (Болонья, Париж, Оксфорд): учениках² и студентах³, получавших свои «векселя» из-за границы. На свои средства они содержали не только себя, но, конечно, и многих девушек.

Никто не спорит о том, что средневековые города, в особенности в первые столетия их существования, имели среди своего населения чрезвычайно много светских «землевладельцев», т. е. лиц, которые жили внутри городских стен на собственном господском дворе или в городском доме, или в замке, или в башне, а за чертой города имели землю, ведя на ней собственное хозяйство с помощью крепостных крестьян, или сдавая ее в

¹ Арнольд, указ. соч., стр. 178 и сл. (Регенсбург, Шпайер, Кельн, Майнц, Страсбург, Базель, Вормс); Бюхер, указ. соч., стр. 514 (Франкфурт-на-Майне).

² Подробные сведения о монастырских школах и их распространении в Европе можно найти у Montalambert, Die Mönche des Abendlandes, нем. изд., 6 (1878), 169 и сл. Ср. также Маурер, указ. соч., 3, 57 и сл.

³ Относительно более позднего времени см. прежде всего работу F. Eulenburg, Die Frequenz der deutschen Universitäten, 1904.

аренду или получая с нее оброк. Здесь я хочу только установить этот факт и совершенно не касаюсь вопроса, откуда произошли земельные владения этих помещиков, и к какому сословию эти помещики принадлежали — к сословию ли свободных земледельцев или княжеских чиновников, к сельской знати или к городской знати. Для занимающего нас вопроса все эти деления не имеют никакого значения. Для нас важен только тот факт, что в средневековых городах имелось большое число лиц, получавших из деревни ренту. К сожалению, насколько я знаю, мы не имеем ни для одного города цифровых данных, указывающих число светских землевладельцев, живших в городе, и размеры их имущества. Лучше всего обследована в этом отношении Флоренция. Во Флоренции до начала 1180-х годов насчитывалось 35 «башен» т. е. подобных замкам городских домов, принадлежащих помещичьим семьям¹. «Тем не менее число их могло быть в действительности и втрое больше»².

Эти весьма многочисленные семьи крупных помещиков, проживавшие в более или менее значительных городах, были созидателями городов в меру получаемых ими рент: именно на это я и хочу обратить внимание читателя. В других отношениях приводимые мною данные не представлят для него ничего нового.

Чтобы несколько оживить картину, я хочу еще упомянуть о двух обстоятельствах.

Во-первых, если получатели земельных рент, проживающие в городе, являются созидателями городов (а в этом не усомнится никто, прочитавший сказанное мною), то очевидно, что город был тем больше и богаче, чем большее количество земельной ренты потреблялось в нем, — следовательно, чем больше дохода получали отдельные рантье и чем большее количество рантье собирались в данном городе.

Другими словами, величина земельной ренты, потреблявшейся в городе, зависела, с одной стороны, от того притягательного

¹ Santini, Società delle torri в Arch. Stor., Ser. IV, vol. 20. См. также «Исследования» Дависона, стр. 121: «Башни в городе».

² Дависон, История Флоренции, I, 654.

О городских домах светских помещиков в германских городах подробно говорит Маурер, указ. соч., 2, 9 и сл.

Во Франции: «Среди горожан имелось много знатных, владевших большими поместьями; на основании наследственного права они владели баронствами в своей родной области и располагали многочисленной вооруженной силой» (1098). «Orderic, Vital.» IV, стр. 49, привед. у Флаха, 2, 368.— Список отелей знати в Париже конца XIII в. см. в «Coll. des docum. inédits», Ser. I, 8 (1837), 627 и сл.

влияния, которое оказывал город на крупных землевладельцев, а с другой стороны — от плодородия тех областей, которые находились в распоряжении землевладельца, принадлежавшего к городскому населению или переселившегося в город позднее. Необходимо решительнее, чем до сих пор, подчеркнуть, что для развития средневековых городов (в силу вышеприведенных причин) так называемые удобства путей сообщения играли гораздо меньшую роль, чем плодородие и населенность окружавших их сельских местностей. В этом и заключалось преимущество, предоставленное природой Италии и Фландрии, которые уже в ранний период средневековья походили скорее на пышные, прекрасно обработанные сады. Чтобы правильно понять причины раннего расцвета нижне-рейнских городов, следует прочесть хотя бы описание фландрского ландшафта в Филиппиде. Необходимо обратить внимание также на то, что фландрские приморские города, вроде Нью-Порта, Арденбурга, Дама и Брюгге, разбогатели гораздо позднее, чем города, находившиеся внутри страны, вроде Ипра и Гента. Но эти благоприятные естественные условия можно было использовать только в том случае, если прибавочный продукт деревни потреблялся в городе, а для этого необходимо было вовлечь землевладельцев в круг городского населения. В различных странах это вовлечение происходило в весьма различной степени по причинам, о которых здесь не место распространяться. Можно вообще сказать, что наиболее сильно действовало в этом отношении влияние римской культуры, городской по преимуществу. Поэтому мы замечаем в Италии¹ у деревенской знати сильную тенденцию к добровольной урбанизации и поэтому же деревенские землевладельцы в значительном числе сосредоточиваются в городах всех тех внентальянских областей, где римская культура оставила свои следы: концентрация деревенской знати в городах проявляется в рейнских и южных областях Германии сильнее, чем в неприветливых колонизационных областях севера и востока. Но этому могли содействовать и другие причины. Так, например, в Англии своеобразное развитие гражданских отношений — например наследственного права — уже с ранних пор вызвало прилив в города младших сыновей высшего дворянства и смешение дворянства с буржуазией. В Италии большую

¹ Задолго до принудительного поселения знати в городах «приманки комфорта и общественных развлечений побудили отдельные семейства покинуть свои одинокие башни и поселиться в городе». Давидсон, История Флоренции, 1, 341. Для Венеции см. R. Neupen, Zur Entstehung des modernen Kapitalismus in Venedig (1905), 88.

роль сыграло принудительное удержание земельного дворянства в городах¹; так же шло развитие во Фландрии и Брабанте².

В то самое время, как итальянские коммуны принимали меры, чтобы собрать внутри своих стен побольше рентных фондов, германские города выбрасывали знать за ворота.

Городское право Фрейбурга, Гамбурга (1120) и других городов запрещало дворянству жить в городе — «никто из людей, служащих или воинов графа не должен жить в городе» — постановляет городское право Фрейбурга; одновременно с этим могущественная Генуя заставляет маркграфа Альдерамо (1135), графа Лаванья (1138) и других представителей местной знати приносить следующую присягу: «Я буду жить в Генуе лично или буду держать там моего сына и выполню эту данную мною клятву». В маленьком городе вроде Тревизо в течение одного года (1200) свыше 60 могущественных и богатых помещиков получили право гражданства³.

Неудивительно, что при столь различной политике Фрейбург стал Фрейбургом, а Генуя Генуей. Конечно не подлежит ни малейшему сомнению, что при том огромном значении, которое имело для развития средневековых городов большее или меньшее скопление в них крупно-помещичьего сословия, различный ход их исторического развития в тех или других местах в значительной степени объясняется различием только что указанного нами соотношения. К этому простому выводу уже пришли наблюдатели XVI в. «Города Италии более славны и более велики, чем города Галлии или прочей Европы, потому что в городах Италии живут знатные», говорит старый теоретик городов, не превзойденный и по настоящее время⁴. Столь простая причинная связь ныне уже не наблюдается.

Об образовании городов путем накопления в них земельных рент я хотел бы сказать еще следующее.

¹ О «принудительном поселении в городах знати» можно найти данные у Муратори, *Antiqu. Diss.*, 47; v. Bethmann-Hollweg, *Ursprung der lombardischen Städtefreiheit*, стр. 164 и сл.; C. Bergagnoli, *Vicende dell'agricoltura* (1881), стр. 175; E. Poggi, *Cenni storici delle Leggi sull'agricoltura* (1848), 2, 163 и сл., а также в первом издании настоящего сочинения, 1, 313 и сл.; 2, 198 и сл.

² См. первое (немецкое) изл. I, 311 и сл. и приведенную там литературу.

³ Bonifacio, *Istoria di Trivigi* (1744), стр. 153.

⁴ Joh. Boteri, *Libri tres de origine urbium eorumque excellentia et augmentacione etc.*, 1665. Lib. II, Cap. X. (Это сочинение появилось впервые на итальянском языке в 1589 г.)

В течение средних веков был такой промежуток времени — по моему мнению он падает главным образом на X и XI вв., — когда в отдельных пунктах происходило внезапное скопление сельских землевладельцев. Эти пункты были укрепленными или укрепляемыми, или вообще предназначенными для защиты местами, выполняющими роль крепостей; получатели земельной ренты, собиравшиеся здесь в большом числе и являвшиеся поэтому созидаелями города, служили для горожан военным гарнизоном, и потому в быстро развивавшихся городских поселениях их старались привлекать для организации обороны. По моему мнению они были важным фактором в образовании города, ибо с их помощью для многочисленного городского населения сразу расширялась потребная для пропитания площадь. Поэтому можно сказать, что средневековый город (не только в смысле застроенного укрепленного места, но и в смысле экономического центра) на первых порах был нередко крепостным, правильнее гарнизонным городом, так как население кормили не стены и не крепость, а вооруженные люди, занимавшие крепость и привлекавшие в город фонды потребления. Ибо гарнизон крепости — *castrenses, castellani, milites* — состоял из людей, владевших известными земельными ленами и, следовательно, привлекавших ренты с этих владений в город, где полученные средства и потреблялись

Очень картиное описание экономического положения воина — *miles* — можно найти у Видукинда, стр. 35 (MG. SS. 3, 432).

Для занимающей нас темы не имеет значения спор о том, были ли «сельские воины» крестьянами, обязанными выполнять воинскую повинность, или служилыми людьми короля (см. статью Dietr. Schäfer'a в *Sitzungsberichte der Berl. Akad. der Wissenschaft*, XXVI, 1905, 25 Mai, а также H. Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst*, 3 (1907), 93 и сл. 109 и сл. Главное то, что «*celer... acto seminarent et meterent frugesque colligerent nono et suis eas locis recondenterent*».

До сих пор в общих сочинениях, посвященных истории средневековых городов, город, как местопребывание гарнизона, рассматривался лишь мимоходом и притом по большей части с правовой или топографической точки зрения.

Я указу на следующие сочинения, в которых освещается правовая, фортификационная и другие стороны проблемы средневековой крепости.

Германия: И. а. Хозяйственная история Германии, 2, 99 и сл. E. Mill v. Loeffler, *Geschichte der Festung Ulm*. 1881. Seb. Schwarz, *Anfänge des Städteswesens in den Elbe- und Saale-Gegenden*, 1892. G. Köhler, *Geschichte der Festungen Danzig und Weichselmünde*. 2 Т. 1893. W. Varges, *Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung* в *Jahrb. f. NÖ.*, 6, 163 и сл.—«Die Stadt als Festung». S. Rietschel, *Das Burggrafenamt*. Clem. Kissel, *Die Garnisonbewegungen in Mainz von den Römerzeit an*. 1907. Кроме того следует

использовать и общие сочинения, главным образом колоссальное собрание материалов у ф. Маурера.

Относительно Богемии см. J. Lippert, *Soz. Gesch. von Böhmen*, 2, (1898), 169. Все сколько-нибудь значительные богемские города были областными крепостями.

Для Англии Майтленд (*Domesday a. beyond*, 1, § 9) доказал существование такого же строя, какой был свойственен городским поселениям Германии. Лондон был сильнейшей крепостью страны. Лондонский гарнизон в смысле истории развития конституции (как впрочем и гарнизон большинства крупных городов) играл чрезвычайно важную роль. Обращаясь с посланием к Лондону, его адресовали епископу, начальнику вооруженных сил (*Portreeve*) и горожанам. (Эти три элемента рассматривались, следовательно, как главные созиатели города.) Лондонский военный губернатор уже в старейших англо-саксонских источниках называется *Wicgeréfa*.

Общие сведения о Франции сообщает Флах, *Происхождение и т. д.*, 2, 79, 330 и сл.; о Шампани см. Réné Bourgeois, *Du mouvement communal dans le comté de Champagne aux XII et XIII siècle*. Парижская диссертация 1904 г. Стой здесь таков же, как в Англии и в Германии: «Область Шампанского графства была.. разделена на кастелянства или превотства, управление которыми сосредоточивалось в наиболее населенных центрах, особо сильно укрепленных, где находилась крепость, именуемая замком и намного превосходившая прочие крепости того же округа. В 1152 г. в Шампанском графстве числилось 28 превотств; резиденции их были в шести нынешних департаментах». (Список этих превотств см. в указанном соч., стр. 19.)

Для Бельгии см. Alph. Wauters, *Les libertés communales*, 1 (1878), 209. Начиная с X в. все большие бельгийские города суть в то же время гарнизонные города: Камбрэ, Уtrecht, Люttих, Брюссель и т. д. Ригенпе, *Les villes flamandes avant le XII siècle* в *Annales de l'Est et du Nord*. Vol. I. 1905.

Для Италии можно указать на сочинения, посвященные местной истории. Наилучшими сведениями мы обладаем относительно Тосканы и Флоренции: Флоренция походила «на большой и населенный замок, стоявший к графству почти в таком же отношении, в каком находились отдельные бурги к своему округу». Давидсон, *История Флоренции*, 1, 331. Много материала можно найти у Gregorovius, *Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter*.

2. Производители.

Вряд ли можно представить себе город, где бы часть населения не кормила себя и других посредством промышленной и коммерческой деятельности, т. е. не получала средства к существованию путем обмена своих продуктов на продукты внешнего мира (как мы это уже знаем из предыдущей главы). Ни один из средневековых городов не обходился без этого элемента населения. Нам пора теперь вспомнить об этой части горожан и познакомиться с своеобразными особенностями соответствующих групп.

Прежде всего, города выполняли определенную работу вполь-

зу определенных местностей: они производили предметы промышленности для крестьян и доставляли этим последним чужеземные ввозные товары. Город, жители которого живут главным образом за счет такого товарообмена с окружающими сельскими округами, мы называем сельским городом, рыночным местечком. Такой тип городов в средние века был несомненно еще более многочисленен, чем ныне; это были местечки с 500—1000 жителей, в которых, как и теперь, население занималось в больших размерах сельским хозяйством и которые оставались все время на положении маленьких земледельческих городов. Сюда относится большинство — 270 «нарочито построенных городов» на востоке Германии, уже упоминавшихся нами. Но даже в больших городах, которые мы главным образом имеем в виду, когда говорим о городах, происходил непосредственный обмен с окружающими крестьянами (и в еще большей мере с землевладельцами), дававший средства к жизни части населения (ремесленникам и мелким торговцам). Однако этот сбыт товаров в провинцию в эпоху средневековья не мог достигать больших размеров: потребительское хозяйство было еще слишком широко распространено и культурный уровень сельского населения не был достаточно высок. Нельзя поэтому думать, что такой обмен между городом и деревней являлся жизненным нервом средневекового города. Было бы совершенно неправильно представлять себе дело таким образом, что крестьяне, продававшие свои продукты горожанам на недельных базарах, всю вырученную сумму тратили на покупку промышленных и иноземных товаров. Большая часть чистой выручки переходила в карманы землевладельцев, проживавших в городе и в деревне, и эти-то землевладельцы на оброчные деньги (или на деньги, полученные от продажи натурального оброка) покупали товары у городских ремесленников и торговцев. Если землевладельцы жили в городе, то ремесленники и торговцы получали средства к жизни от них, а не непосредственно.

Для многих средневековых городов несколько большее значение имела международная торговля. Но и ее значения для создания городов не следует преувеличивать.

Торговый город в экономическом смысле отличается той особенностью, что средства к жизни он получает небольшими суммами от весьма широкого круга покупателей¹. Эта особенность ставит узкие границы расширению чисто торгового города. Очень

¹ «Они извлекали средства к существованию из всей вселенной»—Монгольские, Дух законов, кн. XX, гл. V.

больших чисто торговых городов никогда не существовало и не может существовать, ибо в одних случаях транспортная техника слишком мало развита, и потому торговля может расширяться только в небольших размерах¹, а в других случаях, при более высоком уровне транспортной техники, торговая прибыль сравнительно настолько низка, что приходится вовлекать в оборот огромное количество товаров, дабы оставить в руках торговцев сколько-нибудь значительные суммы прибыли и таким образом создать средства для существования городского населения. Профаны, — а большинство «теоретиков», писавших об образовании городов, являются в политической экономии профанами, — обычно не уясняют себе, что поток товаров, проходящий через город, не сможет прокормить и воробья, если только этот последний не найдет себе пищи в мешках с хлебом или горохом. Важна только та сумма ценностей, которая остается у купцов при передвижении товаров через их город, то, «что остается в доме», что «зарабатывается», другими словами, торговая прибыль. Прибыль же эта, как известно, находится в обратном отношении к общей величине обращающихся ценностей. Если прибыль эта сравнительно высока (как в средние века), то товарооборот незначителен. Насколько он был мал в средние века, мы увидим впоследствии. Поэтому даже в самых крупных торговых городах только незначительная часть населения могла жить «торговлей». Если средний доход в Любеке XIV в. мы примем в 100 марок современной стоимости, а норму прибыли определим в 20%, от оборота (!), то окажется, что даже в Любеке торговля могла прокормить только около 6000 человек².

Нам остается еще упомянуть об экспортной промышленности, как о факторе гордообразования. Если экспортная промышленность сколько-нибудь велика, то создается тип промышленного города. Такие города несомненно имелись уже в средние века; возникали они на основе промышленного производства в узком смысле (т. е. производства, занимавшегося переработкой сырья). Города, специализировавшиеся на той или иной отрасли промышленной деятельности, могли прокормить 1—2 сотни, в редких случаях 1—2 тысячи людей: Милан сбывал оружие, Нюренберг свои «нюренбергские товары», Констанца — свое полотно, Флоренция — свои сукна. Но все это исключения. Кроме

¹ «Обширная торговля сама ставит себе преграды повышением цены труда и товаров» — Д. Юм, Опыты, 2 (1793, 208).

² Цифры, положенные в основу этого расчета, см. выше на стр. 135.

того развитие этих отраслей промышленности относится главным образом к более позднему периоду средневековья, а потому они вряд ли имели какое-либо значение в ту эпоху, когда города только что возникали и начинали развиваться.

В начальную эпоху городской жизни большее значение имели известные земледельческие (или морские) продукты, получавшиеся в той области, где находился город. Одни города жили добычанием соли¹, другие—добычанием продуктов горной промышленности (серебра), третьи—виноделием, четвертые—ловлей сельдей. Тем не менее не следует переоценивать значения этих источников заработка как факторов гордообразования.

Приглядимся к одному из первых и наиболее значительных горных городов средневековья: к городу Фрейбергу в Саксонии, жившему добычей серебра.

Фрейберг начинает развиваться приблизительно в 1185 г. По вполне понятным причинам развитие его происходило быстро. «Те же самые причины, которые в наше время создавали в одни сутки целые населенные города в горных округах Калифорнии, привлекали в Мюнцбахскую долину поселенцев из всех местностей; новое поселение росло поэтому очень быстро и скоро достигло уровня, на котором оно оставалось в течение столетий»². Каков же был результат? В 1259 г. Генрих Просвещенный дарит госпиталю «подать, собираемую на городской площади», из чего мы можем заключить, во-первых, что «суммы эти были не малы», а во-вторых, что ночью на базарной площади ночевал городской скот. (Впрочем, возможно, что упомянутые сборы взимались с пригоняемого в город убойного скота.) Несомненно, в средние века Фрейберг сделался самым большим саксонским городом. Но какова была его величина? Во Фрейберге имелось 379 застроенных земельных участков и, следовательно, самое большое 4500—5000 жителей³. Таким образом горный промысел не оказывал очень большого влияния даже на этот первый по добыче серебра город Германии.

¹ В 1227 г. Люнебург был наиболее значительным городом герцогства наряду с Брауншвейгом. См. Негт Нейпекен, *Der Salzhandel Lüneburgs* (Hist. Studien, Heft 63, 1908), 21.

² Hub. Ermisch, *Wanderungen durch die Stadt Freiberg im Mittelalter* (Neues Archiv für sächsische Geschichte; herausg. von H. Ermisch 12 (1891), стр. 92). Срав. C. E. Leuthold, *Untersuchungen zur älteren Geschichte Freibergs* (тот же Archiv, Bd. X [1889], 304 и сл.).

³ H. Ermisch, *Zur Statistik der sächsischen Städte im Jahre 1474* (см. тот же Archiv 11, 148, 150).

Насколько я знаю, кроме накопления земельных рент имеется только один фактор, игравший значительную роль в развитии средневековых городов. Это — торговля деньгами, банкирское дело или ростовщичество (в отдельных случаях мы можем называть его тем или другим из этих терминов). Об этой торговле и ее значении я буду подробнее говорить в дальнейшем изложении. Здесь я хочу указать только на то, что местные власти, заботившиеся о процветании своих городов, инстинктивно придавали большое значение ростовщичеству как фактору горо-дообразования и именно по этим соображениям старались привлечь евреев. Так, например, во введении к шпайерским привилегиям 1084 г. епископ Рюдигер говорит: «Когда из шпайерского поселения я создавал город, я полагал, что буду много содействовать чести нашего места, если соберу в него иудеев»¹. Но во всяком случае и торговля деньгами лишь в отдельных больших городах оказывала существенное влияние на численность населения; в большинстве случаев она отступала на задний план по сравнению с влиянием земельных рент, получавшихся живущими в городах землевладельцами. Насколько огромное значение имел этот источник для средневекового города, видно из замечаний, сделанных мною на предыдущих страницах. Доминирующая роль землевладельческих доходов станет нам еще яснее, если мы постараемся выяснить экономические особенности любого из крупных городов средневековья. Оказывается, что чистые «промышленные города» (вроде Фрейберга) остаются весьма небольшими, но что в каждом городе с населением свыше 10 тысяч человек живет большое число богатых потребителей. К каким бы городам мы ни обратились — к Венеции, Флоренции, Генуе, Милану, Базелю, Страсбургу, Нюренбергу, Аугсбургу, Любеку, Гамбургу, Брюгге, Генту, Ипру, Люттиху, Парижу, Лондону, Вене, Праге, — всюду мы находим одного или нескольких владетельных князей, короля, маркграфа, герцога, архиепископа, епископа и т. д., множество духовных учреждений и весьма большое число светских землевладельцев. Конечно, нельзя иллюстрировать цифрами ту роль, которую эти элементы играли в образовании городов, но представляется более чем вероятным, что они имели выдающееся, решающее значение при создании городов. Это предположение подтверждается: 1) соображениями общего характера; 2) упомянутым выше фактом, что указанные элементы имелись

¹ J. Aronius, Regesten zur Geschichte der Juden im fränkischen und deutschen Reiche bis zum Jahre 1273 (1902), № 168.

но во всех значительных городах средневековья; 3) тем фактом, что во всех тех местах, где оказывались эти элементы, возникал и более или менее крупный город; 4) противоположным фактом,—именно, что там, где эти элементы отсутствовали, в средние века никогда не возникало сколько-нибудь выдающегося города.

Если несмотря на это кто-либо усомнится в правильности моего положения, гласящего, что средневековый город, особенно в первую эпоху своего существования, был потребительским городом и что развитие его зависело от количества земельных доходов (и податей), скоплявшихся в одном пункте, то для устранения подобных сомнений, мне кажется, стоит только приглядеться к объектам горообразования в средние века, к тем вторичным, третичным и т. д. созидателям города, которые собственно и заполняли кадры городского населения. О них я теперь и буду говорить.

III. Объекты горообразования.

Людей, заполняющих город, я разделяю на две группы — на получающих средства к жизни непосредственно и посредственно (*unmittelbare und mittelbare Brotnehmer*). К первой категории принадлежат все те, которые состоят на службе у созидателей города и получают плату за свои услуги, следовательно, содержатся самими созидателями города; сюда относятся прислуга в самом широком смысле слова, придворные, чиновники короля и епископа и наконец все виды духовенства — священники, монахи и т. д. Вторая категория — это независимые ремесленники и торговцы, поставляющие промышленные продукты или привозящие товары из-за границы.

К сожалению, насколько я знаю, не имеется ни одного сколько-нибудь пригодного обзора, дающего цифровые данные о численности этих различных групп средневекового населения, ибо даже чрезвычайно ценные исчисления, сделанные Бюхером для Франкфурта-на-Майне, не дают никаких надежных данных; с другой стороны, Франкфорт не является типическим для большого средневекового города, который нас в первую очередь интересует, да и исчисления Бюхера относятся к более позднему времени и потому ничего не говорят о возникновении средневекового города, которое мы стараемся здесь выяснить.

Я не имею ни желания, ни времени взяться за исследования, необходимые для того, чтобы высказать статистически обоснованные суждения об удельном весе отдельных социальных групп средневекового города и установить, какое число заполнявших

город жителей, в особенности какое число лиц, добывающих хлеб посредственно, получало содержание от той или иной категории первоначальных созидателей города (я ни минуты не сомневаюсь, поскольку я сам занимался подобными исследованиями, что такого рода работа могла бы увенчаться полным успехом); поэтому приводимые мною ниже факты являются только общим обзором, схемой, вехами для будущих исследований (подобно моим соображениям о происхождении буржуазного богатства, которые были высказаны в первом издании настоящего труда и которые упали на столь благодарную почву).

1. Духовенство.

«В это время... архиепископ Унван восстановил город Гамбург, собрал рассеянное духовенство и привлек в город большое множество граждан и братьев», говорит нам летописец¹. Эти слова, по крайней мере в отношении монахов, вряд ли являются преувеличением. Любое описание средневекового города оставляет в нас впечатление, что в городе было черным-черно от ряс и сутан. Достаточно вспомнить, что большая часть церквей и монастырей, встречающихся ныне в больших городах, существовала уже в средние века, когда город занимал быть может всего десятую часть своей теперешней территории. Пройдитесь в воскресенье по соборным кварталам старого католического города, когда священники расхаживают по улице толпами и когда в каждый дом входит сутана, — и вы составите себе приблизительное представление о том, как выглядел обычно средневековый город, где проживал епископ или архиепископ. Источники говорят нам, что во многих городах, как, например, Пассау, в старом городе жили исключительно члены епископского двора или монашеских орденов, свободные же жители ютились только в предместьи².

Кого только там не было! Прежде всего господа приоры, каноники, главное духовенство: соборный капитул, пробсты и деканы городских монастырских общин, аббаты значительных монастырей и т. д. Затем целая толпа низшего духовенства, их слуги, *vicarii*, *mansionarii*, *portionarii*, *capellani* — словом все люди, не принадлежавшие к капитулу, а лишь состоявшие в хоре или выполнявшие другие церковные функции.

У нас имеются кое-какие цифры, позволяющие нам судить об огромном количестве духовного населения городов. Конечно, ста-

¹ M. Adam i, Gesla Hamm. II. 58 (X Jahrh.), MG. SS. 7, 326, 327.

² S. Rietschel, Markt und Stadt, стр. 36.

тистика эта относится главным образом к высшему духовенству и к более поздней эпохе средневековья, но эти цифры для нас ценные, ибо они дают нам опорный пункт по крайней мере для приблизительного определения общего числа духовенства.

Данные, относящиеся к более поздней эпохе, говорят о числе каноников в соборных капитулах¹. Так, например, соборные капитулы состояли из следующего числа лиц:

Города	Каноников (domini)	Младших каноников (domicelli)	Всего
Вюрцбург	24	28	52
Майнц	24	17	41
Кельн	23	16	39
Бамберг	20	14	34
Трир	16	24	40
Шпайер	15	12	27

Здесь указывается только число высшего духовенства соборного капитула; подобные же цифры имеются и относительно капитулов коллегий.

В Страсбурге в XV в. существовало 116 пребенд и капланств при соборе, 26 при церкви св. Фомы и 31 при церкви св. Петра². По данным Коте³ в XIV в. в Страсбурге имелось 343 принадлежащих к духовенству мужчин и 626 монахинь и бегинок; это составит всего около 1000 человек, т. е. приблизительно $\frac{1}{20}$ часть всего населения. В конце XIII в. в страсбургском диоцезе имелось свыше 800 000 человек белого духовенства, не считая многочисленных монахов⁴. В Люттихе в XIII в. число каноников при кафедральном соборе составляло 60⁵. По исчислению 1449 г. в Нюренберге, имевшем тогда около 20000 жителей, число священни-

¹ Данные Дюrrа, приведенные в третьем томе *Ant. Schmidt, Thesaurus etc.* (VII т., 1772 г. и сл.), §§ 23, 24, стр. 190 и сл.

² Grand diet, *Etat ecclésiastique de la diocèse de Strasbourg en 1454* в *Bulletin de la Société pour la conservation des monuments historiques d'Alsace*, 2-e ser., 18 (1897), 363; цит. у W. Kothе, *Kirchliche Zustände Strassburgs im 14 Jahrh.* (1903), стр. 36.

³ Коте, указ. соч., стр. 123.

⁴ По страсбургскому сборнику документов NB. 2 (1886), № 71.

⁵ Ferd. Henaux, *Hist. du pays de Liège*, 1³ (1872), 200. Ср. M. L. Polain, *Hist. de l'ancien Pays de Liège*. Vol. I, 1884.

ков и монахов «вместе с их слугами» составляло 446 человек. Для Франкфурта-на-Майне в конце XV в., имевшего вдвое меньше жителей, Бюхер определяет число лиц, служивших в городских духовных учреждениях, в 390 — 450 человек¹, что составит приблизительно 5%, общего числа населения. В имперском городе Ульме в начале XVI в. имелось 93 прихода². В Мюнстере (в конце XVI в.) имелось 213 монахов и 373 лица белого духовенства, т. е. 586 лиц духовного сословия на 10 600 жителей³. Наиболее полную и точную статистику духовенства в средние века дает, насколько я знаю, В. Стеббс для некоторых английских городов (в своей «Истории конституций»⁴). По вычислениям этого автора число лиц, посвященных в духовный сан, составляло:

Города	Псаломщики	Субдиктоны	Диаконы	Священники	Всего
Сиренсестер (1314)	105	140	133	85	463
Устер (1314)	50	115	136	109	410
Кемблен (1331)	221	100	47	51	419
Устер (1337)	391	180	154	124	849

Эти весьма внушительные цифры относятся к небольшим и средним городам и дают возможность заключить, что в крупных епископских городах духовенство составляло весьма внушительную армию. Судя по всем известным нам данным, не подлежит сомнению, что духовенство фактически составляло не малую долю городского населения.

Духовенство содержало большое количество челяди. Мы знаем, что после того как общежития стали распадаться, каждый каноник приобретал свой собственный дом, свою курию. Но владение собственным домом заставляло держать и собственных слуг. Источники говорят нам о тех многочисленных видах слуг, которые имелись в распоряжении прелатов: о поварах, ключниках, смотрителях погребов (*servientes cellarii*) и т. д.⁵.

¹ K. Bücher, Bevölkerung Frankfurts, a.-M., стр. 520.

² Gerh. Kallen, Die oberschwäbischen Pfründen des Bistums Konstanz usw. (1907), 103. Cp. Heinr. Schäfer, Pfarrkirche und Stift (1903), 159 и сл. и W. Kisky, Die Domkapitel der geistl. Kurfürsten. 1906.

³ Franz Lethmate, Die Bevölkerung M. S. in der 2. Hälfte des XVI Jahrh. (1912), 34.

⁴ W. Stubbs, Const. History, 3⁸, 378.

⁵ UB. des Hochstifts Halberstadt 2, 1594, 4, 2678.

В то же время продолжают существовать и низшие чиновники и служащие самого капитула — *ecclesiastici, subsacristae, camerarii, scutellarii*, привратники, звонари, водоносы и т. д. В Гальберштадском соборном капитуле упоминается 3 ¹ *ecclesiastici*, 1 *subsacrista*, 4 *camerarii*, 1 *scutellarius*; число низших служащих определяется по большей части в 12, а один раз в 24 человека.

2. Воины и чиновники.

О численности этой категории вторичных созиателей города у нас имеется еще меньше данных.

Относительно крупных городов можно с уверенностью сказать, что число «щитоносцев» (*Scutarii*) было немалое. По мнению Ритшеля 1 000 щитов, которыми располагал магдебургский бургграф², составляли гарнизон города³. По нашему мнению такое число было бы чрезмерно. В этом случае город представлял бы приблизительно такую же картину, как современный Потсдам или Мец, где на каждом шагу натыкаешься на военных. Но совершенно достоверно, что бургграфы имели в своем распоряжении «многочисленные отряды воинов»⁴. Если бы дело обстояло иначе, то стычки, происходившие время от времени между горожанами и солдатами, не могли бы вызвать в столь значительном городе, как Страсбург, такого скандала (*clamor ingens*), что население забило в набат⁵.

Как обстояло дело с чиновниками? Не представляли ли и они довольно многочисленную группу? Чиновничество состояло, главным образом, из служащих помещиков (министериалов). Фон Белов, которому эта порода людей уже причинила столько неприятностей, хотел бы совершенно исключить их из списка горожан. «В большинстве городов вряд ли можно найти хотя бы одного министриала», говорит он⁶, гневно обрушиваясь на теорети-

¹ A. Brackmann, Gesch. des Halberstädter Domkapitels im Mittelalter in Zeitschr. des Harzvereins, 32 (1899), 69 и сл.

² MG. SS. 16, 53.

³ Rietschel, Das Burggrafenamt, стр. 330.

⁴ Для Галле см. Ferd. Hertzberg, Geschichte der Stadt Halle a. S. I/1889/18 и сл. Гарнизон Гарцбурга насчитывал 300 человек, а гарнизон расположенного напротив него Заксенбурга — 200 человек. См. Вайц, «Народная история» 8406. Я не знаю, почему Вайц говорит в тексте о «1 200 людях».

⁵ «Между купцами и королевскими воинами в пригороде завязалась стычка. Начался страшный крик и зазвонили в церковные колокола» Udalr. Cod. 260. Jaffé, Bibl. V, стр. 445, цит. у Ритшеля, указ. соч., стр. 67.

⁶ Ф. Белов, Происхождение и т. д., стр. 115.

ков поместного права. Но даже если стать на точку зрения «конституционной истории», то подобное утверждение окажется несколько преувеличенным. Что чиновники светских и духовных князей жили в княжеских резиденциях, все равно к какому бы сословию они ни принадлежали, не будет отрицать даже Белов. Где же, как не поблизости от своего господина должны были жить те многочисленные его сановники, о которых говорят нам источники?¹ В Кельне, например, как говорят источники, в епископской свите было 25 человек². Итак, в средневековых городах имелся уже весьма значительный штат придворных и «государственных чиновников»³. Число их определить еще труднее, чем число духовенства.

3. Ремесленники.

Не подлежит сомнению, что среди ремесленников, составлявших впоследствии столь значительную часть городского населения, с самого же начала имелись такие, которые обслуживали живших в городе крестьян подобно тому, как они обслуживали раньше крестьян, живших в деревнях. Ремесленники эти сбывали свои продукты в окрестностях города или отвозили их на далекие мессы или ярмарки. Другими словами, среди ремесленников средневековых городов с самого же начала были первичные созидатели города. Эти бродячие ремесленники, равно как и ремесленники, уже в XI в. ездившие в Вормс, может быть, принадлежали к такой именно категории промышленных производителей.

Но ввиду общего характера городов раннего средневековья можно с уверенностью утверждать, что эта категория составляла лишь небольшую часть городских ремесленников, особенно в первые столетия городского развития, и что поэтому значение ее для городов было невелико. Не только общие соображения, но и те немногие места источников, которые говорят нам о первых фазах

¹ Большая часть материала собрана у Ф. Маурера в его «Истории барских дворов» т. I и II. Ср. также Вайц «Народная история» 6² (1896), 323 и сл.; 7,302 и сл. (Княжеские чиновники). Цифровых данных не приводится нигде.

² Alb. Barth, Das bischöfliche Beamtenium im Mittelalter, vornehmlich in den Diözesen Halberstadt, Hildesheim, Magdeburg und Merseburg в Zeitschr. des Harzvereins, Bd. 33, стр. 322—428.

³ Об административном аппарате английских королей, сосредоточившимся в Лондоне (со времен Генриха I), говорит В. Стеббс, Конституционная история, 1⁵, 406 и сл. В королевскую курию входил казначей, высший судебный трибунал и министерство юстиции; в ней заседали наиболее важные сановники, располагавшие целым штатом чиновников.

ремесла, приводят нас к заключению, что большая часть ремесленников группировалась вокруг проживавших в городе землевладельцев. Землевладельцы давали ремесленникам заказы, и, следовательно, только они предоставляли возможность этим последним жить на положении свободных горожан.

Этот факт особенно ярко проявляется там, где в качестве землевладельца выступал монастырь, основавший город. Мы можем привести из источников несколько очень живых описаний, иллюстрирующих эту зависимость. Процесс этот протекал повсюду совершенно одинаково — и в Англии, в Сент-Эдмундсбурге, и во Франции — в Тиронском аббатстве и в Германии — в Цвейфальтене; во всех этих случаях мы точно можем проследить, как вокруг монастыря селится известное число ремесленников и обслуживает монастырские нужды.

О возникновении Сент-Эдмундсбурга «Книга Страшного Суда» говорит следующее. «В городе, где похоронен св. Эдмунд, во время короля Эдуарда аббат Болдуин держал 118 человек, которые должны были заботиться о жизненных нуждах монахов. Раньше город приносил дохода 10 марок, теперь 20. Ныне городу принадлежит большая площадь земли, которая раньше (во время Эдуарда) еще распахивалась и засевалась. В городе живут 30 священников, дьяконов и клириков, 28 монахинь и нищенствующих монахов. Ремесленников имеется 75: пекари, пивовары, сукновалы, сапожники, портные, повара, привратники, слуги. Все они служат аббату и братьям из духовенства. На земле города св. Эдмунда стоит всего 342 жилых дома; во время короля Эдуарда все это место было под пашней».

Это описание с небольшими вариациями (вместо аббата — епископ, король, маркграф, рыцарь и т. д.) можно было бы повторить относительно всех городов, основанных в средние века.

Далее, мы не должны забывать, что в поместную организацию барского двора входило много промышленных рабочих, которые обслуживали помещика и которые, хотя и считались юридически «самостоятельными» производителями, экономически попрежнему находились в зависимости от помещика. Это соображение, по моему мнению, подтверждает мой вывод: большинство городских ремесленников в раннюю эпоху городов по самой своей природе могли работать только на проживавших в городе землевладельцев. Весь тот излишек, который они производили сверх необходимых потребностей (а как раз к выработке этого излишка и стремились городские ремесленники), мог оплачиваться только землевладельцами, в том числе, конечно, и теми из них, которые жили в деревне. Поскольку товары сбывались этим последним, ремесленник был первичным созидателем города.

В то же время мы не должны забывать, что в городах имели свое место пребывание как раз самые крупные и самые богатые землевладельцы — духовные и светские князья и все почти богатые церкви (это можно сказать об Италии и Нидерландах, а также в значительной степени и о других странах). Только рыцари нередко оставались жить вне города в своих уединенных замках. Но спрос этих последних на промышленные продукты был,

конечно, несравненно меньше, чем спрос проживавших в городе землевладельцев и владетельных князей.

Относительно одной отрасли промышленности, имевшей особо важное значение для развития городского ремесла, можно с определенностью утверждать, что она была в состоянии развиваться только благодаря крупным помещикам. Я имею в виду строительное дело.

Возвведение построек и основание городов были почти тождественными понятиями в ту эпоху, когда города начали впервые достигать сколько-нибудь значительных размеров: «Он начал создавать магдебургское государство... ибо он приобрел и выстроил этот город»¹.

Городские стены очень часто воздвигались окрестными крестьянами, которые должны были выполнять эту работу в качестве барщинной повинности². Но к работам привлекались на долгое время и рабочие из других мест³. Когда же надо было сооружать здание внутри городских стен, приходилось добывать свободных рабочих: «С согласия аббата были приглашены ремесленники, каменщики, каменотесы и другие рабочие»⁴. Рабочие эти, конечно, оплачивались хорошо, и для того, чтобы содержать их, необходимо было иметь большое число пекарей, мясников, сапожников, портных и т. д.

Но кто же строил в городах X, XI и XII вв. и притом строил так, что требовался целый штат обученных строительных ремесленников? Не кто иной, как землевладельцы, а на втором месте после них,—церкви. Возведение церквей есть один из важнейших факторов, способствовавших в ранний период средних веков скоплению населения, а следовательно и образованию городов.

Если момент наиболее быстрого роста городов приходится отнести к XI в., то это, конечно, не в малой мере объясняется тем обстоятельством, что в течение этого столетия все почти крупные города развернули оживленную строительную деятельность, прежде всего по части возведения церковных построек. Мы не можем здесь приводить доказательств, свидетельствующих о том огромном церковном строительстве, которое происходило в XI в. Да это и излишне, ибо у нас имеется целый ряд превосходных работ, бро-сающих яркий свет на этот процесс⁵.

¹ Thietm. Chron., II. 2 MG. SS. 3, 744.

² «Постройка городов, согласно праву нашего государства, должна производиться жителями, живущими в окрестностях». Документ от 965 г. MG.D. № 300.

³ «...Тех, которые приехали сюда для постройки вашего города». Магдебургский документ от XIII в., приведенный у ф. Маурера, «Конституция городов», 1, 122.

⁴ Wilhelmi chronicon Andrensis Monasterii MG SS, 24, 724. Другие места см. у Вайца, Народная история, 8, 210 и сл. Для Англии: Майтленд, указ. соч., 186 и сл.

⁵ Для Германии см., например, Paul Damas, Beiträge zur Geschichte der deutschen Städte z. Zeit der fränkischen Kaiser, Bresl. Diss. 1879. Это одно из немногих сочинений, откуда можно кое-что узнать об истории городов. Н. Bresslau, Konrad II. 2 (1884). A. Hauck, Kirchengeschichte 3, 334 и сл. (X ст.) 924 и сл. (XI ст.). Для отдельных городов: Friedr. Lesser, Erzbischof Poppo von Trier (1016—1047), 1888 и стр. 32 и сл. Hermann Cat-

XI в.—это как раз то время, когда во многих городах властвовали могущественные, деятельные и склонные к пышности церковные магнаты, которым, как это видно из документов, города были, главным образом, обязаны развитием своего строительства. Я назову наудачу хотя бы следующие имена: Адальберт Уtrechtский, Ноттер Люттихский, Поппо Трирский, Гильдебранд Флорентийский, Адальберт, Безелин Бременский, Годоард Гильдесгеймский, Майнверк Падерборнский, Арибо Майнцский, Пилигрим и Герман Кельнские, Арнульф Гальберштадский, Вернер и Вильгельм Страсбургские, Бурхард Вормский, Бенно Оsnабрюкский. Эти лица и многие другие того же типа являются отцами городского ремесла.

В таком городе как Париж уже в XIV в. кроме государственных зданий выделялись своей красотой дворцы крупных землевладельцев. «Какие большие и прекрасные отели построены в Париже,—восклицает Жан де Жанден, описывающий Париж начала XIV в. Одни принадлежат королю, графам, герцогам, рыцарям и другим баронам, другие—прелатам. Все они обширны, хорошо построены, красивы и великолепны. Одни эти здания, помимо всех прочих домов, могли бы составить чудесный город»¹.

4. Торговцы.

Связь торговцев, «negotiaatores», с землевладельческим классом проступает еще яснее, чем связь с этим классом ремесленников.

«Господствующие» в ученых кругах взгляды, конечно, иные. Согласно этим взглядам, настоящими «основателями» средневековых городов были купцы, а сами города сложились из «ярмарочных поселений». Я уже высказывал свое сомнение в этой «теории» и в добавление к замечаниям, сделанным мною раньше, приведу здесь еще другие соображения, поясняющие, почему я считаю это мнение ошибочным.

dauns, Konrad von Hostaden, Erzbischof von Köln (1888, стр. 142 и сл. (более поздняя эпоха).

Список больших французских церковных сооружений XI и XII вв. можно найти у Levassieur, *Histoire de l'industrie* 1,394 и сл. По мнению Кеннингэма значительное развитие строительной деятельности в XII в. в Англии объяснялось вселением многочисленных фландрских ремесленников. Этот взгляд, противоречащий мнению Эшли, хорошо обоснован: см. W. Cunningham, *Die Einwanderung von Ausländern nach England im XII Jahrh.* в *Zeitschr. f. Soz. u. W. Gesch.* 1 (1892), 192 и сл.

¹ *Tractus de laudibus Parisius*, составленный в 1323 г., перепечатан у Le Roux de Lincy et Tisserand, *Paris et ses historiens aux XIV et XV siècles* в *Hist. gén. de Paris. Cp. Louis Boitié*, Paris au temps de St. Louis (1911), 333.

Я прежде всего хотел бы спросить—уяснили ли себе защитники этого взгляда то значение, которое вообще может иметь «ярмарка», как населенный пункт, для скопления человеческих масс в одном определенном месте?

Не важно, устраивается ли ярмарка один раз в год, один раз в месяц или один раз в неделю. Один тот факт, что в определенном пункте бывает ярмарка и что туда периодически приезжают люди для производства покупок и продаж, не побудит ни одного человека поселиться там, где устраивается ярмарка. Как только ярмарочные ларьки снесены и посетители ярмарки разъезжаются, место это пустеет. Периодическая ярмарка, где съезжаются продавцы и покупатели всех стран, является как раз препятствием для возникновения постоянного поселения, каковым должен быть всякий город. С большим правом можно было бы утверждать: город возникал там, где переставали устраивать ярмарки, возникал потому, что прекращалась рыночная торговля в данном месте, потому, что торговцы становились оседлыми и в большей степени, чем раньше,тратили свою торговую прибыль в одном и том же пункте. Но такая формулировка слишком заостряла бы мысль и грешила бы преувеличением в противоположную сторону. В «теории ярмарочного права» (даже с политико-экономической точки зрения) скрыта правильная мысль, которую я и постараюсь сейчас выявить. Предварительно я хочу только показать, что та форма, в которой эта теория обычно излагается, переворачивает вверх ногами все реальные отношения.

Чтобы возможно вернее воспроизвести действительный ход событий, нам следует еще раз ясно представить себе положение торговли и условия ее существования в период потребительского хозяйства, а затем, исходя отсюда, проследить ее дальнейшее развитие вплоть до того времени, когда она осела в городах.

В VIII и IX вв. разносная торговля, являвшаяся первым этапом торгового развития, повидимому, довольно быстро переходит в ярмарочную торговлю. К этому заключению приводят ярмарочные привилегии, особенно часто жаловавшиеся в это время¹.

Каково же было существование торговцев, которые стали переехать уже не из города в город, а с ярмарки на ярмарку?

Если их дом был за границей, то определенную часть года они проводили в путешествиях и посещали по очереди несколько соседних ярмарочных пунктов, а затем, по истечении 3—4 меся-

¹ K. Rathgen, Die Entstehung der Märkte in Deutschland, 1881. Im bar de la Tour, Des immunités commerciales accordées aux Eglises в ero Etudes dédiées à G. Monod. 1895.

цев, уезжали обратно на свою далекую родину. Если они не были уроженцами далеких стран, то они периодически приезжали из своей деревни на ярмарку и всякий раз возвращались домой, чтобы продолжать те сельскохозяйственные работы, которые выполняли в их отсутствие жена и дети. Свою семью они, конечно, не могли брать с собой во время своих странствий. Итак, домашний очаг торговцев находился в различных пунктах; только в определенное время они собирались в караваны¹, чтобы обеспечить себе взаимную защиту при странствиях с ярмарки на ярмарку, когда приходилось переезжать через пустынные местности. Они двигались подобно журавлям, которые перед возвращением на родину собираются в большие стаи. Когда ярмарочное путешествие заканчивалось, они прощались друг с другом на перекрестке сожеланием счастливой встречи ближайшей весной.

Итак, в ярмарочных пунктах встречались торговцы, разъезжавшие поодиночке или караванами. Источники довольно хорошо описывают нам, как они проводили те несколько дней, в течение которых длилась ярмарка.

Свои товары они продавали в ярмарочных ларьках (*stationes*). Иногда ларьки эти устраивались в одном ярмарочном павильоне², где стойки сдавались отдельным купцам. Ларьки и ярмарочные павильоны строились помещиками и предоставлялись в пользование торговцев на время ярмарки за определенное вознаграждение³. Очень часто крепостные крестьяне строили ярмарочные ларьки в порядке выполнения повинности⁴, в тех случаях, если ярмарка не устраивалась среди самих крестьянских домов. В этом последнем случае в некоторых местах (мы знаем это об Англии)⁵ обычай предписывал, чтобы крестьяне сдавали свои дома на время ярмарки для выставки товаров.

¹ Ритшель, Ярмарка и город, 39.

² «Павильон... с ларьками, перед которыми находятся прилавки...» 1145, привед. у Гартмана, «Хозяйственная история Италии», 103.

³ Отсюда происходит выражение: право постройки и сооружения рынка (*Cod. Lang.*, I cap. 764, № 442); далее—«мы приказали воздвигнуть рынок»—в документах Кведлинбурга, стр. 5, № 7. С этим выражением мы очень часто встречаемся в источниках раннего средневековья. В документах часто упоминаются дарения «ларьков» и прилегающих к ним зданий. См., например, документы, приведенные у Альберта, Торговая история романских народов, стр. 9, 11, и Гартман, указ. соч.

⁴ Вилланы Руклендшира обязаны построить 18 лавок (*bothas*) на площади св. Кутберта. См. Ф. Сибом, Сельская община, 71.

⁵ «Иог. Баллард владеет двором в городе св. Ивона рядом с воротами приората, за что он платит больнице рамсейского монастыря XX солидов

Ярмарочные ларьки стояли перед воротами сеньориальной резиденции, монастыря и т. д.¹.

Для остановки на ночлег, а также для устройства сараев и стойл, где бы можно было разместить телеги купцов и их вьючных животных, для торговцев сооружали (а иногда сооружали сами торговцы) обширные здания² наподобие тех караван-сараев, которые мы встречаем еще и сейчас в областях экстенсивной торговли. Из них впоследствии развились торговые дворы (*fondaci* и т. д.).

Поскольку торговцы жили таким образом, они, конечно, не играли роли ни как заполнители города, ни как основатели города. Они столь же мало способствовали созиданию городов, как, скажем, способствовали созданию Нижнего-Новгорода те многочисленные восточные купцы, которые в июле и августе месяцах торговали своими товарами в 6500 лавках Нижнего-Новгорода.

Решительный шаг, определивший ход истории городов, был сделан только в тот момент, когда посетители ярмарки в один прекрасный день решили отказаться в дальнейшем от поездок, продавать свои товары в одних и тех же ларьках, привезти к себе жен и детей и построить за лавкой собственный домик. Таким образом, ларек (*statio*) вырастает в двор (*mansio*); этот процесс можно ясно проследить на способе постройки многих городов³. Итак, важным обстоятельством было то, что торговцы А, В, С, жившие в деревнях Х, Y, Z и регулярно ездили на ярмарку

в год. Во время ярмарок он отдает в наем переднюю и заднюю часть своих домов, входящих в его двор» (1251 г. *Cart. Mon. de Ramescia* 1/1884), 286, 87. О другом крестьянине говорится там же, стр. 291: «Он содержит во время ярмарок три фасада, за которые деньги платятся аббату».

¹ См. места из источников у R. Sohm, *Die Entstehung des deutschen Städtesens* (1890), 2. Особенно наглядное описание можно найти у F. R. Zillinger'a в его *Geschichte der Stadt Salzburg* (1885), 67 и сл.

² В той же долине находится знаменитейшее селение по имени Бристон (Бристоль), где расположено складочное помещение для кораблей, приходящих из Гибернии и Норвегии и прочих заморских стран (XII в.) Wil. Malmesbiriensis *Monachi Gesta pontif. Angl.*, стр. 292 (*Rer. brit. med. SS.* 52).

Купцы, жившие в Виртене, «построили ограду наподобие городской стены, отделенную от города рекой Мозером, но соединенную (с городом) двумя мостами», Рихер, 3, 103 (Х в.). То же самое мы встречаем и в Магдебурге: Титмар, 1, 7 цит. у Лампрехта, *Хозяйственная жизнь Германии*, 2, 252.

³ Так, мюнстерские дома, стоящие вдоль рынка, способом своей постройки еще и теперь свидетельствуют о том, «что они возникли благодаря постройке ярмарочных лавок». Philipp, *Zur Verfass. Gesch. der westfälischen Bischofsstädte* (1894), стр. 14.

в М, переселились из Х, Y, Z в М, который и стал их постоянным местопребыванием. Впоследствии, если М не давал им тех выгод, которых они ожидали, они переезжали в N¹. Таким образом, население привлекалось в города, развивавшиеся в пунктах М и N. Для торговцев (A, B, C) М и N перестали быть простыми ярмарками и превратились в место постоянного жительства.

Здесь-то историк средневекового города и должен был бы усмотреть главную часть своей задачи. Он должен был бы попытаться выяснить, почему возникает постоянное поселение и почему возникает оно именно здесь, а не там? При ответе на этот вопрос нам приходится руководствоваться догадками или, вернее, логическими рассуждениями, которые также являются далеко не маловажным «источником» познания. В отдельных случаях «ярмарочные привилегии» могли побудить мелких торговцев соорудить за ларьком домишко и поселиться там вместе со своей семьей. Но этот мотив вряд ли часто подсказывал им их решения, ибо большинство ценных привилегий, как-то ярмарочное право, личное право и т. д., предоставлялось каждому из них как посетителю ярмарки, и потому ради одного этого им не стоило селиться в ярмарочных городах. С другой стороны, одни привилегии еще ничего не давали. Если купцы не находили покупателей для своих товаров, то и наилучшая привилегия не могла принести им никакой пользы. Ведь самая широкая привилегия не создавала для них клиентов. А между тем — мы это должны постоянно повторять — именно клиенты только и интересовали купца XI в. Если были покупатели, он в случае нужды мог обойтись и без привилегий, а если покупателей не было, то и самая великолепная королевская грамота была для него бесполезна².

1 Так произошло с купцами, которые в XI столетии, вслед за Вильгельмом Завоевателем, переселились из Руана и Каэна в Лондон. «Лишь только Лондон подчинился нормандскому завоевателю, как многие граждане из Руана и Каэна переселились туда, предпочитая быть жителями этого города». См. житие св. Фомы изд. Giles 2,73 (Текст приведен у Гросса, «Гильдия куп.», 1,4) цит. у R. Sharpe, London and the Kingdom I (1894), 36. Бардовикские торговцы переехали в Любек: J. Warneck, Handwerk und Zünfte in Lübeck (1912), 13.

2 Несколько большее влияние на колеблющегося торговца могли оказать некоторые положительные льготы (как например, предоставление залогом пахотной земли и т. д.), см. у фон Маурер, «Конституция горожан», 1,407, Вайц, «Народная история» 8,388 и сл. Равным образом к оседлому образу жизни его могли побудить и такие постановления, которые обуславливали дарование льгот оседлым образом жизни. Льготы подобного рода мы встречаем, например, в указе графа Фландрского от

Почему же он решался навсегда поселиться в том месте, которое он до сих пор посещал лишь мимоходом? Очевидно потому, что он говорил себе: здесь,—в Лондоне, в Брюгге, в Страсбурге,—имеется уже так много постоянных покупателей твоих товаров, что ты можешь рискнуть вести тут торговлю большую часть года (ибо в течение другой части года он попрежнему развозил свои товары по разным местам). Купец мог рассуждать и так: сбывая твои товары местным жителям, ты заработаешь столько же, сколько ты заработал бы в десяти местах на всевозможных мес- сах и ярмарках. Может быть ты сбудешь несколько меньшее количество товаров, но зато ты сбережешь значительную часть расходов. С другой стороны, ты сможешь посвящать больше времени своему маленькому участку, который вследствие твоего отсутствия приходит в полный упадок.

Эти рассуждения мелкого торговца можно свести к следующей теоретической формуле: переход купцов к оседлому образу жизни и возникновение «рыночного поселения» стали возможными тогда, когда скученность потребителей в одном месте достигла соответствующей степени.

Мы знаем, когда и благодаря чему (в значительном большинстве случаев) была достигнута эта степень в средние века. Этому способствовало сосредоточение в одном месте достаточно большого фонда потребления, создаваемого за счет податей и рент. Другими словами: если торговцы образовывали в определенном месте рыночное поселение и способствовали быстрому превращению этого последнего в город, то они делали это потому, что в данном месте жило столько же землевладельцев, сколько жило раньше в десяти различных местах.

Если мелкий портной раньше сбывал в течение года шесть штук фландрского сукна на шести различных мессах, из которых на каждой он продавал одну штуку капитулу или епископу, одну—графу и т. д., пока не сбывал все шесть, то теперь все шесть штук сукна он продавал в Лондоне: две—королю, одну—архиепископу, одну—начальнику гарнизона, одну—Вестминстерскому аббатству, одну—нескольким военным или мастерам монетного двора. Таким образом возникало то, что называли громким именем «ку-

1127 г., где городу Сент-Онеру даются привилегии по части взимания пошлин: «Всем, принадлежащим к гильдии и постоянно живущим в городских стенах, всем свободным, проживающим у ворот Дихесмуде и Гравенинг и т. д.» (Ch. Gross, *The Gild Merchant* I, 290). Но все же главным побудительным мотивом для нашего «купца» являлись расчеты на достаточно широкий круг покупателей.

печеский город»: это было поселение, устроенное перед воротами княжеской резиденции и располагавшееся там, где раньше была ярмарка. За несколькими лавками стояло несколько домишек, где жили семейства торговцев, а рядом с ними находилось несколько трактиров и ремесленных мастерских, обслуживавших нужды «купечества». Это была кучка бедных лавочников, существование которых целиком зависело от гордых господ, живших по ту сторону реки в своих дворцах, куриях и башнях. Это положение вещей прекрасно описывает Флах¹ (для Нарбонны XI в.) «Купцы, менялы, банкиры, арматоры живут в бурге около порта, вокруг Эгиерских ворот в домах, построенных по обычаям средних веков на мосту, соединявшем бург с другим берегом. Очевидно, они ничего не могут сделать с той страшной цитаделью, которая над ними господствует, и не имеют никаких прав, кроме тех, которые в своих собственных интересах дает им сеньор или которые они приобретают за деньги».

То же самое нам рассказывает одно из наилучших мест источников, дающих сведения об истории средневековых городов (хроника монастыря св. Бертина, написанная Иог. Лонгом и помещенная в MG. SS. XXV, под 768 г.): «После этого для интереса и нужд жителей замка, — дело идет о замке «Бругис», т. е. Брюгге, принадлежавшем Балдуину Стальному Чулку, графу Фландрскому и зятю Карла Лысого, — купцы, т. е. торговцы более дорогими (?) вещами, начали селиться перед воротами у моста; там же стали строить дома трактирщики и владельцы гостиниц для предоставления пищи и помещения людям, ведшим там дела, а также для того, чтобы предоставить помещение тем, которые не могли жить в замке. У людей вошло в поговорку: «Идем к мосту»; там настроилось столько зданий, что скоро возник большой город, ведущий свое имя от моста, называемого на местном языке «Брюгге». «Для интереса или нужд жителей замка», — этими словами выражена вся сущность средневековой городской истории, по крайней мере на ее первых стадиях.

Известное изречение Пиренна, где он суммирует свои взгляды на возникновение средневековых городов, мы должны, следовательно, превратить в его полную противоположность, если хотим считаться с фактами. Пиренн говорит²: «Города — создание торговцев; они существуют только благодаря торговцам». На самом

¹ Флах, Происхождение и т. д., 2,268 и сл.

² H. Pirenne, L'origine des constitutions urbaines в Revue historique

деле следовало бы сказать: средневековые города (в экономическом смысле) являются созданием получателей рент и податей; «купцы» существуют только благодаря этим последним.

5. Лица, получающие милостыню.

Число этих лиц в средневековых городах было значительно об этом мы можем судить на основании того факта, что одна из задач монастырей заключалась в признении бедных и больных и что в более поздние столетия средневековья и светские богачи стали учреждать — иногда из гуманных, иногда из религиозных соображений — приюты для содержания нуждающихся, в особенности женщин. В частности, следует вспомнить о домах бегинок¹, которых имелось довольно много в большинстве тогдашних городов.

Насколько я знаю, не делалось никаких попыток установить цифры лиц, получавших милостыню в том или ином городе².

IV. «Тяга в город».

До сих пор мы говорили только о первичных созидателях города (т. е. главным образом о землевладельцах), заинтересованных в возникновении городов и в расширении их «экономических» возможностей. Но для того, чтобы город реально создался, необходимы были и объекты горонообразования. Поэтому история городов должна была бы выяснить и вопрос о тех мотивах, которые привлекали под защиту городских стен заполняющих города людей.

Часть этих людей уже и раньше жила в том месте, где возник город: сюда относятся все слуги в самом широком смысле этого слова, все «люди, лично обслуживающие братьев и церковь (а также и прочих поместных владельцев)», далее промышленные рабочие, работавшие ранее на помещика и постепенно (как мы

¹ Arnold, *Freistädte* 2,173 (Вормс, Шпайер); Ф. Маурер, Конституция городов 3,44. (Кельн, Базель Регенсбург). Институт бегинок впервые возник в Бельгии. Ср. G. Uhlhorn, *Die christliche Liebestätigkeit in der alten Kirche* Bd. II, M. A. 1884, новое изд. в одном томе, в 1895 г. А также обстоятельство, иное исследование Woikowsky—Biedau, *Das Armenwesen des mittelalterlichen Köln usw.* Breslauer Diss. 1891.

² Данные о числе призревавшихся в госпиталях Люнебурга приводит Erich Zechlin, *Lüneburgs Hospitäler im M. A.* в *Forschungen z. Geschichte Niedersachsens* 1.6/1907/48. Для средневековья цифры эти неполны, но и по этим исчислениям таких лиц оказывается около 200.

видели) превратившиеся в самостоятельных ремесленников. Все эти люди и их потомство и составляли основные кадры заполнителей города.

Впоследствии к ним стали присоединяться текучие элементы, поскольку они переходили к оседлому образу жизни: я имею в виду свободных странствующих ремесленников, о которых нам сообщают источники.

Но, судя по многочисленным признакам, мы можем с уверенностью сказать, что очень значительная часть городского населения образовалась из людей, переселявшихся в город из деревни.

К сожалению, мы знаем только то, что это вселение действительно происходило и выражалось сравнительно большими цифрами¹. Обо всем остальном приходится догадываться, ибо только очень немногое можно установить на основании источников.

Чтобы переселение из деревни приняло массовый характер, должны сочетаться два ряда условий — деревня должна выталкивать жителей, а город должен привлекать их к себе.

В те столетия, в течение которых крепла внутренняя жизнь городов, существование деревенских жителей отягощалось, главным образом, благодаря следующим обстоятельствам.

1. В X в. жизнь в деревне была чрезвычайно необеспечена вследствие вторжений различных народностей, грабивших население, и разбоев туземных рыцарей. Чрезвычайно подробное описание этого положения можно найти во втором томе книги Флаха, который приписывает чрезвычайно большое значение (для развития Франции) необеспеченности деревенской жизни. Но и для других местностей общую ситуацию, создавшуюся около 1000 г.,

¹ Наиболее полный и хороший материал содержится в сочинении Бюхера о населении Франкфурта. Но и Бюхер признается в «неведении». Единственная известная мне монография, исследующая это явление, а именно Вилд. Кнелеcke, *Die Einwanderung in den westfälischen Städten bis 1400* (1893), вследствие отсутствия фактического материала занимается только формально-юридическими проблемами. Характерно, что в колоссальном собрании материалов — книге Ф. Маурера «История конституции городов» (Григорина, посвященная нашей проблеме (408 страниц. I тома) является единственной во всей работе, где не имеется примечаний. Ср. также Ed. Otto, *Die Bevölkerung der Stadt Bützbach* (1893), 69 и сл. (XV в., обработано по методу Бюхера), Hans Bungers, *Beiträge z. mittelalterlichen Topographie usw. der Stadt Köln* (1897), 44 и сл. (Для XIII и сл. столетий источниками являются списки земельных владений.)

можно охарактеризовать одним словом: необеспеченность¹. Этим и объясняется сооружение городских стен.

2. Во многих местностях барщинные повинности были чрезвычайно отяготительны. Так по крайней мере сообщает нам один монах относительно светских землевладельцев, от которых убегали крепостные, чтобы найти прибежище в монастыре: «Церковь имела большое количество людей, которые перешли в ведение нашего права, вследствие притеснений и множества повинностей, которые налагали на них их собственные господа; одни из них были земледельцами, другие виноделами, третьи хлебопеками, портными, кузнецами, а также торговцами и ремесленниками, изготавлившими различные вещи»².

Тот факт, что в городах селилось много крепостных, доказывает, что им стали невтерпеж барщинные повинности — так же, как нашим «инстам» положение наемных рабочих в поместьях.

3. Начиная с XII в. кое-где помещики стали усиленно отбирать участки самостоятельных крестьян. Эти обобранные крестьяне лишились всякой возможности кормиться от земли³.

Следует предполагать, что в период от IX до XII в. и далее, — по крайней мере во многих странах, — происходил сильный рост населения⁴, благодаря чему еще больше росла армия людей, ухо-

1 «Все саксонские города жили в страхе». Адам Бременский, 2, 31 привел. у Маурера 1, 62. Английские источники говорят, что города были построены «для охраны народа». В первом документе города Лондона («Грамота вольности 1133—1154 г.», гл. X, § 2) говорится: «Граждане должны служить городу как убежищу и крепости королевства, ибо все они имеют там право убежища и свободного выхода». Цит. у Brodnitz, Die Stadtwirtschaft in England, Jahrb. f. NÖ. III. F. 47,2.

2 *Ortliebi Zwiefaltensis Chronicon Cap. 9 MG. SS. 10,77/78.* Такой же напльв крепостных мы встречаем и в других городах: в Констанце Моне, Quellensamml. zur badisch. Landesgeschichte 1,140), в Базеле (Дамас, указ. соч., стр. 43), во Флоренции (Давидсон, «История Флоренции» 1,507 и сл.) Пиренне сообщает, что с половины XI в. сельские ткачи стали селиться в фландрско-брабантских городах. Не выяснено, были ли эти сельские ткачи «крепостными» или «свободными». Впрочем, в смысле экономических последствий обстоятельство это не имеет никакого значения. Pirenne, Les anciennes démocraties des Pays Bas (1910), 21, источники не указаны. Ср. также Erich Kober, Die Anfänge d. deutschen Wollgewerbes, 45 и сл.

3 Это сообщает, например, В. Виттих относительно отпущеных на свободу летов в Северо-западной Германии (указ. соч., стр. 229).

4 «Население Франции, повидимому, весьма значительно увеличилось в это время», говорит относительно этого периода столь хороший знаток вопроса, как Левассер, указ. соч., 1, 235.

Избыток германского населения в эпоху от XII до XIII в. был весьма велик и его хватало на то, чтобы снова завоевать восток Германии

дивших с земли. Люди эти переселялись в колонизуемые области или заполняли города.

Мы уже знаем, чем города привлекали к себе людей, оторванных от земли: эти последние шли сюда прежде всего потому, что здесь они имели возможность обеспечить жизнь для себя и для своей семьи даже и без земельного участка и могли рассчитывать на безопасное существование. Кроме того, в городах они находились на положении свободных.

Идеал свободы обладал, повидимому, столь же мощной притягательной силой, как и надежда на заработка и безопасное существование. Мы знаем, что города делали все возможное, дабы создать и обеспечить для переселенцев ту свободу, к которой они стремились. Во всех городах основной принцип городского права гласил: городской воздух делает человека свободным. Крепостной (при известных, весьма необременительных условиях) избавлялся от преследований своего господина¹.

Таким образом благодаря сочетанию всех обстоятельств, в сельском населении укреплялась любовь к городской жизни (охватывавшая уже не единицы, а многих лиц), становившаяся впоследствии «предрассудком» и порождавшая то общее стремление к городу, ту «тягу в город», которая столь сильно оказывается 1000 лет спустя, в нашу эпоху.

* * *

В этих городах, возникновение которых мы проследили, стала развертываться новая, своеобразная хозяйственная жизнь, имевшая исключительно большое значение для последующего развития европейской культуры. Две силы создали ее: во-первых, непосредственный интерес мелких ремесленников, ютившихся в ярмарочных ларьках или в тех маленьких домишках, которые подобно ласточкам гнездам лепились у бургов и дворцов богатых землевладельцев.

Во-вторых, интересы самого города.

Итак, если мы хотим понять, как слагалась хозяйственная жизнь

и заполнять германские города, уже в XIV в. достигшие почти тех размеров, которые они сохраняли вплоть до XIX в. К этому заключению приходит A. PüscheI, *Das Anwachsen der deutschen Städte*, 1910.

¹ Для Германии: Кникке, указ. соч., стр. 61 и др., там же можно найти указание на источники и литературу. Для Франции: В. Стеббс, Конст. ист. 1,454; Флах, 2,159 и сл. 2,208. Для Англии: Ч. Гросс, Гильдейский купец, 1,8; Green, Town Life, 1/1894, 174 и сл. Для Италии: Лавидсон, История Флоренции, 1,608.

в средневековом городе, и какого рода были новые возникавшие здесь образования, то мы, прежде всего, должны выяснить, в каком направлении двигались интересы обоих творческих факторов; другими словами, мы должны выяснить, какой дух владел ими, каков был тот идеал, к осуществлению которого они стремились.

Что касается одного из них, то конечные цели его установить легко; все то, к чему стремился город как целое, чего добивались его законные органы, выражено в руководящих принципах городской политики. С этими принципами мы и должны прежде всего познакомиться.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДЕЛ.
ВЕК РЕМЕСЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА.

Глава XI.

Хозяйственная политика города.

«Таким образом город, по описанию Аристотеля и по той идее, которая заложена в его природе, является самодовлеющим хозяйством, организмом, живущим собственной жизнью. Каково бы ни было его эмпирическое происхождение, по сущности своей он всегда должен рассматриваться как целое, по отношению к которому отдельные составляющие его общества и семьи находятся в необходимой зависимости. Язык города, его обычай, его религия, его земля, его здания, его сокровища — все это представляет собою нечто стойкое и прочное, сохраняющееся несмотря на смену многих поколений и — отчасти в силу естественного развития, отчасти путем наследственного подбора и воспитания граждан — все снова и снова воспроизводящее один и тот же характер, одни и те же формы мышления».

Такими словами начинает Теннис¹ свои превосходные рассуждения о сущности города, как такового, о сущности тольк. Этими же словами должно бы начинаться и каждое сочинение, трактующее о средневековом городе и его особенностях².

1 Ф. Теннис, Община и общество, § 18. Изложение настоящей главы я не хочу обременять ссылками на литературу и указаниями на источники. Здесь говорится, главным образом, об общезвестных вещах, которые мне необходимо поставить в связь с остальными частями моей работы. Особый угол зрения, под которым рассматриваются эти вещи и который, может быть, дает себя чувствовать там и здесь, конечно нельзя обосновать ссылками на «источники».

2 По моему мнению, исследователь закрывает себе всякий путь к пониманию внутренней сущности средневекового города, если он отождествляет его с современным городом, и противополагает внерегиональным союзам средневековья. Так поступает, например, Пауль Зандер в своей книге «Фе-

В самом деле, эти слова намекают нам на ту идею, из которой единственно можно понять действительную сущность странных средневековых образований, именуемых нами городом: на идею общины. Она не только привносится нами в рассмотрение исследуемых нами процессов и не только играет роль философского вспомогательного средства, облегчающего исследование, но представляет собою как бы центральное солнце, дававшее жизнь всему, что рождалось в средневековом городе, ибо она преисполняла душу городских жителей и, конечно, всех тех людей, которые оказывали решающее влияние на развитие городской жизни.

Как ни удивительно это явление, оно подтверждается тысячами свидетельств и представляется нам несомненным историческим фактом: странное смешение людей, живших в средневековых городах, было охвачено одной и той же мощной идеей общности, принадлежности к одной группе, внутренней однородности, отъединенности от всего того, что находилось по ту сторону городских ворот. Духовенство и мирян, князей и нищих, богатых и бедных, патрициев и плебеев, свободных и несвободных, крестьян и ремесленников связывали узы внутреннего, глубоко переживаемого чувства единства и общности, — те же самые узы, благодаря которым возникли некогда первые человеческие группы, и которые скрепили жизнь племени и деревни. Значительное число людей снова почувствовало себя органическим целым, ощутило себя членами одной семьи; сознание принадлежности к общей организации было так сильно, что оно преодолевало все силы внутреннего разложения и разрушения и побуждало всех к общей деятельности и к совместным выступлениям против внешнего мира.

Из этого чувства общинной связи естественно вытекал поток всех тех мероприятий, совокупность которых мы обычно называем политикой городов. В этой политике проявляется это твердое сознание единства. От кого бы ни исходили принимаемые мероприятия — от феодальных ли представителей первой эпохи городского развития, от патрицианских ли родов, выступивших на

odalstaat und bürgerliche Verfassung» (1906). Я вполне признаю ту противоположность между средневековьем и новым временем, о которой он говорит (в сущности — это указанная еще Теннисон противоположность общины и общества, органического и механического объединения, традиционно-эмпирических и рациональных образований, положенная в основу и всех моих изысканий); поэтому тем более ошибочным представляется мне причисление средневекового города к рационалистически созданным образованиям. Размерам города (широкому или узкому социальному кругу) Зандер приписывает слишком большое значение: на самом деле важнее всего тот дух, который господствует в данной группе.

сцену позднее, от плебейских ли цехов, — преисполнявший их дух был один и тот же; они всегда подсказывались наивным эгоизмом этой маленькой группы людей, ощущавшей себя как единство и противопоставлявшей себя как единство всему тому внешнему миру, который был для нее чужбиной. По отношению к чужестранцам группа эта не чувствовала никаких обязательств и смотрела на них только как на объект для использования; послов от чужестранцев встречали с недоверием, ибо не ждали от них ничего хорошего.

Основная идея, из которой родилась хозяйственная политика средневекового города, всюду одна и та же, а потому и мероприятия этой политики в основных своих чертах всюду одинаковы. Это можно сказать и относительно Англии, где некоторые новейшие авторы усматривают отклонения от общего правила. См. Brodnitz. *Die Stadtwirtschaft in England* (Jahrbücher für NÖ, 47, 1 и сл.). Конечно, между законодательством германских и английских городов существует такое же различие, как между законодательством германских, французских и итальянских городов. Как известно, положение городов по отношению к государству в Англии и Франции было несколько иное, чем в Германии и Италии. Благодаря большей автономии городов идея городской хозяйственной политики проявилась в этих последних странах в более чистом виде; в частности, там резче проявлялось эгоистическое отстаивание городских интересов в противоположность интересам деревни. Так, например, английские города, как утверждает Бродниц, не имели дорожного права. Политика снабжения хлебом родилась у них из того же духа, как и политика германских городов. Это можно видеть из правил относительно хлебных складов, закупок, цен, которые в английских статутах звучат слово «совершенно так же, как в германских и итальянских». Поэтому различия между отдельными странами являются различиями в степени, а не в сущности. Работа Бродница именно это и подтверждает.

Английские города были такими же неподвижными и замкнутыми в себе образованиями, как и все вообще города средневековья: это — «свободная самоуправляющаяся община, государство в государстве», как характеризует один из их лучших знатоков. См. Дж. Р. Грин, *Городская жизнь в XV столетии*, 1 (1894), 1 и сл., где можно найти суммарное перечисление городских вольностей, объем которых нисколько не меньше, чем прерогативы любого германского или итальянского города.

Нам не нужно излагать здесь тысячекратных преломлений этой основной идеи во всей политике городов: мы должны лишь проследить ее влияние в одном определенном направлении, — в той области, где она порождает систему хозяйственной политики. В хозяйственной политике мы, действительно, встречаем все ту же идею общины, которая проникает всю городскую жизнь. Прежде всего, она формально определяет отношение политических властей, т. е. органов общины, к отдельным хозяйственным процессам. Она не позволяет предоставить усмотрению индивидуума тот способ, каким он добывает средства к жизни, и те

дели, в каких глава семьи распределяет эти средства между своими несовершеннолетними детьми. Община и ее представители следят за всеми процессами хозяйственной жизни, регулируют их по общему плану, предписывают индивидууму определенное поведение, заботятся о благе отдельных лиц. Из основной идеи общины сама собою вытекает та мощная система регулирующих норм и руководящих правил, которым подлежат хозяйственные процессы в средневековых городах.

Идея общины определяет и основной материальный принцип, на котором поконится вся хозяйственная политика средневекового города; этот основной принцип в сущности тот же самый, который некогда регулировал хозяйственную политику племени, деревни, барского двора — принцип хозяйственной самодовлеемости, экономической автаркии, принцип покрытия потребностей. Жители города должны быть щедро обеспечены всеми теми хорошими вещами, которые необходимы для питания и укрытия их тела¹. Но вот что разумеется само собою: так как жизнь города поконится на совершенно ином основании, чем жизнь всех прежних общин, и так как благодаря самому характеру городской жизни люди впервые получили возможность существовать, не имея земли, то забота о покрытии потребностей этих людей в хозяйственных благах должна была привести к мероприятиям, весьма различным от тех, какими регулировалось хозяйство односельчан или членов барского двора. Из основной идеи покрытия потребностей вырастает, таким образом, совершенно новая хозяйственно-политическая система, которую мы теперь должны описать в ее главных чертах.

Если мы ясно представим себе эту цель всякой городской хозяйственной политики, — именно, обеспечение жителям достаточного количества благ определенного рода, — то мы весьма легко поймем и объединим в одну внутренне-законченную систему все те многочисленные отдельные мероприятия, в которых выражается деятельность городских властей.

Как мы знаем, город в силу самой своей сущности должен получать значительную часть жизненных средств со стороны, путем привоза. Поэтому те же самые соображения, которые в рам-

¹ Во введении к уставу горных колей города Гослара 1494 г. Раммельсберг объявляется исключительной собственностью горожан и города и всякое предоставление посторонним прав собственности и разработки горных залежей объявляется «расточением средств, необходимых для прокормления города». Wagner, Corp. jur. metallici, стр. 1033 и сл., Ср. также C. Neuburg, Goslars Bergbau bis 1552 (1892), стр. 126.

ках замкнутого потребительского хозяйства приводили к мерам, стремившимся к возможно более полному развитию каждой отдельной отрасли производства, — вспомним хотя бы предписания так называемого капитулария о городах, — должны были побудить органы, ведавшие хозяйственной политикой городов, к принятию мер, облегчавших привоз необходимого количества тех благ, которые уже не производились в самом городе. На место чистой производственной политики должна выступить ввозная политика; она в действительности и составляет наиболее важную часть общей городской хозяйственной политики.

Часть относящихся сюда мероприятий мы объединяем под общим названием городского, дорожного и складочного права, которое старался завоевать себе город. Другими словами, дело шло о праве проводить через город каждый караван с товарами, проезжавший на определенном расстоянии от города. (Конечно, важнее всего для городской общины были продукты питания и прежде всего хлеб.) Это делалось для того, чтобы задержать привлеченную таким образом партию товаров на несколько дней в городе и дать возможность гражданам удовлетворить свои потребности. Торговцев хлебом, покупавших хлеб в других местах, заставляли перевозить их груз через город — хотя бы для этого они должны были сделать крюк — и продержать его «на городском складе», прежде чем он будет отправлен дальше к месту своего назначения.

Иногда даже сельским хозяевам, жившим в окрестностях города (чем дальше они жили, тем выгоднее это было для города), воспрещали сбывать свои продукты где бы то ни было, кроме данного города. Это «право» называлось рыночным правом; на основании его городские жители обеспечивали за собой монополию на получение продуктов.

Если сельчане приезжали со своими продуктами в город, то городские власти старались помешать спекулянтам скупить товары по пути, до прибытия их в город. С этой целью запрещалась покупка товаров до привоза их на рынок и вообще всякая покупка предметов питания с целью дальнейшей перепродажи; иногда воспрещалась всякая поставочная торговля предметами питания. Обязательство привозить товары на рынок обосновывалось еще и тем, что только при этом условии покупатели могут удостовериться в их доброкачественности и их соответствии требованиям закона (в их «легальности»).

Интересы потребителя старались защитить от покушений торгоши еще и тем, что потребителю предоставлялось так называе-

мое «исключительное право (Einstandsrecht) покупки», т. е. право закупать для себя все необходимое ему количество товаров из привезенной торговцем партии (хотя бы и против воли торговца¹). Иногда торговцам разрешалось покупать товары только после того, как потребители вполне обеспечили себя: «donec burgenses ad suum opus emerint». Не мало было и других постановлений в том же роде.

Города заботились о доброкачественности продаваемых товаров. Это вытекает уже из упомянутого выше правила, соблюдавшегося почти во всех городах и гласившего, что привозимые в города предметы питания должны продаваться только на общественных рыночных площадях, специально для этого предназначенных. Городские власти стремились препятствовать продаже испорченных продуктов, установлению слишком высоких цен, обмеру и обвесу и т. д.: это была целая широкая система «рыночно-полицейских» предписаний, регулировавшая рыночный товарооборот в интересах покупателя. В то же время нисколько не препятствовали тому, чтобы торговцы сбывали большой скот или попорченное мясо жившим по соседству ближним: «Они могут всех заблевщих овец и баранов угнать живьем в сельские местности и там продать» — постановляет Страсбургское городское право в XV в. В 1497 г. такое же постановление издает и Нюренберг: «Весь такой низкорослый и недоброкачественный скот следует выгонять из города».

Одновременно с этим устраивались особые учреждения для обильного снабжения города припасами, в первую очередь хлебом: за счет города строились житницы, где складывался хлеб.

По части снабжения промышленными продуктами городской совет обычно не проявлял столь большой предусмотрительности, — во-первых, потому, что отсутствие их не вызывало настоящего бедствия, а во-вторых, потому, что по общему правилу в самом городе их производилось достаточно. Тем не менее городской совет обращал внимание и на эту сторону. Он принимал меры к тому, чтобы ремесленники и торговцы из других местностей продавали на ярмарке свои товары, чтобы ремесло не имело недостатка в работниках и чтобы само производство товаров велось честно и добросовестно (чтобы не употреблялись суррогаты, не

¹ Право «исключительной покупки» предоставлялось горожанам не только в «более мелких поселениях», как это думает И. на ма (III. 2, 255). Оно соблюдалось и в наиболее крупном городе европейского средневековья. См. «Livres des métiers», ср. CXXXII. В Англии оно называлось «The right of Cavill».

смешивались различные по качеству материалы, не смешивалось при переработке старое и новое сырье, не производились ночью — т. е. после наступления темноты — вещи, требовавшие тщательной выработки, и т. д.).

Только что перечисленные нами постановления преследовали еще и другую цель: они должны были обеспечить промышленным продуктам городских производителей верный сбыт в окрестностях и в более отдаленных местах. При меновом хозяйстве покрытие потребностей является наполовину проблемой сбыта: жители средневекового города знали, что средства для приобретения поступающих в город (или даже изготовленных в городе) предметов потребления может получить только тот ремесленник, который предварительно продал свои собственные продукты. Отсюда и вытекает особая заботливость в отношении товаров, предназначенных для вывоза (до вывоза эти товары подвергались официальному освидетельствованию). Конечно, эта же цель (обеспечение сбыта ремесленных продуктов) еще легче достигалась в том случае, если удавалось заставить окружающие сельские местности — чем шире был этот район, тем лучше — покупать промышленные продукты в данном городе. Это достигалось запрещением какой бы то ни было промышленной деятельности в деревне: в этом и заключалось содержание так называемого запретительного права (Ваппграфт).

Забота о сбыте ремесленных продуктов ставила перед городской политикой и другую проблему: проблему поддержания определенной организации городского производства, ремесленной организации. Для развития городской жизни разрешение этой проблемы имело такое же значение, как и обеспечение продуктами городского рынка. Своеобразная особенность городского хозяйства заключалась как раз в том, что оно содействовалоному развитию этой системы ремесленного хозяйственного строя. В конце средних веков интересы города вполне тождественны с интересами ремесла. Поэтому мы должны теперь постараться составить себе ясное представление о «ремесле».

Глава XII. Хозяйственная система ремесла.

I. Понятие ремесла.

В соответствии с нашим планом работы мы должны прежде всего составить себе ясное представление об «идее ремесла», т. е. должны установить понятие, раскрывающее сущность той хозяйственной системы, которую мы называем ремеслом или ремесленной организацией хозяйства и которая, как мы знаем, господствовала в хозяйственной жизни европейского средневековья.

Ремесло, как хозяйственная система, есть такая форма менового хозяйства, организованного в целях поддержания жизни хозяйствующих субъектов, при которой эти хозяйствующие субъекты являются юридически и экономически самостоятельными техническими работниками, руководимыми идеей пропитания, действующими по традиции и подчиненными некоей общей организации. Это понятие мы можем разложить путем анализа на следующие составные части¹.

Ремесленниками мы называем всех хозяйствующих субъектов, участвующих в организованном по-ремесленному хозяйстве, независимо от того, занимаются ли они производством сельскохозяйственных или промышленных благ, обменом этих благ, или перевозкой их. В более узком смысле ремесленниками называются только промышленные производители в ремесленном хозяйстве. Для хозяйственной системы ремесла они столь же характерны, как сельскохозяйственные производители для потребительского хозяйства и торговцы для капиталистического менового хозяйства.

¹ В первом издании настоящего труда я вступал в обстоятельную полемику с учеными, не разделяющими моего понимания ремесла. Теперь я слишком хорошо понимаю бесцельность такой полемики, чтобы в настоящем сочинении отводить ей часть драгоценного места.

Поэтому я буду рассматривать их здесь как представителей всех прочих хозяйствующих субъектов, входящих в организованное на ремесленной основе хозяйство, и на их примере постараюсь выяснить сущность этой хозяйственной системы.

По моему мнению, мы лучше всего выявим внутренние особенности «ремесленника», если сначала определим наше понятие отрицательными признаками и назовем «ремесленником» такого промышленного работника, который не лишен ни одного из условий, необходимых для производства и сбыта товаров, какого бы характера — личного или вещественного — эти условия ни были. В личности этого рабочего сочетаются, следовательно, все свойства промышленного производителя; формулируя это суммарно, мы можем сказать, что его производственная квалификация еще не испытала никакой дифференциации. Так как для производства необходимо сочетание вещного имущества и личной способности, то из сказанного следует прежде всего, что ремесленник кроме личных качеств должен иметь также и право распоряжения необходимыми для производства вещественными благами, т. е. должен владеть средствами производства¹: в ремесле еще не произошло дифференциации между личным достоянием и вещественным достоянием или, — выражаясь другими терминами, имеющими тот же смысл, — вещное имущество ремесленника еще не приобрело свойства капитала.

Но ремесленник не только владеет вещным имуществом, необходимым для ведения промысла. Он имеет и все необходимые для этого личные качества: он — своего рода промышленный микрокосм. В своей почтенной голове он объединяет все те свойства, которые впоследствии вырастают в особые способности и становятся достоянием многих отдельных людей. Само собой разумеется, свойства эти достигают у него лишь миниатюрных размеров. Его универсальности неизбежно сопутствует посредственность.

Подлинное зерно ремесла заключается в том, что ремесленник есть такой промышленный работник, который владеет техническими способностями, дающими возможность выполнять над сырьем все операции, необходимые для выработки предметов потребления. Но с этой, скажем, технической одаренностью он соединяет еще:

¹ Французские статуты выражают это стереотипной и очень хорошей формулой: «Всякий, кто хочет заниматься данным ремеслом, может им заниматься, если он знает его и имеет для этого средства».

1. Необходимое художественное чутье, художественное восприятие.

2. Знания, нужные для производства и дающие ему возможность передавать свое уменье другим. Мы употребляем это выражение, чтобы избегнуть термина «научная подготовка», который неверно выразил бы нашу мысль. В своей личности ремесленник объединяет всю мудрость наших «докторов инженерных наук», все результаты исследований наших химических лабораторий.

3. Вместе с тем он выступает как организатор и как руководитель производства. Он сочетает в одном лице главного директора, мастера и рабочего физического труда.

4. В то же время он и купец. Все операции по покупке и продаже, вся организация сбыта, словом, все что впоследствии входит в сферу спекуляции и выполняется особыми лицами, стоящими выше среднего уровня, объемляется его личной деятельностью.

II. Общая организация хозяйства.

Если мы хотим понять основную идею, определяющую всякое ремесленное мышление и ремесленную волю, то мы должны, как я уже бегло указал в IV главе, вспомнить о том руководящем принципе, которым был проникнут старый строй крестьянских гуф. Ибо система ремесленного творчества есть не что иное, как перенесение гуфы в сферу промышленных (и коммерческих) отношений. Аналогию между общиной крестьян-гуфнеров и ремесленной корпорацией, объединенной в цех, можно проследить до мелочей. И та и другая желают регулировать хозяйственную деятельность отдельных участников путем товарищеского соглашения. И та и другая исходят из некоторой определенной величины работы, подлежащей выполнению и из некоторой определенной величины потребности, подлежащей покрытию; другими словами, они руководятся идеей, что каждый товарищ должен выполнять определенное количество труда и получать определенный доход. Они, следовательно, подходят к вопросу с точки зрения «пропитания». И в той и в другой общее количество работы распределяется между отдельными лицами, а известная часть выполняется товариществом, как таковым: общинное пастбище деревенской альменды соответствует коллективному использованию устроенных цехом (или городом) заведений. И та и другая регулируют до мелочей хозяйственное поведение каждого товарища и т. д.

Основная мысль, постоянно повторяемая всяким настоящим ремесленником или сторонником ремесленного строя, — форму-

лируется следующим образом: ремесло должно «прокормить» занимающегося им человека. Он будет работать столько, чтобы иметь возможность содержать себя и, подобно йенским ремесленникам (о которых рассказывает нам Гете), «мудро рассуждает, что не нужно работать больше, чем сколько необходимо для всей жизни».

Тот, кто знаком с документами средневековья, знает, что эта основная мысль тысячекратно повторяется в каждом цеховом статуте:

«Послушайте, что считал правильным император (ведь и наши предки были не дураки): ремесло выдумано для того, чтобы каждый мог с помощью его ежедневно добывать себе хлеб, и потому никто не должен вмешиваться в ремесло другого. Таким образом мир получает то, что ему нужно, и каждый находит себе пропитание». Так говорится в так называемой Реформации Сигизмунда¹.

Различие лиц и различие источников заработка, отделяющие крестьянина от несельскохозяйственного ремесленника, приводят к различному пониманию сущности «пропитания». Крестьянин хочет быть сам себе господином, сидеть на своей земле и извлекать из нее средства существования на основе потребительского хозяйства. Ремесленнику приходится думать о сбыте своих продуктов: он всегда находится в рамках меновой организации хозяйства. Он хочет быть (и в силу самой своей сущности должен быть) промышленным производителем и притом свободным самостоятельным производителем.

Достаточные размеры сбыта имеют для ремесленника такое же значение, какое имеет для крестьянина достаточная величина его владения, а положение свободного и самостоятельного промышленного производителя столь же важно для ремесленника, как для крестьянина земельное владение вообще.

Это усиленное подчеркивание самостоятельности, характерное для всего ремесленного мышления, по всей вероятности, стало проявляться только после отрыва рабочего от земли, т. е. в городе. Городской ремесленник, таким образом, сознательно противополагал себя прочим промышленным работникам, занимавшим

¹ WILLY BOEHM, Friedrich Reisers Reformation des K. Sigismund (1876), стр. 218, а также стр. 45 и сл. Ср. также ст. KARL KOEHN, Zur sogenannten Reformation K. Sigismunds, помещенную в «Neues Archiv der Gesellschaft für Alte deutsche Geschichtskunde», т. 31, (1905), I. Возражения, сделанные Кено против моего истолкования приведенной выше цитаты, мне кажется, устремляются моими замечаниями в начале IV главы.

с внешней стороны одинаковое с ним положение. Это и являлось наиболее характерной, основной чертой настоящей ремесленной организации¹.

III. Задача ремесленного товарищества.

Строй гуфы покоился на совместной деятельности односельчан сельской общины. Можно сказать, что органом, принявшим на себя функции сельской общины в отношении промышленных «гуфнеров», явилось товарищество ремесленников, т. е. цех или гильдия.

Нас с полным основанием учили, что средневековый цех следует вообще рассматривать, как продолжение старых общин, основанных на единстве происхождения и на близком соседстве: гильдия должна была заменить в городах естественно возникшую сельскую общину и восполнить то, чего не в силах была представить индивидууму большая городская община².

При осуществлении хозяйственных целей ремесленника цех, несомненно, помогает ему совершенно так же, как помогала крестьянам сельская община. Цех заботится прежде всего о том, чтобы ремеслу в целом была обеспечена достаточно большая область деятельности и сбыта (подобно тому как сельская община определяла величину запашки соответственно интересам ее сочленов). Этой цели цех стремился достигнуть тем, что он всюду, где возможно, монополизировал сбыт для ремесленников определенного города — либо в самом этом городе, либо в других местах; если он не мог полностью осуществить эту монополию, то он по крайней мере старался затруднить проникновение посторонних в его собственную область сбыта. Этим и объясняются многочисленные, все снова и снова повторяющиеся строгие правила «гостиного права» и предписания ярмарочного права, предоставлявшие приезжим менее благоприятные и уже во всяком случае не более благоприятные условия сбыта³, чем местным.

¹ Относительно различия между «ремесленником», как хозяйствующим субъектом, участвующим в организованном по-ремесленному хозяйстве, и «ремесленником» (в техническом смысле) в средневековых потребительских хозяйствах или в современном капиталистическом предприятии см. подробное замечание в 1-м издании настоящего труда, стр. 88.

² Так как здесь дело идет не о доказательстве эмпирического осуществления в истории определенных элементов ремесленной организации, то в цитатах из источников не представляется никакой нужды. Тот, кто интересуется ими, может обратиться к первому изданию, где их приведено весьма много.

³ Идея производственной монополии, связывавшаяся первоначально с ремеслом, как таковым, и не имевшая отношения к отдельным лицам, в него

Стремлению к рыночной монополии соответствовало стремление к монопольному снабжению сырьем. Отсюда возникают все многочисленные предписания, которые пытаются помешать вывозу сырья или даже полуфабрикатов из области снабжения, «естественно принадлежащей» тому или другому ремеслу.

На обязанности цеха лежит всякая такая деятельность, которая превышает силы индивидуального ремесленника, как, например, доставка в больших количествах или издалека необходимого сырья или организация сбыта ремесленных продуктов в более обширной области.

На обязанности же цеха — поскольку этим не занимался сам город — лежит и сооружение заведений, которые требуют большой затраты средств и потому не могут быть устроены отдельным ремесленником. Заведения эти используются всеми членами цеха сообща (подобно тому, как в сельской общине сообща использовались альменда и лес).

Общеизвестными примерами могут служить: помещения для очистки шерсти, чесальные заведения, где прочесывалась шерсть, маслобойки, вальцовые мельницы, точильные заведения, сукновальни, красильные заведения, лесопильни, площадки, где высушивались сукна, помещения для побелки тканей, заведения для выработки строительных материалов (черепичные заведения и т. д.), дома, где продавались сукна. Словом, всюду, где требуется общий труд или где необходимо наладить в больших размерах средства производства, выступает цех, играющий, как сказали бы мы ныне, роль промыслового товарищества (*Werkgenossenschaft*).

IV. Своеобразие ремесленного труда.

Как мы видели, хозяйственная деятельность отдельного ремесленника заключается главным образом в собственноручной технической обработке и переработке сырья и полуфабрикатов в готовые предметы потребления. Этим определяется и своеобразие такого рода деятельности. В сферу работы ремесленника входит все то, что может быть создано ловкостью его пальцев и силой его рук. Все это является поэтому непосредственным выражением его личности. В этом смысле «ремесло» очень удачно определяется, как «выражение определенной деятельности индивидуума, которая стала жизненным призванием и которая, так сказать, входившим, впоследствии стала истолковываться как привилегия, предоставляемая определенному числу мастеров; эта идея находит свое последовательное выражение в том «самозамыкании» ремесла, которое постепенно принимало все большие и большие размеры.

простирается до тех пределов, в которых может господствовать и творить сила руки одного человека»¹.

Совершенно неизбежно поэтому, что сама работа, т. е. продукт ремесленного труда, является верным выражением личности своего творца. Несмотря на традиционализм приемов, товар, изготовленный ремесленником, есть всегда индивидуальное создание. Он вносит в мир часть человеческой души, ибо он представляет собою создание хотя бы ограниченного, но все же живого человека. Он может рассказать о страданиях и радостях своего творца. Хотя и не каждая пара башмаков производится в обстановке, при которой делал ее Закс из «Ивановой ночи», «одновременно творивший суд и работавший молотком», тем не менее на работе всегда будут сказываться самые многообразные влияния: для изделия ремесленника не проходят бесследно его «гнев на ребенка и перебранка с женой», и тысячи других инцидентов домашней жизни. Работа ремесленника не может перейти за пределы его личных возможностей, а пределы эти варьируют от мастера к мастеру и изо дня в день.

V. Профессиональное расчленение ремесла.

Идея ремесленного труда, являющегося выражением всей личности ремесленника, соответствует и свойственное ремеслу деление профессий. Деление это исходит из мысли, что человеческая индивидуальность может и должна направлять свои силы на известный круг трудовых процессов, объединяемых духовной связью, идеей целого; что если круг этот будет расширен, то силы человека будут зря растрачиваться, а если круг этот слишком сужится, и силы человека будут двинуты только по одному направлению, то работник завязнет в болоте тупого и чисто механического труда. Этим характеризуется качественное разграничение отдельных ремесел; что касается количественного определения круга деятельности, то здесь несомненно сказывается влияние руководящей идеи «пропитания». Итак, можно утверждать, что и в том и в другом смысле разграничение между отдельными ремеслами определяется субъективными моментами, заложенными в самой личности ремесленника.

¹ Меморандум центрального союза по реорганизации ремесленного сословия в Бреславле, выработанный общим собранием силезских ремесленников 19 июня 1848 г. и предложенный на обсуждение временного комитета союза, стр. 3. В этом меморандуме вообще содержится масса удачных и остросмысльных замечаний.

Широта круга деятельности, отведенного ремесленнику, находит свое выражение в величине его предприятия. Из самой сущности ремесла вытекает, что эта величина по общему правилу не превышает границ индивидуального предприятия.

VI. Стой ремесленного труда.

Ремесленнику должны быть всегда обеспечены определенные размеры предприятия (следовательно и определенный круг покупателей); ни один ремесленник не должен наживаться и обогащаться за счет другого; все они в совокупности должны получать возможно большую долю в общем сбыте. Таковы цели (сводящиеся в сущности к обеспечению «пропитания»), к которым главным образом стремятся ремесленные уставы. Поэтому эту часть цеховых постановлений мы нередко обозначаем просто как цеховой строй.

Достижению этой цели служат:

1. Предписания, стремящиеся создать для всех ремесленников одинаковые условия сырьевого снабжения. Иногда предписывается, что никакой мастер не должен закупать свои товары иначе, как в определенные базарные дни и в определенном, точно указанном месте; иногда предписывается, что цены сырья должны определяться властями и соблюдаться каждым отдельным покупателем; иногда ограничивается количество товаров, которое может покупать каждое отдельное лицо; иногда воспрещаются всякого рода «предварительные закупки»; иногда, наконец, каждому ремесленнику предоставляется право принимать участие в покупках другого (так называемое вкупное право).

2. Правила, ограничивающие расширение размеров предприятия или объем продукции. Сюда относится фиксирование максимального числа подмастерьев и учеников, которое может держать один мастер. Если подобное ограничение невозможно в силу самой природы данного ремесла или вообще невыполнимо, то применяются другие средства, чтобы не допустить чрезмерного расширения продукции отдельного мастера и воспрепятствовать превращению его заведения в крупное предприятие.

Иногда прямо устанавливается продукция, которую отдельный ремесленник имеет право производить в течение определенного времени. Это особенно часто бывает в тех случаях, когда продукты однородны, — следовательно, прежде всего в ткачестве, затем в скорнячном промысле, в дубильном промысле и т. д.

3. Правила, стремящиеся обеспечить возможно более одновременное и однородное предложение. К этой катего-

рии относятся многочисленные предписания о способе, месте и времени продажи, запрещение перебивать заказчиков, покупателей или работу у сотоварища по цеху, запрещение продолжать работу, начатую другим членом того же цеха, и целый ряд других предписаний.

VII. Внутреннее расчленение ремесла.

Представителями ремесла являются мастера (т. е. люди, понимающие ремесло, подобно тому как сельская община была представлена гуфнерами, т. е. людьми, владевшими землею). Но ремесленник должен заботиться и о подрастающем поколении, дабы ремесло его не вымирало; с другой стороны, во многих случаях ему необходима помочь других лиц. Поэтому наряду с ним работают и другие люди, благодаря чему отдельные ремесленные предприятия часто не являются единоличными предприятиями, где работает только один мастер, а предприятиями с подсобным трудом (это может считаться типичным случаем).

Способ, каким устанавливаются правовые и экономические взаимоотношения между совместно работающими людьми, является опять-таки своеобразной чертой ремесла, той чертой, которую можно назвать внутренним расчленением ремесла. Своеобразие это вытекает из верховного принципа ремесленной организации, проявляющегося в целеустановке носителя ремесла.

Отношение руководителя ремесленного производства, «мастера», к подсобным лицам — к подмастерьям, слугам, мальчикам, подручным, и всем вообще помощникам, как бы они ни назывались, а также к ученикам, и всех этих лиц к нему — можно правильно понять только в том случае, если мы уясним себе семейный характер, который на первых порах отличает всякое ремесло: семейная община является старейшим носителем этой хозяйственной формы и она остается таковым даже после того, как к сотрудничеству стали привлекаться совершенно посторонние лица. Подмастерье и ученик участвуют в семейном союзе всей своей личностью: союз этот внедряется во все стороны их бытия. Семья вместе с подмастерьями и учениками есть производственная и домашне-хозяйственная единица. Все ее члены находятся под защитой мастера; вместе с ним они образуют органическое целое, подобно тому, как дети образуют органически целое с родителями.

Думать, что родители существуют ради детей или дети ради родителей было бы столь же глупо, как думать, что сердце су-

ществует ради головы или голова ради сердца; точно так же и отношение между мастером и его учениками и подмастерьями таково, что ни одного из них нельзя себе мыслить, как нечто существующее ради другого. Все группы лиц, в том числе и подобные работники—подмастерья и ученики—являются самоцелью или, что то же самое, органом, обслуживающим общее целое.

В полном согласии с сущностью ремесла ученичество и звание подмастерья всегда рассматриваются лишь как предварительная ступень к получению звания мастера. Это, пожалуй, есть самый важный признак настоящей ремесленной организации. Подобно тому как студент есть только будущий референдарий, а референдарий—будущий судья, так и ученик есть будущий подмастерье, а подмастерье—будущий мастер. Часто и совершенно правильно указывали, что предпосылкой для этого должно быть определенное цифровое соотношение между числом аспирантов и числом мастеров; можно думать, что там, где число подмастерьев составляло более половины числа мастеров, не каждому подмастерью предоставлялась возможность получить звание мастера¹.

Там, где в силу производственно-технических или других причин требуется большое число подмастерьев, материальное и правовое различие между мастером и подмастерьем почти совершенно исчезает, и мастер рассматривается как первый между равными. Эта основная идея господствовала, например, в строительном промысле, в частности у средневековых каменотесов, у которых мастер был организатором и руководителем, но подмастерья занимали почти одинаковое положение с ним и в смысле зарплатой и в смысле оказываемого им уважения.

Как ни бунтовал иногда подмастерье против режима мастеров, он все же должен был помнить, что все неприятности, причиняемые им мастеру, впоследствии обрушатся и на его собственную голову. Это ясно видно из следующего средневекового стихотворения:

Каждому подмастерью или слуге
Понадобится современем помочь людей его цеха.
Когда он станет сам себе господином,
Ему придется странствовать и заботиться о работе.

¹ См. исчисления И. Г. Гофмана и олирающиеся на них замечания III моллера в его сочинении «Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrh» (1870), 338/39; Бюхер в статье о положении ремесла, помещенной в «Untersuchungen des Vereins für Sozialpolitik», III, 444/45, приходит к таким же заключениям.

Поэтому он должен поступать с другими так,
Как он хочет, чтобы поступали с ним.
Как человек служит другим на земле,
Так послужат ему и другие.
Помни, что когда я получу почетное звание,
Мне также будут служить¹.

◆

¹ Взято из гравюры, относящейся к 1600 г. Факсимile воспроизведено у E. Mumenthoff, *Der Handwerker in der deutschen Vergangenheit* (1901), 94.

Глава XIII.

Условия существования ремесла.

Так как наше исследование ограничивается западно-европейскими культурными народами, то мы можем оставить без рассмотрения связь ремесленной формы хозяйства с особенностями страны и народа. Мы постараемся вывести возможность ремесленной организации главным образом из определенной величины народонаселения и из определенной техники.

I. Население.

Население оказывает решающее влияние на жизнеспособность ремесленной организации в трех отношениях¹:

1. Оно влияет на ремесло благодаря проявляющимся в нем тенденциям роста. Можно констатировать, что чем меньше общая норма роста населения, т. е. чем медленнее происходит его абсолютное увеличение, тем лучше для ремесла.

2. Норма прироста избыточного сельскохозяйственного населения, т. е. той части населения, для которой не остается места в сфере сельскохозяйственной деятельности, имеет решающее значение для жизнеспособности данной формы промышленного производства. Ремесленная организация торговли и промышленности предполагает, что аграрное избыточное население незначительно или — что одно и то же — что для растущего сельского населения остается возможность использовать свои силы путем более интенсивной обработки земли или путем переселения на новые земли.

3. Степень плотности населения и скученности его в немалой мере определяет возможность той или иной формы промышленного хозяйства: низкая степень того и другого является предпосылкой ремесла.

¹ Обоснование этой мысли см. на ближайших страницах.

II. Техника.

Техника имеет значение для ремесла и в смысле ее приемов и в смысле ее количественной производительности. Технические приемы, соответствующие идеи ремесленной организации, носят эмпирически-органический характер.

Эмпирической мы называем такую технику, которая покоится на приемах, предполагающих обучение «искусству». Техническое умение строится на практическом и личном знании человека, изучившего данное искусство и притом изучившего его под руководством другого знатока, другого мастера этого искусства. Технические приемы являются эмпирическими, т. е. основанными на опыте потому, что они усваиваются путем непосредственного испытания и руководствуются лишь теми субъективно обоснованными правилами, которые «мастер» извлек из своего непосредственного опыта и передал «ученику», как личное достояние. Тот, кто понимает данное искусство, может ответить на вопрос как и для чего, может описать общий процесс и все его детали, но не может ответить на вопрос почему. Крестьянин унаваживает свою землю потому, что он лично испытал этот способ и получил его в наследство от отца (как отец получил его от деда) и потому, что он знает, что семена лучше растут на удобренной почве, чем на неудобренной; кожевник приготовляет дубильное вещество из дубовой коры и определенного количества воды и держит в нем бычачью кожу в течение одного года потому, что так показал ему мастер, и потому, что он сам замечал целесообразность этого приема, превращающего шкуру в выделанную кожу.

Органической я называю ту технику, методы которой определяются особенностями живых существ и процессы которой протекают при активном или пассивном участии человеческих, животных или растительных организмов. Следовательно, органической в пассивном смысле можно назвать ту технику, при которой в качестве материала и подсобных сил употребляются главным образом люди, животные и растения, а органической в активном смысле — ту технику, при которой продукт является делом индивидуального человека, стоящего в центре созидательной работы и регулирующего своими естественными органами ход трудового процесса. Работник сам создает себе систему подсобных средств — орудий труда, — чтобы лучше выполнить свою работу. Орудие, только помогающее работнику при его работе,

есть такое средство труда, которое соответствует органическому методу.

Вряд ли нужно доказывать, почему эмпирическо-органическая техника и ремесленная организация хозяйства (равно как и формы индивидуальных предприятий) по самой сущности своей должны сопутствовать друг другу. Ведь ремесленник вкладывает в свою работу всего себя, как целостную и живую личность, создает предмет трудом собственной головы и собственных рук, сообщает свои особенности той части внешней природы, которую он формирует. Неудивительно, что ему свойственна такая техника, которая сосредоточивает всю деятельность вокруг живой личности рабочего: при этой технике земледелец шагает за плугом, сапожник шивает подошвы с помощью шила и дротвы, возчик разъезжает на облучке телеги вместе со своим шпицем, а лодочник собственными руками направляет лодку вниз по течению и сам приводит ее в движение, когда ей приходится двигаться вверх по реке.

Естественно, что у ремесленника, который по самой своей природе предназначен для традиционных, опытным путем усваиваемых приемов, техническое умение может создаться только благодаря личной выучке, которую он получает от мастера. Он не может пользоваться своим искусством иначе, чем как он научился от предков: многосторонность его таланта и его деятельности совершенно исключает научное постижение трудового процесса.

Насколько тесно связаны друг с другом сущность ремесла и эмпирическо-органическая техника, видно по целому ряду особенностей, свойственных ремесленным организациям и объясняемых применением этого вида техники.

Так, своеобразное, своеобразное всякому ремеслу, иерархическое деление на «мастеров и учеников» обуславливается в конечном счете особенностями эмпирической техники. При такого рода технике, техническое умение воплощается в одном определенном лице — в «мастере». В нем оно живет и с ним оно умирает. Поэтому для сохранения и дальнейшего развития данного искусства необходимо, чтобы «ученик» получал указания непосредственно от мастера. До тех пор, пока все хозяйство сосредоточивается в доме, семейная традиция и естественная связь между родителями и детьми способствует тому, чтобы технические познания и техническое умение не погибали со смертью одного поколения, а передавались следующему поколению. Если эта естественная передача знаний отпадает, то приходится принимать искусственные меры для того, чтобы обеспечить грядущим поколениям владение

техникой. Этой цели служат корпоративные союзы (цехи, гильдии), которые мы встречаем во всяком ремесле.

Особенностями же органических методов объясняется и возникновение в ремесле определенных профессий: профессии создаются в ходе «органического» развития, т. е. они непосредственно связаны с личной одаренностью производителя и сообразуются исключительно с нею. Другими словами, объективное требование производственного процесса совершенно не принимается при этом в расчет.

Гордость своей профессией, особенная ремесленная «профессиональная честь» также немыслима без эмпирических методов. Надо было в течение целых столетий культивировать традиционное и чисто личное ремесленное искусство, чтобы сообщить его носителям чувство гордости своей профессией. Горняк, каменщик, изготовитель мечей обладали каждый своим специальным искусством, и это общее достояние их профессии, приобретенное путем личной передачи, они конечно хранили в строгом секрете от всех непосвященных. Ясно, что современная фабрика удобрителей или мастерская, изготавливающая наилучшие элексиры для волос, или фабрика отменно прочных пневматических шин не могут создать подобных душевных настроений ни в предпринимателе, ни в рабочем. Из природы эмпирических методов нетрудно вывести все те явления, в которых проявляется робкое благоговение перед «тайнами» промышленного искусства и стремление более молодых членов цеха облечь свои познания таинственным покровом и охранить их от профанации.

Такой взгляд на промышленную деятельность, как на нечто сверхъестественное, ибо необъяснимое, порождал сказания о божественном происхождении искусств и ремесл, встречающиеся у всех европейских народов. На начальных ступенях культуры мистическими представлениями облекались¹ прежде всего приготовление и обработка железа. «Подобно тому как изумление человечества перед удивительным искусством, умеющим растапливать твердый металл на огне и ковать из него драгоценные вещи, приводило к тому, что люди стали приписывать изобретение этого искусства сверхъестественным существам, точно так же и практическое использование этого искусства земными созданиями люди не мысили себе без помощи таинственных и волшебных средств. Это воззрение распространено... по всей Европе»².

¹ O. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 Aufl., 1890, стр. 236 и сл.

Даже в период ремесленного производства взгляд этот встречается нам на каждом шагу. Из него непосредственно вытекает игра в тайны, которой в средние века занимались столь многие ремесла, в особенности ремесла, связанные с горным промыслом. «Строительное искусство держалось в тайне и излагалось символическим языком и в символических формах. Сообщение его секретов посторонним было строго запрещено. Запрещено было также и письменное изложение тайного учения»¹. Очень часто ремесленники давали клятву, что они не покинут свое ремесло.

Чтобы стало возможным ремесло, техника должна удовлетворять и известным количественным требованиям.

Производительность сельскохозяйственного труда должна с помощью соответственно развитой техники достигнуть такой степени, чтобы один человек был в состоянии производить средства питания и сырье, необходимые для двух. Только тогда обработка и переработка этих предметов в промышленные продукты может стать настолько утонченной, чтобы одно лицо посвящало себя исключительно этой деятельности. Только тогда, следовательно, становится возможным то превращение промышленной, коммерческой и транспортной деятельности в самостоятельные профессии, на которой покоятся всякая ремесленная организация.

Если минимальная степень развития сельскохозяйственной техники есть само собою разумеющееся предварительное условие для всякой профессиональной промышленной деятельности, то благополучие ремесла, как мы покажем, наоборот, связано с определенной максимальной продуктивностью промышленного и транспортного труда и, следовательно, предполагает соответственно низкий уровень промышленной и транспортной техники.

Степенью производительности техники, а также определенными популяционистскими условиями, благоприятствующими развитию ремесла (см. выше), определяются главным образом сбытовые отношения. Сбытовые отношения следует рассматривать как основное условие всякой хозяйственной системы. Поэтому нам следует выяснить, каковы должны быть сбытовые отношения, чтобы было возможным ремесло, и какую форму они должны принять, чтобы ремесло процветало, другими словами, какова та их форма, которая является оптимальной для ремесленной организации.

¹ См. Heideloff, Die Bauhütte des Mittelalters (1844), стр. 16—18, а также Ф. Маурер, 2, 483.

III. Формы сбытовых отношений¹.

Под сбытовыми отношениями в широком смысле я понимаю двоякого рода условия: 1) условия, при которых производитель получает необходимые для него средства производства; 2) условия, при которых он отчуждает свои продукты.

В первом случае мы можем говорить об условиях снабжения, во втором — об условиях сбыта в узком смысле или об условиях реализации.

1. Чтобы условия снабжения соответствовали ремесленной организации, они должны быть по возможности ясны и просты, ибо только в этом случае средний ремесленник сможет как бы между делом охватить и понять их своим средним рассудком, не отвлекаясь от своего промышленного труда и не прибегая к помощи специальных знаний. Все это имеет место там, где сырье или полуфабрикаты доставляются традиционным образом от окрестных крестьян или от ремесленника, живущего в соседней улице. В условиях примитивного хозяйства это бывает очень часто: дерево, шкуры, рога, зерно, мука, дубленая кожа, лен, шерсть, красильные вещества, бараньи шкуры на первых стадиях менового хозяйства доставляются из ближайших окрестностей города и из самого города. При стабильности промышленной продукции и незначительной ее способности к расширению, свойственных старому ремеслу (об этом мы еще будем говорить), для ремесленника сравнительно легко непосредственно добывать необходимые для его производства материалы.

Если круг производства начинает расширяться и становится необходимым получать продукты из более обширной местности — например требуется закупать большие количества сырья или брать шерсть из целого района, — то и с этой задачей могут еще справиться представители цеха или специальные нанимаемые цехом скупщики, поскольку дело идет о регулярно повторяющихся, ясных и ничем не нарушаемых процессах. При этом надо только позаботиться о том, чтобы необходимое сырье не увозилось из областей снабжения, «естественно принадлежащих» данному ремеслу. Если этот простой способ снабжения сырьем перестает удовлетворять нуждам, то оказываются потрясенными самые основы, на которых зиждется ремесло.

¹ В этом отделе я кое-где описывают сбытовые отношения, фактически существовавшие в эпоху европейского средневековья, чтобы показать, что в эту эпоху они действительно благоприятствовали ремесленной организации хозяйственной жизни. Но в общем «теоретический» характер изложения сохранен и здесь.

Нельзя, однако, думать, что ремесло всегда и неизбежно связано с переработкой сырья, получаемого из ближайших окрестностей. При самом поверхностном размышлении становится ясным, что даже при незначительно развитой промышленности нельзя обходиться без продуктов, привозимых в качестве материалов из специальных центров производства и снабжения: железо и бронза, благородные металлы, дорогие меха, дорогие строительные камни, драгоценные камни, некоторые вещества, нужные при окрашивании, как, например, квасцы, — все это с давних времен привозилось издалека. Тем не менее ремесленное производство в течение целых столетий весьма успешноправлялось с этой задачей.

Но и тут необходимо, чтобы условия снабжения были прочны, постоянны и лишены всяких спекулятивных моментов. Это необходимо во всех случаях и тогда, когда ремесленники или сами представители их цеха отправляются в далекие путешествия¹, и тогда, когда ремесленники остаются дома в ожидании торговца, который по заведенному порядку привозит им необходимые материалы.

Ремесленнику нечего бояться торговца до тех пор, пока сам торговец включен в прочную структуру стереотипной хозяйственной жизни и пока он действует по ремесленным принципам, регулярно доставляя одни и те же товары на одних и тех же условиях².

Помимо определенной структуры снабженческого дела ремесленнику благоприятствует низкая цена сырья и полуфабрикатов. Низкие цены расширяют круг лиц, имеющих возможность производить товары на собственные средства и, следовательно, имеющих возможность сохранять свою самостоятельность. Цена же сырья бывает низкой по сравнению с той суммой стоимости, которую прибавляет к материалу труд перерабатывающего их ремесленника, лишь в том случае, если сырье получается неподешевле, если, следовательно, приходится покрывать только издерж-

¹ Судя по первому сборнику Страсбургского городского права, скорняки смело отправлялись во Франкфурт для закупки сырья. Ср. также в. E. Graw, Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter b. Jahrh. f. NÖ. III F., Bd. 20, стр. 48.

² Особенно поучительным примером, иллюстрирующим регулирование снабженческого дела в области импортного сырья, является хлопок, употребляемый базельскими ткачами, изготавлившими шертиг. См. Тгацд. Гаагинг, Basels Industrie (1879), стр. 306. Ср. также статью Б. Гильде-Бранда в его «Jahrbücher» 6, стр. 129 и сл.

ки производства, но не издержки транспорта, и если влияние земельной ренты, чрезвычайно повышающей цены сельскохозяйственных продуктов, еще не начинает сказываться.

2. Но каковы должны быть сбытовые условия в узком смысле, т. е. способ обеспечения людей продуктами, чтобы удовлетворять требованиям ремесла? Ответ на этот вопрос можно опять-таки выразить весьма общей фразой: сбыт должен быть обеспеченным и стабильным и в смысле качества и в смысле количества, другими словами, он не должен иметь в себе ничего проблематического. При этом совершенно безразлично, осуществляется ли он самим ремесленником, как побочная функция, или классом профессиональных торговцев. И в этом последнем случае могут быть налицо все те условия, при которых ремесленная организация производства становится возможной, а иногда и необходимой.

Главное в том, чтобы производителю не были нужны никакие иные качества, кроме качеств технического работника. Это имеет место тогда, когда промышленный работник может спокойно заниматься своим делом, не рискуя, что его продукт окажется вообще невозможным сбыть или продать по выгодным ценам.

Когда же сбыт бывает обеспеченным и стабильным?

Господствующая теория отвечает на это: тогда и до тех пор, пока отношение между производителем и потребителем сохраняет характер работы по заказу, т. е. пока товары сбываются определенным лицам — заказчикам без помощи промежуточных звеньев. Конечно, регулярный обмен между производителем и замкнутым кругом заказчиков-потребителей есть чрезвычайно важный момент, способствующий обеспечению и стабилизации условий сбыта, и несомненно, что значительная часть всего ремесленного производства характеризуется отношениями, построенными на заказе. Но столь же несомненно и то, что, как мы уже указывали, ремесленное производство и производство на заказчика отнюдь не равнозначны одно другому. Производство на заказчика вовсе не всегда создает такие условия сбыта, которые делают возможным существование ремесленного производителя. Так, например, портновское ремесло, несмотря на то, что отношения между производителем и потребителем, построенные на заказе, не изменились сколько-нибудь значительно, все-таки погибло. Портновский промысел, обслуживавший заказчиков, был одним из первых промыслов, перешедших к капиталистическому способу производства, и в Лондоне уже в начале XVIII в. стал терять характер ремесла¹.

¹ Ср. S. and B. Webb, History of Trade-Unionism (1894), 25 и сл.

Нередко бывали случаи, когда ремесленная организация того или другого промысла раньше всего разрушалась там, где товары не предназначались для вывоза, а сбывались в том же самом месте, т. е. более или менее замкнутому кругу заказчиков. С другой стороны, встречается немало случаев, когда вполне ремесленная организация производства прекрасно существовала, несмотря на то, что товары вовсе не сбывались заказчикам, а производились для экспорта и проходили через руки посреднической торговли.

Сбыт является обеспеченным и стабильным во всех тех случаях — и только в тех случаях — когда между спросом и предложением существует постоянное равновесие или такого рода диспропорция, при которой спрос обгоняет предложение, и когда для каждого отдельного производителя условия производства и сбыта приблизительно одинаковы.

При внимательном исследовании должно было бы представляться несомненным, что эти признаки обеспеченного и постоянного сбыта встречаются не только там, где производитель работает исключительно на заказчика. Ремесленник, разъезжающий по ярмаркам или развозящий свои изделия по домам, находится в таком же положении, как ремесленник, сбывающий свои товары заказчику, если только он может вполне рассчитывать на то, что до его прибытия никто другой не займет его места на рынке и никакой другой торговец не посетит определенных улиц, прежде чем не появится там он сам со своим коробом или тележкой. Точно так же и ремесленник, продающий свои товары торговцу, должен быть уверен в том, что в определенное время перед его дверью появится определенный торговец, чтобы купить у него определенное количество изделий по таким же ценам, какие он получал до сих пор. Нам нужно, следовательно, глубже исследовать причины, сообщающие сбыту обеспеченность и постоянство. Такими причинами оказываются следующие обстоятельства:

1. Причины, связанные со спросом.

Спрос должен быть постоянным и обеспеченным в качественном и количественном смысле, т. е. спрос должен всегда предъявляться на определенное количество однородных вещей.

В качественном отношении спрос будет тем более неизменен, чем менее меняются категории лиц, выступающие в ка-

чество покупателя, и чем менее меняется вкус этих лиц. Чем меньше меняется уклад общественных отношений, т. е. чем устойчивее структура общества, тем более одинаковыми будут категории покупателей. Установившееся в течение столетий деление народа на исконные «сословия» духовенства, дворянства, крестьянства и горожан обозначает, следовательно, стереотипный спрос, который в качественном смысле отличается тем большим постоянством, чем менее изменяются внутри этих групп нравы и обычаи или, выражаясь современной терминологией, чем реже происходят изменения моды. Полюсами в этом смысле является крестьянство, сохранившее в течение многих столетий одну и ту же одежду, и современное население большого города, за десять лет отправляющее на салонку десять мод одежды и пять стилей мебели.

Но самой существенной гарантией качественно-постоянного спроса является трудность изменения производственного процесса, вытекающая из эмпиризма методов. При эмпирических методах увеличение технических познаний и технической мощи (а следовательно, и возможность изменений) целиком предоставляется случаю, и человек стремится не к изменению или совершенствованию процессов, а к тому, чтобы повторять их все в том же и в том же виде; если и вводится какое-нибудь новшество, то оно открывается случайно в процессе работы и как бы сваливается рабочему в руки откуда-то извне, как нечто до сих пор невиданное. А когда люди желают добиться каких-либо улучшений, то они делают это неумело, как бы бродя в потемках, и не имеют никакого ясного представления о той задаче, которую предстоит разрешить.

Количественно постоянным и обеспеченным спрос становится только тогда, когда масса производимых товаров растет не быстрее, чем покупательная способность покупателей.

2. Причины, связанные с предложением.

В сфере предложения спокойная уверенность производителя в обеспеченном сбыте нарушается опасением, что сосед побьет его качеством своих изделий или дешевизной цен. Сбыт обеспечивается, следовательно, в том случае, если такая возможность отпадает, по крайней мере как регулярное явление хозяйственной жизни, с которым необходимо считаться. Само собой разумеется, что случайное проявление такой борьбы никогда не исключено вполне. Выражаясь современным языком, мы можем сказать:

для того, чтобы могло существовать ремесло, конкуренция должна быть невозможна.

Но в каких случаях не бывает конкуренции среди производителей или она проявляется лишь в слабой степени?

Очевидно, прежде всего в тех случаях, когда в общем и целом товаров производится мало сравнительно со спросом. Тогда конкуренция имеет место лишь среди потребителей, производители же могут спокойно выжидать. Во все времена каждому настоящему ремесленнику такое положение вещей казалось естественным¹. Но размеры производства всегда определяются двумя факторами: количеством рабочих сил и высотой их производительности.

Чем меньше производителей, тем меньше опасность «перепроизводства», т. е. опасность затруднения в сбыте. Но производителей будет мало тогда, когда население увеличивается медленно, и приросту его препятствуют большие трудности (эмпирические методы производства). В области же сельскохозяйственного производства производителей будет мало в том случае, когда аграрное избыточное население незначительно.

Если дано число производителей, то общая масса продуктов, предлагаемых ими, очевидно, будет зависеть от степени их производительности. Чем меньше производительность, тем меньше опасность сбытовых затруднений.

Но все то, что мы сказали до сих пор о причинах, которые обеспечивают существование ремесла со стороны предложения, имело значение лишь для условий сбыта, определяемых общей величиной производства. Нам остается выяснить, какие обстоятельства гарантируют сравнительно обеспеченное существование отдельным участникам общего производства, т. е. каждому ремесленнику в отдельности,—следовательно, выяснить обстоятельства, исключающие возможность конкуренции среди представителей одного и того же ремесла.

Сущность конкуренции между продавцами товаров заключается в том, что отдельные производители могут изготавливать лучшие товары или продавать их на рынке дешевле, чем их соседи,—словом, сводится к упомянутой нами выше возможности перебить покупателя.

¹ В 1646 г. базельские позументщики жалуются на ремесленников, которым городской совет разрешил двухлетнее пребывание в Менхенштейне, и утверждают, что они ведут себя «вопреки всяким правилам»: «Они разъезжают со своими изделиями по всем местечкам и деревням». Гиринг, указ. соч., стр. 600. Еще и в настоящее время «максимой ремесла» считается, что покупатель должен искать производителя (V. VI, 662).

телей. Там, где нет этой возможности, нет и конкуренции¹. Конкуренция всегда проявляется лишь в ограниченных размерах там, где господствуют эмпирические методы. Это объясняется тем, что при таких методах ущербление или улучшение производства может быть достигнуто только в результате длительного процесса преобразований. Мы знаем, что быстрый прогресс техники совершенно не соответствует сущности эмпиризма. Мы знаем, что традиционные приемы вытесняются другими, более целесообразными, только благодаря счастливой случайности. Мы знаем, наконец, что всякое эмпирически достигаемое уменьшение связано с определенным лицом и может передаваться другим только через посредство этого лица. Поэтому, если бы даже какой-нибудь ремесленник применил существенно улучшенный метод и благодаря этому стал производить лучшие или более дешевые изделия, то его приемы не вышли бы за пределы его личной деятельности. Его улучшения — как бы естественный патент, используемый изобретателем, и они входят в общее употребление лишь постольку, поскольку он лично передает свою усовершенствованную технику другим. На первых порах такие улучшения остаются единоличным достоянием и влияют на условия сбыта лишь в той ограниченной области, на которую простирается деятельность изобретателя. Зависимость производства от способностей отдельного лица, представляющаяся нам ныне исключительной привилегией художественного творчества, в эпоху чисто эмпирической техники была общим явлением и сказывалась в большинстве тех технических улучшений, благодаря которым достигается повышение качественной привлекательности изделий или уменьшение издержек их производства.

Эта замедленность технического прогресса, связанная с самой природой эмпирических методов, и вытекающая отсюда трудность успешной конкуренции на товарном рынке приводят к резко ощутимым последствиям только там, где не имеется средств, с помощью которых можно достигать существенно улучшенных методов продукции и вводить их в практический обиход. Как мы покажем в дальнейшем, средства эти сводятся к использованию более мощных сил природы и прежде всего, как мы знаем, к объединению многих рабочих сил в одном общественном (крупном) предприятии. Если первое зависит от прогресса знания,

¹ Эту конкуренцию можно назвать качественной в противоположность количественной, создаваемой вследствие переполнения того или другого промысла.

то второе зависит от двух социальных условий: во-первых, от наличности желающих работать человеческих масс и во-вторых, от накопления ценностей, которые можно использовать для содержания работающих в большом предприятии рабочих сил и для приобретения необходимых для них средств производства,— проще выражаясь, от соответствующего «накопления капитала».

Там, где не имеется одного или обоих из этих условий, даже при лучшем желании оказывается невозможным побить соседа путем успешной конкуренции, хотя бы тот или другой производитель обладал более совершенной техникой. Но эта тема ведет нас в область, которой мы должны коснуться позднее. В последних положениях мы хотели выразить лишь самоочевидную в сущности мысль, что процветание ремесла предполагает отсутствие тех условий, с которыми связано существование капитализма. Мы должны точнее выяснить, каковы эти условия.

Я хотел бы высказать здесь еще одну мысль, именно, что независимо от всех вышеуказанных моментов существует еще одно обстоятельство, совершенно исключающее — при предполагаемом нами состоянии техники — всякую конкуренцию в современном смысле слова, по крайней мере конкуренцию между производителями различных местностей: я имею в виду трудность отправки в более далекие области изделий, хотя бы производимых более совершенными способами или вообще вырабатываемых при более благоприятных условиях. Несовершенство техники определенной эпохи не в малой мере зависит от несовершенства транспортной техники.

Глава XIV.

Развитие потребностей в благах.

Предварительные замечания. Источники и литература.

(К главам XIV—XV.)

В предыдущих главах мы касались только идеальных случаев. В настоящее время нам предстоит выяснить, как складывалась в действительности хозяйственная жизнь средневекового города. Другими словами, нам предстоит ответить на вопросы — в каких размерах было распространено в городах ремесло и насколько оно уклонялось от идеала. Этим самым мы ответим и на вопрос о том, в какой мере были выполнены в средние века объективные условия существования ремесла.

Насколько богаты наши сведения о промышленном строе средневековья, настолько же мало мы знаем о самой промышленности. Большинство источников говорят только о том, что должно бы быть, а ученые, обрабатывавшие источники, ограничивались почти исключительно систематическим описанием того положения, которое представлялось в то время желательным.

Мы имеем чрезвычайно мало описаний самой хозяйственной жизни. Поскольку можно судить по опубликованным до сих пор материалам источников, будет довольно трудно более выпукло осветить промышленную жизнь того времени. Гораздо благополучнее обстоит дело с историей торговли. Историю торговли во всяком случае можно было бы написать, ибо по этой части у нас имеется гораздо больше «человеческих документов» и статистических материалов (в настоящее время историю торговли действительно начинают писать).

Для реконструкции промышленной жизни нам приходится главным образом пользоваться мало что дающими списками горожан и податными списками; в качестве косвенных данных нам необходимо использовать, насколько возможно, цеховые уставы и другие юридические источники. Вместе с тем известную ценность представляют случайные описания и в особенности произведения художественного творчества.

Во всяком случае историки средних веков должны были бы обратить все свое внимание на пополнение материала источников, касающегося истории промышленности. По части истории цехов мы располагаем в настоящее время уже достаточными сведениями.

Последующее изложение должно рассматриваться только как известная программа.

Чтобы создать себе возможно более ясную картину реальной хозяйственной жизни средневекового города, мы должны подойти к ней сначала с точки зрения потребителя, а затем с точки зрения производителя. Я начну с определения потребности в благах.

Какого рода и какого объема были потребности, которые приходилось удовлетворять городу? На это прежде всего можно ответить: в смысле объема потребности удерживались в сравнительно узких (с нашей точки зрения) границах. В качестве потребителей промышленных изделий (а именно на эту группу нам и нужно прежде всего обратить внимание) выступали: 1) жители самого города; 2) жители окрестностей, посещавшие еженедельные базары; 3) чужеземцы, посещавшие годовые ярмарки.

В эпоху средневековья жители самого города никогда не представляли собою большой величины, ибо можно с уверенностью утверждать, что в течение всего средневековья число городских жителей не выходило за довольно узкие пределы. Регулярных посетителей, приезжавших из ближайших окрестностей на еженедельные базары, также было не очень много: 1) вследствие того, что земледельческие округа были очень слабо заселены; 2) вследствие того, что имелось сравнительно много «городов», разбросанных по всей стране; 3) вследствие того, что крестьянское потребительское хозяйство было еще весьма широко распространено.

О густоте населения и его скученности в средние века нам дают представление следующие цифры:

По исчислениям весьма осторожного Т. Роджерса в Англии от XIV до XVI в. имелось около $2\frac{1}{2}$ млн. жителей¹; П. Фабр исчисляет население Англии в эпоху Генриха II в 2880 000².

Во Франции в XIV в. на 1 кв. км жило 40 человек, затем цифра населения начинает падать и лишь в конце XVI в. опять достигает той величины, которой она определялась за 200 лет до того³.

Самым большим городом европейского средневековья (если не иметь в виду Византии) был, конечно, Париж. Но я не думаю что, как это полагает большинство, население его уже в XIII в. достигало 100 000, ибо исчисления Жеро, который определяет его на основании «Registre de la Taille» цифрой более чем в 200 000 человек, кажутся мне не безупречными⁴.

¹ Th. Rogers, Six Centuries of Work and Wages, нем. пер. 1896 г., стр. 87 и сл. В основу своих вычислений Роджерс кладет производство пшеницы.

² P. Fabre, Eine Nachricht usw. в Zeitschr. f. Soz. u. Wirtsch. Gesch. 1, 149 и сл. В основу исчисления кладется так называемый «пленс св. Петра».

³ E. Levasseur. Population française 1, 166 и сл. 288 (Обзор).

⁴ В основу исчисления автор кладет 15 200 поименованных в «Reg. de la Taille» (1292) плательщиков податей и 349 гектаров 61 ар площади под об-

Лондон в 1377 г. имел 35 000 жителей¹.

В XIV в. города с приблизительно таким же или несколько большим числом жителей (от 40 до 50 тысяч) имелись только в Италии, Фландрии и Брабанте: Милан, Венеция, Генуя, Болонья, Флоренция, Неаполь, Палермо, Ипр, Брюгге, Гент². В Германии этих цифр не достигал ни один город: Любек того времени имел 17 000—24 000 жителей³, Гамбург (1419)—22 000 жителей, Лугсбург (1475)—18 300, Нюренберг (1449)—20 000—25 000, Страсбург (1473—1477)—20 000—30 000, Ульм (1427) около 20 000, Бреславль (1415)—21 866⁴. Подавляющее большинство средневековых городов было небольшими городами, имевшими менее 10 000 жителей: даже такие важные торговые города, как Франкфурт на Майне и Росток имели — первый (1440) около 9 000 жителей, второй (1387)—10 785. Дрезден имел в эту эпоху 3 000—5 000, Фрейберг — 5 000, Лейпциг — 4 000 жителей и т. д.

В Англии XIV в. кроме Лондона было только 2 города, имевших 10 000 и более жителей: Йорк с 11 000 жителей и Бристоль с 9 500 жителей⁵. Даже в больших городах среднее число жителей не достигало 5 000 человек⁶.

работкой «Collect. des docum. Inédits etc.» Ser. 1. 8 (1837), стр. 179, 471. По моему мнению, судя по этим данным, население можно определить максимум в 60 000—70 000 человек. Площадь, окруженная стенами, немногим больше, чем общая площадь Метцкой крепости (в 1902—1903 г. она составляла 317, 33 гектара, в 1910 г. Метц имел 68 598 жителей. Ср. также «Paris et ses historiens au-XIII et XIV sc.» (1867), особенно стр. 485 и сл.

¹ По исчислениям Тофама в «Archaeologia» (т. 7), методом которого пользуется и Роджерс, указ. соч., стр. 85. В основу положены податные списки, включавшие всех милян, имеющих более 14 лет от роду.

² J. Bełoch, Die Entwicklung der Grossstädte in Europa, в «Comptes rendus et Mémoires du VIII Congrès international d'Hygiène et de la Démographie» (1894), 7, 58. Судя по «достойному доверия» документу, в XVII в. Ипр имел 200 000 жителей. A. Vandepereboom, Ypriana 4 (1880), 24. Документ от 1257 г. сводит эту цифру к 40 000. Пирен, История Бельгии, 1, 311.

³ Willh. Reissner, Die Einwohnerzahl deutscher Städte in früheren Jahrh. mit bez. Berücksichtigung Lübecks (1903), 68, 70.

⁴ См. данные, приведенные в HSt. (статья «Население», где по отношению к каждой цифре указан источник, откуда она взята. Методы исчисления всего подробнее разбирает J. Jastrow, Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters. 1886. Ср. также G. Schmoller, Die Bevölkerungsbewegung der deutschen Städte von ihrem Ursprung bis ins XIX Jahrhundert; напечатано в юбилейном издании Отто Гирке по поводу семидесятилетнего дня рождения Шмоляра (1911), 167 и сл.).

⁵ См. прим. 1 на предыдущей странице.

⁶ Ср. Ч. Гросс, Гильдейский купец, 1 (1890), 73, прим. 4, где указывается и литература.

На годовые ярмарки, особенно на знаменитые мессы съезжалось довольно значительное число покупателей, которое, конечно, не поддается никакому приблизительному определению. Как я покажу, число продавцов на мессах также было весьма значительно; приезжали они из очень многих городов. Таким образом на долю производителей одного города приходилась только весьма небольшая часть общего числа посетителей ярмарок.

Число потребителей, обслуживаемое городской промышленностью, было незначительно даже при включении в него приезжавших на мессы покупателей; но число это нам придется еще значительно снизить, если мы примем во внимание, что наибольшая часть населения почти совершенно не покупала промышленных продуктов. Причины этого были следующие: в сельских округах было еще попрежнему сильно развито производство для собственного потребления; богатство было незначительно; распределение богатства было неравномерно.

Первое утверждение нельзя доказать цифрами. Что касается до развития богатства, а также его распределения, то в этом отношении мы располагаем ценным цифровым материалом.

Когда Роджерс определяет производительность земли в средние века для Англии в $\frac{1}{4}$ современной¹, то само по себе это говорит еще немного. Гораздо показательнее статистические данные о состояниях и доходах, которыми мы располагаем для многих городов средневековья, если мы сопоставим их с ценами на промышленные изделия.

По исчислению Эйленбурга² в рейнском Пфальце (в XIV в.) состояния:

до 20 гульд.	(считая 1 гульден = 7 мар. совр. стоим.)	составляли	29,5%
» 60 »	» » » » » » »		61%
» 300 »	» » » » » » »		93%

всех состояний, так что только 7% населения владело более чем 300 гульденами (т. е. 2100 марок по современной стоимости). Совершенно такими же сведениями мы обладаем и относительно Майсена, Дрездена, Мюльгаузена³ и др.

¹ Rogers, A History of Agriculture and Prices, I, 55.

² F. Eulenburg, Zur Bevölkerungs- und Vermögensstatistik des XV Jahrhunderts в Zeitschr. f. Soz. u. Wirtsch. Gesch. 3, 450.

³ Arno Vetter, Bevölkerungsverhältnisse d. ehemals freien Reichsst. Mühlhausen im XV und XVI J. (1910), 63.

В 1292 г. в Париже из 1324 ремесленников 821 имел менее 250 франков (современной стоимости), т. е. 62,2%, менее чем 1 000 франками владели 1 196, т. е. 90,6%, общего их числа (по исчислениям Мартина Сен-Леона).

В Базеле¹ (1429) из 969 ремесленников

488 (= 50%)	имели менее 50 флоринов
904 (= 91%)	» » 300 »

состояния.

В то же время цены на промышленные изделия в средние века были отнюдь не ниже, а значительно выше, чем теперь, как показывает любое сравнение цифр, поскольку они вообще являются сравнимыми.

Но если даже «покупательную силу» денег по отношению к промышленным изделиям в средние века приравнять к их современной покупательной силе, то все же доходы, соответствующие приведенным выше состояниям, определяются ничтожной величиной. Вспомним, кроме того, домашнее промышленное производство, предназначенное для собственного потребления и развитое гораздо больше, чем ныне. Да и таких покупателей в средние века имелся один там, где ныне имеется их десять или сто.

Кроме городских управлений серьезное значение в качестве потребителей промышленных продуктов, изготовленных городскими производителями, имели только немногочисленные лица, принадлежавшие к наиболее богатым слоям. Главным образом, это были землевладельцы, к которым с течением времени присоединилась горсточка зажиточных банкиров (например «ломбарды» в Париже)². На эти группы приходилась львиная доля всего богатства страны: в рейнском Пфальце, по цитированным выше исчислениям Эйленбурга (см. Эйленбург, стр. 450), 3%, «богатых» людей (владевших состоянием свыше 600 флоринов) имели в своих руках треть имущества всего города. 42 человека этой группы владели 55 292 флоринами, а 435 лиц, относившихся к наименее зажиточной группе населения, владели всего 8 754 флоринами. Таким образом на отдельные хозяйства богатой группы приходился довольно значительный доход (что как раз и является важным).

¹ G. Schönberg, Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV und XV Jahrhundert (1879), 180—81.

² См. прекрасную работу Р. du Magoissem, La question ouvrière 2 (1892), 29 и сл., где анализируется круг покупателей одного парижского мебельщика в XIII в.

На основании «*Registre de la Taille*» я вычислил, что 161 человек платили более 10 ливров податей: в общем они вносили 3 134 ливра, или 27%, общей суммы податей (12 243 ливра 8 су), между тем как по отношению к общему числу налогоплательщиков они составляли немногим больше 1%. Средняя цифра налога, платимая каждым из этих 161 человека, составляла 20 ливров или по современной стоимости около 550 марок. Так как в качестве налога взималась $\frac{1}{50}$ часть дохода, то доход этих 161 человека придется определить в среднем в 27 500 марок: из этой суммы, конечно, кое-что должно было перепасть и на долю ремесленных изделий. В то же время дворянство и духовенство были освобождены от налога.

Итак, имеющиеся у нас данные о высоте и распределении дохода в средние века вынуждают нас к заключению: ремесло (за исключением, может быть, ремесл, изготавливших средства питания, да и то отчасти) работало главным образом на небольшую кучку зажиточных людей. Такой вывод несомненно подтверждал бы результаты исследования, ставящего своей задачей вывести из самой природы ремесла те категории покупателей, которые обслуживались ремеслом: по моему мнению можно было бы установить, что подавляющее большинство всех металлических индустрий, большая часть промышленности, изготавлиющей одежду (и вся промышленность, изготавлившая ткани лучшего качества), наконец, вся строительная промышленность, не говоря уже о промышленности, изготавлившей предметы роскоши, сбывали свои товары только богатым, под которыми мы, конечно, подразумеваем и все духовенство, равно как и низшие слои дворянства и т. д. Я, разумеется, не отрицаю, что и так называемый «народ» также приобретал промышленные изделия. Я лишь полагаю, что его потребности не характеризовали общую потребность (как это отчасти имеет место теперь)¹.

Если мы спросим, какого рода промышленные изделия требовались в средние века, то, как мне кажется, мы можем довольно достоверно установить некоторые характерные в этом отношении черты.

Прежде всего потребности эти были гораздо многообразнее, чем часто думают. По крайней мере в больших городах Франции

¹ В Англии мы слышим время от времени о поставках бедным большого количества предметов одежды: Зальцман, указ. соч., стр. 137 (1 000 локтей материи XIII в.); стр. 183 (150 пар башмаков). Но это были, конечно, редкие исключения.

и Италии, в особенности в Париже, богатый выбор промышленных изделий приводит нас в изумление. Какую массу предметов потребления (из которых значительная часть изготавлялась, очевидно, ремеслом) перечисляет, например, в своем словаре¹ мастер Иоанн де Гарландия, писавший в первой половине XIII в.!

В то же время приходится предположить, что вкус эпохи требовал главным образом блестящих, пышных, но в то же время прочных, драгоценных и солидных вещей. Средние века, конечно, были совершенно невосприимчивы к кричащим и малоценным вещам, ко всему тому, что ныне называют «последним криком моды». Я не хочу вдаваться в рассуждение о том, почему средние века не обладали этой восприимчивостью: может быть потому, что тогда не существовало современной промышленности, жизненным первом которой является изготовление низкокачественных продуктов, а может быть потому, что массы вообще не выступали еще в качестве потребителей. Достаточно сказать, что в этом отношении вкус эпохи был совершенно иной, чем ныне.

Наконец потребности были сравнительно более постоянны. В то время почти совершенно отсутствовало то, что мы обычно называем теперь «переменою моды». «Средние века ценили привычное, переданное по традиции. В Германии середины XIV в. не наблюдалось быстрых перемен моды, а те перемены, которые происходили, касались скорее покрова костюмов, чем видов ткани. В средние века слепо верили, что во всех областях жизни существует нечто раз навсегда данное, в том числе и в области хозяйственных потребностей и техники»².

Ученым, отрицающим это и желающим обнаружить в средние века столь же частые перемены моды, как и в наше

¹ Словарь этот впервые был публикован Жеро в сер. I, т. VIII «Collect. des Docim.» (1837), а затем Шеллером (Лейпциг, 1867 г.). Для историка хозяйства (обладающего некоторой проницательностью) было бы чрезвычайно благодарной задачей обработать словарь Гарландия с современной точки зрения. Он содержит массу материала и из него можно извлечь больше сведений по части средневековой промышленности, чем из десяти лучших цеховых уставов. Другим ценным источником, принадлежащим приблизительно к тому же времени и дающим интересные сведения о количестве и роде продававшихся товаров, являются некоторые из басен XIII в. в особенности «Сказание о купцах», перепечатанное во втором томе «Recueil des Fabliaux», в издании Montaignon-Raymond (1872—1890). Содержание этих басен передается у Ferd. Herrmann, Schilderung und Beurteilung der gesellschaftlichen Verhältnisse Frankreichs in der Fabliaux-Dichtung der XII und XIII Jahrhunderts (1900), стр. 36 и сл.

² G. Schmoller, Die Strassburger Tucher- und Weberunft (1879), стр. 20.

время, следует напомнить, что в средние века перемены в сфере потребления происходили в несравненно более долгие периоды. В этом отношении я отсылаю читателя к замечаниям, сделанным во второй книге настоящего труда.

В общем и целом круг покупателей промышленных продуктов в средние века был таков, что ремесленник не мог пожелать ничего лучшего. Условия ремесленного производства были оптимальны, поскольку дело касалось сбытовых отношений.

Посмотрим теперь, каким образом покрывались в средние века потребности в промышленных изделиях.

Глава XV. Способ покрытия потребностей.

I. Конечные потребители.

Как покрывало городское население свою потребность в промышленных изделиях? (Можно почти сказать — свои потребности в хозяйственных благах вообще, ибо все потребности людей являются потребностями в уже обработанном, «облагороженном» сырье, т. е. в промышленных продуктах, за исключением разве очень немногих средств питания, как то: яйца, молоко, овощи, фрукты. Важнейшие средства питания, которые мы потребляем, уже прошли целый ряд процессов обработки — хлеб, мясо, соль, напитки и т. д.).

На это можно ответить: по большей части, как и раньше, за счет производства в собственном хозяйстве. В собственном же хозяйстве добывались и многие виды сырья, как, например, хлеб; это продолжалось до тех пор, пока горожане занимались еще сельским хозяйством, что, конечно, в больших городах позднего средневековья уже было исключением¹. Но во всяком случае часть скота выкармливалась в собственном хозяйстве, как, например, свиньи, рогатый скот², домашняя птица; а в садах и огородах, имевшихся почти возле каждого более или менее большого дома, выращивались овощи и фрукты, а где позволял климат, также и виноград.

¹ См. сказанное выше относительно сильного аграрного отпечатка, свойственного даже большим городам вплоть до позднего периода средневековья.

² Если аугсбургский городской статут 1276 г. разрешает резать свиней на дому, но запрещает резать на дому рогатый скот, то здесь, очевидно, дело идет лишь о скоте, вскормленном в собственном хозяйстве. Ведь никакой разумный человек не стал бы покупать быка на рынке, чтобы зарезать его у себя на дому.

Необходимо помнить, что богатые землевладельцы, принадлежавшие к светскому или духовному сословию, составляли чрезвычайно важную группу городских жителей. Они еще долгое время продолжали вести в городах собственное хозяйство. Поэтому значительную часть сырья, в особенности предметов питания, они получали из собственного хозяйства (из своих поместий, расположенных вдали от города) и затем, как мы сейчас покажем, значительную часть его перерабатывали в своих городских домах. Так, например, герцог Беррийский или капитул собора Парижской Богоматери еще в конце XIV в. кушают хлеб из собственных поместий¹.

Но значительную часть сырья или полуфабрикатов приходилось, конечно, покупать: хлеб, муку, солод, обработанный лен, шерстяные материи, кожу и т. д. Это делалось в тех случаях (подлежащих сейчас нашему рассмотрению), когда в собственных хозяйствах велось еще довольно обширное промышленное производство.

Не подлежит никакому сомнению, что в течение всех средних веков домашняя промышленная деятельность играла большую роль во всех городах, даже и в наиболее значительных.

В собственном хозяйстве не только варили², но и пекли³, гото-

¹ «В месяце августе (тысяча) CCCLXXI г. Гильом де Сен-Жермен, сборщик герцога Беррийского, доставил с мельниц сказанного господина в Рауле де Рюэль пшеничную муку для отеля сказанного господина и передал ее булочнику в Мене на Иевре, который испек из нее хлеб и доставил его для сказанного потребления». «Из зерна, которое указанный капитул получает из своей житницы». См. G. Fagniez, *Etudes sur l'Industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIV siècle* (1877), стр. 166. Книга Фанье — одна из лучших работ по истории промышленности в средние века.

² В больших (южных) городах существовали уже общественные кухни наподобие современных *rosticcerie*, которые можно встретить в Италии. Так, например, в Париже XIII в. имелся цех «жарильщиков гусей», которым Эт. Буало советует варить и жрать только хорошее мясо.

³ В германских городах: данные приведены у Инамы III. 2, 105; далее в статье Эйленбурга, помещенной в «Zeitschr. f. Geschichte des Oberrheins», 11, 130. Но даже и в Париже в конце XIII в. хлеб выпекался на дому. Я заключаю об этом из того факта, что у мельников существовал двойной тариф: они получают от пекарей 1 буассо за два сетье хлеба, а с остальных клиентов берут по одному буассо за одно сетье. Этими остальными клиентами являются «буржуа». «Livre des métiers», стр. 16. Но печи для выпечки хлеба, которые имелись в любом порядочном доме в Париже и других французских городах («...мало состоятельные хозяева сказанного города [Мелена], которые не могут печь хлеб в собственных отелях...» См. Ордонансы французских королей 4, 593) были обычно приспособлены для выпечки мелких печений (не хлеба) и только в известное время (например

вили вино и пиво¹, резали скот², коптили и солили мясо и т. д. В домашнем хозяйстве изготавливали свечи³. В домашнем хозяйстве пряли пряжу⁴, иногда ткали⁵, шили одежду⁶ и обувь⁷. Для выполнения некоторых из этих работ приглашали опытного ремесленника: пекаря, сапожника, портного, мясника, закройщика, ювелира, винодела и т. д. Для починки посуды ремесленники также иногда приглашали на дом⁸, а иногда чинили посуду на улице⁹. Насколько

в годы дорогоизны) употреблялись для хлебопечения. Крупные хозяева богачей и духовных учреждений по общему правилу еще в XIV в. выпекали хлеб в собственных печах даже в таком большом городе, как Париж. Согласно Ж. Фанье, указ., соч., стр. 166 и сл., а также места, цитированные в приведенном выше тексте, О том, что печи предназначались для собственных потребностей землевладельцев, проживавших в городах в XIII и отчасти XIV в., свидетельствует уже самая примитивность их конструкции.

¹ Вспомним, например, обычай очередной варки пива. Инама, соч., стр. 105 (Регенсбург 1230). Но в более крупных городах уже существовали винные и пивные заведения, где продавались изготовленные на месте или купленные напитки: в Париже XIII в. мы находим 56 «хозяев винных погребков» и 37 «хозяев пивных».

² См. выше, стр. 224, прим. 2.

³ В Париже выделка свечей на дому разрешалась при условии, что она производилась под надзором мастера свечного цеха. Домашние хозяева, конечно, были недовольны высоким вознаграждением, которое приходилось платить мастеру (совершенно ненужному для дела) и старались обращаться к помощи какого-нибудь случайного работника, умевшего изготавливать свечи. По этому поводу цех издает приказ: никакой подмастерье и никакой ученик не должен помогать при изготовлении свечей на дому, если он не окончил шестилетнего срока обучения.

⁴ Г. Шмидлер, Страсбургский цех суконщиков-ткачей, стр. Инама, соч. 125. «Livre des métiers», tit. LVII.

⁵ Это практиковалось даже в Париже в 1400 г. Вряд ли можно думать, что Понсеть, жена Кардина Ови, называемая «lignière» и работавшая в одном доме, то в другом (*elle allait aucune fois ouvrir par cy et par là*) занималась тканьем полотна. В большом словаре Закс-Виллата слова «ligner» переводится «торговец льном», что, очевидно, не имеет в данном случае никакого смысла. Неизвестно, занималась ли эта женщина прядением или только приготавляла лен для работы, чтобы впоследствии его привезти в хозяйственные дочери. Указанное место под датой 22 октября 1399 г. имеет в своем описании надпись: «Reg. d'aud. du Châl.» V, 5222 лист, 142, цит. у Фанье, указ. соч., стр. 62.

⁶ В Гейдельберге: Эйленбург, указ. соч. В Вене: Эйленбург, статья в «Zeitschr. für Soz. u. W. G.» 1, 282, далее «Gesch. d. Stadt Wien» 2, 714; во Франкфурте на Майне: Бюхер, 230.

⁷ Бюхер, указ. соч.

⁸ Такими ремесленниками были в Париже странствующие починщики котлов. «L. des métiers», tit. XII. Ср. также сказанное ниже о бродячем ремесле в средние века.

⁹ Такими ремесленниками были странствующие починщики мебели, которых упоминает Гильом де Вильнев в своей книге «Crées de Paris».

роко распространена была работа приходящих ремесленников в германских городах вплоть до позднего средневековья, доказывают запрещения этого рода работы, которые начали издавать цехи после того, как они стали вести более строгую политику: такие запрещения издавали гельмштедские портные в 1301 г., франкфуртские сапожники в 1355 г., любекские ювелиры в 1371 г.¹ и многие другие.

Остальные промышленные работы выполнялись исключительно специалистами-ремесленниками за определенное вознаграждение.

Часто это происходило в форме работы за заработную плату в тех случаях, когда заказчик сам доставлял ремесленнику материал для производства.

Мельничное дело было в значительной степени ремеслом, выполняемым за заработную плату. Об этом можно заключить из тех больших запасов хлеба, которые держали у себя отдельные горожане (иногда по необходимости)². На этот счет у нас имеется достаточно свидетельств³.

Выпечка хлеба также производилась за заработную плату.

Тот, кто не имел собственной печи, посыпал тесто на выпечку к пекарю⁴.

Пекаря разделялись обычно на две категории — пекарей, имевших лавки, и пекарей, продававших хлеб на дому.

По всей вероятности большая часть построек сооружалась за заработную плату: хозяин на свой счет запасался материалами и предоставлял их в распоряжение каменщиков, каменотесов и плотников, получавших поденную плату. Об этом свидетельствует своеобразная организация строительного дела в средние века⁵, далее, тот факт, что мы всегда слышим о заработной плате

¹ См. свидетельства источников, приведенные у И. Намы «Хозяйственная жизнь в Германии» III. 2, 73. Ср. также различные работы Бюхера: статью «Промышленность» в HSt. и «Происхождение народного хозяйства». Бюхер открыл «приходящего ремесленника» для науки

² Для Любека см. Joh. Hansen, Beitr. z. Gesch. d. Getreidehandels und der Gebr. Politik Lübecks (1912) 56 и сл., 142 и сл. В 1579 г. 78,4% всех семейств держали дома запасы зерна. В 1473—1477 гг. из 26 193 жителей Страсбурга только 8 369 не имели запасов зерна. Amt. Herzog, Die Lebensmittelpolitik der St. Strassburg im M. A. (1919), 17.

³ См. например, Ант. Герцог, указ. соч., стр. 19 и сл.

⁴ См. И. Нама, указ. соч., стр. 101. Для Страсбурга см. также Герцог, указ. соч., стр. 3. Для Лондона (XIV в.) см. Riley, Mem. of London, 163; указ. соч., стр. 29; для Парижа (XIV в.) Фанье, указ. соч., стр. 165. Для Вены (XV в.) см. «Geschichte der S. Stadt Wien», II. 2, 694.

⁵ См. Heideloff, Die Bauhütten, 1844; Janner, Die B. H. des Mittelalters, 1876.

строительных ремесленников¹, многие описания закупок, производимых строителями домов, в особенности из духовенства², дошедшие до нас оригиналы контрактов между строителями и строительными ремесленниками³, наконец многие предписания цеховых уставов⁴. Хозяева-строители, по всей вероятности, покупали даже сырье материалы (известь и глину) и нанимали ремесленников, изготавливших за известную плату известковый цемент, черепицы и кирпичи⁵.

Хозяин здания поставлял не только строительные материалы, но и леса, (которые он предварительно заготовлял из собственного леса с помощью наемных рабочих), далее ведра и кадки для приготовления цемента⁶ и принимал на себя обязательство при длительных работах покупать ремесленникам новые инструменты⁷. Иногда ремесленники получали квартиру и содержание от хозяина⁸, а часть заработной платы выдавалась им одежными материалами⁹.

¹ См., например, у Лампрехта, «Хозяйственная жизнь Германии» 2, 570 и сл., 613, а также труды Д'Авенеля, Рошфорса и т. д., где приводится множество ставок заработной платы, получавшейся строительными ремесленниками.

² См., например, Rogers, *Six Centuries*, нем. пер., стр. 106.—Ст. Бейсель в своем труде «Geldwert und Arbeitslohn im Mittelalter» (1985), 37 и сл., картинно описывает, как ксантский капитул посыпал начальника строительных работ и каноника для закупки строительных материалов, необходимых для постройки церкви.

³ См., например, G. Fagniez, *Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France*, 2 тома 1898. 1900, т. 2 № 21.42.51 (Договор со стекольщиками). 59.61.67. (Договор об отливке колокола), и его же, *Etudes* (1877), № 42.

⁴ Устав лондонских каменщиков от 1356 г. считает еще «крупную работу» (т. е. сооружение целого здания одним строителем-предпринимателем) столь исключительным явлением, что при подряде на постройку всего здания должны давать гарантию 4 или 6 мастеров. Ср. G. Brodnitz, *Die Stadt-wirtschaft in England* (Jahrbücher f. N. Ö., 47, 28).

⁵ Из цеховых статутов видно, что венецианские черепичники и изготовители известий до XIV в. работали за заработную плату. При этом, однако, неясно, работали ли они на торговцев, торговавших известью, черепицей и камнем, или на хозяев-строителей. См. их статуты, приведенные в 26 томе «Fonti per la storia d'Italia», 1896.

⁶ См. Фанье, *Etudes*, 203 и прилож. 42.

⁷ «Поставлять молотки», «точить молотки», указ. соч.

⁸ Это было общим правилом, когда постройки производились людьми, приехавшими издалека, как, например, при сооружении здания капитула в Труа и парижских стен. См. там же, стр. 208.

⁹ «Одежду», «полтора локтя сукна», «одежжу и чулки». В таких выражениях часто определяются ставки заработной платы. См. там же.

В то же время отдельные части постройки сдавались на подряд, и таким образом ремесленник становился «ремесленником-подрядчиком». В этих случаях уже появляются в эмбриональной форме архитектор и строитель-предприниматель; раньше всего это стало наблюдаваться на больших постройках в Италии и при сооружении королевских зданий в Париже¹, которые, как мы увидим, во многих отношениях явились образцом для организации строительного дела.

Работа за заработную плату часто практиковалась в текстильной промышленности и связанном с нею одежном ремесле: ткачу давали вытканную дома пряжу для изготовления из нее материи², а полученную от него грубую ткань передавали для дальнейшей переработки суконщику, красильщику, вальцовщику³. Только после этого готовую материю передавали портному.

Иногда у торговца сукнами покупали готовое сукно, чтобы передать его портному. Богатые заказчики в Париже, Болонье и Венеции нередко покупали сукно в сопровождении портного, который подавал им советы при выборе материи. Нечто подобное случается и теперь, когда мы, например, покупаем в Константинополе ковры с помощью драгомана. Нередко бывало, что торговец сукном «подмазывал» портного, дабы тот вел заказчика к нему, а не к его конкуренту. Такие приемы запрещались статутами⁴.

¹ В третьей главе второй книги своих «Исследований» Фанье дал богатый материал по истории «архитекторов» и «строителей-предпринимателей». См. также третью книгу настоящего сочинения.

² Льняная пряжа по большей части доставлялась заказчиком, в особенности в маленьких городах; но это практиковалось даже и в Париже, где ткач получал от заказчика пряжу в клубках или мотках: «se aucuns ou aucune engageoit autre file en pelote ou en chaîne», «Ord. rélat. aux mét.», стр. 390. Фанье, Исследования, 223. Во Флоренции обычай этот соблюдался еще в XIII в. Г. Зивекинг, Торговые книги Медичи (1905), 33. Относительно Парижа нам сообщают, что и шерстяная пряжа ткалась ткачом, работавшим за заработную плату: «Si mesme mestre doivent mettre en oeuvre le fil comme l'en leur bailler à tistre les blans desus diz.» «Ord. rél. aux mét.», стр. 394, привед. у Фанье, 223. Иногда заказчик доставлял ткачу и необходимые принадлежности (*«suif et son»* в Париже при тканье полотна, цит. соч., стр. 229).

³ Фраза: «Если будет доставлена какая-либо ткань для вальцования» понятна и профессиональному суконщику и профану. Венецианские цеховые статуты, приводимые в «Fonti per la storia d'Italia» 26, 140.

⁴ Статут цеха торговцев в Болонье (XIII в.) «Fonti и т. д.», 4, 133. Статуты парижских портных дают весьма яркую картину условий, существовавших в средневековом портновском ремесле: «Livre des mét.» III. LVI; Венеция: «Fonti и т. д.», 26, 10—12; Болонья: «Fonti и т. д.», 4, 274 и сл. В Париже существовали мужские и женские портные, см. указ. соч., стр. 15. Все вышеупомянутые статуты относятся к XIII в.

Головные уборы отдавались на заказ мастерам-шапочникам, которым доставлялся и материал¹.

В XIII в. среди парижских портных² мы встречаем портного короля, портного королевы, портного королевских детей, портного монсеньора Шалля, портного графини Валуа, портного епископа, портного семьи Мармузе, портного Темпля. Герцог Нормандский и герцог Беррийский также имеют собственных портных. Некто Готерон в XIV в. именуется «портным виконта д'Онэ»³.

На основании правил английских цеховых статутов можно заключить, что такой же обычай существовал и в Англии: статуты запрещают членам цеха носить ливрею своих заказчиков. Во Франции придворные портные носили герб того дома, в котором они работали, но тем не менее они пользовались почетным положением среди членов цеха. Им выдавали довольствие и платили постоянное жалованье. Если им приходилось предпринимать путешествия для закупки материй, то им выдавались подорожные. В замках аристократов содержались и портнихи⁴. Тот же обычай мы наблюдаем в Вене: *Sartor, serviens domini abbatis Scotorum, sartor ducis*⁵.

Все это — преемники старых дворовых ремесленников. Такие ремесленники имелись в течение всех средних веков и в других отраслях промышленности, как, например, в строительном деле. От них очевидно произошли «придворные поставщики» нового времени. Написать их историю было бы благодарной задачей.

Ремесленники, работающие за заработную плату, встречаются во многих отраслях промышленности.

Благородные металлы относили ювелиру, который делал из них украшения или сосуды⁶. Железо отдавали ружейнику⁷, изготавливавшему оружие, или кузнецу, выделявшему из него подковы: если оруженосец рыцаря в Болонье приводил к кузнецу коня и приносил с собою железо в необработанном виде, то за подкову с восемью гвоздями он должен был платить 6 бонариев, а если он приносил готовую подкову и гвозди, то он платил только

¹ Для Венеции см. «Fonti», 26, 24.

² Статуты и ордонансы портных и т. д., 1763. Цит. у А. Franklin, *Les magasins des nouveautés* (1894), 89.

³ P. Boissonade, *Essai sur l'organ. du travail en Poitou* 1 (1900), 294.

⁴ Места из источников см. у Фанье, Исследования, 246 и сл.

⁵ «История города Вены», II, 2, 714.

⁶ Венеция: «Fonti», 116; Бреславль: *Eulenburg, Innungen der Stadt Breslau* (1892), 77; Лондон: Riley, *Memorials of London*, 29, привед. у Броднича, 28.

⁷ Оsnabрюк: Инама, III, 2, 81.

4 бонария. Очевидно, готовый материал доставляли лишь зажиточные люди, и такса приводится лишь для ковки лошадей. Если приходил с своим ослом крестьянин или продавец воды или вообще бедный человек, то кузнец делал подковы из своего материала и продавал их за определенную цену¹.

Лица, бывшие скот на собственном дворе, отдавали шкуры на обработку кожевнику², а приходящий ремесленник шил из обработанной кожи сапоги.

Работы такого рода выполнялись во всевозможных отраслях промышленности.

Весьма значительную часть потребностей в промышленных изделиях покрывали с помощью ремесленников, продававших свои продукты за определенную цену, т. е. с помощью пекарей, мясников, столяров, кузнецов, слесарей, скорняков, каретников, покупавших сырье на свои средства.

Конечно, производство «на заказ» в средневековом городе играло столь же важную роль, как и в наше время. По всей вероятности заказы отдавали ремесленнику, жившему в данном городе, а не производителям, жившим в крупных городах, как это стало практиковаться впоследствии. Рыцарь, обитавший в маленьком провинциальном городе, заказывал свою домашнюю мебель не флорентийскому или парижскому столяру (как это делает современный владелец копей или помещик, проживающие в «угольном округе» или вообще в отдаленной местности), а столяру «своего родного города». Если он не находил здесь нужного ему мастера, то он, по всей вероятности, старался приискать недостающие рабочие силы. Однако обо всем этом мы можем говорить лишь предположительно.

С другой стороны, мы знаем, что значительная часть предметов потребления не производилась на заказ, а покупалась в готовом виде «в лавке» или на рынке, — даже в тех случаях, когда производители проживали в данном городе. Для многих предметов это разумеется само собой, как, например, печенный хлеб, мясо и т. д. «Лавку» мы должны представлять себе до последней степени примитивно. В большинстве случаев это была маленькая комната, расположенная рядом с мастерской, а иногда для продажи вообще не имелось особого помещения.

На прекрасных гравюрах по дереву, изображающих сцены из

¹ Статуты кузнецов (1248) «Fonti», 4, 186, 189.

² Относительно Любека (1454) см. у И. Намы, указ. соч., стр. 81.

жизни нюренбергских ремесленников¹, но относящихся к сожалению к XVI в., обычно изображается, как жена мастера продает товары за прилавком, а мастер работает рядом в мастерской. Так практиковалось в сумочном промысле, скорнячном промысле, в мясных лавках (скот убивался тут же рядом), в канатных и столярных мастерских. Башмаки продавались в открытом помещении, примыкавшем к мастерской. В комнатах, где производилась продажа, развешана или выставлена напоказ маленькая «коллекция» готовых товаров.

«На выставке» изготавитель поясов держит 18 женских сумочек, сапожник — дюжину сапогов и башмаков, скорняк — полдюжины мехов, канатчик — дюжину готовых канатов и веревок и т. д. У канатчика, мясника и сапожника покупают поселяне, у прочих ремесленников — бстатье патриции или жены рыцарей.

Может быть, такое положение вещей сложилось в результате долгого развития, и средневековую эпоху мы должны представлять себе в еще более примитивном виде, как она, например, изображена в «Описании всех сословий» И. Аммана, где мастерская и «лавка» расположены в одном и том же маленьком помещении, а кругом расставлено или развешано всего несколько штук товаров (вероятно, сделанных на заказ).

Но небольшие помещения для продажи — «лавки» или, если хотите, витрины, в которых выставлялись на продажу готовые изделия, несомненно существовали уже и в более раннее время. Парижские пекари XIII в. раскладывали свой хлеб в «витринах»², а штеттинские ювелиры выставляют на полках в своих окнах серебряную посуду, изготовленную для продажи³. Мы знаем также и о прилавках, за которыми продавались хлеб и мясо и которые по сию пору сохранились во многих городах (например в Бреславле) в своем средневековом виде.

В общем закупки готовых товаров обычно производились в специально предназначенных для этого местах продажи, на рынках. Даже ремесленники, жившие в данном городе, в определенные дни отправлялись со своими товарами в ларьки, расположенные на рыночных площадях города, куда стекались толпы покупателей. На эти (недельные) базары приезжали также и сельские

¹ Имеются в нюренбергском германском музее. В настоящее время они воспроизведены в поучительной работе Ernst Mumenthoff, *Der Handwerker in der deutschen Vergangenheit* (1901), стр. 40 и сл.

² См. статью булочников ет. XX в. L. d. m. Ср. также Фанье, Исследования, 108 и сл.

³ Kühncke, *Die Handwerkerzünfte im mittelalt. Stettin*, стр. 210.

продавцы овощей, фруктов и т. д. Здесь и происходил тот знаменитый «обмен» между ремесленниками и крестьянами, на который ошибочно смотрели как на основу городской хозяйственной жизни.

Так, например, мы знаем, что парижские ремесленники каждую неделю от понедельника до четверга продавали свои товары в своих городских лавках, а по пятницам и субботам направлялись «на рынок» (они делали это в обязательном порядке и освобождение от обязанности еженедельного выхода на рынок считалось особой привилегией)¹.

В 1313 г. Оксфордский университет издал рыночные правила, которые должны были соблюдаться на оксфордском рынке, устраивавшемся по средам и субботам. Кроме сельскохозяйственных продуктов (сено, солома, дрова, свиньи, зерно, молочные продукты и т. д.) на рынке продавались пиво, уголь, лак, рукавицы, меха и полотно. Ремесленники также стояли здесь за своими прилавками, устроеннымными на главной улице и на хлебном рынке.

В германских городах мы часто встречаем обширные помещения для продажи, которые представляли собою как бы постоянные ярмарки. В них продавались отдельные виды товаров, — все равно, производились ли они в данном месте или привозились извне. Почти повсюду имеются суконные ряды, иногда сосредоточенные в одном доме (дом для продажи предметов одежды), а иногда разбитые на несколько зданий. Наряду с этим мы встречаем сапожные ряды², полотняные ряды, хлебные ряды, зерновые ряды, мясные ряды, меховые ряды³; в то же время особые ряды устраивались и для специальных продуктов, производимых в определенном месте, как, например, в Герлице для вайды. Сюда же относятся и соляные ряды. Большинство торговых рядов в германских городах выстроено в XIV и XV вв., но некоторые из них встречаются уже в XIII в.⁴.

В более крупных городах повсюду имелось значительное число профессиональных оседлых различных торговцев, при помощи которых горожане покрывали свои потребности в средствах питания и промышленных изделиях, привозимых по

¹ L. d. M., стр. CXXXIV, а также отдельные статуты.

² В Вене на главном рынке (XIII в.), где сапожники в базарные дни продавали свои изделия: см. ст. Карла Улирца в «Истории города Вены», 11, 2 (1905), 712.

³ В Цюрихе (XIV в.): Ottmar Fecht, Die Gewerbe der Stadt Zürich im Mittelalter (1909), 29.

⁴ См., Г. фон Белов, Das ältere deutsche Städlewesen (1905), 57 и сл.

большей части из других мест. Во всяком случае, начиная с XIII в., мы уже имеем сведения о наличии таких торговцев и даже о том, как они вели свое дело¹.

Мы знаем в деталях, что продавал парижский «сурвщик» (*mercier*) в XIV в.² и что представляла собою «лавка» в городах средневековья. На первых стадиях розничной торговли склады товаров еще не дифференцировались, — в них имелась всякая так называемая мелочь и продавалось без разбора все то, что вообще сбывалось в розничных ларьках.

Любекский список горожан от 1353 г. разрешает молочным торговцам продавать колониальные товары, сырье, мануфактуру и галантерейные товары. См. Wehrmann, Lüb. Zunftrollen, стр. 272 и сл. То же самое мы видим и в Бреславле: W. Borgius, Wandlungen im modernen Detailhandel, Archiv 13, 44, в Лейпциге: S. Molte, Die Leipz. Krämerinnung (1901), 73 и сл.; в южно-германских городах: Г. Эккерт, указ. соч., стр. 32 и сл. Во французских статутах XV в. упоминаются три главные группы товаров — сурвские товары (*mercerie*), скобяные товары (*quincallierie*) и пряности (*épicerie*), которые часто смешиваются одна с другой. Председатели цеха сурвщиков (*toy des merciers*) должны надзирать за всеми торговцами, торгующими факелами, свечами и товарами, продаваемыми на вес, вроде перца, шафрана и т. д. «и за всеми прочими лавками с сурвьем и пряностями». Они надзирают за всеми «людьми, торгующими мелочными товарами и вообще вещами, продаваемыми на вес, локти или меру емкости, а также за лавками, торгующими скобяными товарами и прочими вещами, подлежащими ведению сказанного председателя цеха мелочных торговцев...» «Вообще, все вещи, которые продаются или могут продаваться в качестве товаров и которые могут оцениваться или слишком высоко или слишком низко, входят в мелочную торговлю». «Правила и регламент для мелочных торговцев» (XV в.), перепечатано у Фанье, «Док.», № 166. Аптекари смешиваются с торговцами пряностями: до XV в. существовала «гильдия» оптовых торговцев, торговцев пряностями и аптекарей. Ср. A. Philippe, Gesch. der Apotheker, нем. пер. Г. Людвига, 2-е изд. 1859 г., глава V.

О внутренней структуре средневековой торговли, в особенности об ее ремесленном характере, я говорю в XVII главе. Здесь она интересует нас только, как одна из форм предложения промышленных изделий.

Все нехватавшие товары можно было, наконец, купить на

¹ См., например, «Livre des métiers», т. IX и X. Для южно-германских городов (Фугсбург, Ульм, Страсбург, Вормс) см. Heinr. Eckert, Die Krämer in süddeutsch. Städten bis zum Ausgang des M. A., 1910.

² О наполовину оседлом, наполовину бродячем способе торговли такого мелочного торговца хорошее представление дает одна песенка XIV в., сообщенная у A. Franklin, Les magasins des pouveautés (1894), 5 и сл., ср. также Левассер, 1, 332 и статуты мелочных торговцев от 1324 г. (перепечатано Фанье «Док.», 2, 1900 (№ 27)).

годовых ярмарках¹, которые регулярно устраивались в каждом большом городе и во многих местах превращались в импозантные месссы, где готовые изделия сбывались оптовым торговцам, а сырье, подсобные материалы, инструменты и т. д. — производителям или торговцам. В больших количествах товары сбывались и конечным потребителям. Конечно, весьма значительная часть потребностей в промышленных изделиях покрывалась горожанами за счет товаров, купленных на ярмарках, т. е. за счет товаров, не производимых в месте потребления, а привозимых на ярмарку из других местностей, нередко издалека. О междугородном сбыте промышленных изделий мы располагаем данными, относящимися и к тем случаям, когда ремесленник самолично продавал свои товары на ярмарках и мессах или в разнос, и к тем случаям, когда продвижением товаров занимались профессиональные торговцы. По общему правилу (но не всегда, ибо существовали оседлые розничники и продавцы сукон в суконных рядах) торговцы сбывали свои товары на ярмарках.

Сбыт товаров, привозимых издалека².

В эпоху средневековья во всех странах мы встречаем ремесленника или его жену, которые, как еще и поныне, в поисках покупателей передвигаются с места на место, перенося произведенные ими товары на собственной спине или перевозя их в ручной тележке.

¹ О развитии этих ярмарок в Германии говорит Маурер, указ. соч. 1, 282 и сл.; о ярмарках во Франции см. прежде всего Р. Нуэлин, *Essai historique sur les droits des marchés et des foires* (1897), где на стр. 604—613дается подробная библиография главной литературы.

² Нижеприводимый обзор в главных чертах уже помещен в первом издании настоящей работы (1, 96—113). Чтобы передать пестроту картины, я повторяю здесь обзор первого издания с некоторыми дополнениями. Я мог бы значительно расширить приводимые мною данные, свидетельствующие о развитии в средние века междугородной торговли предметами потребления, если бы я использовал чрезвычайно подробную сводку, приводимую в прекрасной работе J. G. Van Dillen, *Het ekonomisch Karakter der middeleeuwschen Stadt* 1914, III и IV. Но я отказываюсь от этого и лишь отсылаю читателя к указанному мною труду. Я хотел бы, чтобы этот автор, примыкающий к взглядам, выраженным в первом издании моей работы, еще основательнее опроверг «теорию» Бюхера относительно «замкнутого городского хозяйства». В добавление к первому тому, охватывающему 224 страницы убористого шрифта в четвертую долю листа, автор обещает дать второй том, посвященный выяснению указанного мною противоречия между хозяйством, имеющим целью покрытие потребностей, и хозяйством, имеющим целью наживу. За

В средневековой Германии из числа ремесленников, связанных с разносной торговлей и являвшихся отчасти странствующими торговцами, наибольшей известностью пользовались котельщики и медники. Сведения о них и их организации можно найти у ф. Маурера, Конституция городов, 2, 490 и сл., далее у Е. Gothein, *Bilder aus der Geschichte des Handwerks* (1885), стр. 12 и сл. и Р. Eberstadt, *Französ. Gewerberecht* (1899), 259 и сл. Они встречались главным образом в Нормандии, на юго-западе Германии и в Бельгии, в городе Динане. Ремесленники, занимавшиеся разносным торгом и попутно работавшие за заработную плату, конечно, старались сбывать свои товары главным образом на мессах и ярмарках. Принадлежащие к этому типу южно-славянские изготовители мышловок сохранились еще и до нашего времени. К этой же категории относятся горшечники, а позднее часовщики. О торговле в разнос стеклянными товарами, производившейся товариществами стекольщиков, см. Е. Gothein, *W. Gesch. des Schwarzwaldes*, I, 846. Ткацкие изделия также часто продавались ремесленниками в разнос. О суконщиках, разносивших свои изделия в Гагенском округе до эпохи французского господства, см. Jacob i Berg, - *Hütten-und Gewerbewesen des Reg. Bez. Arnsberg* (1856), стр. 104. Исторический материал можно также найти в анкете Союза социальной политики, *Schriften d. V. f. SP.*, т. 77 и сл.

Еще чаще встречаются упоминания о посещении ярмарок ремесленниками, приезжающими издалека, и о распространенности торговли промышленными изделиями.

Правда, иногородние пекаря¹, которые приезжали на городские рынки и о которых упоминают уже документы XII в., не могли приезжать слишком издалека; но зато упоминаемые одновременно с ними сапожники² вряд ли были слишком связаны расстояниями. Иногородних ремесленников (из Винчестера) мы встречаем в раннее средневековье на мессах английских городов, расположенных по соседству³.

В документах можно найти многочисленные подтверждения того, что ткачи приезжали на ярмарки издалека⁴.

Можно считать бесспорным, что уже в XII в. существовала

последнее время богатый материал по части международного торгового обмена в средние века собран в работе Алекс. Бугге в «Vierteljahrsschrift» 12 (1914), 106 и сл.

¹ Документ от 1104 г. Ср. Лампрехт, Хозяйственная жизнь Германии, 2, 313 и сл.

² Ф. Маурер, Конституция городов, 1, 318/19 и ф. Белов, Происхождение ремесла 5, 236. В Нордгаузене в начале XIV в. с иногородних сапожников взимается рыночный сбор. Ср. Falke, *Gesch. des deutschen Zollwesens* (1869), 142.

³ Эшли, указ. соч., 1, 100.

⁴ Ср., например, «Zeitschr. f. Geschichte des Oberrheins», т. IV, а также Шмидлер, Страсбургский цех суконщиков и ткачей, стр. 104—110.

широко развитая торговля сукном, производимым ремесленниками¹.

В XIII в. случаи междугородней торговли сукном все более и более учащаются. По всей вероятности сбыт сукон, как мы уже упоминали, производился отчасти самими ремесленниками, отчасти же торговцами предметами одежды, drapiers, drapers, т. е. профессиональными торговцами сукном, продававшими сукно, подобно ремесленникам, и оптом и в розницу. Для хода развития в XIV в. характерно, что в эту эпоху во всех производящих странах происходит мощный подъем суконной промышленности².

Столь же большое значение имело в средние века и производство полотна, сбывавшее свои продукты посредством междугородней торговли³.

Полотно поступало в торговый оборот отчасти уже в готовом для употребления виде. В списке мелочных торговцев города Анклама от 1330 г. в качестве ремесленных товаров упоминаются скатерти, платки, простыни, покрывала, наволочки. Все эти предметы продавались оптом и в розницу⁴.

Шелковая промышленность, равно как хлопчатобумажная и плисовая промышленность, с самого же начала своего существования, по всей вероятности, должны были сбывать свои изделия на междугородний и даже на международный рынок.

Так как добыча минералов и металлов могла происходить только в отдельных рудных районах, разбросанных по всей земле, то потребление их в более или менее широких размерах

¹ В XI в. сукна уже упоминаются, как объекты международной торговли. См. например, для Англии *Ælfrics Colloquy* (около 1000 г.), прив. у Thorgrœ, *Ællecta Anglo-Saxonica* (1868) и цитированное у Эшли, 1, 70. Торговля так называемыми «фризскими сукнами» началась в еще более раннюю эпоху. См. J. Klumker, *Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls d. Gr. und sein Verhältniss zur Weberei jener Zeit*. S.—A. aus den Jahrb. d. Gesellsch. für bild. Kunst usw. in Emden, т. XIII, 1899. Но представляется мало вероятным, что уже до XII в. продавались изделия ремесленного ткачества. Ср. Э. Кобер, *указ. соч.*, и статью Р. Гепке в *Hans. Gesch. Bl.*, 1906.

² Подробные сведения о продававшихся в Данциге сортах полотна и о широких размерах междугородней суконной торговли в XIV и XV вв. можно найти в книге Th. Hirsch, *Danzigs Handels- und Gewerbe geschichte* (1858), 250 и сл.

³ О средневековой торговле полотном вообще и о торговле констанцким полотном в частности см. Schulte, *M. A. Handel* 1, 112 и сл.

⁴ K. F. Kölde, *Ueber die Stellung des Kaufmanns während des Mittelalters*, 1 Stück. 1841, стр. 33.

могло иметь место лишь после того, как они стали объектами между-городской и международной торговли. Такими объектами они уже были в течение всего средневековья. Олово с давних пор было предметом международной торговли¹, а камениный уголь с XIII в. называется в Англии морским углем, так как он вывозится за море². Черепицы ввозились в Англию из Фландрии (XIV в.)³.

Железо и руды уже в X в. ввозятся в Верхнюю Италию⁴. В XII и XIII вв.⁵ железо ввозится из Европы в Египет; как предмет импорта в Англию, оно упоминается в начале XIV в.⁶, а как предмет германско-итальянской⁷ и ганзейской⁸ торговли — в течение всех средних веков.

В XIII в. германское серебро вывозится на мессы Шампани⁹ и в Англию¹⁰. В XIV и XV вв. им торгуют данцигские оптовики¹¹, и любекские розничные торговцы¹²; оно становится все более и более популярным объектом германско-итальянской торговли¹³.

Точно так же и медь, латунь и олово часто упоминаются в средние века как объекты международного товарообмена. В X в. они фигурировали в германско-итальянской торговле¹⁴, в XI в. в торговле с Англией¹⁵, в XII в. в рейнской торговле¹⁶, в XIII в. в

¹ G. R. Lewis, *The Stannaries. A study in English tin mining*. 1908, 33 и сл.

² Matth. Dunn, *View of the coal trade of the North of England* (1844), 11 и сл. Зальцман, указ. соч., 1 и сл. (на основании нового рукописного материала).

³ Зальцман, указ. соч., стр. 125.

⁴ Об этом свидетельствует старейший каталог пошлин, относящийся к альпийской области и составленный в 900 г. восточным епископом Гизо. Ср. Шульте, указ. соч. 1, 68.

⁵ Гейд, *История леватинской торговли*, II т., 1879, 1, 424, 426, 437

⁶ Ганзейские акты 1275—1412 гг., обработанные К. Кунце, 1891, стр. XLV (*Hans. Geschichtsquellen*, Bd. VI).

⁷ Шульте, 1, 693 и в других местах.

⁸ Hans. U. B., т. 1, № 432 и в других местах.

⁹ Schaubue, *Ein italienischer Kursbericht usw.* в *Zeitschrift f. Soz. u. w. Gesch.* 5, 248.

¹⁰ W. Cunningham, *The Growth of English Ind. a. Commerce*, 1 (1890), 184.

¹¹ П. Гирш, указ. соч., стр. 257 и сл.

¹² Верман, указ. соч., стр. 273.

¹³ Шульте, указ. соч., 1, 594.

¹⁴ Каталог пошлин восточного епископа, приведенный у Шульте, 1, 68¹.

¹⁵ Эшли, 1, 70 по *Aelfrics Colloquy* около 1000 г.

¹⁶ Освобождение от пошлин аббатства св. Симеона от 1104 г., привед. у Фальке, указ. соч., стр. 139; привилегии по сбору пошлин, пожалованные сенатом г. Кельна династиям купцам, привед. у Ennen, *Quellen* 1, 7, № 5; Schreiber, U. B. d. Stadt. Freiberg 1 (1828) 5/6.

эйзенахской¹, гамбургской², фландрской торговле³; в XIV в. названные металлы являются излюбленным объектом торговли в Англии⁴, в Любеке⁵, в Данциге⁶, в германско-итальянской торговле⁷. В городах вроде Анклама и Гослара⁸ они продаются оптом и врозницу.

Объектами торговли уже в раннее время стали не только металлическое сырье и металлические полуфабрикаты, но и готовые изделия металлической промышленности. Прежде всего вступило в оборот оружие, предназначенное для защиты и нападения. Уже в X в. венецианцы вывозят на заморские рынки оружие, сделанное кузнецами Ломбардии, Штейермарка и Каринтии⁹. В X в. на альпийских торговых путях фигурируют в качестве предметов торговли мечи, пики и панцыри¹⁰. В источниках, относящихся к верхнему Рейну, уже в XII в.¹¹ упоминается о «кельнских производителях мечей», а при описаниях торговли с Англией мечи упоминаются в конце XIII в. и в начале XIV в.¹² В XIII в. часто говорится о торговле оружием, как, например, в Пирне и Эйзенахе¹³, а еще чаще на протяжении следующих столетий, как, например, в Оsnабрюке¹⁴, Данциге¹⁵, Любеке¹⁶. Уже на основании одних этих случайно выбранных документальных данных можно было бы заключить, что в течение всего средневековья велась широкая международная торговля оружием¹⁷, если бы существование ее не

¹ Falke, Zollwesen, 144.

² Там же, 146.

³ Hans. U. B., т. I, № 432.

⁴ Hans. Gesch. Quellen, т. 6. стр. XLV, 334.

⁵ Верман, указ. соч., 272 и сл.

⁶ Гирш, указ. соч.

⁷ Шульте, указ. соч., I, 692 и сл.

⁸ Цеховые уставы мелочных торговцев названных городов, привед. у Кледена, I, § 3.

⁹ Гейд, История левантинской торговли, I, 125/26. Я. Шаубе, История торговли, стр. 23 и сл.

¹⁰ Каталог пошлин востского епископа от 960 г. у Шульте I, 68. По мнению Шульте здесь говорится об изделиях миланской оружейной промышленности (I, 69).

¹¹ Mith. Rh. U. B. I, 409. 2, 242. Фальке, указ. соч., стр. 139. Ф. Белов, указ. соч., стр. 148.

¹² Hans. Geschichtsquellen, 5, XLV.

¹³ Фальке, 144.

¹⁴ Frensdorf, Dortmunder Stat. CXXXI.

¹⁵ Гирш, 261.

¹⁶ Верман, 456.

¹⁷ Ср. также W. Böheim, Die Waffe und ihre einstige Bedeutung im Welt-Handel, Zeitschr. f. histor. Waffenkunde, 1, 171 и сл.

представлялись само собой разумеющимся по соображениям общего порядка.

Когда мечи, панцыри, шлемы и т. д., вследствие развития современной военной техники, начали терять своих покупателей, в качестве конкурентов этих изделий, нередко заменяя их, выступили в междугороднем товарообмене другие изделия металлической промышленности, как то: инструменты, ножи, замки, иголки, булавки, крюки, дверные кольца и прочие предметы, именуемые ныне общим термином «железные мелочные товары¹». Что большие количества их поступали в торговлю, видно из постановлений таможенно-тарифных уставов XIII и XIV вв., в которых указывается, что они должны облагаться пошлиной поштучно, по дюжинам и по копям². Особенной известностью, как место производства мелких железных изделий, пользовался в средние века Нюренберг; поэтому в течение долгого времени — вплоть до наших дней — все подобные вещи, а также так называемые галантерейные товары именовались общим термином «нюренбергские товары»³.

Из прочих промышленных изделий, упоминаемых в средние века в качестве предметов междугородней торговли, можно при-

¹ В средние века они обозначались термином *minuta*, *minuta mercatoria*. Ср. Hans. *Geschichtsquellen*, 5, № 56, 154, 374 (перечисление предметов, ввозившихся в Англию в XIII и XIV вв.). Под выражением *cromerey*, *mercerie*, *merc. institoria* часто понимали одно и то же: «*calibet et ferrum et alia merc. institoria*». Hans. II. B., т. 4, № 224; ср. № 965 (1).

² См., например, таможенный тариф для товарного склада в городе Пирна, приведенный у Фальке, *Пошлины*, 144. Многие сорта мелочных железных товаров, перечисленные в списках мелочных торговцев Инклама (1330), Гослара (до 1359 г.) приведены у Кледена, 1 отд., стр. 31 и сл.

³ В Любеке нюренбержицы имели право продавать в открытых погребах (XV в.) следующие изготавляемые нюренбергскими ремесленниками товары: замки, ножи, колокола, железные и свинцовые четки, шила, жесть, военные рукавицы, стальные скобы, флейты, бронзовые пряжки, детские колокольчики, оловянные блюда, конские уздечки, стремена, шпоры, очки, бронзовые наперстки, свинцовые пряжки, табакерки, грифельные доски, детские пеленки. В е р м а н, *Введение*, стр. 107. В XIV и XV вв. в германско-итальянской торговле встречаются еще следующие изделия нюренбергской металлической промышленности: алтарные подсвечники, комнатные подсвечники, висячие лампы, бронзовые блюда, весы, клистирные трубки, компасы, мыльницы, бритвы, циркули и т. д. Шульте, I, 719. О широких размерах нюренбергского экспорта свидетельствуют многочисленные освобождения от пошлин, которых Нюренбергу удавалось добиваться в различных пунктах таможенных сборов.

Список 1332 г. насчитывает не менее 69 мест, где нюренбергские товары освобождались от пошлин, в том числе все Арагатское королевство. Шульте, I, 658.

вести еще следующие наиболее важные категории с указанием тех мест источников, где о них говорится.

Деревянные товары. X век: блюда, деревянные чаши — встречаются на торговых путях германско-итальянской торговли¹.

XI век: лохани, блюда², бочки, деревянная посуда³ — все это общие предметы торгового оборота.

XII век: на Эннских мессах продаются деревянные товары⁴.

XIII век: деревянные товары упоминаются как предметы ввоза в Англию⁵.

XIV век: в мозельской области⁶ торгуют клепкой, обручами, визальными иглами, блюдами; в Данциге⁷ — корытами, лопатами и блюдами.

XV век: в Снике (Фрисландия)⁸ дается разрешение торговать гамбургскими бочками не только на ярмарках, но и в других местах.

Шкуры и кожа уже с раннего времени вошли в торговый оборот. Бычьи, козлиные, коровьи и овечьи кожи упоминаются в Трирском тарифе 1248 г.⁹, а дубленые кожи являются одним из наиболее частых предметов вывоза: в Базеле XV в., имевшем около 10000 жителей и 133 сапожника¹⁰, было 59 богатых мастеров-кожевников, каждый из которых дубил в год максимум 350 кож (всего, следовательно, 21 240 кож, откуда видно, что производство носило чисто ремесленный характер). В Англии о торговле выделанными кожами упоминается в XIII в.¹¹, в Швеции в XIV в.¹². Кожа составляет предмет торгового оборота в Дортмунде¹³, Бреславле¹⁴, Эрфурте¹⁵ и Нюренберге¹⁶. Кожа, как пред-

¹ Таможенный тариф епископа Гизо, привед. у Шульте 1, 68.

² А. Шаубе, История торговли, 24.

³ Фон Белов, Возникновение ремесла, стр. 152.

⁴ Фальке, Торговля, 1, 77.

⁵ Hans. Geschichtsquellen, 5, XLV.

⁶ Тариф, взимавшийся в Кохемском епископстве: Лампрехт, «Хозяйственная жизнь Германии», 2, 311.

⁷ Гирш, 253.

⁸ Городской статут 1456 г., ср. Гегель, Города и гильдии, 2, 290.

⁹ В выдержках привед. у Лампрехта, Хозяйственная жизнь Германии, 2, 315.

¹⁰ Гириг, 141.

¹¹ Гегель, Города и гильдии, 1, 99. Ср. Зальцман, указ. соч., стр. 174.

¹² Гегель, 1, 280/81. 293.

¹³ Frensdorf, Dortmunder Statuten und Urteile, в Hans. Geschichtsquellen 3 (1882), CXVI.

¹⁴ C. Grünhagen, Schlesien am Ausgange d. M. A., Zeitschr. f. Gesch. u. Alt. Schles. 18 (1884), 39.

¹⁵ Фальке, Торговля, 1, 136.

¹⁶ Там же стр. 127.

¹⁷ Современный капитализм, т. I, полутом I.

мет оптовой и розничной торговли, упоминается в уставе мелочных торговцев города Гослара (XIV в.)¹. В таможенном списке Маргариты Фландрской (1252) перечисляются многие сорта кожи². В Пуату в XIII и XIV вв.³ велась оживленная торговля кожей.

Чтобы дойти от производителя к потребителю, в средние века коже приходилось нередко проделать гораздо более длинный путь, чем ныне. В настоящее время крупная обувная фабрика закупает кожу на кожевенной фабрике, которая имеет своих собственных заготовителей, быть может, гденибудь в Индии. Между тем относительно, например, средневековой Англии мы узнаем, что члены гильдий пользовались привилегией скучать невыделанные кожи (*cōrēa gēcēpsia ētēge*), которые они посыпали кожевникам, чтобы выделанную кожу передавать впоследствии сапожникам⁴.

Кожевенные товары. Немецкие шорные изделия в X в. высоко ценились за границей⁵. В течение всего раннего средневековья ломбардские епископы употребляли германские уздечки и саксонские седла⁶; сбруя в средние века была предметом торговли в Дортмунде⁷. Кошельки, пояса, сумки и т. д. (*vrendim stetem von gesten*) продавались в Швейднице (1336)⁸.

Различные галантерейные товары. Гребни из слоновой кости являются объектами международной торговли уже в самую раннюю эпоху средних веков⁹. Роговые гребни (в XIV в.) упоминаются в тарифах Базеля и Страсбурга¹⁰ и продаются в лавках Анаклама¹¹, а в лавках Швейдница¹² продаются всевозможные «мелкие вещи». Четки из различных материалов по вполне понятным причинам составляли в средние века главный предмет галантерейной торговли: воск, сушеная рыба и четки как бы символизируют глубоко религиозное настроение этих времен. О деревянных и свинцовых четках мы уже говорили. Особенным спро-

¹ Klöden, *Stellung des Kaufmanns*, 1 Stuck, стр. 36.

² Hans. U. B., т. 1, № 432.

³ Буассонад, 1, 14.

⁴ Гросс, Гильдейский купец; Дорен, 150.

⁵ Ф. Белов, указ. соч., стр. 153.

⁶ Шульте, 1, 74.

⁷ Hans. *Geschichtsquellen* 3, CXVI.

⁸ Cod. dipl. silesiac. 5, 19, 20.

⁹ Шульте, 1, 74.

¹⁰ Шульте, 2, 105.

¹¹ Устав мелочных торговцев от 1330 г., приведенный у Кледена, 1, 33.

¹² Cod. dipl. silesiac. 5, 19, 20.

сом в торговле пользовались четки из янтаря. Главным пунктом их производства был Любек. В этом городе в течение всего средневековья производство четок было широко распространенным промыслом, в котором работали зажиточные и многочисленные ремесленники, закупавшие янтарь всем цехом¹.

Одежда и украшения. XII век: во Фрейбургском городском праве одежда упоминается как предмет торговли².

XIII век: лильские купцы сбывают брюгские брюки в Италию³, а в 1252 г. в таможенном списке Маргариты Фландрской⁴ и в 1262 г. в таможенном списке города Гамбурга брюки упоминаются как товар, продаваемый «кипами»⁵; на мессе под Лагским замком, резиденции графа Оберретского, продаются башмаки⁶; парижские «merciers» продают перчатки, пояса, кошельки и скрипичные струны⁷; меховые изделия упоминаются как предмет пизанской торговли (1218)⁸.

XIV век: в лавках Любека⁹, Данцига¹⁰, Анклама¹¹, Гослара¹², Швейдница¹³ продаются брюки, шапки, фетровые шляпы, ленты, галуны, застежки и т. д.; сапожники и портные Бергена продают свои изделия за море¹⁴; страсбургские береты и брюки вывозятся в Италию¹⁵, а любекские в Венецию¹⁶; в Нейштедт-Бранденбурге продаются готовые «дельремундские костюмы»¹⁷; братья Бони Монтобан ведут обширную торговлю костюмами и украшениями¹⁸, теми же предметами торгует Вико фон Гельдерсен¹⁹; немецкие

¹ C. W. Pauli, Lübeckische Zustände, I (1874), 52.

² Schreiber, Urkundenbuch der Stadt Freiburg, I, 6.

³ Шульте, 2, 105 (док. № 182).

⁴ Hans. U. B., т. I, № 432.

⁵ Штида, указ. соч., стр. 111.

⁶ Шульте, 1, 167.

⁷ «Dict. du mercier», Grameete, Proverbes et dictos populaires (1831).

⁸ Santini, Doc. dell'antica costit. del com. di Firenze (1835), стр. 190.

⁹ Верман, 272 и сл., 286 и сл.

¹⁰ Гирш, 256.

¹¹ Кледен, 1, 33, 53.

¹² «Cod. dipl. siles.», 5, 19 и сл.

¹³ Гегель, указ. соч., 1, 407.

¹⁴ Шульте, 1, 706.

¹⁵ Штида, указ. соч., стр. 111; ср. также Hans. U. B., т. IV, № 621, 1017, (3), 118 (8).

¹⁶ G. Sello, Brandenb. Stadtrechtsquell. (Märk. Forsch. 18 [1884], 12).

¹⁷ «Счетная книга братьев Бони», изд. Э. Форестье в «Arch. histor. de la Gascogne», fasc. 20, 23, 26, 1890—1894, 20, LII и сл.

¹⁸ «Торговая книга Вико фон Гельдерсена», в обраб. в. Н. Нирнхайм (1895)

шляпы ввозятся в Милан¹; в Базеле они также составляют значительную статью импорта².

На больших мессах торговый оборот слагался в одно пестрое и живое целое; его картину дает нам описание знаменитой винчестерской мессы XIV в. в Англии, которое я привожу здесь в главных чертах (по передаче Эшли)³.

Вильгельм II разрешил епископу винчестерскому устраивать трехдневную ярмарку на восточном холме, расположеннем за городом. Ближайшие преемники короля согласились удлинить срок ярмарки, а грамота Генриха II разрешила устраивать ее в течение 16 дней, от 31 августа до 15 сентября. Утром 31 августа юстициарии епископского павильона, сооруженного на вершине холма, объявляли мессу открытой; после этого они проезжали по городу, получали ключи от городских ворот, запечатывали весы на городском шерстяном рынке, чтобы ими никто не пользовался во время массы, и вместе с городским мэром и бальифами возвращались в сооруженный на холме павильон. Здесь они назначали особого городского мэра, одного бальифа и одного судейского чиновника, которые должны были управлять городом от имени епископа во все время массы. Скоро весь холм покрывался деревянными ларьками; в одних стояли фландрские купцы, в других — купцы из Каэнны или какого-либо другого нормандского города, в третьих — бристольские торговцы. В одном месте находился ювелирный ряд, в другом — суконный ряд. Все место ярмарки было окружено забором, а при входе стояла стража. Это были меры предосторожности, которые все же не мешали предпримчивым авантюристам избавляться от взноса пошлин: смелые люди иногда прокапывали под забором ход и таким образом проникали внутрь ярмарки. В день открытия ярмарки епископские юстициарии сопровождали — на коне и в полном вооружении — все те епископские вассалы, которые были обязаны явиться в таких случаях; трое или четверо из их числа должны были следить за тем, чтобы приговор ярмарочного суда и приказы епископского маршала должным образом выполнялись как на ярмарке, так и в Винчестере и Саусгэмптоне.

На время массы всякая торговля в Винчестере и его окрестностях радиусом в 7 миль воспрещалась. На отдельных лежащих

¹ Шульте, 1, 518.

Гириング, 233.

² См. «Введение» декана Китчина к грамоте Эдуарда III, выпущенной Сент-Джильской ярмарке. Помещено в «Winchester Cathedral Records», № 2 (1886).

и стороне пунктах, на мостах и на дорогах были выставлены стражи, следившие за тем, чтобы епископские права не нарушались. В Саусгемптоне, расположенном вне заповедной черты, во время мессы могли продаваться только продукты питания; даже винчестерские торговцы должны были переселяться на холм и там продавать свои изделия. Пошлины и сборы варьировали по высоте: все торговцы, приезжавшие из Лондона, Винчестера и Валлингфорда в течение первой недели, освобождались от входных пошлин; купцы, приезжавшие после этого срока, платили пошлину, за исключением членов винчестерской купеческой гильдии. За взвешивание кипы шерсти платилась «епископская весовая подать» в 4 пенса, а кроме того и продавец, и покупатель платили по одному пфеннигу в пользу приставленного к весам человека. В таком же порядке собирались сборы и с других товаров. На каждой мессе существовал «пыльный двор» (называвшийся так по той пыли, которую поднимали своими ногами жалобщики); это был особый ярмарочный суд, где заседал представитель лендлорда, который решал все спорные вопросы согласно торговому праву и судебные прерогативы которого временно отменяли обычный порядок подсудности, принятый в городе. Этот суд назывался в Винчестере «павильонным судом». Епископские слуги приносили сюда для проверки все меры и весы; судьи определяли здесь таксу и вес для хлеба, вина, пива и других продуктов питания, причем каждый пекарь, продававший неполновесный хлеб, выставлялся к позорному столбу; здесь же присяжные ежедневно решали дела по долговым претензиям купцов после осмотра предъявленных ими нарезных бирок.

Дополнением к этому описанию является стихотворение XIV в., послевающее мессу в Сен-Дени как «самую великолепную ярмарку в мире».

Поэт сначала описывает, как процессия проходит перед собором и как все собравшееся здесь купечество получает благословение. Затем он перечисляет стойки, за которыми стоят различные ремесленники и торговцы, предлагающие свои товары или услуги (*barbiers, lavenciers* и т. д.). Это такая же пестрая толпа, какую мы видели в Винчестере, и потому не имеет смысла описывать ее в деталях. Для человека, занимающегося экономической географией, стихотворение представляет особый интерес потому, что оно приводит длинный список тех центров снабжения, откуда привозились продаваемые здесь товары. Стихотворение перепечатано во втором томе издания Барбазана и Меона, а у Фанье «Док.» 2 (1900), помещено под № 79.

II. Производители.

На предыдущих страницах уже описан способ, каким производители покрывали свои потребности в средствах производства, ибо способ этот был в сущности совершенно такой же, каким пользовались конечные потребители для получения необходимых им потребительных благ. Поэтому деловую практику нет необходимости иллюстрировать здесь цитатами из источников. Однако для большей связности и отчетливости изложения я вкратце опишу еще раз те возможности снабжения, которые имелись у наиболее важных отраслей промышленности.

Пекарь получает муку от заказчика или перемалывает у мельника зерно, которое он купил сам или которое доставил ему заказчик. Печь сооружает для него живущий поблизости каменщик; необходимые для этого материалы иногда дает сам пекарь. Нужные принадлежности он заказывает у соседнего кузнеца, каретника, бочара или щеточника, а иногда покупает их готовыми на ярмарках.

Мясник покупает скот на городских ярмарках непосредственно у производителя или у присяжного маклера (как в Париже); иногда он покупает скот в деревнях, на соседних рынках, а иногда откармливает его сам¹.

У мясника свечник покупает сало, а прядильщик — овечьи шкуры.

Отрасли промышленности, занимающиеся переработкой железа, свинца и меди, покрывают свои потребности в сырье, закупая его на рынках у торговцев.

Отрасли промышленности, перерабатывающие дерево, покупают дерево в соседних лесах, а если город расположен по течению реки, то берут его у плотовщиков. Однако, существовали, вероятно, и специальные торговцы лесом.

Отрасли промышленности, перерабатывающие кожу, получали сырье на кожевенном рынке; иногда они закупали шкуры и отдавали их дубить дубильщику за известное вознаграждение.

В строительном промысле существовали торговцы известью, черепицами и камнем, у которых каменщики и каменотесы могли покупать материал, если его не доставлял сам хозяин-строитель. Сырье перерабатывалось в готовый фабрикат особыми ремесленниками, занимавшимися обжиганием извести и черепиц (с такими случаями мы познакомились выше). Стекло стекольщик

¹ Для Англии: Грин, Городская жизнь, 2, 40; для Франции: Фанье, Исследования, стр. 184; для Страсбурга: А. Герцов, указ. соч., стр. 50 и сл.

находил в ярмарочных ларьках или покупал у бродячих продавцов стеклянных изделий; иногда он отправлялся самолично в стеклодувные мастерские.

В текстильной промышленности смешиваются все виды снабжения. Шерсть, лен, пенька продавались на ярмарках производителями или торговцами. Шелк можно было купить у торговца суворскими изделиями. Отдельные процессы промышленной обработки часто производились ремесленниками друг для друга за известную плату: ткач отдавал сырье прядильщику для прядения, красильщик работал за известное вознаграждение для ткача или ткач для красильщика, вальцовщик работал для ткача, красильщик для портного. Все эти функции взаимно перемешивались. Нередко продавец готовых тканей (*Gewandschneider, drapier, draper*) поручал производить некоторые или все процессы обработки за заработную плату. Принадлежности, орудия, подсобные материалы и в текстильной промышленности доставлялись отчасти соседом-ремесленником по заказу (по источникам нельзя установить, кто, например, приготовлял ткацкие станки — каретник или столяр), отчасти же они закупались на специальных рынках (крапп, вайда) или на годовых ярмарках (заграничные красильные вещества). Суммируя, можно сказать: средства производства получались таким же образом, как и ныне, с той разницей, что готовые предметы покупались тут же на месте и притом почти всегда в специально для этого предназначенных публичных местах продажи (торговых рядах, залах, ярмарочных ларьках). Почти во всех городах торговцу (или производителю) воспрещалось продавать товары непосредственно покупателю, минуя публичные места продажи. Как доказывают многочисленные судебные процессы, запрет этот проводился в жизнь. Покупка по образчикам, а следовательно, и поставочная торговля, ведущиеся, главным образом, путем письменных сношений, почти совершенно отсутствовали.

Глава XVI.

Организация промышленного труда.

I. Связь производителя с рынком.

Если мы хотим рассмотреть промышленную жизнь средневекового города с точки зрения сбывающего свои товары производителя, то мы должны — дабы непосредственно связать наше изложение с ранее сказанным — прежде всего классифицировать различных промышленных работников соответственно тому способу, каким они доставляют свои изделия или оказывают услуги людям. Все эти способы мы уже знаем и потому можем ограничиться здесь только их перечислением. В средневековых городах существуют:

- 1) промышленные производители, работающие в доме потребителя;
- 2) промышленные производители, которые за определенную заработную плату работают для конечного потребителя, а также и такие промышленные производители, которые работают за определенную плату для других производителей: красильщики, вальцовщики и т. д.;
- 3) промышленные производители, которые производят товары для местного рынка либо на заказ, либо в запас;
- 4) промышленные производители, которые производят товары для крупного (междугородного) рынка: «отрасли экспортной промышленности».

Словом, в средневековых городах существуют все те способы, при помощи которых производитель может вообще вступить в связь с рынком.

II. Размещение промышленности.

Из предшествующего перечисления типов промышленных производителей само собою следует, что и в средние века промыш-

лленность не ограничивалась работой на местный рынок¹, а наоборот, один город производил для другого. Спрашивается — какими законами определялось в ту эпоху размещение тех отраслей промышленности, которые производили на крупный рынок? Насколько я знаю, вопрос этот совершенно не исследован; для историка хозяйства (обладающего некоторой проницательностью) он был бы весьма благодарной задачей.

Но уже и сейчас с некоторой достоверностью можно утверждать следующее:

1. Местная специализация во многих важных отраслях промышленности была в средние века весьма велика, по всей вероятности больше, чем ныне. Это значит, что одни изделия производились только в этом городе, другие — только в другом городе.

В известном руководстве одного английского юриста, относящемся к середине XIII в.², отмечаются следующие города, как места суконного производства: красное сукно производилось в Линкольне, шерстяные одеяла в Блай, коричневое сукно в Беверлее, грубое сукно в Кольчестере. В парламентских актах от 1301 г. упоминается 8 ткачей родом из этого последнего города. Полотняное производство велось и в Шефстбери, Льюисе и Эйleshаме, канаты изготавливались в Варвиче и Бриджпорте; этот последний город восхваляется за свои пеньковые изделия. Особенно хороший хлеб выпекался в Вайкомбе, Гунгерфорде и Сент-Албансе, ножи делались в Маастеде, иголки в Вильтоне, бритвы в Лейстере. Ванбери славится своими напитками, Гитчин — своим пивом и Эли — своим элем. Глостер является главным центром производства железа, Бристоль — кожи, Ковентри — мыла, Донкастер — подпруг, Честер и Шрусбери — кож и мехов, Корф — мрамора. Корнуэль — олова. Гримсби доставляет треску, Рай — грибы, Ярмут — селедки, Бервик — лососину. Рипон еще в XVI в. славился своей конской ярмаркой, перчатки покупались в Гавергилле, быки в Ноттингеме, шорные изделия в Нортгемптоне.

Местная специализация особенно сильно сказывалась в текстильной промышленности, но была довольно значительна и в других отраслях экспортной промышленности, как, например, в оружейной индустрии.

Отнюдь нельзя сказать, чтобы все эти отрасли работали оди-

¹ Альфред Вебер в своем сочинении «Der Standort der Gewerbe», 1 ч. (1912) называет такие отрасли *Umweltäten*.

² См. Т. Роджерс. Шесть столетий и т. д., нем. перевод, стр. 75 и сл.

наково хорошо: в одном месте умели лучше красить в синий цвет, в другом в красный цвет, в одном лучше приготавляли грубые материи, в другом тонкое сукно¹.

Так, например, рано специализировалось производство гладкого сукна (*Schürlitz*): в Ульме делались красные, в Аугсбурге — черные сукна, Кельн славился так называемым «кельшем» — материей, выкрашенной в черно-зеленые и в бело-синие клетки, базельское сукно красилось в синий или в синий и белый цвет² и т. д.

Шелковая промышленность еще дольше, чем шерстяная или льняная, оставалась прикрепленной к отдельным городам. Потребовались целые столетия, прежде чем хотя бы в Италии она перешла из Лукки в Геную, Милан и другие города.

Общеизвестно, насколько специализирована была вторая крупнейшая отрасль средневековой экспортной промышленности — металлическая промышленность и в особенности оружейная индустрия. Клинки из Толедо, Брешии и Пассау, панцыри и брони из Милана, Инсбрука и Нюренберга всюду пользовались монополией³.

Чтобы создать себе правильное представление о прикрепленности средневековой промышленности к определенному месту, следует сопоставить ее хотя бы с современной специализацией сельскохозяйственного производства. В силу своей зависимости от естественных условий того или другого места сельское хозяйство еще и теперь сохранило до чрезвычайности локализованный характер, в особенности в производстве деликатесов. Для гастрономов изготавливаются особые карты, на которых отмечены наиболее знаменитые места, где производятся предметы, нужные для изысканной кухни⁴. Приблизительно такой же вид представляла бы и средневековая географическая карта промышленности.

Мы знаем, как любили в средние века отмечать различные города особым прилагательным или вообще характеризовать их специальными свойственными им особенностями. В качестве этих

¹ См. например, А. Шульте, История торговли, 1, 112.

² Гиринг, стр. 108. Хорошее представление о широком развитии специальностей в суконном промысле дает стихотворение «Спор овцы и льна», составленное во Фландрии в XII в. и перепечатанное в издававшемся М. Гауптом, *Zeitschrift für deutsches Altertum* 11 (1859), 220 и сл.

³ Кроме вышеназванных работ В. Бегейма см. также Н. в. Duyse, *Über den Handel mit Hiebwaffen in verschiedenen Epochen*, помещен в *Zeitschr. f. histor. Waffenkunde* I, 65 и сл.

⁴ Chatillon-Plessis, *La vie à table à la fin du XIX siècle* (1894), стр. 225.

отличительных свойств нередко избирался тот или другой специальный промышленный продукт, изготавляемый в данном городе.

Следует, однако, подчеркнуть, что географическое распределение отраслей промышленности в средние века даже там, где они были специализированы, в одном отношении существенно отличалось от теперешнего размещения отдельных отраслей: если тот или другой специальный предмет изготавлялся в определенном городе, то он весь целиком, с начала до конца, изготавлялся именно в этом городе. Между тем как ныне частичные процессы производства нередко переносятся в различные места, в средние века они гораздо чаще выполнялись в одном и том же месте. Так, например, если тот или иной город славился своими клинками, то стальные полосы и рукоятки он не получал в готовом виде из других городов, а производил их сам. В настоящее время ткацкая промышленность получает пряжу из различных мест, в средние же века все процессы, необходимые для превращения сырья в готовую ткань, выполнялись в одном и том же городе. В качестве примера приведем хотя бы такие специфически ткацкие города, как Флоренция. Иногда это объединение всех стадий производства в одном и том же месте предписывалось цеховыми статутами. Такие предписания и монополии были, например, в цехе парижских ткачей полотна. Ныне никакой столяр не станет покупать доски в своем собственном городе, а выпишет их с лесопильного завода, расположенного у далекой границы.

Следует подчеркнуть, что здесь дело идет вовсе не о различном виде специализации трудового процесса. Специализация трудового процесса могла протекать в таких же формах, как и теперь, разделяя отдельные виды профессиональной деятельности по горизонтальному направлению: взбивание, ссучивание и прядение шерсти, подрезка, окраска и аппретура сукна могли в такой же степени, как и теперь (или даже в большей степени, чем теперь) становиться принадлежностью отдельных профессий. Разница между тогдашней эпохой и нашей заключается только в ином географическом распределении различных отраслей профессиональной деятельности (что имело место часто, но не всегда).

2. Причинами этой большой и своеобразной специализации промышленного производства были отчасти те же обстоятельства, которые еще и теперь определяют размещение промыслов. Но в очень значительной степени здесь играла роль и совершенно особые условия, характерные для средних веков: в ту эпоху, когда в промышленности господствовали эмпирические методы, тот или

другой технический навык (умение ткать, красить, плавить металлы, чеканить и т. д.) гораздо более долгое время, а иногда и навсегда, должен был оставаться достоянием небольшого круга посвященных в секрет производителей, ибо пользование этим навыком было «тайной» этой группы и лишь очень редко передавалось другим людям, не занимавшимся этим промыслом в данном месте. Соответствующие искусства перекочевывали из одного места в другое только тогда, когда переселялись сами мастера. (Ныне же технологические науки могут быть изучены всюду.)

В каком количественном соотношении находилось промышленное производство на местный рынок к производству на междугородний рынок, для средних веков нам, вероятно, удастся выяснить столь же мало, как и для современности. Судя по всему тому, что мы знаем о хозяйственной обстановке средневековья, не подлежит сомнению, что производство на местный рынок имело гораздо большее значение, чем теперь. Многие промыслы, которые в настоящее время сосредоточены в отдельных местах, в средние века были распространены почти в каждом городе, как, например (и больше всего), ткачество. Если термином «замкнутое городское хозяйство» хотят подчеркнуть географически ограниченный характер покрытия потребностей, то против его употребления ничего нельзя возразить. С этим термином, однако, необходимо быть осторожным.

III. Число промышленных производителей и эффективность их труда.

Мы очень мало знаем о том, какую долю составляли промышленные рабочие в общем населении страны или хотя бы только в населении городов. Утверждали, что промышленность в узком смысле занимала в средневековых городах даже более значительное место, чем ныне. Но мы не в состоянии сказать, являются ли типическими те немногие подсчеты, которыми мы обладаем, а соображения общего характера недостаточны, чтобы заставить нас склониться к тому или другому определенному выводу. Бюхер считает, что в конце XIV в. ремесленное сословие составляло 50—60% (городского) населения¹. По его мнению промышленные группы II—IX (т. е. промышленность в узком смысле) в 1387 г. во Франкфурте составляли 51,4% населения против 36,7% в 1875 г. Эйленбург², наоборот, приходит к совершенно иным выводам:

¹ K. Bücher, Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14 und 15 Jahrhundert. I, 148 и сл.

² Eulenburg, Berufs- und Gewerbestatistik Heidelberg's usw., стр. 112

по его исчислению промышленное население Гейдельберга в 1588 г. составляло всего 46,7%, общего числа против 47,7%, в 1882 г.

В больших городах средневековья промышленные производители составляли, конечно, еще гораздо меньшую часть общего населения. Число «ремесленников» (artisans — к ним причисляются также и все розничные торговцы) в Париже в 1292 г. составляло (судя по податным спискам) 4159, а в 1300 г. — 5844¹. Этими цифрами охватываются отчасти и подмастерья. Поэтому для установления цифры промышленного населения нам следует умножить указанное число самое большое на 4; это даст для обоих вышеуказанных годов около 17 000 и 23 000 человек соответственно, что составит к исчисленному мною общему населению Парижа приблизительно 25—30%. Если положить в основу ходячее исчисление парижского населения того времени (100 000—200 000), то доля эта составит всего 10—20%.

С достоверностью можно установить следующие два обстоятельства.

1. Доля лиц, занятых промыслами в узком смысле, в общем числе населения была в средние века значительно меньше, чем ныне: ведь огромное большинство промышленных производителей жило в городах, и ремесленники, жившие в деревне, составляли самое большое 10% населения (подсчеты Роджерса).

2. Число промышленных производителей было в средние века сравнительно очень недостаточно, т. е. недостаточно, чтобы удовлетворить спрос на их услуги. Иногда ощущалась остшая нехватка в ремесленниках. В XIV и в первой половине XV в. (в Германии) нередко целые города стараются заманить к себе хотя бы одного или нескольких красильщиков. Такое положение было в Бритцене в 1355 г., в Эйслингене — в 1401 г., в Лейпциге — в 1469 г.². В Вене в XIV в. «повсюду нехватает ремесленников»³.

Недостаток ремесленников лучше всего виден из всевозможных привилегий, посредством которых князья и города старались привязать к своей области пришлых ремесленников.

Максимальные цены, которые в ту эпоху устанавливались во многих местах для ремесленных работ⁴, также подтверждают этот недостаток промышленного труда.

¹ См. исчисления, приведенные у Ж. Фанье, Исследования, стр. 6 и сл.

² Шмольер, Цех суконщиков и ткачей, стр. 92.

³ F. Eulenburg, Das Wiener Zunftwesen в «Zeitschr. f. Soz. u. W. G.» 1, 286.

⁴ Для Франции: см. Левассер 12, 500; для Италии: Ковалевский, ст. в «Zeitschr. f. Soz. u. W. G.», 3, 414 и сл.; для Англии: Кеннингем. 1, 306 и сл.

Если мы спросим, какое сочетание обстоятельств приводило к подобному положению, то в качестве главных причин мы можем отметить следующие.

Прежде всего, было весьма трудно технически подготовить подрастающее поколение: пока требуется долгое и постепенное обучение, определенный срок ученичества и личная выучка со стороны мастера (а все это неразрывно связано с эмпирическими методами), до тех пор подготовка подрастающего поколения промышленных производителей естественно поставлена в узкие границы. Мы уже говорили в другой связи, что эмпирическая техника затрудняет передачу известных способов другим группам.

С другой стороны (и пожалуй на первом месте) это явление следует объяснить своеобразными особенностями увеличения населения в средние века. Особенности эти заключались: 1) в медленном росте населения вообще; 2) в сравнительно низкой норме сельскохозяйственного избыточного населения.

Мы приведем здесь некоторые данные, поскольку это позволяет скучность материалов.

Как ни малы статистические сведения о населении, сообщаемые в средневековых источниках¹, тем не менее с некоторой достоверностью можно установить следующее.

В Германии до XIII в. происходил, вероятно, медленный рост населения. Годовая норма прироста в изученных Лампрахтом областях составляла 0,5%, для 1100—1150 г., 0,4%, для 1150—1200 г., 0,35%, для 1200—1237 г.² В то же время следует согласиться с мнением Шмольера, «что от 1250 до 1450 г. не может быть никакой речи об общем увеличении населения»³.

Ту же картину мы встречаем и в других странах: в Англии в период между «Книгой страшного суда» и «Сотенными списками» население растет, затем до 1150 г. остается в том же положении⁴, во Франции население растет до XIV в., а затем остается неподвижным и даже уменьшается вплоть до XVI в.⁵

¹ О скучности источников говорит Инаам-Штернегг, ст. Население, в HS 22.

² Лампрахт, Хозяйственная жизнь Германии, 1, 164.

³ Schmoller, Die historische Entwicklung des Fleischkonsums usw. In Deutschland,— статья в Zeitschr. f. d. ges. Statwiss. 27 (1871), 299.

⁴ Кеннингем, Развитие и т. д., 1, 170. W. Denton, England in the XV Century (1888), стр. 128—131. Th. Rodgers, The Industrial and commercial history of England (1898), стр. 46 и сл.

⁵ Levasseur, La population française, 1 (1889), 140 и сл.

В Бельгии в XII и XIII вв.¹ наблюдается быстрый рост населения, который очевидно уменьшается в XIV в.²

Эти факты не удивят нас, если мы вспомним условия существования средневекового населения. Положительные «препятствия, мешавшие размножению населения», были, как мы знаем, настолько велики, что даже наивысшие цифры рождений не могли заполнить возникающую убыль. Следует только припомнить общеизвестные факты: 1) отсутствие всякой гигиены в городе и деревне³; 2) частые и кровопролитные войны; 3) величайшие бичи средних веков—голодовки и эпидемии, обычно появлявшиеся одновременно⁴.

Бедствия эти постигают все решительно страны и повсюду проявляются в одинаково опустошительных размерах. Больше всего страдал XIV в.: это — столетие чумы по преимуществу⁵.

¹ E. de Borchgrave, *Hist. des colonies belges du Nord de l'Allemagne* (1865), стр. 37.

² Vanderkinderen, указ. соч., стр. 135 и сл.

³ Об огромной детской смертности в средние века см. Бюхер, Население и т. д., стр. 45 и сл.

⁴ «Можно сказать, что вслед за голодовкой всегда начинаются огромные общенародные эпидемии: позальная смертность и чума — неразрывные спутники всякого голода». E. Curschmann, *Hungersnöte im Mittelalter* (1900), стр. 60.

⁵ Относительно голодовок см. названную в предыдущем примечании книгу, вышедшую в виде VI тома «Лейпцигских исторических исследований». Ср. также Дентон, указ. соч., стр. 91 и сл.: «Голод... был так распространен в Англии, что все попытки установить годы неурожая не привели бы ни к чему» (92). См. далее цитируемую ниже книгу Крейтона, стр. 15—52 (хорошо описана эпоха от 579 до 1322 г.) и Левассера (12, 523), по словам которого в XIV в. во Франции насчитывалось 19 голодных лет, а в XV в.—16. Относительно чумы см. известную работу Hecker-Hirsch, *Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters* (1865). Для Германии: R. Höninger, *Der schwarze Tod in Deutschland* (1882); K. Lechner, *Das grosse Sterben in Deutschland* (1884). Для Франции: Levassier, *Classes ouvrières*, 521 и сл. Pop. franç., 1, 176 и цитированную там литературу. Для Италии большую работу A. Corradi, *Annali delle Epidemie*, ч. I (1865), трактующую также и о голодовках, и ст. М. Ковалевского в «Zeitschr. f. Soz. u W. G.», 3, 406. Для Нидерланд, в частности для Бельгии: подробную работу L. Torfs, *Fastes des calamités publiques survenues dans les Pays Bas et particulièrement en Belgique etc: Epidémies — Famine — Inondations* (1859). Для Англии: Ch. Creighton, *A History of Epidemics in Britain from A. D. 664 to the Extinction of Plague* (1666), 1891. В Англии вопрос этот был особенно подробно освещен. Наиболее важные сочинения приведены во введении Ш. Пти-Дюталь и к работе A. Réville, *Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381*, помещенной в «Mem. et doc. publ. par la Soc. de l'école de chartes», 2 (1898), XXX и сл.

Можно спорить, в какой мере заслуживают доверия цифры смертности, сообщаемые современниками,—можно ли, например, поверить, что в Англии вымерла от чумы одна треть или половина населения, или еще больше¹,—но во всяком случае нельзя сомневаться в том, что опустошения были достаточны, чтобы на долгое время приостановить рост населения.

Целый ряд других обстоятельств удерживал аграрное избыточное население в тесных границах; особенное значение в этом отношении имела возможность—остававшаяся во все средние века—поселиться на собственной земле, хотя бы в качестве поместья крепостного.

В Германии вторичное завоевание востока немцами в огромных размерах расширило пригодную для колонизации область. Но и в других странах свободная земля исчезает только в поздний период средневековья. О Франции 1200—1350 гг. говорится: «Каждый день является свидетелем новых захватов земли, новых завоеваний землемельца»². В Англии XIV в., как и в Германии, колонизационная область искусственно расширилась вследствие разложения помещичьих хозяйств³. Сравнительно густо населенная область вроде Бельгии отправляет свое избыточное население в соседние слабо-населенные страны—в Германию⁴ и Англию⁵. Вспомним кроме того о крестовых походах и о всем том, что их сопровождало.

Последняя причина, вызывавшая незначительное предложение промышленных изделий, заключалась в том, что производители, и без того малочисленные, мало производили, так как степень производительности промышленной техники в течение этих столетий была необычайно низка.

Мы не обладаем, к сожалению, никаким масштабом, позволяющим измерить высоту производительности труда, и потому должны выводить наши заключения на основании тех или иных симптомов. Симптомы, свидетельствующие о низкой производительности труда, таковы:

1. Высота цен многих промышленных изделий.

¹ По мнению Роджерса $\frac{1}{3}$, по мнению Кенингама $\frac{1}{3}$ по мнению Дентона еще больше.

² Д'Авенель, 1, 273 и сл.

³ Rogers, Hist. of Agriculture and Prices in England, 1 (1866), 24 и сл. Seeböhm, Engl. VIII. Comm. (1883), 33 и сл., 54.

⁴ См. стр. 254, прим. 3 в цитированной нами работе Борчгрэва.

⁵ W. Cuningham, Die Einwanderung der Ausländer nach England im XII Jahrh., пом. в Zeitschr. f. Soz. u. W. G. 3, 177 и сл.

Как ни неоспоримо это утверждение, тем не менее его трудно доказать цифрами, ибо почти ни в одном случае мы не можем установить одинаковость качества тех промышленных изделий, цены которых мы сравниваем. До некоторой степени это возможно, например, в отношении железа: в XIV в. в Англии одна тонна железа стоила 9 ф. ст., т. е. приблизительно 26—27 ф. ст. по современной стоимости, между тем как в Дюссельдорфе в 1913 г. одна тонна лучшего германского железа для литья стоила на месте 77,5 марок. (Th. Rogers, Ind. a. com. Hist., 10.) Наоборот, термины «шляпа», «пара сапог», «плащ» совершенно неопределены; даже ткани могут чрезвычайно сильно различаться по качеству. Но мы можем с уверенностью сказать, что промышленные изделия, как например материи, были тем дороже, чем более труда и чем менее материала в них заключалось, и что разница между наивысшими и наизнешими ценами была гораздо больше, чем теперь. Это доказывает меньшую продуктивность и меньшую техническую производительность промышленного труда. Сибарио сообщает цены на материи в период от 1261 до 1400 г., причем цены эти расходятся друг с другом в отношении 1:140; Уццано (XV в.) для самого дорогого сукна указывает цену в 35—40 раз большую, чем для самого дешевого сукна. Ср. Рошар, Система и т. д., т. I, § 134 и многочисленные указания цен на промышленные изделия, приведенные у Д'Авенеля, История и т. д., 3, 339 и сл. и т. IV.

2. Количество занятых рабочих: в Базеле в 1428 г. 5140 штук сукна было изготовлено 342 ткацкими мастерами¹. Если считать, что на одного ткацкого мастера приходилось два человека, занятых изготовлением сукна (цифра эта во всяком случае преуменьшена), то окажется, что для изготовления упомянутых 5140 штук сукна (что составляет месячную продукцию одной современной крупной фабрики) требовалось 1000 человек, т. е. в 20 раз больше, чем теперь. Цифры эти, повидимому, типичны для средних веков: ткацкие мастера в Бове указывают, что их 400 человек и что они еженедельно изготавливают «до 100 штук сукна»².

3. Продолжительность времени производства: еще в конце XV в. для изготовления хорошего замка требовалось 14 дней³. При производстве художественных изделий период производства исчислялся годами. Вся тайна архитектурных и художественных достижений средневековья, нередко повергающих нас в изумление, заключается именно в этой огромной продолжительности производственных периодов. Как известно, городские ратуши и церкви строились в течение целых столетий. Но даже изготовление мебели требовало нередко целых лет: стоит только прочесть списки имен ремесленников, делавших стулья для хора,

¹ Сообщено у E. Liesegang, Niederrh. Städteleben (1887), стр. 640, 680.

² Документ от 19 апреля 1399 г., прив. у Фанье, Док., 2 (1900), № 70.

³ Буассонад, Организация труда в Пуату, 1, 370.

шкафы и т. д. (этих списков у нас имеется большое число), чтобы видеть, как целые поколения трудились над изготовлением каких-либо особо важных предметов¹. Над алтарями Пистойской церкви св. Якова и Флорентийской церкви Крещения более 150 лет работали лучшие ювелиры; над великолепными вратами, достойными замыкать вход в рай, Гиберти работал 40 лет².

IV. Форма хозяйства.

Была ли организация промышленного труда в средневековых городах действительно ремесленной? Была ли осуществлена идея ремесла? Воплощался ли цеховой дух в реальных явлениях жизни?

Дать вполне определенный ответ на эти вопросы по всей вероятности никогда не удастся. Нам всегда придется довольствоваться главным образом заключениями, выводимыми на основании известных признаков; исследователь будет приходить к различным выводам в зависимости от доступного ему материала и большего или меньшего значения, которое он придает тому или другому симптому. Посмотрим же, какими данными мы располагаем и какие выводы мы можем из них сделать.

Прежде всего не подлежит ни малейшему сомнению, что действительность в очень существенных пунктах и весьма часто далеко отклонялась от идеала, требовавшего, чтобы промышленный строй полностью сохранял ремесленный характер. Во всяком случае совершенно бесспорно, что средневековые цехи нигде не достигали своей главной цели, заключавшейся в том, чтобы охватить цеховой организацией всю сферу промышленной деятельности.

То, что мы знаем относительно распространенности цеховой системы в различных городах, подтверждает правильность сказанного Бюхером о положении во Франкфурте-на-Майне³:

«Известная часть промышленной деятельности всегда протекала в рамках свободного производства, какие бы усилия — даже в поздние столетия средневековья — ни прилагали городские управление и нередко сами участвовавшие в производстве лица для того, чтобы распространить и на эту сферу труда способ организации, принятый в других отраслях. Обычно к этой категории относятся те производители, изделия которых никогда не пользо-

¹ E. Foerster, Gesch. der italienischen Kunst, 3 (1872), 130 и сл.; 4 (1875), 69 и сл.

² G. Semper, Der Stil, 2^е (1879), 514.

³ Бюхер, Население и т. д., 1, 116 и сл.

вались широким спросом; но иногда к ней принадлежат и такие, которые впоследствии стали играть большую роль и сохранили ее и посейчас (например столяры, пивовары, шорники, ювелиры); наконец, сюда же относятся и те специальности (во Франкфурте, например, позументщики, производители ситца, ткачи плисовых материй, производители пуговиц), которые после более или менее долгого периода процветания исчезли со сцены. В эпоху XIV в., когда городской совет весьма неохотно давал разрешения на образование цехов и содержание трактиров, еще довольно значительная часть промышленного населения города стояла вне публично признаваемых «ремесл», хотя и не была отрезана от всякой вообще организации» и т. д.

Часто мы наблюдаем, что противоположные тенденции, исходящие от других кругов, отклоняют цехи от того направления, которое соответствует их целям: сюда относятся, например, тенденции крупного землевладения, сказывавшиеся в Вене уже в ранний период. Таким образом, с формальной стороны цеховой идеал — обязательная принадлежность к цеху — нигде не был полностью осуществлен.

Но еще важнее, по моему мнению, то, что и в смысле материальной обеспеченности наблюдаются значительные отклонения от идеалов ремесленной организации. Прежде всего не может быть и речи о том, что «пропитание», которое было гарантированоциальному гуфнеру-ремесленнику или уровень которого устанавливался в ходе развития, выражалось во вполне одинаковых размерах производства или в совершенно одинаковом доходе.

Поскольку можно судить, представление об одинаковом экономическом положении промышленных производителей не может претендовать на правильность ни в одну из тех эпох, когда ремесло вообще достигало более или менее широкого развития. Во все времена существовали ремесла, которые по части благосостояния на много превосходили остальные, да и внутри отдельного ремесла имелись мастера, бесконечно превосходившие своих коллег по богатству, — если это слово вообще применимо здесь¹. Для доказательства этого факта достаточно привести несколько цифр, дающих для совершенно различных периодов и для совершенно различных мест одну и ту же картину, свидетельствующую о сильной имущественной дифференциации среди ремесленников.

Благодаря *Registre de la Taille* (1292) мы располагаем весьма

¹ «Тысяча естественных неравенств мешала тому однообразию, к которому стремились регламенты»; Ж. Фанье, Исследования, стр. 120.

полными сведениями о доходах парижских ремесленников в XIII в. Согласно регистру, один мастер фетровых шляп получал 19 000 франков дохода, 1 суконщик — 9 000 франков, доход нескольких других ремесленников составлял более 5 000 франков, свыше 100 ремесленников получали доход более 1 000 франков, огромное же большинство получало менее 250 франков дохода. Детальная картина получается такая:

Доход	Число ремесленников
Более 10 000 франков . . .	1
5 000—10 000 > . . .	6
1 000—5 000 > . . .	121
250—1 000 > . . .	375
50—250 > . . .	821

Совершенно такую же картину мы имеем и относительно базельских ремесленников в XV в.¹

В 1429 г. в Базеле имущество ремесленников определялось так:

Ремесленники	Менее 50 фл.	От 50 до 300 фл.	От 300 до 1000 фл.	Свыше 1000 фл.
Производители серого сукна . . .	159	51	2	1
Кузнецы	42	86	36	8
Мясники	34	35	18	10
Пекаря	19	31	14	6
Портные и скорняки	65	47	9	2
Плотники и каменщики	86	100	28	5
Цырульники, маляры и шорники .	24	34	16	2
Ткачи полотна и ткачи шерстяных тканей	53	32	3	—
	482	416	126	34

¹ G. Schönberg, Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV und XV Jahrhundert (1879), стр. 180—181.

Среди ремесленников Гейдельберга в XV в. наблюдаются следующие имущественные различия. На одного ремесленника приходилось следующее состояние в гульденах¹:

В цехе мясников	199
» » булочников	167
» » портных	119
» » сапожников	113
» » кузнецов	100
» » ткачей	162

Внутри отдельных цехов наблюдалось не равенство, а, наоборот, чрезвычайно большое различие состояний; средние доходы не являются здесь общим правилом, и некоторые доходы значительно возвышаются над средним уровнем. В XV в. среди 91 кузнеца Гейдельберга 9 имеют «большие состояния», 58 — «маленькие» и т. д.².

Насколько большие имущественные различия существовали в средние века между отдельными мастерами одного и того же ремесла, показывает также следующее сопоставление. Из ткачей шерстяных материй во Франкфурте-на-Майне в XIV в. 11 имели право доставлять на мессу 36 штук сукна, 22—по 24 штуки, 10—по 18 штук, 8—по 12 штук, 20—по 10 штук, 13—по 8 штук, 49—по 4 штуки³. Размеры производства колебались, следовательно, в отношении 1:9.

Среди английского суконного промысла различия были, повидимому, еще больше⁴. В Кельне отдельные цехи разделяют самостоятельных, т. е. работающих за собственный счет, членов на братьев и мастеров. Моне⁵ видит причину этого разделения в том, что между мастером и подмастерьем была создана промежуточная ступень — так называемый «брат» — дабы дать возможность мелким промышленникам самостоятельно заниматься ремеслом; люди, принадлежавшие к этой категории, должны были платить

¹ Ф. Эйленбург в статье «О статистике населения и имущества в XV в.» (в «Zeitschr. f. Soz. u. W. G.», 3, 457) говорит: «Отнюдь не приходится считать установленным, что средние размеры имущества были тогда нормальным случаем... Наоборот, среди городского населения мы наблюдаем величайшие (?) противоречия богатства и бедности» (стр. 459).

² Эйленбург, там же, стр. 460.

³ К. Бюхер, Население и т. д., 1, стр. 91.

⁴ По цифрам отчетов 1395 г., сообщаемых по рукописи Зальцианом указ. соч., стр. 157 и сл. Ср. также следующую стр.

⁵ Моне, Zunftorganisation vom XIII bis XVI Jahrh. Статья, помещенная в издаваемом им журнале, стр. 15, 19.

только половину вступительного взноса. Когда они приобретали необходимое состояние, они вступали в группу мастеров.

Впрочем, как известно, и сами документы средневековья часто упоминают бедных и богатых членов цеха: в них можно найти много постановлений, стремящихся к тому, чтобы, несмотря на материальные различия, сохранить независимость бедных членов цеха от богатых и осуществить на деле принципиальное равноправие тех и других.

Чрезвычайно живую картину сильной дифференциации в парижском мясном промысле дает нам, например, жалоба бедных мясников, продающих на своем прилавке каких-нибудь 10 кусков мяса и два круга сала, на то, что крупные мясные торговцы, гордые своим положением в цехе, хотят запретить им занятие их ремеслом¹.

Только-что приведенные цифры и другие признаки подтверждают, что в средние века существовали такие формы промышленных хозяйств, которые вряд ли заслуживают имени ремесла: в одних случаях мастера попадали в сильную зависимость от купца, в других сами они превращались в мелких предпринимателей. Когда нам говорят о суконщике, получавшем в Париже в 1292 г. 9000 франков дохода, то мы не знаем, получал ли он этот доход исключительно от своего промысла. Возможно, что это было не так. Но что среди парижских суконщиков, многие из которых получали, согласно статистике, весьма высокие доходы, имелось уже немало лиц, вышедших за рамки ремесленной организации, ясно хотя бы из отдельных постановлений цеховых статутов. Так, цеховые статуты предписывают, что максимальное число ткацких станков, работающих в собственном доме мастера (это непременное условие!), должно составлять для мастера, каждого его холостого сына, одного его племянника и одного брата по два широких станка и по одному узкому станку на человека. Если разрешение это кем-либо использовалось полностью, то под одной крышей можно было легко пустить в ход 16—20 ткацких станков. Судя по сообщенным Зальцманом² цифрам, в 1395 г. в Вестенгланде один суконщик предъявил суконному смотрителю 1080, другой—1005, 9 прочих, все вместе,—1600 малых штук узкого сукна (в 12 ярдов длиной). Если это было годовой продукцией, то можно думать, что у наиболее крупных суконщиков число рабочих достигало до 20.

¹ Документ от 1415 г.: Фанье, Док., № 18.

² Указ. соч., стр. 157 и сл.

При таком положении, вызываемом укрупнением предприятий, ремесленная структура естественно разрушалась и начало образовываться сословие пожизненных подмастерьев. (Хотя не каждый союз подмастерьев следует себе мыслить как современный рабочий союз.)¹

Не приходится оспаривать и того, что во многих городах уже в средние века целые отрасли промышленности перестали быть ремеслом и начали развиваться в сторону капитализма. Обстоятельное и тщательное описание Дорена, исследовавшего положение флорентийской суконной промышленности во второй половине XIV в., создает впечатление, что этот промысел уже и тогда был сильно окрашен капиталистическими элементами. Такого рода отрасли промышленности имелись, конечно, и в других городах средневековья.

Однако, несмотря на все это, мы должны прийти к выводу, что в средние века организационной формой промышленного труда было действительно ремесло. Ремесло налагало своеобразную печать на всю структуру промышленной жизни. Ремесло было не только преобладающей, но почти исключительно господствующей формой хозяйства.

Как я уже говорил, мы не располагаем аутентическим материалом, позволяющим доказать правильность этого утверждения. Мы должны попытаться обосновать его косвенным путем и установить, по крайней мере, возможность того, что наше утверждение правильно. Эти косвенные доказательства — двоякого рода: симптоматические и теоретические (дедуктивные). Я постараюсь повести читателя по обоим путям.

Приглядимся сначала, какие симптомы свидетельствуют о существовании ремесла.

С полной ясностью обрисовывается верный признак ремесленной организации:

1. Органическая (как выражались бы мы) специализация профессий. Во всех средневековых городах, где существует промышленный труд, она повторяется почти в одних и тех же чертах. Базируется она всюду на одной и той же основной идеи: отдельные процессы профессиональной промышленной деятельности должны быть настолько ограничены друг от друга, чтобы они были под силу живому «ремесленнику» и придавали глубокую содержательность его высококо-личному творчеству.

¹ Как это делает, например, Шанц в своей в других отношениях весьма ценной книге: *Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände* (1876).

Я сказал, что мы ясно можем подметить этот признак настоящего ремесленного строя. На самом деле это, пожалуй, единственный факт, который почти бесспорно установили исследователи структуры промышленной жизни в средние века. Для различных типов средневековых городов мы обладаем списками лиц, занятых в промышленности, и потому можем с некоторой достоверностью констатировать однородные черты развития. Мы можем даже с уверенностью сказать, что при дифференциации профессий средневековых городов степень промышленной специализации определялась степенью промышленного развития. Другими словами, прогрессирующее совершенствование промышленного производства выражается в увеличивающемся разделении специальных процессов труда, которые постепенно превращаются в самостоятельные профессии. Таким образом, число профессий дает довольно верный масштаб для суждения о степени развития, достигнутой промышленностью того или другого города. Это — своего рода «закон».

Конечно, мы должны при этом предполагать, что отчеты относительно отдельных городов отличаются одинаковой степенью точности (а лица, обрабатывавшие их, одинаковой степенью калькуляционного таланта). Когда, например, Гирш в Данциге эпохи позднего средневековья устанавливает только 60 различных профессий, то мы (судя по тому, что мы знаем о хозяйственной жизни Данцига сравнительно с жизнью других городов) можем прямо сказать: этот список не полон. Мне представляется сомнительным и то, что в Риге XIII и XIV вв. имелось только 75 профессий в широком смысле. Наоборот, цифры, сообщаемые Эйленбургом для Гейдельберга, Бюхером для Франкфурта и Шенбергом для Базеля, кажутся мне бесспорными: по моему мнению, мы можем спокойно сравнивать их друг с другом. Самостоятельных профессий насчитывалось:

В Гейдельберге	103
» Базеле	120
» Франкфурте (1440 г.)	191

В цифрах этих может быть выражена различная степень развития трех городов, хотя цифра для Базеля слишком низка. Может быть в последнем случае дело объясняется тем, что статистика дана лишь для двух церковных приходов. Для большей осторожности мы исключим и ее и будем сопоставлять только Гейдельберг и Франкфурт. При этом следует отметить, что число

профессий во Франкфурте с 1387 по 1440 г. увеличилось на 43. Это является новым доказательством правильности нашего «закона».

Но свое полное значение цифры эти приобретают лишь тогда, когда мы сравниваем их с цифрами, относящимися к действительно «большим» городам средневековья. Как известно, наиболее богатые сведения источники дают о самом большом городе средних веков—Париже. Кто хочет составить себе представление о средневековой промышленной жизни в ее наиболее полном развитии, должен оставить в стороне Гейдельберг и Франкфурт и обратиться к Парижу.

Здесь кипит совершенно иная жизнь, чем в тех двух городах, и степень промышленной специализации неизмеримо больше, чем там. Когда Бюхер (*«Население»*, 227) говорит: «Широкое разделение труда, раскрывающееся здесь перед нами (Бюхер имеет в виду Франкфурт), превосходит все, что нам известно до сих пор о каком бы то ни было средневековом городе»,—то это его положение оказывается несостоительным перед лицом цифр, даваемых нам в *Registre de la Taille* (изданном в 1837 г.). Число приведенных в регистре профессий более чем вдвое превышает число профессий во Франкфурте; за исключением категорий, обозначенных *chamberière* и *valet*, я насчитал 448 профессий. Из них около $\frac{2}{3}$ представляют собою промышленные профессии в узком смысле. Судя по Фанье, в регистре отмечено 350 различных видов ремесла. Это является, следовательно, наивысшей точкой в развитии средневекового промышленного строя в смысле дифференциации профессий.

(К сожалению, я не имею возможности коснуться регистра более детально. В нем вообще заключены сокровища, совершенно не тронутые, несмотря на ценные работы Жеро, Фанье и других авторов, писавших о регистре. Обработка *Registre de Taille* с точки зрения, развитой в настоящем сочинении, была бы привлекательной задачей для историка хозяйства, обладающего некоторой проницательностью.)

2. Другим важным симптомом, указывающим на преобладание ремесленной организации, являются небольшие размеры предприятий. К сожалению, мы об этом знаем немного,—несравненно меньше, чем о специализации профессий. Источники, выясняющие этот последний пункт, далеко не так богаты данными, когда дело идет о форме предприятий. В лучшем случае мы узнаем число подсобных лиц (подмастерьев), живших в том или другом городе, но не получаем никаких указаний о распределении

их между отдельными ремесленными предприятиями (поскольку я знаю, за одним единственным исключением).

Тем не менее, общее число подсобных лиц дает некоторую точку опоры: там, где это число сообщается источниками, оно оказывается всегда значительно меньшим, чем число самостоятельно работающих в промышленности лиц. Это дает нам основание с известной долей вероятности сделать вывод, что мелкие предприятия были общим правилом. Так например, для Франкфурта Бюхер определяет число подмастерьев в 600—700, а число самостоятельных ремесленников — в 1498 (приблизительный подсчет). Г. Пааше устанавливает для Ростока (1584 г.) число самостоятельных ремесленников в 2350, число их слуг в 1036, число служанок в 1423. В Лондоне около 1528 г. 220 иноземных сапожников держали «свыше» 400 подсобных работников. Цифра эта взята из жалобы местных сапожников, жалующихся на конкуренцию иностранцев, и потому по всей вероятности является преувеличенной¹. Это происходило уже в XVI в. В «*Livre des metiers*» перечисляются: 47 *sergents*, 113 *valets*, 199 *chamberières*, всего 359 подсобных лиц. Конечно, этой цифрой число их не исчерпывается. Куда же оказались отнесенными остальные (ибо ведь каждый взрослый облагался налогом)? К тем ли, профессия которых была не обозначена, или (что вероятнее) к числу лиц, работавших в хозяйствах мастеров? Если верно последнее, мы могли бы отсюда вывести заключение о небольшом среднем размере предприятий. Постановления цеховых статутов, определяющие максимальные размеры предприятий, по моему мнению, сами по себе еще ничего не говорят о действительном положении дел. Наоборот, они скорее свидетельствуют об обратном: там, где устанавливается максимальный размер производства или максимальное число подсобных лиц, которых может держать мастер, очевидно, уже существует тенденция к укрупнению предприятий. Поэтому именно в этих отраслях промышленности можно предполагать существование предприятий, превышающих средние размеры. Если же — конечно, мы имеем в виду те местности и те эпохи, где и когда вообще издавались подобные предписания — такого рода ограничений в статутах не имеется, то мелкое предприятие является еще общим правилом. В «*Livre des metiers*», действительно, указываются лишь немногие отрасли промышленности (суконное производство), в которых фиксированы максимальные цифры подмастерьев. Можно поэтому думать, что в па-

¹ Текст приведен у G. Schanz, Engl. Handelspol., 2 (1881), 598 — 600.

рижском ремесле конца XIII в. мелкое производство было общим правилом.

Упомянутое нами выше статистическое исключение касается гейдельбергских ремесленников, о производстве которых Эйленбург (указ. соч., стр. 132) дает нам довольно точные сведения. По его словам, из общего числа промышленных производств:

Единоличных предприятий имелось	240	= 53,3%
Предприятий с 1 подмастерьем мужского пола . . .	123	= 27,5%
» » 2 » » »	55	= 12,4%
» » 3 » » »	24	= 5,3%
» » 4 » » »	6	= 1,3%
« » 5 » » »	1	= 0,2%

Наиболее крупное предприятие имеется в цехе каменщиков. В отношении всех прочих мест, как мы уже указывали, нам приходится довольствоваться умозаключениями или в лучшем случае приблизительными подсчетами. Так, например, вышеприведенные цифры максимальных размеров продукции во франкфуртском суконном промысле можно было бы использовать для следующего определения величины предприятий. Предположим, что минимальные размеры годичного производства мастера-одиночки составляют 2×4 штуки сукна. (Возможно, что это количество годовой продукции получалось с помощью одного нанятого рабочего, время от времени принимавшего участие в производстве. Но мы элиминируем эту возможность; если бы она соответствовала действительности, то пришлось бы соответственно понизить уровень величины предприятий.) При этом предположении во франкфуртском суконном промысле можно было бы установить следующие величины предприятий:

Единоличных предприятий	49	= 37,5%
Предприятий с 1—2 подмастерьями мужского пола	41	= 30,7%
» » 3—5 » » »	32	= 24,0%
» » 6—8 » » »	11	= 7,3%

Принимая во внимание, что цифры эти относятся к чрезвычайно крупной экспортной промышленности Франкфурта, и учитывая различную высоту экономического развития в обоих городах, можно сказать, что указанные цифры согласуются с приведенными в источниках гейдельбергскими цифрами и могут считаться правильным отражением действительности.

Для английской суконной промышленности в XIV в. вышеприведенные цифры отчетов суконных смотрителей дают ту же картину. Основная масса производителей была мелкими произво-

дителями: в Суффольке 120 человек изготавливают 733 штуки широкого сукна и только 7 или 8 производят по 20 штук каждый. 9200 штук узкого сукна (считая годовую производительность одного ткача в 30 штук) изготавляются 300 суконщиками, из которых 15 доставляют 120—160 штук. В Эссексе 1200 штук узкого сукна изготавляются 9 суконщиками, в Брэнтри 2400 штук—8 суконщиками. В некоторых случаях годовая продукция составляет от 200 до 600 штук. Если это верно, то такие предприятия и являются теми крупными предприятиями, о которых я говорил выше. В Девоншире 65 мастеров изготавливают 3565 штук. В Корнуэльсе 13 суконщиков доставляют 90 штук (широкого) сукна. В Сольсбери 158 мастеров изготавливают 6600 штук и только 7 мастеров более 150 штук. В Винчестере производится 3000 штук, причем только три мастера производят каждый более 100 штук. В Йоркшире средняя продукция составляет 10 штук (широкого) сукна. В Кенте имеется только один суконщик, изготавлиющий более 50 штук, и 3 суконщика, изготавлиющих более 25 штук.

Итак, промышленные предприятия средних веков были индивидуальными предприятиями и в большинстве отраслей производства доминировали, конечно, единоличные предприятия. Мне кажется, что это подтверждается и дошедшими до нас художественными изображениями, где описываются промышленные процессы в средние века (или даже в более позднее время). Я имею в виду гравюры по дереву, изображающие жизнь ремесленников и хранящиеся в Германском музее, а также упомянутое выше «Описание всех сословий» И. Аммана. Особенно поучительны для нас гравюры. Во-первых, они относятся к очень позднему времени (XVI в.), а во-вторых, они очевидно были сделаны с целью показать нюрнбергскую промышленность во всем ее блеске. На них мы видим следующее: в мастерской для изготовления поясов изображен мастер, выкраивающий кожу, а рядом с ним два подмастерья, изготавливающие сумки; в сапожной мастерской изображен мастер, который опять-таки кроит кожу, и три подмастерья, делающие сапоги; в скорнячной мастерской изображен мастер и двое подмастерьев — все они заняты сшиванием шкур; третий подмастерье несет жено мастера (которая продает товар в соседнем помещении) готовый мех; на улице трое молодых людей (вероятно ученики) выбивают шкуры; в мясной изображены двое подмастерьев, убивающих быка; в лавке мастер разрубает мясо, приготовляя его для продажи; в кожевенной мастерской изображен мастер с тремя подмастерьями; в канатной мастерской изображен канатчик, сучащий канат, и ученик, подносящий ему пеньку; в сто-

лярной мастерской изображен мастер, строгающий рубанком, и подмастерье, распиливающий доску.

По моему мнению, такого рода стереотипные изображения обладают известной доказательностью, особенно, когда они до поразительности совпадают с теми выводами, к которым мы пришли другим путем. Не подлежит никакому сомнению, что многие мастера, производившие нюренбергские товары, а равно и многие ремесленники художественных промыслов (Фейт Штосс) держали от 2 до 3 подмастерьев¹. Но общее правило, типическое, преобладающее, нормальное, привычное мы видим как раз на этих изящных гравюрах.

3. О незначительном размере предприятий и, следовательно, о ремесленной организации промышленности можно заключить на основании сравнения числа живущих в одном месте ремесленников с числом жителей города (при предположении, что дело идет о ремесленниках, работающих на местный рынок). Следовало бы проделать подобные исчисления в больших количествах и в отношении целого ряда наиболее важных промыслов; по всей вероятности, все они привели бы к одним и тем же выводам. Я поясню одним примером, что я имею в виду. В XIII в. в Париже имелось 68 мельниц на одной Сене, кроме того имелись мельницы на реке Бьевре, а также ветряные мельницы. Мельницы работали почти исключительно за плату и, следовательно, были рассчитаны на местное потребление. Следовательно, на одну мельницу приходилось менее 1000 человек населения, а потому мельницы эти могли быть только мелкими предприятиями, конечно, предполагая, что большая часть производства не была сосредоточена в некоторых, наиболее крупных. Эту последнюю возможность мы можем исключить, если мы примем в расчет положение мельниц, топография которых нам точно известна².

Я перечислю вкратце еще несколько симптомов, наличность которых, не подлежащая сомнению и потому не нуждающаяся в детальных доказательствах, подтверждает господство ремесленной организации.

4. Поскольку мы знаем, в течение средних веков мастер всюду остается на положении промышленного работника (мо-

¹ Мастер Теннис Эверс в Любеке (XVI в.) иногда держал до 12 подмастерьев и 7 учеников. Но цех добился их удаления: J. Warnke, Handwerk und Zünfte in L. (1912), 87.

² Наиболее подробные сведения о парижских мельницах в XIII и XIV в. дает Ж. Фанье в своих «Исследованиях», стр. 156 и сл.

жет быть, за исключением некоторых отраслей текстильной промышленности в Италии, Фландрии и Брабанте), т. е. он работает вместе с остальными в мастерской: функция руководства еще не выделилась в самостоятельную функцию.

5. **Расчленение общества** носит еще, главным образом, цеховой характер и находит свое полное выражение в политической организации лишь в течение последних столетий. То, что мы знаем о союзах подмастерьев и их политике, о недовольстве и стачках подмастерьев (оставляя в стороне социальные движения в некоторых итальянских и бельгийских городах), не дает нам права думать, что вертикальное деление общества уже было вытеснено горизонтальным. Да это было бы и странно. Ведь еще в 1789 и даже 1848 г. структура ремесла настолько сохранилась, что подмастерья по большей части сражались за интересы мастеров. Конечно, в этот последний период наряду с подмастерьями существовала уже новая организационная форма, капиталистическая, а вместе с ней были даны и элементы горизонтального деления общества. Но в средние века обо всем этом не могло быть и речи.

Этими последними замечаниями я подвожу читателя ко второму упомянутому мною доказательству — теоретическому доказательству. Я могу пояснить его несколькими словами.

Под этим доказательством я понимаю следующее: если точно исследовать (как мы это несколько раз делали в ходе настоящего изложения) те условия, при которых в средние века велось промышленное производство, то приходится прийти к заключению, что они в оптимальной степени соответствовали идеальным условиям, теоретически наиболее благоприятным для ремесла (см. гл. XII). Особенно важно то, что эмпирическая техника и медленный рост населения в сочетании с постоянным платежеспособным спросом на промышленные изделия содействовали большой устойчивости сбыта и в весьма значительной степени исключали взаимную конкуренцию между ремесленниками. Нам не приходится еще раз останавливаться на этом. Итак, ремесло могло существовать. А что ремесло должно было существовать, за это говорит сам дух времени, с которым мы познакомились, когда мы старались наглядно представить себе идею ремесла.

Я мог бы еще прибавить: если, с одной стороны, в средние века были выполнены все условия, благоприятствующие ремесленной организации, то, с другой стороны, еще отсутствовали все условия другой хозяйственной формы, которой было суждено вытеснить ремесленное производство, — капиталистической формы. Темы этой касаются следующие книги.

Отмечу здесь еще одно обстоятельство. Выводы, к которым нас привело наше исследование на последних страницах (именно, что хозяйственной формой промышленного производства в средние века было ремесло), сохраняют одинаковую силу для каждой формы ремесла, следовательно и для того ремесла, которое работало на междугородный рынок. Этим подтверждается правильность того положения, что ремесленная организация отнюдь не связана с работой на заказ, другими словами, что производство на местный рынок не является необходимым условием возможности ремесла. Ремесло может существовать и в качестве экспортной промышленности, работающей на «мировой рынок», если только выполнены прочие условия, необходимые для его существования. Так как этот факт часто игнорировался и правильность такого утверждения решительно отвергалась, то в следующих главах я приведу еще несколько доказательств, свидетельствующих о том, что даже отрасли средневековой промышленности, заведомо работавшие на «мировой рынок», сохраняли свою ремесленную организацию. Если при этом я иногда отсылаю читателя к описаниям компетентных знатоков вопроса, то я делаю это для того, чтобы не слишком перегружать мое изложение фактическим материалом. Читатель, интересующийся этой темой, может сам найти в указанных сочинениях доказательства, взятые из источников.

Глава XVII.

Организация экспортной промышленности.

Можно ли сказать, что суконщики, поставлявшие в XIV в. товары торговцам тканями, были действительно «ремесленниками», а не превратились уже в домашних промышленных рабочих? Этот вопрос задает и Шмоплер: «Было бы чрезвычайно интересно установить, не являлись ли торговцы тканями в других местах кроме Кельна (где ткачи сохранили за собой право продажи тканей) раздатчиками и работодателями для суконщиков»¹.

Сам Шмоплер избегает прямого и ясного ответа на поставленный им вопрос. Да на него и на самом деле было бы трудно ответить, исходя из материала источников. Поэтому мы вынуждены делать наши заключения на основании других данных. Шмоплер с полным основанием прежде всего подчеркивает тот факт, что в эпоху цеховой борьбы XIV в. суконщики были почти повсюду руководящим цехом и что борьба против городского совета и купечества во многих местах выражалась в борьбу за право продажи тканей и направлялась против торговцев материалиами. По моему мнению именно эта политическая роль суконщиков и ткачей в XIV в., их стремления обеспечить за своим цехом и за прочими ремесленниками представительство и голос в городском совете, наконец, чисто цеховой дух, характеризующий их уставы еще в XV в.², говорят об их чисто ремесленном

¹ См. сочинение Шмоплера о суконщиках, стр. 110.

² Детальное описание аахенского суконного промысла можно найти у Thun, Industrie am Niederrhein 1,8 и сл., а описание шварцвальдского суконного промысла у Готгейма, История хозяйства 1,531. Из обеих работ я вынес впечатление, что экспортный суконный промысел сохранил чисто ремесленный характер вплоть до так называемого нового времени. Даже часть английской и французской суконной промышленности до второй половины XVIII в. была организована по-ремесленному. Об этом я подробно говорю во II т. настоящего сочинения, когда я описываю ранне-капиталистический промышленный строй.

умонастроении. Домашние промышленные рабочие не проявили бы ни той энергии, ни той специфической цеховой заинтересованности, которую обнаруживали суконщики той эпохи. Угнетенное экономическое положение тогдашнего ткацкого ремесла также не подтверждается на мой взгляд никакими доказательствами. Заключения Шмольера, утверждающего, что суконщик, не имевший права продавать свои изделия, находился по отношению к торговцу тканями «в угнетенном и чрезвычайно неблагоприятном положении», по моему мнению несостоятельны. То же можно сказать и о фландрских ткацких цехах XIV в., отличавшихся боевым духом¹. Недавно открытый материал источников² еще усиливает впечатление, что фландрская текстильная промышленность в XIV в. была организована главным образом на ремесленных началах.

Как мы знаем, к капиталистической организации раньше всего перешло флорентийское суконное производство. Но даже и во Флоренции до начала XIII в. купеческие и крупнопромышленные элементы еще не получили преобладания над местными мастерами³.

Междугородное полотняное производство еще долгое время после средних веков сохраняло ремесленный характер. Еще в XVIII в. силезские торговцы полотном отнюдь не всегда являются раздатчиками, а часто только покупателями полотна, изготавляемого самостоятельными мелкими производителями⁴.

Шелковая промышленность, очень рано превратившаяся в экспортный промысел, была также организована на ремесленной основе: это мы знаем относительно Генуи, которая уже в XIII и XIV вв. вывозила шелковые материи, между тем как капиталистическая организация, использовавшая работу на дому, зародилась только в XV в. и, как говорят знающие специалисты⁵, окончательно возобладала над ремесленной организацией только столетие спустя. Долгое время после того, как раздаточная система окончательно укоренилась, ткачи шелковых материй про-

¹ Ср. картиное описание этой борьбы у L. Vanderkinderen, *Le siècle des Artevelde* (1879), стр. 147 и сл.

² Recueil des docum. rel. à l'histoire de l'Industrie drapière en Flandre, 1906 и сл.

³ А. Дорен, Исследования по хозяйственной истории Флоренции, 1 (1901), 27.

⁴ См. т. II настоящего сочинения.

⁵ H. Sieveking, Die Genueser Seidenindustrie im XV und XVI Jahrhundert, в Schmollers Jahrbuch 21, S. 101 и сл.

должали еще работать не только на раздатчика, но и за собственный счет.

Такое же положение было в Венеции и в Лукке, этой родине европейской шелковой промышленности. И в Венеции и в Лукке, несомненно, существовала ремесленная организация, шелковой промышленности. Ткачи шелковых материй, переселившиеся в начале XIV в. из Лукки в Венецию—число их определяют в 31 человек—не были, конечно, ни наемными рабочими (у них у самих были подмастерья), ни домашними промышленными рабочими (ибо в противном случае они вряд ли могли бы переселиться), а по большей части самостоятельными ремесленниками¹.

Еще в 1432 г. венецианским ткачам шелкадается разрешение использовать один ткацкий станок для работы за собственный счет². В 1531 г. ткачи шелка в Лукке в результате восстания *Straccioni*, добились права ткать на одном станке за собственный счет³.

Шелковая промышленность в швейцарских городах вплоть до XVI столетия остается ремеслом⁴.

Но даже и плисовое и хлопчатобумажное ткачество, с первых же шагов своего существования обнаруживавшее тенденцию к экспорту, на первой стадии развития нередко велось на чисто ремесленной основе. Особенно ясно его ремесленный характер проявляется в базельской ткацкой промышленности XV и XVI вв., изготавливавшей шюорлиц; несмотря на то, что она работала на междугородний рынок, она оставалась чистым ремеслом⁵.

Многие историки средневековой текстильной промышленности приходили к ошибочному заключению, что там, где например торговец сукном заставляет ткать «для себя», уже имеется налицо капиталистическая организация. Этот вывод они делали особенно охотно, когда они находили в источниках запрещения расплачиваться товарами. Но нужно ясно понимать, что эта «работа на других, выполняемая за заработную плату» вполне может сочетаться с ремесленной организацией: в данном случае мы имеем

¹ Sandi, *Istoria civile di Venezia*, ч. 2, т. I, стр. 247, 256, цит. у Адама Смита, кн 5, гл. III.

² «Каждый ткач-торговец имеет право ткать на одном станке собственными руками за свой собственный счет и держать одного ученика и не больше для помоши за этим станком». Broglio d'Ajano, *Die venezianische SeidenIndustrie* (1893), стр. 49 и сл.

³ Tommasi, *Arch. stor. Ital.* 10, 397 и сл.; цит. у Зивекинга, указ-соч., стр. 129.

⁴ Гириング, стр. 465 и сл.

⁵ Гириング, стр. 306 и сл.

перед собой ремесленников, «работающих за заработную плату», которые могут быть одновременно и ремесленниками-производителями, и ремесленниками-торговцами.

Отрасли промышленности, работавшие за заработную плату, пользовались в средние века весьма большим распространением, даже большим распространением, чем в настоящее время (впрочем, и в рамках капиталистической организации они играют большую роль), но сам факт их существования, разумеется, не опровергает строгой ремесленной организации промышленности. Запрещение расплачиваться товарами также не доказывает проникновения капитализма в промышленность. Из источников мы узнаем, что даже ремесленники расплачивались друг с другом товарами, а не наличными деньгами: сукновалы города Парижа, которым в 1293 г. и позднее (!) было запрещено принимать плату иначе, как деньгами, являлись настоящими цеховыми ремесленниками, державшими у себя подмастерьев.

Производилось ли добывание металлов на основе ремесленной организации? На этот вопрос также приходится ответить в положительном смысле. Новейшие исследования¹ о начальных стадиях горного дела и добычи металлов убедительно свидетельствуют о том, что и эти отрасли промышленности на первых порах были также организованы по-ремесленному. Конечно, мы наблюдаем здесь одну особенность: горные предприятия почти всегда с самого же начала являются ремесленными товариществами, где коли эксплуатируются по общему плану, а иногда на общие же средства производится и выплавка руды. Так как в ходе нашего исследования мы должны будем еще раз коснуться своеобразной формы ремесленной организации в горном деле, то более детальное рассмотрение мы отложим до соответствующего места. Здесь мы можем лишь отметить, что солеварение было первоначально организовано совершенно так же, как и горное дело.

Несомненно, в течение всего средневековья, вплоть до XVI и XVII вв., добывание железа происходило в рамках ремесла: пока господствовали примитивные методы обработки (а они преобладали долгое время спустя после средних веков, когда уже была «изобретена» доменная печь), это было общим правилом, но отчасти ремесленная организация сохранялась и тогда, когда железо стали плавить в доменных печах².

¹ См. указания литературы в кн. 2, гл. XXIX и в т. II.

² L. Beck, *Geschichte des Eisens*, 2 (1891), посл. ч. и 2 (1893), 177 и сл. См. также т. II настоящей работы.

Многочисленные исследования, среди которых выдающееся место занимает до сих пор исследование Туна о золингенской фабрике мечей¹, свидетельствуют, что и производство оружия по-коилось на ремесленной основе.

Почти безошибочным признаком неприкасаемости ремесленной организации производства в какой-нибудь отрасли является строго проводимое разделение между цехом промышленных производителей и цехом торговцев, торгующих предметами той же отрасли, т. е. запрещение торговцам производить за свой счет выносимые ими на рынок товары. Такой запрет мы встречаем во флорентийской оружейной промышленности. Во Флоренции цеху торговцев оружием было строго запрещено производство панцирей и пик; они имели право торговать только купленными товарами.

Кем были производители нюренбергских товаров, в особенности производители нюренбергских металлических изделий? Мы знаем, что уже довольно рано среди отдельных отраслей производства стала проводиться далеко идущая специализация: в XIII в. существовали изготовители ножниц, изготовители вил, изготовители серпов, изготовители циркулей, изготовители цепей. Среди оружейных мастеров также существовали отдельные профессии: производители лат, производители кольчуг, производители шлемов, производители клинков, производители мечей и т. д. Если бы "даже у нас не было других свидетельств, указывающих на исключительно ремесленную организацию металлического промысла, то уже один этот факт заставил бы заключить, что сфера производства и в смысле количества товаров, и в смысле их качества целиком определялась техническим умением мастера. Но может быть эти ремесленные мастера вели лишь призрачное существование и являлись по существу сдельными мастерами, работавшими на раздатчиков? Не подлежит никакому сомнению, что раздаточная система стала укрепляться в Нюренберге довольно рано. Исследования Шенланка доказали ее наличие еще в начале XIV в.². Но если мы просмотрим материал источников, касающийся запрещений или регулирования домашней промышленности и в значительной своей части использованный Шенланком, то мы должны притти к заключению, что вплоть до XVI в. раздаточная система встречалась лишь в виде исключений и что

¹ Тун, 2, 8 и сл. Ср. В о h e i m, Meister der Waffenschmiedekunst (1897) и Л. Бек, История железа 2, 342 и сл., 987 и сл.

² B. S c h ö n l a n k, Soziale Kämpfe vor 300 Jahren (1894), стр. 48. Ср. также J. F a l k e, Geschichte des deutschen Handels (1859), 125 и сл.

только в XVI в. стала наблюдаться общая тенденция к капиталистической организации.

«Описание всех сословий» (1568) Ганса Сакса также свидетельствует о том, что организация всех нюренбергских экспортных промыслов еще в XVI в. сохраняла ремесленный по существу характер.

Что производители этих «нюренбергских товаров» в средние века были¹ или во всяком случае могли быть ремесленниками, доказывается и другим фактом: рейнская промышленность мелких железных изделий, изготавлившая аналогичные продукты на широкий рынок,—золингенские фабрики ножей, ремшайдская промышленность,—и шмалькальденская промышленность сохранили чисто ремесленный характер вплоть до нового времени. В Золингене еще в XVI в. ремесло сохраняется целиком, в XVII в. начинается борьба, но еще в 1687 г. цеховой строй формально восстанавливается полностью. По словам Туна, ремшайдская промышленность еще в 1870 г. поконилась главным образом на ремесленных основах. Шмалькальденская промышленность, изготавлившая мелкие железные изделия в XVI в.—в эпоху наибольшего своего расцвета—была организована на строго цеховых началах² и сохранила свой ремесленный характер до XVIII в.³

Я еще раз отсылаю читателя к моему описанию условий промышленного производства в век раннего капитализма (во втором томе), где я указываю на предыдущую ремесленную организацию той или другой отрасли промышленности, преобразованной на капиталистических началах, и с другой стороны, подчеркиваю сохранение в этой отрасли ремесленного строя, если преобразование это произошло не ранее конца ранне-капиталистической эпохи.

* * *

Но я иду еще дальше: я утверждаю, что в эпоху средних веков ремесленный отпечаток носило не только все промышленное производство, но и профессиональная торговля, которой будет посвящена следующая глава. Обстоятельный разбор средневековой торговли тем более необходим, что торговля и ремесло слишком часто противополагались друг другу и во всякой тор-

¹ Для детального знакомства с нею см. также J. F. Roth, Gesch. des Nürnberg Handels. 3 (1801).

² K. Frankenstein, Bevölkerung und Hausindustrie im Kr. Schmalkalden (1887), стр. 48.

³ Beckmann, Beyträge zur Ökonomie, Technologie, usw. 10 (1786), 148.

говле исследователи усматривали одну из форм проявления капитализма¹. В противоположность этому утверждению я покажу, что торговля, подобно промышленному производству, долгое время была родной сестрой промышленного ремесла и прекрасно мирилась с этим последним. Описание этой докапиталистической торговли дано в следующей главе.

¹ «Торговля по самой своей природе должна вестись капиталистически», Rich. Ehrenberg, Entstehung und Bedeutung grosser Vermögen, в Deutsche Rundschau от 15 апр. 1901, стр. 123.

Глава XVIII.

Торговля как ремесло.

Предварительные замечания.

Прежде чем перейти к описанию, я хочу заметить следующее:

1. Терминология. Необходимо установить точное различие между оптовой и розничной торговлей: оптовая торговля есть сбыт товаров (как постоянная профессия) производителям и торговцам, розничная торговля есть сбыт товаров конечным потребителям. Это различие не имеет ничего общего с различием между мелкой и крупной торговлей. Мелкий лавочник может быть «оптовым торговцем», а парижский магазин Bon Marché, сбывающий товаров на 200 млн. франков в год, ведет «розничную торговлю». Удивительно, что даже Эйленбург (Zeitschr. f. Soz. u. W. G. 1,278) недостаточно отчетливо разграничивает эти категории.

2. В средние века существовала не только ремесленная торговля, но в значительных размерах велась и случайная торговля, о которой мы уже говорили и по поводу которой я хочу сделать несколько замечаний.

В эпоху еуропейского средневековья, равно как и в эпоху классической древности, нередко случается, что крупные торговые операции выполняются людьми, не принадлежащими к сословию купцов. Главные категории лиц, занимавшихся случайной торговлей, были таковы (одинаково и на юге и на севере):

1) члены городского совета и городские головы: венецианский дож в такой же степени занимался случайной торговлей, как член гамбургского или любекского городского совета (Вико фон Гельдерсен, Биттенборги);

2) патрицианские роды, в особенности семьи богатых землевладельцев;

3) духовные учреждения, монастыри, ордена, духовные лица всех рангов.

Словом в средние века случайной торговлей занимались все богатые люди.

Как мы увидим, у многих из этих зажиточных элементов с течением времени образовался избыток денежных средств и вместе с тем появилась мысль о том, чтобы вместо расширения земельных владений дать своим деньгам какое-либо иное, более выгодное назначение. В это время деньги иной раз даются в беспроцентную ссуду нуждающимся городским общинам, а затем начинают ссужаться за известное вознаграждение знатным людям в виде займов. Наступает эпоха, когда факторам ссужают известные суммы для торговли за границей; эпоха случайной торговли. На первых порах дело идет о случайных торговых предприятиях, о компанийских операциях на короткий срок. Сами зажиточные граждане, дающие деньги, сначала по

большей части остаются жить в родном городе, где они занимаются общественными делами и ведут управление своими поместьями. Ср. Бюхер, Население и т. д., 246—47. Мы правильно поймем какого-нибудь венецианского гранда или какого-нибудь Виттенборга и Гельдерсена лишь в том случае, если будем смотреть на них, как на таких случайных торговцев. Если потрудиться подсчитать число товарных посылок, занесенных в «торговую книгу» подобного члена городского совета, то приходится прийти к удивительному выводу: в течение года заносилось не более 20—30 отправок, т. е. одна отправка приходилась на две недели. Куда девал бы свое время такой человек, если бы он действительно был профессиональным купцом, как это нередко утверждают? Различие между профессиональными торговцами ремесленного типа и стерыми патрицианскими родами, занимающимися случайной торговлей, особенно ярко выражено в Вене. См. Вольтени, указ. соч., стр. 67 и сл. Затем с течением времени эта спорадическая, нерегулярная банкирская или торговая деятельность превращается у отдельных семей в профессию. О случайных торговцах мы здесь говорить не будем и ограничимся лишь описанием торговли, как ремесла.

I. Размеры оборотов.

Для правильного понимания докапиталистической торговли было бы чрезвычайно важно точно знать величины тех товарных масс или тех сумм ценностей, которые проходили через руки торговцев. К сожалению в этом отношении нам до сих пор приходится довольствоваться случайными сообщениями источников, да и в будущем сведения наши по этой части вряд ли пополнятся. Тем не менее имеющиеся у нас ныне данные о деловых операциях средневековой торговли позволяют нам составить приблизительное понятие об ее количественном объеме. Различные указываемые в источниках цифры, а также постепенно растущее уменье статистически разбираться в цифрах торгового оборота начинают понемногу (но, конечно, гораздо медленнее, чем в области статистики населения) изгонять те фантастические представления, которые составили себе многие историки на основании цифровых данных Мочениго и Марино Санто для Венеции и Виллани для Флоренции, — представления, встречающиеся еще в таком, например, труде, как известное сочинение генерал-почтмейстера Стефана¹. Мы должны выработать в себе подозрительное отношение к тем цифрам прошлого по части торговли и товарооборота, происхождение которых мы не можем точно выяснить. Поразительно, что профессиональные историки, до чрезвычайности придирчивые в отношении литературных и летописных преданий, нередко без критики принимают все упоминае-

¹ Stephan, Das Verkehrsleben im Mittelalter, в издаваемом Раумером «Historisches Taschenbuch», 10 год издания (1869).

мые в источниках статистические цифры и наивно, по-дилетантски, используют их. Так например, один исследователь за другим пишут, что товарный оборот германского торгового двора в Венеции достигал ежегодно 1 млн. дукатов. В то же время, поскольку я знаю, у нас нет решительно никаких фактических оснований принимать на веру эту фантастическую цифру хвастливого бургомистра.

К категории столь же подозрительных цифр относятся и знаменитые упоминаемые Виллани 100 тыс. штук сукна, которые якобы были изготовлены в 1308 г. во Флоренции и которые еще Дорен считал «несомненно установленными»¹. Чтобы доказать недостоверность этой цифры, стоит только произвести небольшой подсчет. В конце XIII в. общий вывоз шерсти из Англии в Италию составлял около 4 тыс. мешков². В то время считалось, что из одного мешка шерсти можно изготовить 3 штуки сукна³. Таким образом, из общего количества прибывающей в Италию шерсти можно было бы сделать 12 тыс. штук. Правда, Флоренция получала шерсть еще и из других источников, но главной страной вывоза все же была Англия. Надо заметить при этом, что указанное количество шерсти вывозилось не в одну только Флоренцию, а во всю Италию вообще.

Этот случай мы приводим только в виде примера⁴.

Чтобы составить правильное представление о размере оборотов торговца в более раннее время, мы можем избрать два способа: деление общих оборотов данного места на число участвующих в них купцов и прямые данные об обороте отдельных торговцев, в частности указания на количество сбываемых ими товаров.

Конечно, в отношении более раннего времени цифры общего оборота определенного места или указания товарных масс, движущихся по тому или другому торговому пути, встречаются чрезвычайно редко. Тем не менее мы располагаем некоторыми весьма поучительными и вполне достоверными статистическими данными, из которых мы приведем кое-что в виде иллюстраций.

¹ Дорен, Исследования из области хозяйственной истории Флоренции, I (1901), 68.

² Лицензии были выданы (1277/78) на 4 235 мешков. К. Кунце, Ганзейские акты и т. д., 1275—1412, помещенные в Hans. Geschichtsquellen, т. 6 (1891), стр. 332.

³ Дорен, Исследования, I, 54.

⁴ О неспособности средних веков к статистике см. у Лампрехта, Хозяйственная жизнь Германии, 2, 6 и сл.

Прежде всего, приведем суммы вывозной торговли важнейших ганзейских городов в XIV в. Согласно авторитетному исследователю¹, они выражались следующими цифрами:

Ревель (1384)	131 085	любекск.	марок или 1 245 305	марок по совр.	ст.
Гамбург (1400)	336 000	*	»	3 192 000	»
Любек (1384)	293 760		»	2 790 720	»
Росток (1284)	76 640	*	»	728 080	»
Штральзунд (1378)	330 240	*	»	3 137 280	»

По исчислениям Шульте годовой товарооборот, проходивший через Сен-Готард в эпоху позднего средневековья, определялся по весу в 1 250 тонн; как известно, это составляет от 1 до 2 современных товарных поездов.

Мы довольно точно знаем размеры городской зерновой торговли в средние века и в начале нового времени. Количество зерна, поступавшее на продажу в XVI и XVII вв. в крупных центрах хлебной торговли — Штеттине и Гамбурге — составляло в Штеттине 2—3 тыс. тонн, в Гамбурге приблизительно вдвое больше. Таким образом, годовой зерновой оборот Штеттина в эпоху его расцвета составлял груз одного современного парохода, а оборот Гамбурга — груз двух пароходов².

Еще с большей точностью нам известно количество шерсти, вывозимой в средние века иностранцами из Англии³. В 1277/78 г. оно составляло 14 301 мешок. Считая мешок приблизительно в 2 двойных ц, это составит около 30 тыс. ц или 3 тыс. т. Шерсть, вывезенная в этом году ганзейскими купцами, определялась цифрой в 1 655 мешков, т. е. 3 300 двойных ц или 330 т⁴, между тем как за последние годы нашей эпохи в Германию вывозилось ежегодно около 200 тыс. т.

¹ W. Stieda, Revaler Zollbücher und Quittungen des XIV Jahrh., в «Hans. Geschichtsquell.» т. 5 (1887) LVI и LVII. Введение к этому изданию, написанное Штидой, принадлежит несомненно к числу наиболее ценных работ по средневековой торговле. Ср. также Oskar Wendt, Lübecks Schiffs- und Warenverkehr in den Jahren 1368 und 1369 (1902).

² W. Naudé, Deutsche städtische Getreidehandelspolitik vom XV bis XVII Jahrh. usw., 1889 г. Ср. также мой отзыв об этой книге, помещенный в «Schmolliers Jahrbuch» XIV, 312 и сл. Путем вычислений и сравнения с современными условиями я попытался дать в этой статье более точное представление о размерах зерновой торговли Гамбурга и Штеттина в эпоху их расцвета.

³ (По вычислениям Шубе) см. его статью Die Wollausfuhr vom J. 1273, помещенную в Vierteljahrsschr. f. S. u. W. G., Bd. VI. Это составляло около 7/10 общего вывоза.

⁴ Hans. Gesch. Quel. в (1891), 332. Приведенные цифры относятся к выданным лицензиям и таким образом дают максимальную цифру вывоза, в большинстве случаев фактически не достигавшуюся.

В приведенной картине ничего не изменится, если мы пересчитаем товарные массы на деньги. Цена мешка шерсти составляла в Англии в XIV в. около 90—100 шилл., что на современную германскую валюту составит около 300 марок (считая тогдашний английский пенс в 20,625 гран чистого серебра). Общий вывоз английской шерсти по стоимости составлял, следовательно, 4—5 млн. марок в современной валюте, а экспорт ганзейских городов равнялся приблизительно 500 тыс. марок в современной валюте. Вспомним, что в 1913 г. в Германию было ввезено небработанной овечьей шерсти на 412,7 млн. марок.

Все эти цифры приобретают для нас интерес лишь в том случае, если мы знаем число торговцев, с помощью которых обличавалась эта товарная масса.

В XVI в. число торговцев хлебом в Гамбурге определялось в 6—12 человек. При этом следует заметить, что лицо, сообщающее эти цифры, было по всей вероятности заинтересовано в преумножении их числа. Тем не менее на основании других указаний можно думать, что «крупный» торговец хлебом этого сравнительно позднего периода сбывал в лучшем случае не более 400 ластов зерна¹.

В указанном году в вывозе шерсти из Англии участвовало не менее 252 торговцев; таким образом, на каждого торговца приходилось в среднем 56 мешков или 110 двойных ц шерсти, что в современной валюте составит около 15 тысяч марок. Число немецких торговцев составляло 37, и таким образом средняя доля каждого равнялась 45 мешкам или 92 двойным ц, а средний оборот — 13—14 тысяч марок в современной валюте.

В общем можно принять, что насколько мала была общая

¹ Заслуживающий доверия летописец под 1500 г. (Ноде, 32) пишет, что имелись такие граждане, которые грузили в год до 400 ластов хлеба. Для летописца это было, следовательно, удивительным явлением. В 1580 г. штеттинские купцы подали просьбу, чтобы вместо приведения их к присяге им лучше предписывали, какое максимальное количество зерна — 60 или 100 ластов — может продавать купец в зависимости от обстоятельств. Казалось бы невероятным, что здесь имеется в виду годовой оборот. Но если 400 ластов казались чем-то исключительным, то средний оборот в 100 ластов, явившийся результатом принудительных ограничений, не должен преподставляться нам слишком незначительным. В том же самом году (1580) члены гильдии жалуются: «Достойно сожаления, что весь зерновой оборот находится исключительно в руках 6—8, самое большее 11 или 12 лиц» (указ. соч., стр. 73). Такое положение вещей уже казалось, следовательно, нездоровым. Поэтому можно предполагать, что в более раннюю эпоху число торговцев было гораздо больше.

масса обращавшихся в средние века товаров, настолько же велико было число участвовавших в обороте торговцев.

Высмеивали историков, которые «населяли бесчисленные города от Кельна и Аугсбурга до Медебаха и Рудольфцелля современного типа купцами, т. е. профессиональным сословием торговцев». Критики были совершенно правы, поскольку историки переносили тип современного крупного купца в средневековые города. Но по-моему они были не правы постольку, поскольку они оспаривали многочисленность торговцев (конечно, ведших свои дела чисто по-ремесленному). Число это было действительно весьма высоко. Средневековые города, занимавшиеся торговлей, буквально кишмя кишили торговцами и их подручными. К какому бы городу мы ни обратились — Генуе или Венеции XII и XIII вв. или любому ганзейскому городу на исходе средних веков — всюду мы встречаем те же массы мелких и средних торговцев. Вспомним, что в вывозе 30 тыс. двойных ц шерсти участвовало 252 торговца шерстью. Для гамбургской зерновой торговли, характеризованной нами выше, требовалось 48 присяжных развесчиков зерна и 132 присяжных хлебных грузчика. Представим себе, сколько народа было на германском торговом дворе в Венеции, где до 1505 г. имелось 56 только одних жилых помещений (позднее 72 и 80), которые всегда были заняты и в которых всегда работало 30 маклеров, 38 упаковщиков, 40 аукционщиков и огромное число лиц административного персонала¹. Представим себе армию чиновников, строго разделенных по своим функциям и выполнявших подсобные торговые операции (резко ограниченные друг от друга) под руководством парижского прево и старшин. Перелистаем, наконец, хартии, приведенные в *Historiae Patriae Monimenta*, из которых нам открывается тот изумительный факт, что в Генуе XII в. почти каждый день заключался какой-либо договор о товариществе по поводу мельчайших торговых предприятий.

Но вместо того, чтобы пускаться в общие рассуждения², нам лучше поискать конкретного цифрового материала, свидетельствующего об объеме операций или о товарном обороте отдельных

¹ Simonsfeld, *Der Fondaco dei Tedeschi* 2 (1887), 10, 18 и сл., 112: «Особенностью средних веков было чрезвычайно большое распространение купеческих служащих и купеческих посредников (маклера, публичные обмерщики, весовщики и т. д.)»

² В качестве общего симптома, указывающего на небольшие размеры оборота, можно привести также то, что серебряная валюта долго оставалась средством обмена. Первые золотые монеты чеканятся в Германии в 1325 г. (Шульте I, 329), в Англии в 1344 г. Th. Rumeg, *Foedera etc.*, 5, 403.

торговцев. К счастью, в таком материале недостатка нет. Последний упомянутый нами источник, заключающий в себе нотариальные договоры о временных «торговых предприятиях» дает нам превосходный опорный пункт, позволяющий правильно определить величину средневековой торговли, ибо в этих договорах приводятся суммы внесенных в предприятия фондов. Во втором томе «Хартий», опубликованном в 1853 г., начиная с номера 293, т. е. с 16 апреля 1156 г., приведено много договоров о товариществе с указанием внесенных сумм. Я собрал 50 таких договоров и вычислил среднюю величину указанных в них «капиталов товарищества». Эти 50 договоров заключены на общую сумму в 7 470 генуэзских лир, что составит на каждый договор в среднем 150 лир; принимая соотношение между лирой и флорином в 5:4, это составит 120 флоринов, т. е. около 1000—1100 марок по современной стоимости.

Самая крупная упоминаемая в договорах сумма составляет более 900 лир, следующая по величине — несколько более 400 лир, две — выше 300 лир, остальные суммы меньше. При этом дело идет нередко об операциях с отдаленными странами: договор № 431 касается торговли с Александрией на сумму 297 лир, договор № 434 — торговли с Тунисом на сумму 224 лиры, договор № 441 — торговли с Александрией на сумму 150 лир, договор № 457 — торговли с Сицилией на сумму 300 лир и т. д. Часто пайщик доставляет свою долю товарами (*in rannis*): например, ремесленник, изготавливающий сукна, вступает в товарищество с другим лицом, перевозящим сукно по сухопутью или за море.

В товарищеских договорах Любека в XIV и XV вв. мы находим такие же цифры, как и в Генуе XII в. В договорах о товариществе, внесенных в любекскую книгу Нижнего Города (куда, впрочем, заносились только значительные операции и притом главным образом операции с малознакомыми лицами) и опубликованных П. Реме, большинство сумм (72) не достигает 100 любекских марок (около 1000 марок в современной валюте), а некоторые суммы опускаются до 4 марок. Небольшое число колеблется на уровне около 200 марок. На суммы от 460 до 1000 марок было заключено пять сделок, приведены также суммы в 1 350, 1 400, 3 200 и 4 600: две последние суммы — единственные, превышающие размеры ремесленных предприятий — упомянуты в договорах между одними и теми же лицами (Абр. Бере и Иог. де Ален)¹.

¹ П. Реме в статье, помещенной в *Zeitschr. f. d. G. H. R.*, т. 42. Ср. также К. В. Паули, Положение Любека, З тома, 1846—1878, 1, 140 и сл.

Если бы исследователи пораньше потрудились подсчитать суммы, на какие заключались договоры о комманде и товариществе, то мы в значительной степени избавились бы от бесполезной болтовни о «хозяйственной природе» этих общественных форм¹, в которых некоторые с самого же начала учудили шум крыльев капитализма.

Цифры, касающиеся состояний купцов, подобно договорам о товариществе, дают некоторую опорную точку для измерения оборота в средневековой торговле.

Учитывая продолжительность тогдашних периодов обращения, можно с уверенностью утверждать, что в течение года ни один торговец не сбывал товаров на большую сумму, чем какой определялось его состояние (которое кроме того в значительной своей части было вложено в недвижимость). В то же время мы, например, слышим, что в 1429 г. в богатом торговом городе Базеле только пять купцов владели более чем 4 тыс. флоринов (из них 4 — от 4 тыс. до 6 500 флоринов), — 30 владели от 1 тыс. до 4 тыс. флоринов, 14 — от 500 до 1 тыс. флоринов, 22 от 100 до 500 флоринов и 6 — менее чем 100 флоринов². Даже в Аугсбурге в конце XV в. имеется только 70 человек, владеющих состояниями более чем в 6 тыс. флоринов, 15 человек, владеющих состоянием более чем в 15 тыс. флоринов и 4 — состоянием более чем в 30 тыс. флоринов³. Из этих 70 человек только незначительная часть принадлежала к касте профессиональных торговцев.

Другим симптомом незначительности морской торговли в до-капиталистическое время является незначительная вместе-

¹ Из литературы по поводу коммандитных и тому подобных отношений, прекрасно переработанной у Гольдшмидта, выделяются следующие сочинения: Lastig, Beiträge zur Geschichte des Handelsrechts в Zeitschr. f. d. g. Handelsrecht, т. 24, Latte, Il diritto commerciale nella legislazione statutaria delle città italiane (1884), 154 и сл., и Max Weber, Zur Geschichte der Handelsgesell. im Mittelalter, 1889. Ср. также сочинения, указанные в дополнении к настоящей главе.

² G. Schönberg, Finanzverhältnisse der Stadt Basel (1879), 180—81.

³ J. Hartung, Die Augsburger Zuschlagsteuer von 1475; его же, Die augsburgische Vermögenssteuer u. d. die Entwicklung der Besitzverhältnisse im XVI Jahrh.; обе статьи помещены в ежегоднике Шмидлера, 19 (1895). Налог с имущества составлял для недвижимости $1\frac{1}{2}\%$, для движимости $1\frac{1}{4}\%$. Как распределялось имущество между этими двумя категориями, мы не знаем, ибо нам известна только общая сумма налога, платимая одним лицом. Я условно принял, что между этими категориями существовало такое же отношение. Указанные 6 тыс. флоринов составят следовательно 4 тыс. флоринов для недвижимости и 8 тыс. флоринов для движимости. Налоговая ставка равняется 10 флоринам.

мость кораблей. Надо при этом заметить, что несмотря на свои малые размеры корабли эти по большей части принадлежали нескольким лицам: как известно, характерной формой судовладения¹ вплоть до нового времени оставалось владение на паях.

Корабли, уезжавшие в XIII в. из Нью-Кастеля с каменным углем в качестве балласта, имели менее 40 т вместимости².

В 1470 г. 7 испанских кораблей, груженых железом, вином, фруктами и шерстью, были пойманы по пути во Фландрию английскими военными кораблями и отведены в английские морские гавани. Владельцы обратились к королю Генриху VI с просьбой о выкупе и под присягой показали стоимость кораблей и их груза. Указанные ими суммы составляли³:

1	корабль	в 100 тонн	= 107 ф. 10 шилл.	на золото.
1	»	» 70 »	= 70 »	»
1	»	» 120 »	= 120 »	»
1	»	» 40 »	= 70 »	»
1	»	» 110 »	= 140 »	»
1	»	» 110 »	= 150 »	»
1	»	» 120 »	= 180 »	»

В 1368 — 1384 гг. морские корабли, совершившие рейсы между Ревелем, Ригой и Перновом, оценивались в 475 — 3421 марку в современной валюте⁴. В XIV в. морские суда северо-германских гаваней, имевшие более 100 ластов вместимости, встречались не часто, а суда вместимостью в 150 ластов были чрезвычайной редкостью⁵.

Даже морские суда венецианского торгового флота, являвшиеся по всей вероятности наиболее крупными кораблями своей эпохи, на наш современный взгляд имели ничтожные размеры и напоминали скорее лодки, разъезжающие ныне по Шпрее. Согласно

¹ См. по этому поводу ст. Белова в «Ежегодниках» 20, 42 и сл., а также мое изложение во втором томе настоящей работы.

² Т. Роджерс, 6 столетий и т. д., нем. пер., стр. 90.

³ Исчисление приведено у Римера в его *Foedera*. Оно перепечатано у W. Jacob-Kleinschrod, *Ueber Produktion und Konsumtion der edlen Metalle* 1 (1832), 222.

⁴ Stieda, *Revaler Zollbücher*, LXIX.

⁵ Гирш, 264. «В то время морские шкиперы были заинтересованы в том, чтобы иметь возможно более плоскодонные суда, ибо их легче всего было вводить в мелкие гавани. О сколько-нибудь крупных работах по очистке гаваней и по углублению устья рек в то время никто не думал», — замечает о Штеттине XIV в. Т. Шмидт в своей работе «К истории ранних штеттинских торговых компаний и т. д.» (1859), 8. Ср. также F. Stewert,

навигационным статутам¹ XIII в., грузоподъемность венецианских морских судов составляла от 200 тыс. до 1 млн. фунтов, что составит от 96 до 480 т. Кроме того из статутов не видно, строились ли фактически суда более крупных размеров. В статутах только даются определенные правила на тот случай, если такие суда будут строиться. А между тем в 1912 г. среди германских судов внутреннего плавания имелось 9100 судов с грузоподъемностью более 250 т, из них 2317 в 400—600 т, 1 423 — в 600—800 т, 1 650 — в 1 800 т и больше. Средняя грузоподъемность рейнской баржи составляет в настоящее время более 500 т.

Если столь малый груз корабля, являвшийся общим правилом, принадлежал кроме того многим торговцам, то совершенно ясно, что торговые операции отдельных купцов были весьма незначительны. Штида дал нам чрезвычайно ценные сведения для 1369 г. относительно ценности груза 12 кораблей, выезжавших из Ревеля, а также относительно числа купцов, которым принадлежал груз. По его словам, число купцов, посыпавших свои товары на этих 12 кораблях, составляло 170, а общая ценность всех 12 корабельных грузов определялась цифрой в 29 304½ любекских марки. Следовательно, на каждого отдельного купца приходилось в среднем товара на 164 любекских марки или 1 600 марок в современной валюте². Что эти величины отнюдь не были отдельными случаями, показывает целый ряд других примеров, рисующих совершенно такую же картину. Об английских торговцах шерстью мы уже в общем упоминали. Обратимся к ним еще раз и исследуем их положение несколько более внимательно. Перенемемся в Бостон, бывший в XIII и XIV вв. главной английской гаванью по вывозу шерсти. В 1393 г. мы встретим там³, например, не менее 47 ганзейских торговцев шерстью, вывозивших всего 749 мешков шерсти. Самым крупным среди них является некто Вальтер из Ревеля, экспортирующий 91 мешок 1½ штейна⁴ (приблизительно на 30 тыс. марок по современной валюте); сле-

Geschichte und Urkunden der Rigafahrer in Lübeck, Hans. Geschichtsquell; т. I, (1899), 207 и сл. Очень наглядное представление о различных типах ганзейских кораблей в XIV и XV вв. дают рисунки Вилли Стеверса. На наш взгляд это просто-напросто челноки, какие редко используются на теперешних германских реках для хозяйственных целей. См. таблицу, помещенную в VII т. «Всемирной Истории» Ганса Гельмольта (1900, стр. 36—37).

¹ Перепечатано у Тафеля и Томаса, 3, 404—448.

² Штида, Ревельские пошлининые списки LXXXVIII, Ср. его же «Регистратура судоходства» в Hans. Geschichtsblätter, 1884, 77 и сл.

³ Hans. Geschichtsquellen, 6, 340 и сл.

⁴ Штейн — мера веса. Прим. пер.

дующий за ним торговец грузил 68 мешков 15 $\frac{1}{3}$ штейнов: затем следовали 3 торговца, грузившие более 40 мешков, и 7, грузившие более 10 мешков; на всех остальных 35 торговцев приходится 305 мешков 17 $\frac{1}{2}$ штейнов. Таким образом, каждый из них ездил в Англию, чтобы привезти оттуда менее 20 двойных ц шерсти на сумму менее чем в 300 марок в современной валюте.

Какие доли ганзейского корабельного груза падали на отдельных грузоотправителей, показывает документ № 352 в Bremer UB 4, 462¹. Включая капитана Колинга, также везшего товары на борту, грузоотправителей было всего 15, причем стоимость погруженных ими товаров составляла 384 нобелей (по $\frac{1}{3}$ ф. ст.). 10 из них имели товаров на сумму до 30 нобелей; 2 имели товаров на 6 нобелей, а один на 3 нобеля. Один погрузил товаров на 42 нобеля, один на 44 нобеля, 3 на 60 нобелей каждый, 1 на 80 нобелей, один на 100 нобелей, 1 на 225 нобелей (6 ластов пшеницы и 2 ласта пива).

Ту же картину мы видим и в Венеции: стоимость корабельного груза (в XII в.) определяется, например, в 632 перпера (около 6 тыс. марок), причем доля одного из участников составляет 158 перперов. Другой пайщик вложил 79 перперов². Все это суммы, которыми оперирует ныне самый мелкий торговец колониальными товарами. До чрезвычайности малы даже товарные обороты крупных флорентийских торговых домов XIV в., имевших столь большое значение в качестве заемодавцев: в 1312 г. Барди получают за 2 штуки красного ипрского сукна 270 флоринов, за 13 штук французского сукна — 389 ф. ст. 17 шилл. 2 пенса, а в 1322 г. они отправили в Пизу 74 штуки сукна и 5 кип шелковых материй, что не превышает оборота теперешнего мелкого оптовика. В октябре 1330 г. на несколько их кораблей был в гавани наложен арест, причем общий груз этих кораблей составляет по ценности 11 тыс. флоринов³. В числе груза было 360 тыс. фунтов сыра. Это составляет всего навсего 180 т (ввоз сыра в Германию в 1913 г. составлял 26 264 т). Товарный оборот флорентийских Медичи в XV в. кажется почти невероятно малым⁴.

Заранее можно сказать, что сухопутная торговля должна была выражаться еще меньшими цифрами. Это подтверждается обильным материалом источников. Если в XIII в. было выгодно

¹ Ср. Rud. Häpke, Die Entstehung der grossen bürgerlichen Vermögen III. М. А. в «Ежегоднике» Шмидлера, 29 (1905), 1079.

² Р. Гейнен, Происхождение капитализма (1905), 91.

³ Лавидсон, Исследования, т. III, № 623, 635, 770, 974.

⁴ Г. Зивекинг, Торговые книги Медичи (1905), 17 и сл.

заключать договор о товариществе по поводу «трех штук базельского сукна»¹, то это не должно казаться нам странным, раз еще в XVI в. Иосиф Крамер, один из богатейших людей Аугсбурга, посыпает фактора в Венецию для закупки 16 мешков хлопка ценностью в 4 дуката 17 гроессов². Два лилльских купца, ограбленных в 1222 г. около озера Комо, везли с собой 13 $\frac{1}{2}$ штук сукна и 12 пар брюк³. Ценность каравана базельских купцов, направлявшегося в 1391 г. на франкфуртскую мессу и ограбленного рыцарями, определялась в 9 544 флорина или 12 430 ливров. В этом караване участвовало не менее 61 (!) купца; следовательно, каждый из них, предпринимая столь трудное путешествие, вез с собой товаров в среднем всего на 156 флоринов. Годовой оборот богатейших базельских купцов составлял тогда 1 200 — 1 400 флоринов, но у большинства купцов он далеко не достигал этой суммы. Среди 61 ограбленного торговца, ехавших на франкфуртскую мессу, 27 потерпели каждый менее 100 флоринов убытка, а убыток некоторых определялся в 13, 10, 9, 8 и 7 $\frac{1}{2}$ флоринов⁴.

С этими цифрами согласуются суммы векселей, писавшихся на фландрские торговые центры в эпоху их расцвета. Из 102 ипрских ярмарочных векселей эпохи от 1251 до 1291 г. только 17 заключены на большую сумму, чем 100 ф. ст.; наивысшая сумма — 239 ф. ст. 6 шилл.⁵

Интересны также цифровые данные о количестве товаров, взвешивавшихся на кельнских общественных весах за 1491 — 1495 гг.⁶. Числы эти невероятно малы.

Тем не менее, они начинают казаться нам заслуживающими доверия, когда мы слышим, что в XIV в. германский купец

¹ Шульте, 1, 116.

² Хроники германских городов, 5, 128, 132.

³ Шульте, 2, 105 (док. 188).

⁴ Гиринг, 145. Для сравнения приведем еще жалобы гор. Риги на Англию от 1406 г., где перечисляются товары трех потопленных торговых судов и их владельцы. Здесь также дело идет о сотнях мелких торговцев, каждый из которых имел на борту столько товаров, сколько сейчас носит в своем коробе коробейник или возит в своей тележке «разъезжающий торговец». Документы перепечатаны в Hans. Geschichtsquellen, 5, 241 и сл. (№ 326).

⁵ Rud. Häpke, Brügges Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmarkt, 1908. Anhang.

⁶ Статья Гиринга в Mitteilungen aus dem Stadtarchiv von Köln, Heft 11, 1887, стр. 43. Перепечатано в приложении VIII в сочинении И. на мы, Хозяйственная история Германии, III, 2, 523.

обычно сбывал в Новгороде товаров максимум на 1 тыс. марок, т. е. менее чем на 10 тыс. марок в современной валюте.

Всюду мы видим одну и ту же картину: за исключением немногих крупных купцов, которые часто совсем даже не являются профессиональными торговцами, города кишают мелкими и мельчайшими торговцами.

II. Торговец.

Как указывают величины торговых предприятий, носители профессиональной торговли в докапиталистическую эпоху были не чем иным, как ремесленниками. Весь образ их мыслей, весь строй их чувств, их социальное положение, формы их деятельности, — все это роднит их с мелкими и средними промышленниками их времени. В самом деле, нет ничего более нелепого, как населять средние века капиталистически чувствующими и экономически вышколенными купцами. Ремесленная сущность старого торговца обнаруживается прежде всего в своеобразии его целей. Стремление к наживе, свойственное современным предпринимателям, как нельзя более чуждо его сердцу; он не хочет ничего иного, как трудами рук своих добывать себе средства на приличное его сословию существование, — не меньше, но и не больше; над всей его деятельностью господствует идея пропитания.

Мы увидим, что эта идея прежде всего проявляется в своеобразном правовом и моральном укладе старой торговли.

Напомним, что ремесленный дух примитивной торговли находит себе подтверждение во всех тех многочисленных покаянных и реформаторских писаниях, которые в начале нового времени как бы вырастают из под земли, с точностью отражая в себе душевные настроения долгих столетий средневековья. Та самая реформация императора Сигизмунда, которой мы уже пользовались для характеристики промышленника-ремесленника, желала воспретить купцам всякую предпринимательскую прибыль и разрешить им только возмещение путевых и транспортных издержек. С каким верным инстинктом характеризовали старую торговлю, обеспечивающую людям «пропитание», реформаторы вообще, и Лютер в частности, ясно видно из следующего места¹. «Поэтому ты должен запомнить, что в такой торговле тебе не следует искать ничего, кроме прокормления и согласно с этим ты должен вычитывать издержки, усилия, труд и расходы по перевозке; ты сам должен правильно определять, повышать или понижать те

¹ М. Лютер, О торговле и ростовщичестве (1524), собр. соч., изд. 1899 г., 15, 296.

суммы, которые ты получаешь в качестве вознаграждения за твою работу и усилия». По таким же точно путям движутся и идеи Христиана Куппенера в его знаменитом сочинении о ростовщичестве (1508). Мы встречаем там такое же противопоставление: с одной стороны, новые люди, стремящиеся к безмерным прибылям, с другой стороны, солидная мелкая торговля, обеспечивающая честному торговцу-ремесленнику и его семье сообразный с их сословием доход¹. В центре всех рассуждений этих критиков стоит мысль: торговец должен смотреть на свой заработок только как на возмещение затраченного труда. Таков корень идеи о «справедливой» цене, — идеи, господствовавшей во все средние века. В глазах этих критиков торговец ведь является не чем иным, как техническим работником², — или по крайней мере он должен быть таковым, ибо так думали искони веков. Здесь мы касаемся сути дела. Если мы хотим составить себе правильное представление о старозаветном купце, мы должны забыть почти все, что мы знаем о современной торговле и ее представителях.

Современный торговец в настоящее время является почти исключительно организатором сбыта. Его искусство, которое он — по причинам, изложенным в другой связи — довел до степени науки, состоит, как мы выражаемся, в «владении рынком». Другими словами он, ставит себе задачей доставлять людям товары, и в силу особенностей современной хозяйственной жизни, осуществление этой задачи рассматривается как выполнение высоко оплачиваемой функции. Настоящим полем деятельности современного купца является переполненный рынок, где два производителя

¹ «Состояние купца» «почтенно», «если... оно способствует честному и верному поддержанию существования его дома, его детей и его домашней челяди сообразно его сословию». Оно становится «неподобающим» и «бездожным», «если оно служит жестокой, ненасытной и неизмеримой человеческой жадности». По выдержкам из сочинения Христиана Круппенера о ростовщичестве, приведенным у М. Нейтаппа, *Gesch. des Wuchers in Deutschland*. Beilage E, стр. 594, 595. Dв и E 1. Совершенно ремесленным духом проникнуты и «Правила благочестивого купечества», приведенные в указанном сочинении, стр. 606 (F. 3). Выдержка № 4 говорит: прибыль от купеческих операций не должна диктоваться алчностью, а должна быть возмещением за потраченный труд.

² Так, еще Генрих фон Лангенштайн называет купца, как и крестьянина и ремесленника, человеком, «который в поте лица своего добывает телесным трудом необходимые средства к жизни для себя и для других». Купец противопоставляется работникам умственного труда и бездельникам, к которым принадлежат заключающие контракты ростовщики. *Tractatus de contractibus emptionis et venditionis*, помещенный в приложении к кельнскому ипп. Герсона, Opp. 4, 185 и сл., приведено у Янсона, I, 480.

гоняются за одним покупателем. Купец становится тут господином положения и начинает ставить производителей в зависимость от себя. Но хорошим купцом он будет только тогда, если он сумеет ловко маневрировать, калькулировать, спекулировать. Благодаря неразвитой производственной технике более ранняя эпоха и в особенности те столетия, которые мы называем средними веками, об этом решительно ничего не знают. Сбытовые затруднения им неизвестны. В эту эпоху за одним производителем по общему правилу гоняются два купца. Сбыт движется в привычных рамках, по наезженным рельсам. Массы обращающихся товаров незначительны. Где же торговец нашел бы здесь случай для маневрирования, калькулирования и спекуляции? Но те же самые обстоятельства, которые мешали превращению его в капиталистического предпринимателя, заставляли его выполнять целую массу трудовых процессов, от которых избавлен купец современности. Если он не имел возможности маневрировать, калькулировать и спекулировать, то зато ему приходилось паковать товары, взвешивать их, транспортировать, продавать врозницу, а иногда даже и фабриковать. Известно¹, насколько трудны и опасны были тогда все торговые предприятия, связанные с перемещением товаров (а именно в таких операциях почти всегда и выражалась тогдашняя торговля); известно, что торговцу приходилось перепоясываться мечом, отправляться в путешествия и в течение недель, а иногда и месяцев сочетать в собственной персоне функции возчика и лабазника, дабы счастливо доставить к месту назначения какую-нибудь пару тюков. Купец того времени ездил гораздо больше, чем ныне; бесчисленные мелкие торговцы средневековья непрестанно снуют по всем странам, появляясь то в одном, то в другом городе².

Один документ 1271 г. описывает средневекового купца следующими удачными словами: «Купцы, которые имели обыкнове-

¹ См. по этому поводу описание, приведенное в статье Шмидлера «Факты разделения труда» в его «Ежегоднике», 13, 1055 и сл. и у Gengler, Deutsche Stadtrechtsaltertümer (1882), 456 и сл. Много материала можно найти у Кледена, особенно в частях 2 и 3, и у Фальке, Пошлины, 197 и сл. Из более новой литературы следует упомянуть A. Doren, Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, 1893, и Des Marçez, La foire au XIII siècle (1901), 75 и сл. Здесь надо напомнить, что понятие «торговли» первоначально нередко отожествлялось с понятием «странствования», транспортирования, передвижения. Это убедительно доказал Шрадер, указ. соч., стр. 63, 79 и в др. местах.

² Ф. Маурер, Конституция городов, 1, 403 и сл.

ние перевозить из одного места в другое товары и необходимые предметы»¹.

Андрей Рифф в течение года посещает 30 и больше ярмарок. Он говорит о себе: «Мне так мало приходилось отдыхать, что седло чуть не горит под моей задней частью»².

Как только он возвращался на родину, ему приходилось, подобно тому как он это делал на мессах и ярмарках чужбины, опять становиться за прилавок и прилежно перемерять товары на локти и взвешивать их на весах³. Мелочной торговец из закупленного им шафрана, перца и имбиря изготавлял иногда всевозможные составные пряности⁴. Насколько ценились технические способности торговца пряностями, видно из указа французского короля Карла VIII от 1484 г., где предписывается строгая ревизия мер и весов у всех лиц, продающих сахар и пряности, и объявляется: «Вследствие важности работ, связанных с употреблением сахара и конфектным делом, нужно строго следить за тем, чтобы соблюдался четырехлетний срок ученичества и товары изготавливались мастерски»⁵. Следовательно, на торговца пряностями смотрели, как на аптекаря. Куда бы мы ни обратили взор, всюду технические трудовые процессы являются главным элементом деятельности докапиталистического торговца. Само собой разумеется, ему вместе с тем приходилось выполнять и специфическую торговую функцию сбыта, следовательно закупать и продавать товары. Особенности его профессии заставляли его гораздо глубже погружаться в таинственный мир чисел, чем это делали его коллеги-ремесленники, работавшие у тисков или строгавшие рубанком. Но, хотя он и был торговцем в узком и подлинном смысле слова, все же деятельность его была еще совершенно лишена всякого экономического рационализма. Его «ведение дел», его «методы» отличаются столь же эмпирическим и традиционным характером, как и методы его сотоварищущих-промышленников.

Искусство письма и чтения — в Италии вплоть до XII в., а в остальной Европе в течение всего средневековья — было доступно лишь ничтожной части профессиональных торговцев. О

¹ Hans, Ч. В., 1, № 692.

² Гиринг, 412.

³ По моему мнению, ф. Белову в его часто упоминаемой нами статье, помещенной в *Jahrb. f. № 20, 1 и сл.*, вполне удалось доказать, что до XVI в. (в Германии) не существовало самостоятельной «оптовой торговли», и что все импортеры и экспортёры продавали товары и в розницу, т. е. были «мелочными торговцами» или «торговцами материями».

⁴ Гиринг, указ. соч., 240—42.

⁵ А. Филипп, История аптекарей, 2 нем. изд., 1859, гл. V.

Венеции X в. мы знаем, что лишь немногие купцы умели подпisyвать свое имя¹. По всей вероятности это соотношение между неграмотными и грамотными лишь очень незначительно изменилось в течение более поздних столетий средневековья. Мы точно знаем, что искусство счета, еще более важное для профессионального купца, в течение долгих столетий держалось на самом низком уровне и почти во все средние века обходилось без помощи письма. В этом отношении Италию отделял от остальной Европы также промежуток лет в 200. В эпоху всего позднего средневековья Италия была учительницей севера по части искусства счета. Еще в начале XVI в. Лука Рем едет в Венецию, чтобы научиться счету². И что это был за счет! Он ограничивался почти исключительно четырьмя действиями арифметики над целыми числами, разрешением задач на тройное правило и элементарным «правилом товарищества». Если кто-либо умел правильно делить, то это уже считалось признаком высокой купеческой выучки. Еще в конце XVI в. Иероним Фробен и Андрей Рифф вменяют себе в заслугу, что при делении они верно находят частное³.

Самый счет происходил в чрезвычайно неуклюжих формах: пользовались счетной доской, счетными жетонами и обходились без цифр, меняющих свое значение по разрядам, без нуля (в Италии до XIII, а на севере до XV в.).

О счетном искусстве средневековья я приведу еще следующие данные.

В начале XV в. в Германии появляются учителя арифметики. «Во всех этих школах... обучение счету велось до последней степени элементарно. Почти всюду дело ограничивалось вычислениями над целыми числами». Unger, *Methodik der praktischen Arithmetik* (1888), 17, 19. Ясное представление о состоянии счетного искусства дают нам счетные книги или математические компендиумы европейского средневековья. То, что сделал для Италии начала XIII в. Леонард Пизанский, — впрочем, подобно Иордану, опередивший свой век, — для Германии дают только книги счета, относя-

¹ Из 69 торговцев, подписавших в 960 г. документ о запрещении торговли рабами, только 35 собственноручно написали свое имя; в документе от 971 г., касающемся торговли с сарацинами деревом и оружием, из 81 человека собственноручно подписались только 18, под остальными же именами стоит «знак руки». *Fontes rer. austr.* 12, 22 и сл., 28 и сл. Ср. также Р. Гейнен. *Происхождение капитализма*, 81 и сл.

² Сам Рем в своем дневнике (изд. Грейфа, 1861 г., 5) рассказывает, что он приехал в Венецию для изучения абака, т. е. счета: «Там я научился считать в 5½ месяцев». Другие примеры немцев, изучавших в Венеции счет, приводит Simonsfeld, *Fondaco*, 2 (1887), 39—40.

³ Гиринг, 212.

шился к концу XV в. Насколько был низок уровень даже монастырских школ, показывает нам, например, счетная книга Бернарда от 1445 г., излагавшая то, что в Европе было известно до Иордана. Даже в университетах «счет... стоял не на более высокой ступени, чем в подготовительных школах» M. Cantor, *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik*, 2 (1892), 159—160. От Грамматеуса мы узнаем, что Алгорифм Георгия Беурбахия, заключавший в себе приблизительно те же арифметические познания, какими владеют ныне десятилетние дети, «написан для студентов высшей венской школы». Унгер, стр. 25.

Первая напечатанная по-немецки книга счета, составленная Бамбергом в 1483 г., точно так же содержит только первые элементы алгебры. И все же издание подобных руководств обозначало для купцов огромный шаг вперед по сравнению с предыдущим временем. В Италии это были плоды арабского духа, на севере — итальянского. Относительно различных типов счетных руководств см. у Унгера, 37 и сл. и Кантора, 202 и сл.

О XVI в. и Унгер в своей «Методике» (стр. 112) дает следующий суммарный отзыв: «Хорошо считать представлялось отнюдь не легким делом, а искусством в самом полном смысле этого слова».

В Италии арабские цифры и употребление нуля распространяются в XIII в., но очевидно довольно медленно. Еще в 1299 г. членам цеха Калимала во Флоренции было воспрещено их употребление. В Германии они вошли во всеобщий обиход не ранее 1500 г., в Англии приблизительно в то же время. Кроме названных выше сочинений Унгера и Кантора см. также H. Hankel, *Zur Geschichte der Mathematik in Altertum u. M. A.* (1874), 340 и сл. Наиболее древний немецкий учебник арифметики (базельская рукопись) относится к 1445 г. Рукопись эта переведена и издана Ф. Унгером. См. его статью «Старейшее немецкое руководство счета», помещенную в *Zeitschr. f. Mathematik u. Physik. XXXIII Jahrg. (1888), Histor.-literar. Abteilung*, 125 и сл.

Насколько медленно даже в Италии прогрессировало искусство счета, показывает рукопись второй половины XIV в. *Introductorius liber qui et pulveris dicitur in mathematicam disciplinam*, автор которой использует одновременно и арабские цифры (использование разрядов), и римские цифры, и обозначение чисел при помощи пальцев и суставов. См. Кантор, 2, 143.

Употребление счетов к северу от Альп в течение всего позднего средневековья пользуется таким же всеобщим распространением, как и счетные жетоны, сохранившиеся в обиходе вплоть до XVIII в.

В Италии от этих приемов отказались раньше. В конце XV в. Ермолай Барбаро (1495 г.) говорит о счетных жетонах, как об обычаях, «которым ныне пользуются у варваров почти все». Следовательно, в самой Италии от этого приема уже отказались. Ср. Кантор, указ. соч., стр. 100, 112, 197 и сл. Но уже учитель арифметики Симон Якоб из Кобурга правильно понял неуклюжесть счета на бирке по сравнению со счетом цифрами, когда он писал: «Насколько лучше приходится пешеходу, идущему свободно и без всякого груза, чем пешеходу, согбающемуся под тяжелой ношей, настолько же в лучшем положении находится человек, вычисляющий при помощи цифр, по сравнению с человеком, вычисляющим при помощи бирки». Унгер, 70.

Совершенно понятно, что при таком состоянии счетного искусства о точных вычислениях не могло быть никакой речи, даже

если бы в то время им и придавали большую ценность, чем это делалось обычно. В действительности люди совершенно не желали быть «точными». Что счеты «неизбежно должны сходиться», — это идея, принадлежащая исключительно новому времени. В течение всей ранней эпохи цифровой способ выражения был новшеством, и люди то и дело сбивались на приблизительное описание количественных величин. Всякий, знакомый с вычислениями средневековья, знает, что при проверке приведенных в них сумм очень часто получаются цифры, далеко отклоняющиеся от подлинника. То и дело встречаются небрежности и прямые ошибки в счете¹. Изменения цифр в приводимых ради примера вычислениях являлись, можно сказать, общим правилом. Людям того времени было необычайно трудно удержать в голове цифры хотя бы на короткое время, — совершенно так же, как нашим детям.

Это отсутствие желания и умения точно считать ярче всего проявляется в счетоводстве средних веков. Перелистывая записи какого-нибудь Тельнера, Вико фон Гельдерсена, Виттенборга, Отто Руланда, с трудом представляешь себе, что авторы были видными купцами своего времени. Все их счетоводство заключается в беспорядочном вписывании сумм покупок и продаж, которое мы встречаем, например, у мелких лавочников наших маленьких провинциальных городов. Это в подлинном смысле слова — только «журналы», «мемориалы», т. е. записные книжки, заменяющие узелки на платках, которые завязывают крестьяне, отправляющиеся в город на рынок. Кроме того в записях сплошь и рядом встречаются неточности. Суммы долгов и претензий указываются весьма небрежно и приблизительно. «Item und ain bellin mit hentschüchen, nit waiss ich wie viel der ist», «item und noch ist ainer, hat mit dem obgeschriebenen gekauft; bleibt mir och 19 gulden rhein umb mischtlin paternoster... ich hab des Namens vergessen». Даже Соранцо (в Венеции XV в.) иногда «забывают» имя клиента². Но что придает этим записям средневековых купцов особенно яркий отпечаток ремесленного предприятия, так это их до крайности личный характер. Их совершенно

¹ См. например, C. Sattler, Handelsrechnungen des deutschen Ordens (1887), 8, или введение Кокмана к торговой книге Тельнера, приведенное в Geschichtsquellen d. Stadt Rostock, 1 (1885), XVIII и сл., а также податные списки города Парижа от 1292 г., изданные Жеро. (Coll. d. doc. inédits—I, VIII). «Большинство сложений не точны», стр. V.

² Зи векинг, Из венецианских торговых книг, помещенных в «Ежегоднике» Шмоллера, 26, 215. Ср. также W. von Slaski, Danziger Handel im XV Jahrhundert auf Grund eines im Danziger Stadarchiv befindlichen Handlungsbuches (1905), 21 и сл.

нельзя отделить от личности автора. В этом хаосе отдельных заметок не может и не должен ориентироваться никто посторонний. Они носят, следовательно, исключительно эмпирический характер¹. О каком бы то ни было систематическом объективировании имущественных операций нет и речи. Если так вели свои книги наиболее крупные купцы, то следует думать, что огромное большинство купцов того времени обходилось вообще без всякого счетоводства.

Этому полному отсутствию калькуляционных объективирующих и систематизирующих способностей соответствует и неопределенность мер объема и веса, ибо измерение, как известно, производилось еще чисто эмпирическим способом и методы измерения и взвешивания были еще в значительной мере органическими.

III. Стой докапиталистической торговли.

В мои намерения не входит изложить хотя бы в основных чертах ту обширную проблему, на которую указывает этот подзаголовок. За последнее время задачу эту взяли на себя многие ученые, обнаружившие немало проницательности и большие познания. В основу моих нижеследующих коротких замечаний я положил их исследования. Замечания эти не преследуют никакой иной цели кроме того, чтобы доказать, что и из купеческого права и купеческих обычаяев мы можем также заключить о некапиталистическом характере средневековой торговли.

При этом я имею в виду не столько те элементы правового строя, которые объясняются характерным для ранней эпохи отожествлением торговли и грабежа (этим я объясняю, например, Grundfuhr, береговое право, гостинное право и многие другие), сколько самый строй ремесленной торговли. На отдельных примерах следует показать, что ремесленный характер докапиталистической торговли ясно обнаруживается в регулирующих ее нормах.

1. Право обществ и его развитие дает нам возможность глубоко заглянуть в особенности старой торговли.

Известно, с каким трудом вырабатывалось представление о долевом участии отдельных товарищ в издержках и прибылях. Объединения, в большинстве случаев носившие первоначально семейный характер, знают только общую кассу, из которой отдельные участники берут средства, необходимые для их личных

¹ Ср. обстоятельные рассуждения по этому поводу у Люшина ф. Эбен-Грейта в «Истории города Вены», II, 2 (1905), 847 и сл. и у Paul Sander, Feudalstaat und bürgerliche Verfassung (1906), 107 и сл.

потребностей¹. Где резче проявляется принцип покрытия потребностей, являющийся целью хозяйственной жизни, как не в этом старом взгляде на общее пользование и общее поддержание существования? Мне кажется, нельзя найти более показательного примера. Отношения между отдельными товарищами во время сообща предпринимаемых торговых путешествий, в особенности же юридическое оформление отношений между странствующими торговцами-ремесленниками и лицами, представляющими деньги и остающимися дома — все это показывает, до какой степени идея ремесла проникла всю торговую деятельность и до какой степени торговец отожествлялся с техническим работником. Я имею здесь в виду прежде всего институт комманды и родственных ему форм, вызывавший так много споров. Известно, что во всех коммандитных отношениях стараются усмотреть формы капиталистической торговой организации. Взгляд этот кажется мне совершенно неверным. Коммента как раз является доказательством чисто ремесленных отношений того времени. По моему мнению исследование Ластига вполне это доказывает, несмотря на то, что его терминология и его собственные взгляды свидетельствуют об ином понимании комманды (коммента представляется Ластигу формой капиталистической торговли).¹ По Ластигу² коммента есть «трудовое отношение; капиталист, коммандант берет на свою службу другое лицо (рабочего), коммандатария, дабы это лицо за счет переданного ему капитала (!)... вело торговые операции в его (капиталиста) пользу, но от собственного имени (от имени рабочего), за долю участия в прибылях». В понимании Ластига коммента является «односторонним трудовым обществом». «Коммандатарий или комплементарий состоит просто-напросто на службе у комманданта или у общества коммандантов... Он обязан вести операции с переданным ему капиталом в определенных пределах за счет своего господина, но от собственного имени, за что он получает — нередко наряду с определенным жалованием, — известную долю в чистом доходе...

¹ «Мысль о праве долевого участия в эпоху существования общинных отношений вообще не выступает в качестве масштаба, определяющего правомочия отдельных лиц; их потребности, все равно, большие или малые... удовлетворяются за счет общей кассы без учета обязательств отдельного лица. С другой стороны, в эту же общую кассу, что также чрезвычайно характерно, вносится весь заработок индивидуума, каких бы размеров он ни был, без всяких вычетов в его личную пользу». Max Weber, *Zur Geschichte der Handelsgesellschaften* (1889), 45—46.

² Zeitschr. f. d. ges. HR, 24, стр. 400 и 414.

Но коммандатарий или комплементарий обладает известными правами и несет известные обязанности по отношению к третьим лицам». На первый взгляд эта конструкция кажется политико-эконому чем-то отталкивающим, ибо она как будто переворачивает действительность вверх ногами. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что она совершенно правильна и вполне считается с экономическими отношениями. Она подтверждает ремесленный характер торговли того времени как раз тем, что она отчетливо выражает полное разделение между владельцем денег и торговцем. Владелец денег стоит еще вне всякой связи с самой торговой деятельностью, лежащей исключительно на обязанности технического работника. Деньги, передаваемые для эксплоатации, не принадлежали еще характера капитала и представляют собою только фонд предприятия¹. Я напоминаю далее о незначительной величине сумм, по поводу которых заключались договоры о комманде: на наши деньги они определялись всего сотнями марок и уже в силу самой своей незначительности не могли бы обладать свойством капитала при той высокой ценности, которую придавали рабочей силе в ранние века. Разумеется, не приходится отрицать, что в дальнейшем ходе развития из этих компанийских операций, ведшихся владельцами денег и ремесленниками, выросли отношения зависимости, а в конце концов создались и капиталистические предприятия. Но это нисколько не исключает того, что первоначально эти формы предприятия были обязаны своим возникновением чисто ремесленной организации хозяйственной жизни.

Наконец, я хотел бы подчеркнуть еще один пункт, который по моему мнению ни разу не привлек к себе подобающего внимания в литературе о докапиталистическом торговом праве (пишавшейся, впрочем, почти исключительно юристами), именно, что один уже факт преобладания торговых предприятий, ведущихся обществами, доказывает их ремесленную природу. В самом деле, только благодаря сабиранию ничтожных состояний, накопленных в руках отдельных лиц, было возможно вести торговлю с отдаленными местностями, хотя бы даже в скромных пределах². По этим же причинам корабль, несмотря на ма-

¹ «Несомненно существовал оборонный капитал, но не существовало капитала в том смысле, как мы теперь его понимаем». Кеннингем, Развитие и т. д., I, 4. Ср. также сказанное в добавлении к этой главе.

² Часто встречающаяся форма общественных торговых предприятий объясняется кроме того и широким распространением случайной торговли во все ранние эпохи. Как раз те «знатные» люди, которые благо-

лую вместимость тогдашних судов, мог снаряжаться только многими лицами. Поэтому шкиперские общества¹, — правильнее, шкиперские товарищества, — и торговые общества, — правильнее торговые товарищества, — являются правовыми формами, свойственными средневековой торговле и обмену.

2. Не менее показательны для ремесленного характера средневековой торговли те нормы права и обычаев, которые регулируют формы торговых операций, равно как и самые торговые операции. Я напомню, что наиболее древний известный нам вексель, написанный германскими купцами, относится к 1323 г.² и что даже во Франции векселя появляются не ранее XIII в.³, я напомню далее, что во Франции еще в XIII веке⁴, а в Германии еще в XV, мы встречаем запрещения поставочных предприятий и вообще всяких кредитных операций⁵ и что даже во Флоренции XIV в. формы торговли деньгами по сравнению с современностью находились на самой первой стадии развития⁶.

Канонические запрещения процента также являются веским доказательством ремесленной природы средневековой торговли⁷. По моему мнению при спорах о практических последствиях своему богатству раньше всех оказались в состоянии вести более широкую торговлю, нередко могли или желали заниматься ею лишь при том условии, если она поручалась профессиональному торговцу (ремесленнику), и, само собой разумеется, если они участвовали в прибылях вместе с ним. Ср. ст. ф. Белова в «Ежегодниках», 2, 38 и сл.

¹ О докапиталистических шкиперских обществах см. Гольдшмидт, стр. 336 и сл. и чрезвычайно поучительную Амальфскую таблицу, изданную Лабандом и комментированную в *Zeitschr. f. d. ges. Handelsrecht*, 7, 305 и след.

² Шульте, История торговли, 1, 281.

³ См. № 135, 167, 171 «Документов по истории промышленности и торговли во Франции», опубликованных Ж. Фанье (1898). Ср. также его «Введение», стр. XLV и сл.

⁴ См. чрезвычайно интересное место в *«Livre des métiers»*, тит. L, ст. 6. Ср. также мою книгу «Евреи и хозяйственная жизнь» (1911), 60 и сл.

⁵ Запрещение сделок по поставке издается в Любеке еще в 1417 г.: «никто не должен покупать сельдей прежде, чем они пойманы, хлеба прежде, чем он вырос, платья прежде, чем оно сделано». *Neumann, Gesch. des Wuchers*, стр. 37. Запрещения всех кредитных операций встречаются еще в германских городских уставах XV в. Нейман, стр. 88 и сл.

⁶ «Продажа векселей, которым наступил срок, депозиты с уплатой определенного процента, самое имя банкиров, вексельные ярмарки, публичные банки, операции и институты, связанные с постоянным и общим взаимным кредитованием,—все это принадлежит новому времени». L. Tontolo, *L'economia di credito ecc.* в *«Rivista internazionale di scienze sociali»*, 8, 571.

⁷ То, что я говорю здесь о канонических запрещениях процента, в большей своей части содержится уже в первом издании. Все сказанное

ствиях этих запретов следовало бы обратить внимание на то, что в эпохи, проникнутые ремесленным мышлением, всякая прибыль без технической исполнительской работы, т. е. без каких-либо видимых операций над предметами внешней природы могла рассматриваться только как нечто нечестное и недозволенное¹. В этом юридическом запрещении процента выражается лишь признание экономического принципа покрытия потребностей путем создания тех или других вещей, — признание, соответствующее хозяйственной жизни, организованной на ремесленных началах. Поэтому запрещение распространялось и на самое стремление к прибыли². Отрицательное или презрительное отношение к взиманию процента находило свое оправдание в том обстоятельстве, что в огромном большинстве случаев деньги и фактически не обладали силой самопроизвольного увеличения, ибо они еще не приобрели свойств капитала, а следовательно и употребление их не могло увеличить производительности труда. Поэтому отдача денег взаймы на первых порах является не чем иным, как делом чести, услугой, которую оказывает один товарищ другому, гражданин своему городу, благотворитель беднякам и нуждающимся; при этом получение прибыли, разумеется, не имеется в виду — заемодавец «ничего не рассчитывает отсюда получить», — подобно тому как в наше время человек, помогающий своему другу в нужде, берет за это проценты лишь по настоящим этого последнего.

«Если какой-либо человек или женщина сказанного братства... попадает в нужду без собственной вины, то сказанное братство дает ему сумму денег, чтобы пустить ее в оборот и торговать, на один или два года, ничего за это не беря». Статут «купеческой гильдии Куэнтра» (XIV в.), приведенный у Гросса, Гильдейский купец, 2, 50. Точно так же и германские союзы подмастерьев дают своим сочленам беспроцентные ссуды. См. G. Schanz

там сохраняет значение для ранней и отчасти даже для поздней эпохи средневековья. В моей книге «Буржуа» (1913) я доказал, что в конце средневековья каноническое запрещение процента имело в виду только потребительский кредит и уже не распространялось на прибыль с капитала.

¹ Гейлер из Кайзерберга спрашивал: «Разве евреи лучше христиан, что они не хотят работать своими руками? Разве к ним не относятся слова бога: в поте лица своего будешь ты добывать хлеб свой? Отдавать деньги за проценты значит не работать и, живя в праздности, сдирать шкуру с других».

² «Таким образом люди, желающие извлечь прибыль, за это намерение подлежат осуждению, как за дурной поступок, ибо всякая бездействительность и чрезмерное богатство воспрещаются законом». Decr. Greg. IIb. V, тит. XVIII, гл. X (1186). Дальнейшие доказательства запрещения «воли к ростовщичеству», см. у Неймана, стр. 95 и сл.

Zur Gesch. d. deut. Ges. Verbände (1877), 72. Массу примеров беспроцентных ссуд, предоставлявшихся еще в XV в. нуждающимся городам, можно найти у Неймана, стр. 507 и сл., который впрочем недостаточно оценивает значение и даже существовавшую некогда обязательность беспроцентных ссуд. В венецианском документе от 1187 г. выражается мысль, вытекающая в сущности из вполне естественного чувства. «Когда мы увидели, что нашей коммуне необходимы деньги на войну, то мы решили прибегнуть к людям, которые могли бы притти на помощь нашему отечеству в это трудное время. Итак, мы обратились с просьбой ко всем мужам, имена которых перечислены ниже, чтобы своей щедростью они пришли на помощь нашей коммуне, оказавшейся в столь большой нужде. Так как они поистине любят нашу страну, то они пообещали, что дадут нашей коммуне сказанные деньги» и т. д. Перепечатано у W. Lenel, Die Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria (1897), 43. Такое же обоснование мы встречаем и в указах города Винчестера. Arch. Journal, 9, 73. Одна из излюбленных форм, в которых монастыри в раннюю эпоху средневековья материально помогали своим крепостным и верующим, была лача взаймы денег и имущества. При этом, хотя на отдаче долга строго настаивали, о платеже процентов никогда не поднимали речи. Ср. Sackig, Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte französischer und lotaringischer Klöster im X u. XI Jahrh. в Zeitschr. f. Soz. u. W. G. 1, 163 и сл. Об одном человеке (XII в.), который «помогал своим нуждающимся соседям, не взимая с них процентов», сообщает Кеннингам, 1, 239. В Тироле до конца XII в. широко практиковались беспроцентные ссуды. Hans v. Volteini, Die ältesten Pfandleihbanken und Lombardenprivilegien Tirols (1904), стр. 25. Феодор Шнейдер в своем отзыве на эту книгу (Vierteljahrsschr f. Soz. u. W. G. 4, 392) сопровождает это указание следующим замечанием: «Этот новый факт мы рекомендуем вниманию исследователей, считающих процент чем-то само собою разумеющимся для самой ранней эпохи денежного хозяйства и даже для натурального хозяйства».

Идея ссуды денег под проценты, ненавистная для наивного сознания, могла вообще возникнуть лишь при сношениях с чужеземцами (евреями, ломбардцами); но человек, опускавшийся до столь отвратительного поступка и взимавший проценты с нуждающегося, разумеется, казался презренным с точки зрения обычных представлений, независимо от всяких церковных запрещений взимания процентов. В данном случае церковное запрещение являлось лишь отражением гласа народа. Иначе нельзя было бы понять, почему даже в итальянских городах вплоть до XV и XVI вв. «ростовщики» исключались из купеческих гильдий и торговых палат.

Согласно статутам флорентийских торговцев сукнами (XIV в.), ростовщик должен или совершенно исключаться из их цеха или, если он давно отказался от ростовщических операций, должен смыть это пятно двойными взносами. Занятие ростовщичеством кажется для этого цеха достаточным motivo для того, чтобы исключить сочленя, признанного виновным своими соглашницами. После 1429 г. и шелковый цех стал исключать лиц, неодно-

кратко замеченных в ростовщичестве. В статуте менял от 1367 г. определено запрещалось «давать деньги под проценты, все равно под залог вещей или под долговую расписку, и вообще заниматься ростовщичеством; с виновных взимается штраф в 100 лир». В конце XIV в. запрещение взимания процентов в самой резкой форме стало упоминаться в статутах всех флорентийских цехов. R. Röhlmann, *Die Wirtschaftspolitik der florentiner Renaissance* (1878), 53, 84. Такие же правила мы встречаем и в статутах Милана (1396), Бергамо (1497), Пезаро (1532). Ср. Latte S.H., *Il diritto commerciale etc.* 32—33, 147 и сл. и ст. Л. Здекауера в *Arch. stor. It.* V, Ser. T. XVII (1895), стр. 63 и сл.

Только превращение денег в капитал и связанная с этим неизбежность процента до известной степени сняли с ростовщичества (каковым является всякая ссуда, данная на потребительские цели) его дурную репутацию. Из этого мы, очевидно, вправе вывести заключение, что столетия, в которые процентные ссуды запрещались законодательством и народным чувством, еще совершенно не были затронуты духом капиталистического хозяйства.

3. Но особенно показательно корпоративное право средневековой торговли. Вполне ремесленная структура тогдашней торговли проступает здесь до чрезвычайности ясно.

Как известно, между цехами ремесленников и цехами торговцев часто не проводилось строгого разделения, и гильдии крупных купцов поддерживали самые тесные отношения с гильдиями мелочных торговцев. Мы должны привыкнуть к мысли, что если профессиональные торговцы средних веков иногда считали себя знатнее многих ремесленников, то это настроение было в такой же мере свойственно людям, принадлежавшим к любому «высшему» цеху промышленного ремесла. Купца отделяли от ремесленника не различия по существу, а различия в степени; часто он был «более почтенным» ремесленником, как например в других местах ювелир или пекарь, но по всему строю своего мышления и чувства он принадлежал к кругу ремесленников.

Чтобы устранить всякие сомнения в этом смысле, стоит только перелистать статуты купеческих гильдий и уставы «дворов» и «контор», основываемых в чужеземных городах¹. На каждом шагу мы встретим там подтверждение правильности высказанного здесь взгляда. Цикл идей промышленных цехов был перенесен в эти статуты почти без изменения.

Прежде всего во всех статутах торговых цехов мы встречаем верховный принцип ремесленного строя: каждому товарищу, выполняющему свою работу по методам отцов, должен был быть

¹ Наглядное описание жизни немецкого купца в чужих странах дает И. Фальке в своей «Истории германской торговли», 1, 200 и сл.

обеспечен доход, гарантировано пропитание¹. Завоевание возможно более широкой области сбыта, защищенной от всяких вторжений соседей, равномерное распределение отдельных долей сбыта между товарищами, следовательно исключение всякой конкуренции как извне, так и изнутри², — таков фундамент, на котором почится вся докапиталистическая торговля. Все запреты и предписания гильдейских статутов имеют в виду достижение именно этой цели,—обеспечение спокойной, бесконкурентной работы, не нарушающей ни индивидуальными спекуляциями, ни интригами. Все, что мы встречаем в цехах ремесленников, повторяется здесь в одних и тех же стереотипных фразах: ограничение величины предприятия³, воспрещение предварительной покупки⁴, обязательство допускать вступление товарища в договор о покупке⁵, воспрещение перебивать покупателей, воспрещение устанавливать цены путем свободного соглашения с покупателем и многие другие подобные предписания.

¹ Вряд ли приходится подтверждать доказательствами из источников, что идея пропитания господствует и в уставах торговых цехов. Особенно поучительны отношения английских торговых цехов, описанные Чарльзом Гроссом. Для общего ориентирования хороша книга Дорена Kaufmannsgilden im M. A., ср. стр. 60, 97, 147, далее W. Kiesselsbach, Der Gang des Welthandels (1860), 206. Для Франции особенно заслуживают внимания Левассер, Фанье, Пижонно. «Странствующие торговцы мешают обеспеченному пропитанию местных мелочных торговцев». Эрш и Грубер, Энциклопедия, см. ст. «Странствующий торговец» (1828).

² «В данном случае надо было устраниТЬ взаимную конкуренцию констанцских пропавцов (полотна) и возвысить репутацию констанцского купечества». Шульте, 1, 163.

³ Статут купцов, торговавших с Новгородом, постановляет: никто не должен сбывать товаров более чем на 1 тыс. марок в год (или держать их на складе?), каковы бы эти товары ни были, — собственные товары купца, чужие товары (переданные ему на основании договора о sendeve) или товары, принадлежащие обществу.

⁴ Статут купцов в Штаде, торговавших с Рипеном и с Данией (XIV в.); «Were dat yement in der Kumpenye deme andern dar vorekop dede de schal der Kumpenye dat beteren mit 4 olden groten». Hans. Urkundenbuch III, № 183, Art. 7.

⁵ «Член гильдии обычно был обязан при всех закупках делиться со своими сотоварами, т. е. если он покупал известное число определенных товаров, то всякий другой член гильдии мог потребовать части этих товаров по той же самой цене, по которой они были куплены». Гросс 1, 49. Места из источников см. 2, 46, 150, 161, 185, 218, 219, 226, 290, 352. Статуты сент-омерской гильдии в § 2 содержит следующие предписания: «Если кто-либо, принадлежащий к гильдии, пожелает купить какой-нибудь товар не из числа продуктов питания, стоящий 5 зильбергрошей и больше, а в это

«Никто из членов гильдии не должен отзывать никакого покупателя, пока тот торгуется у прилавка другого покупателя, и не должен делать ему никаких знаков», — говорится в статуте цеха торговцев свининой в Болонье (около 1242 г.). *Stat. dell Soc. del Pop. di B.* 2 (1896), 175. Статут флорентийских менял от 1299 г. воспрещал членам цеха расхаживать по городу в поисках вексельных сделок. «Банкиры» должны были спокойно сидеть за своими прилавками и ожидать там покупателей, дабы все члены цеха имели по возможности одинаковые шансы заработка. *H. Sieveking, Genues. Finanzwesen*, 2 (1899), 44. То же самое мы встречаем в страсбургских правилах меняльного двора, относящихся к 1380 гг.: 35. «Никто из членов этого почтенного дома не должен окликать по имени покупателя или звать гостя, который хочет обменять деньги...», 37. «Те, которые по пятницам сидят за прилавком и меняют деньги, не должны никого подзывать и никому подмигивать...» Перепечатано у *K. Eheberg, Ueber das ältere deutsche Münzwesen und die Hausgenossenschaften* (1879), стр. 188, 189. Другой автор приписывает этому документу иную дату. См. *J. Cahn, Münz- und Geldgeschichte d. St. Strassburg im M. A.* (1895), стр. 31.

Запрещения вольных соглашений о цене, издававшиеся в итальянских городах, приведены у *J. Kohler, Strafrecht der italienischen Kommunen*, 1892. См. также *A. Lizier, La vita sociale del secolo XII—XVI nella legislazione penale degli statuti italiani di quel tempo*, пом. в *Rivista internaz. di scienze soc.*, апрель, 1900, стр. 510.

Итак, мы всюду встречаем подтверждение нашего положения: профессиональная торговля средних веков, — точнее говоря торговля Италии до поздних десятилетий XIV в., а торговля остальной Европы до XVI в., — носит совершенно ясный ремесленный отпечаток. Мы можем не описывать реальных условий существования докапиталистической торговли: условия эти таковы же, как и в отношении ремесла.

Добавление ко второму изданию.

Предыдущее изложение взято без изменений из первого издания и только пополнено некоторым новым материалом. В моей работе нет почти ни одной другой главы, которую бы я перепечатал целиком и в тоже время ни одна другая глава (за исключением той, где содержится моя так называемая «теория земельной ренты») не вызвала так много критических возражений. После зрелого размышления я оставил мое изложение почти в том же виде, ибо критика, вызванная этой частью моего труда, не опровергла меня ни в одном существенном пункте.

Следует особенно упомянуть следующие сочинения, оспаривавшие мои взгляды: *A. Nugisch, Zur Frage nach der Entstehung des modernen Kapitalismus* в *Jahrbücher f. NÖ*, III. F. 28, 238—250.

Gustav Beckmann, Die Bedeutung des Handwerks im Wirtschaftsleben

время вступится другой член гильдии, то этот последний, если захочет, может иметь свою долю в этом товаре». Дорен, 60. Нередко правила обязывают покупателя, впрочем до окончательного завершения покупки, давать возможность всякому другому члену товарищества по его требованию взять половину покупаемых товаров. Ср. 1889, стр. 16 и сл. *F. Conze, Kauf nach hanseatischen Quellen*, Bonner J. D.

nach den Darstellungen Sombarts usw., в приложении к *Allgemeine Zeitung*. Jahrgang 1904, № 106, 107, 108.

F. Keutgen, *Hansische Handelsgesellschaften vornehmlich des XIV Jahrhund.*, пом. в *Vierteljahrsschr. f. Soz. u. WG.* Bd. IV.

Silberschmidt, *Das Senden und Befehlen der Waren nach der Kaufmännischen Korrespondenz des XV Jahrhunderts*, пом. в *Archiv f. bürgerl. Recht*, 25 (1905), 129 и сл., особенно стр. 148 и сл.

Его же, *Das Sendegeschäft im Hansagebiet*, пом. в *Zeitschrift für d. ges. Handelsrecht*, 68 (1910).

R. Neupeln, *Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig*, 1905, Гейнен, сам того не замечая, высмеивает себя, когда он хочет доказать «величие» средневековой торговли примером своего героя Майрано, известного богача (аллотто диарифи), который построил огромный (!) корабль с тремя (!) большими (!) мачтами (стр. 101), возбудивший впоследствии в Константинополе общую сенсацию (!). Этот же Майрано в ту пору, когда его деятельность достигла зенита, нанимает одного коми (104) и занимает у своего тестя 150 марок, а у своего двоюродного брата 50 марок (!). Подробный и основательный отзыв о книге Гейнена написал Зильбершmidt в *Zeitschr. f. d. g. H. R.*, 58 (1906).

Адольф Шаубе, *Вывоз шерсти в 1273 г.* — статья, помещенная в *Vierteljahrsschr. f. Soz. u. W. G.*, т. VI. Шаубе действительно обнаружил у меня одну ошибку: количество шерсти, вывезенной в 1273 г. из Англии иностранцами, я принял равным общему вывозу шерсти, между тем как оно составляло около $\frac{2}{3}$ этого последнего. Во всем остальном эта статья, написанная в крайне злобном тоне, подтверждает правильность моих описаний. До чего мы дойдем, если мы станем в пух и прах разносить автора, допустившего указанный промах, разносить до такой степени, чтобы никакая собака не захотела взять у него корки хлеба! Это поистине наихудший образчик несносной и тупой науки гимназических учителей.

P. Давидсон, *Происхождение капитализма* — в его «Исследованиях по истории Флоренции», IV (1908), 268 и сл.

Главные возражения критиков, опровергавших мои взгляды на средневековую торговлю, сводятся к следующему:

1. Торговец всегда (также и в средние века) стремился к наживе и не позволялся добыванием средств к существованию: идея «пропитания», следовательно, не господствовала над ним. Насчет этого возражения я уже говорил и потому отсылаю читателя к сказанному мною. Я повторяю: регулятивная идея торговли в средние века долгое время оставалась такой же, как и регулятивная идея промышленного ремесла. Мир идей торговца был по существу тот же самый, как и мир идей его коллеги, промышленного производителя. Следует согласиться, что в сфере торговли новые идеи стали проявляться раньше, чем в других сферах хозяйства. Общее содержание капиталистического духа (стремление к наживе в связи с экономическим рационализмом и сведение всех качественных свойств к одному свойству — деньгам, — о чем говорится только во второй книге) следует рассматривать, как прямую противоположность духу средневековой торговли. Конечно, и неаполитанский носильщик предпочитает получить 3 лиры вместо одной. Но тот, кто не видит никакого различия духовного склада между ним и Пирпонтом Морганом, болен психологическим дальтонизмом и не может считаться критиком (или даже историком).

Торговля в средние века отнюдь не была «столпом малой», как я ее описывал. Фактически критики не доказали неправильности ни одной из приведенных мною цифр (за исключением цифры, исправленной Шаубе)¹.

Меня упрекают в том, что я неверно установил малые размеры средневековой торговли. Один критик (Нуглиш) указывает мне, что при определении значения той или другой денежной суммы для определенной эпохи следует принимать в расчет покупательную силу денег. Это было мне небезызвестно и раньше. Но всякий, хотя бы немного знающий трудности той проблемы, которая связана со словом «покупательная сила денег», по-остережется выражать денежную сумму иначе, чем в ее металлической ценности, как я и делал. Я имоходом напомню названному критику, что отношение «покупательной силы» денег в средние века к покупательной силе денег в наше время совершенно нельзя выразить цифровым образом. Что значат фразы вроде следующей: «На несколько пфеннигов можно было досыта наесться, а на один гульден жить». Указ. соч., стр. 241. Это ровно ничего не говорит. Что значит «досыта наесться», да и чем именно наесться? Ведь имеет значение качество еды. Что значит «жить»? Где именно жить? Ведь и сейчас в деревне тратят на жизнь немногим больше, чем в средние века. А каковы были цены на остальные важные для человека вещи, например на все промышленные изделия, стоявшие в средние века во много раз больше, чем теперь? Каковы были расходы на пересылку товаров? Каковы были цены на так называемые удовольствия, на «духовную пищу», на вкусовые средства, на рабочую силу и вообще на все то, что можно купить за деньги? По этому поводу следует прочесть сказанное мною во втором томе.

Другие критики считают неудачным мой метод сравнения цифр средневековой торговой статистики с современными цифрами. Недавно в этом смысле высказался Рудольф Гепке в своей книге «Brügges Entwicklung zum mittelalt. Weltmarkt» (1903), — автор, к мнению которого по вопросам истории торговли следует прислушаться. Но фактические выводы, к которым он приходит, существенно подтверждают правильность моего понимания. Свои суждения он суммирует следующим образом (стр. 268): «В общем и целом торговля покончилась на широком демократическом основании, и в товарной торговле магнаты-купцы встречались редко. Тем меньше можно ожидать у этих крупных купцов наличности таких количеств товаров, которые бы до некоторой степени импонировали человеку современности». Затем он прибавляет: «Средневековый и нынешний товарооборот не допускают никаких сравнений». В другом месте он говорит: «...Иследователь тщетно будет искать там широких масштабов, даже если он привык смотреть на вещи глазами средневековья».

Относительно этого я должен заметить следующее:

Единственный довод, выдвигаемый против меня Г. Бекманом, сводится к тому, что незначительная вместимость судов не доказывает малых размеров торговли, ибо торговые предприятия часто нанимали «чрезвычайно большое число судов». Я сомневаюсь, чтобы одно торговое предприятие нанимало много судов. Бекман, позидимому, имеет в виду совместные рейсы многих кораблей. На одном корабле, как бы мал он ни был, мы по большей части встречаем целую массу торговцев, едущих самолично или отправляющих свои товары с другими.

1) цифры прошлого времени мы как раз должны сравнивать с современными цифрами: это единственный способ наглядно представить себе их величину;

2) чтобы уловить своеобразие средних веков и понять отличие их от современности, мы должны смотреть на вещи «современными», а не «средневековыми» глазами. Мы должны отделаться от представлений людей того времени, для которых достигнутая в данный момент высота торгового оборота была естественно наивысшей точкой. Сам Гепке предостерегает от таких ничего неговорящих фраз, как «огромный товарооборот» и т. д. Всякое плодотворное историческое исследование основывается на том, что исследователь смотрит на вещи собственными глазами и таким образом познает своеобразие более ранних эпох. Я напомню хотя бы благоприятные результаты популяционистских исследований, в особенности статистических исследований, касающихся городов: сущность средневекового города мы по-настоящему понимаем только тогда, когда мы узнаем, что он имел не 200 тыс., а 20 тыс. жителей. Но мои критики, очевидно, руководятся какими-нибудь другими соображениями: иначе я никак не мог бы объяснить тот враждебный тон, который все они проявляют, как только начинают говорить о моих взглядах относительно «малых размеров» средневековой торговли. По их мнению я этим хочу принизить ценность, значение средних веков. Но ведь величие эпохи вовсе не определяется количеством обращающихся товаров! По моему мнению «величие» средневековья ничем не доказывается столь ярко, как именно моим указанием, что размеры средневековой торговли были весьма незначительны по сравнению с современностью. Поистине велико было время, создавшее миннесингеров, страсбургский собор, Данте и Джиротто, императора Фридриха Барбароссу и Фому Аквинского, несмотря на то, что тогда в торговле «обращалось» может быть в сто или тысячу раз меньше сыров, чем ныне;

3) я весьма хотел бы во многих пунктах улучшить и во многих отношениях углубить тот отдел, где я говорю о праве средневековой торговли, в особенности о праве обществ. Кое-что я дополню, когда я буду рассматривать в т. II развитие торговых обществ в эпоху раннего капитализма. Но в основном взгляды мои остались неизменными и в этой области, хотя многие возражения моих критиков-юристов, особенно в превосходных работах Зильбершмита, кажутся правильными. На самом деле рассуждения этого остроумного и чрезвычайно осведомленного исследователя в наиболее важных пунктах скорее подтверждают мои взгляды. Я поэтому полагаю, что наши мнения расходятся не больше, чем это соответствует различию юридического и социологического подходов к вопросу.

Наиболее важные критические замечания Зильбершмита я приведу здесь словно.

В своей статье «Отправка и передача товаров на комиссию согласно купеческой корреспонденции XV в.», помещенной в Arch. f. Bürg. R., 25 (1905), стр. 48, Зильбершмит говорит: «За последнее время Вернер Зомбарт, прослеживая в истории торговли противоположность между ремесленным и капиталистическим предприятием нашел, что в ту эпоху торговля носила вполне ремесленный характер (т. е., что в то время во всех взаимоотношениях пайщиков решающим моментом была деятельность лица, жившего за границей, в пользу отсутствующего лица, т. е. труда). Если даже это допустить, то дальнейшее положение, гласящее, что «владелец денег еще совер-

шенно не связан с самой торговой деятельностью, выпадающей на долю технического работника», не подтверждается источниками. В более позднюю эпоху коммenda используется, как вид вложения капитала, лицами, не принадлежащими к торговцам, но в более раннее время лицо, дающее поручение, всегда (?) является купцом. В положении, что данные деньги — первоначально давались вообще тесвры — никогда не имели характера капитала (хотя бы в том смысле, какой придает ему Зомбарт), следует столь же усомниться, как и в положении, что преобладание общественно ведущихся предприятий лучше всего доказывает ремесленный характер торгового промысла. Наоборот, на основании вышеуказанной корреспонденции, а также и более ранних источников, следовало бы сказать: заложенное в самой природе торговли стремление выйти за пределы удовлетворения потребностей, за пределы простого пропитания и продавать и обменивать товары как можно выгоднее, как можно чаще и как можно быстрее (!) побуждало отправлять эти товары посторонним лицам и поручать их сбыт другим людям в тех местах, где купец не мог присутствовать лично. Чтобы заинтересовать в деле этих посторонних, им предоставляли часть прибылей. Таким образом возникли отношения, основанные на паевом участии и товариществе».

На это я могу возразить следующее. Формально Зильбершмидт, несомненно, прав, когда он утверждает, что комманданты часто (но, конечно, не всегда) сами были профессиональными торговцами. Это, однако, не опровергает моего утверждения по существу: вручением денежной суммы (или товаров на продажу) ремесленнику-торговцу еще отнюдь не устраивается ремесленный характер торговли, даже если лицо, дающее деньги, является профессиональным торговцем. Говоря о разделении между лицом, дающим деньги, и торговцем, их берущим, я хотел сказать, что руководство предприятием еще не переходит к владельцу денег в силу одного этого факта. Ни этот последний, — если сам он ремесленник, — ни отправляющийся за границу торговец не становятся капиталистическими предпринимателями вследствие того, что они объединяются. Сам Зильбершмидт наглядно описал нам отношения комманды. В своем сочинении «Die Comienda in ihrer frühesten Entwicklung bis zum XIII Jahrh.» (1884) и в статье, помещенной в Arch. f. bürgerl. Recht, тт. 23 и 25, он показывает, что договор о комманде на первых порах носил случайный характер и заключался для отдельных поездок, впоследствии же все чаще и чаще стали поручать продажу собственных товаров «в интересах поручителя» родственникам или друзьям, отправлявшимся в путешествие, причем коммандатарий выполнял поручения совершенно бесплатно или получал, в качестве почетного вознаграждения, известную долю чистой выручки от предприятия. Так возникли институты *sendeve* и *colleganza* (немецкое Кимрапеи): они сводились к объединению нескольких денежных сумм для ведения общего дела. Зильбершмидт с полным правом уподобляет примитивную комманду институту *Socida*, т. е. договору о поручении продажи скота Arch. f. b. R., 23, 7, и удачно замечает (Arch. f. b. R., 25, 147): подобно тому как еще и теперь в простом сельском быту «крестьянин, езущий в ближайший город, закупает и продает товары для своих односельчан, так и в этом случае поручения выполнялись исключительно из любезности. Но часто такая деятельность в пользу других лиц, ведущаяся в чужих местах, становится постоянной, профессиональной» и т. д.

Итак, в рамках ремесленного хозяйства также мыслимы различные договоры о товариществе. Но их наличие еще ничего не говорит против ремесленного хозяйства. Вспоминая о всех тех признаках, которые свидетельствуют о ремесленном характере средневековой торговли, — ничтожных суммах, входивших в договоры о комманде, незначительном обороте, ремесленном строе и т. д. — я прихожу к заключению: эта общественная торговля, все равно, принимала ли она форму комманды или товарищества, в своих типичных, массовых проявлениях на протяжении долгих столетий также оставалась ремеслом. Каким образом она стала постепенно принимать капиталистическую форму, я постараюсь показать во втором томе.

* * *

Я хотел бы сделать еще два более общих замечания, которые может быть несколько уменьшат расхождение между мною и моими критиками-юристами.

Я уже указывал на различный способ исследования, свойственный юристам и социологически-ориентированным политико-экономам: первых интересует главным образом форма, вторых — содержание хозяйственной жизни. К содержанию относится прежде всего дух, оживляющий хозяйствующих субъектов, и количественно измеряемые процессы и отношения. Одно и то же правовое отношение (как в данном случае [комманда]) может лежать в основе совершенно различных хозяйственных актов, — различных и в смысле качества и в смысле количества. С правовой точки зрения совершенно неважно, какую сумму я ссужаю производителю на ведение его дела, — 100 марок или 100 тыс. марок, раз юридическая форма сделки одинакова; с экономической же точки зрения различие сумм обуславливает различную сущность обеих сделок.

Но юристы должны быть в курсе политico-экономических и социологических исследований и знакомиться с понятиями, которые созались в области исторических исследований на протяжении последнего поколения. С нами происходят поистине странные вещи: историки упрекают нас за слишком большое изобилие понятий и «теорий», а юристы жалуются на недостаточную разработанность наших понятий. Упрек в отсталости политico-экономических понятий часто делал например Ластиг в своих работах по истории торгового права. Так, в статье, помещенной в *Zeitschr. f. d. g. HR.*, 24, 408, он говорит: «Учение о хозяйстве оперирует понятиями капитал и труд, а учение о праве бесконечно более утонченными терминами». В то время, когда появились его основные исследования (1879), этот упрек Ластига был до известной степени основателен. Но тех пор мы также немало поработали, что, повидимому, проглядели многие историки права. Когда они начинают говорить об экономических отношениях, они и до сих пор часто пользуются такими упрощенными понятиями, как «денежное хозяйство», «капитал» (в смысле денег или средств производства), говорят о «торговле», как о некоем однородном явлении и т. д.

Чтобы привести хотя бы один пример из новейших сочинений, я процитирую здесь некоторые положения из превосходной в своем роде работы Гакмана по истории права в *Zeitschr. f. d. ges. HR.*, 68 (1910), 467. Положения эти гласят: «Это (т. е. возникновение менового хозяйства после VIII в.) направило всю жизнь по новым путям, по которым она почти исключ-

чительно движется и сейчас, именно по путям (!) торговли (!). Торговля достигла столь пышного развития потому, что она оказалась прево-
сходным средством для увеличения благосостояния (!), а это и было самое главное (!). Когда силы индивидуума не были достаточны для того, чтобы привести его к вожделенной цели (!), к богатству, он старался соединиться с другими людьми, столь же настроенными, которых можно было найти очень быстро (!) в ту эпоху, когда происходил этот радикальный переворот в области общего (!) народного хозяйства, приведший к признанию особой стадии развития в истории народного хозяйства, — стадии, характеризуемой господством денежных и кредитных отношений (!)...».

Если бы мы стали писать о юридических вопросах такими общими и ничего неговорящими фразами, историк права пришел бы, конечно, в ужас. Но в таком случае и юристы должны привыкнуть придерживаться при рассмотрении наших проблем той строгой систематики понятий, которую мы мало-помалу выработали. Я не сомневаюсь, что сказанное существенно поможет взаимному пониманию.

ВТОРАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

СУЩНОСТЬ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА.

Глава XIX.

Капиталистическая хозяйственная система.

Прежде чем проследить возникновение капиталистического хозяйства, я в точных логических понятиях опишу идею этого способа хозяйства, поскольку она проявляется в экономической системе капитализма.

1. Понятие.

Под капитализмом мы понимаем определенную систему хозяйства¹, которую можно охарактеризовать следующим образом: это экономическая, основанная на обмене организация, при которой две различные группы населения—с одной стороны, владельцы средств производства, являющиеся одновременно руководителями хозяйства и хозяйствующими субъектами, с другой стороны, неимущие рабочие (в качестве объектов хозяйства)—объединяются рынком и регулярно действуют сообща, и в которой господствует принцип наживы и экономический рационализм.

Меновая хозяйственная организация, подразумевающая индивидуальное или частное хозяйство, дифференциацию профессий между отдельными хозяйствами и рыночную связь, общая как капитализму, так и ремеслу²; в морфологическом смысле капит-

¹ См. гл. III.

² Эта глава восполняется написанным мною в томе IV «Очерком социальной экономики», где я подробнее развиваю все мысли, набросанные здесь лишь в основных чертах.

лизм отличается от ремесла социальной дифференциацией личного фактора производства, разделяющегося на две составные части—работников-руководителей и работников-исполнителей, которые противостоят друг другу, как владельцы средств производства и как технические работники и необходимое объединение которых в производственном процессе достигается при помощи рынка.

Господствующие хозяйствственные принципы суть принцип наживы и экономический рационализм, заменяющие принцип покрытия потребностей и традиционализм, которые, как мы видели, были свойственны потребительскому хозяйству и ремеслу.

Сущность этих хозяйственных принципов я изложил уже во введении и в дополнение к сказанному там прибавлю лишь следующее.

Своеобразие принципа наживы выражается в том, что в эпоху его господства непосредственной целью хозяйствования является уже не удовлетворение потребностей живого человека, а исключительно увеличение денежной суммы. Эта целеустановка имманентна идее капиталистической организации; получение прибыли (т. е. увеличение начальной суммы путем хозяйственной деятельности) можно, следовательно, считать объективной целью капиталистического хозяйства, с которой (в особенности при вполне развитом капиталистическом хозяйстве) субъективная целеустановка отдельного хозяйствующего субъекта не должна непременно совпадать¹.

Экономический рационализм, т. е. принципиальная оценка всех действий с точки зрения наибольшей целесообразности, выражается трояко:

- 1) как планомерность в ведении хозяйства;
- 2) как целесообразность в узком смысле;
- 3) как учет.

Планомерность вносит в капиталистическую хозяйственную систему возможность хозяйствовать по широкому плану; целесообразность обеспечивает выбор правильных средств, учет—точное цифровое исчисление и регистрацию всех отдельных хозяйственных явлений и их сочетание, посредством счетоводства, в одну осмысленную и упорядоченную систему чисел.

¹ Эти сложные связи, ускользающие от обычательского «здравого смысла», я выяснил в том месте, которое я указал в предыдущем примечании. Там же читатель найдет и изложение форм хозяйственного развития, заложенных в идеи наживы. Изложение это необходимо только для понимания хозяйства развитого капитализма.

II. Капиталистическое предприятие.

Хозяйственной формой капиталистической экономической системы является капиталистическое предприятие. Оно образует абстрактное единство: «дело». Цель его — получение прибыли. Средством для исполнения этой цели служит заключение договоров о взаимном обмене ценностями или услугами, определяемыми в деньгах. В рамках капиталистического предприятия каждая техническая проблема должна в конечном счете приводить к заключению договора, на выгодной формулировке которого сосредоточиваются все стремления капиталистического предпринимателя. Все равно, обмениваются ли трудовые услуги на вещественные блага или одни вещественные блага на другие вещественные блага, — главная задача всегда заключается в том, чтобы в конце концов в руках капиталистического предпринимателя остался тот прибавленный к меновой ценности (денегам) плюс, получение которого составляет содержание всей его деятельности. Благодаря этому все хозяйственные процессы теряют свою качественную окраску и превращаются в чисто количественные величины, которые могут выражаться и выражаются в деньгах.

В капиталистическом предприятии обнаруживаются разнообразные формы, которые мы можем различать следующим образом¹:

1. По содержанию деятельности, выполняемой в предприятии:

- а) предприятия для производства вещественных благ;
- б) предприятия для пересылки вещественных благ;
- в) предприятия для оказания услуг;
- г) предприятия для предоставления людям особо изысканных вещественных благ;
- д) предприятия для оказания кредита;
- е) предприятия, где комбинируются различные цели, перечисленные в пунктах от а) до д).

2. По способу образования капитала предприятия:

- а) единоличные предприятия, основанные на имуществе одного лица;

б) коллективные предприятия, капитал которых собран несколькими лицами.

3. По отношению предпринимателя к рабочему.

¹ Подробности см. в первом издании, стр. 199 и в «Очерке социальной экономики»; ср. также главу второго тома, озаглавленную «Возникновение капиталистического предприятия».

Так как одной из важнейших задач этой книги является показать, каким образом из непрочных случайных связей между деньгодержателем и рабочим исторически возникает капиталистическое предприятие, как организация труда, то во избежание повторений я буду рассматривать теоретические возможности тех или других взаимоотношений между предпринимателем и рабочим там, где я описываю эмпирическое возникновение различных видов организации труда.

4. По взаимоотношениям между предприятием и государственной властью:

а) свободное предприятие, совершенно независимое от государственной власти;

б) связанное предприятие, стоящее в какой-либо непосредственной зависимости от государственной власти; частым случаем являются предприятия смешанного типа, носящие отчасти публичный характер.

III. Функции капиталистического предпринимателя таковы¹:

1. Организационные.

Так как выполняемая предпринимателем работа всегда предполагает сотрудничество других людей и так как для достижения сотрудничества приходится заставлять этих других людей служить его воле, то предприниматель должен быть прежде всего организатором.

Организовывать — значит объединять многих людей для плодотворного и успешного творчества, распределять людей и вещи таким образом, чтобы без помех осуществился желательный полезный результат. Это требует весьма многообразных способностей и действий. Тот, кто хочет организовывать, прежде всего должен обладать способностью оценивать эффективность людей и из большой человеческой массы выбирать как раз тех, которые пригодны для определенной цели. Затем он должен обладать другим талантом: он должен уметь заставить людей работать вместо себя, и притом таким образом, что каждый оказывается на надлежащем месте и дает максимум эффекта, а все вместе, благодаря воздействию организатора, фактически осуществляют наибольшую сумму работы, соответствующую их трудоспособности. Наконец предприниматель должен заботиться о том, чтобы люди, объединенные для общей деятельности, были соб-

¹ Подробности смотреть в моей книге «Буржуа», 70 и сл. Ср. также 1-е изд., 1, 197 и сл.

раны в работоспособное целое, чтобы взаимное сотрудничество и взаимная иерархическая зависимость отдельных участвующих в работе лиц были строго урегулированы и чтобы их трудовые процессы, протекая в определенной последовательности, были тесно связаны друг с другом. Это то, что Клаузевиц требует от полководца,—«собирание сил в пространстве» и «объединение сил во времени».

2. Торговые.

Отношения, связывающие предпринимателя с людьми, бывают еще и другого характера, чем тот, какой определяется словом «организовать». Предприниматель должен сам набрать своих людей; далее, он должен все время использовать в своих целях посторонних людей, заставляя их без внешнего принуждения выполнять известные действия или отказываться от известных действий. Для этого он должен «вести переговоры», т. е. столкновяться с другим человеком, дабы, приводя ему свои резоны и опровергая его доводы, побудить его к принятию определенного предложения, к выполнению определенного действия или к отказу от него. Вести переговоры — значит бороться духовным оружием.

Итак, предприниматель должен также искусно вести переговоры, умело торговаться. Это один и тот же процесс, выражаемый в различных оттенках. Торговец в узком смысле, т. е. человек, договаривающийся относительно хозяйственных дел, есть только одно из многих проявлений, в которых выступает перед нами специалист по переговорам (*Verhandler*).

Покупателя (или продавца) всегда приходится убеждать в выгодности заключения данного договора. Продавец достигает своего идеала тогда, когда все население считает покупку восхваляемого им предмета самым важным делом в жизни. С другой стороны, когда человеческими массами овладевает паника, продавец должен своевременно воздерживаться от наживы (как это бывает, например, в периоды лихорадочного возбуждения на фондовой бирже).

Возбуждать интерес, завоевывать доверие, пробуждать желание покупки,—вот к чему сводится деятельность удачливого торговца. Средства, какими он этого достигает, безразличны. Достаточно лишь, чтобы в ход пускались средства не внешнего, а внутреннего понуждения, чтобы клиент заключал договор не против своей воли, а по собственному решению. Деятельность торговца должна сводиться к внушению. Но средства внутреннего побуждения весьма многочисленны.

3. Счетоводно-хозяйственные.

Если вышеупомянутые функции свойственны всякому предпринимателю, то капиталистический предприниматель должен выполнять еще особую, специфическую функцию,—функцию учета (калькуляции). Так как его деятельность сводится к заключению договоров об обмене ценностями и услугами, выражаемыми в деньгах, то он должен уметь представлять себе содержание каждого договора в денежной сумме и стремиться к тому, чтобы в конечном итоге поступлений и выдач получалось активное сальдо: это мы и называем учетом. Там, где при расчетах приходится исходить из неизвестных величин, мы говорим о спекуляции. Но предприниматель должен быть также и хорошим экономом, ибо высшая цель капиталистического предприятия достигается только путем обдуманной бережливости.

IV. Капитал и его использование.

Сумма меновых ценностей, являющаяся вещественной основой капиталистического предприятия, есть капитал. Капитал начинает и заканчивает свое бытие в форме денег, проявляясь на промежуточных ступенях в меняющихся формах средств производства или товаров.

Временем производства мы называем то время, в течение которого капитал задерживается в сфере производства, а временем обращения—время, в течение которого он задерживается в сфере циркуляции. Время оборота есть сумма времени производства и времени обращения.

Реальным капиталом мы называем капитал, предназначенный для покупки средств производства, персональным капиталом—капитал, предназначенный для покупки рабочих сил. Это важное различие дополняет собою обычное подразделение на основной капитал и оборотный капитал¹.

«Использование» вложенного в предприятие капитала, т. е. воспроизводство его с известной добавкой (барышом, прибылью) является, следовательно, целью капиталистического хозяйства. Возможности повышения прибыли с капитала сверх данной ее величины таковы:

I. При данной норме прибыли на отдельном продукте высота прибыли определяется массой производственных единиц, выработанных в данное время. Эта масса увели-

¹ Подробности см. в первом немецком издании, 1, 204 и сл.

чивается благодаря ускорению (интенсификации) производственного процесса или, выражаясь капиталистическим языком, ускорению оборота капитала.

II. При данной массе благ, производимых в определенное время, высота прибыли определяется нормой прибыли, получаемой с отдельного продукта. Прибыль эта образуется из разницы между продажной ценой и издержками. Стремление предпринимателя заключается, следовательно, в увеличении этой разницы. Увеличение разницы может быть достигнуто двояким образом:

1) повышением продажных цен. Но пределы этого повышения ограничены, поскольку предприниматель должен побивать своих конкурентов дешевизной цен. Отсюда для капиталиста возникает антиномия: он должен в одно и то же время продавать как можно дороже и как можно дешевле. Для разрешения этой антиномии прибегают к искусенному устранению конкуренции, — либо путем законодательства (пожалование монополий, привилегий), либо путем взаимного соглашения — тенденция к совместному установлению цен, образованию картелей и т. д. Если цен нельзя повысить, то для повышения прибыли остается последнее средство:

2) уменьшение издержек. Его можно достичь:

а) путем удешевления производства, т. е. путем повышения продуктивности и сопутствующего ему увеличения количества благ при прежних издержках. Повышение продуктивности достигается:

α) усовершенствованием трудового процесса (организации предприятия),

β) усовершенствованием техники.

б) путем удешевления факторов производства, т. е. тем, что одно и то же количество продуктов производится при меньших издержках, но без одновременного повышения производительности, — следовательно, исключительно за счет сбережений в расходах по снабжению факторами производства. Эти сбережения могут быть:

α) в расходах на вещественные факторы производства: выгодные покупки, тщательное сохранение, использование отбросов и т. д.;

β) в расходах на личные факторы производства:

αα) уменьшение вознаграждения за то же самое количество работы (понижение заработной платы, использование более дешевых рабочих сил, например детей и женщин),

38) повышение выработки при том же самом вознаграждении, что достигается либо путем экстенсификации труда (удлинение рабочего времени), либо путем интенсификации труда (более строгий надзор, сдельная заработка и т. д.).

V. Условия капиталистического хозяйства.

Подобно всякому другому способу хозяйства, капитализм связан с осуществлением известных условий, касающихся или самого хозяйствующего человека, или окружающего его мира. Для выяснения этих условий мы можем пойти двумя путями. Во-первых, мы можем перечислить предпосылки, теоретически необходимые для бытия всякого капитализма. Этим путем я шел при описании ремесла в настоящем сочинении (см. главу XIII) и при описании капитализма в своих очерках по социальной экономике. Во-вторых, мы можем установить те события, появление которых сделало возможным историческую форму проявления капитализма, «современный» капитализм, и привело к его развитию. Этим именно путем нам и придется здесь итти. Мы должны помнить, что задачей настоящего труда является описание возникновения и роста капиталистического способа хозяйства,нского нашей эпохи и нашим народам. Мы, следовательно, должны проследить, каким образом из известных нам хозяйственных форм европейского средневековья в процессе медленных преобразований появился современный капитализм. Главная проблема настоящего тома заключается как раз в том, чтобы выяснить, каким образом осуществить предварительные условия, необходимые для его развития. Своеобразная, исторически узко-ограниченная постановка вопроса, следовательно, такова: после того как хозяйство европейских народов в течение средних веков приняло особую феодально-ремесленную форму, принимаемую нами как данную, и после того как новый дух породил волю к капитализму,—какое сочетание обстоятельств сделало возможным действительное осуществление этой воли? В связи с этим нам предстоит коснуться многих тем.

Глава XX.

Возникновение капитализма.

I. Движущие силы.

Капитализм вырос из глубин европейской души.

Тот же самый дух, который породил новые государства и новую религию, новую науку и новую технику, создал и новую хозяйственную жизнь. Мы знаем, что дух этот— дух земной, светской жизни, дух, способный с огромной силой разрушать старые естественные образования, старые узы, старые ограничения, но в то же время мощно творящий новые жизненные формы, искусственные и искусственные целевые образования. Это тот самый дух, который на исходе средних веков вырвал людей из мира спокойных, органически выросших отношений, построенных на родственных и общичных связях, и бросил их на путь мятущегося себялюбия и самоопределения.

Сначала он укореняется в отдельных сильных людях и отъединяет их от массы уживчивых, любящих покой сотоварищей, а затем захватывает более и более широкие круги, все преисполняя собою, все оживляя и двигая.

Дух, владеющий ныне людьми,— дух Фауста, дух томления и беспокойства. «Брожение влечет его вдаль...» Если все это мы назовем стремлением к бесконечному, то мы будем правы, потому что цель отодвинута в беспредельность и рвущиеся вперед люди воспринимают всякую естественную меру органической связности, как недостаток и узость. Если мы назовем это стремлением к власти, то мы также не ошибемся; ибо из глубочайшей пропасти, куда не в состоянии заглянуть наше познание, поднимается это неописуемое стремление сильного индивидуума проявить себя, утвердить свое «я» вопреки всем силам мира, подчинить других своей воле и своим действиям. Это стремление мы и называем волей к власти. Если мы назовем это стремлением к пред-

принимательству, то и это выражение будет, конечно, уместно во всех тех случаях, когда воля к власти требует сотрудничества других для осуществления общей задачи. Людей, завоевывающих себе мир, творящих, живущих полной жизнью, не ограничивающихся ни созерцанием, ни наслаждением, не бегущих от мира, не отрицающих мира,—всех их можно назвать «предприимчивыми».

Как мы знаем, этот новый дух «предприимчивости» возобладал во всех областях человеческой жизни. Прежде всего он возобладал в государстве, где цель его сводится к завоеванию и господству. Но в такой же степени он проник в религию и церковь, где он освобождает людей и снимает с них оковы, в науку, где он разгадывает загадки, в технику, где он изобретает; он распространялся на всю вообще земную поверхность, где он делает открытия.

Этот же новый дух начинает господствовать и в хозяйственной жизни. Он разбивает границы статического феодально-ремесленного хозяйства, основанного на покрытии потребностей, проникнутого спокойным самодовольствием, пребывающего в состоянии равновесия, и бросает людей в водоворот наживы. В сфере материальных стремлений завоевание равнозначно увеличению денежной суммы. Стремление к бесконечному, стремление к власти нигде не находит для себя столь подходящего поля деятельности, как в охоте за деньгами, этом совершенно абстрактном символе ценности, который освобожден от всякой органической и естественной ограниченности и обладание которым все в большей и большей степени становится символом власти.

В другом месте я подробно описал, как эта алчность к золоту и деньгам медленно и постепенно прокапывала себе русло наряду с общим потоком хозяйственного бытия и привела к целому ряду явлений, не имеющих ничего общего с хозяйственной жизнью, ибо на первых порах люди старались добывать золото или деньги вне круга своей нормальной хозяйственной деятельности. Для последних столетий средневековья и для первых столетий нового времени характерны следующие массовые явления:

- а) рыцари-разбойники;
- б) отыскивание сокровищ;
- в) алхимия;
- г) прожектерство;
- д) ростовщичество.

Впоследствии этот завоевательный дух проникает и в хозяйственную жизнь, а вместе с тем выступает на сцену и капитализм — эта хозяйственная система, необычайно искусно открывающая

плодотворное поле деятельности для стремления к бесконечному, воли к власти и духа предпримчивости и притом в сфере повседневных забот о хлебе насущном. Капиталистический способ хозяйства приспособлен к этому потому, что при его господстве в центре всех человеческих целей стоит не живая личность с ее естественными потребностями, а абстрактное понятие — капитал. В этой абстрактности цели и заключается его беспредельность. В преодолении конкретности всех целей заключается преодоление его ограниченности.

Стремление к власти и стремление к наживе переходят одно в другое; капиталистический предприниматель, как называем мы нового хозяйствующего субъекта, стремится к власти, чтобы приобретать, и приобретает, чтобы добиться власти. Приобретать может только тот, кто обладает властью, и, с другой стороны, тот, кто наживается, увеличивает свою власть. Мы увидим, что в ходе развития понятие власти переносится из одной области в другую. Вследствие этого меняются и типы предпринимателей, хитрость и убеждение постепенно вытесняют насильтственные методы, и торговые способности все в большей и большей степени оказываются решающим моментом, определяющим значение предпринимателя в хозяйственной жизни.

Но капитализм родился не только из этого стремления к бесконечному, из этой воли к власти, из этого духа предпримчивости. С ним сочетался другой дух, внесший в хозяйственную жизнь нового времени прочный порядок, точность расчета, холодную целеустремленность: буржуазный дух, который может действовать и вне круга капиталистического хозяйства и который в течение целых столетий проявлял себя в низших слоях хозяйствующих субъектов города, среди профессиональных торговцев и ремесленников.

Если дух предпримчивости хочет завоевывать и наживать, то буржуазный дух желает содержать в порядке и сохранять. Он выражается в целом ряде добродетелей, единодушно утверждающих, что нравственно хорошим можно считать такое поведение, которое обеспечивает благоустроенное капиталистическое домохозяйство. Поэтому к числу добродетелей, украшающих буржуазию, относятся главным образом трудолюбие, умеренность, бережливость, хозяйственность, верность договору. Капиталистическим духом мы называем, следовательно, душевное настроение, сочетавшее дух предпримчивости и буржуазный дух в одно целостное единство. Этот дух и создал капитализм.

Проблему «капиталистического духа» я подробно и всесторонне рассмотрел в моей книге «Буржуа», появившейся в 1913 г. и носящей подзаголовок: «К духовной истории современного хозяйствующего человека». Поэтому я ограничиваюсь здесь ссылками на эту книгу и обрисовываю сущность капиталистического духа в самых кратких чертах. Во избежание повторений я совершенно не пытаюсь выводить этот дух откуда бы то ни было, ибо этому посвящена большая часть моей книги «Буржуа». Читателя, интересующегося вопросом «дух» ли «производит» «хозяйственную жизнь» или «хозяйственная жизнь» производит «дух», я отсылаю к той же книге. То, что я сказал там по части разрешения этой проблемы, несомненно нуждается в расширении и углублении, особенно с метафизической стороны. Тем не менее я не хочу отягощать настоящей работы многосторонним выяснением этой темы, оставляя за собою право возвратиться к ней при другом случае.

II. Историческое построение современного капитализма.

Писать историю — значит показывать, какими путями народный дух приближается к своей цели, что благоприятствует и что мешает его стремлениям. Другими словами, это значит показать, в каком объеме и с помощью каких средств осуществляется идея, свойственная народу или группе народов. В применении к истории хозяйства и к поставленной нами задаче писать историю современного капитализма — значит показать, каким образом идея капиталистической хозяйственной системы претворяется в действительность на протяжении столетий и каким образом из нового духа развивается во всех своих ответвлениях хозяйственная жизнь европейских народов.

Образно выражаясь (на что намекает уже сам подзаголовок настоящего параграфа), мы хотим понять «построение» современного капитализма. С этой целью мы предполагаем наличность некоего неизвестного нам строителя, «планы» которого мы однако очень хорошо знаем, ибо они раскрываются в душевном настроении стремящихся людей, и затем прослеживаем, из каких составных частей он воздвигает свое здание. Самую постройку мы увидим лишь в следующем томе этого труда. Здесь важно прежде всего познакомиться с «фундаментом», строительными материалами и строительными рабочими.

Один взгляд на оглавление покажет читателю, каким явлениям я придаю решающее значение при генетическом рассмотрении современной хозяйственной жизни. Насколько правилен был избранный мною путь, может, конечно, показать лишь изучение этой работы. Это изучение я постараюсь облегчить читателю, дав общий обзор многообразного материала. Я указываю наблюдаемые мною связи между действующими

силами и различными областями исторической действительности, которых касаются нижеследующие семь отделов; далее, указываю связи между самими этими областями и, наконец, связи между ними и капиталистическим хозяйством.

Я как-то сказал: «вначале была армия». Этим я хотел выразить, что в современных армиях я усматриваю первое и наиболее важное орудие, созданное новым духом для завершения его дела. С помощью армии создается государство (второй отдел), — это первое законченное образование нового духа, в котором и с помощью которого новый дух прежде всего проявляет себя. Затем, чтобы подчинить себе силы природы, он старается преобразовать технику (третий отдел), а присущее ему стремление к деньгам и власти приводит его к разработке месторождений драгоценных металлов (четвертый отдел).

Эти три области представляются нам самостоятельными сферами деятельности нового духа, и одно стремление нельзя непосредственно выводить из другого. Тем не менее мы замечаем, что все эти три сферы находятся в теснейшем взаимодействии. К непрерывному улучшению техники побуждают прежде всего интересы государства, желающего увеличить боеспособность армии; с другой стороны, государственные интересы заставляли смотреть на увеличение запаса благородных металлов как на важнейшую цель политики и принимать меры к повышению их добычи. Но если технические успехи и продукция благородных металлов находятся в зависимости от государства, то они, в тоже время являются и условиями государственного развития: без техники доменных печей нельзя изготовить пушек, а следовательно, нельзя создать современной армии. Без компаса и астролябии были бы невозможны ни открытие Америки, ни колониальные государства. Без открытия богатых серебряных копей и золотых россыпей в Америке были бы невозможны ни современная налоговая система, ни государственный кредит, ни армия, ни профессиональное чиновничество, ни современное государство вообще. Но техника и продукция благородных металлов стоят в свою очередь в теснейшей зависимости друг от друга: без драги и ртутного метода обработки была бы невозможна массовая добыча серебра, а без усовершенствования чеканного дела была бы невозможна современная валютная система. И наоборот — без погони за золотом не были бы возможны столь быстрые успехи в области техники.

Государство, техника и продукция благородных металлов являются как бы основными условиями капиталистического раз-

вятия, предполагая, конечно, волю к капитализму, как основной элемент нового духа. Влияние каждого из этих основных условий можно проследить в отдельности.

Государство с помощью своего войска создает для капитализма обширный рынок и вносит в общественную жизнь дух порядка и дисциплины. Благодаря церковной политике государства появляются еретики, и так как по причинам религиозного порядка они вынуждены переселяться, то вместе с ними появляются и «иноземцы»: два элемента, необходимые при построении капитализма. Государство проникает в далекие области, завоевывает колонии и с помощью рабов способствует возникновению первых капиталистических крупных предприятий. Сознательное политическое вмешательство государства охраняет капиталистические интересы и содействует им.

Техника впервые делает возможным (и необходимым) производство и транспорт в больших размерах; новые методы открывают путь новым отраслям промышленности, вырастающим в рамках капиталистической организации.

Благородные металлы во многих отношениях воздействуют на хозяйственную жизнь и уже самым своим изобилием творят чудеса: они преобразуют рынок в выгодном для капиталистического развития направлении и усиливают капиталистический дух, повышая стремление к наживе и способствуя совершенствованию счетоводства.

Таким образом государство, техника и благородные металлы непосредственно воздействуют на капитализм. Но в еще большей степени они содействуют развитию его косвенно, поскольку они осуществляют ряд других важных для него условий.

Именно благодаря совместному влиянию этих факторов становится возможным возникновение буржуазного богатства (пятый отдел). Но богатство это является необходимой предпосылкой капитализма, ибо благодаря ему с одной стороны облегчается образование капитала, с другой стороны создается расходный фонд, играющий важную роль при новых формах потребности в благах (шестой отдел). Только благодаря этому преобразованию потребностей получается возможность широкого сбыта, необходимого для капитализма. Но преобразование это оять-таки происходит под влиянием трех основных сил: государства, техники и добычи благородных металлов, действующих отчасти непосредственно (потребность в предметах роскоши при дворах, потребности войска, потребности кораблестроения, потребности колоний), отчасти косвенно, через посред-

ство буржуазного богатства (потребность в предметах роскоши у новых богачей).

Обеспечение рабочими силами (седьмой отдел) происходит под воздействием техники; по большей части оно достигается прямом или косвенном посредстве государства.

В предпринимательском классе (см. восьмой отдел, где говорится и об его происхождении), оживают силы, предназначенные для того, чтобы все эти элементы, анализированные нами в отдельности, сочетать в космос капиталистического хозяйства. Силы эти действуют определенным образом и притом действуют различно, в зависимости от их происхождения; но в свою очередь они обусловлены всеми обстоятельствами, перечисленными в этой книге, и испытывают на себе их влияние. Государство влияет на их взаимосочетание, поскольку оно выдвигает из своей среды многочисленных руководителей новых хозяйственных форм и поскольку политика его, как я уже говорил, создает важные типы новых хозяйствующих субъектов; благодаря возникновению буржуазного богатства в небуржуазных кругах населения рождается стимул к предпринимательской деятельности, задающейся целью наживы, во многих случаях впервые создаются материальные предпосылки предпринимательской деятельности и т. д.

Описать все это в отдельности и является задачей настоящего труда. Историческому описанию я должен предпослать еще одно ограничительное замечание: в нижеследующих семи отделах этой книги вскрываются предварительные условия капиталистического хозяйства, сделавшие возможным его развитие на его начальной стадии, до конца ранне-капиталистической эпохи. Чтобы капитализм мог вступить в эпоху высокого развития, должны были осуществиться другие условия, как это мы ниже и покажем. Пока они не были осуществлены, т. е. приблизительно до второй половины XVIII в., оставались в силе «препятствия», мешавшие капиталистическому развитию.

Что это были за препятствия, мы скажем в свое время.

Теперь мы должны внутренне пережить, осознать и ясно представить себе ту огромную массу запутанных и нередко взаимно перекрещивающихся фактов, сочетание которых впервые сделало вообще возможным капиталистическое хозяйство. Постоянное соотнесение всех событий и фактов к одному вопросу: что обозначают они для развития капитализма? — поможет нам овладеть огромной грудой имеющегося у нас материала.

ВТОРОЙ ОТДЕЛ.

ГОСУДАРСТВО.

Глава XXI.

Сущность и происхождение современного государства.

I. Понятие современного государства.

Материальный феномен княжеского государства или абсолютного государства, развертывающийся в Европе на исходе средних веков, заключается в том факте, что большое число людей (т. е. большее число людей, чем сколько живет в городской общине или в «сельском округе»), подчиняясь воле государя (или его наместника), служат интересам этих властителей. Люди эти не связаны никакими узами общности — ни узами крови, ни соседскими связями, ни отношениями феодальной зависимости, — и их «объединение», носящее «механический», а не «органический» характер, не вырастает, а намеренно создается под влиянием рациональных соображений. В этом заключается существенная разница данного образования от всех более ранних политических союзов людей.

Стремление к бесконечному, преисполняющее новое время, впервые обнаруживается в государстве и достигает с его помощью наиболее яркого своего проявления. Сперва сильные индивидуумы превращаются в «тиранов», а затем постепенно как бы перерастают самих себя и начинают воплощать в своем лице идею государства. «Государство — это я» имеет еще и другой смысл: «я — это государство». В этом превращении государственных интересов в государственные интересы и заключается особенность европейского государственного развития, резко отличающая это последнее от всех восточных деспотий. Государственное благо оказывается тождественным с благом государя, из неограниченного полномочия которого возникает идея верховной власти.

Но подобно тому как идея государства отделяется от личности

государя, являющегося отныне только видимым вождем государства, «телесной формой его проявления», и приобретает самостоятельное значение, точно так же и идея верховной власти отъединяет народ от государства, как нечто отличное от этого последнего. Только тогда государственная идея и приобретает в сущности широкий размах; только тогда она оказывается способной служить регулятивным принципом для бесконечного стремления к власти и в то же время расчищает дорогу для этого стремления.

Освобожденное от органических ограничений, создаваемых общей принадлежностью к одному народу, государство развивается по механическим принципам и превращается в абсолютное государство. В области внешних отношений это проявляется в том, что государство стремится к безграничному расширению, пытаясь достичь этого с помощью современного массового войска, механически расчлененного и благодаря этому способного к неограниченному увеличению, другими словами проявляется в том, что оно становится государством, основанным исключительно на силе; в области внутренних отношений это проявляется в том, что все области жизни государство хочет подчинить сознательному регулированию и сделать свою волю единственным источником всего живущего, другими словами в том, что оно становится полицейским государством.

Между рядами развития новой государственной жизни и новой хозяйственной жизни наблюдается редкая согласованность. Но совершенно напрасной была бы попытка «выводить» один комплекс явлений из другого — хозяйство из государства или государство из хозяйства. И то и другое вырастает из общего корня и взаимно обусловливает и определяет друг друга.

Что государство живет своей собственной, особенной жизнью и идет своими собственными путями независимо от всякого хозяйства, мы увидим, как только бросим взгляд на ход его развития.

II. Происхождение современного государства.

Часто пытались ответить на вопрос, откуда произошло современное государство и что послужило для него образцом, причем на вопрос этот давались самые различные ответы. Если считать императора Фридриха II первым государем нового времени, как это делают многие, то можно притти к выводу, что конституция 1231 г. явилась источником современного государства и что это

последнее сложилось, следовательно, под византийским или арабским влиянием¹.

И в самом деле, конституция Фридриха впервые намечает целый ряд вполне современных принципов управления и создает профессиональное чиновничество, зародившееся еще во времена Роджера, но в систематическом и разработанном виде проявившееся лишь в конституции Фридриха. Однако сейчас же возникают сомнения. В государстве Фридриха II многие существенные его элементы носили еще средневеково-феодальный характер: в основу военного дела положена идея лена, встречаются и другие подобные особенности. С другой стороны, сомнительно, чтобы государства эпохи возрождения действительно вели свою родословную от государства Фридриха. В самой Сицилии, особенно на примыкавшей к ней части материка, принципы конституции Фридриха скоро были вытеснены другими законами. Даже законодательство Фридриха II не могло справиться в Неаполе с феодализмом: в эпоху Анжуйской династии феодализм снова сделался основой неаполитанской конституции и хозяйственной жизни и проводился столь последовательно, что еще 200 лет спустя это вызывало удивление у француза Коммина: всюду строго поддерживалась связь между владением и государственной должностью, государственной должностью и придворной службой. Мы должны вспомнить также и то, что одним из первых государей нового типа был Альфонс Арагонский, который царствовал в Неаполе от 1416 до 1458 г. и которого мы обычно называем «образцовым королем Ренессанса». Может быть он привнес с собою на трон идеи своих предшественников, может быть в его политике сказывалось турецкое влияние. Ведь в это время уже начинали изучать и превозносить османскую империю, которая в XVI в. стала в центре внимания всех государственных людей и о которой Лютер писал: «Говорят, что нигде нет такого прекрасного светского правления, как у турок»..

Но может быть для объяснения генезиса современного государства нам совсем не следует устремлять наши взоры на страны Востока и может быть элементы европейского средневекового общества совершенно достаточны для того, чтобы вывести из них абсолютную власть государей, а вместе с нею и современное государство. По моему мнению, значительная часть принципов и идей, положенных в основу современного государственного

¹ Hans Wilda, Zur sizilischen Gesetzgebung, Staats- und Finanzverwaltung unter Kaiser Friedrich II und seinen normannischen Verfahren. J.-D. 1833.

искусства, логически развилась из круга представлений средневекового города, наиболее чистую свою форму принявшего в Италии. Прежде всего в итальянских городах и государствах-городах XIV в. уже вполне разработаны обе основные идеи абсолютного государства: рационализм и стремление к всестороннему регулированию. «Строгая обдуманность всех средств, о чем ни один из тогдашних неитальянских государей не имел представления, а также почти абсолютная полнота власти внутри государственных границ породили здесь совершенно особых людей и особые формы жизни» (Буркхардт). «Уже в эпоху Треченто в Италии говорят, что государь должен быть самостоятельным и независимым от придворных, но при этом должен управлять скромно и просто и заботиться обо всем. Он должен строить и поддерживать общественные здания, содержать городскую полицию, осушать болота, надзирать за запасами вина и хлеба, соблюдать строгую справедливость, так назначать и распределять налоги, чтобы народ понял их необходимость и нежелание правителя пользоваться кассами других, должен поддерживать бездомных и больных, давать защиту выдающимся ученым и общаться с ними». Но и влияние итальянского развития на прочие европейские государства нельзя бесспорно устновить в каждом отдельном случае. Не подлежит, однако, сомнению, что государственный строй и государственное искусство итальянского Ренессанса до чрезвычайности занимали, привлекали и отталкивали не только теоретиков, но и весь вообще политический мир. «Обмирщение государства выразилось здесь более открыто и ясно, чем где бы то ни было. Власть открыто признана была здесь самоцелью, польза государства возведена в высший закон, по сравнению с всемогуществом которого всякие моральные и религиозные соображения... должны были отступать на задний план».

Выведение идеи современного государства из итальянских городов-государств получит для нас еще большую убедительность, если мы вспомним, что и самое слово «государство» (*Staat*) в современном смысле впервые стало употребляться в итальянском языке. Слово *«stato»* сначала связывалось с именем города (*stato di Firenze*), а затем стало применяться к каждому вообще государству. По мнению И. Буркхардта (*Kultur der Renaissance*, I⁹, 121), государством — *lo stato* — назывались властители и их приверженцы, «а затем этому слову было придано значение всего вообще бытия данной территории». В этом изменении значения ощутительно выразилась основная идея новых государей: идея, что благо государя становится благом государства¹.

¹ Ср. также Г. Еллинек, Общее учение о праве (нем. ориг.), изд. З-е, 1914, стр. 131 и сл.

Когда эти идеи распространились на более широкие области и из мелких тиранов итальянских городов-государств выросли «короли», желавшие осуществлять в своих обширных владениях ту же полноту власти, какой пользовались тираны в своих крошечных княжествах, возникла мысль о том, чтобы эти новые отношения господства поставить в связь со старым понятием *«imperium»*. С помощью римского права учителя государственного права XVI и XVII вв. выработали современное понятие суверенитета: этим самым «они дали просвещенному деспотизму моральное оправдание и силу внутренней убежденности, в которых он чрезвычайно нуждался при проведении своей произвольной политики». Боден (1530—1596), начавший это дело, определял суверенитет (*majestas*), как «верховную власть над гражданами и законодательством» и таким образом теоретически обосновывал практическое изречение: «государство — это я». Оправдание государственной централизации, которое дали Боден, Гоббс и др. в области формального учения о государстве, Монкретьен дал в области материального учения о государстве. Современное большое государство превратилось таким образом в систематическое единство, после того как оно было фактически вызвано к жизни «тремя магами», как называли великих королей, царствовавших в конце XV в. — Фердинанда Католика, Людовика XI и Генриха Тюдора.

Дальнейшее свое подкрепление абсолютное государство находит в протестантизме, впервые по-настоящему обосновавшем понятие христианского государства и христианской власти, как непосредственно проистекающих от бога¹.

В последующие столетия идеи этого абсолютного государства и его политики, в особенности его хозяйственной политики, распространились по всем странам. Хотя просвещенный деспотизм нашел быть может своих типичных представителей в лице короля-Солнца и прусских королей, тем не менее основные принципы его политики одинаково применялись и в голландских свободных государствах и в конституционной, республиканской и самодержавной Англии. Мы можем проследить в деталях, каким образом политика одной страны навязывает другой стране применение тех же принципов: так, например, политика Англии и

¹ Эта связь весьма обстоятельно выяснена в статье С. В. Hundeshagen, *Über einige Momente in der geschichtlichen Entwicklung des Verhältnisses zwischen Staat und Kirche* в *Zeitschr. f. Kirchenrecht*, 1 (1861), 232 и сл., 444 и сл.

в особенности Франции вовлекла Голландию в фарватер меркантилизма, по которому она продолжала плыть и в XVIII в., когда дело шло об охране отраслей промышленности, созданных французскими эмигрантами¹.

III. Значение государства для капитализма.

Такое искусственное объединение многих людей под властью одного лица приводит прежде всего к следующим важным последствиям.

Чтобы была достигнута цель абсолютного государства, именно использование населения обширной территории применительно к государственным нуждам, создается определенная система средств, оказывающая сильнейшее влияние на дальнейший ход человеческих судеб: нужно собрать силы, нужно побудить людей к совершению определенных действий или к отказу от них. Так возникает «организация» аппарата управления. Эта система средств господства начинает затем жить самостоятельной жизнью и в дальнейшем ходе истории действует и как субъект и как объект.

Во-вторых, «подданные», т. е. объекты государственных целей, испытывают влияние государства в сфере своей личной жизни: государственные учреждения вмешиваются в жизнь каждого индивидуума и вместе с тем устанавливают среди многих людей большую общность жизненных отношений, связывая тех, которые раньше не были связаны друг с другом.

Как мы знаем, долгая эпоха от конца крестовых походов до конца XVIII в., т. е. как раз промежуток времени, именуемый нами эпохой раннего капитализма, отмечен в Европе развитием абсолютизма, в рамках которого чисто внешним образом начинает развиваться современный капитализм.

Но значительная часть жизненных проявлений современного государства стоит и в некоторой внутренней связи с генезисом современного капитализма, так как они в одних случаях служат предпосылками этого последнего, в других — благоприятствующими ему обстоятельствами, в третьих — препятствиями. Связь эта более тесна, чем могло бы показаться с первого взгляда, ибо если сознательное и прямое содействие капиталистическому развитию проявляется только в хозяйственной политике меркантилизма, то другие стороны государственной жизни неумышленно

¹ E. Laspeyres, Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschaauungen der Niederländer (1863), 124 и сл., 134 и сл.

и косвенно оказали чрезвычайно большое влияние на ход капиталистического развития, как мы это покажем в деталях в дальнейшем изложении.

Области государственного управления, важные в этом отношении для нашего исследования, таковы:

- 1) армия;
- 2) промышленная и торговая политика;
- 3) транспортная политика;
- 4) монетная и валютная политика;
- 5) колониальная политика;
- 6) церковная политика;
- 7) рабочая политика;
- 8) финансовое хозяйство.

Шесть первых областей рассматриваются в этом отделе, ибо они являются исключительно отражениями государственной власти и могут быть поняты только как таковые. Наоборот область политики, упомянутая под пунктом 7, должна рассматриваться в связи с другими явлениями, возникающими на более поздней стадии идеиного развития, так как без этого последнего указанная отрасль политики была бы непонятна. Поэтому она составляет содержание особого отдела.

Государственное финансовое хозяйство, согласно плану этой работы, будет рассматриваться в следующей связи: 1) в главе о деньгах; 2) как «препятствие» для капиталистического развития (II том); 3) как стимул, способствующий жизненному проявлению капиталистической сущности (выяснение и генетическое описание этой стороны дела будут даны в одном из более поздних томов — биржа, фондовые бумаги и т. д.); 4) поскольку финансовое хозяйство современных государств служит источником обогащения, постольку оно подробно рассматривается в отделе, посвященном истории буржуазного богатства.

Имело бы мало смысла указывать литературу относительно этих немногих общих замечаний, касающихся сущности и происхождения современного государства, ибо они должны быть лишь введением к дальнейшему. Несколько я знаю, работ, которые бы принципиально и с общей точки зрения освещали указанную проблему, не имеется. Сочинения вроде J. Ferragli, *Histoire de la Raison d'Etat*, 1850 (впрочем ценное благодаря библиографии итальянской политической литературы XVI и XVII вв.), Franz Oppenheimer, *Der Staat* (1907) и т. п. носят слишком общий характер, чтобы существенно уяснить вопрос. Работа Меламеда — Sam. Max Melamed, *Der Staat im Wandel der Jahrhunderte* (1910) не содержит в себе того, чего заставляет ждать заглавие: она рассматривает не государство, а изменение теорий государства. Некоторые из общих курсов

государственного права содержат в себе короткие исторические обзоры различных государственных форм прошлого, как, например, указанные выше книги Елиинека, Меламеда (стр. 287 и сл.). Но в большинстве случаев авторы ссылаются на исторические описания, касающиеся данного периода. Человек, интересующийся общим ходом развития, найдет больше всего сведений в непревзойденной до сих пор работе Буркхардта *Культура Ренессанса*, а также в сочинениях Ранке, особенно подробно рассматривающих как раз XVI, XVII и XVIII вв. К сожалению, в тех частях, которые касаются истории хозяйства, Ранке почти совершенно непригоден. Из более новой литературы следует указать на тот том коллективного издания «Kultur der Gegenwart», который трактует о «государстве и обществе нового времени» (авторы Бецольд, Готгейн, Козер) и в котором особенно ценной является работа Бецольда об эпохе реформации.

Само собою разумеется, что сферы этих вопросов касается и литература, описывающая теории государства в их историческом развитии. Интересную попытку обрисовать образование современных государств главным образом с географической точки зрения мы находим в книге Aug. Himply, *Histoire de la formation territoriale de l'Europe centrale*, vol. 2, 1876.

Г л а в а XXII.

Армия.

Предварительные замечания. Литература.

Новое абсолютное государство построено из крови и железа. И в области внутренних, и в области внешних отношений его силы и величина определялись силой его меча. Развитие нового государства и развитие армии являются поэтому равнозначными понятиями. Вследствие этого каждый, желающий сказать что-либо о новом государстве, должен исследовать своеобразие военных отношений.

Об основании и расширении новой армии я говорю, однако, не только поэтому, но и потому, что именно с этой стороны капитализм получил чрезвычайно сильную и широкую поддержку: полное развитие милитаризма есть одно из предварительных условий капитализма.

Выяснению связей между милитаризмом и капитализмом посвящено мое исследование «Война и капитализм» (1912), к которому я и отсылаю читателя, желающего познакомиться с данной темой более основательно, чем это сделано здесь. В приложении к этой книге читатель найдет подбор наиболее важных сочинений по военным наукам, который может послужить ему литературным указателем, если он захочет поглубже проникнуть в область военно-исторических проблем.

В согласии с общим планом настоящей работы, в этой главе я рассматриваю прежде всего только военную организацию новой армии и флота, созданных государственным управлением, а также способ их возникновения, поскольку это необходимо для общего понимания. Влияние новой организации военного дела на ход капиталистического развития выясняется позже в соответствующих местах.

I. Возникновение современной армии.

1. Развитие новых форм организации.

а) Сухопутная армия.

Новая армия есть постоянная армия и кроме того государственная армия. Обе проявлявшихся ранее тенденции — тенденция к тому, чтобы сделать государя, как представителя государства, единственным военачальником, и к тому, чтобы дать в его распоряжение постоянные отряды, — продолжают действовать до конца, т. е. до тех пор, пока принципы эти не достигают общего признания. Эта победа обоих принципов находит свое

внешнее выражение—мы пожалуй сказали бы символическое выражение, если бы оно не имело в то же время столь реального значения для осуществления основных идей новой армии—в создании постоянных запасов денежных средств, предназначенных для организации и снаряжения постоянных государственных войск. В распоряжении этими средствами государь должен быть совершенно свободен, дабы длительность существования армии и административное руководство ею находились в полной зависимости от его воли. В этой созданной отныне материальной мощи государя оба главных признака армии—её постоянство и ее государственный характер — как бы сами собой объединяются в некоторое органическое единство. Государь располагает теперь «средствами и людьми», благодаря чему обеспечивается существование армии в ее новой форме, и она становится тем, чем она должна была быть — мечом в руках государя, помогающим правителю укрепить свое положение. Ибо в мире политики «государь не пользуется никаким уважением, если он не располагает средствами и людьми», как выразился Великий Курфюрст в своем политическом завещании 1657 года.

Человек, постигший внутреннюю связь этих трех моментов—создания средств, постоянства армии и государственного управления ею — и понявший их огромное значение для развития современного войска, конечно будет склонен смотреть на реформы французского короля Карла VII, как на нечто, открывающее новую эпоху¹. То, что происходило во Франции в середине XV века, повторилось в других европейских государствах двумя столетиями позднее. В Англии консолидация армии произошла лишь в эпоху республики².

Как мне кажется, для Германии, т. е. для германских владельческих князей, решающую роль сыграл § 180 резолюции рейхстага от 17 мая 1654 года.

В начале XVIII в. новая армия со всеми ее государственно-правовыми и административно-техническими особенностями окончательно сложилась. В Пруссии, которая отныне в военном отношении становится передовой страной, кабинетский указ от 15 мая 1713 г. отмечает завершение преобразований³.

¹ Яснее и скатее всего говорит об этом Ранке, «Французская история», I³ (1877), 55 и сл. Ср. мою книгу «Война и капитализм», 25 и сл.

² Источники см. у J. W. Forlescue, History of The British Army, I (1889), 204.

Впервые на это указал M. Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaften (1888—1891), 2, 1554. Ср. G. Schmoller, Die Entstehung des preußischen Heeres, в его «Очерках», 267.

Но когда мы представляем себе «новую армию» во всем ее своеобразии, то кроме ее государственных и административных особенностей мы ясно замечаем еще и другие черты: новая армия носит совершенно особый военно-технический характер. Именно, она представляет собою коллективное войско, массовое войско, войско, состоящее из множества отрядов, и этим резко отличается от всех средневековых армий.

Особенность такой массовой армии заключается в том, что ее боевое значение определяется прежде всего ее величиной, много-головой массой бойцов, объединенных в единую тактическую единицу и одушевленных одним общим духом. Единство духа создается распоряжениями, исходящими от вождей. Функции (духовного) руководства и (физического) исполнения таким образом разделены и выполняются различными лицами, между тем как раньше они сочетались в одном и том же лице. Здесь произошел тот же процесс дифференциации, который так характерен для всего культурного развития нового времени.

Сейчас же навязывается аналогия с развитием организационных форм хозяйственной жизни, переходившей от ремесла к капитализму.

Эта дифференциация руководящих и исполнительских функций влечет за собою целую массу явлений, отличающих современную армию: прежде всего тренировку и дисциплину, с помощью которых механически устанавливается связь между руководящими и исполнительскими органами. «Маршировка в ногу», которую некогда практиковали греки и римляне и впоследствии усвоили швейцарцы и шведы и которая была введена в прусской армии Леопольдом Дессауским, становится как бы символом нового века.

Конечно, новый абсолютизм создал бы указанную форму воинского устройства даже без всяких исторических образцов, совершенно так же, как современный капитализм с принудительной необходимостью должен был развивать из своей глубочайшей сущности крупно-производственные формы трудовой организации, ибо эти внешние формы проявления были уже заключены и в том и в другом.

Новый абсолютизм должен был сам создать дифференциированную массовую армию, ибо только такая армия удовлетворяла его стремлениям к расширению, к властованию. Техника оружейного дела также оказала здесь некоторое влияние. Но для развития новой военной организации она не была первичной причиной (подобно тому как техника при развитии крупно-производственных форм в рамках капиталистической хозяйственной сист-

темы — это сравнение невольно приходит нам в голову снова и снова — также не была первичной причиной). Тактическая единица карре, в которой впервые нашла себе выражение массовая армия, в техническом смысле базировалась на пике и ее пришлось сильно видоизменить, чтобы дать возможность пользоваться огнестрельным оружием. Впоследствии техника огнестрельного оружия с ее монотонными механическими приемами естественно укрепила организацию массового войска, придала этому последнему как бы автоматические черты и сделала необходимым тот строй, который раньше был усвоен по свободному выбору (подобно тому как техника пара привела от мануфактуры к фабрике).

Но первоначально форма массовой армии была создана по воле нового государя, чтобы дать возможность его глубочайшей сущности проявляться во-вне, ибо только массовая армия обладала способностью к быстрому и непрерывному расширению. Дифференциация руководящего и исполнительского труда и обусловленная ею механическая передача навыков послужили средством, с помощью которого любое количество необученных людей можно было превращать в хороших бойцов. По мере того как тактический успех все в большей и в большей степени строился на массовых действиях, а распространение огнестрельного оружия делало это все более и более неизбежным, — естественно увеличивалась и необходимость укрупнения армий, от размеров которых (при прочих равных условиях — одинаковой подготовке, снаряжении и т. д.) зависела отныне мощь государства.

б) Флот.

Организация морской войны, конечно, обнаруживает много общих черт с организацией сухопутной войны. Прежде всего во флоте мы встречаем такие же формы воинского набора, как и в сухопутном войске: во флоте также существуют и ополчение, и наемное войско, и кондотьеры.

Но гораздо многочисленнее и значительнее признаки, отличающие морскую войну от сухопутной. Во-первых, на море никогда не существовало рыцарей. В силу чисто внешних причин в морской войне совершенно отсутствовали те единичные бойцы, которые выросли на родной почве собственных поместий и которые придавали столь характерный отпечаток армиям средневековья. Во флоте тактика с самого же начала должна была базироваться на массовом действии. Правда, при абордаже вра-

жеского корабля завязывался рукопашный бой, но военные успехи зависели главным образом от хорошего маневрирования судна, а это маневрирование всегда выполняется многими людьми, исполняющими приказания одного человека. Какая огромная разница (именно в эти столетия) между битвой рыцарей и сражением каких-нибудь венецианских и генуэзских галер, где сидят за веслами сотни рабов!

Вторая особенность морской войны заключается в том, что ведение войны требует здесь чрезвычайно большой затраты материальных средств, нередко отодвигающих далеко на задний план личную деятельность сражающихся. Кроме полного снаряжения бойца необходимо еще снарядить судно, а для изготовления этого последнего и приведения его в движение необходимы гораздо большие средства, чем для военной экипировки отдельного воина и даже для покупки боевого коня.

Замечательно то, что эти важнейшие средства морской войны всегда имел в своем распоряжении обыкновенный купец в лице своих торговых кораблей.

В силу этих своеобразных особенностей уже с ранних времен во флоте сложилась военная организация, исключительно свойственная морской войне: для военных целей использовался торговый флот. Эта система применяется в течение всех средних веков у всех наций Европы, занимающихся мореходством¹.

С другой стороны, доминирующее значение в морской войне материальных средств уже довольно рано привело к созданию постоянного флота. Если государь имеет возможность строить корабли, то они на долгое время остаются в его распоряжении, ибо они не требуют, как воины, все новых и новых затрат. Конечно, для ведения войны нужны еще матросы и морские солдаты. Но корабли являются для государя существенной частью его военных сил, частью, которая «постоянна» до тех пор, пока пригодны к службе корабли. Повидимому, короли и города уже с ранних времен стали заводить собственные суда². О государствование военного флота относится к гораздо более отдаленным временам, чем огосударствление сухопутных армий. Судебные полномочия короля послужили вероятно соединительным мостом между самостоятельными корабельными командами и суверенной королевской властью³.

¹ См. «Война и капитализм», стр. 35.

² Там же, стр. 35.

³ Так обстояло дело в Англии—см. Laird Clowes, The Royal Navy, 1897, и по Франции—«Война и капитализм», стр. 36.

2. Увеличение численности армий.

Как я уже сказал, свойственная новой армии тенденция к увеличению в данном случае является для нас наиболее важной ее особенностью, ибо, как мы увидим из дальнейшего изложения, тенденция эта повлекла за собой чрезвычайно существенные экономические последствия.

Чтобы дать более ясное представление о росте новых армий, я приведу здесь цифры армий в главных государствах.

а) Сухопутные армии.

Один из важнейших выводов, к которым пришел Ганс Дельбрюк в III томе своей «Истории военного дела»¹, заключается в том, что армии средних веков были вообще гораздо меньше, чем это до сих пор предполагали. Таким образом в отношении военного дела доказывается то же самое, что я говорил о торговле и что многими другими еще раньше доказывалось в отношении населения, особенно численности жителей городов: чрезвычайно малые размеры средневекового мира (в сравнении с которыми тем импозантнее оказывается его внутреннее величие). Раньше полагали, что в битве при Гастингсе участвовали сотни тысяч, даже миллионы (один из подсчетов называет цифру 1200 тыс.), между тем как на самом деле нормандское войско насчитывало вероятно менее 7 тыс. воинов и уж во всяком случае не больше, а войско Гаральда было еще слабее — от 4 тыс. до 7 тыс. человек.

Даже армии крестовых походов, эти наиболее крупные армии средневековья, сравнительно малочисленны: наибольшее число рыцарей, принимавших участие в одном из палестинских сражений, можно определить в 1200 человек, а число пеших воинов — в 9 тыс. человек.

Величайшей армией средневековья было войско, собранное Эдуардом III в 1347 г. под Калэ; оно состояло из 32 тыс. человек, что, как прибавляет Дельбрюк², «для средних веков было неслыханной военной силой». Кроме того, оценивая эти цифры, мы всегда должны принимать во внимание, что эти большие армии можно было сохранять в целости лишь очень короткое время.

¹ H. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte, Bd. III, Das Mittelalter, 1906.

² Г. Дельбрюк, указ. соч., стр. 476; остальные цифры можно найти там же, стр. 153, 229, 344, 363, 404. Относительно дальнейшего см. также «Война и капитализм», стр. 37 и след.

По сравнению с этим новые армии уже в конце XVIII в. — момент, до которого мы прослеживаем здесь их развитие — выросли до гигантских размеров.

Силу постоянных армий всех европейских государств во второй половине XVIII в. указывает осведомленный сотрудник энциклопедии Крюница (т. 50, стр. 746). Его статьи о военном деле, заполняющие 50, 51 и 52 томы и обнаруживающие большое знание вопроса, дают точные сведения, на основании наилучших источников, о каждом отдельном государстве, вплоть до Мекленбург-Стрелица, военные силы которого определялись в 50 человек. Согласно этим данным численность войск в 4 важнейших военных государствах составляла:

в Австрии в мирное время	297 000	человек.
» » в военное время	363 000	»
» России регулярные войска	224 500	»
» Пруссии	190 000	»
» Франции	182 000	»

б) Флот.

а) Итальянские государства.

В XIII в. самой крупной морской державой Европы была генуэзская республика. Даже на нашу современную мерку ее военный флот в это время был не мал, а для средних веков он кажется даже невероятно большим. Но в цифрах вряд ли приходится сомневаться — они возбуждают доверие хотя бы тем, что они не круглы. Источник — *Annales Januenses*. Даже осторожный Гейк¹ считает, что они соответствуют действительности.

Уже в середине XII в. (1147—1148) против испанских сарацин было выслано 63 галеры и 163 других судна. В 1242 г. в сражении с сицилийско-пизанским флотом принимали участие 83 галеры, 13 тарид и 4 больших грузовых корабля. В 1263 г. в греческих водах крейсировало 60 генуэзских военных галер. В 1283 г. на службе республики состояло 199 галер, считая и более мелкие суда. Если принять в расчет, что на галере было 140 гребцов, то окажется, что на 199 галерах имелось 27 860 гребцов (не считая солдат!). Придется предположить, что 199 галер снабжались экипажем и посыпались не сразу, а одна за другой. Мы располагаем данными и о величине морского ополчения: в 1285 г. республика из своего приморского округа послала на военную службу 12 085 человек, из которых 9 191 были гребцы, 2 615 — морские

¹ Ed. Neusek, Genua und seine Marine, 1895. Превосходная работа.

солдаты и 279—шкипера (*pauclerii*). Все эти ополченцы распределялись между 65 галерами и одним галионом.

β) Испания.

«Непобедимая Армада», разбитая Англией в 1588 г., при отплытии своем из Лиссабона (к моменту боя выбыло из строя два корабля), состояла из 130 парусных судов и 65 галер. Эти корабли имели 57 868 тонн вместимости и экипаж в 30 656 человек, «не считая добровольцев, священников и прочих цивильных лиц»¹.

γ) Франция.

Французский военный флот достигает импонирующей величины главным образом благодаря Кольберу.

При смерти Кольбера (1683) общее число готовых военных кораблей возросло до 176², не считая 68, находившихся в постройке. Таким образом общий состав флота составлял 244 судна. Из этого числа:

судов первого ранга было	12
» второго »	20
» третьего »	39
» четвертого, пятого и шестого ранга было	71
» вспомогательных было	44

δ) Нидерланды.

На протяжении XVII в. голландский военный флот в несколько десятилетий из ничтожного зародыша вырастает в первоклассный и вероятно наиболее сильный флот Европы. Еще в 1615—1616 гг.³ нидерландские морские силы состоят лишь из 43 по большей части небольших кораблей, из которых 4 имеют по 90 человек экипажа, 11—между 50 и 80, 9—по 52, а 19 еще меньше. Таким образом общее число экипажа составляло от 2 до 3 тыс. человек. В 1666 г. Соединенные Нидерланды противопоставили англичанам флот из 85 кораблей с экипажем в 21 909 офицеров и матросов.

ε) Швеция.

В XVI и XVII вв. Швеция была значительной морской державой. Ее военный флот зарождается при Густаве Вазе в 1522 г. В 1566 г. в списке кораблей числится уже 70 судов. В начале XVII в. ко-

¹ C. F. Duro, *La Armada Invincible*, 1884, док. 110; цит. у Лерд Клоуса, I, 560.

² По официальным спискам, см. E. Sue, *Histoire de la mar. française*, т. IV, 1837, 4, 170.

³ J. C. de Jonge, *Geschiedenes van het Nederlandsche Zeewesen*, Bd. X, 1858, v. I, прил. XII.

раблестроение переживает новый подъем: в 1625 г. строится 21 новый корабль и приводится в готовность 30 галер¹.

γ) Англия.

Быстрый рост этой величайшей европейской морской державы можно сравнить только с внезапным ростом прусской армии. Развитие английских морских сил начинается приблизительно со времени Генриха VIII².

В конце рассматриваемой нами эпохи состав английского флота был таков (на 31 мая 1786 г. по регистрам адмиралтейства):

292 военных корабля, из которых

114 линейных кораблей,

13 пятидесяти-пушечных кораблей (похожих на линейные корабли),

113 фрегатов,

52 военных шалупы.

Линейные корабли имеют от 500 до 850 человек команды. На постоянном жаловании состоят 18 тыс. человек, в том числе 14 140 матросов и 3 860 человек морской пехоты.

Общий тоннаж уже в 1749 г. составлял 228 215 тонн.

Состав военного флота европейских государств в конце XVIII в. (по Крюнику, см. примечание на стр. 300) был таков:

Великобритания	278	военных кораблей (в том числе 114 линейных кораблей).
Франция	221	военный корабль.
Соединенные Нидерланды	95	» »
Дания и Норвегия	60	вооруженных торговых судов.
Сардиния	32	военных корабля.
Венеция	30	» »
Обе Сицилии	25	» »
Швеция	25	линейных кораблей.
Португалия	24	военных корабля.
Папская область	20	» »
Тоскана		«несколько фрегатов».

II. Принципы снаряжения армий.

Организация военного снабжения³ является частью военного управления. Она ставит себе задачей обеспечить армию

¹ Приложение Я в Publ. of the Navy Records Society, XV, 1899. Для России при Петре Великом см. History of the Russian Fleet during the Reign of Peter the Great. By a Contemporary Englishman (1724). Edit. by Vice-Admiral Cyriah A. G. Bridge (вышеназванное издание).

² Подробности см. «Война и капитализм», стр. 46 и сл.

³ Подробности см. в моей книге «Война и капитализм», стр. 66 и сл.

всеми материальными предметами, необходимыми для ее существования и правильного функционирования. Эти материальные предметы таковы: 1) оружие; 2) средства передвижения, в частности лошади и телеги; 3) средства поддержания жизни, т. е. пища, одежда и жилище. В зависимости от той или другой категории благ, подлежащих доставке, возникают проблемы

вооружения,
обеспечения средств передвижения,
обеспечения питанием,
обеспечения одеждой,
обеспечения помещением.

Наиболее важные отрасли военного снабжения развивались следующим образом.

1. Вооружение.

Средневековый воин, все равно был ли он рыцарем, ополченцем или наемником, по общему правилу приносил с собой и оружие, и средства защиты.

Когда люди научились стрелять из пушек с помощью пороха, положение вещей должно было измениться в силу чисто внешних производственно-технических условий. Этот род оружия отдельный воин при всем своем желании не мог принести с собой. Поэтому уже в раннюю эпоху города и государства начинают заботиться о доставке больших орудий. Заботы их внешне выражаются в постройке цейхаузов или арсеналов, в которых хранятся пушки, предоставляемые в соответствующий момент в распоряжение военных отрядов. Сначала арсеналы устраиваются городами, впоследствии государством. Так, в XV в. город Париж имеет прекрасно оборудованный цейхауз¹; такие же цейхаузы имеют города Монс и Брюгге².

В XVI в. государи стали усиленно заводить многочисленные арсеналы. Впереди всех шли две крупнейших военных державы будущего—Франция и Бранденбург-Пруссия.

О распространенности цейхаузов до конца XVII в. во всех европейских государствах можно судить по «Новооткрытым арсеналам»³, который в IV отделе приводит список «мест, где изготавливаются, хранятся и употребляются орудия и амуниция».

¹ Boutaric, *Institutions militaires de la France* (1863), 860 и сл.

² M. Guillaume, *Histoire de l'organisation mil. sous les ducs de Bourgogne* (1847), 78, 102/3.

³ «Новооткрытый арсенал» составляет часть «Новооткрытого рыцарского зала», 1704.

Следует заметить, что в арсеналах и цейхаузах хранились не только «большие орудия, но также и оружие для рукопашного боя». Этим доказывается тот факт, что все дело войскового вооружения в эпоху от XV до XVII в. обнаруживало тенденцию к огосударствлению, ибо все сложенное в цейхаузах оружие было, конечно, предназначено для раздачи воинам бесплатно или за вознаграждение (в данном случае это последнее обстоятельство не имеет значения).

Впервые государство стало снабжать воинов оружием при созыве всенародного ополчения во время войны¹.

Затем система государственной раздачи оружия распространяется на все виды военных отрядов. В XVII в., столь многое давшем миру, перемена эта окончательно завершается. В эту эпоху мы еще ясно можем наблюдать различные переходные стадии от частных к государственным способам вооружения:

1. Воин приносит с собой часть оружия, другую же часть доставляет ему государство².

Обычной формой расплаты был вычет из жалования.

2. Начальник раздает оружие всем, а затем делает ежемесячные вычеты из жалования солдат³.

3. Иногда оружие выдается натурой, иногда солдаты получают денежное пособие на его приобретение⁴.

В то же время в течение всего XVII в. наблюдаются и случаи, когда все оружие доставляется государством⁵.

Но преобразование методов вооружения лишь тогда выяснится для нас во всем своем характерном значении, когда мы уясним себе, что огосударствлению снабженческого дела сопутствовало большее единобразие видов оружия, переход к однотипному вооружению. До XVI в. оружие для нападения и защиты, которым располагал каждый отдельный воин, отличалось от оружия всех остальных. Это наблюдалось не только у рыцарей, что было естественно, но и у пехотинцев и у новых швейцарских отрядов, которые даже после введения огнестрельного оружия пользовались

¹ M. Thierbach, Die geschichtl. Entwicklung der Handfeuerwaffen (1888—1890), 21.

² Примеры можно найти у G. Droysen, Beitr. z. Geschichte des Militärwesens in Deutschland während der Epoche des 30-jährigen Krieges, в Zeitschr. f. Kulturgeschichte, 4 (1875), 404 и сл.

³ Примеры см. у Япу, Anfänge, стр. 45.

⁴ Примеры см. в «Geschichte der Bekleidung usw. der Königl. preuss. Armee», 2, 277.

⁵ Яп, 55. «История обмундирования и т. д.», 2, 203.

всевозможными средствами рукопашного боя—боевыми топорами, палицами и аллебардами: «Калибр, форма и вид оружия представляется усмотрению тех, которые покупают или заказывают его», говорится во французском Указе 1567 г.¹.

Первым примером однотипного вооружения больших отрядов являются длинные пики ландскнехтов в XVI в.; эта однотипность непосредственно вытекала из основной идеи нового войска, основанного на массовом действии². Всюду и везде—обезличение.

Огнестрельное оружие, естественно, порождает новый производственно-технический стимул к однотипности. В конце XVI в. аугсбургские оружейные мастера доставляют баварскому герцогу Вильгельму 900 ружей, «приспособленных для одного размера пуль»³, что очевидно было еще необычно.

Теперь-то и появляется в мире оружия⁴ понятие калибра.

2. Обеспечение питанием.

Нам придется рассматривать в отдельности сухопутное войско и флот, ибо снабжение отрядов провиантом в том и другом случае обнаруживает слишком много внутренних различий.

В течение всех средних веков и вплоть до начала нового времени в сухопутных войсках существовало правило, что каждый воин сам должен заботиться о своем пропитании и что продовольствием его должны снабжать все те частные лица, которые находятся поблизости. Правило это соблюдалось в отношении всех войсковых частей—рыцарей и пехотинцев, ополченцев и наемников.

Такое положение было еще во времена Валленштейна⁵.

По мере все большего огосударствления армии регулирование снабженческого дела признается задачей государства⁶.

¹ Franc. 16691; fol. 102го у Ch. de la Roncière, Hist. de la marine française, 2, 493.

² Georg Liebe, Der Soldat in der deutschen Vergangenheit (1899), 21.

³ Jähns, Gesch. d. Kriegswissenschaften, 1, 662.

⁴ «Война и капитализм», стр. 84 и сл.

⁵ О снабжении валленштейновских войск можно найти сведения (в обоих сочинениях не очень точные) у следующих авторов: J. Heilmann, Kriegswesen zur Zeit des Dreissigjährigen Krieges (1850); V. Loewe, Die Organisation und Verwaltung der Wallensteinschen Heere (1895). Ср. также F. Foegster, Lebensbeschreibung Wallensteins, 1834 (имеется важный материал) и M. Ritter, Das Kontributionssystem W. s. (Histor. Zeitschrift, Bd. 90).

⁶ О создании государственных органов, ведавших делом снабжения (военный комиссариат) см. «Война и капитализм», стр. 118 и сл. Кроме упомянутой там литературы см. также O. Hintze, Der Kommissarius und seine

Насколько можно заметить, государственная власть начинает регулировать снабженческое дело путем своего рода косвенного снабжения: королевские чиновники и прочие власти заботятся о том, чтобы необходимое для отрядов продовольствие доставлялось солдатам-покупателям в достаточном количестве, хорошего качества и по таким же ценам, какие берутся с гражданского населения. Такие меры принимаются в XV в. при наборе швейцарского ополчения, о котором мы уже говорили¹. Еще раньше мы встречаемся с такими мероприятиями во Франции². То же самое повторяется с армиями эпохи Тридцатилетней войны³.

Но содействие государства питанию военных отрядов уже с раннего времени приобрело характер непосредственной помощи. Государь издавна имел свою личную гвардию, о прокормлении которой он должен был заботиться сам. Далее, он должен был доставлять провиант крепостям. Он должен был снабжать продовольствием отряды, посылавшиеся за море. Так, уже в средние века французский король приказывал своим бальи и сенешалям скупать провиант для упомянутых целей⁴.

Наряду с этим уже в раннюю эпоху государство поручает общественным корпорациям заботиться о пропитании войск: войскам Карла VII провинции должны были поставлять продовольствие натурой⁵.

При прогрессирующем укреплении государственного мышления государь неизбежно должен был притти к выводу, что раз он придал государственный характер своему войску, такой же государственный характер он должен придать и всему делу снабжения. Повидимому, система государственного снабжения войск впервые вполне развилаась в Испании в XVII в. Отсюда она распространялась и по другим государствам, как, например, в Бранденбург-Пруссии. Вплоть до эпохи Великого Курфюрста она практиковалась в форме «столования», т. е. о снабжении солдат должен был заботиться квартирохозяин.

Эта система полного государственного снабжения продержа-

Bedeutung in der allgemeinen Verwaltungsgeschichte. Aufsätze für K. Zeumert, стр. 493 и сл. и G. v. Below, Landtagsakten von Jülich und Berg II, стр. IX и сл.

¹ Дельбрюк, История военного дела, 3, 603 и сл.

² Boufaric, Inst. milit., pp. 277—280.

³ G. Dreyse, Beiträge, указ. соч., 623 и сл.

⁴ Бутарик, указ. соч., стр. 277 и сл.

⁵ Там же, 311; по манускрипту, хранящемуся в Британском музее. W. 115 и 2.

лась однако недолго. Практические затруднения и невыносимое положение, в котором оказывались местности, назначенные для постоянства солдат, побудили Великого Курфюрста отменить кормление армии за счет квартирхозяев и снова ввести денежное жалование. Фридрих Вильгельм I старался еще больше ограничить размеры государственного снабжения: он назначил полкам, ротам и отдельным рядовым определенное денежное жалование, за счет которого они должны были сводить концы с концами. Таким образом в течение XVII и XVIII вв. сложилась своего рода смешанная система, почти всюду покончившаяся на одних и тех же принципах: во время походов и на поле военных действий государство снабжает солдат полным продовольствием, а во время гарнизонной службы оно предоставляет каждому отдельному бойцу заботиться о своем пропитании за счет получаемого им денежного жалованья. В отдельных государствах тот или другой вид продовольствия доставляется солдату государством или квартирхозяином (так называемый *servis*).

Как только государство приняло на себя заботу о содержании солдат, т. е. как только оно стало доставлять им хлеб,— все равно всегда ли, как это делалось во Франции, или иногда, как это практиковалось в большинстве германских государств,—оно должно было позаботиться об образовании запасов, в частности о складах хлеба.

Это достигалось устройством множества магазинов, разбросанных по всей стране: во Франции это имело место уже при Генрихе IV, затем — в больших размерах — при Людовике XIII¹; в Пруссии — при Фридрихе-Вильгельме I (в 1726 г. был учрежден 21 военный склад)²; из других германских государств в том же направлении, начиная с XVI в., шли впереди всех остальных Саксония, Богемия и Бюргенланд³.

* * *

Условия во флоте совершенно иные, чем в сухопутном войске, потому что при сколько-нибудь крупных размерах судов и долгих путешествиях самоснабжение экипажа почти неосуществимо. Когда сотни или тысячи людей в течение целых недель или месяцев отрезаны от всякого общения с внешним миром, их, во всяком случае, приходится снабжать большими запасами продовольствия. Если бы каждый из матросов должен был сам до-

¹ Бутарик, 384.

² Acta Borussica, Getreidelandelpolitik, 2, 272.

³ Acta Bor., 2, 87 и сл.

бывать эти запасы, складывать их на корабле, сторожить их и затем в одиночном порядке потреблять, то это разумеется вызвало бы чрезвычайно много затруднений. Но на мелких судах, повидимому, иногда практиковался и этот вид самоснабжения¹.

Большие морские державы, т. е. Испания, Голландия, Франция и Англия, повидимому, никогда не предоставляли продовольственное дело самим корабельным командам. Различна в них была только форма коллективного снабжения судовых команд средствами продовольствия. Насколько можно судить, на протяжении многих столетий применялись две системы: французская, при которой снабжение продовольствием предоставлялось капитанам судов, и английская, при которой о продовольствии корабельного экипажа заботилось государство².

3. Одежда.

а) Системы обмундирования.

Сначала каждый воин сам заботился о своем обмундировании. Ландскнехт приносил с собой свою одежду,—такого качества и в таких количествах, какие он считал нужными. Но и воины ополченских отрядов Карла Смелого (1471), являвшихся уже своего рода «постоянным войском», должны были сами заботиться и об одежде, и об оружии³. Такое же положение вещей существовало в английском флоте в эпоху Елизаветы⁴.

Когда об обмундировании армии начинает заботиться какая-нибудь высшая инстанция, то на первых порах это часто происходит в виде косвенного обслуживания, подобно тому как это было при снабжении войск провиантром: каждомуциальному воину предоставляют экипироваться на свой счет и по своему усмотрению, но принимают меры к тому, чтобы при покупке ему давали хорошие и соответствующие цене товары.

Так поступало английское правительство в XVII в. при обмундировании своего флота⁵.

¹ Например в Генуе в XIII в.: см. Ed. Heyck, *Genua und seine Marine*, 158, 160, 169.

² Для Франции см. «Principe de M. Colbert sur la marine», перепечатано у Сю, указ. соч., I, 317. Для Англии Close Rolls, 48, 71 и закон в 15-й год царствования Иоанна, 158, приведенные у Лерд Клоуса, 1, 119.

³ M. Guillaume, *Hist. de l'organ. militaire sous les ducs de Bourgogne* (1874), 140.

⁴ M. Oppenheim, *Hist. of the administration of the Royal Navy* (1896), 138, 139.

⁵ В. Лерд Клоус, указ. соч., 2, 20. St. P. D., 11 дек. 1655; St. P. D. CXXXIV, 64; St. P. D. сентябрь, 1656; см. также Оппенгейм, 329.

Но по мере того как войска отдельных родов оружия внутренно укреплялись и сливались в единую армию, самоснабжение заменялось коллективным покрытием потребностей.

Система военного предпринимательства, практиковавшаяся в армии в XVI и XVII вв., сама собой привела к тому, что люди, заботившиеся об обмундировании войсковой части, стали полковниками или начальниками рот с того самого момента, как прекратилась система индивидуального снабжения.

Система обмундирования, приуроченная к отдельным полкам и отдельным ротам, продержалась во всех военных государствах от эпохи возникновения новой армии вплоть до XVIII в.¹.

Государство уже с ранних пор стало брать на себя обмундирование и участвовать, хотя бы частично, в экипировании войска. На первых порах оно это делало наряду с другими инстанциями: иногда оно полностью одевало известную часть отрядов, иногда брало на себя во всех войсовых частях известную часть обмундирования.

В этом последнем случае оно иногда предоставляло полковникам и командирам за соответствующее вознаграждение необходимый для одежды материал, в частности сукно для мундиров. Так было, например, в Бранденбурге-Пруссии².

Иногда государь доставлял одну часть обмундирования, а офицеры — другую³.

Другой способ участия государя в обмундировании его отрядов приводил к тому, что известная часть войска целиком снабжалась государством, и армия, следовательно, разделялась на полки, экипируемые государством, и полки, экипируемые отдельными лицами.

С самого же начала государю приходилось заботиться об экипировании своей лейб-гвардии. Даже позднее, когда лейб-гвардия значительно выросла в размерах и во Франции, например, превратилась в «войска королевского дома», главное внимание государей было направлено на то, чтобы обеспечить этой части вой-

¹ Для Англии: рукописные источники, приведенные у F. Grose, *Military Antiquities resp. a History of the English Army*, 1 (1812), 310 и сл.; Fortescue, *Hist. of the Brit. Army*, 1, 283 и сл. Для Франции: L. Merton, *L'armée de l'ancien régime* (1900), 255. Для Бранденбурга-Пруссии: Gesch. d. Bekleidung usw. der Kgl. preuss. Armee, Teil 2. Die Kürassier und Dragonerregimenter (bearb. von C. Kling), 1906, стр. 3—4.

² Jany, *Anfänge*, 33 Fr. v. Richthofen, *Der Haushalt der Kriegsheere*, Handbibliothek für Offiziere, 5 (1839), 628 и сл.

³ См., например, договор об обмундировании пехотного Ангальтского полка от 23 января 1681 г. в «Истории обмундирования и т. д.», 2, 212.

ска достаточное и дорогое обмундирование. В то же время государь выдавал мундиры и другим частям войск, в зависимости от их потребностей и от его собственных средств¹.

В XVIII в. во всех государствах военного типа обмундирование передается в ведение государства.

Образцом для организации военного снабжения послужили учрежденные в 1768 г. австрийские интендантские комиссии, которые должны были «снабжать все войсковые части и в мирное, и в военное время потребными для них мундирами, военным снаряжением, кожаными изделиями, конской упряжью и всеми вообще предметами, нужными для походов». Эти комиссии в то же время ведали оборудованием госпиталей и доставкой постельных принадлежностей².

б) Форма.

В тесной связи с изменениями систем обмундирования стоят изменения в форме одежды, особенно важные в экономическом отношении.

Если каждый воин должен сам заботиться о своей одежде, сообразуя ее со своими вкусами и средствами, то войсковая часть отличается такой же пестротой, какой раньше отличалось ее вооружение. Всякому известны картины ландскнехтских отрядов, где каждый ландскнехт носит костюм по собственному вкусу³.

Новая военная форма⁴ сложилась под влиянием чисто рациональных соображений: она рождена мотивами целесообразности, весьма остроумно и тонко обоснованными. Целесообразность эта носит вполне военный характер.

Внешней побудительной причиной являлось уже то обстоятельство, что единообразная форма дает возможность легче узнать войсковую часть и отличить ее от другой. Но к внешней причине присоединялись еще другие внутренние соображения, диктовав-

¹ Для Англии примеры можно найти у Ф. Гроз, «Военные древности и т. д.» (указ. соч.), I, 310 и сл., далее у Н. в. Hall, Society in the Elizabeth Age (4 изд. 1901), стр. 127; для Франции Л. Мансон, указ. соч., стр. 255 и сл.

² Fr. v. Richthofen, Der Haushalt der Kriegsheere.

³ Разнообразие в одежде армии наблюдается еще в XVII в. О пестрой одежде шведских отрядов во время Тридцатилетней войны см., например, у J. Heilmann, Das Kriegswesen der Kaiserlichen usw. (1850), 18; об армии Великого курфюрста см. «Историю обмундирования и т. д.» 2, 213. Поэтому еще в XVII в. войсковые части носят особые отличительные знаки: «История обмундирования», 2, 4 и приложение, 41—43.

⁴ О первоначальной форме см. «Война и капитализм», стр. 156 и сл.

шие введение единообразной формы: форма, как утверждали, создает в людях чувство солидарности, которого у них нет при отсутствии единообразного костюма.

Впоследствии великие организаторы армий выставили еще и другой мотив, — родственный, но не тожественный: они говорили, что одинаковая форма способствует дисциплинированию армии. Ожидали, что единство формы приведет к подчинению индивидуума целям целого. Без формы нет дисциплины: эту мысль высказал однажды Фридрих Великий, когда он описывал состояние армий Великого Курфюрста¹.

К этим, как я называю их, соображениям военной целесообразности присоединились впоследствии веские мотивы экономической целесообразности, точно так же требовавшие единства формы: однообразие одежды дает возможность получать и изготавливать ее массами, а это представляет немало выгод, самой главной из которых является большая дешевизна цен.

Единообразная форма распространяется по мере того, как обмундирование армии переходит в руки государства.

Итак, как только государь начинал снабжать свои войска одеждой, он вводил в них одинаковую форму. Поэтому в XVI, XVII и XVIII вв. о распространении государственной системы обмундирования можно судить по распространению одинаковой формы. В конце концов оба эти принципа окончательно победили².

¹ Mem. pour servir à l'histoire de la Maison de Brandenburg, 1767 par Frédéric II, перепечатано в «Истории обмундирования», 2, 201.

² О постепенном установлении однообразного типа одежды в различных армиях см.: Xav. Andoin, Hist. de l'adm. de la guerre, 1 (1811), 52 и сл.; de Chennevières, Détails militaires, 2 (1750), 116 и сл.; Бутарик, указ. соч., 359, 425; Фортеско, указ. соч. 3, 213; Лерд Клоус, указ. соч., 3, 20; König, Alte und neue Denkwürdigkeiten der Kgl. preuss. Armee (1787), 24, цит. в «Истории обмундирования», 2, 211; Яни, указ. соч., стр. 45 и сл.; «История обмундирования», 2, 3; A. v. Crousaz, Die Organisation des brandenburgischen und preussischen Heeres, 1640—1665, 1 (1865), 11 и сл., ср. «Война и капитализм», стр. 161 и сл.

Глава XXIII.

Меркантилизм как целое.

Источники и литература.

При изучении меркантилизма источниками являются почти исключительно законы, указы и т. д. с их мотивировочной частью. Во всех странах они объединены в сборники, которые легко достать.

Полный обзор всех английских источников можно найти у Кеннигема, «Развитие и т. д.» в приложении.

Для Франции прежде всего следует указать Isambert, *Jourdan et Decrusy, Recueil général des anciennes lois françaises de 420 à 1789*, 1822—1827. 29 томов in 8° (см. индекс под словами Manufactures, Mines etc.); еще легче для использования собрание специальных законов — *Recueil des règlements généraux sur les manufactures*, IV vol. in 4° et 2 vol. de suppl., 1730—32, где собраны все законы эпохи 1660—1730 гг., касающиеся крупной промышленности. *Code du Fabricant*, 2 т. 1788, мне не удалось достать. В приложении № 2 на стр. 372 названной выше книги Мартина («Людовик XIV») можно найти сводку относящихся к мануфактурам регламентов от 1650 до 1751 г.

Для Испании: *Recopilacion de las Leyes destos Reynos*. 3 т. 1640.

Для Голландии: *Groot Placcaetboek*, 9 дln., 1658—1797.

Для Австрии: Jos. Kropatschek, kais. kbp. österr. Gesetze, welche den Kommerzialgewerben und den Gewerbsleuten insbesondere vorgeschrieben sind, 2 Bd., 1804. F. Xav. Wekebrod, Sammlungen der Verordnungen und Generalien für sämtliche Zünfte und Innungen, 1799.

Для Германии: Schmauss—Senckenberg, *Gesammlung der Reichsabschiede* (bis 1736), 4 тома, 1747. Бранд.-Пруссия: Mylius, C. C. N. Cod. dipl. Brand., ed. Riedel, *Acta borussica hrsg. von der königlichen Akademie der Wiss.* 1892 и сл.

Кроме законодательного материала следует использовать корреспонденцию государей, великих государственных людей и высших чиновников. Для Франции мы располагаем целым рядом прекрасных сборников, как, например, *Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV*, том III: *Affaires de Finance—Commerce—Industrie. De Boislaillé, Correspondance des contrôleurs des finances avec les intendants*, 3 vol. in fol. 1874, 1883, 1878. Clément, *Lettres, instructions et mémoires de Colbert*, 7 vol. 4°, 1861—82 (второй том относится главным образом к промышленности). Для Англии: Thos. Carlyle, *Oliver Cromwell's letters and speeches*, 4 vol. 1902.

Если не считать литературно-исторических работ, то сочинений, рас-

сматривающих меркантилизм с общей точки зрения, окажется немногим. Наиболее важные среди них таковы: H. J. Bidermann, *Der Merkantilismus*, 1870. Edm. Frh. v. Heyking, *Zur Geschichte der Handelsbilanztheorie*, I Teil: *Einleitendes. Ältere englische Systeme u. Theorien*, 1880. Книга, выдавшаяся для своего времени. G. Schmöller, *Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung* (очерк городской, окружной и государственной хозяйственной политики). Помещено в его *Jahrbuch*, 8 (1884), стр. 15 и сл. H. Sieveking, *Grundzüge der neueren WG. vom XVII Jahrh. bis zur Gegenwart*, — помещено в Meisters *Grundriss*, II, 2, 1907.

Зато описания меркантилистской эпохи в отдельных странах весьма многочисленны.

Как мне кажется, своеобразные, всюду повторяющиеся особенности меркантилистской хозяйственной политики мы лучше всего поймем в том случае, если мы уясним себе, какие идеи и принципы меркантилизма были заимствованы из более раннего периода (периода городского хозяйства) и какие были новыми концепциями, возникшими под влиянием изменившихся интересов государей.

В самом деле, меркантилизм — не что иное, как хозяйственная политика города, распространенная на более обширную территорию. Подобно тому как городставил себя и свои интересы в центр мироздания и подчинял интересы всех остальных людей своим целям, точно так же и политика обширных областей, находящихся под властью государя, остается в основном эгоцентрической. Но и старая идея общенных связей в общей идее государства доходит до своих последних выводов: благополучие целого стоит на первом месте по сравнению с благополучием индивидуума, и общество, представленное, правда, абсолютным монархом, выступает вполне солидарно¹. Из этой основной идеи следует, что и абсолютистское государство должно тщательно заботиться о потребительском хозяйстве своих подданных. Оно самым добросовестным образом продолжает «политику снабжения» средневековых городов во всех ее частях.

«Политика снабжения» городов стремилась к тому, чтобы обеспечить жителей необходимыми средствами питания (хлеб, скот). Отсюда стремление привлечь в город возможно большее количество этих благ; для достижения этой цели запрещали вывоз продуктов за пределы округа, возлагали на производителей обязательство привозить свои продукты на рынок, запрашивали скупки через перекупщиков, заставляли проезжих торговцев свозить свои товары на «склады» и устраивали магазины на случай нужды. Во всех этих пунктах государи продолжают политику городов.

¹ Эти идеи, с наибольшей последовательностью развитые во Франции, мастерски описал Ранке в своей «Французской истории».

В Испании короли запрещают вывоз хлеба и скота в 1307, 1312, 1351, 1371, 1377, 1390 гг. Вывоз хлеба и мелкого скота в 1455 г., вывоз мелкого скота и рогатого скота в 1502 г. Rec., кн. VI и VII.

Во Франции снабженческая политика королей начинается с ордонансов Филиппа IV от 1305 и 1307 гг.: в этих ордонансах воспрещается вывоз хлеба, предписывается отправка товаров на рынки, воспрещается скупка товаров и устанавливаются цены на предметы питания. Принципы эти остаются в силе в течение всех следующих столетий. В 1577 г. вывоз хлеба допускается только по разрешительным свидетельствам; вывозные пошлины на хлеб (22 ливра на 1 мюн) упоминаются в тарифе 1614 г. В XVII и XVIII вв. регламентация хлебной торговли становится еще строже: арендаторы не должны держать свой хлеб в житнице дольше 2 лет, города должны запасаться провиантом самое меньшее на 3 года, купцы должны закупать хлеб не ближе чем в 2 верстах от города и не ближе чем в 7—8 милях от Парижа; иностранные купцы должны лично привозить и продавать свой хлеб и т. д. См., например, *Ordonnance du roy sur la police générale de son royaume*, 1578.

Чрезвычайно подробное описание этого законодательства дает П. Буссонад, «Исследование об организации труда в Пуату» (1900). Из книги II, гл. 1 видно, что наиболее важные правила относятся к XVII и XVIII вв. Ср. G. Afanassiev, *Le commerce des céréales en France au XVIII siècle*. 1894.

В Англии снабженческая политика королей начинается с Генриха III. Мы также встречаем там запрещение вывоза хлеба (до тех пор, пока цена хлеба не опустится до 6 шилл. 8 пенсов за квартер) и весьма строгие правила, касающиеся скупки хлеба через перекупщиков и посреднической торговли предметами питания. См. в особенности законы 5-го и 6-го годов царствования Эдуарда VI (с. 14) и 13-го годов царствования Елизаветы (с. 25).

Начиная с эпохи Елизаветы, правила, регулировавшие вывоз хлеба, несколько смягчились: это было вполне естественно и объяснялось тем, что короли должны были все более и более внимательно относиться к интересам производителей хлеба и скота. Смягчение регулирования обнаружилось одновременно во всех странах. Заключается своего рода компромисс между интересами городских потребителей и сельскохозяйственных производителей, по большей части проявляющийся в том, что вывоз хлеба принципиально разрешается, но может воспрещаться во времена дороговизны. Как мы уже упоминали выше, такого рода постановления издавались во Франции в XVI в. То же самое мы замечаем и в Англии после 1571 г.: вывоз разрешается, но в годы дороговизны мировые суды могут запрещать его. Запрещение скупки продуктов через перекупщиков, таксы, надзор за покупкой и продажей остаются в силе и после этой эпохи. Для Англии см. R. Faber, *Die Entstehung des Agrarschutzes in Eng. 1888*.

Из этого вытекает принцип, что отдельный хозяйствующий субъект свое право на производство товаров или торговлю ими выводит из общественной санкции: общество, представляемое ныне в лице монарха, дает ему столько прав и возлагает на него столько обязанностей, сколько оно считает нужным в собственных интересах. Всякая хозяйственная деятельность есть «привилегия».

Наконец, из этого основного воззрения следует, что индивидуум обязан строго сообразовать свое поведение с указаниями начальства, которое должно надзирать за хозяйственной деятельностью и отвечать за тщательное выполнение хозяйственных функций. С этой целью начальство обязано давать по поводу каждого действия хозяйствующего субъекта руководящие указания. Всякая хозяйственная деятельность «регламентирована».

В эту крепко-сколоченную систему городской хозяйственной политики вмешивается государь, имеющий свои особые интересы. Мы знаем, что власть его базировалась главным образом на двух институтах — войске наемников и чиновничестве; мы знаем также, что возникновение обоих этих институтов с самого же начала было неразрывно связано с денежным хозяйством. Чтобы содержать армию и чиновничество (к которым присоединился еще до-рого стоящий двор), государь нуждался в деньгах, еще раз в день-гах и еще раз в деньгах. (Лишь впоследствии в отдельных стра-нах обнаружился недостаток людей, что заставило, например, небогатую Пруссию прибегнуть к политике заселения.)

Деньги, необходимые для его целей, государь добывал путем податного обложения или при помощи займов. Но чтобы могли взиматься подати и заключаться займы, в стране должен был иметься в наличии минимальный запас благородных металлов, причем он должен был быть тем больше, чем менее развиты были формы кредитования.

Заняв наблюдательный пост историка, мы ясно видим, что для удовлетворения потребностей нового абсолютистского государства необходимо было добывать на земном шаре определенное мини-мальное количество благородных металлов. Мы можем добавить, что сильное увеличение добычи благородных металлов, которое происходило в эти столетия и о котором мы подробнее будем говорить в IV отделе, существенным образом способствовало развитию нового государства. Когда хороший знаток истории армии роняет случайное замечание: «ее (Саксонии) цейхаузы и армии выросли из серебряных копей Шнееберга»¹, то положение это можно обобщить и сказать: современное государство выросло из серебряных копей Мексики, Перу и из золотых россыпей Бразилии. Другими словами,— сколько имеется серебра (впоследствии золота), настолько же растет и государство. Само собой разумеется, мы понимаем это лишь как предварительное условие: без обильной продукции драгоценных металлов, при-нявшей столь большие размеры после открытия Америки, новое

¹ Jähns, Gesch. d. Kriegswiss., 1:685.

абсолютистское государство не достигло бы столь быстрого и по-всеместного развития.

Добывание денег становится, следовательно, центральной проблемой государственного искусства князей. Достаточно известно, что все идеи и мероприятия меркантилистской политики сосредоточивались вокруг этой погони за деньгами. Если городские власти больше всего заботились о том, чтобы обеспечить свой город потребительскими благами, то все великие государственные люди старого режима сосредоточивали все свои стремления на том, чтобы собрать монетные ценности в форме денег в кассах своих государей, а для этого надо было предварительно привлечь их на территорию государства, дабы отсюда они прямо или косвенно поступали в государственную казну. Городская политика обеспечения благами превратилась в государственную политику обеспечения деньгами.

«По моему мнению легко согласятся, что разница в величии и могуществе государств определяется изобилием в них денег»; этими словами Кольбер¹ выражает не только взгляды своей эпохи, но и взгляды предшествовавших ей столетий и столетия, следовавшего за ней. Это стремление к увеличению денежного запаса обще всем меркантилистским политикам и лежит в основе и меркантилистской теории, и меркантилистской практики. Происшедшие с течением времени перемены и различия индивидуальных взглядов выражались только в различном понимании наиболее целесообразных методов, с помощью которых можно легче всего и в наибольших количествах добывать вожделенные деньги. В XVII в. в Англии разыгрывается борьба между бульонистами², требовавшими прямых мер воздействия на прилив и отлив драгоценных металлов, и меркантилистами, считавшими более целесообразным косвенное воздействие путем регулирования потока товаров (торговый баланс). Затем, в последние годы Стюартов, начинает защищаться взгляд, что увеличение денежного запаса достигается лучше всего развитием промышленности. Одним из первых писателей, отстаивавших в Англии эту идею, был автор «Britannia Langueus» (1680)³.

¹ Lettres, instruc. etc. de Colbert par P. Clément, т. II, 2-е partie, p. CCVII.

² От английского слова bullion — слиток драгоценного металла. Прим. пер.

³ Меркантилистские теории раньше всего оформляются в Англии. Так, например, появившийся в 1436 г. памфлет об английской политике объявляет золото и благосостояние тождественными понятиями. Albrecht Haubl, Zur Gesch. der volkswirtschaftl. Ideen England (1893), стр. 45 и сл.

Итак, мы легче всего составим себе представление о пестром мире меркантилистской политики, если отдельные проявления этой политики будем рассматривать, как попытки осуществления верховной цели государственного искусства (поскольку оно касалось материальных задач) и если мы сгруппируем их по различию тех методов, с помощью которых они стремились достичь поставленной цели. При этом нам все время нужно помнить о констатированном выше факте: о том, что государственное искусство меркантилистов при разрешении своих задач шло в основном теми же путями, какими шли раньше городские власти.

Конечно, всякая меркантилистская политика больше всего заботилась о том, чтобы получить деньги прямым путем. Для этого, или старались задержать в стране имеющиеся в ней золото и серебро, или пытались наладить добывчу драгоценных металлов на собственной территории.

Когда короли запрещали вывоз звонкой монеты из своих государств (такие запреты мы встречали во Франции уже в 1303 и 1322 гг., в Англии при Эдуарде III, в Испании и т. д.), они следовали по стопам городских правительств. В другой связи мы это выясним еще более детально.

Добычиением драгоценных металлов занимались и города, конечно, лишь в отдельных случаях. С XVI в. у городских управлений все яснее и яснее начинает проглядывать тенденция об являть серебряные копи своей монополией, дабы обеспечить в собственной стране циркуляцию благородных металлов¹. Меркантилистская теория выставляет даже принцип: добывание благородных металлов приносит пользу народному хозяйству и тогда, когда оно ведется с убытком².

Но самое главное было то, что желание владеть собственными серебряными рудниками или собственными золотыми россыпями увлекало государства за пределы их границ, — «в Индию», в волшебную страну. Из этой погони за деньгами, в которой участвовали все государства того времени, выросли великие колониальные империи европейских народов. Подробно я говорю об этом в XXVII главе.

Каким образом колониальная политика косвенно служила меркантилистской идеи, один из лучших знатоков колониальной истории поясняет классически ясно следующими словами: «Они (ученики меркантилистской школы)

¹ Факты приведены у Шмидлера в его «Ежегоднике», т. XV, стр. 3.

² v. Höglund, Oesterreich über alles, 1684, изд. 1727, стр. 30, 173. Другие места см. у Рошера, «System usw.» Bd. III, § 179, прим. 6.

лы)... в этой области политики выполнили наиболее разработанный и наиболее насильтственный из всех их искусственных планов, имевших целью обеспечение нации обильным количеством благородных металлов. Правда, колонии не всегда непосредственно доставляли запасы благородных металлов, но они служили средством получения этих металлов с других рынков. С помощью колоний раскрывались денежные ящики различных европейских наций: за счет колониальных товаров в других странах добывалось то, к чему стремилась меркантилистская система, и устанавливался благоприятный торговый баланс. «*H. Brougham, An Inquiry into the colonial policy of European Powers, 1 (1803), 5—6.*

Вкратце я отмечу здесь еще одно обстоятельство, к которому я возвращусь впоследствии: из стремления непосредственно привлечь в государеву казну возможно большее количество денег естественно выросла вся разработанная система налогового обложения и государственных долгов. Это же стремление привело и к своеобразной монетной и валютной политике, оказавшей большое влияние на ход развития хозяйственной жизни.

Чтобы добыть нехватавшие деньги за счет коммерческой прибыли, государство стало предпринимателем; об этой функции его мы будем говорить там, где мы прослеживаем процесс со-зидания самого капиталистического хозяйства и характеризуем хозяйствующих субъектов ранне-капиталистической эпохи (см. I отдел II тома).

Здесь нам прежде всего следует упомянуть о тех основных элементах меркантилистской хозяйственной политики, в которых ясно обнаружилось стремление государства достичь обходными путями его цели,— достать деньги. Эти обходные пути заставили его вступить в своего рода компанию с подымавшимся капитализмом. К развитию функций этой «компании» и сводится в сущности то, что обычно имеют в виду, когда говорят о меркантилизме.

Мы должны отчетливо осознать, что в эти столетия государи и капиталистические предприниматели были естественными союзниками, ибо их одушевляли в значительной степени одни и те же интересы. Прежде всего, и тех и других объединяла вражда к силам городского и феодального средневековья. Подобно тому как силы эти мешали распространению господства государей над обширными областями, точно так же своими цеховыми и таможенными ограничениями они налагали оковы и на рвущийся вперед капитализм. Далее, обе новые силы были заинтересованы в накоплении в стране возможно большего запаса благородных металлов. Поэтому само собою произошло так, что и та и другая держались вместе. Абсолютистское государство — что для нас

здесь особенно важно — стало покровителем капиталистических интересов, т. е. в первую очередь капиталистических отраслей промышленности и обширной внешней торговли. «Ремеслу и мануфактурам следует оказывать покровительство», говорится во введении к эдикту Генриха IV от 1603 г., «ибо это... единственное средство, мешающее вывозу из государства золота и серебра, обогащающих наших соседей»... «Деньги есть кровь политического тела, и для того, чтобы не только собрать, но и удержать их, не существует иных средств, кроме недопущения в страну чужеземных товаров; если же они совершенно необходимы, то их следует производить с помощью промышленности самой страны. Таким образом устранился повод для того, чтобы деньги уходили из страны»¹. Богатство страны драгоценными металлами содействует промышленности, утверждает Кольбер: «Когда в государстве есть деньги, то все желают извлечь из них выгоду, и потому люди пускают деньги в оборот». От этого опять-таки государственная касса извлекает выгоду: «В этом движении денег казначейство получает и свою долю». Но чтобы достичь столь благоприятных результатов, нужно прежде всего развить внешнюю торговлю: «Только торговля и все то, что с ней связано, может привести к великому последству — привлечь в страну деньги; нужно было бы ввести ее (внешнюю торговлю. Прим. пер.) во Франции, где о ней никогда не заботились ни генеральный интендант, ни даже частные лица»...²

Я не рассматриваю здесь другой стороны проблемы,— вопроса о том, какую пользу приносила капиталистическая промышленность развивающемуся государству. Укажем только, что, не говоря уже о косвенной пользе, которую приносило развитие капитализма государю и его стране, государственные кассы извлекали непосредственную выгоду из процветания капиталистических предприятий. Привилегии, о которых мы будем говорить ниже, по большей части давались за известное вознаграждение. Во многих предприятиях, особенно в крупных торговых компаниях, существовал обычай передавать в распоряжение государства в виде займа весь акционерный капитал или значительную часть его: так, например (новая), английская Ост-индская компания ссужает Вильгельму III 2 млн. ф. ст. и Анну 1 200 тыс. ф. ст., всего 3 200 тыс. ф. ст., «что может быть правильно названо основным капиталом этой компании». Постлесуэт, «Словарь», 1,682. В 1743 г. за возобновление своих привилегий компания дает государству заем в 1 млн. ф. ст. на 14 лет из 3% Anderson, Annals, 3,43. В 9 году царствования королевы Анны была учреждена Компания южных морей, чтобы взять на себя долг в 9 177 767 ф. ст., заключенный правительством.

¹ Hofkammer Referat, 16/III, 1700 (2/VI, 1710), Hoff. 13 917, приведенные у H. von Stibik, Exports- und Esterreichs (1907), 270.

² Mem. de Colbert au roi. Lettres etc., éd. Clément, t. VII, стр. 233.

Постлесуэт 2,255. Андерсон 3,43 и сл. В 1715 г. сюда присоединилось еще 822 082 ф. ст. 4 шилл. 8 пенсов. За это компания получила право на взимание пошлин (податей) на соль, свечи и т. д.

Французская компания Миссисипи (созданная Лоу) была основана и получила привилегию для того, чтобы погасить 60 млн. ливров государственных долгов. Первые 60 млн. капитала были выпущены в государственных бумагах; впоследствии государство увеличило капитал компании до 100 млн.

В 1643 г. голландская Ост-индская компания платит правительству за продолжение своих привилегий 1 600 тыс. флоринов (так делается каждый раз и впоследствии, как например, в 1729 г., когда она уплатила 3 600 тыс. флоринов).

В других случаях на компании налагался прямой налог: закон 1693 г. (в 4-й год царствования Вильгельма и Марии) налагает на Ост-индскую компанию налог в 5 ф. ст. с каждой акции в 100 ф. ст.; с Африканской компанией берется по 20% с каждой акции, с Компанией Гудзонова залива — 5 ф. ст. с каждой акции и т. д. Андерсон, 2, 598. Правительство наивно думало, что хозяйственная деятельность в стране должна немедленно приводить к обогащению государственной казны. Так, лисская хартия 1626 г. говорит, что этот город уже с давних пор производил сукно «к чести и обогащению английской короны»; в 1661 г. один из документов жалуется на обманы, которые практикуются в шерстяной промышленности и которые приносят ущерб не только самой промышленности, но и государственным доходам.

Многочисленные примеры ничем неприкрытых поборов, взимаемых за покалование привилегий, читатель найдет в специальных сочинениях, упомянутых в следующей главе.

Глава XXIV.

Промышленная и торговая политика.

Источники и литература.

Источники я называл уже в предыдущей главе. Литература по этому вопросу необозрима: кроме истории цехового и городского строя никакая другая отрасль хозяйственной истории не может похвастаться столь обширной литературой, как меркантилистская промышленная и торговая политика. Хотя литература эта доставила нам чрезвычайно много данных о процессах, происходивших в области государственного управления, тем не менее (подобно тому как это случилось с литературой по истории городов) она нередко задерживала историко-хозяйственное исследование: авторы думали, что они пишут историю хозяйства, между тем как на самом деле они писали историю управления. А это, разумеется, не одно и то же. Здесь я приведу небольшое число сочинений, которые могут служить введением в вопрос.

Франция. 1. Промышленная политика (до 1581 г.): *Rud, Eberstadt, Das französische Gewerberecht und die Schaffung staatlicher Gesetzgebung u. Verwaltung usw.*, 1899; для XVII и XVIII вв., *G. Fagniez, L'économie Sociale de la France sous Henri IV*, 1897. *Alfred des Cilleuls. Histoire et régime de la grande industrie en France aux XVII et XVIII sc.* 1898.

2. *L. Mosnier, Origines et développement de la grande industrie en France*, 1898.

3. *G. Martin, La grande industrie sous Louis XIV*, 1899.

Его же, *La grande industrie sous Louis XV*, 1900. Прежде всего, конечно, следует использовать Левассера.

2. Торговая политика: *Charles Gouraud, Histoire de la politique commerciale de la France*, 2 т. 1854. Из литературы о больших торговых компаниях следует упомянуть: *P. Bonnassieux, Les grandes compagnies de commerce*, 1892. *Paul Kaerppelin, La compagnie des Indes Orientales*, 1908. *H. Pigeonneau, Hist. du comm. de la France*, 2 т., 1885, 1889 (до Ришелье). *E. Levasseur, Hist. du comm. de la France*, 2 т., 1900.

Париж: *M. Frégier, Hist. de l'administration de la police de Paris*, 2 vol. 1850.

Сюда же относится и обширная литература о Кольбере. Главным сочинением по этому вопросу является *Clement, Histoire de C. et de son administration*, 3 изд. 1892, 2 т.

Англия. 1. Промышленная политика рассматривается в многочисленных монографиях, посвященных отдельным отраслям промышлен-

ности. Среди них следует упомянуть: J. James, *History of the Worsted Manufacture in England*. 1857. J. Burnley, *The history of Wool, and Wool Combing*. 1889. L. Duchesne, *L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre*. 1900. F. Lohmann, *Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie*. 1900.

Общие сочинения: Ad. Held, *Zwei Bücher zum soz. Geschichte Englands*. 1881. W. A. S. Hewings, *The English trade and finance chiefly in the XVII cent.* 1892,— гл. I и II касаются «политики монополий». George Unwin, *Industrial Organisation in the XVI and XVII centuries*. 1904. William Hyde Price, *The English Patents of Monopoly*. 1906. Herm. Levy, *Monopole usw.* 1909.

2. Торговая политика: G. Schanz, *Englische Handelspolitik*, 2 т. 1881 (касается, главным образом, правительства обоих первых Тюдоров). В. А. С. Гьюинс, *указ. соч.*

Хорошим руководителем как раз в хозяйственно-политических вопросах может служить Кеннингем. Ясные и правильные суждения высказаны в цепкой книге Охенковского, еще и по сию пору не потерявшей своего значения—W. v. Ochenkowsky, *Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgange des M. A.* 1879.

Испания: G. de Ustariz, *Théorie et pratique du commerce*. Trad. sur l'espagnol. 1753. Bern. de Ulloa, *Rétablissement des manufactures et du commerce d'Espagne*. 1753. Don Man. Colmeiro, *Hist. de la economía en Espana*. 2 т. 1863. M. J. Bonn, *Spaniens Niedergang*. 1896.

Нидерланды: E. Laspeyres, *Gesch. der volkswirtschaftl. Auschauungen der Niederländer*. 1863. Otto Pringsheim, *Beiträge zur wirtschaftl. Entwicklungsgeschichte der ver. Niederlande im XVII u. XVIII Jahrh.* 1890.

Австрия. 1. Промышленная политика: Karl Pribram, *Geschichte der österreichischen Gewerbepolitik von 1740—1860*. Erster Band: 1740—1798. 1907. Превосходная книга, чрезвычайно содержательная и поучительная. Следует упомянуть также о более ранних сочинениях: A. Beer, *Die österr. Industriepolitik unter M. Theresia*. 1894. H. Waenting, *Gewerb. Mittelstandspolitik*. 1898, стр. 7—47. Hans Rizzi, *Das österreichische Gewerbe im Zeitalter des Merkantilismus*,—статья, помещенная в *Zeitschr. f. Volkswirt., Soz.-Pol. und Verw.*, т. XII. 1903. (Автор главным образом рассматривает промышленную политику.) Книга дает общее представление о вопросе. Max Adler, *Die Anfänge der merk. Gewerbeopol. in Österreich*. 1903. Joh. Slokar, *Geschichte der österr. Industrie u. ihrer Förderung unter Franz I.* 1914. Автор выходит за рамки меркантилистской эпохи. Сочинение это может служить дополнением к более ранним работам. Австрийская история была описана в столь многих хороших монографиях несомненно благодаря особенно сильной бюрократизации австрийской хозяйственной политики.

2. Торговая политика: A. Beer, *Die österreichische Handelspolitik unter Maria Theresia und Josef II.* 1898. Helene Landau, *Die Anfänge des Warenhandels in Österreich*,—статья, помещенная в *Zeitschr. f. Volkswirt. usw.*, т. XV. 1906. Работа рассматривает главным образом внутреннюю торговую политику. H. Ritt. v. Srbik, *Der staatliche Exporthandel Österreichs von Leopold I bis Maria Theresia. Untersuchungen zur Wirtschaftsgeschichte Österreichs im Zeitalter des Merkantilismus*. 1907. Тоже хорошая книга.

Бранденбург-Пруссия. G. Schmoller, *Studien über die wirt-*

schaftliche Politik Friedrichs II und Preussens überhaupt von 1680—1786,—статья, помещенная в «Ежегоднике» Шмольера, т. 8, 10, 11. Его же, Das brandenburg-preussische Innungswesen von 1640—1800, перепечат. в сборнике Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte, besonders des preussischen Staates im XVII und XVIII Jahrh. 1898. В этом же сборнике помещены другие важные работы Шмольера. G. Schmolle und Hintze, Die preussische Seidenindustrie im XVIII Jahrhundert und ihre Begründung durch Friedrich d. Gr. 3 Bd (Acta borussica).

K. v. Rohrscheidt, Vom Zunftzwang zur Gewerbefreiheit. 1898. C. Matzschoss, Friedrich d. Grosse als Beförderer des Gewerbefleisses. 1912.

H. Freymark, Zur preussischen Handels- und Zollpolitik von 1648—1818, Hall. Diss. 1898. O. Meinardus, Beiträge zur Geschichte der Handelspolitik des Grossen Kurfürsten. Histor. Zeitschr., Bd. 66.

H. Fechner, Wirtschaftsgeschichte der preussischen Provinz Schlesien in 1741—1806. 1907. (Страницы 1—453 касаются хозяйственной политики).

Германия вообще: G. v. Below, Der Untergang der mittelalt. Stadtwirtschaft,—статья, помещенная в Jahrb. f. NÖ., III. 21, стр. 449 и сл., 593 и сл.

Книга W. Naudé, Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten von XIII bis zum XVIII Jahrhundert (Acta borussika, 1896) касается различных стран.

Нечто среднее между литературой и источниками представляют собою большие коммерческие словари — словарь Савари, словарь Постлесуэта, «Всеобщая сокровищница купечества» и т. д. Во всех них имеется богатый материал. Много данных содержится и в различных томах Энциклопедии, трактующей о «мануфактурах» и «торговле» (автор — Ролан де Лаплаттере).

I. Общий обзор.

Нижеследующий очерк меркантилистской политики не дает ничего нового человеку, знакомому с вопросом. Набрасывая его, я задавался целью показать, что эта политика (несмотря на значительные национальные различия) во всех европейских странах по существу проявлялась совершенно одинаково. Это подытоживание одинаковых по существу законодательных мероприятий, проводившихся важнейшими государствами, может быть не окажется излишним и для того, кто основательно изучил отдельные национальные системы управления. Для других мой обзор может послужить введением в изучение вопроса. Его нельзя было не поместить здесь, так как он является необходимым звеном в общей структуре моего исторического описания.

Если мы детально разберем мероприятия, проводившиеся государством в интересах капиталистических элементов хозяйства, то мы увидим, что государство в сущности лишь применяло и развивало в подробностях принципы городской хозяйственной по-

литики, приспособляя их к своим особым целям. Другими словами, меркантилистская хозяйственная политика, подобно политике городов, сводится к

- 1) пожалованию привилегий,
- 2) регламентации производства и торговли,
- 3) важному новому комплексу мероприятий, которые лучше всего можно обобщить термином унификация.

Приводимые ниже сведения должны выяснить читателю на нескольких примерах смысл и значение этой политики.

II. Пожалование привилегий.

Под привилегиями я понимаю здесь вообще применение государственных средств воздействия для того, чтобы пробудить хозяйственную деятельность частных лиц, а там, где она уже ведется, сделать ее выгодной или более выгодной, чем раньше. Само собой разумеется, что здесь дело идет только о «пожаловании привилегий» капиталистическим предприятиям, в создании которых, как мы видели, в первую очередь были заинтересованы новые государства. Но если быть более точным, то следует сказать, что средства государственного воздействия пускались в ход либо для того, чтобы содействовать существующим капиталистическим интересам, либо для того, чтобы дать возможность реального проявления капиталистическим интересам, рвущимся к жизни, но еще пребывающим в полудремотном, зародышевом состоянии, либо, наконец, для того, чтобы насадить зачатки этих интересов. Очень часто привилегии служили для того, чтобы облегчить капиталистическому способу хозяйства борьбу с существующими исключительными правами ремесленных цехов.

Весь смысл государственных «привилегий» ясно выражен в следующем письме Генриха II (от 13 июня 1568 г.)¹: «Мы хотим пробудить у всех и каждого из наших подданных желание заняться вещами, полезными для народа нашего королевства, и привлечь к этому людей добродетельных и обученных всяkim искусствам путем пожалования им привилегий и льгот».

«Привилегии» принимали весьма различные формы. Для большей ясности их можно классифицировать следующим образом.

1. Пожалование монополий

сыграло очень большую роль в системе меркантилизма. Оно заключается главным образом в исключении из данной отрасли

всех остальных лиц, т. е. представляет собою так сказать отрицательную привилегию¹,

По своему историческому происхождению право пожалования монополий восходит к старым идеям феодализма: король есть носитель всей власти и всех выводимых из нее прав, которые он жалует по своему усмотрению своим слугам, передающим эти пожалованные им права полностью или частями другим лицам. Этот феодальный дух с удивительной яркостью обнаруживается порой в даровании и последующей передаче промышленных монополий вполне современного типа. Непосредственными предшественниками государей и здесь были города: «Город, как целое, получал, как своего рода лен, право сбыта промышленных продуктов в ближайших к нему окрестностях. Из этого общего лена некоторые части предоставлялись в свободное распоряжение всех граждан, другие были закреплены исключительно за городским советом, большинство же было предоставлено цехам как бы в виде вторичного лена» (Рошер).

Я не буду описывать здесь, — ибо это не относится к нашей задаче², — каким образом в процессе медленных преобразований из монополии развилась регалия, как такая правовая форма послесредневековой эпохи, которая более всего соответствовала исключительным полномочиям государя. Достаточно сказать, что государь нового типа приписывал себе право разрешать и воспрещать всякую хозяйственную деятельность, допускать до занятия ею одних лиц и устранять других. Иногда monarch прямо заявлял о своем исключительном праве распоряжения промышленностью и торговлей. Так, например, уже в конституции Фридриха (1213) говорится о монополии короля в области торговли хлебом, зерном, солью, железом и шелком-сырцом. В XV в. в итальянских городах вся торговля «монополизируется» государствами³. В XVI в. в Португалии вся торговля пряностями объявляется монополией. Во

¹ Привилегии меркантилистской эпохи в образе монополий отличаются от привилегий нашего времени, принимающих форму выдачи патентов, тем, что в первом случае каждая отдельная привилегиядается с целью содействия публичным (или государственным) интересам, между тем как патент, выдаваемый изобретателю, основан на индивидуальном (частном) праве, в признании которого нельзя отказаться. Этот вопрос разбирает E. Wyndham Hulme, *The History of the Patent System under the Prerogative and at Common Law*, — статья, помещенная в *The Law Quarterly Review* 12 (1896) и 16 (1900).

² Вполне вероятно, что возникновению регалий способствовали различные правовые источники наряду с феодализмом и империализмом.

³ Буркхард, Культура Ренессанса, 1, 35 и сл.

Франции при Генрихе III торговля и промышленность объявляются объектом «домениального права» и т. д. Но главное заключалось в том, что все монархи — независимо от того, объявляли ли они об этом открыто или нет — поступали так, как если бы они были единственными полноправными лицами.

Различие между современной формой привилегий и средневековой их формой, т. е. между капиталистическими и ремесленными привилегиями, усматривали иногда в том, что цеховые монополии были корпоративными привилегиями, а государственные (королевские) монополии — личными привилегиями¹. Но этого нельзя сказать обо всех случаях. Капиталистическая монополия может быть и корпоративной, и личной привилегией, хотя эта последняя и является, пожалуй, общим правилом. Мы видим, например, что в Англии отдельные корпорации получали право контроля над остальными цехами (например, в области производства мыла и иголок) в то время, когда данная отрасль промышленности уже давным-давно была организована на капиталистических началах²; общество парижских торговцев имело исключительное право торговать определенными товарами³; в 1600 г. известное число торговцев углем получило права утвержденной гильдии, а вместе с тем и право продажи угля кораблям, приезжающим по реке Тайн⁴, и т. д.

Если за корпорацией признавались определенные права, то нередко с этим сочеталось право ограничивать число своих сочленов, но это право могло и отсутствовать. Типами таких привилегированных, т. е. обладающих монополией объединений было большинство «регулированных компаний» в Англии в XVI, XVII и XVIII вв.⁵.

Монополия, предоставляемая определенному лицу или определенной корпорации, могла распространяться на любой вид при-

¹ Р. Эберштадт, Французское промышленное право и т. д., указ. соч., 325 и сл.

² Унвин, Пром. орган, указ. соч., 164 и сл. и Леви, Монополия. 38.

³ Савари, Словарь.

⁴ Ralph Gardiner, Englands Grievance discovered in relation to the Coal Trade.. The tyrannical oppressions of those magistrates, their charters and grants... 1655. Repr. 1796.

⁵ Ср. описание хозяйственных форм во II томе. В спорах по поводу монополий, конечно, чрезвычайно большую роль играл вопрос о том, связана ли монополия с правом ограничения числа сочленов или нет. Так, например, Джозия Чайлд в своем сочинении «Новое рассуждение о торговле» (гл. III) защищает торговые монополии, но не считает возможным предотвратить им право ограничения числа сочленов.

быльных промыслов; производственные монополии встречаются столь же часто, как торговые или транспортные монополии.

Производственные монополии главным образом были, конечно, промышленными монополями. В уже существующих отраслях промышленности, которые предстояло перестроить на капиталистических началах (повор для выдачи монополий создавало по большей части открытие нового способа производства), монополии эти заключались в том, что одна корпорация получала контроль над всем данным промыслом. В заново возникших отраслях промышленности, как, например, в английской стеклянной, соляной и проволочной промышленности, по общему правилу создавалась с самого начала национальная монополия.

Иногда преимущественное право производства товаров определенного рода давалось городу или округу, т. е. всем лицам, занятым этим промыслом в данном месте. Так, например, Лион получил исключительное право изготовления чулок из крашеного черного шелка.

Монополия выдавалась или на вечные времена, или вплоть до смерти первого ее получателя, или на известное число лет. В последней своей форме она приближается к современному патенту. В таком виде она часто встречалась в Англии уже во время Елизаветы: в 1655 г. был выдан монополия-патент на 20 лет на производство соли, в 1567 г. (на 21 год) — на производство оконного стекла¹. Такие ограниченные сроком монополии встречаются и во Франции в довольно раннюю эпоху: так, например, первая монополия на устройство стекольного завода в Сен-Жермен ан Лэ, пожалованная Генрихом II в 1551 г., ограничивалась десятилетним сроком².

В Австрии мы замечаем две эпохи: в начальную эру меркантилистской политики (при Леопольде I) законной основой для новых хозяйственных форм являлась исключительная привилегия, жаловавшаяся отдельным предпринимателям и предоставлявшая им право исключительной оптовой продажи их изделий во всех наследственных землях австрийской короны. При Марии Терезии появились «фабричные привилегии», которые были двоякого рода. Существовали «простые фабричные привилегии», которые ввиду полезности предприятия освобождали его от всяких цеховых ограничений и давали ему право брать на службу всевозможных подсобных промышленных рабочих, и «державные фабричные привилегии». В этих по-

¹ Список патентов приведен у Hulme, *History of Patent System* — статья, помещенная в *Law Quarterly Review*, XII, 1896 и XIV, 1900. Ср. Кенигем, Развитие и т. д., 2, 58 и сл. 76 и сл., а также новую обстоятельную работу H. Hyde Price, *The English Patents of Monopoly*. 1906.

² Левассер, 2, 37.

следних отмечалась «особая важность и солидность» предприятия. Они давали право на выставление императорского герба и право на наем и обучение учеников, во всех остальных случаях предоставляемое исключительно цехам.

Монополия имела место и в виде торговой монополии. В одних случаях она давала исключительное право торговли определенным товаром или определенным видом товаров: такой монополией пользовались, например, нью-кастльские торговцы углем в XVII в., привилегированные купцы золингенской ножевой промышленности¹, и торговое общество, получившее при Людовике XI исключительное право на ввоз пряностей². Эта монополия могла выдаваться нециальному лицу, а определенной местности; так, например, весь шелк, поступавший во французскую торговлю, должен был перевозиться через Лион.

В других случаях монополия давала исключительное право торговли с определенной местностью или с определенной страной: так, например, заморские купцы *Merchants Adventurers* (еще в XVII в.) получили исключительное право вывозить в Германию и Нидерланды все виды суконных товаров³. Географическая монополия, как можно было бы назвать эту ее форму, наиболее широко применялась в отношении всех крупных торговых компаний, ведших заморскую торговлю. Обычно в хартии, выдаваемой такой компании, определено указывалась область, предоставленная ее неограниченной эксплоатации. Наиболее знаменитой из этих компаний была основанная в 1600 г. английская Ост-индская торговая компания (*The Governor and Company of Merchants of London trading into the East Indies*), получившая монополию на торговлю со всеми странами, расположенными в Индийском и Тихом океанах между Магеллановым проливом и мысом Доброй Надежды. Французская Индийская компания, образованная в 1719 г. из трех других компаний, получила «право на всю колониальную торговлю Франции»⁴.

Как уже показывают примеры, которыми я иллюстрирую различные формы монополий, эта политика пожалования монополий проводилась всеми государствами с тех пор, как они вступили на путь содействия капиталистическим интересам: и в этой области

¹ В. Тун, Промышленность Нижнего Рейна, 2, 27.

² Пижонн, История торговли, 1, 435.

³ Rymeg, Foedera. 19,583. Ср. James, Worsted Manufactures etc. (1857), 148.

⁴ Ср. описание хозяйственных форм во II томе.

новые государства оказались продолжателями хозяйственной политики городов.

В одной стране склонность к монополизации отдельных сторон хозяйственной жизни проявлялась сильнее, чем в остальных; в другой стране тенденция эта ослабевала ранее, чем в прочих; в одних местах монополия в одинаковой степени охватывала все отрасли хозяйственной жизни, в других местах она проявлялась в отдельных отраслях промышленности то в большей, то в меньшей степени; тем не менее, несмотря на эти различия, в основном политика повсюду была одна и та же. Во Франции промышленные монополии достигли наибольшего развития в XVIII в. и в этом же столетии пришли к своему концу, в германских государствах монополии в форме концессий продержались до поздних десятилетий XIX в., в Англии же эта форма монополий исчезла уже с 1687 г. Зато до XIX в. торговые и транспортные монополии ни в одной стране не проводились так строго, как в Великобритании. Только в 1813 г. к индийской торговле были допущены не принадлежащие к Ост-индской компании лица, только в 1796 г. была пробита первая брешь в судоходной монополии, установленной еще во времена Ричарда II и нашедшей свое окончательное завершение в навигационном акте Кромвеля (1651), и только в 1849 г. навигационный акт был окончательно отменен.

То, что писал один писатель в 1770 гг. об Австрии, можно было бы повторить относительно всех государств: «В наших провинциях имеется бесчисленное количество монополий, из которых одни игнорируются, другие терпятся и третьи официально признаются правительством. Почти все наши фабриканты, мануфактуристы и крупные купцы — монополисты»¹.

2. Торговая политика.

Одной из форм привилегий капиталистической промышленности (по существу дела эта форма сводится к монополии в сфере определенной отрасли промышленности) является искусственное воздействие на товарный рынок посредством мероприятий, содействующих или препятствующих приливу или отливу товаров. Здесь имеется в виду та же самая цель, к которой стремится монополия — устранение или ограничение конкуренции — с той лишь разницей, что цели этой стираются достигнуть не прямыми, а обходными путями. Принимаемые в связи с этим торгово-политические мероприятия, конечно, влекут за собой и ряд других последствий.

¹ Приведено у Пшибрама, 273.

Как мы уже заметили при описании «политики снабжения», торговая политика меркантилизма непосредственно выросла из торговой политики городов. Цель, которую старались осуществить государи в своих государствах, была та же самая, какую ставили себе городские управления: надо было обеспечить промышленным производителям достаточные запасы сырья и оберечь их от конкуренции чужеземных изделий. Поэтому на первых стадиях государственной торговой политики и средства, применявшиеся ею, остались теми же самыми: воспрещался вывоз сырья (и полуфабрикатов), а с другой стороны — воспрещался ввоз готовых изделий.

В Испании вывоз предметов питания и сырых материалов уже в XIV в. воспрещался Арагонскими королями. В 1462 г. Генрих VI постановляет, чтобы при вывозе шерсти в случае желания туземных производителей одна треть оставлялась в их пользу по таким же ценам. Эта льгота была еще более расширена законами 1551, 1552, 1558, 1560 гг. В 1537 г. воспрещается вывоз железной руды; в 1548, 1550, 1552, 1560 гг. воспрещается вывоз кожи.

Во Франции наиболее старые ордонансы, в которых короли продолжают исключительную политику городов, восходят ко временам Филиппа III, который уже в 1278 г. воспретил вывоз туземной шерсти. На протяжении следующих столетий часто издаются ордонансы, подтверждающие этот запрет и распространяющие его на другие виды сырья и полуфабрикатов, например, на лен, красильные вещества, пряжу, необработанное сукно и т. д. Такие ордонансы издавались в 1305, 1320, 1567, 1572, 1577 гг. Вместе с тем издавались и ордонансы, воспрещавшие ввоз готовых изделий, в особенности изделий текстильной промышленности: в 1469 г. Людовик XI воспрещает ввоз индийского полотна, в 1538 г. Франциск I воспрещает ввоз каталонского и перпиньянского сукна, а в 1567 г. — ввоз фламандских *sayetteries*; в 1567, 1572, 1577 гг. воспрещается ввоз «draps d'or, d'argent et de soie».

В Англии уже Оксфордский парламент в 1258 г. воспрещает вывоз шерсти, а Эдуард II — вывоз ткацкой основы. Когда экспорт шерсти приобрел для Англии большое экономическое значение, эти запреты на некоторое время предаются забвению. Но уже в конце XV в. они оживают снова: в законах 4-го года царствования Генриха VII (с. 10), 22-го года царствования Генриха VIII (с. 2), 38-го года царствования Генриха VIII (с. 15) содержится воспрещение вывоза шерсти, а в законах 2-го и 3-го года царствования Эдуарда VI (с. 26) — запрещение вывоза белого поташа. При Якове I воспрещается вывоз наполовину готовых шерстяных товаров; в 1648—1660 гг. повторяется запрещение вывоза шерсти. Запрет этот остается в силе до 1825 г. Стремления к запрещению вывоза шерсти особенно сильно проявляются в последней четверти XVIII в. См. James, Worsted Manufacture (1857), 301 и сл. Ср. также J. Bonwick, Romance of the Wool Trade (1887), 14 и сл., 167 и сл.

Подобно шерсти, воспрещался и вывоз кожи. Перечисление законов, относящихся к вывозу шерсти, можно найти в памфлете *Leather, A discourse tendered to the High Court of Parliament 1629*, перепечатанном Soc. Engl. Illustr. A. Collection of XVIIth Century Tracts 1903, стр. 331 и сл. Мы встречаем далее воспрещение вывоза рогов (закон в 4-й год царствования Эдуарда IV с. 8 и 7-й год царствования Якова I с. 14) (воспрещение вывоза металлов. (21-й год царствования Генриха VIII с. 10.)

С другой стороны, еще в XIV в. воспрещается ввоз в Англию многих готовых изделий: законы 33-го года царствования Генриха VI (с. 51 455) 3-го года царствования Эдуарда IV (с. 3) (1463), 22-го года царствования Эдуарда IV (с. 3) (1483) воспрещают ввоз шелка и целого ряда шелковых изделий; закон 3-го года царствования Эдуарда IV (с. 4) запретил ввоз почти 100 товаров всевозможного рода.

Почти так же обстояло дело и в прочих странах: в различных германских государствах (обзоры приведены у *Bergius, Neues Policey und Sam-Magazin*, 4, 1778, 25 и сл. 27) издавались многочисленные запрещения вывоза необделанных кож и шкур, лубовой коры и бересты, в Голландии — запрещения вывоза материалов для судостроения. *Ласпейрес*, 154.

Если абсолютистское государство, воспрещая ввоз и вывоз, лишь продолжало хозяйственную политику городов, то с течением времени оно выработало и такое средство торговой политики, которое было неизвестно более ранним эпохам и благодаря которому вся меркантилистская торговая политика нередко представляется чем-то совершенно новым: именно, охранительные пошлины.

В течение всех средних веков взимались сборы с находившихся в обращении товаров: сначала сборы эти имели характер податей, а впоследствии они стали источником налогового обложения для феодальных правителей и городов. Использование этих финансовых пошлин, как мы называли бы их теперь, в целях охраны промышленности было поистине гениальной идеей. Когда она зародилась, мы не можем сказать с достоверностью¹: возможно и даже вероятно, что превращение системы финансовых пошлин в систему охранительных пошлин происходило постепенно, в результате все более и более накоплявшихся отдельных случаев.

Поскольку можно судить, охранительные пошлины во Франции и в Англии появляются в довольно большом изобилии в XVI в.: первыми охранительными тарифами в Англии можно было бы назвать тариф 1534 г., во Франции — тарифы 1564, 1577 и особенно 1571 гг.

Как известно, в тарифах Кольбера 1664 и 1667 гг. система охранительных пошлин была вполне и систематически разработана. Высокие вывозные пошлины на сырье и высокие ввозные пошлины на готовые изделия, ввозные льготы для сырья и вывозные льготы для готовых фабрикатов, — таковы были принципы

¹ Для Франции см. *A. Callery, Les douanes avant Colbert et l'ordonnance de 1664*, помещ. в *Revue historique* 7-е année, tome 18 (1882), 47 и сл.; эта работа появилась отдельным изданием под заглавием *Histoire générale du système des droits de douane aux XVI et XVII siècles*, 1882; для Англии см. *Hub. Hall, A History of the Custom Revenue in England*, 1885.

политики, которую мы называем кольбертизмом по имени ее завершителя. Политика эта, подобно политике монополий, господствовала во всех странах вплоть до половины XIX в. и даже в Англии, в стране свободной торговли по преимуществу, первая брешь в существовавшей до тех пор системе высоких охранительных пошлин была пробита торговым договором, который Питт в 1786 г. заключил с Францией. Несмотря на реформы Гускиссона в 1824 и 1825 гг. в эпоху тарифной реформы Пиля (1845 г.), оказалось еще 130 различных товаров, на которые предстояло отменить пошлины.

* * *

Мы очень неполно оценили бы торговую политику меркантилизма, если бы мы не упомянули одно мероприятие, особенно сильно содействовавшее капиталистическим интересам: отмену внутренних пошлин. Границы старого городского округа как бы раздвинулись теперь до государственной границы, и входившая в нее область не должна была отныне разрезаться на части никакими таможенными барьераами. Система внутренних пошлин особенно сильно была развита во Франции и Германии. Во Франции Кольберу удалось (1664) по крайней мере отчасти отменить внутренние пошлины, — именно те, которые взимались в 20 «provinces des cinq grosses fermes», — так что с этого времени Нормандия, Пикардия, Шампань, Бургонь, Турень, Пуату, Анжу, Иль де Франс и Париж срослись в единое однородное целое. Французская революция окончательно завершила реформу, между тем как в Германии пограничные пошлины в отдельных немецких государствах (соответствовавших приблизительно французским провинциям) были отменены только после создания таможенного союза (1834).

3. Премирование.

Наряду с монополями и покровительством путем искусственного воздействия на движение товаров в арсенале меркантилистской хозяйственной политики нашлись и другие средства для оказания льгот капиталистическим интересам.

Все их можно суммарно обозначить термином «пособия» или «премии». Выдача этих премий должна была склонить людей к капиталистической предпринимательской деятельности, а там, где они уже решили заняться промышленностью, торговлей или каким-нибудь другим выгодным промыслом, премии должны были дать им возможность нажиться.

В своем «Словаре» Савари¹ перечисляет все льготы, которые дает государство предпринимателям и рабочим в королевских мануфактурах. Льготы эти таковы:

1. Предприниматели получают:

наследственное дворянство (наиболее крупные из них);

разрешение принять французское гражданство (если они иностранцы);

освобождение от ввозных или вывозных пошлин, взимаемых с привозимого сырья или с продаваемых ими готовых изделий;

беспроцентные ссуды сроком на несколько лет;

годичные пенсии (высота которых определяется в зависимости от успешности предприятий);

разрешение получать соль по оптовым ценам;

разрешение варить пиво для себя, членов своей семьи и своих рабочих;

земельную площадь для постройки мастерских;

право «committimus»;

освобождение от промышленного надзора.

2. Рабочие получают:

освобождение от налогов;

права мастеров.

Главное значение для предпринимателей имели, конечно, субсидии, получавшиеся наличными деньгами из государственной кассы. Субсидии эти составляли во Франции весьма значительные суммы, особенно в правление Кольбера. По приблизительным исчислениям между 1664 и 1683 гг. на основание и субсидирование промышленных предприятий было истрачено 1800 тыс. ливров; в эту сумму не входили ни содержание государственных мануфактур, стоявшее 3 млн. ливров, ни закупки, производившиеся Людовиком XIV в привилегированных предприятиях, ни пенсии, выдававшиеся предпринимателям. Гифрей, автор «Comptes des bâtiments du roi» вычисляет, что на прямую поддержку текстильной промышленности было истрачено всего 5½ млн. ливров: 2 млн. на пенсии и субсидии и 3 млн. на заказы ковров и тканей. Кроме того правительство побуждало провинции и города финансировать промышленные предприятия, и многие провинциальные штаты, в особенности Лангедок и Бургонь², а также города

¹ Савари, Словарь торговли, ст. «Мануфактуры», 2, 632.

² В 1667 г. они дают промышленникам аванс в 400 тыс. ливров на устройство 200 станков для тканья саржи; в следующие годы субсидии продолжают выплачиваться — Левассер, История промышленности, 2, 241.

вроде Лилля, действительно содержали некоторые промышленные предприятия на собственные средства. «Все изобретения пользовались покровительством и получали привилегии; королевская казна как бы стояла на рынках и проезжих дорогах и подстерегала людей с каким-либо изобретением в голове, чтобы вознаградить их» (Генрих Лаубе).

Государи повсюду оказывали содействие капиталистической промышленности, — хотя не с одинаковой горячностью и готовностью к жертвам, но в общем теми же самыми средствами. В Англии особенной популярностью пользовались премии за вывоз готовых изделий¹. Для оказания льгот промышленникам были найдены и другие пути: так, например, со времен Елизаветы английские короли уступали капиталистам право преимущественной покупки руды, добывавшейся на оловянных приисках в Корнуэльсе².

Такие меры принимаются во всех решительно странах. В Австрии с половины 1760 г. на субсидии и авансы промышленности тратилось ежегодно 50 тыс. — 80 тыс. флоринов³.

III. Регламентирование.

Подобно тому как абсолютистское государство переняло первую основную идею средневековой хозяйственной жизни, гласившую, что никто не имеет права заниматься хозяйством без разрешения свыше, так же точно оно строго придерживалось и второй средневековой идеи: каждый должен сообразовать свое хозяйственное поведение с указаниями начальства. Первую идею я назвал идеей привилегии, вторую — идеей регламентирования. Под властью этой последней живет вся ранне-капиталистическая эпоха.

Утверждали, что абсолютистское государство отличается особым пристрастием к изданию всякого рода правил: именно в этом и проявляется господство идеи регламентации, начиная от Фридриха II и итальянских государей эпохи Тречento и кончая Стюартами, Людовиком XIV и Фридрихом Великим. То, что на первых стадиях абсолютистского государства восхвалялось, как его обязанность, и выставлялось, как его идеал (об этом мы уже слышали от Буркхардта), в XVII и XVIII вв. целиком претворилась в действительность. Послушаем, о чем заботилось правительство наименее «регламентированной» страны — Англии (в эпоху Стюартов — в качестве примера я беру 1630 г.):

¹ Кеннингем, 2, 516.

² G. R. Lewis, *The Stannaries* (1908).

³ Птибрам, указ. соч., стр. 71 и сл., 132.

плохо красится шелк: издается приказ, что для окрашивания следует употреблять только испанскую черную краску; ощущается недостаток хлеба: издается приказ, что по пятницам и прочим постным дням жители не должны кушать вечером хлеб;

плохо поставлено рыболовство: издается приказ о назначении комиссии обследования;

изготовленные сукна отличаются иногда дефектами по части длины, ширины и веса: назначаются специальные комиссии для Соммерсета, Вильса, Глостера и Оксона, куда и направляются особые наблюдатели;

шерстяная промышленность нуждается в поддержке: издается указ, чтобы сукна изготавливались только из туземных сортов шерсти;

фальсифицируется окраска тканей: издается приказ, воспрещающий пользоваться для окраски красильным деревом;

жители потребляют много привозной проволоки: издается приказ, чтобы заграничная проволока больше не ввозилась;

городу грозит перенаселение: издается приказ, воспрещающий постройку домов в Лондоне и на три мили в окрестности;

усиливается потребление табака: издается указ, воспрещающий культуру табака в Англии¹, и т. д. и т. д.

Так как нас интересует только строй хозяйственной и в особенности промышленной и коммерческой деятельности (поскольку он не исчерпывается системой привилегий), то на нижеследующих страницах мы постараемся установить, какова была сущность этого строя в абсолютистском государстве, какие черты его были заимствованы от прежнего времени и что новое появилось в нем.

При этом нам приходится констатировать то, что уже само собою вытекает из высказанного: хозяйственный уклад средневековья, нашедший себе выражение в цеховом строе, во всех своих основных идеях сохраняется без изменений на протяжении всей раннекапиталистической эпохи. Хозяйственное право, следовательно, попрежнему обставлено ограничениями.

Из этого, конечно, не следует, что абсолютистское государство не вносило в старый хозяйственный строй существенных изменений. Об этих изменениях мы будем говорить ниже.

¹ Тексты указов можно найти у Rymers, Foedera, 19, 187—235.

Прежде всего в эпоху абсолютистского государства цеховой строй во многих отношениях принимает более строгий характер и получает всеобщее распространение. Ордонансы французских королей с конца XVI в. повсюду насижают принудительные гильдии и строго проводят принцип обязательной принадлежности к цеху. Наиболее важными из них являются ордонанс Генриха III от декабря 1581 г. и ордонанс Кольбера от 1673 г. Когда в середине XVIII в. многие цехи возобновляют свои статуты, то это делается для того, чтобы новым опубликованием их усилить дух исключительности. Так, например, медники утверждают, что цех особенно полезен там, где приходится иметь дело с купцами или мастерами различных цехов и гильдий, которые все время покушаются на промысел сказанныного цеха, нарушая его права и изданные указы и постановления¹.

Английские цехи, основывавшиеся в XVI—XVII вв., проявляют в своих уставах, пожалуй, еще более исключительный и нетерпимый дух, чем цехи средних веков². Как известно, и в Германии в XVI и XVII вв. цехи принимают все более замкнутый и строгий характер³.

Число цехов в эту эпоху значительно увеличилось: в 1762 г. в Париже было 60 цехов, вскоре после издания кольберовского промышленного устава их числилось 83, а в 1691 г.—уже 129⁴; в Пуату в середине XVI в. было 25 присяжных ремесленных цехов, в 1708 г.—35, в 1717—43⁵.

Это обострение цеховых тенденций обнаруживалось, конечно, главным образом, в области ремесла и по большей части объяснялось затруднительным положением, в какое попали многие промыслы благодаря развитию капитализма. Но не в малой степени новшества эти коснулись и капиталистических интересов: так, например, все предписания статутов, относившиеся к надзору за промышленностью и стремившиеся обеспечить доброкачественность изделий, согласную с приказами организацию предприятий и т. д., были направлены главным образом по адресу капиталистической промышленности. Насколько живо было заинтересовано государство в регламентировании этих предприятий, видно из слов Кольбера во введении к французскому про-

¹ См. список новых статутов у Левассера, История промышленности, 2, 451 и сл.

² Уинвии, «Пром. орг.», 103 и сл.

³ См., например, ст. Штиль, Цехи в HSt.

⁴ Савари, Словарь, ст. Corps et Commerce.

⁵ Буассональ, Исследование об организации труда в Пуату, 2, 6, 15.

мышленному уставу 1669 г. (устав этот должен был заменить собою полтораста специальных распоряжений, изданных до тех пор): «Мы желаем насколько возможно искоренить злоупотребления, практиковавшиеся в течение многих лет по части длины, ширины, прочности и доброкачественности сукна, саржи и других шерстяных и льняных изделий, и сделать все эти материи единообразными по сорту, названию и качеству, где бы они ни производились. Это делается и для того, чтобы увеличить внутреннюю и внешнюю торговлю нашего королевства, и для того, чтобы помешать обману покупателей». «Самое важное — это издавать регламент», — сказал Кольбер как-то по другому поводу¹.

В XVIII в. регламенты становятся все строже и мелочнее: они касаются 100—200 предметов и содержат в себе все большее и большее количество производственных предписаний. Законодательство усложняется. До 1683 г. регламентов было 48, от 1683 до 1739 гг. насчитывается уже 230 «эдиктов, приказов и регламентов, касающихся промыслов»². «Нашиими современниками овладело безумие, к какому никогда нельзя было бы считать способным человеческий дух», — в ужасе восклицает Ролан, писавший для «Энциклопедии» статьи о промышленности³.

В других странах положение вещей немногим отличалось от Франции: английская текстильная промышленность уже с давних пор была скована строгими правилами (в том числе и хлопчатобумажная промышленность, которая, впрочем, развивалась несколько свободнее). Законы 1329, 1469, 1484, 1585, 1593 гг. и др. регулируют размеры материй; законы 1515, 1518 гг. и др. касаются процесса фабрикации, торговых знаков и т. д. Для проведения законов в жизнь был организован строгий промышленный надзор, существовавший даже еще в XVIII в.: в 1806 г. комиссия по обследованию положения шерстяной промышленности обнаружила 70 законов, регламентировавших производство.

В Голландии в XVII и XVIII вв. мы встречаем такие же точно предписания о способах фабрикации и продажи, о правительственно контроле и т. д. Предписания эти не только перешли от средневековья, но и часто возобновлялись и умножались в числе: «во второй половине XVIII в. власть более, чем когда-либо, ста-

¹ Depping, *Introd. à la correspondance administr. de Louis XIV*, т. III, р. IV—VI.

² Там же.

³ «C'est l'époque d'un délire dont on n'aurait jamais cru l'esprit humain susceptible». Enc. méth. Mf. 1, 4. В статье под словом *Règlement* дословно приводятся детальные предписания 1779 и 1780 гг.

ралась притти на помощь промышленности, связывая ее по рукам и по ногам» (Ласпейрес). Один за другим издаются запрещения фальсификации: фальсификации хмеля (1721), молока и сыра (1727), масла (1725), индиго (1739) и т. д. Все в новых и новых отраслях промышленности заново регулируется производственный процесс: в шерстяном ткачестве (1723), в красильном деле (1766), в изготовлении пеньки (1770, 1790), в изготовлении парусины (1759) и т. д.

Ту же самую картину мы видим и в Австрии¹: указы относительно изготовления пряжи, сукна, полотна. «Австрийская политика XVII и XVIII вв. идет целиком по стопам Кольбера. Выражения: регламентирование, государственная опека, полицейский надзор — характеризуют систему, с помощью которой правительство, по примеру Кольбера, хотело воздействовать в воспитательном духе на промышленность. Путем строгого контроля и единообразия в процессах труда старались обеспечить доброкачественность производства...²

Особенно охотно занимались регламентированием в стандартной промышленности того времени — в текстильной индустрии. Но и в прочих отраслях промышленности производство должно было подчиняться строгим правилам: так, например, германские приказы относительно выделки жести содержат в себе точные предписания о числе и величине молотов, о величине, ширине, длине, способе обрезки и рисунке жестяных листов³.

Чрезвычайно мелочные регламенты издаются для бумажной промышленности⁴ и других отраслей.

Если эти регламенты во многих случаях затрагивали капиталистическую промышленность и капиталистическую торговлю просто потому, что и та и другая входили в понятие торговли и промышленности (но не вследствие их капиталистической формы), то с другой стороны, имелась масса таких предписаний и таких мероприятий, которые сообразовались с капиталистическим характером торговли и промышленности и обозначали прямое нарушение, обход или преобразование ремесленного строя. Этими предписа-

¹ Пшибрам, указ. соч., стр. 76 и сл.

² Г. Ф. Срабик, 304; ср. стр. 286 и сл.

³ См. например, предписания саксонского курфюрста от 1660 и 1666 гг., перепечатанные во «Всеобщей сокровищнице купечества», 1 (1741), 585—86.

⁴ См., например, регламенты 1671, 1730, 1739, 1741 г., самым мелочным образом регулирующие бумажную промышленность в Ангуме. Они приведены у Р. Бодисонаде, L'ind. du papier en Charente. Bibl. du «Pays Poitevin». № 9 (1899), 13 и сл.

ниями абсолютистское государство старалось содействовать капиталистическим интересам — нередко за счет ремесла.

Я имею в виду прежде всего устранение всех тех ограничений цехового промышленного права, которые имели целью помешать расширению предприятий, — ограничений числа подсобных рабочих, средств производства (ткацких станков) и т. д. Новые индустрии категорически освобождались от этих ограничений, или же ограничительные предписания вычеркивались вообще из промышленных уставов: так, например, статут ремесленников эпохи Елизаветы еще содержит в себе предписание семилетнего срока ученичества, но в нем уже нет никаких ограничений числа учеников при условии, если оно находится в определенном соотношении с числом рабочих.

IV. Унификация.

Существенным образом содействовали капиталистическим интересам прежде всего те мероприятия меркантилистской политики, которые можно назвать мерами по национализации цехового строя и которые с одной стороны должны были устранить все препятствия, созданные средневековыми городами ради выгод местных жителей, а с другой стороны, по возможности упростить промышленное право всей страны.

Эта национализация достигалась или тем, что вместо города или цеха выступало в качестве контролирующего и надзирающего органа государство, или тем, что цехи превращались в национальные союзы, или тем, что для нововозникающих отраслей промышленности заранее создавались общенациональные цехи. Так как в эту эпоху во многих отраслях промышленности менялась сама форма хозяйства, и ремесло превращалось в домашнюю промышленность, то соответственно этому и новые национальные цехи с самого же начала стали носить характер организации кустарной промышленности (*Hausindustrie*). Этот тип государственных промышленных союзов в XVII и XVIII вв. возникает во всех странах, становится массовым явлением и накладывает своеобразный отпечаток на промышленный строй той эпохи. Мы не будем здесь детально рассматривать эти изменения, ибо они прекрасно освещены в целом ряде хороших книг и отлично известны каждому, изучавшему ранне-капиталистическую эпоху. Для полноты я укажу только на несколько важнейших законов и распоряжений.

В Англии и Франции, в согласии с сильно проявлявшимися там тенденциями к единству, национализация цехового строя начинается

уже в средние века — при последних Плантагенетах и первых Валуа. Первыми шагами были ордонансы 1307, 1351 и 1383 гг. В обеих странах национализация завершается почти одновременно — во второй половине XVI в.: в Англии она достигается елизаветинскими статутами о ремесленниках и подмастерьях, а во Франции — ордонансами Генриха III от 1581 г. и Генриха IV от 1597 г. Содержание этих законов было по существу одинаково: цеховой строй утверждается, но лишается своего местного характера. Английские законы учреждают определенно выраженные национальные цехи, отчасти на развалинах местных цехов; цехи должны надзирать за промышленностью, и полномочия их выводятся из воли королевской власти. Во французских ордонансах признается в известных границах свобода передвижения: каждый мастер, занимающийся тем или иным промыслом, может селиться и в другой местности, находящейся в границах одного и того же бальифства или сенешальства, но только не в Париже. Парижские мастера могут свободно селиться в любом месте королевства.

До введения промышленной свободы такой степени однотипности, как во Франции и Англии, цеховой строй не достиг ни в одной из прочих стран, не исключая и Германии.

Тем не менее имперский цеховой устав от 16 августа 1731 г. (опубликованный в Австрии 16 ноября 1731 г. под названием генерального цехового патента) старался проводить те же унифицирующие тенденции, как и упомянутые выше западно-европейские законы; более крупные германские государства (Бранденбург — Пруссия в 1668 г.) старались самостоятельно регулировать цеховой строй, другими словами, национализировать его.

Наиболее важным мероприятием для согласования цехового строя с требованиями капиталистической организации было создание новых, совершенно своеобразных союзов для развивающихся отраслей кустарной промышленности, которые во многих случаях стояли еще на промежуточной ступени между ремеслом и капитализмом. Такие уставы, касающиеся организаций кустарной промышленности, издаются во Франции и Англии почти одновременно — во второй половине XVI в. и первые десятилетия XVII в. и притом в очень большом числе: во Франции сюда относятся ордонанс 1583 г. о цехе скорняков, ордонанс 1575 г. о цехе брючников, ордонанс 1575 г. о цехе изготовителей поясов, ордонанс 1656 г. о цехе перчаточников, ордонанс о цехе лионских шелковых ткачей, окончательно разработанный в 1700 г. Относительно парижской промышленности следует использовать III том сочинения Леспинаса (*Lespinasse, Métiers de Paris*) об ордонансе, касающемся лионских шелковых ткачей, говорит специальная литература, посвященная лионской шелковой промышленности. Из этой литературы особенно ценным трудом является *Godard, L'ouvrier en soie* (1899). Ср. также A. du Bourg, *Tableau de l'ancienne organisation du Travail dans le midi de la France* и H. Hauser, *Les questions Ind. et comm. dans les cahiers de la Ville et des Communautés de Paris aux Etats Généraux de 1614*, в *Vierteljahrsschr. f. Soz. u. Wg.* 1, 376 и сл.

В Англии соответствующим образованием являются компания суконщиков, гильдии кожевников, ювелиров, торговцев галантереей, портных, торговцев железом, шорников, ножевщиков, торговцев кожей, кузнецов, производителей поясов, столяров, производителей оловянных изделий и т. д. Все эти организации относятся приблизительно к одному и тому же времени, к эпохе Елизаветы. Особенno поучительным примером новых цехов, осно-

ванных на капиталистическом базисе, является Company of Stationers, в которой объединялись издатели и типографщики. Союзы английской домашней промышленности в настоящее время получили новое освещение в книге Уинниа.

В других странах мы встречаем совершенно такие же союзы: в Голландии в 1752 г. основывается гильдия ткачей простынь и шелковых лент, в 1756 г.—гильдия производителей кружев.

В Германии наиболее известными примерами могут служить цехи золингенских ножовщиков и производителей мечей, кальверская компания по торговле материями, союз франкских чулочников, ремесленные союзы в зонненбергской игрушечной промышленности.

Для освещения существовавших в Германии отношений могут служить кроме вышеназванных также и следующие сочинения: A. Thun, Industrie am Niederrhein, Bd. II (1879); W. Troeltsch, Die Calver Zeughandlungskompanie 1897; Georg Schanz, Zur Geschichte der Colonisation und Industrie in Franken 1884; Статья Шмидлера в его «Ежегоднике» II (1887); 369 и сл. Louis Bein, Die Industrie des sächsischen Voigtlandes 1884; G. Schmidler, Das Recht und die Verbände der Hausindustrie, Schm. Jahrbücher, 15 (1890), 1 и сл. H. Dressel, Die Entwicklung von Handel und Industrie in Sonneberg (1909), 55 и сл. Аналогичный ход развития в Австрии освещен у Пшибрама, указ. соч., стр. 42 и сл.

Глава XXV. Транспортная политика. Литература.

По этому вопросу следует указать на многочисленные монографии, которые я приведу во II томе при описании транспортного дела. Некоторые части транспортной политики абсолютистского государства во Франции исследованы в превосходном сочинении Е. J. M. Vignop, *Etudes historiques sur l'administration des voies publiques en France en XVII et XVIII siècles*, vol. 4, 1862—1880. Многие сочинения, указанные в предыдущей главе, также касаются транспортной политики.

I. Мероприятия по содействию частным предпринимателям.

Для улучшения средств сообщения меркантилистская политика пользуется отчасти теми же самыми средствами, как и в отношении торговли и промышленности. Самые важные из этого рода мероприятий таковы:

1. Предоставление монополий и привилегий.

Из льгот, предоставленных национальному судоходству, выразились транспортные монополии: так, например, перевозка товаров между определенными пунктами, в особенности же судоходство с использованием главных гаваней страны, предоставлялась исключительно кораблям собственной страны.

Меркантилистская судоходная политика, являющаяся оять-таки лишь продолжением судоходной политики городов, всюду носит одни и те же резко протекционистские черты. Как известно, черты эти ярче всего проявились в Англии, где тенденции к монополизации начали сказываться уже при Ричарде II. Так, закон 5-го года царствования Ричарда II (с. 3) постановляет: «Ни один из подданных короля не должен вывозить или ввозить товары на каких-либо иных кораблях, кроме английских». Дальнейшее развитие эта политика испытала при первом Тюдоре, затем на некоторое время приостановилась, но со времен Елизаветы (воспрещение берегового плавания чужеземным судам) снова вошла в силу и достигла апогея в навигационном акте Кромвеля (1167). На этой точке она оставалась до XIX в. Знаменитый навигационный акт постановлял:

1. Товары азиатского, африканского или американского происхождения как из британских колоний, так и из других местностей, должны ввозиться в Англию и в Ирландию только на кораблях, которые принадлежат британским подданным и большинство экипажа которых состоит из британских подданных;

2. Товары, привозимые из европейских стран, могут привозиться в Англию только на английских судах или на судах той страны, где они произведены;

3. Право рыбной ловли предоставляется исключительно английским судам;

4. Право берегового плавания предоставляется исключительно английским судам.

Подобные же меры принимались и во Франции. Согласно ордонансу 1555 г., французы могли зафрахтовывать только французские суда. В 1659 г. был введен особый дифференциальный налог в 50 солей с каждой тонны вместимости иностранных судов; в 1670 г. сношения с колониями разрешаются только французским судам и т. д. Суммарный обзор см. у Лексиса, ст. «Судоходство» в HSt. 7 258 и сл.

Монополии и привилегии используются и для того, чтобы способствовать более быстрому развитию сухопутного транспорта.

Перевозка по сухопутным и водным путям, в особенности перевозка писем, в большинстве государств уже в довольно раннюю эпоху объявляется регалией.

2. Премирование.

Все занимавшиеся мореходством государства прилагали чрезвычайные усилия для развития национального судоходства путем искусственной системы премий. Уже в итальянских государствах, затем в Испании (закон 1498 г.), во Франции и особенно в Англии премирование судостроения является постоянно практикуемой мерой: Елизавета и Яков I выдают премию в 5 шилл. за тонну при постройке кораблей вместимостью свыше 100 т, Карл I (1626) выдает столько же при постройке кораблей вместимостью свыше 200 т¹; эту политику продолжает и Кромвель, и она остается в силе еще в течение всего XVIII в².

К этим денежным премиям присоединяются еще и другие льготы, предоставляемые судостроению: при Елизавете государство принимало меры для обеспечения судостроения деревом, пенькой и канатами, для развития морского рыболовства (которое должно было подготовлять матросов) и т. д. Эта политика продолжается в Англии в течение XVII и XVIII вв³.

¹ А́ндерсон, Происхождение торговли, 2 318.

² Кеннигем, Развитие и т. д., 2 483 и сл.

³ Кеннигем, Развитие и т. д., 2 483 и сл.

3. Унификация.

Транспортная политика абсолютистского государства стремилась к тому, чтобы унифицировать публичное транспортное право и приспособить его к потребностям оживляющегося товарооборота: ярмарочное право, системы мер и весов и отчсти, как мы увидим, монетная и денежная системы преобразуются государством и устанавливаются для всей его территории в целом.

II. Государственное содействие транспортным интересам.

Своеобразие транспорта и его условий вынуждало государство самолично выступать на сцену и по собственной инициативе создавать транспортные институты для содействия развитию транспортного дела. Особенное внимание государи нового типа обращают на улучшение сухопутных и водных путей сообщения и начинают впервые заботиться об организации внутреннего сообщения: начало государственной почты относится именно к этому периоду.

Особенно много сделали в этой области французские короли, начиная с Филиппа Красивого, который сделал Сену судоходной вплоть до Труа. Со времени Генриха IV транспортное дело было централизовано и был учрежден пост главного заведующего французскими дорогами; первым этот пост занял Сюлли. В государственном бюджете регулярно назначаются ассигновки на сооружение дорог и мостов: уже в эпоху Генриха IV они составляют ежегодно около 400 тыс. ливров¹. Кроме того в дорожных расходах участвовали провинции и города.

В 1609 г. на очистку русла рек было истрачено 870 тыс. ливров; деньги эти, как говорит Сюлли в своих мемуарах, «пошли на различные каналы и углубление многих рек, вроде Луары, Сены, Эна, Велля, Вьены и Щина». При Сюлли во Франции впервые началось строительство каналов². Был построен Бриарский канал, предназначенный не только для обслуживания столицы, но и для соединения Средиземного моря с океаном (на первых порах были соединены каналом Сена и Луара). На постройке было занято 6 тыс. человек. Канал, начавший строиться в 1605 г., был закончен в 1642 г.

При Кольбере эта политика продолжала проводиться с боль-

¹ Точные цифры расходов на улучшение сухопутных и водных путей в 1600—1661 гг. приведены у Vignot, *Voies publiques. App. au tome premier*, стр. 2, в 4 т.

² Вильон, указ. соч., 1, 61.

шой решительностью: улучшаются дороги, углубляются реки, под руководством Рике проводится большой канал между Средиземным морем (Рона) и Атлантическим океаном (Гаронна), так называемый Южный канал (1666—1681). В годы 1666—1683 издержки составляют¹:

На мосты и дороги	4 860 489 ливров
» замощение Парижа	1 436 641 »
» постройку каналов	9 619 315 »
Всего на улучшение путей сообщения	15 916 445 ливров

В годы 1737—1769, относительно которых мы имеем точные данные, расходы на вышеназванные цели колеблются между 2297 001 ливров и 4 011 125 ливров, в последние же годы составляют около 4 млн. ливров.

В Англии забота о грунтовых дорогах предоставлялась местным жителям, а постройка искусственных каналов — частному капиталу². Углубление рек входило в ведение правительства³.

В Германии некоторые из западных германских территорий с начала XVIII в. начали заниматься сооружением шоссе, а Бранденбург-Пруссия с эпохи Великого Курфюрста стала строить государственные каналы.

Так как государственное содействие транспорту тесно соприкасается со стремлениями частных лиц, так как о положительных результатах транспортной политики нельзя судить, не касаясь фактического положения транспортного дела, и так как, наконец, это последнее зависит в своем развитии не только от государства, но и от других условий, то я буду детально рассматривать государственные транспортные мероприятия и достигнутые ими успехи только во втором томе, где я описываю транспортное дело вообще. К этому тому я и отсылаю читателя, не удовлетворенного данным здесь обзором. Там он найдет и детальное рассмотрение почтового дела, организация которого во многих странах исходила от государства, и потому, строго говоря, составляет часть государственной транспортной политики или транспортного управления. Вследствие особенностей самого предмета нередко приходится отказываться от такого строгого расчленения различных сторон одного и того же фактического комплекса, какое было бы желательно с точки зрения отчетливого распределения материала.

¹ Виньон, указ. соч., I, 133.

² Кеннингем, 2, 532 и сл.

³ Forbes-Ashford, Our Water Ways (1906), 61 и сл., 64 и сл.

Глава XXVI.

Деньги.

Предварительные замечания.

Глава о деньгах в рамках этого отдела занимает особое положение. Как знает читатель, отдел этот посвящен главным образом описанию всех жизненных проявлений нового государства, которые содействовали капиталистическому способу хозяйства. Но к числу таких проявлений, конечно, нельзя отнести те немаловажные элементы государственной денежной политики, которые представляют собою скорее «препятствие» для капиталистического развития, хотя косвенно, независимо от воли законодателей, они очень часто способствовали как раз развертыванию капиталистической сущности. Элементы эти нельзя выделить из общего целого государственной денежной политики, не затрудняясь понимания остальных мероприятий, благоприятных для капитализма. Чтобы основательно понять смысл государственной монетной и валютной политики, неизбежно приходится описывать фактическое положение денежного дела хотя бы в некоторых наиболее важных его проявлениях, причем приходится затрагивать и эпоху средневековья. Но, с другой стороны, денежная система есть одна из отраслей государственного управления и противостоит экономическому миру как некая данность, остается в совокупности своей «основой», почему ее и нельзя рассматривать, подобно транспортному делу, во втором томе, где описывается ход хозяйственного процесса.

Результатом всех этих соображений и явился нижеследующий очерк, который, дав краткое теоретическое обоснование, пытается обрисовать историю денег в век раннего капитализма. Одну часть этой истории — превращение благородных металлов в чеканные деньги — я могу окончательно закончить лишь там, где я объясняю использование благородных металлов и их связь с ценообразованием, именно в XXXVI главе.

Само собой разумеется, что при этом мы, как всегда, будем выделять лишь некоторые главные пункты. Характеризуя особенности этого «очерка по истории денег», я хотел бы воспользоваться фразой одного из первых исследователей монетного дела (Г. Гроце), который начинает свой мастерский «Обзор истории германских денег и монет и современных видов монет» (См. его «Münzstudien», 1 (1855), стр. 139 и сл.), следующими прекрасными словами: «Я не хочу быть учителем плавания, — я хочу быть только шестом с надписью: неизмеримая глубина». Главное внимание и здесь обращено на то, чтобы показать однородность развития в главных странах Европы.

Источники и литература.

К I (Деньги, возникающие из обмена, и деньги, установленные государством). Достаточно указать на книгу G. F. Кнэрр, *Staatliche Theorie des Geldes* (1905; 2 изд. в 1912), а из более старой литературы — на Критику политической экономии Карла Маркса (1859). Маркс может считаться типичным для всех современных «металлистских» теоретиков денег; все они, как, например Книс и Менгер, — я называю только наиболее значительных, — идут по его стопам.

К II (Металлические деньги). Литература и источники здесь двоякого рода. Приходится пользоваться и работами, посвященными историей монет, и работами, посвященными истории денег. Обе группы чрезвычайно различны по количеству и по качеству. Литература по истории монет (нумизматическая) находится, насколько я могу судить, в блестящем состоянии: специальные монографии здесь столь же многочисленны, как и суммарные описания. Целый ряд превосходных повременных изданий посвящен методическому выяснению главнейших вопросов. Для наших целей достаточно упомянуть здесь две новейших работы, которые еще надолго останутся высшими точками развития научного исследования, в данной сфере: прекрасные работы A. Engel et R. Serrure, *Traité du numismatique du moyen âge*, vol. 3. 1894—1901 и A. Engel et R. Serrure, *Traité du numismatique moderne et contemporain* (16—18 sc.), 1897 представляют собою собрание материалов, а A. von Luschin von Ebengreuth, *Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit*, 1904, дает превосходную и систематическую обработку материала. Последняя книга наиболее важна как очерк монетоведения, ибо эта именно часть разработана в ней лучше всего, между тем как история денег значительно менее ценна. Тем не менее и данное Люшином описание истории денег заслуживает нашей признательности, так как в более новое время оно вряд ли имеет себе равных в смысле обстоятельной разработки предмета. Нехватавшую этой книге прочную теоретическую основу и чисто политико-экономическую постановку проблем политико-экономом найдет в статьях Лексиса в H. St. «Благородные металлы», «Биметаллизм», «Золото», «Серебро», «Монеты». Статьи эти в смысле систематичности представляют собою величайшее достижение науки в области истории денег. В соответствии со своей целью они изложены в отрывочной и афористической форме (и, к сожалению, бесконечно трудны для чтения). Кроме этих статей из более новых общих работ (не говоря о книгах Дель Мара, совершенно непригодных в области истории денег вследствие своей некритичности) следует упомянуть соответствующие отделы в «Теоретической социальной экономии» Ад. Вагнера, II т., 1909, а также книгу W. A. Shaw, *The History of Currency* (2 изд. 1896 г.; я пользовался первым изданием 1894 г.). Это чрезвычайно ценная и незаменимая работа. Следует однако отметить, что Шоу касается главным образом одной проблемы истории денег (хотя и чрезвычайно важной): борьбы за деньги между государством и обменом (как можно выразиться ради краткости). Ср. также введение к нижеупомянутой книге Е. Ньюлинга. Другие хорошие работы по истории денег, вышедшие за последние годы, касаются частичных тем: они рассматривают отдельные эпохи денежного дела в Кельне, Бранденбурге—Пруссии, Померании, Флоренции, Вене, Эльзасе, Англии и т. д. Особенного внимания заслуживает обстоятельная *Münz- und Geldgeschichte der im Grh.*

Baden vereinigten Gebiete, изданная баденской исторической комиссией в обработке д-ра Юлиуса Кана. Первая часть (1906) касается Констанцы и области Боденского озера в средние века. Далее следует упомянуть описание прусской монетной системы в XVIII в. *Acta borussica*, 1904 и сл. в обработке Ф. Ф. Шреттера, а также работу *Alfr. Smidt, Geschichte des englischen Geldwesens im XVII und XVIII Jahrhundert*, 1914.

К сожалению, ощущается полный недостаток в сколько-нибудь пригодных и содержательных изданиях документов по истории денег, так что до сих пор приходится пользоваться старыми, иной раз очень старыми сборниками. Опубликование наиболее важных указов относительно денег, ордонансов, решений рейхстага и т. д., касающихся денежной системы в всех европейских стран, было бы чрезвычайно благодарной задачей. Пока что наиболее полные сведения по этой части дают следующие сочинения:

Для Франции: *Le Blanc, Traité historique des monnoies de France*, 1690 (*Dupré de Saint Maur*), *Essais sur les monnoies etc.* 1746.

Для Италии: *Ph. Argelatus, De monetis Italiae varior. illustr. virorum dissertationes*. Vol. 6, 1750—1759. Кроме общих рассуждений содержит также богатое собрание документов.

Для Англии: *Ruding, Annals of the Coinage of Britain*. 3 vol. 1840; *W. A. Shaw, Select tracts and Documents illustrative of English Monetary History 1626—1730*, 1896. Содержит в себе трактаты, но не дает никакого законодательного материала.

Для Испании: *A. Heiss, Descripción general de las monedas Hispano-Cristianas*, 3 vol. 1865—1869. Кроме описания монет дает ценный материал источников по истории монет и денег.

Для Германии: *Melchior Goldast, Catholicon rei monetariae sive leges monarchiae generales de rebus numariis et pecuniariis etc.* 1620. *Joh. Chr. Hirsch, Des Teutschen Reichs Münz-Archiv*. 9 Bd. in fol. 1756—1768. Чрезвычайно интересный материал, взятый по большей части из протоколов Ульмского совета, можно найти у *Eugen Hübling, Zur Währungsgeschichte des Merkantilzeitalters. Ein Beitrag zur deutschen Wirtschaftsgeschichte*, 1903. Для Бранденбурга-Пруссии можно воспользоваться вышеупомянутым изданием в *Acta Borussica*.

К III (Банковские деньги). *P. J. Marperger, Beschreib. d. Banken* (1717); описывает, с приведением банковских уставов, четыре наиболее известных жиро-банка своего времени (7—10 гл.).

Об этих банках можно найти сведения также во «Всеобщей сокровищнице купечества» под различными подзаголовками. Ср. *O. Hübner, Die Banken 1854* (где смешиваются в одну кучу все виды «банков») и статья, *P. Эренберга в HSt. 2³, 360* и сл. Об амстердамском Виссельском банке см. *Le Moine de l'Espine, Le négoce d'A.* (1710), гл. I и II; *Ricard, Le négoce d'A.* (1723), гл. XXVI.

О гамбургском жиро-банке см. *Levy von Halle, Die Hamb.-Giro-Bank und ihr Ausgang*, 1891. Другую специальную литературу вопроса я привожу в тексте.

К IV (Бумажные деньги). Так как тема эта еще не исчерпывается здесь до конца, то достаточно указать на различные статьи под заглавиями «Банки» и «Бумажные деньги» в *HSt.*, где описан в основных чертах и ход исторического развития, а также на приведенную там литературу.

I. Деньги, возникающие из обмена, и деньги, установленные государством.

Непременным предварительным условием для рассмотрения разбираемых ниже проблем является строгое логическое различие обоих родов денег, названных в заглавии.

Когда Кнапп считает деньги государственным институтом, «созданием правового строя», то он, конечно, прав; но совершенно прав и Маркс, когда он определяет деньги как «всеобщий товарный эквивалент». Это значит, что, как покажет дальнейшее рассмотрение, мы обозначаем словом «деньги» две совершенно различные вещи.

Не существует никаких разногласий насчет того, какие «функции» выполняет в меновом хозяйстве то «нечто», которое мы называем деньгами, но которое мы можем назвать и просто Д или Х. Деньги служат для того, чтобы: 1) измерять «меновые ценности» — они служат выражением всех меновых ценностей; 2) способствовать совершению меновых актов — они являются всеобщим средством обмена и циркуляции; 3) переносить меновые ценности — они являются всеобщим платежным средством; 4) сохранять меновые ценности — они являются средством для образования сокровищ.

Споры начинаются тогда, когда дело идет об определении этого «нечто», о выяснении его «сущности».

По моему мнению, вопрос о «сущности» денег формулирован не очень удачно, и потому я заменю его другим вопросом: благодаря чему (какому авторитету) это неопределенное «нечто» выполняет фактически осуществляемые им функции; откуда выводит оно свою «компетенцию»? Ибо только этот вопрос и относится к кругу социально-научных интересов. Ведь и теоретика административного права в вопросе что такое полицейский (т. е. человек, выполняющий такие-то и такие-то функции) интересует только вопрос: органом какой власти является этот полицейский.

Если мы поставим вопрос о «сущности» денег таким образом, то окажется, что этим словом обозначаются две совершенно различные вещи, ибо это «нечто» выводит свое право быть выражением всех меновых ценностей, всеобщим средством обмена и т. д. из двух совершенно разных источников. В одном случае право это основывается на молчаливом согласии всех участвующих в обмене лиц, в другом случае — на произвольном акте правосозидающей власти (государства). В зависимости от происхождения «полномочий» денег мы можем назвать их деньгами, возни-

кающими из обмена, или деньгами, установленными государством¹.

Если круг функций денег, возникающих из обмена, и денег, установленных государством, в конце концов один и тот же, то все же фактическое выполнение этих функций начинается в том и другом случаях с двух совершенно различных пунктов: деньги, возникающие из обмена, исходят всегда из функции измерения меновой ценности или из функции посредничества при меновом акте, каковую может выполнять только потребительное благо, обладающее собственной ценностью и ставшее товаром,— другими словами начальным моментом является здесь вещественное благо (или оценка). Наоборот, деньги, установленные государством, приходят в мир в качестве платежного средства и именно в силу этого претендуют на выполнение всех прочих функций денег: на осуществление своей начальной функции они получают право благодаря тому, что государство дает им власть покрывать законные обязательства, объявляет их «законным» средством платежа, другими словами,— начальным моментом является здесь государственный акт.

Что именно государство объявляет деньгами, т. е. какой вещи оно придает силу законного платежного средства, с формальной стороны зависит целиком от его усмотрения: оно может объявить платежным средством и старые шляпы, и бумажные билетики, и металлы. «Почему нельзя придать хартальный характер вещам, сделанным из любого материала?» (Кнапп.)

Ясно, что деньги в меновом смысле и деньги в государственном смысле суть совершенно различные друг от друга понятия. Но в действительности оба явления соприкасаются друг с другом, а часто даже взаимно покрывают друг друга. Это бывает в тех случаях, когда деньги, возникшие из обмена, государство признает своими собственными деньгами или наоборот, когда обмен признает установленные государством деньги. При этом, однако, область, в которой оба рода денег могут считаться тождественными, ограничена сферой, на которую распространяется государственная власть, т. е. она пространственно ограничена. Но и внутри государствен-

¹ Совершенно недопустимо то, что делает Кнапп. Сначала он употребляет слово деньги исключительно для обозначения понятия государственных денег или, по его терминологии, «хартального средства платежа», а затем, не опасаясь противоречий, доказывает, что «деньги» есть государственный институт. Это значит насиловать не только словоупотребление, но и саму логику.

ных границ деньги в государственном смысле слова и деньги в смысле всеобщего товарного эквивалента могут весьма сильно отличаться друг от друга. Это обнаруживается в тех случаях, когда, например (как это было в средние века), обмен происходит на основе «валюты металлических слитков» независимо от того, какие деньги признаны государством (или городом), а также тогда, когда в стране обращаются иностранные монеты, не признаваемые государством.

Двойственная природа понятия денег явственно обнаруживается в международном товарообороте, для которого никакой государственный закон не может создать обязательных норм. Международный товарооборот признает деньги только в качестве всеобщего товарного эквивалента, в качестве явления обмена, право которого на существование вытекает из молчаливого *consensus omnis* (согласия всех). Если бы все государства земного шара перешли к валюте кухонных горшков, то все же в международном обороте деньгами было бы только золото (конечно до тех пор, пока оно не было бы замечено каким-либо другим потребительным благом, что вполне возможно).

(Здесь мы не будем касаться вопроса о том, в какой степени валютная политика государств должна сообразоваться с деньгами, возникшими из обмена, в какой степени при создании государственных денег она зависит от денег, возникших на почве обмена.)

Достаточно это констатировать, чтобы признать, что развитой обмен, исходя из своих потребностей, может создать деньги без помощи государства и даже вопреки ему. В связи с этим наблюдается целый ряд так называемых «законов», лучше сказать тенденций развития, существующих над миром денег на всех его стадиях с того самого момента, как деньги вообще входят в широкий оборот. Я имею здесь в виду:

1. «Закон», гласящий, что из нескольких металлов, используемых в стране в качестве денег, тот, который по закону оценивается ниже своей стоимости, исчезает из обращения.

2. «Закон», гласящий, что монеты более полновесные также исчезают из обращения и остаются только деньги более легкого веса.

Обе тенденции объясняются тем, что люди, ищащие своей выгоды (и знающие где ее искать), предпочитают покрывать свои обязательства не большими, а меньшими ценностями.

Впрочем, оба «закона» можно сочетать в один: если в стране обращаются «хорошие» и «плохие» деньги (т. е. деньги более цен-

ные и деньги менее ценные), обладающие одинаковой платежной силой, то «хорошие деньги» обнаруживают тенденцию к исчезновению из обращения. Эта тенденция имела огромное значение для всей истории денег, к которой мы теперь обратимся.

II. Металлические деньги.

1. Общие основы денежной системы от XIII до XVIII вв.

Обозреваемый нами промежуток времени, — ранне-капиталистическая эпоха, — начинается с первых жизненных проявлений широкого междугородного обмена, когда собственно и начинается «история» денег, и заканчивается в тот период, когда дают себя чувствовать последствия, порожденные целым рядом важных событий XVII в.: техникой чеканного дела, законом б-го года царствования Карла II (1666 с. 5), основанием английского банка, с одной стороны, появлением бумажных денег, с другой стороны, и наконец теоретическими сочинениями по вопросу о деньгах, с третьей стороны.

В этот промежуток времени решающими моментами были главным образом следующие обстоятельства:

1. Чрезвычайное несовершенство знания и умения в технической и экономической областях.

Техника изготовления денег¹ была примитивна и на протяжении всей указанной нами эпохи не испытала почти никаких изменений (упомянутые нами ниже успехи техники чеканного дела стали сказываться в Англии только с XVIII в., а в прочих странах достигли практического применения еще позднее). Вся работа, начиная с приготовления сплава и кончая чеканкой, покоилась на чисто эмпирических, ремесленных основах. С начала и до конца она выполнялась ручными рабочими, которые не пользовались никакими иными орудиями труда, кроме формочек, наковален и молотов. В работе принимала участие масса ремесленников, дифференцированных по специальности (в чеканных мастерских можно, если хотите, усмотреть первые затачки мануфактурных предприятий²). Ювелиры (1), повидимому, занимались гравировкой монетных штемпелей (но, конечно, в своей собственной мастерской); наряду с ними упоминаются (например, в так назы-

¹ C. von Ernst, Die Kunst des Münzens von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, пом. в (Wiener) Numismatischen Zeitschrift 12 (1880), 22 и сл., особенно 55 и сл.

² В 1497 г. на севильском монетном дворе работало 170 человек, на гранадском — 100, на бургосском — 98 и кроме того было еще 62 чеканщика.

ваемом венском монетном праве 1450 г.) граверы по железу (2), которые также должны были изготавливать «железа», т. е. штемпеля. Сплавы испытывались первым контролером (3) и вторым контролером (4); после исследования литецщик (5) разливал металл в формы для брусков; затем мастер, изготавливший бруски (6), ковкой доводил их до требуемой толщины и передавал резальщику (7), который с помощью особых ножниц разрезал их на части. Разрезанные куски выравнивались затем ударами молота (8) и передавались штамповщику (9), который должен был наложить на них штэмпель. Чеканка выполнялась следующим образом: один штэмпель укреплялся на деревянном или каменном основании, которое должно было быть достаточно большим и крепким, чтобы выдерживать сотрясения, вызываемые ударами молота. На этот штэмпель клался кусок металла, предназначенный для монеты, и с верхней стороны на него накладывался другой штэмпель; штэмпель этот держал рабочий (10), а другой рабочий (11) ударял по нему тяжелым двуручным кузнецким молотом. Впоследствии вместо ручного молота стал употребляться подвесной молот, дававший возможность более точно соразмерять удары (по мнению Эрнста об этом приходится заключать на основании чрезвычайно ровной верхней поверхности, которой отличаются дошедшие до нашего времени штемпеля; во Франции существование подвесного молота было документально установлено). Но даже и после введения подвесного молота чеканка монет была медленной и тяжелой работой, как это видно из нашего описания трудового процесса. Несовершенство чеканной техники приводило к двум важным последствиям: изготовление монет обходилось дорого, и вес их был неточен. При изготовлении золотых монет издержки чеканки составляли 0,6% всей стоимости монеты; при изготовлении крупных серебряных монет 1,5—3%, при изготовлении мелких разменных монет 8—25%.¹ Вес был неточен потому, что отсутствие химических знаний не позволяло придавать сплаву желательный состав и кроме того не имелось точных инструментов для взвешивания, которые дали бы возможность изготавливать монеты одинакового веса. Весовые отклонения одной монеты от другой составляли иногда несколько граммов.

¹ G. Schmoller, Grundriss d. allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 532. В Базеле в XIV и XV вв. расходы по чеканке составляли 5,72—11,83% стоимости монет. B. Harms, Die Münz- und Geldpolitik der Stadt Basel im Mittelalter (1907), 78.

Так, например, различия в весе английских монет еще в конце XVII в. составляли ¹:

	Стоимость наиболее легких монет				Стоимость наиболее тяжелых монет			
	шилл.	пенс.	пенс.	пенс.	шилл.	пенс.	пенс.	пенс.
Монеты в одну крону .	4	9	10	11	5	1	2	3
Монеты в полкроны .	2	4	5	—	2	7	8	—
Шиллинги	—	10½	11	—	1	1	2	—
Монеты в 6 пенсов .	—	5	5½	—	—	—	—	—

Насколько плохо обстояла техника, настолько же недостаточно было и социально-экономическое понимание сущности и функции денег ². Еще в XIV и XV вв. даже видные люди итальянских торговых городов становились втупик, когда они видели, что все серебро внезапно уходит из страны, или слышали, что их земляки отказываются принимать в уплату монету своей родины. Отчасти улыбку, отчасти сожаление вызывают все время повторяющиеся жалобы французских ордонансов на неразумие или злокозненные намерения народа, не желающего беспрекословно допускать ухудшения качества монет. Словом, в руководящих кругах общества еще совершенно не понимали различия между деньгами, возникающими из обмена, и деньгами, установленными государством.

Поэтому даже при самых лучших намерениях описываемая нами эпоха не смогла бы создать совершенную денежную систему (совершенную в нашем современном меркантильном смысле). Но эта эпоха отличается кроме того еще и следующим.

2. Государство совершенно не задавалось целью создать хорошую в торговом смысле монетную и валютную системы. Наоборот, денежная политика государств до середины XVII в., а в некоторых случаях и до новейшей эпохи (Франция, Германия) преследовала исключительно фискаль-

¹ Haynes, Brief Memoirs relating to the Silver and Gold Coins of England with an Account of the corruption of the Hammer'd Monys and of the Reform by the Late Grand Coinage at the Tower and the five Country Mints (1700). Brit. Mus. Lans. M. S. DCCCI, p. 63, сообщено у Кеннингема, Развитие и т. д., 2, 434.

² Из статьи И. Ястрова, Kopernikus Münz-und Geldtheorie, помещенной в Archiv, т. XXXVIII, можно видеть, что Коперник обнаруживал довольно высокую степень теоретического понимания денег. С другой стороны, Орелиус является ласточкой, которая не делает весны (совершенно так же, как Леонардо да Винчи в истории техники — см. ниже гл. XXIX).

ные цели. Другими словами, государи видели в деньгах не что иное, как источник, из которого можно пополнять свои вечно пустые кассы. С точки зрения истории финансов указываемый нами промежуток времени можно охарактеризовать как период между эпохой домениального владения и современной эпохой публичного кредита. Так как связь денег с условиями обмена еще совершенно не была выяснена, то государственные власти смотрели на деньги, как на государственный институт, которым они могут распоряжаться по своему благоусмотрению. (Это можно сказать даже о некоторых торговых городах Италии: от этого недостатка, как мы увидим, не были вполне свободны даже правительства Венеции и Флоренции, хотя, конечно, они были в этом отношении прогрессивнее государей прочих стран, проникнутых феодальными представлениями.) Теоретики этой эпохи наперерыв спешили формулировать соответствующую такому пониманию «государственную теорию денег»: об этом свидетельствуют хотя бы писания теоретиков денег XV и XVI вв., о которых говорит Буделиус в своем сочинении *De monetis et re nummaria*, 1591.

Но мы не должны думать, что «оборот» послушно мирился с этим произволом. Правда, в эпоху раннего средневековья, вплоть до XII и XIII вв., когда торговля велась в весьма скромных размерах и на чисто ремесленных основах, дело обстояло именно так. Но в XIII в., когда начался период подъема и итальянские города стали достигать вершин своей коммерческой мощи, положение совершенно изменилось. «Оборот», и прежде всего международный оборот в лице крупных торговцев итальянских республик, торговавших товарами и особенно деньгами, начал бунтовать против произвола государственных властей. Торговцы эти стремились различными путями осуществить цель, которая для всякой торговли (и в особенности для торговли капиталистической) является чем-то само собой разумеющимся: превратить деньги в надежный, всеобщий товарный эквивалент. Чтобы правильно понять эти столетия, когда зарождались деньги, не следует недооценивать международного характера тогдашнего товарообмена, особенно в его наиболее интенсивных проявлениях. Мы должны помнить, что по крайней мере с XIII в. в различных странах существовал регулярный технический контроль над деньгами, который привел к точной регистрации курса «монет» и в связи с этим к оживленному арбитражному промыслу, а также к регулярному международному движению денег и драгоценных металлов. Ярмаркой, где для всей Европы устанавливались денежные курсы, с XIII до конца XV в. оставалась Флоренция, затем этой

ярмаркой стал Антверпен и, наконец, его место (в конце рассматриваемой нами эпохи) занял Лондон¹.

Само собой очевидно, что денежная система, построенная на таких основаниях, должна была носить отпечаток ненадежности, непостоянства, беспорядочности. Нижеследующее изложение укажет на отдельные яркие в этом отношении симптомы и затем опишет, каким образом положение стало улучшаться, т. е. приспособляться к капиталистическим интересам.

2. Формы монет и денег.

а) Пространственные границы распространения монет.

Средневековье установило принцип: грош принимается только там, где он отчеканен. Принцип этот полностью проводился в жизнь в условиях местного оборота, где чужой торговец появлялся лишь в исключительные моменты, падая, как снег на голову. Больше всего ценили известную чеканку, а таковой была только чеканка туземных денег. Поэтому власть, чеканившая монеты, естественно была живо заинтересована в сохранении указанного выше принципа. Если принцип этот соблюдался, то государственные деньги могли рассчитывать на полное признание. «Оборот» также мог не беспокоиться до тех пор, пока содержание монет оставалось повсюду одинаковым. Международный торговец должен был в этом случае считаться только с трудом и издержками размена денег (который по общему правилу рассматривался как выгодная привилегия, или используемая самой суверенной властью, или передаваемая этой последней на откуп или на каких-либо иных условиях). Но положение вещей совершенно изменилось, когда монетные системы стали развиваться в различных направлениях и особенно когда в обращении появились «хорошие» и «плохие» монеты, содержащие в себе большее или меньшее количество металла. Тогда стало считаться выгодным и целесообразным расплачиваться не местными монетами, а другими. Как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, — в одних случаях это происходило потому, что иностранные монеты были лучше, а в других — потому, что они были хуже. В первом случае ино-

¹ В 1606 г. на нидерландских плакатах давались изображения и указывались курсы почти 1 тыс. иностранных монет. Одной из заслуг книги Шо у является то, что он выяснил этот пункт. Особенно обстоятельно обрисовал он роль Антверпена, как центрального рынка «монет». Аналогичная работа относительно Флоренции еще не написана. Некоторый материал, касающийся Флоренции, можно найти у Г. Ариаса, указ. соч., 159.

странная монета давала большую гарантию и была более надежна, а во втором случае она давала возможность покрывать долг меньшим количеством драгоценного металла.

В силу обеих этих причин иностранные монеты получали хождение наряду с местными монетами. Отличительным признаком рассматриваемой эпохи является как раз то, что средства обращения носят резко выраженный международный отпечаток. Борьба между государством и товарооборотом за доброкачественность государственной валюты заполняет собою целые столетия. В сотнях указов и законов мы все время встречаем одно и то же: жалобы на чрезмерное распространение иностранных монет, запрещения пользоваться ими (которые, судя по частым повторениям, в большинстве случаев оставались безрезультатными), а иногда и разрешения пользования иностранными монетами.

Правильность сказанного нами подтверждают несколько выбранных наугад примеров.

Во Флоренции в XIV в. наемным рабочим платили плохой иностранной монетой. N. Rodolico, *Il sistema monetario e le classi sociali nel medio evo*,—статья, помещенная в *Riv. Ital. di Sociologia*, 8 (1904), 467. В 1832 г. во Флоренции запрещается хождение всех иностранных монет, за исключением тех случаев, когда они «столь же хороши или лучше», чем флорентийские. *Arch. di Stato Balia Reg.* № 19, у Родолико, указ. соч. Запрещения хождения иностранных серебряных монет издаются во Флоренции довольно часто: с 1534 по 1660 г. было 13 или 14 таких случаев. Шоу, 93.

Во Франции один ордонанс за другим запрещают хождение иностранных монет. При Филиппе Красивом (1309) воспрещается обращение фунтов стерлингов и золотых флоринов. Такие же запрещения издавались в 1335, 1577 гг. и т. д. См. Ле Блан, 227 и в других местах. Ср. также *Silly Mémoirs*, 4 (1752), 6 и сл. (под 1601 г.). Эдикт от 10 марта 1500 г. разрешает циркуляцию венецианских, флорентийских, сиенских и венгерских дукатов, английских «angelots, lions, sauits et nobles», испанских и португальских крузадо.

Австрийцы жалуются на плохие баварские монеты, проникающие в Австрию и причиняющие большой ущерб. Кагаян, *Beiträge zur Geschichte der landesfürstl. Münze Wiens im Mittelalter*—в *Chemels, Österreichische Geschichtsforscher*, 1, 293 и документ LXXXI, приведенный у Эберга, 59.

Германия: на сессии рейхстага в Нюрнберге (1522) раздаются жалобы на негодные, поддельные и обесцененные монеты, обращающиеся в стране вместо золотых гульденов и полноценных серебряных монет.

Эдикт Фердинанда I от 1559 г. постановляет, что по истечении полугода после издания эдикта «в империи не должны даваться и приниматься никакие иностранные деньги, отчеканенные вне границ германской нации, за исключением тех низкоименованных, которые имеют полный законный вес»; впредь до истечения этого срока могут иметь хождение все прочие

гульдены, «которые принимались и давались до сих пор». Золотые монеты, допускаемые к обращению и оцененные по определенному законному курсу (в «хороших рейнских золотых гульденах»), таковы:

все кастильские, арагонские, валенсианские, наваррские, сицилийские, миланские, французские двойные дукаты;

все испанские, кастильские, арагонские, неаполитанские, мюнстербергские, польские, генуэзские, венецианские, папские, бонинские, бреславльские (бреславльского епископа и города Бреславля), лигницкие, вейдские, глацкие, флорентийские, миланские, зальцбургские, аугсбургские, гамбургские, любекские и португальские дукаты;

все бургундские, нидерландские, французские, испанские, кастильские, валенсианские, миланские, сицилийские, генуэзские и папские кроны. См. Гольдаст, указ. соч., стр. 148.

Как видим, все же допускалось довольно изрядное число иностранных монет.

Ср. также монетный устав Карла V от 1551 г. Там же, стр. 162 и сл. стр. 188 и сл., где перечисляются около двух дюжин серебряных монет, которые циркулируют в Империи и которые по истечении года должны быть объявлены «вне курса». Фактически малооцененные серебряные монеты и впоследствии проникали беспрепятственно в Священную Римскую империю. В шлейерских декретах Максимилиана II от 1570 г. говорится, что «в Священной империи германской нации вместо доброкачественных, снабженных пробой имперских монет мы видим плохие иностранные подделанные монеты. Это является одной из важных причин постоянного вздорожания всех съестных припасов и предметов торговли». Гольдаст, 178. Ср. титул XLV и LIV.

В Англии английские купцы в 1346 г. жалуются, что хорошие деньги уходят из страны и ввозятся поддельные люксембургские деньги, фунт которых стоит всего 8 шилл. В 1401 г. парламент жалуется: фландрские нобли так часто встречаются в Англии, что когда получаешь сумму в 100 шилл., непременно найдешь среди них 3 или 4 таких нобля, которые стоят на два пенса меньше, чем английские нобли. Шоу, 44, 55. Для XVII в. см., например, Th. Мип, *Englands Treasure by foreign Trade*, 1664, гл. VIII и сл. Насколько многочисленны были в XVIII в. обращающиеся в Англии португальские золотые монеты, мы уже упоминали.

Официальное признание иностранных монет встречается, например, в Испании. В ордонансе Карла Наваррского (1356) говорится: «Нам угодно и мы желаем, чтобы все купцы нашего королевства, равно как и иностранные купцы, привозили и вывозили всевозможные иностранные монеты совершенно свободно, не подвергаясь ни арестам, ни каким-либо стеснениям». Doc. ined. del. Reino de Navarra etc. Перепечатано у Гейса, 3 (1869), 231.

Туземные монеты иногда до такой степени вытеснялись монетами иностранными, что эти последние грозили свести на нет местную валюту. Так, сиенский устав (начала XIV в.) содержит в себе прямое приказание, чтобы жители брали в уплату государственные деньги: «che neuna persona scusi la moneta senese». Приведено у Аринаса, 150.

б) Валютные и монетные системы.

Если мы спросим о валютной субстанции, т. е. о том металле или металлах, которые служили валютным денежным това-

ром, то мы должны отказаться от того ясного ответа, какой мы можем дать на этот вопрос в настоящее время. В описываемые нами столетия совершенно не существует таких понятий, как золотая валюта, серебряная валюта, биметаллизм: нет и речи о том, чтобы закон официально признавал за одним или за обоими металлами силу законного платежного средства, ограничивал бы платежную силу того или другого, устанавливал бы определенные отношения между тем и другим и — что самое главное — последовательно проводил все эти принципы. Все колеблется, все носят эмпирический характер, все меняется от случая к случаю, и незаметно даже попыток принципиального и систематического упорядочения денежных отношений. Поэтому нельзя сказать, что существовали такие-то и такие-то постановления, касающиеся валюты, равно как и нельзя сказать, что их не было. Относительно многочисленных постановлений, присваивавших силу законного платежного средства тому или другому определенному металлу, я не могу, например, согласиться с Шоу, когда он утверждает во Введении, стр. IX, что от XIII до XVIII в. не было и речи об официальном установлении или ограничении платежной силы золота или серебра. Сам Шоу приводит в своей книге (стр. 45) указ Эдуарда III от 1346 г., согласно которому все товары должны оплачиваться золотом, и стороны не имеют права по взаимному договору изменять способ уплаты; но в том случае, когда договор все же состоялся, закон предоставляет покупателю право выбора между золотом и серебром. Шоу мог бы также припомнить закон 2-го года царствования Генриха VI (с. 12) и закон 19-го года царствования Генриха VII (с. 5). Подобные постановления мы часто встречаем и в итальянских законах. Бряд ли, однако, можно думать, что они действительно проводились в жизнь.

Действительное положение вещей было приблизительно таково. На протяжении всего периода от XIII до XVIII в. золото и серебро употреблялись в качестве денег, причем в отдельные периоды торговля предпочитала один или другой из этих металлов. В XIV и XV вв. предпочтением пользовалось золото, в XVI и XVII вв. скорее серебро, оставшееся в экономически отсталых странах главным денежным металлом вплоть до XIX в.; Англия, начиная с конца XVII в., все в большей и большей степени переходила к золоту.

Ценностное отношение между обоими металлами устанавливалось отчасти законодательством (и в этих случаях всегда заведомо неправильно), отчасти процессом оборота; в последнем случае соотношение определялось или исключительно товарообо-

ротом (если, например, не было законодательных предписаний), или вместе с тем и законодательными нормами.

Поэтому в эту эпоху мы всегда наблюдаем несколько отношений: с одной стороны, отношение соответственно ценам, которые монетные дворы платили за металлы и которые правительство старалось всеми способами навязать обороту — отношение монетных цен, как выражается Лексис, — с другой стороны, отношение, определяемое по количеству благородного металла, содержащегося в монетах одинакового номинального размера, — отношение номинальной стоимости. (Первое и второе отношения должны были бы совпадать, если бы процент лигатуры в обоих металлах был одинаков; фактически он был выше у серебра.) Кроме обоих этих отношений, которые представляют собою, так сказать, установленное государством отношение (искусственное произвольное монетное отношение, по выражению Шоу) существовало еще третье отношение, создававшееся в процессе обмена: меновое отношение. Оно проявлялось в повышенной курсовой стоимости монет, изготавляемых из пользующегося предпочтением металла (ценность которого закон тянижал против действительной).

Легко представить себе, каковы были последствия такого положения. Курс монет из одного металла, выражаемый в монетах из другого металла, постоянно колебался; денежные массы и благородные металлы непрерывно передвигались из одной страны в другую или превращались из монетной формы в форму слитков; сплошь и рядом та или другая страна совершенно лишалась того или иного металла, как случилось, например, в 1345 г. во Флоренции, где исчезло все серебро, цена которого была понижена законом против действительной его стоимости¹.

Независимо от предпочтительного выбора того или другого металла беспокойное состояние денежного рынка усугублялось еще целым рядом особенностей монетных систем того времени.

Первая из этих особенностей заключается в том, что в течение целых столетий происходило почти непрерывное обесценение отдельных монет, которые, оставаясь одинаковыми по своей номинальной стоимости, или ухудшались по качеству, или (что происходило гораздо чаще) уменьшались в весе. Процесс этот протекал следующим образом.

Когда началось европейское хозяйство, монетная система была

¹ «avendo in Firenze grande difetto e nulla moneta d'argento... che tutte le monete d'argento si fondeano e portavansi oltremare». Villani, Chron., lib. XII, c. 53 (очень поучительная глава).

создана заново. Возникла система фунтов Карла Великого: 1 фунт серебра разделялся на 20 солидов, 1 солид — на 12 денаров, так что в фунте заключалось 240 денаров. Эта монетная система Карла Великого распространялась почти во всей Северной и Западной Европе и, как система денежного счета, продержалась почти целое тысячелетие. Всюду считали на фунты, шиллинги, пфенниги, на ливры, соли, денье, на либры, солиды, кватрины, на фунты, шиллинги, пенсы и т. д. В то же самое время отчеканенные монеты шли своим собственным путем развития. Из монет карловой системы первое время чеканились только пфенниги (денары), так как товарооборот был слишком незначителен. В течение нескольких столетий довольствовались пфеннигами. В нумизматическом смысле эпоху от конца VIII до конца XII в. можно назвать эпохой пфеннигов. Затем, по мере роста оборота, начали чеканить и солиды (около середины XIII в.), существовавшие до тех пор лишь в качестве счетной единицы. Монеты в 12 пфеннигов — серебряные солиды — представляли собою большие монеты, писали grossi; так как они впервые стали чеканиться в Туре, то они назывались grossi turonenses, gros tournois, Tourgnosgroschen, Tourgnosen. Почти одновременно с этим стали чеканить и золотой фунт, о котором мы будем говорить ниже. Сначала мы должны ближе познакомиться с пфеннигами и крупными серебряными монетами и выяснить себе, какого рода монеты они собою представляли.

Как мы видели, по системе Карла Великого на фунт приходилось 240 денаров. Вес тогдашнего фунта еще точно не определен, Гроте определял его в 326,6 грамма, по новым же исследованиям он весил 409,32 грамма¹. На какой бы величине мы ни остановились, во всяком случае приходится сказать, что солид по величине равнялся нашему талеру и даже может быть был больше, а в пфенниге серебра содержалось на 25—30 пфеннигов по современной валюте. Но какой вид имели эти монеты через несколько столетий после Карла Великого? Подобно булочкам пекарей во времена дорожевизны, они становились все меньше и меньше, сохраняя (в счетном смысле) одну и ту же «стоимость»: пфенниги всегда оставались $\frac{1}{24}$ частью фунта, а солиды — $\frac{1}{12}$ фунта. Когда начали чеканить солиды, то каждый солид, т. е. 12 денаров, был величиной всего с современный франк: таким образом пфенниг обесценился и становился все хуже и легковеснее. Но настоящая

¹ Вендо Hilliger, Studien zu mittelalterlichen Massen und Gewichten — статья в Seeligers Vierteljahrsschrift, 1900, стр. 202 и сл. См. статью Зоммерлата в HSt Монетное дело (Средние века).

эпоха обесценения валюты началась в сущности тогда, когда стали чеканиться большие серебряные монеты, все более уменьшавшиеся в весе и превращавшиеся из толстых в тонкие. Тем не менее они по прежнему стоили 12 денаров и в одном фунте их по прежнему считалось 20; таким образом и фунт заключал в себе все меньшее и меньшее количество серебра. Для оживления картины я сообщу данные относительно некоторых монетных систем, чрезвычайно ясно иллюстрирующие это неслыханное обесценение. Оно было общим явлением и варьировало в отдельных странах лишь в смысле размеров и темпа.

1. В Германии: а) в Гамбурге и Любеке из одной марки чистого серебра (приблизительно 234 грамма) изготавлялось:

Годы	Мар.	Шилл.	Пф.	Годы	Мар.	Шилл.	Пф.
1226	2	2	—	1398	4	15	2
1255	2	9	5	1403	5	1	11
1293	2	9	8	1411	5	12	5
1305	2	15	5	1430	8	8	—
1325	3	—	9	1450	9	12	2
1353	3	10	11	1461	11	8	10
1375	4	3	—	1506	12	8	—

б) в Страсбурге:

Годы	На марку приходилось пфеннигов	Вес пфеннига
XII столетие	240	0,979 г
1313	480	0,487 »
1319	490	0,476 »
1321	494	0,473 »
1329	510	0,455 »
1340	516	0,453 »
1362	540	0,432 » 1

2. В Англии: серебряный пенни весил в гранах:

1300	22	1346	20	1412	15
1344	20 $\frac{1}{4}$	1351	18	1464	12

3. В Испании из кельнской марки чеканилось следующее количество мараведи (мелкой разменной монеты):

1312	130	1368	200	1390	500	1454	2250
1324	125	1379	250	1406	1000	1550	2210

¹ Jul. Cahn, Münz- und Geldgeschichte der Stadt Strassburg im Mittelalter, Strassb. Dissertation, 1895, стр. 44.

4. Во Франции из одной марки серебра чеканилось:

	Ливров (турских)	Солей		Ливров (турских)	Солей
1309	2	19	1561	15	15
1315	2	14	1573	17	—
1343	3	4	1602	20	5
1350	5	5	1636	23	10
1361	5	—	1641	26	10
1381	5	8	1679	29	11
1422	7	—	1693	33	16
1427	8	—	1713	43	7/11
1429	7	—	1719	69	1/8
1446	7	10	1720	98	2/11
1456	8	10	(Затем стоимость несколько повышается; по закону 1803 г. из одног о кг серебра должно было чеканиться 222 2/9 франка.)		
1473	10	—			
1519	12	10			
1540	14	—			

Относительно всех этих цифр следует еще заметить, что они иллюстрируют не все те изменения, которые испытывала валюта на протяжении столетий, а лишь главные этапы падения. В промежуток между указанными здесь годами стоимость монет бесконечное число раз повышалась и понижалась. Французская монетная система особенно богата этими непрерывными изменениями ценности. Так, например, в 1348 г. монеты менялись в стоимости 11 раз, в 1349 г. — 9 раз, в 1351 г. — 18 раз, в 1353 г. — 13 раз, в 1355 г. — 18 раз. За этот короткий промежуток времени курс 4 ливра на марку подымался до $17\frac{1}{2}$ ливров на марку и снова опускался до $4\frac{2}{3}$ ливра.

Каковы были причины, вызывавшие это быстрое и всеобщее обесценение денег?

Нам отвечают: слепая алчность или, если хотите выразиться любезнее, растущая финансовая нужда государей. Несомненно, это обстоятельство в значительной степени способствовало столь странной монетной политике. Как я уже говорил, в ту эпоху, когда публичный кредит был мало развит и бумажные деньги были еще неизвестны, этот путь должен был казаться вечно нуждающимся в деньгах государям чрезвычайно удачным: вместо трех или четырех золотых монет, которые они изымали из обращения, они могли выпускать пять или шесть монет той же самой номинальной стоимости. Тем не менее финансовая нужда правительства, по моему мнению, недостаточно объясняет причины этого поистине колоссального явления. Почему обесценение было так широко распространено во всех странах? Можно ли думать, что все правительства испытывали одинаковую нужду и были одинаково бессовестны?

По моему мнению, следует поискать еще и других причин. Эти другие причины действительно были установлены исследо-

вателями. Так, например, Шоу полагает, что обесценение денег в XIV и XV вв. шло параллельно с увеличением стоимости серебра: города и государства уменьшали серебряное содержание монет вышеупомянутым образом именно для того, чтобы задержать понижение цен, вызываемое повышением стоимости серебра. Конечно, меры по обесценению монет вероятно часто мотивировались такими соображениями¹. Но можно ли назвать такой взгляд всеобщим? И как объяснить тот факт, что обесценение продолжалось и после того, как количество драгоценных металлов увеличивалось и начинался быстрый подъем цен?

Я думаю скорее, что тенденция к обесценению была заложена в самой технической природе монетного дела того времени и что обесценение монетной системы одной страны, происходившее в силу тех или других обстоятельств, вынуждало и другие страны искусственно обесценивать собственные монеты.

Из несовершенства монетной техники (не говоря уже о сознательной подделке монет, практиковавшейся во многих случаях) само собою вытекало, как мы уже это указывали, чрезвычайно значительное разнообразие монет по весу и по пробе. Среди монет каждой страны имелись тяжелые и легкие, хорошие и плохие монеты. Это давало торговцам удобный случай наживаться, извлекая хорошие монеты из обращения и либо переплавляя их в слитки, либо пересыпая за границу, где их можно было выгодно обменять (промыслом этим занимались по большей части ювелиры или ростовщики (евреи.)

В документах имеется целый ряд свидетельств, что такого рода прием практиковался во все времена. См., например, присягу венских менял, клявшихся в том, что они не будут извлекать из оборота и переплавлять полученные ими тяжелые деньги, а будут торговать всеми деньгами без различия. Каагајап, *Beiträge zur Geschichte der landesfürstlichen Münze Wiens im Mittelalter*, в Chmel's, *Oesterr. Geschichtsforsch.*, I, 321, и док. XXI и XXII.

Страсбургский монетный устав 1470 г. начинается словами: «Так как из всех серебряных монет стараются извлечь много выгод, причем наилучшие и наиболее тяжелые выбираются, переплавляются в слитки и серебро затем отправляется за границу или идет на изготовление всякой посуды...» Приведено у Eheberg, *Hausgenossenschaften*, 200. Ср. также п. 16 того же устава, указ. соч., стр. 206.

¹ См., например, мотивы, которыми в 1411 г. Генрих V обосновывал ухудшение качества денег (Шоу, 55). «Вследствие великого недостатка денег в настоящее время» король приказывает отныне чеканить 50 ноблей из одного фунта золота и 30 шилл. из одного фунта серебра (благодаря этому вес серебряного пенни уменьшался с 18 до 15 гранов, а вес золотых ноблей с 120 до 108 гранов). Ср. также гл. XXXI.

Мы узнаем даже, кто именно старался извлечь эти «выгоды» и насколько такие выголы были велики: отдельные жители Страсбурга переплавляли до 80 марок серебра и посыпали металл за пределы города. Тайная промышленность серебра особенно широко практиковалась на франкфуртской мессе, которая в то время снабжала драгоценным металлом многие монетные дворы Рейнской области. Менялы обычно выбирали и переплавляли более старые и тяжелые пфенниги: «*Clein Rülin Lentzelin het auch auch geseit, das man im die engeler sonderlinge zu Köffen habe geben, ... ande habe sū dün bürnen unde verküfft habe das silber und hat öch geseit, das es men gelich tuge*» (XV столетие). Привед. у И. Кана, указ. соч., стр. 60.

Такие же жалобы часто раздаются и в императорских декретах: см., например, франкфуртский декрет Максимилиана II от 1571 г., приведенный у Гольдстата, 41.

Англия. В одном из указов Карла I от 1627 г. говорится: «Некоторые из них (ювелиры) дошли до такой распущенности, что в течение нескольких лет они начали для своих частных выгод сортировать и взвешивать все виды монеты, ходящей в нашем королевстве, и выбирать из них такие старые или новые монеты, которые благодаря большей сохранности или другим случайностям весят больше, чем остальные; эти наиболее тяжелые монеты не только переплавлялись для изготовления из них серебряной посуды и т. д., но даже продавались иностранным торговцам, которые вывозили их». Раймер, Foedera, 18, 896; приведено у Андерсона, «Происхождение торговли» 2, 324.

О положении, создавшемся в Англии в конце XVII в., один писатель того времени сообщает следующее: «Хотя все монеты приблизительно соответствовали своему весу, тем не менее некоторые из них по сравнению с другими очень сильно отличались; это было хорошо известно многим лицам, которые выбирали тяжелые монеты и переплавляли их для вывоза за границу или для продажи ювелирам. Это была столь общезвестная вещь, что только немногие о ней не знали». Гайнс, указ. соч., стр. 63. О быстром обесценении серебряных денег вследствие обрезывания, практиковавшегося в 1672 и следующих годах и приведшего в 1696 г. к перечеканке всех монет, говорит каждая книга по истории того времени.

Известные события, которые произошли в Германии в 1621—1623 гг. и благодаря которым период этот получил название «эпохи фальшивомонетчиков» (см. картиное, хотя и поэтически преувеличенное описание у Густава Фрейтага, «Картины из германского прошлого», 3^е (1867), 152 и сл.), были только резким симптомом общераспространенного, всюду проникавшего зла, подобно английской эпохе обрезывания монет в конце XVII в. Почти вся эпоха раннего капитализма была «эпохой фальшивомонетчиков». Явление это носило общеевропейский характер.

Таким образом деньги в стране сами собой постепенно ухудшались: государственные монеты спустя некоторое время уже не содержали столько металла, сколько соответствовало их номинальной стоимости.

Когда эти неполноценные монеты поступали в страну, где обращались полноценные монеты, то первые вытесняли вторые, которые и начинали исчезать из обращения. Это побуждало пра-

вительство точно так же ухудшать валюту собственной страны, дабы она могла выдержать конкуренцию с иностранными монетами и не уходила за границу. В свою очередь эта пониженная в своей ценности монета опять поступала за границу и вызывала там те же последствия, какие раньше вызывала полноценная монета чужого государства: она вытесняла из обращения хорошие монеты и заставляла правительство прибегать к обесценению валюты.

Но ход развития мог протекать и в совершенно обратном направлении, приводя, однако, и в этом случае к одному и тому же результату — к ухудшению денег. Если в только что рассмотренном нами случае плохая иностранная монета вытесняла хорошую туземную монету (ибо при одинаковой номинальной стоимости она содержала меньшее количество серебра и потому ту же монетную ценность можно было уплатить меньшим количеством серебра), то столь же возможно было и обратное: хорошие деньги перетекали в страну с обесцененной валютой и вследствие своего более высокого металлического содержания выражались в большем количестве неполноценных местных монет. Один раз для плохих денег оказывалась полезной их прежняя номинальная стоимость, другой раз для хороших денег оказывалось полезным их более высокое металлическое содержание. Этим двояким способом использования монет и объясняется то, что в документах мы читаем то об исчезновении плохих денег, то об исчезновении хороших денег. Но все время существовала тенденция к исчезновению из оборота хороших денег, а отсюда вытекала необходимость обесценивать деньги и в собственной стране, раз это начинало практиковаться за границей.

Излишне доказывать ссылками на источники, что описанные нами процессы протекали именно так. История денег полна соответствующими иллюстрациями, и можно даже сказать, что вся история денег в рассматриваемую нами эпоху сводится к повествованию о непрерывном перетекании денег из одной страны в другую, о постоянном исчезновении хороших денег и о вызываемом этим обесценении государственных монет.

В теснейшей связи с обрисованным мною положением стоит еще другая особенность монетной системы этих столетий: я имею в виду двойную монетную систему, которая, начиная с XIII в., получила права гражданства во всех европейских странах и которая возникла следующим образом.

Совершенно ясно, что это хаотическое смешение всевозможных различных по ценности монет, вызывавшееся перетеканием

денежных масс, эти изменения в стоимости одной и той же монеты, которую повелители монетных дворов переоценивали любое количество раз, неизбежно должны были привести к состоянию крайней неуверенности. Это состояние делалось тем более невыносимым, чем регулярнее и многочисленнее становились международные меновые сделки и чем ярче начинал проявляться капиталистический дух. «Оборот» должен был придумать какие-либо выходы из положения и действительно он нашел средства и способы для того, чтобы хоть до некоторой степени смягчить зло. Один путь, которым он воспользовался для преодоления все более ухудшавшегося монетного хаоса, заключался в возвращении к чистым обменным деньгам (*Vergleichsgeld*), не стоящим ни в какой связи с государством: оборот стал употреблять в качестве денег драгоценные металлы, не считаясь с их монетной формой или используя их в виде слитков. Кнапп назвал бы это «пензаторным средством платежа». Для этого участники товарообмена взвешивали монеты и в основание своих расчетов клали их весовые, а не счетно-фиктивные величины («морфические средства платежа с пензаторным употреблением»); при этом драгоценные металлы пересчитывались на слитки или превращались в форму слитков. Так, платежи английскому казначейству долгое время исчислялись *ad scalam*, т. е. по весу¹. (Ведь государственное казначейство знало лучше всего, как обстояло дело с монетами!) Точно так же и в Германии денары долгое время принимались по весу². Но и слитки пользовались в средневековой Германии большим распространением: с начала XIII в. мы встречаем их на Рейне, в Швабии, Баварии, Австрии и Силезии, а в течение всего XIV в.— в Нижней Саксонии, Энгерне и Вестфалии³.

Но оборот не мог долго удовлетворяться этими субSTITутами юридически установленной денежной системы. Он должен был попытаться сообразовать со своими интересами и государственные деньги, сберегая от «чумы» обесценения⁴ хотя бы один род монет. И в самом деле удалось (прежде всего в итальянских

¹ Madox, History of the Exchequer 1, 274 и сл.

² Инама, История германского хозяйства, 3/1, 390 и сл.

³ Инама, История германского хозяйства, 3/1, 391. Мы встречаем прямое запрещение денег в форме слитков: «В городе и прочих местах, где установлена надлежащая и правильная монета, никто не должен расплачиваться за товары серебром, а должен расплачиваться настоящими денежными монетами». *Sentent de cambio et imag., den M. G. Const., 11, № 301—2/1231*, стр. 416.

⁴ Так выражается Карли в своем сочинении о деньгах (SS. class. P. M. 13 329).

республиках-городах) создать монету, металлическая стоимость которой оставалась всегда одинаковой или приблизительно одинаковой и которая стала как бы неподвижным полюсом в беге явлений: это был золотой «фунт», впервые увидавший свет во Флоренции в 1252 г. и названный «флорином».

Флорентийский гульден действительно обнаруживал постоянство, совершенно неслыханное в то время: в течение столетий он чеканился совершенно одинаково и весил ровно 3,519 грамма. Это сделало его скоро излюбленной торговой монетой, которую охотно принимали всюду и которой стали подражать и другие государства. Пример итальянских золотых монет (еще в XIII в. Венеция чеканила свои цехины или дукаты, а Генуя свои дженовины) побудил правительства прочих стран также создать неизменную золотую монету во избежание того, чтобы итальянские золотые гульдены не остались единственными монетами, имеющими хождение в обороте. Собственные золотые монеты государства старались даже с внешней стороны сделать похожими на флорин: это доказывает, каким распространением пользовался флорин и насколько велика была его репутация в глазах торговцев. Подражая рисунку, правительства очевидно старались сделать туземные монеты настолько похожими на флорин, чтобы их трудно было отличить от него.

Изображения флоринов, чеканившихся по флорентийскому образцу, можно найти в приложениях к статье Денненберга — Н. Dannenberg, *Die Goldgulden vom Flor. Gepräge*, — помещенной в венской «Нумизматической газете», 12 (1880), 146 и сл. История чеканки золотых монет в Средние века лучше всего описана у Шоу. Ср. также в. Inama, *Die Goldwährung im Deutschen Reiche während des Mittelalters*, помещ. в *Zeitschr. f. Soz. u. W. G.* 3 (1895), 1—60.

Этот идеал полной неизменности золотых монет, конечно, не был целиком осуществлен нигде, кроме Италии. Так например, германский гульден с XV в. стал ухудшаться — не столько по весу, сколько по пробе. С тех пор стали различать венгерский (итальянский) гульден и рейнский гульден, называвшийся так потому, что его стабилизацию с успехом проводили 4 рейнских курфюрста. Начиная с конца XV в., металлическое содержание рейнского гульдена остается более или менее постоянным: по стоимости он равняется приблизительно $\frac{3}{4}$ дуката.

О судьбе рейнских гульденов дает представление таблица на стр. 412, приведенная у Юлиуса Кана, указ. соч., стр. 154.

Благодаря этому (с середины XIV в.) золотой гульден стал общей расчетной монетой: в мире крупной торговли считали на гульдены, а счет на фунты остался в местном торговом обороте. Тариф гульдена сообразовался с курсом фунта¹. Таким образом существовали два денежных выражения, взаимное отношение которых все время колебалось: вы-

¹ Насколько я знаю, наилучшим специальным исследованием о курсе средневековых гульденов является работа Шалька — C. Schalk, *Der Münzfuss der Wiener Pfennige*, Num. Zeitschr. 12, 186 и сл., 324 и сл.

Годы	Проба (в каратах и гранах)	Вес в граммах	Золотое со- д содержание	Золотая стои- мость в со- временной германской валюте
1391	23 кар. — гр.	3,542	3,396	9,48 марок
1402	22 » 6 »	3,542	3,322	9,27 »
1409	22 » — »	3,542	3,248	9,06 »
1417	20 » — »	3,542	2,953	8,23 »
1425	19 » — »	3,507	2,777	7,95 »
1464	19 » — »	3,405	2,696	7,52 »
1477	18 » 10 »	3,372	2,647	7,39 »
1490	18 » 6 »	3,278	2,527	7,05 »

ражение в гульденах и выражение в фунтах (часто опускаемых), шиллингах и пфеннигах.

Такое положение продолжалось почти без изменений до конца рассматриваемой нами эпохи. Изменилась только металлическая субстанция и имя гульдена: золото превратилось в серебро, гульден стал талером (пиастр, серебряный луи и т. д.).

Это преобразование стояло в связи с увеличением серебряной продукции, начиная с конца XV в.¹. До тех пор серебро употреблялось для чеканки грошей и пфеннигов, которые все более и более опускались до положения «мелочи». Но когда в Германии и в Австрии сразу стало добываться много серебра, его уже нельзя было все употреблять на чеканку мелких монет. Поэтому решили и главную монету обращения (гульден) также чеканить из серебра. Таким образом в конце XVI в. появились большие серебряные монеты, весившие 2 лота и по тогдашнему курсу серебра фактически соответствовавшие по стоимости одному гульдену. До этого времени самыми крупными серебряными монетами были гроши, и потому новые монеты стали называть гульденгрошами, пока не появилось новое название — иоахимсталер. Подобно тому как германская серебряная продукция вынуждала к чеканке больших серебряных монет, точно так же и добывавшееся в Америке серебро привело к чеканке пиастров в Испании и подобных им (по величине) монет в других странах.

¹ См. относительно этого 4 отдел, особенно гл. XXXI.

Таким образом серебро снова завоевывало свое господствующее положение в обороте, которым оно пользовалось за 3 века до этого и которое оно сохранило до новейшего времени (в Англии до начала XVIII в., в прочих странах до середины XIX в.).

Но попрежнему продолжает существовать старое отношение между полноценными «хорошими» монетами и мелкими, все более и более ухудшающимися шиллингами и пфеннигами.

Во Франции потрясение монетной системы достигает наивысшей точки в XVIII в., после неудачных финансовых спекуляций правительства. В Германии до половины XIX в. положение вещей мало изменилось. «Описание бесплодной борьбы, которую вели десять невежественных фальшивомонетчиков против постепенно развивающейся мировой торговли, называется: «История германского монетного дела в течение последних трех столетий»¹.

В некоторых странах вместо (счетного) фунта возникла новая единица счета: в Германии появился расчетный талер, который, подобно тому как это раньше было с фунтом, принимается то с большей, то с меньшей скидкой по сравнению с серебряным талером (называемым Spezialtaler, потому что здесь серебро имеется «in specie»), пиастром, серебряным луи и т. д. В обращении остаются в то же время и золотые монеты, благодаря чему еще больше увеличивается беспорядок. От XVI до XVIII в. договоры заключались отчасти на золотые, отчасти на серебряные деньги, а в некоторых предприятиях обычно употреблялся в расчетах либо тот, либо другой металл. Отсюда, конечно, получалось две различных цены в зависимости от существующего в данный момент отношения между серебром и золотом, которое, подобно тарификации основных монет, не считалось ни с какими законными тарифами и запрещениями (например, имперский монетный устав 1509 г.) и попрежнему определялось оборотом и условиями рынка.

Время от времени платежная сила пфеннигов, как законного средства платежа, ограничивалась, и они объявлялись мелкой разменной монетой². Насколько успешны были эти распоряжения, мы не знаем.

Новая эпоха денежного дела началась уже в XVIII в. в Англии, главным образом благодаря тому, что английское правительство было первым — и до конца XVIII в. единственным, — которое на-

¹ Г. Гроце, Исследования о монетах.

² Монетный устав 1551 г. определяет максимальное количество пфеннигов, которое можно давать при платежах в 10 флоринов, а монетный эдикт от 1559 г. постановляет даже, что «при большой сумме платежа никто не обязан принимать пфенниги против своей воли». Гольдаст, 184.

чало разрешать денежный вопрос с меркантильно-рациональной точки зрения. Начало было положено законом Карла II от 1666 г. (закон 18-го года царствования Карла II (с. 5), отменившим монетный налог. Когда в конце XVII в. серебряные деньги сильно обесценились, вследствие широко распространенного обрезывания монет, государство не уступило искушению и не уменьшило соответствующим образом серебряного содержания монет, а, наоборот, приступило к перечеканке их в интересах торгового оборота. Затем государство стало следить за доброкачественностью новой валюты, объявило минимальный вес, при котором монеты могли обращаться, и, благодаря успехам чеканной техники, держало его на более или менее одинаковом уровне. Кроме того с начала XVIII в. была введена золотая валюта, сначала фактически, а потом и юридически. Золотая валюта, бывшая, как мы увидим ниже, непосредственным результатом открытия бразильских и африканских золотых россыпей, вводит новую эпоху, эпоху развитого капитализма, золотую эпоху. Первая стадия ее относится к ранне-капиталистическому периоду и отмечена следующим этапами:

1. Законом 1666 г., объявляющим свободную чеканку серебра и золота.
2. Переполнением государственных касс золотом, так как до тех пор только эти кассы были обязаны принимать золото в уплату.
3. Указом об обязательном приеме золота при расплатах (1717 г.).
4. Отливом серебра вследствие чрезмерно высокой оценки золота (цена гинеи определяется в 21 шиллинг).
5. Объявлением серебряных монет мелкими разменными монетами (в 1774 г.).
6. Отменой свободной чеканки серебра в 1798 г.

III. Банковские деньги.

Монетный хаос, особенно усилившийся в XVI и XVII вв., привел к созданию института, который, подобно «золотому фунту», должен был предоставить торговому обороту платежное средство, не подвергающееся непрерывным колебаниям курса и, следовательно, постоянное в своей стоимости, — точнее говоря, должен был сделать возможными платежи, удовлетворявшие вышесказанным условиям: это был институт банковских денег. Он заключался в том, что купцы вносили в «банк» металлические деньги предписанного образца, и сумма эта, выраженная в специально для этого созданных расчетных деньгах (или в твердой государственной монете), зано-

силась в банковские книги. Этой суммой, соответствовавшей определенному количеству драгоценного металла и лежавшей в не-прикосновенности в подвалах «банка», вкладчик мог распоряжаться посредством ордеров. Так как большинство деловых людей тех мест, где существовали подобные «банки», держали в них текущий счет, то они могли производить платежи посредством жиро, что также представляло немалую выгоду.

Совершенно ясно, что учреждения эти не имели ничего общего с нашими современными банками. Тем не менее в ту эпоху их называли «банками», ибо в XVII в. под «банками» подразумевали именно такие жиро-кассы.

Так, например, у Марпергера (указ. соч.), говорится: «Банком по первоначальному словоупотреблению называется то место или то достохвальное учреждение, в котором можно безопасно положить на сохранение большие и малые денежные суммы, причем владелец может обратно взять или потребовать их в любое время, когда ему угодно». Они вводятся, «чтобы избавиться от платежа денег наличными». Конечно, это было лишь второстепенной причиной: «банки» были введены в употребление для того, чтобы избавиться от неудобств, вызываемых непостоянством монетного курса.

Определение банка во «Всеобщей сокровищнице купечества» 1 (1741), 362 гласит: «банком называется у купцов устроенное с разрешения властей и наделенное привилегиями учреждение, где купцы кладут свои деньги отчасти для большей сохранности, отчасти ради удобства (чтобы избавиться от многочисленных платежей наличными); при таких сделках с их счетов списываются определенные суммы, которые они должны тому или другому лицу и, с другой стороны, к их счетам приписываются суммы, которые они должны получить с других лиц. Это и называют жиро...»

История «банкового дела» (подобно истории почты) немало страдала от того, что под банком (как и под почтой) каждый раз понимали совершенно различные вещи. Об этом я буду говорить во втором томе при описании хозяйственной жизни в эпоху раннего капитализма.

В литературе того времени упоминаются главным образом четыре таких банковских предприятия. Мы приводим их в том хронологическом порядке, в каком они возникли:

1. Риальтский банк (1587), после 1619 г. именовавшийся венецианским жиро-банком.

2. Амстердамский виссельский банк (1609).

3. Гамбургский жиро-банк (1629).

4. Нюрнбергский публичный банк (1621).

Но, насколько я знаю, и другие предприятия носили приблизительно такой же характер, именно:

5. Лионский банк¹.

¹ См. Vigne, La banque de Lyon (1903), 84.

6. Генуэзский дом св. Георгия (с 1586 г.), к которому в 1675 г. присоединяются «банки циркулирующих денег» (*banche di moneta corrente*)¹.

7. Миланский банк св. Амвросия (с 1593 г.)².

8. Лейпцигский депозитный банк³.

9. Роттердамский банк (1635).

Наиболее известным из этих учреждений был Амстердамский висельский банк, которого я коснулся здесь несколько подробнее. Он был учрежден 31 января 1609 г. на основании привилегии, выданной генеральными штатами и бургомистром города Амстердама, под защитой которых находились денежные вклады банка. Цель этого учреждения определяется в уставе следующим образом: «Чтобы избавиться от монетного беспорядка и предоставить удобную возможность платежа лицам, которые должны пустить деньги в оборот» (*om alle steygering ende confusie tn't stuck van de munte te weerden, ende den luyden, die eenige specien in de Koortmanschappe van doen hebben, te gerieven*). «Банк этот,—пишет один вдумчивый современник,—так удобен для торгового мира, что считают невозможным прожить некоторое время в этом городе и не произвести через банк нескольких операций; с его помощью ежедневно производятся миллионные платежи посредством простых ордеров, которые называют банковыми билетами». Поэтому в Амстердаме и соседних городах было очень мало купцов, которые бы не пользовались его услугами и не имели бы в банке своего банковского счета. Банковский счет можно было получить: 1) путем покупки банковских денег на бирже; 2) путем приобретения векселя, уплата по которому должна была происходить в банковских деньгах; 3) путем продажи товаров, за которые расплачивались банковскими деньгами; 4) путем внесения в банк известной суммы монет. Банк принимал: 1) золотые дукаты; 2) риксадлеры; 3) пиастры; 4) луидоры. Все эти монеты принимались по определенному курсу ниже металлической ценности. Золотые или серебряные слитки не допускались. По ордеру можно было получить деньги только на следующий день (кроме трех дней в году). Минимальная сумма ордера составляла 300 флоринов. Ордера нужно было передавать лично до 3 часов дня (после 11 часов утра взимался особый сбор); платежи получались также лично. Все векселя на сумму более 600 флоринов должны были писаться в банковских деньгах.

Я сообщу здесь еще мнения двух хорошо осведомленных иностранцев, прекрасно освещавших особенности этого учреждения:

«Этот банк является в сущности генеральной кассой, куда каждый кладет свои деньги, ибо там они находятся в большей безопасности и при платежах и получениях ими легче располагать, чем если бы их держали в собственных сундуках. И так как банк платит проценты на вложенные деньги, то банковские вклады стоят больше, чем ходовая монета, которой обычно расплачиваются; при этом в банк приносят только деньги наилучшего качества, пользующиеся наибольшим признанием и наиболее

¹ H. Sieveking, *Die Casa die S. Giorgio* (1899), 202, 205 и сл.

² E. Greppi, *Il banco di St. Ambrogio*, пом. в *Arch. Stor. Lomb.* 10 (1883), 514 и сл.

³ См. «Всеобщая сокровищница купечества», 4, 540 и сл.

известные и в Германии и в Нидерландах». *Temple, Remarques sur l'Etat des Provinces Unies des Pays-bas, faites en l'an 1672* (1674), 132—133.

«Банк этот надо по-настоящему определить не как банк, который ежедневно получает и выдает деньги подобно лондонскому, венецианскому и другим банкам, а как чисто депозитный банк, кредитные обязательства которого, обозначенные в билетах за его подписью, ежедневно переходят из рук в руки... Несмотря на то, что это прекрасное учреждение в смысле сохранности, удобства, быстроты и точности расчетов, тем не менее оно не увеличивает общего количества обращающихся денег, как это делают некоторые другие банки. Это происходит потому, что вся та сумма, которой располагает купец, лежит в банке наличными». Айдерсон, 2, 235. Ср. также известное описание Амстердамского банка у Адама Сmita, «Богатство народов», книга IV, гл. III, ч. 1.

Я не располагаю сведениями о величине его оборотов. Такого рода данные были бы весьма поучительны, так как они дали бы нам представление об объеме голландской торговли в эпоху ее расцвета. Современники единогласно называют Амстердамский банк «самым богатым банком». Темпль, цит. соч., стр. 131, говорит, что накопленные в нем богатства больше всех «реально существующих или воображаемых людьми богатств». Известен подсчет, сделанный Адамом Смитом: 2 тыс. счетов по 1500 ф. ст.—3 млн. ф. ст. или 33 млн. флоринов.

Зато мы располагаем, к счастью, точной статистикой Гамбургского жиро-банка за последние годы его существования. Цифры таковы:

Банковые фонды	1772	3½ млн. мар.
» »	1799	38½ » »
Число использованных банковых ордеров	1774 7 570	» »
Число использованных банковых ордеров	1799 24 151	» »
Общий оборот	1774 230	» »
» »	1799 1 506	» »

E. Baasch, Hamburgs Handel und Schiffahrt am Ende des XVIII Jahrhunderts, помещено в «Hamburg um die Jahrhunderzwende» (1900), 166.

IV. Начальные стадии бумажных денег.

Своеобразие денежной системы в век раннего капитализма мы поймем лишь в том случае, если отчетливо осознаем, что все, обозначаемое нами именем бумажных денег или бумажной валюты, чуждо духу этой эпохи и что, следовательно, эта форма денег, поскольку она встречается в тот период, не может считаться нормальным элементом общей хозяйственной жизни (за исключением одного единственного случая).

В эпоху раннего капитализма историю бумажных денег отмечают следующие характерные черты: 1) неспособность государственных органов должным образом обходиться с этим опасным орудием, 2) глубокое недоверие публики к этой форме денег, особенно резко сказавшееся в XVIII в. (в результате мошеннических операций «первой грюндерской эпохи»).

Понятие бумажных денег еще было окружено волшебным ореолом романтики; государи еще смотрели на них как на новый способ добычи зо-

лота; внутренняя закономерность этой формы денег не была еще понята и в ней видели «дьявольское дело», волшебство. Все это классически ярко описано в тех сценах «Фауста», где действие происходит в императорском дворце.

Поэтому банк Лоу приходится рассматривать как типичное выражение всех тогдашних попыток введения в оборот бумажных денег. Как известно, этот эпизод, закончившийся выпуском банкнот на 2 млрд. франков, продолжался очень короткое время: в 1720 г. все уже было кончено, и только полстолетия спустя во Франции опять стали думать об учреждении банка для выпуска банкнот. Сульба ассигнаций показывает, что время для бумажных денег тогда еще не наступило.

Почти так же, хотя и менее драматически, закончились эксперименты с бумажными деньгами, производившиеся в XVIII в. в Дании, Норвегии, Швеции, России и Северо-американских штатах. События протекают повсюду одинаково, и повсюду затея эта кончается сильным обесценением бумажных денег: так, например, в большинстве американских штатов обесценение достигало самое меньшее 100%, а в некоторых доходило даже до 1000 и 1400%, т. е. там произошло почти то же самое, что случилось с ассигнациями революционной Франции.

Недоверие населения и особенно делового мира к бумажным деньгам было поэтому вполне понятно.

Следующие строки, написанные уроженцем города Гамбурга в 1782 г., отражают лишь общее настроение¹: «Вы видите, что наш банк стремится исключительно к безопасности, удобству и точности наших операций; что он, следовательно, отличается от всех кредитных банков, которые столь часто поддерживают свое существование путем всевозможных искусственных финансовых проектов и которые пустили в оборот такую массу бронзовых банковских векселей, существующих изображать собою звонкую монету. Благодаря этому может сильно ослабеть кредит, и торговля страны может притти в большой беспорядок...»

Исключением, о котором я выше говорил, были банкноты английского банка. Так как в Англии право выпуска банкнот было ограничено суммой банковского капитала, то печатным станком нельзя было здесь злоупотреблять до такой степени, как в других странах. Поэтому банкноты английского банка обесценивались только на незначительную величину, и их приходится считать частью нормального денежного запаса Англии в XVIII в. Однако и в этом случае не следует думать, что бумажные деньги или банкноты пользовались в Англии XVIII в. приблизительно таким же распро-

¹ Schlözers, Staatsanzeigen, I (1782), 76; см. также места, приведенные во II т. того же сочинения (1787), 369 и сл.

странением, как и теперь. Вплоть до начала XIX в. (или, по крайней мере, до последних десятилетий XVIII в.) они оставались и в Англии совершенно второстепенным явлением, которое не играло сколько-нибудь значительной роли в общей английской денежной системе. Об этом мы можем заключить, с одной стороны, из метода выпуска банкнот, с другой стороны (и главным образом), из незначительного количества поступавших в оборот банкнот.

До середины XVIII в. банкноты Английского банка должны были бороться за признание. Еще в 1758 г. верховный суд Англии постановляет, что завещательное распоряжение относительно принадлежащих завещателю денег распространяется и на банкноты, ибо эти банкноты, подобно гинеям, представляют собою деньги. Квитанции в получении банкнот имеют такое же значение, как квитанции в получении денег. В делах о банкротствах банкноты надлежит рассматривать как деньги. A. Schmidt, Gesch. des englischen Geldwesens, 170—171.

Сумма выпущенных банкнот в течение большей части XVIII в. не превышала 2 млн. ф. ст. (в соответствии с величиной банковского капитала). Даже в 1780 г. банкнот имелось в обороте только на 8,41 млн. ф. ст., в 1796/97 г.—на 9,67 млн. ф. ст.

Эти цифры следуют сопоставить с количеством монет, обращавшимся тогда в Англии и выражившимся цифрой приблизительно в 100 млн. ф. ст. (более точные данные мы приведем впоследствии). Следовательно, в первые десятилетия XVIII в. соотношение между количеством бумажных денег и количеством звонкой монеты составляло в Англии приблизительно 1:50; в конце столетия оно постепенно изменилось в пользу бумажных денег и составляло 1:10. Но и это последнее отношение совершенно не таково, какое мы имеем ныне. В настоящее время (даже в такой стране, как Германия, где предпочитают пользоваться металлическими деньгами) при нормальных условиях звонкой монеты обращается только вдвое больше, чем бумажных денег.

Глава XXVII.

Колониальная политика.

Предварительные замечания.

Основание больших колониальных государств, начавшееся со времен средневековой Венеции и Генуи и продолжавшееся в последующую эпоху, составляет, строго говоря, часть меркантристской торговой политики, и потому, если бы мы точно придерживались систематического порядка изложения, о нем следовало бы говорить в XXIV главе. Если я посвящаю колониям или, лучше сказать, колониальной политике особую главу, то это объясняется главным образом чрезвычайной мощью, с какой поток колониальной политики излился в историю из общей реки меркантализма. С другой стороны, в силу целого ряда особенностей колониальные стремления приобретают совершенно самостоятельное значение и развиваются совершенно своеобразным путем. Это особое положение колониальной проблемы с давних пор нашло себе отражение и в литературе и породило чрезвычайно большое количество специальных трудов. Это обстоятельство также вынуждает нас рассматривать колониальную проблему отдельно от общей меркантристской политики. Но мы до некоторой степени сохраним систематический порядок нашего труда, поскольку мы относим эту главу к отделу, трактующему о государстве; поэтому все сказанное здесь относительно колоний и их оснований стоит в непосредственной связи с государством: завоевание колоний, организация их, управление ими. О значении колониального хозяйства мы говорим в различных других местах этой книги.

Я должен еще несколькими словами пояснить мотивы, заставившие меня начать мой очерк новых колоний с итальянских колоний и описать эти последние особенно подробно.

Первое обстоятельство объясняется внутренними причинами: я думаю, что овладение Левантом—по крайней мере для Италии—значает поворот от средних веков к новому времени и что век Данте не только в луховном, но и в хозяйственном и особенно в государственном отношении следует рассматривать как начало новой исторической эпохи. Колониальная экспансия итальянских городов-государств была одним из немаловажных факторов этого процесса. Как мы увидим, колонизация на первых порах вполне соответствует формам средневековой жизни, что, впрочем, как мы уже говорили, можно сказать и относительно всей политики нового государства; в то же время в колониальной политике одно за другим возникают новые учреждения и одна за другой появляются новые идеи. Но колониальные предприятия Чинквеченто были бы совершенно непонятны по своей внут-

ренней структуре, если бы мы не познакомились с той основой, на которой были построены итальянские левантийские колонии. Внешней причиной, побудившей меня уделить им сравнительно столь большое место в моем изложении, является то, что о них чрезвычайно мало знают: из всех работ, специально исследующих историю колоний, только в одном новейшем сочинении, именно в книге Морриса, итальянские колонии нашли достаточное освещение.

* * *

Источники и литература.

В качестве источников следует главным образом упомянуть те источники, из которых мы почерпаем общие сведения о меркантристской политике. Из собраний материалов, относящихся к колониальной истории, помимо упомянутых в XXIV главе, следует назвать еще следующие сочинения:

Для итальянской колонизации: кроме сочинений Тафеля и Томаса — Н. Noiret, *Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénétienne à Crète* (Bibl. des écoles françaises d'Athènes et de Rome fasc. 21 (1892). M. Latrèe, *Histoire de l'île de Chypre*, 3 т. 1854—1861.

Для испанской колонизации: *Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones Españolas en América y Oceanía*, 1864 и сл.

Для голландской колонизации: *De Jonge, Opkomst van het Nederlandsch gezag in Oostindie*. 1862.

Для английской колонизации: *Calendar of State Papers. Colonial Series*.

Для северо-американских колоний: *Docum. relat. to the Colon. Hist. of the State of New York*.

Много документов опубликовано, конечно, и в более новых монографиях, которые я упомяну в надлежащих местах.

Кроме «документов», для более старой истории колоний важны в качестве источников прежде всего описания путешествий. Я назову только 2 наиболее важных собрания отчетов о путешествиях, относящихся к эпохе Чинквиченто: *Ramusio, Delle navigazioni etc.*, 3 ed. 1563 и *Richard Hakluyt, Principal Voyages etc.* 3 vol. 1600.

Литература по истории колоний чрезвычайно обширна. В надлежащем месте я укажу использованные мною работы и потому ограничусь здесь только указанием на общие сочинения. Главным образом колониальной политики, но также и истории колоний касаются следующие сочинения: Н. Brougham, *An Inquiry into the colonial policy of the European Powers*, 2 т. 1803; Н. Merivale, *Lectures on Colonisation and Colonies*. 1861 (обе эти работы принадлежат к числу лучших книг по колонизационной политике); Roscher und Jannach, *Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung*, 3-е изд. 1885; А. Zimmermann, *Kolonialpolitik*, 1905, носит главным образом исторический характер. Историческими описаниями по преимуществу являются: *Guillaume T. Raynal, Hist. philosophique et politique des Etablissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes*. Печатались в нескольких изданиях; я пользовался изданием 1775 г. (в трех томах). Paul Leroy-Beaulieu, *La colonisation chez les peuples modernes* 4 т. 1891; А. Zimmermann, *Die europäischen Kolonien*. 5 т. 1896—1903.

Henry C. Morris, *The History of Colonisation from the earliest times to the present day* 2 т. 1904. Это наиболее новое сочинение по истории колоний является в то же время и самым полным. В приложении помещена хорошо подобранные библиография, к которой я и отсылаю читателя. Обстоятельную библиографию всей колониальной литературы (на 156 страницах в 8-ю долю листа) издал Гриффин — A. P. C. Griffin, *List of Books relating to the theory of colonisation etc.* 2-е изд. 1900.

В качестве дополнительных пособий могут служить работы по исторической географии, поскольку они имеют своим предметом возникновение колониальных государств. К числу классических книг немецкой литературы принадлежит превосходная работа Пешеля — Osc. Peschel, *Geschichte des Zeitalter der Entdeckungen*. 1858. Наиболее важными сочинениями более нового времени являются Sophus Ruge, *Das Zeitalter der Entdeckungen*. 1881 и A. Supan, *Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien*. 1906. Оба эти выдающихся сочинения, в согласии с своей задачей, уделяют много места (внешней) колониальной истории; и то и другое ограничиваются периодом после XV в. Зупан придерживается хронологического порядка. Общий обзор дает интересный очерк Ф. Тенниса — Ferd. Toepnies, *Die historisch-geographischen Richtungen der Neuzeit*, помещ. в *Weltwirtsch. Archiv*, т. 6, 1915, стр. 307 и сл.

Совершенно особое ответвление общей литературы по истории колоний, ответвление, имеющее особо важное значение для настоящего труда, составляет литература о рабстве и торговле рабами, на которую я буду ссылаться в дальнейшем.

I. Идея колоний.

Если следовать нашей точке зрения и рассматривать политику абсолютских государств в ее внешних формах, как продолжение и завершение политики средневековых городов, то колониальные области, окружающие все эти государства, можно сравнить с пригородным сельским районом, на который распространялась власть (по крайней мере экономическая власть) средневекового города: как можно видеть на бесчисленных примерах, государство заняло место города и в лице колоний создало для себя область, которую оно могло эксплуатировать таким же образом, каким город эксплуатировал некогда окружавшие его деревни. Оно заставляло колонию доставлять производимые ею продукты и брать в обмен продукты данного государства. Нет никакого сомнения, что это основное отношение между городом и сельским пригородным районом повторяется в экономической связи, существующей между метрополией и колонией.

Колониальная хозяйственная политика большинства европейских народов сводится к следующим положениям:

1. Колонии могут поставлять свои продукты только в метрополию: «Ни сахар, ни табак, ни хлопок, ни индиго, ни имбирь, ни красильные деревья, выращенные или добытые в наших ази-

атских, африканских или американских колониях, не должны вывозиться из сказанных колоний никуда, кроме Англии, Ирландии или какой-либо другой из указанных плантаций его величества»¹ повторение «дорожного права»!

2. Колонии могут получать изделия, в частности промышленные изделия, только из метрополии: рыночное право.

3. Колонии не имеют права производить продукты, вырабатываемые в метрополии: право запрета производства.

4. Метрополия оставляет за собою монополию транспорта.

5. Товары, привозимые из колоний, облагаются пошлиной (налогами) при вывозе их из колониальных гаваней и при поступлении в гавани метрополии.

Но в то же время при ближайшем рассмотрении мы замечаем в отношениях между колониями и метрополией многочисленные отклонения от старого типа связей, соединявших город с близлежащими селами. Если это различие связать с противоположностью основных хозяйственных идей, то можно сказать, что в средневековом городе потребность в экспансии вдохновлялась идеей пропитания, а в новых городах-государствах и великих державах — идеей наживы. Старый город хотел иметь в своем распоряжении столько земли, сколько ему было необходимо для существования; и качество и величина его земельных владений определялись поэтому числом его жителей, которое было более или менее постоянно. Новое государство уже с самого момента своего возникновения не знало таких ограничений: как нам известно, одна из существенных особенностей новых государств (к числу которых мы всегда должны относить и большие итальянские города-государства) заключалась как раз в неограниченном стремлении к расширению. Эта тенденция к укрупнению резче всего проявляется в колониальной экспансии. Беспредельность экспансии вытекала в частности и из той цели, которую преследовали все государства при своих завоевательных походах, — из погони за золотом. Золото манило все государства за пределы их европейских границ, и, поскольку это имело место, ими овладевала та же безумная страсть к безграничному расширению собственности, которая охватывала хозяйствующих индивидуумов, выбрасывая этих последних из узкой сферы идеала пропитания.

Эта тенденция влечет все государства почти одинаковыми путями и повсюду создает одинаковые формы колониального господства.

¹ Статья XIII акта о судоходстве от 1660 г. (1-й год царствования Карла (с. 18), подтвержденный законом 25-го года царствования Карла II (с. 7).

II. Возникновение колониальных государств.

Каким образом возникали на протяжении столетий отдельные колониальные государства, каким образом отдельные государства и государства-города боролись друг с другом за те или другие области земного шара, как переходила власть в оспариваемых областях от одних держав к другим,—все это в общем известно и может быть изложено здесь самым кратким образом.

История современных колоний начинается с крестовых походов и расселения европейцев в святой земле.

Государства крестоносцев¹ не были колониями в современном смысле, но все же впервые дали возможность итальянским городам проникнуть в поры чуждой народности и заложить основу для позднейшего колониального хозяйства. В городах Арасфе, Цезарее и Якконе, завоеванных в 1101 и 1104 гг., Генуя получила третью часть городской территории и третью часть окружавшей их области. Ее примеру последовали Пиза и Венеция, которые с 1100 г. стали принимать участие в борьбе: в 1110 г. и та и другая получили в свое владение одну треть богатого Сидона, а в 1123 г.—одну треть Тира². К городам всегда приписывался большой сельский район, и в окрестностях одного только Тира венецианцы владели 80 казалиями земли³.

С этого момента все стремления больших руководящих городских общин Италии были направлены на расширение их колониальных владений в областях Средиземного моря. В результате возникли такие мощные колониальные государства (конечно, мощные по сравнению с размерами метрополии), каких не видела мировая история даже в Риме и Англии.

Как известно, колониальные владения Венеции сразу расширились после раздела Византийской империи. При этом разделе город лагун получил $\frac{3}{8}$ всей колоссальной территории⁴. Во владение Венеции перешли земли Эпира, Акарнании, Этолии, Ионийские острова, Пелопоннес, острова Ахипелага, расположенные на юге

¹ E. Rey, *Les colonies franques de Syrie aux XII et XIII siècles*. 1883.

² H. Prutz, *Kulturgeschichte der Kreuzzüge* (1883), 377 и сл.

³ Г. Прутц, *указ. соч.*, стр. 390; Гейд, 1, 170 и сл.

⁴ «На долю Венеции пришлась четвертая часть и половина четвертой части всей Римской империи». *Le livre de la Conquête. Edit. Buchon* (1845), 21. Данные эти приведены у J. A. C. Buchon, *Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française aux XIII, XIV et XV sc. dans les provinces démembrées de l'empire grec.* (1851), 13 и сл. Документы переведаны у Томаса и Тафеля 1, 452 и сл.

и западе¹, целый ряд городов на берегах Дарданельского пролива и Мраморного моря, города внутренней Фракии вроде Адрианополя и др., Пера, — константинопольское предместье, Кандия и вскоре после этого Кипр, имевший тогда важное значение. На протяжении следующих столетий область эта все время окружалась завоеваниями в Армении, на черноморском побережье и т. д.

Самой опасной соперницей Венеции была Генуя². В Крыму и на материке генуэзцы имели обширные земельные владения. Центральным пунктом генуэзских колоний на черноморском побережье была Каффа, где генуэзцы утвердились с 1266 г. В XIV в. город этот насчитывал 100 тыс. жителей (?). Кроме того, в руках генуэзцев находились богатые острова Хиос, Самос, Никария, Онусса, о-в св. Панагии, части Кипра (Фамагуста), Корсики (до 1768 г.) и Сардиния, завоеванная впоследствии Арагонским королевством, далее владения в Испании, Греции³, на армянском побережье, в Сирии и Палестине.

По сравнению с колониальными государствами Венеции и Генуи колонии остальных итальянских государств кажутся ничтожными. Тем не менее колониальные владения Пизы⁴ и Флоренции⁵ были довольно значительны. Оба города с XII в. организовали поселения в Сирии и Палестине; Пиза с давних пор укрепилась на африканском побережье, а в Греции властвовали флорентийские роды⁶.

После того как была открыта Америка и морской путь в Ост-

¹ Здесь господствовал род Санудо, члены которого называли себя «герцогами двенадцати островов». В 1372 г. владения эти отчасти перешли в руки семьи Криспо. Бюшон, 352 и сл., 357 и сл. Это называли «семейным завоеванием».

² О генуэзских колониальных владениях мимоходом говорят: Heyck, *Genua u. seine Marine* (1826), 154; H. Sieveking, *Genues Finanzwesen* 1, 178 и сл.; 2, 102; Cibrario, Ec. pol. 3², 280 (цитирующий манускрипт Семино «Историч. мемуары о торговле генуэзцев в X—XV вв.»), а также, конечно, Гейд.

³ О владениях в Греции генуэзского рода Чентариони ср. Бюшон — указ. соч., 304 и сл.

⁴ R. Maini, *J. pisani alle prime crociate* (1893), указ. у Toniolo, *L'economia di credito e le origini del capitalismo nella rep. flor.* в Riv. intern. 8, 37 и сл.

⁵ Тониоло, указ. соч., Davidsohn, *Gesch. von Florenz* 1, 282. Ida Massetti Bencini, *F. e le isole della Capraia e della Pianosa* в Arch. Stor. Ital Ser. V, t. XIX (1897), стр. 110 и сл.

⁶ В XIV в. род Акчиайоли получает звание герцогов афинских. Бюшон, 346 и сл.

Индию, и другие нации¹ приступили к основанию собственных колониальных империй за океаном: в XVI в.—Испания и Португалия, в XVII и XVIII вв.—Франция, Голландия и Англия. В это время германские государства стоят в стороне, и только крошечный Бранденбург делает тщетные попытки разыгрывать из себя великую державу.

Первой по времени колониальной державой является Испания. Уже в XVI в. испанские владения охватывали всю Южную Америку (кроме Бразилии), среднюю Америку и южную часть Северной Америки от Калифорнии до Флориды, а также некоторые небольшие территории в Африке и на побережье Тихого океана. Владения эти сохранились за Испанией до XIX в.

В XVI в. Португалия занимает одинаковое с Испанией положение: в то время она господствовала над западным и восточным берегом Африки, над побережьем Арабского моря, западным побережьем Индии, отдельными областями индийского хинтерланда, Молуккскими островами и огромной Бразилией. Но уже в XVI, а еще больше в XVII в. владения эти стали сильно суживаться благодаря написку остальных государств.

Среди этих последних первое место в первую половину XVII в. принадлежит Франции. Творцом французской колониальной империи был Ришелье (1624—1642). В тот момент, когда он только что пришел ко власти, Франция владела одним лишь Квебеком, а после его смерти—Канадой, Мартиникой, Гвадалупой, о-вом Сан-Доминго и прочими Антильскими островами. В 1682 г. была основана Луизиана, а после этого Франция укрепилась и в континентальных частях Индии. Крушение этого великого французского колониального государства последовало в конце XVIII в., когда Канада попала в руки англичан, а Луизиана была продана Соединенным штатам (1803).

В XVII в. наряду с французскими колониальными владениями возникают крупнейшие колониальные государства нового времени: голландское и английское.

Голландцы вытеснили испанцев и португальцев из части их поселений и в течение XVII в. прочно укрепились в Бразилии, Африке и Ост-Индии, где до тех пор господствовали португальцы. Кроме того они приобрели Капскую землю и о-ва Зондского архипелага.

По стопам голландцев следуют и англичане, вырвавшие у голландцев часть их добычи—Нью-Йорк, Цейлон и Капскую землю;

¹ Всего яснее освещены факты новой колониальной истории в выше-названном труде Л. Зупана, стр. 14 и сл.

у испанцев англичане отняли многие Вест-Индские острова, у французов — Канаду и Переднюю Индию. Будучи последними завоевателями, они сохранили за собой свою богатую добычу.

Колонии приобретались в процессе длительной, тяжелой и беспощадной борьбы: колонии завоевывались.

Колонии завоевывались в борьбе с туземцами и взаимной борьбе залистливых европейских наций, боровшихся друг с другом. Конечно, кое-где удавалось достичь льгот в торговле с чужим народом путем ловкой дипломатии; нам известны многие договоры, которые были заключены с туземными князьями и в которых та или другая европейская нация получала всякого рода привилегии. Заключение договоров особенно часто практиковалось в левантийских колониях, где европейцы сталкивались с полуцивилизованными и вполне цивилизованными народами. Договоры заключались и в азиатских, и в американских областях. Французы называли такие договоры «фирманами», образчиком которых может служить фирман 1692 г., полученный Дестандом от Великого Могола в Чандернагоре в пользу французской Ост-Индской компании. Условия фирмана были таковы: компания уплачивала Великому Моголу 40 тыс. коп., из которых 10 тыс. вносились немедленно, а остальные — годовыми взносами по 5 тыс.; французы получали право свободной торговли в провинциях Бенгалии, Ориссе и Бехаре и пользовались такими же привилегиями и обычными правами, как и голландцы. Подобно голландцам, они должны были уплачивать $3\frac{1}{2}\%$ таможенных пошлин.

Но как ни выгодны были подобные договоры, одними ими, конечно, еще ничего нельзя было достичь. Для того чтобы туземцы соблюдали их, договаривающаяся держава должна была доказать свою мощь и внушить местным жителям достаточное уважение к их далекому повелителю. С другой стороны, под боком всегда находилось какое-нибудь соперничающее европейское государство, готовое каждую минуту настаивать на своих правах с мечом в руках.

Поэтому уже колониальная история генуэзцев и венецианцев есть история непрерывных войн. Большая часть книги Гейда посвящена описанию этих войн. Наиболее выгодных договоров добивались те государства, которые обнаруживали наибольшее упорство: «Во время этих схваток венецианская республика ограничивалась главным образом тем, что сильно укрепляла свою резиденцию в городе Негрепонте. По всей вероятности именно благодаря этому она добилась более благоприятных условий в 1272 г. при заключении двухлетнего договора с императором Михаилом Палеологом» (Гейд). То же самое можно сказать и о западно-европейских государствах: после XVI в. и здесь лозунгом были военные операции, которые должны были доказать мощь тех или других государств. «Следовало бы послать королевские корабли, так чтобы их видели на побережье, и в особенности не падать ни пороха, ни пуль. Чтобы сокрушить гордость голландцев, чрезвычайно важно... раздувать войну между англичанами и голландцами и помогать более слабым... Как только компания укрепится, король сможет в любую минуту стать господином Индии...» — говорится в меморандуме директора французской Ост-Индской компании от 1668 г.¹.

¹ Ф. Кеппелин, Компания Восточной Индии (1908), 322.

Как известно, с XVII в. вошло в обычай передавать суверенные государственные права и главным образом военные средства в распоряжение привилегированных торговых компаний. Поэтому именно этим компаниям и выпадала задача завоевания колоний, причем между компаниями завязывалась борьба за доходные местечки (поскольку борьба велась вне Европы). Ясно, что решающее значение в этой борьбе в конечном счете имели военные ресурсы государства, и победа одерживалась немирными купцами, а ловкими авантюристами и жестокими героями морской войны.

«Отсюда видно, что лица, стоящие во главе Ост-Индской компании, должны обладать еще другими качествами кроме тех, какими отличается ловкий купец: это сложная служба, где необходимо знать всего понемножку», пишет домой всегда проницательный Ф. Мартин (Кеппелин, указ. соч., 63). Это можно было сказать о всех нациях. Конечная победа в борьбе доставалась на долю самых свирепых и самых беззастенчивых.

Как завоевывались колониальные владения, видно из чрезвычайно показательного примера, взятого из истории африканских торговых обществ.

Сначала Африка была занята португальцами. Наряду с ними в ней укрепились и англичане, и королева Елизавета выдала привилегии одной торговой компании. После этого англичане построили свой первый порт на Золотом Берегу, затем на реке Гамбии (в эпоху Стюартов). В 1621 г. учреждается голландская Вест-Индская компания, получающая право завладеть всей землей на западном берегу Африки и восточном берегу Америки; вместе с тем ей предоставляется исключительное право вести торговлю в этих местах. Так как португальцы уже занимали важные для компании пункты, то столкновения были неизбежны. Вскоре борьба действительно началась: в 1637 г. голландцы захватывают первый португальский форт в Африке, а затем и все остальные, которые затем формально передаются им по договору 1641 г. На сцене появляются англичане, и голландцы вынуждены отстаивать свое исключительное право торговли: вдоль берега все время крейсируют два голландских военных судна, охотящихся за английскими торговыми кораблями. Имена взятых голландцами английских судов сообщает Постлесэт, «Словарь» 1, 927. Здесь с полной ясностью обнаружилось следующее:

- 1) что английские частные купцы не могут бороться против объединенных сил голландской Вест-Индской компании;
- 2) что договор между обоими государствами имел не очень большое значение (события в Индии);
- 3) что с таким противником, как голландская Вест-Индская компания, можно было бороться только одним средством: надо было объединить английских купцов в одну компанию и предоставить этой последней все необходимые для нее полномочия и привилегии.

В результате всех этих соображений была основана в 1662 г. «Компания королевских купцов, торгующих с Африкой»¹.

С этого момента между обеими компаниями начинается систематическая борьба: англичане в свою очередь закладывают форты, спаряжают военные суда и т. д. Насколько большие средства были на это истрачены, показывают следующие цифры: на постройку и содержание фортов на африканском побережье компания истратила от 1672 по 1678 г. 390 тыс. ф. ст., от 1678

¹ «Company of Royal Adventurers of England trading into Africa».

до 1712 г.—206 тыс. ф. ст., от 1712 до 1729 г.—255 тыс. ф. ст. Следовательно на протяжении этих 57 лет всего было истрачено 851 тыс. ф. ст. Зато с тех пор на английские владения никто не покушался. Постлесует, сообщающий эти сведения на основании достоверных современных ему документов, прибавляет («Словарь» 1, 725): «В течение последних 250 лет постоянная политика всех этих европейских наций (т. е. наций, которые открывали новые страны. В. З.) заключалась в том, чтобы строить и поддерживать форты и крепости; такие владения давали право предъявлять претензии на целые королевства и на обширные пространства земли, лишая все прочие нации возможности торговать с ними».

Только в начале нашей эпохи, в XVIII в. «договор» постепенно приобретает все большее и большее значение: главным способом подчинения становится не сила, а хитрость. Этой новой формой воздействия особенно широко пользовались англичане. Но в течение большей части ранне-капиталистической эпохи сила оружия решала судьбу государств и в Европе, и в колониях. К этому периоду применимо, следовательно, положение: вначале была армия.

История колоний является поэтому историей войн. Большинство историков считают даже, что она была исключительно историей войн, почему во всех общих сочинениях по истории колоний и отводится столь большое место описанию завоевательных кампаний. Полноты ради я укажу еще на следующие сочинения, которые особенно подробно описывают борьбу за колонии. Прежде всего для левантинских колоний следует упомянуть книгу Гейда—W. Heyd, *Geschichte des Levantehandels*, 2 т. 1879, которая почти целиком исчерпывается перечислением дипломатических и военных выступлений.

Особенно тернистым был путь наций, впервые пробивавших дорогу к колониям. По отношению к востоку такой нацией были португальцы. Об их действиях простодушно повествует Заальфельд—F. Saalfeld, *Gesch. d. portug. Kolonialwesens in Ostindien* (1810). Очень подробные описания борьбы португальцев в Индии можно найти в сравнительно недавно появившейся книге Бокмейера—H. Bokmeyer, *Die Molukken*, 45—79. Из старых описаний следует указать на книгу de Veer, Heinrich der Seefahrer (1864), 86 и сл.

Историю испанской колонизации (как историю завоевания) превосходно описал В. Прескотт (W. Prescott) в своих обоих сочинениях:—*History of the Conquest of Mexico*, 3 т., 1-е изд. в 1843 г. и *History of the Conquest of Peru*, 3 т., 1-е изд. в 1847 г. Очень полезной книгой еще и доныне остается—A. H. Helps, *The Spanish Conquest in Amerika etc.*, 4 т., 1855—1861 г. Из новых работ следует отметить К. Набльег, Amerika в «Мировой истории» Гельмольта, т. 1, 1899 и его же, *Geschichte Spaniens unter den Habsburgern*.

Борьбу голландцев подробно описывает F. Saalfeld в своей *Gesch. d. holländischen Kolonialwesens*, 1812, причем он не оставляет без внимания и экономическую сторону вопроса. Этим он очень выгодно отличается от большинства писателей по колониальным вопросам. Подробную военную историю голландских колоний можно найти в G. C. Klerk de Reus, *Geschichtlicher Überblick der... niederl.-ostindischen Compagnie* (1894) стр. XI—XVI. Ср. также J. P. J. Dubois, *Vie des gouverneurs généraux etc.* 1763.

О войнах французов много материала можно найти в не раз цитировавшейся нами книге Кеппелина.

Но последние решающие сражения разыгрывались не в водах далеких морей, а в Европе. Большинство из бесчисленных войн, заполняющих XVII и XVIII вв., — особенно с того момента, когда главное влияние переходит к Англии, — все в большей и большей степени приобретают торговый или колониально-политический характер: «Героическая религиозная освободительная война нидерландцев против испанского господства, рассматриваемая в своем настоящем свете, является почти столетней завоевательной колониальной войной за Ост-Индию и каперской войной против испанского «серебряного флота» и испанско-американской колониальной торговли» (Шмоплер). Война, которую Соединенные провинции вели с Англией от 1652 до 1654 г., была вызвана навигационными актами Кромвелля; с другой стороны, война, объявленная Англией Голландии в 1654 г., была ответом на враждебное поведение голландской Вест-Индской компании в Африке. Людовик XIV, войны которого, конечно, имели под собою более глубокое основание, чем чисто торговые интересы, в 1672 г. все же напал на Голландию только для того, чтобы наказать голландцев за их жестокие репрессалии, вызванные кольберовским таможенным тарифом. Испанская война за наследство, подобно Великой коалиционной войне от 1689 до 1697 г., точно так же была главным образом войной Англии и Голландии против Франции, которая серьезно грозила бы их интересам, если бы она сочетала с своей торговлей испанское колониальное могущество. Наконец, обе великих колониальных державы — Англия и Франция — в XVIII в. не раз вели единоборство, закончившееся решительным успехом первой. Победа Англии в войнах от 1756 до 1763 г. окончательно обеспечила ей господствующее положение в мировой торговле и колониальных владениях.

III. Использование колоний.

Использование колоний, конечно, было различно, в зависимости от того, что именно имелось в виду — основание факторий, плантаторское хозяйство или поселения. В то время поселения играли существенную роль только в северной части северо-американских колоний, все же остальные — левантийские, и возникавшие впоследствии заокеанские владения — были «торговыми» колониями. Использование их (единственно интересующее нас здесь) велось различным образом в зависимости от применяемой государствами системы управления. Этих систем можно наметить

две: непосредственное государственное управление и передача в ведение колонизационных компаний. Первую систему мы встречаем в венецианских, а впоследствии и в испанско-португальских колониях, вторую в генуэзских колониях, а затем в колониях голландцев, французов и англичан.

Самой ранней формой колонизационных компаний является генуэзская «маона». Наиболее известна маона о-ва Хиоса, возникшая в 1347 г. следующим образом. Флот, снаряженный частными судовладельцами для совершенно других целей, завоевал Хиос. По возвращении его на родину судовладельцы потребовали от правительства, согласно договору, возмещения в 203 тыс. лир. Так как правительство не в состоянии было уплатить этой суммы, то 26 февраля 1347 г. долг этот был превращен в «сопрера» или хиосскую маону. В качестве гарантии и для получения процентов по долгу кредиторам были предоставлены в виде лена о-ва Хиос и Фокея. Затем в течение 2 столетий маона владела не только Хиосом и Фокеем, но и островами Самосом, Никеей, Онуссой и св. Панагии; в то же время она имела монопольные права на торговлю мастиковым деревом, вывозившимся из Хиоса, и на торговлю квасцами, добывавшимися в Фокее. См. ст. Giustiniani в Энциклопедии Эрша и Грубера, 316 и сл., 327 и сл. В 1374 г. основывается Кипрская маона, в 1403 — новая Кипрская маона; в 1378 г. в ведение маоны передается Корсики, а впоследствии и Крым. Ср. Зивекинг, «Генуэзские финансы» 1, 177 и сл., 2, 99 и сл.

После XVI в. выступает на сцену великая торговая компания, о которой мы уже говорили в другой связи и которой мы коснемся еще раз.

По существу дела во все рассматриваемые нами столетия — начиная с захвата итальянцами Леванта и кончая гибелью великих торговых компаний и отменой рабства — колониальная система оставалась одной и той же. Она покоялась на следующих основаниях:

1. На пожалование привилегий, которое в колониях достигло наивысшей точки развития. Когда той или другой торговой компании предоставляется исключительное право использования колоний, то перед нами привилегия в самой ясной своей форме. Но система пожалования привилегий применяется и там, где не существует никаких привилегированных компаний. В начальную эпоху итальянской, а также и испанско-португальской колонизации без всяких стеснений практикуется старая феодальная система предоставления отдельным лицам исключительных преимуществ: определенные части колоний отдаются частным лицам как бы в «лен». Впоследствии эта форма заменяется регалиями, и отдельные лица за уплату определенной арендной суммы получают право на эксплуатацию той или другой регалии.

О феодальных разделах земли в Леванте см. Veugnot, Mém. sur le régime des terres dans les principautés fondées en Syrie par les Francs (Bibl de l'École des chartes, 3 сер.), т. 5 (1854); H. Noiret, Doc. inédits pour servir

à l'histoire de la domination vénitienne à Crète (Bibl. des écoles franc d'Alhènes et de Rome, 21 (1892). Гейд, указ. соч. Ср. 1-е изд., 1, 336 и сл.

В испанской Америке «лены» называются энкомиендами, а живущее на них население носит название «repartimento». Об энкомиендах подробнее всего говорит Arth. Helps, *The Spanish Conquest in America*, 3 (1857), 99 и сл., там же (стр. 135) можно найти и знаменитое определение понятия *repartimento* по Ант. де Леону (*Confirmaciones reales, parte I, cap. I*).

В португальских колониях лены назывались капитанствами и семьями. См. H. Handelmann, *Gesch. von Brasilien* (1860), 47.

Особым видом пожалования личных преимуществ были так называемые договоры об открытиях. Такие договоры об открытиях часто заключали Фуггеры, Вельсеры, Эгингеры и др. Подробное изложение такого договора можно найти у K. Häbler, *Geschichte d. Fuggerschen Handlung*, 56 и сл. См. далее Neg. A. Schuhmacher, *Die Unternehmungen der Augsburg. Welser in Venezuela usw.*, помещено в *Hamburger Festschrift zur Erinnerung an die Entdeckung Amerikas*, Bd. II, 1892 и его же, *Die überseeischen Unternehmungen der Welser — und ihrer Gesellschafter*, 1903. См. также критику на эту работу Франца Эйленбурга, помещенную в *Histor. Zeitschrift*, 1904, стр. 104 и сл. Богатая литература о взаимоотношениях между Вельсерами и Венециузой приведена у Victor Hantsch, *Deutsche Reisende des 16 Jahrhunderts*, 1 вып. I тома, *Leipziger Studien aus dem Gebiet der Geschichte* (1898), 17 — 18.

В системе управления венецианскими колониями в XV в. мы уже видим много привилегий совершенно современного типа. 16 марта 1439 г. некоему Петру Квирино предоставляется исключительное право добывания квасцов на острове Крита в течение 10 лет (Нуарэ, Неизданные документы 327—328). 20 июня 1465 г. Николаю Дженусу предоставляется такое же право на устройство горных предприятий по разработке меди, серебра и золота (Нуарэ, 495 — 496). 3 апреля 1480 г. предоставляется право на добычу селитры, причемдается кредит в 300 дукатов (см. там же, стр. 547). 16 марта 1445 г. на добычу квасцов выдается монополия сроком на 10 лет (там же, стр. 410). 31 июля 1442 г. Фоме Квирино и его товарищам дается привилегия на ввоз мастикового дерева на о-в Крит, причем вместе с этим ему предоставляется на ближайшие 20 лет исключительное право выращивания мастиковых деревьев (там же, 402). 24 июля 1428 г. Марку Заноно предоставляется исключительное право посадки сахарного тростника на острове Крите сроком на 10 лет (там же, стр. 324 — 325 и т. д.).

Вторым государственным мероприятием, налагавшим своеобразный отпечаток на всю колониальную политику более раннего времени, было предоставление колонистам — как отдельным лицам, так и корпорациям — чрезвычайно сильного военного аппарата. Все колониальные поселения обозреваемых нами столетий были снабжены укреплениями, где постоянно находился сильный гарнизон с обильной амуницией; исключением были разве лишь те поселения, где сами торговцы или фермеры брали на себя защиту охраняющих их фортов.

Это можно в одинаковой степени сказать и об итальянских колониях в Леванте, и о колониях более поздней эпохи. Приведем

наудачу один, два примера. Судя по описаниям Джованни Бембо, венецианские укрепления в Тане были весьма внушительны. Помимо того, что венецианский квартал города был окружен стенами и башнями, венецианцы владели еще собственным замком с двумя башнями, окруженным большим рвом. Замок этот находился вне города, на холме, и в случае вражеского нападения венецианцы могли укрыться там со всем своим имуществом¹. «Голландская фактория в Бентгалии походит скорее на замок; она окружена глубокими, наполненными водой рвами, высокими каменными стенами и бастионами, выложенными камнем и вооруженными пушками. Их обширные товарные склады также построены из камня, а помещения для офицеров и купцов отличаются величиной и удобством»².

В начале XVIII в. голландская Ост-Индская компания держала в своих индийских владениях 12 тыс. человек постоянного войска; кроме того 100 тыс. туземцев были обучены обращению с оружием, дабы можно было пользоваться ими в случае нужды. По общему правилу крупные компании держали в боевой готовности и свои торговые корабли, ибо этим последним нередко приходилось выполнять роль военных судов. Флот голландской Ост-Индской компании состоял приблизительно из 60 парусных судов, «годных для военной службы» и снабженных каждое 30—60 орудиями³. Расходы английской Ост-Индской компании на гражданское и главным образом военное управление, включая постройку укреплений в Бенгальской провинции, в течение 6 лет от 1755 г. до 1771 г. составили 9 027 609 ф. ст⁴.

Сила военных гарнизонов в английских колониях в XVIII в. видна из следующих цифр⁵:

Ямайка (1734): 7 644 человека белого населения. Из них 3 тыс. человек гарнизона; 6 фортов.

Барбадос (1634): 18 295 человек белого населения и военный гарнизон в 4 812 человек; 21 форт; 26 батарей с 463 пушками;

¹ Гейл, 2, 376.

² Постлесуэт, Словарь, 1, 241.

³ Ohslow Burrish, Batavia illustrata (1728), 327. Ср. гл. «Морское судоходство» во II т.

⁴ Fourth Report on Administration of Justice in India, 1773, стр. 535, приведено у Dult, Econ. History of India, 3 ed., 1908, стр. 46.

⁵ «Отчет комиссии Палаты лордов о торговле и плантациях», приведен у Андерсона, 3, 203. В «Словаре» Постлесуэта (1, 728) можно найти точные данные о количестве фортов, снаряжения, амуниции, величине гарнизона и т. д. на африканском побережье.

Подветренные о-ва (Leeward Islands) (1734) : 10 262 человека белого населения, из них 3 772 человека милиции.

3. Но самое главное заключалось в том, что основывавшие колонии государства силой вводили там принудительный труд для выполнения работ, которые производились в этих колониях туземными или пришлыми рабочими и от которых, как правильно заметил Колумб при открытии Америки, зависела вся ценность колоний¹. В той или другой форме закон допускал рабство как систему труда. На рабстве (или крепостном праве) базировалось колониальное хозяйство итальянцев в Леванте, равно как и хозяйство испанцев, португальцев, французов, голландцев и англичан в Африке, Америке и Азии. Об этом хозяйстве мы будем говорить в 47-й главе, которая касается колониального хозяйства и является дополнением к выраженным здесь мыслям.

¹ «Los Indias desta isla española eran y son la riqueza de las»; мемориал от 1505 г.

Глава XXVIII.

Государство и церковь.

Предварительные замечания. Литература.

Менявшимся отношения государственной власти к религиозным общинам и религиозным исповеданиям создавали особые условия для развития капитализма и потому нам необходимо изложить здесь в общих чертах взаимоотношения между государством и церковью в том виде, в каком они сложились начиная с конца средневековья и кончая последней частью XVIII в. или началом XIX в. (Значение религиозных взглядов для хозяйственной жизни следует осветить в совершенно другой связи. См. по этому поводу соответствующие главы в моем «Буржуа», где я попытался выяснить их роль.) Отношения между государством и церковью, в особенности в рассматриваемый нами промежуток времени, оказывали определенное влияние на ход хозяйственной жизни прежде всего потому, что от них зависело допущение или недопущение различных религиозных общин в пределы государственной области. Поэтому, не касаясь фактического распространения различных религиозных систем среди культурных народов, мы должны будем выяснить, в какой степени в ту или другую эпоху в отдельных странах господствовал принцип религиозной терпимости или нетерпимости. С этой точки зрения я и выделяю наиболее важные работы из обширной литературы по данному вопросу.

Общее освещение проблемы религиозной терпимости с исторической точки зрения пытаются дать книги Franc. Ruffini, *La libertà religiosa*. Vol. I *Storia dell'idea*, 1901 и Aimadé Matagrifin, *Hist. de la tolérance religieuse*. И та и другая — хорошие работы, которые, однако, ни в какой мере не исчерпывают тему, ибо они отличаются слишком литературной постановкой вопроса. Сочинение Жюля Симона—Jules Simon, *La liberté*, 2-е изд. 1859 г.—представляет собою скорее эскиз. С более философской и отвлеченной точки зрения рассматривает вопрос Лекки—W. E. H. Lecky, *History of the rise and influence of the spirit of Rationalism in Europe*, 2 т. 1868. Ernst Troeltsch, *Die Soziallehren der christlichen Gruppen und Kirchen* (1912) рассматривает проблемы скорее с догматической, чем с исторической точки зрения. Общий обзор можно найти в статье «Toleranz» в Prot. Real. Enc. (ст. Friedberg'a) и в Wetzer und Welte Kirchenlexicon, т. XI (излагает католическую точку зрения). Познакомиться с действительным ходом вещей можно только по монографическим обработкам предмета,

посвященным отдельным странам. Обработки эти можно найти в каждом сочинении по общей истории, а также в каждой истории церкви. Из специальной литературы нужно упомянуть следующие сочинения.

Франция: Gott von Polenz, *Gesch. d. französischen Calvinismus*, 5 Bd. 1857 (доведено только до 1629 г.). Theod. Schott, *Die Aufhebung des Edikts von Nantes usw.* 1885. Th. Buckle, *Hist. of Civil.*, 1 vol., ch. 8—14. Чит. выше книга Матагрэна.

Испания: E. Schäfer, *Beiträge zur Geschichte des Protestantismus und der Inquisition im XVI Jahrhundert*, 3 т. (тт. II и III — документы), 1902. Эта превосходная работа, основанная на обстоятельном изучении источников, содержит во введении критический обзор главнейшей литературы. В этой литературе в течение целых десятилетий занимала выдающееся положение книга Don Juan Ant. Llorente's *Historia crítica de la inquisición de España*, которая появилась впервые в 1817 г. на французском языке, а затем часто переиздавалась и переводилась на многие иностранные языки. Немецкое издание вышло в 1820—1822 гг. в 4 томах. Работа эта долгое время считалась объективным описанием, основанным на источниках, но в настоящее время признается весьма тенденциозной. См. по этому поводу Шефер, *указ. соч.*, 1, 24 и сл. Из общей литературы следует упомянуть еще вышеуказанное соч. Бокля, т. 2, гл. I.

Англия и английские колонии: Т. Бокль, *указ. соч.*, т. 1, гл. VII и т. 2, гл. II, VI (Шотландия). James S. M. Anderson, *The History of the Church of England in the Colonies*, 2-е изд. в 3 т., 1856 (очень ценная книга). Дополнением к ней может служить Sanford H. Cobb, *The rise of religious liberty in America*. 1902. В частности о пуританстве см. Doug. Campbell, *The Puritan in Holland, England and America*, 2 vol., 1892. Ezra Hoyt Bigington, *The Puritan in England and New England*, 1906. Обе работы превосходны в своем роде. Но еще и теперь нередко приходится прибегать к сочинениям Ниля—Neal, *History of the Puritan*, 5 т. 1822. Общий хороший обзор дает Henry W. Clark, *History of Engl. nonconformity*, 2 vol. 1911—1913.

Голландия: Дугл. Кемпбелль, *указ. соч.* Luis Ulbach, *La Hollande et la liberté de penser aux XVII et XVIII sc.* 1884. Книга содержит три статьи, которые довольно скучны материалом и изобилуют общими фразами.

Германия: H. Landwehr, *Die Kirchenpolitik Friedrich Wilhelms, des Grossen Kurfürsten. Auf Grund archival. Quellen* 1894. L. Keller, *Der Grosse Kurfürst und die Begründung des modernen Toleranzstaates*, 1901, помещено в сборнике: *Der Protestantismus am Ende des XIX Jahrhunderts*, hrsg. von Pastor C. Werckshagen, Bd. 1, S. 229 und ff. (превосходная работа). G. Pariset, *L'Etat et les églises en Prusse sous Frédéric Guillaume I (1713—1740)* 1897 рассматривает главным образом церковную организацию. C. F. Arnold, *Die Ausrottung des Protestantismus in Salzburg unter Erzbischof Firmian u. seinen Nachfolgern*. 2 Bd. 1900—1901 (*Schriften zur Reformationsgeschichte* Schrift 67 и 69). Ср. также O. Hintze, *Die Epochen des evangelischen Kirchenregiments in Preussen* — статья, помещенная в *Hist. Zeitschr.*, 97 (1906), стр. 67 и сл. Сюда же относится далее и история сект и литература об эмигрантах. Относящиеся сюда сочинения буду указывать в другой связи.

Положение евреев рассматривается в моей книге: «Евреи и хозяйственная жизнь» (1911).

1. Усиление нетерпимости.

Дух терпимости, веявший в нравах возрождения, коснулся только немногих утонченных и образованных умов: он не проник в массы и не затронул тех сил, которыми создаются внешние формы человеческой общественной жизни. Он рассеялся, как туман, растаял, как облачко в небе.

Эпоха толерантности еще не наступила. Дух нетерпимости как будто должен был окончательно изжить себя, прежде чем исчезнуть из истории. Развитие государств, благодаря деятельности тех сил, которые пробудились к жизни в период Ренессанса, на первых порах способствовало еще большему обострению религиозной нетерпимости. Начальные стадии этого развития относятся уже к столетиям позднего средневековья: в эпоху реформации все эти зародыши расцветают пышным цветом.

Усиление нетерпимости объяснялось прежде всего процессом, который мы назвали обмирщением государства и который логически должен был привести к учреждению государственной церкви. Прежнее отношение между церковью и ее «светской рукой» обратилось в свою противоположность: религия стала орудием государства и отдала свои силы на службу политике. Это вытекало, как простое следствие, из идеи об абсолютном характере власти государя: если вся забота о государственном порядке была доверена правителю страны, то и церковный строй не мог быть изъят из его компетенции. Сфера церковных дел и сфера государственных дел отныне совпали, сила церкви слилась с силой государства, церковная жизнь и политическая жизнь объединились в одно понятие христианского общества.

Как известно, это движение, начавшееся со второй трети XIV в., прежде всего обнаружилось в Испании и Франции, а также в некоторых городских областях Германии. Известно также и то, что события церковной реформации чрезвычайно усилили его и впервые дали ему возможность достигнуть своих целей: лютеранство с внутренней необходимостью толкало к учреждению национальной церкви¹.

Из типа церкви, характерного для лютеровского учения, вытекали однородность, единство и всеобщее господство церкви, а это, при невозможности общеевропейской или общегерманской церковной реформы, приводило в конечном счете к созданию на-

¹ Книга Э. Трельтша (указ. соч., стр. 516 и сл.), написанная с тонким пониманием предмета, также выводит это положение из самой сущности лютеровского учения.

циональных церквей. «Его фундамент (фундамент лютеранства) — это идея церковной культуры, принудительно подчиненной религиозным представлениям... В центре лютеранских социальных учений всюду стоит понятие государственной церкви»¹.

Если всякая национальная церковь заключает в себе зародыши нетерпимости, то развитие их еще более ускорялось благодаря тому изменению религиозных взглядов, которое произошло в XVI и XVII вв. Все нововозникавшие религиозные общины были отмечены суворой нетерпимостью: в этом отношении каждая из них стремилась как бы перещеголять все другие. С своей стороны и католицизм в борьбе с еретиками становился все более и более непримиримым и резким: Кальвин и Игнатий Лойола представляют собою две стороны одного и того же явления.

На начальных стадиях лютеранства ему была присуща тенденция к толерантности, соответствовавшая его внутренней сущности: Лютер думал, что сила слова приведет к мировому единству вероисповедания. Но так как он обманулся в своих надеждах, то ему пришлось прибегнуть к принудительным мерам, которые он, подобно католической церкви, проводил в жизнь не путем церковного воздействия, а с помощью государства. Культура протестантизма была в такой же степени «принудительной культурой» (Э. Трельтш), как и культура средних веков. В конце концов Лютер потребовал, чтобы государственная власть силой искореняла все ереси, мешающие устройству христианской общины. «Бунтарей наказывает и насильственно искореняет не церковь, как таковая, а вытекающий из нее идеал абсолютной и единоспасающей истины, безраздельно господствующий над всем обществом, абсолютистско-объективное понятие истины и основанная на нем всеобщая идея христианского общества»².

Такие же точно взгляды, только еще более суворо выраженные, мы находим и во всех прочих протестантских вероисповеданиях. С особенной последовательностью и нетерпимостью идея правоверия проводится Кальвином. После того как по его приказанию был сожжен Михаил Серве за отклонения по доктринальским вопросам, Кальвин защищал свой образ действий в сочинении (1554), «где доказывается, что еретиков следует погнать мечом».

Кальвинистский дух продолжал жить и в пуританах, которые принципиально отклоняли всякие уступки иначе верующим: «Тер-

¹ См. тонкие замечания К. Б. Гундеслагена, указ. соч.

² Э. Трельтш, указ. соч., стр. 472.

пимость — это великое изобретение дьявола, его самая тонкая выдумка и главная его уловка, с помощью которой он ныне надеется поддержать свое шатающееся царство; это самый правильный, легкий и верный путь для того, чтобы разрушить всякую религию, все опустошить и ввести в мир всяческое зло»¹.

В глазах Джона Нокса ересь также является преступлением, которое следует наказывать смертью.

Протестантизм, официально признанный в это время английским государством, в лице своих официальных представителей, также защищает нетерпимость: «Свобода совести», говорится в памфлете одного представителя Высокой церкви, вышедшем в 1681 г., «это орудие зла и беспорядка...; бороться за терпимость значит бороться против всякого правительства». Эти последние слова раскрывают нам еще другое обстоятельство, объясняющее жестокую нетерпимость той эпохи. Повидимому вероисповедные различия, хотя и раздувающие в людях фанатизм, все же сами по себе не могли бы привести к той длительной и ожесточенной борьбе, в которую были вовлечены все страны в XVI и XVII вв. Огромная динамическая сила этих столкновений родилась из слияния религиозных и политических интересов. Ибо для рассматриваемых нами столетий характерно то, что в религиозных войнах сражаются друг с другом ожесточенные политические противники, а с другой стороны, что все крупные политические движения этого времени носят религиозный или церковный характер². Было бы совершенно непонятно, чтобы такой человек, как Ришелье, вносил столько ненависти в свою борьбу с гугенотами, если бы он видел в них чисто религиозную общину и не смотрел на них главным образом как на крамольную политическую партию, занявшую сильные позиции и объединившуюся для того, чтобы оказать сопротивление государству: «Ришелье боялся как раз цитаделей этого государства в государстве».

Равным образом и столкновения между протестантами и католиками в Германии и между сторонниками епископальной церкви и пресвитерианцами в Англии никогда не могли бы достичь такой остроты, если бы помимо религиозных идей партии эти не руководились также и определенными политическими взглядами.

Но для житейской действительности было в конце концов без-

¹ Из известного памфлета Эдуарда Гангрена (1645), 121, цит. у В. Расселла, Church, 2, 233.

² H. Delbrück, Ueber den politischen Charakter der englischen Kirchenspaltung im XVII Jahrhundert — статья в Histor. Zeitschrift, Bd. 36; перепечатано в сборнике его статей, вышедшем в 1887 г.

различно, где лежали корни нетерпимости. Решающее значение имело то обстоятельство, что в течение двух столетий политика государств сводилась к утверждению исключительного господства одной религиозной общины — признанной государственной церкви. В соответствии с этим государства стремились искоренить все ереси и если не сжечь всех еретиков, то, по крайней мере, вынудить их к эмиграции.

Такова была программа и католических и протестантских государств.

Прежде всего стала проводить эту политику Испания. Здесь впервые развернул свою деятельность инквизиционный трибунал и здесь же беспощаднее всего изгонялись инаковерующие. Политика эта проводилась как в метрополии, так и — с особенной силой — в ее нидерландских владениях.

Во Франции враждебность к протестантам обнаруживается впервые при Франциске I, который сначала питал некоторые симпатии к реформаторам под влиянием своей сестры Екатерины Наваррской. С 1535 г. открывается эра преследований, продолжавшихся с короткими промежутками в течение полутора столетий. Еще при Франциске I во время борьбы с еретиками было убито 3 тыс. человек и сожжена масса городов и деревень, так что Вольтер мог заключить свое историческое описание следующими словами: «страна была опустошена, и земля, орошенная кровью, лежала втуне». Затем (при Генрихе II) в стране водворилась инквизиция; в 1548 г. открывает свои заседания «горящая палата» (*Chambre ardente*); в 1559 г. экуанский эдикт предписывает судьям присуждать к смерти каждого лютеранина за простое исповедание им своих религиозных взглядов. Эпоха Генриха IV была только кратковременным перемирием в этой смертельной борьбе, которая достигла своего апогея при Ришелье и Людовике XIV и диктовалась, как мы видели, не только церковными соображениями, но и мотивами внутренней политики¹: в 1681 г. начинаются драконады, а отмена Нантского эдикта (1585) завершает серию мероприятий, существовавших искоренить во Франции протестантизм.

В Англии, куда реформация проникла с 1532 г., первыми шагами по консолидации государственной церкви были акты

¹ «Пароксизм преследований, предшествовавший отмене Нантского эдикта, объясняется, быть может, не столько фанатизмом двора Людовика XIV, сколько собственными соображениями короля, который тогда боролся против папства и пытался утвердить галликанскую церковь». Michelet, Hist. de France, t. XII, стр. 245.

«о верховном управлении и единоверии» (*Acts of supremacy and Conformity*) (1558—1559) и «39 пунктов» (1562), против которых вскоре восстали диссиденты. Секта пуритан сложилась в 1563—1564, а в конце 1570 г. из нее выделяются браунисты, называвшиеся впоследствии интендентами. В 1567 г. впервые были принятые меры против нонконформистов¹ и в Племнерс Голле во время службы было арестовано 200 человек. Отлучение от церкви Елизаветы (1569) подало повод к изданию суровых законов против католиков². При Стюартах противоречия между государственной церковью и диссидентами, как известно, все более и более обостряются. Об остроте этой борьбы ясно свидетельствует деятельность Вестминстерского собрания духовных лиц (*Assembly of Divines*) после 1643 г.³. В эпоху республики борьба еще более усиливается и с такой же жестокостью продолжается во время реставрации: еще в 1654 г. был издан закон, грозивший тюремным заключением или изгнанием всем лицам свыше шестнадцатилетнего возраста, посещающим церковную службу иных исповеданий кроме Высокой церкви⁴.

Еретики наказывались изгнанием в колонии, в которых нонконформисты до некоторой степени находили покой: в 1617—1619 гг. бежавшие в Голландию пуритане переселились в Америку и на основании хартии, пожалованной им Виргинской компанией, основали колонию Масачусетс, по образцу которой образовались впоследствии Коннектикут, Лонг Айленд и другие штаты «Новой Англии». Изгнанные из Англии еретики находили здесь приют и могли теперь сами проявлять всю ту нетерпимость, от которой они раньше страдали: штаты новой Англии стали наиболее нетерпимыми штатами во всей Америке. Все направления, не принадлежавшие к пресвитерианству, преследовались здесь с непреклонной жестокостью. Так, законы 1652 и 1657 гг. провозгласили изгнание квакеров: если приверженцы этой «проклятой секты» будут где-нибудь обнаружены, говорилось там, то их надлежит наказывать смертью⁵.

В других английских колониях, где государственной церковью была признана Высокая церковь, диссиденты подвергались таким

¹ Hallam, *Const. Hist.* I (1827), 246.

² Перепечатано у Галлама I, 185 и сл.

³ Индерсон, Церковь и т. д. I, 425—428.

⁴ Ср. H. Levy, *Die Grundlagen des ökon. Liberalismus in Gesch. der englischen Volkswirtschaft* (1912), 8 и сл.

⁵ Индерсон, Церковь и т. д. 2, 211 и сл. Ср. 2, 157 и сл., 175 и сл., 210.

же преследованиям, как и в метрополии. Так обстояло, например, дело в Виргинии, где в 1631 г. акт Генерального собрания постановляет: «Во всей этой колонии правила и устав англиканской церкви должны соблюдаться совершенно одинаково, как по существу, так и по внешней форме (*both in substance and circumstances*)¹. К пуританам, которым сначала оказывали дружественный прием, устанавливается враждебное отношение и в конце концов издается закон, предписывающий высылку всех нонконформистов².

В Германии мы наблюдаем такое же зрелище. Города издают строгие указы против ересей и отклонений от церкви, что было не-посредственным результатом все более и более укрепляющейся идеи общенационального церковного устройства.

Уже в 1531 г. в предисловии к уставу любекского округа властям вменяется в обязанность заботиться о чистоте учения и культа; небрежность в этом отношении, говорится в предисловии, навлечет на них божественную кару (A. m. L. Richter, Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts (2 т. 1846) I, 149 и сл.). Изданный в том же году церковный устав города Гослара грозит высылкой из страны цвинглианцам и перекрещенцам от имени «бургомистра, городских советников, гильдий и городской общины» (Рихтер, I, 154). Страсбургский церковный устав от 1534 г. предписывает «приходским надзирателям» от имени магистрата следить за уклонениями от Лугсбургского исповедания, за посещением прихожанами церквей и за принятием ими причастия (там же) I, 231, 237). Такие же постановления мы встречаем и в других церковных уставах городов.

От городов не отставали и государи.

Уже в 1527 г. герцог Лигницкий объявляет, что он считает своей обязанностью, под страхом божественной кары, «со всем старанием заботиться о спасении душ и следить за тем, чтобы подданным его преподавалось чистое и ясное слово святого евангелия» (Рихтер, указ. соч., I, 247 и сл.). Такие же выражения мы встречаем в церковных уставах Гессена, Вюртемберга, Брауншвейга и др. (там же, т. II). В генеральном указе саксонского курфюрста от 1557 г. говорится: «Люди, обучающие иному... не должны терпеться в странах, принадлежащих его курфюрстской милости, и должны подвергаться надлежащему наказанию за совершенные ими ошибки, за соблазны и за распространение своего учения» (ср. также К. Б. Гундесгаген, указ. соч.).

¹ Андерсон, Церковь и т. д., I, 462.

² Там же, 2, 7 и сл.

В тесной связи с обострением религиозного чувства среди христианских народов стоит враждебное отношение, которое различные страны начали проявлять к евреям с конца XV в. Евреи изгоняются из Испании (1492 и сл.), из Португалии (1497) и из различных германских и итальянских городов (в XV и XVI вв.).

Само собою очевидно, что эта политика нетерпимости и преследований, практиковавшаяся всеми государствами в эпоху контрреформации, т. е. как раз в эпоху могучего развития капитализма, должна была оказать большое влияние на ход экономической жизни. В дальнейшем изложении я буду говорить об этом в надлежащем месте. Здесь я хочу только указать на те сферы жизни, в которых главным образом оказались результаты нетерпимости. Результаты эти, по моему мнению,

1. внутреннего порядка: религиозная чувствительность обостряется до крайних пределов, и религиозный фанатизм достигает наиболее резкого своего проявления. Но в процессе взаимной борьбы различных доктрин обостряется и восприимчивость к более тонким оттенкам религиозных переживаний. В Англии секты растут с особенной силой, отчасти в результате внешней борьбы различных религиозных общин. Английские секты возникли главным образом на первых стадиях гражданской войны, как реакция против поведения Долгого парламента и Собрания духовных лиц. Старый культ был отброшен, новый еще не установился и потому «неудивительно, что в это время развитие сект и уклонов достигло такой степени, что впоследствии было уже невозможно искоренить их»¹.

Далее, результаты нетерпимости оказались во-вне.

2. Из таких в нешних последствий более общего порядка можно указать главным образом на три явления, имевшие чрезвычайно большое значение для развития капитализма:

- а) ереси, как социальный феномен;
- б) переселение еретиков из одной страны в другую;
- в) войны, вызванные во всех странах религиозными спорами XVI и XVII вв.

В Англии к этому присоединяется еще и другое событие, особенно важное для этой страны:

- г) закрытие монастырей и конфискация церковного имущества при Генрихе VIII.

¹ Ниль, История пуритан, II, 271.

II. Развитие идеи терпимости.

В то самое время, когда люди разрывали друг друга на куски из-за ничтожных вероисповедных различий, идея терпимости продолжала тлеть под пеплом, пока, наконец, не разгорелась в пламя.

Когда в нашу историческую эпоху эта идея впервые стала прокладывать себе путь, соображения, побуждавшие людей терпимо относиться к чужим взглядам и в особенности к чужой вере, могли исходить и действительно исходили из самых разнообразных мотивов. Если Фицина и Монтэнья терпимыми людьми делало религиозное безразличие, то у многих других терпимость к другим религиям зарождалась на почве религиозных убеждений. В XVII в. мы видим это, например, у Бальзака, Мильтона, Иеремии Тейлора, Вильяма Пенна. Другие, как, например, Бейль, усвоили себе более широкие взгляды под влиянием логических аргументов. Люди вроде канцлера Лопиталя и французских «политиков» были сторонниками терпимости потому, что они ясно видели огромный политический вред, наносимый нациям внутренними раздорами. Другие обосновывали терпимое отношение к различным религиозным общинам главным образом экономическими доводами. Вспомним таких людей, как Вобан, Вильгельм IV голландский, Кромвель, допустивший в Англию евреев, Яков II, который в своем указе о терпимости (1687) объявил: «Преследования вредно отражаются на населении и торговле», наконец католичку до глубины души австрийскую императрицу, приказавшую «дать возможность вступать в торговые общества и... разрешать временное пребывание по торговым делам»¹ старо-католикам, которые не могли селиться в стране. Общие государственные интересы побудили и Фридриха Вильгельма I предоставить право убежища заальцбуржцам².

Наблюдая за тем, как идея терпимости постепенно укреплялась в жизни, мы ясно видим те силы, которые в конечном счете решают человеческие судьбы. Мы можем с достоверностью констатировать, что эта идея не оказывала никакого действия до тех пор, пока она жила только в головах и сердцах благонаме-

¹ Пшибрам, Австрийская торговая политика, I, 146.

² Как известно, с давних пор ожесточенно спорят о том, какие мотивы побудили к этому шагу Фридриха Вильгельма I — расчетливая ли политика или религиозные симпатии. Еще и теперь Арнольд полемизирует по этому вопросу с Паризэ. По моему мнению, Паризэ прав, когда он пишет, что у прусского короля «были тесно связаны религиозные чувства и материальные интересы». Паризэ, указ. соч., 794.

ренных филантропов и что она пробивает себе дорогу лишь с того момента, когда ей содействуют могучие государственные или экономические интересы или когда она с необходимостью вытесняет из тех противоречий, в которых запуталась политика нетерпимости.

Здесь не место описывать генезис идеи толерантности и ее проникновение в политику новых государств. Достаточно лишь припомнить важнейшие этапы, отмечающие ее победное шествие.

Мы не ошибемся, если Вильгельма Оранского мы назовем первым государем, принципиально провозгласившим принцип толерантности, а семь провинций — первым государством, где религиозная терпимость была существенным элементом политики. В своих «предложениях генеральным штатам» Вильгельм IV мог с полным правом утверждать¹: с самого начала терпимость была «государственным принципом республики, дабы сделать ее области надежными местами убежища для всех преследуемых и угнетенных чужестранцев». Как заметил Бейль, Голландия стала своего рода ноевым ковчегом, который подбирал всех, потерпевших кораблекрушение. Всего через каких-нибудь сто лет после Уtrechtской унии, в то время, когда вся остальная Европа пламенела заревом религиозных войн, трезвый наблюдатель того времени описывает жизнь в Нидерландах следующими словами²: «В Амстердаме и Роттердаме евреи имеют свои синагоги, и не найдется ни одной христианской секты, которая не устраивала бы своих публичных собраний в первом из этих городов»... «Трудно представить себе, до какой степени вражда и ожесточенность, неизбежно вызываемые различием религий в других державах, ослаблены и смягчены в этой стране благодаря общей свободе, которой пользуются все либо в силу официальных законов, либо в силу терпимого отношения». «Возможно, что в других странах религия приносит больше добра, но во всяком случае в этой стране она приносит меньше всего зла».

Из метрополии идея терпимости перекочевала и в голландские колонии: договор с маленькой бандской республикой от 1602 г.³, был первым договором с колониальным населением, где наряду с монополией на торговлю пряностями местным жителям предоставляется свобода религиозного культа.

Независимо от политики голландцев намечается и другой

¹ Цитировано у Коепен, *Geschiedenes de Joden in Ned* (1843), 156 — 157.

² В. Темпль в его «Заметках о состоянии Соединенных провинций Нидерланд, сделанных в 1672 г.» (1674), 263, 270.

³ J. L. Motley, *Hist. of the United Netherlands* 4 (1857), 109.

источник, откуда распространяются идеи терпимости: английские колонии и прежде всего английские колонии в Северной Америке. Наряду с нетерпимыми пуританскими штатами и столь же нетерпимыми штатами, принадлежащими к Высокой церкви, здесь возникает еще третий тип: тип штатов, где различным религиям предоставляются одинаковые права или где по крайней мере господствует религиозная терпимость. Первой колонией, проводившей принцип толерантности в законодательстве и управлении, был Мериленд, основанный католиком лордом Балтимором. Законодательное собрание колонии (между 1637 и 1657 гг.) устанавливает следующую формулу присяги для губернатора и членов совета: «Я не буду лично или через посредство других, прямо или косвенно преследовать, беспокоить или притеснять каких бы то ни было лиц, верящих в Иисуса Христа, за их религию»¹. Акт 1649 г. окончательно утверждает этот принцип, благодаря чему в Мериленде, как и в Голландии, собираются представители самых разнообразных сект².

Первая хартия штата Каролины от 1662—1663 г. в статье 18 также предоставляет нонконформистам «терпимость и освобождение от преследований»³, а § 97 второй хартии 1669 г. (автором которой считается, как известно, Локк) постановляет: «Любые семь или более лиц, принадлежащих к какой бы то ни было религии, составляют церковь, или исповедование, которому они должны дать известное имя в отличие от других»⁴. Поселение Вильяма Пенна—Пенсильвания⁵ — построено на основе полной терпимости.

Наконец идея терпимости проникает и в метрополию, в Англию, где в 1689 году издается акт о терпимости. В акте, правда, не содержится еще принципиального признания нонконформистских религиозных общин (по общему правилу они попрежнему подвергаются преследованиям), но все же борьба государства против диссентеров смягчается: при известных условиях (подпи-

¹ Андерсон, Церковь и т. д. I, 488. Незадолго до этого (в 1636 г.) в одном единственном городе (Провиденсе), где проповедывал изгнанный из Массачусетса индепендент Роджерс Вильямс, признается неограниченная свобода религиозных верований; в учредительном договоре основатели этого города обещали повиноваться законам, «только в делах гражданских». S. Green Arnold, History of the State of Rhode Island I (1859), 103, цитировано у G. Jellinek, Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte (1859), 35.

² Андерсон, указ. соч., II, 29.

³ Андерсон, указ. соч., 2, 317 и сл.

⁴ Андерсон, указ. соч., II, 324.

⁵ Андерсон, указ. соч., II, 423 и сл.

сание определенных пунктов символа веры, присяга на верность государству и т. д.) закон разрешает им отправлять религиозную службу (в Ирландии преследования нонконформистов продолжаются еще в течение всего XVIII в. и только в 1782 г. проводится закон о веротерпимости).

Из более крупных государств в течение XVII в. только в Бранденбург-Пруссии соблюдалась известная терпимость в правление Великого курфюрста, находившегося под сильным влиянием Оранской династии¹. Потсдамский эдикт (8 ноября 1685 г.) допустил беглых французских гугенотов в пределы курфюрстских земель; 2 февраля 1732 г. был издан патент для зальцбуржцев.

Идея толерантности, как существенный элемент государственной конституции, получает всеобщее признание только в конце XVIII в. В это время одна за другой [следуют реформы Иосифа, американская и французская декларации прав человека. Это открывает начало эпохи развитого капитализма, которой мы, однако, не должны еще здесь касаться.

Упомянем в нескольких словах об особом правовом положении евреев.

В Голландии евреи пользовались терпимостью и получили другие гражданские права после объявления независимости, в Англии с 1654 г., в некоторых американских штатах и в некоторых германских городах с конца XVI в. и в XVII в. Но и в тех странах, куда евреи были допущены только гораздо позднее, государи находили средства, дабы дать возможность евреям — по крайней мере богатым — заниматься хозяйственной деятельностью: в отношении их практиковалась система привилегий и был образован институт придворного еврейства².

Огромное значение хотя бы частичного торжества идеи терпимости для хозяйственной жизни не нуждается в особых пояснениях: терпимое отношение к различным религиозным общинам оказывает столь же большое влияние на движение эмигрантов (только в обратном смысле), как и преследования. Члены определенных религиозных общин остаются в толерантных странах, между тем как при других условиях они из них выселились бы; с другой стороны, они переезжают в эти страны в тех случаях, когда они вынуждены покинуть свою родину. О всех вообще церковно-политических мероприятиях этого времени можно пов-

¹ На это основательно указывает Л. Келлер, *указ. соч.*

Подробности см. в моей книге о евреях.

торить то, что сказал Л. Келлер¹ о последствиях потсдамского эдикта, а именно, что он «привел к переселениям и переменам, оказавшим длительное влияние на соотношение сил и состояние культуры средней Европы».

Приложение: Состояние частного права.

Решительные и принципиальные изменения частного гражданского права — как в формальном, так и в материальном смысле — относятся к следующей эпохе или к концу ранне-капиталистического периода.

В эпоху господства абсолютной монархии происходят только следующие перемены:

1. Торговое право, которое до XVII в. покоилось главным образом на торговых обычаях, начинает кодифицироваться. Первыми государственными кодификациями были французский торговый устав (1673) и морской устав (1681). В Германии до конца XVIII в. государственному регулированию подлежали только отдельные институты торгового права² и первая общая кодификация последовала лишь при создании прусского гражданского права в 1794 г.

2. Вексельное право на протяжении XVII в. формулировалось во многочисленных государственных и городских вексельных уставах применительно к требованиям времени. В середине XVIII в. существовало 48 вексельных уставов³.

Решительный шаг в области нового вексельного права был сделан тогда, когда оно превратилось в общее право, не ограниченное в своем действии сословной принадлежностью.

Так например Бранденбургское вексельное право в ст. 4 постановляет: «Все лица, подписывающие вексельные обязательства, все равно мужского пола или женского, князья или графы, или дворяне, или придворные служащие, или знатные, или ученые, или военные, к какому бы сословию, рангу или службе они ни принадлежали, должны без всяких различий и исключений также подчиняться вексельному уставу, как и торговцы»...

¹ L. Kell er, Der Grosse Kurfürst und die Begründung des modernen Toleranzstaates, указ. соч., стр. 251.

² См. K. Cosack, Lehrbuch d. H. R., § 4, 11, 2а. Эдикты французских королей в XVI в., например Эдикт Карла IX от 1563 г., регулировавший ведение дел в парижском торговом суде, касаются административной стороны; регулирование частного торгового права последовало только в результате названной кодификации.

³ Они собраны у D. Siegel, Corp. iur. cambialis, 1742, 2 Teile. См. также 2 сборника Uhly'я от 1758 и 1764 гг., Ludovic, Kaufm. System (1768), § 389 и Siegel, Einführung zum Wechselrechte, 1751.

Принципиальное значение этих перемен, впервые произошедших в области правотворчества, заключается в том, что новые законы обозначают обезличение права, но, как мы уже сказали, в области права, равно как и во многих других областях культурного развития, ранне-капиталистическая эпоха создает только первые стадии новых образований.

3. Немаловажные изменения, послужившие на пользу капиталистическим интересам, правовой строй испытал уже в ранне-капиталистическую эпоху в области процессуального права. Наиболее важными изменениями были следующие: а) торговым документам присваивается возможно более твердая доказательная сила и возможно более точные обязательственные последствия (обезличение); б) разрабатывается порядок приведения в исполнение долговых обязательств. Это было сделано, конечно, главным образом в интересах торговли, для которой обычная процедура была невыносима. Для торговца было величайшим благодеянием, когда он получил возможность по предъявлении долговых документов добиться хотя бы предварительного исполнения. Принцип непосредственного приведения в исполнение долговых обязательств, начиная с XV в., проводится в торговых городах Тосканы и Ломбардии и распространяется оттуда на всю Италию и за ее пределы. Вместе с этим разрабатывается и процедура исполнения¹.

4. В настоящее время теоретики права, повидимому, все более и более приходят к выводу², что рецепция римского права в Германии не служила «капиталистическим» интересам и вообще стояла лишь в отдаленной связи с событиями и требованиями экономической жизни. В самом деле: почему экономические причины вынудили к такой перемене именно Германию, а не Францию, не Голландию, не Англию, стоявших тогда на гораздо более высокой ступени хозяйственной жизни? Кроме того, следует обратить внимание на то, что области права, наиболее важные для капиталистического развития, как то: морское право, торговое право, вексельное право и в особенности право обществ, лишь в очень незначительной степени основывались на источниках рим-

¹ См. W. Endemann, Beiträge zur Kenntniss des Handelsrechtsystems M. A. в «Zeitschr. f. d. ges. H. R.» (1862), 333 и сл., особ. 393 и сл. Ср. Marquardt, De jure merc., гл. VII и сл., III книга.

² См. обзор литературы у v. Below, Die Ursachen der Rezeption des römischen Rechts, 1905. Фон Белов решительно отвергает взгляд, будто римское право было введено в Германии «ввиду потребностей оборота», которые германское право якобы не в состоянии было удовлетворить.

ского права и уже во всяком случае не были обязаны своим возникновением «рецепции римского права». Самое большее, что можно сказать, — это что они постепенно впитывали в себя римские правовые идеи.

Даже в отношении Италии в настоящее время начинают доказывать, что новая (римская) школа права весьма долгое время оставалась чисто научным движением: по мнению этих ученых, наука о праве зародилась в XII в. из чисто научного интереса и содействовала лишь оживлению античных традиций, которые затем в философской области продолжала разрабатывать сколастика¹.

¹ Walter Goetze, Das Wiederaufleben des römischen Rechts im XII Jahrhundert, в «Archiv f. Kulturgesch.», 10 (1912), 25 и сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О первом издании «Современного капитализма»¹.

Чтобы выяснить принципиальное значение труда Зомбарты, необходимо хотя бы в кратких словах охарактеризовать так называемую новую историческую школу политической экономии, которая занимала на университетских кафедрах Германии господствующее положение. Обратимся к признанному главе этой школы, к Шмольлеру, председателю Союза социальной политики. Его воззрения представляют особенный интерес не только потому, что он вождь целого направления, но и потому, что он более многих своих сородичей работал над методологией экономической науки, и, как он сам заявляет, с нескрываемой меланхолией, «из семестра в семестр надеялся получить, наконец, достаточный досуг, чтобы восполнить пробелы в своих занятиях философией»². И Шмольлер целиком рядом работ доказал, что это — не пустые заявления, не одни благие пожелания. С самого начала своей профессорской деятельности он старался методологически обосновать принципиальные положения новой исторической школы³.

¹ Примечание от издательства. Даваемая в приложении статья т. Степанова-Скворцова И. И., была напечатана в качестве предисловия к русскому переводу первого издания «Современного капитализма» (изд. С. Скирмуна, 1904 г., 2 тома). Общая оценка работы Зомбарты, которая тогда была дана т. Степановым-Скворцовым и для того времени была уже не совсем верна. Автор предисловия несомненно переоценил значение Зомбарты, как полуляризатора и «продолжателя» работ Маркса и недостаточно критически отнесся к тем «новшествам», при помощи которых Зомбарт попытался обезвредить революционную теорию Маркса и тем самым поставить ее на службу буржуазии.

Тем не менее, статья т. Степанова-Скворцова представляет известный интерес, как первая попытка русской марксистской литературы откликнуться на появление «Современного капитализма». Этим соображением и руководствовалось издательство, помещая статью И. И. Степанова-Скворцова в качестве приложения к данному полуторуму.

² Предисловие к работе 1875 г. «Über einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft».

³ Некоторые его работы имеют и более общее значение, представляя действительный вклад в учение о методах экономической науки. И, напри-

Еще одно обстоятельство увеличивает интерес воззрений Шмидлера. Зомбарт — выдающийся его ученик, питающий глубокое уважение к своему учителю. Некоторые места введения к «Современному капитализму» остались бы непонятными, если бы мы не знали взглядов Шмидлера на ближайшие задачи экономической науки¹.

Из всех работ Шмидлера мы остановимся, главным образом на одной, — на его речи, произнесенной в 1897 г. при вступлении в звание ректора Берлинского университета².

По заявлению самого Шмидлера, эта речь с наибольшей решительностью и строгостью выражает его научные и методологические воззрения, выработавшиеся в результате многолетней теоретико-научной деятельности. Самое заглавие речи уже достаточно выразительно: «Переходящие теории и бесспорные истины в области государственных и социальных наук и современная германская экономическая наука». «Истины» — это частичные положения и утверждения, которые пользуются всеобщим признанием. Напротив, «теории» считаются истиной лишь в более или менее узких кругах. Хотя последние и надеются, что они с течением времени завоюют признание всех сомневающихся, но эта

мер, г. Туган-Барановскому, который в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» довольно презрительно относится к Шмидлеру-методологу, было бы небесполезно, принимаясь за «Очерки», вчитаться в небольшую работу Шмидлера *«Die Volkswirtschaft, die Volkswirtschaftslehre und ihre Methode»*.

¹ Но, думается мне, Роберт Дриль, один из критиков «Современного капитализма», ошибается, объясняя исключительно личными отношениями между Зомбартом и Шмидлером ссылки первого на второго и полное умолчание о Брентано. Дриль, конечно, прав, утверждая, что в исторических работах Брентано конструктивный элемент — то, что отличает Зомбарта от исторической школы — выступает с такой силой, как ни в какой работе Шмидлера и других представителей исторического направления. В этом отношении Зомбарт, действительно, ближе стоит к Брентано, чем к Шмидлеру. Но зато в работах Шмидлера по методологии общественных наук Зомбарт мог открыть больше ценных для себя элементов, чем в двух брошюрах Брентано: *«Die Klassische Nationalökonomie»* и *«Über die Ursachen der heutigen sozialen Not»*, переполненных восхвалениями чисто описательных работ исторической школы и голословными нападками на deductivnyj метод классической политической экономии и Маркса. В методологическом отношении обе брошюры ничего не дают.

² *«Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats-, und Sozialwissenschaften und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre»*. Ссылки на страницы мы делаем по второму изданию сборника работ Шмидлера *«Über einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre»*, Leipzig, 1921.

надежда снова и снова оказывается обманчивой: на практике совершается постоянная смена теорий. Действительное приобретение науки составляют лишь частичные истины.

Этим вполне определяется точка зрения Шмидтера на историческое развитие экономической науки. «*До 1860—1870 гг. (курсив наш)* только теория Адама Смита и составляла серьезный шаг вперед в нашей науке». «*Огромная экономическая литература с 1750 по 1870 г. (курсив наш)* представляла скорее муки родов новой науки, зародыши и зачатки ее, чем самую науку. Позволительно утверждать даже больше: только в сознательной противоположности к обоим направлениям экономической науки, старейшее из которых достигло высшего уровня уже в Рикардо, а младшее в Марксе, и которые с того времени начали склоняться к упадку, — только так и могла развиться новая, действительная наука о государстве, обществе и народном хозяйстве. Эта наука отторгла от себя политico-практически-агитаторский характер, самоотверженно обратилась к детальным исследованиям, и не столько стремилась к созданию широких теорий, сколько к приобретению частичных бесспорных истин» (376, 381-2).

Мы два раза подчеркнули дату: 1870-е годы как время зарождения действительной экономической науки. Онжен прав, несомненно, поясняя в своей «*Geschichte der Nationalökonomie*» (1 стр.), что Шмидтер имел в виду более определенную дату — 1872 г., когда новая историческая школа конституировалась в Союз социальной политики, состоящий под председательством Шмидтера. Только в этот момент и родилась действительная экономическая наука. Все, что сделано до того времени — в особенности классической школой и школою Маркса — не наука, а ряд сменяющихся «теорий», в которые вкраплены лишь крупицы «незыблемых истин».

Начиная с 1870 г., старые «теории» умирают одна за другой. «Английский социализм в основных чертах иссяк и отжил свое время уже в 1820—1840 гг., французский — в 1825—1848 гг., немецкий, в 1840—1870 гг.» «В 1870—1890 гг. произошло очевидное для всего мира полное теоретическое и практическое банкротство обеих старых школ» (классической и социалистической).

Тогда выступает на сцену — прежде всего в Германии — новая историческая школа, «которая, свободная от предвзятых мнений — или, по меньшей мере, более свободная, чем предыдущие школы — исследует, применяет более строгие методы, опирается с полною решительностью на бесспорные истины». Она «перешла к методическим исследованиям монографического характера и к реали-

стическому детальному изучению хозяйственной истории, хозяйственной психологии, к работам об отношениях рынка, денежного обращения, кредита и о социальных отношениях. Она пришла, наконец, к сознанию, что только методическая подготовка и многолетняя специализация приводят к прочным научным результатам... Во всех отдельных областях проложило себе дорогу убеждение, что необходимы широкие утомительные наблюдения, старательно организованное собирание материалов, и что пока не создана пригодная обширная описательная литература государственных наук, решительно невозможно притти к научным законам и к устойчивым общим суждениям о тенденциях развития... Само собой разумеется, что движение на этом пути не может быть быстрым, и что мы не скоро придем к тому, чтобы снять покрывало, закутывающее Саисскую статую. Но нас утешает та старая истинна, что в половину часто бывает лучше, чем вполне. Все более распространяется убеждение, что монографии больше двигают науку вперед, чем системы" (383-4, 386).

В Австрии школа Менгера попыталась приостановить разгром старых направлений и своими не то психологическими, не то экономическими работами по теории ценности постаралась убедить мир, будто метод так называемых английских классиков сохраняется в полной непоколебимости. Но это был тщетный труд (385).

Таким образом, Шмоллер решительно расправляется со всеми направлениями до новой исторической школы. Только она оказывается представительницей истинно-научных методов, только ее монографические, чисто описательные работы могут заявлять притязание на научность.

Шмоллер не останавливается перед самыми серьезными практическими выводами из вышеприведенных положений. «Все предыдущее, — говорит он, — может дать нам необходимый критерий, чтобы оценить по достоинству основательность обычного в настоящее время требования: в университетах должны быть равномерно представлены все существующие направления науки. Если бы отмирающие, отжившие направления и методы мы поставили в одинаковое положение с более развитыми и выработанными, это значило бы противодействовать прогрессу и развитию: ни строгие смитианцы, ни строгие марксисты не могут в настоящее время заявлять притязаний на то, чтобы их считали полноценными. Кто не стоит на почве современного исследования, современного ученого образования и методов, тот не годится в учителя (391).

Такова искренняя, переходящая в самовлюбленность, profes-

sion de foi виднейшего представителя немецкой исторической школы.

II

Практика вполне удовлетворяла требования Шмидтера. За немногими исключениями, все кафедры политической экономии были заняты в Германии представителями новой исторической школы. «Строгих смирианцев» в настоящее время, вообще говоря, нет. Что касается «марксистов», то университетская деятельность совершенно недоступна не только для «строгих», но и для самых уступчивых представителей этой школы.

Достаточно было молодому ученому обнаружить живой интерес к методу Маркса, — и двери университета перед ним были закрыты. Так было в 80-х годах с Шиппелем, хотя Брентано с похвалой отзывался об его диссертации «Современная бедность». Так было в 90-х годах с Зомбартом, которому в наказание за увлечение Марксом пришлось преодолеть серьезные препятствия, чтобы получить профессуру¹.

В своей научной деятельности немецкая экономическая наука, с точки зрения Шмидтера, тоже не оставляла желать ничего лучшего. Она обнаружила замечательную производительность — и вся она свелась к монографиям, к детальным исследованиям, к накоплению фактического материала. Конечно, и Шмидтер сознавал, что фактический материал еще не составляет науки, что необходимо его упорядочение. Но еще в 1893 г. он подыскал оправдание чисто описательной деятельности исторической школы. Мы можем сказать, — писал он, — что в великом процессе исторического развития познания дело постоянно сводилось к тому, что шла борьба за господство между двумя элементами познания: между эмпирией и рациональным упорядочением ее (рационализмом); за эпохой утонченной эмпирии всегда должна следовать эпоха высшего рационального упорядочения эмпирического материала².

Следовательно, если немецкие экономисты ограничиваются описательной деятельностью, то причина заключается в том, что

¹ Да и после того профессорская деятельность в Бреславле была обстановлена серьезными предохранительными мерами: в лице Ю. Вольфа, возродившего традиции французских вульгарных экономистов, он получил своего «Strafprofessor'a», как выражаются немцы, т. е. «профессора-взмездие». Впрочем, от контр-профессоров не избавлены даже консервативнейшие катедрально-социалисты: Шмидтер и Вагнер в Берлине тоже имеют свою Немезиду в лице бездарного Гейнгольда.

² Schmidter, I, с. 280.

время для построения науки еще не настало. Следовательно, продолжает Онкен в упомянутой выше книге, и в 1872 г. экономическая наука еще не появилась на свет. «Я так как,— не без иронии добавляет он,— в «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre», появившемся в 1900 г., Шмoller предпринял обещанное им построение доктрины, то начало политической экономии как науки мы должны бы считать с первых годов XX в.». В действительности и «Grundriss» страдает таким же отсутствием конструктивного элемента, как все труды исторической школы.

В 1883 г. Карл Менгер (в «Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere» подверг суровой критике методологические принципы исторической школы. Он решительно заявил, что идя таким путем, как германские экономисты, никогда нельзя притти к построению экономической науки. Но это не разбудило немецкую школу политической экономии от ее догматического оцепенения. Да и по существу она имела основания возразить Менгеру, что внеисторическая и надисторическая психология никогда не даст возможности построить теорию исторического развития хозяйственных отношений.

Ровно через десять лет произошло маленькое возмущение в рядах самой исторической школы. Карл Бюхер, один из заметных ее представителей, обнаружил нетерпение и не захотел ждать, когда вожди направления найдут своевременным «превратить политическую экономию в учение о законах экономического развития народов». Он упрекнул историческую школу в забвении того обстоятельства, что «простое описание формы какого-нибудь явления не дает еще представления о сущности последнего». Он указал, что историческая школа «во многих случаях» обнаружила неспособность «научно овладеть историческими явлениями», что извлечененный в огромном количестве на свет божий «хозяйственно-исторический материал остается до сих пор в значительной степени бесполезным вкладом, ожидающим еще научного исследования¹. В своей теории «хозяйственных ступеней» Бюхер сам попытался «рационально упорядочить эмпирический материал», не слушаясь увещаний Шмоляра, что теперь не такая эпоха.

Но возмущение Бюхера не произвело впечатления разрыва с традициями исторической школы. Одна из главных причин тому — методологическая нерешительность Бюхера. Вместо того чтобы рельефно выдвинуть различие между описательной деятель-

¹ «Происхождение народного хозяйства», русск. пер., Спб., 1897 г., 2, 5.

ностью исторической школы и стремлением классиков открыть постоянное в смене явлений, установить закономерность всех хозяйственных отношений, Бюхер старается уверить себя и других, будто принципиальных методологических различий между двумя школами не существует, будто вся разница между ними — в объеме изучения. Бюхер, повидимому, забыл, что и представители исторической школы — Гельд например, — изучали капиталистическое общество, исключительно интересовавшее классиков, но и здесь только накапливали неорганизованный материал, ожидавший одухотворения творческой мыслью.

Как бы то ни было, ропот Бюхера не мог не произвести некоторого смущения в немецкой исторической школе. Но очень скоро на помощь ей выступил такой выдающийся историк, как Эдуард Мейер. В своем «Экономическом развитии древнего мира» (имеется русский перевод) он подверг резкой критике блюхеровскую теорию хозяйственных ступеней. Его замечания, направленные против Бюхера, производят двойственное впечатление. Иногда кажется, как будто он выступает только против схемы Бюхера, и считает построение каких бы то ни было схем только преждевременным, эмпирический материал для этого недостаточным. Но иногда Мейер дает повод предполагать, что он считает ложным самый принцип подведения хозяйственных явлений под общие понятия, отрицает возможность построения каких бы то ни было схем. Его враждебность даже к робкому применению «методов абстрагирования» по временам доходит до крайних пределов. Если бы кто-нибудь, желая отметить некоторые характерные явления XIX в., сказал, что этот век был веком пара, Мейер, вероятно, возразил бы совершенно серьезно, что это неверно, так как в начале XIX в. главным мотором была лошадь, и даже до настоящего времени она играет крупную роль, а в конце прошлого столетия появились электромоторы.

Но Мейер не ограничился фактической критикой. Через несколько лет он дал методологическое обоснование своим взглядов¹. Мейер иронически относится к попыткам экономистов «rationaльно овладеть эмпирией». «Мы уже видели и еще неоднократно увидим, — говорит он, — как некоторые экономисты воображали, будто они схемой натурального, денежного и кредитного хозяйства ухватили тайну исторического развития и свели

¹ В блестящем написанной брошюре «Zur Theorie und Methodik der Geschichte», Halle a. S., 1902. (Во время печатания прелюдия брошюра появилась в русском переводе: Э. Мейер, Теоретические и методологические вопросы истории, М., 1904 г.)

ее к простой формуле» (9). Для историка нет закономерности в историческом процессе. Его дело — не раскрытие общей связи переменных явлений, а повествование о случайном и индивидуальном, воспроизведение действительности в ее бесконечном разнообразии (22, 25, 26 и др. стр.). В существенных чертах, следя за Риккертом («Границы естественно-исторического образования понятий»), Мейер признает абсолютно невозможной экономическую науку как «учение о законах исторического развития народов».

Немецкая историческая школа политической экономии может окончательно успокоиться. Она может принципиально и навсегда остановиться на созиании фактов, свысока относясь к мечтам о наступлении эпохи конструктивной научной деятельности, как к хилиастическим ожиданиям. «Марксисты», которые из всех современных направлений в науке решительнее других настаивают на закономерности процесса хозяйственного развития и неустанно работают над ее выяснением, теперь могут быть признаны окончательно непригодными для университетской деятельности.

Таким образом, если оставить в стороне немногие возмущения, все было спокойно в рядах исторической школы. Правда, извне раздавались упреки в том, что факты, накапляемые ею, остаются и останутся в значительной степени бесполезными: к описанию явлений, к созианию фактов нельзя приступать без определенной точки зрения, без известных теоретических предпосылок. Во-первых, при таком описании накапляются беспорядочные груды материала, в котором никогда нельзя будет отделить существенное от несущественного, и который никогда не может быть упорядочен. Во-вторых, воображая себя свободными от всякой теории, собиратели фактов тем легче бессознательно проводят одну какую-нибудь узенькую предвзятую точку зрения (так было в многочисленных будто бы совершенно «объективных» исследованиях о положении ремесла, кустарной промышленности, крестьянства). Это нередко наблюдается даже в тех случаях, когда почти исключительно применяется статистический метод, который, по ходячему убеждению, обеспечивает полную объективность. Историческая школа безмятежно относилась к этим нападкам, и глава ее не переставал повторять, что она может гордиться своей свободой от теоретических предпосылок.

Конец 90-х годов доставил серьезное удовлетворение исторической школе. В лагере марксистов, из которого исходили главные нападки на историзм, произошел теоретический раскол, и Берн-

штейн решительно склонился к принципам исторической школы, или, выражаясь точнее, к ее теоретической беспринципности¹. Припомним, например, его рассуждения об «относительном значении» различных «факторов» исторического развития, о важном влиянии спорта на современные общественные отношения в Англии, о полной беспочвенности такой «абстракции» (даже «гипотезы», по выражению Бернштейна), как понятие «совокупной — рабочей силы и заработной платы в известной стране». Что означает все это по сравнению с прежним Бернштейном, как не возврат от «рационализма» к «эмпирии», к самой обывательской эмпирии?

Было бы утомительно приводить в подтверждение этого цитаты из книг Бернштейна «Voraussetzungen des Sozialismus» и «Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus» (обе имеются в русских переводах) или хотя бы просто указать соответствующие страницы. Да это по существу и бесполезно. Читатель сам может произвести поучительный опыт. Пусть он прочитает любую главу, любой очерк в какой угодно книге Бернштейна. Пусть потом сопоставит прочитанное с тем, что говорит Зомбарт с первых страниц предлагаемой книги о существе всякой теории и о том, что отличает его от представителей исторической школы, — и он придет к выводу: Бернштейн перешел в методологическом отношении от Маркса к Шмидлеру.

Выступление Бернштейна окрылило всех, в ком жили затаенные, но сильные симпатии к теоретической беспринципности. В 1901 г. А. Носсиг, который еще очень недавно состоял сотрудником в известном журнале «Neue Zeit», заявил, что он производит «Revision des Sozialismus», «пересмотр социализма», рассчитанный на шесть больших томов. Действительно, в 1901 и 1902 гг. появились два первые тома работы, в общей сложности до 900 страниц. Это «немного», «всего» треть исследования. Но и этого достаточно, чтобы автор окончательно определился. Он объявляет себя врагом «конструктивного метода» Маркса и Энгельса, требует замены его «индуктивно-наблюдательным методом» (т. I, стр. XIV, XVI и сл.). Выступая против «теоретизирования» вообще, Носсиг во втором томе «Ревизии» дал пример того, как можно написать огромную книгу об аграрном вопросе, оставаясь совершенно свободным от всякой теории. Впрочем, точнее будет сказать, что он показал, насколько упрощается дело, если описы-

¹ Впервые употребил это выражение Гельд в конце 70-х годов и, разумеется, ставил теоретическую беспринципность в заслугу исторической школе.

вать аграрные отношения в таком виде, как они представляются Жоресу и Дешанелю, Каутскому и Мелину, словом, лицам разнообразнейших направлений, от социалистов до антисемитов. Не обремененный теоретическими предпосылками, он с одинаковой объективностью и доверчивостью регистрирует все суждения и заявляет: земледельческое население страдает от «движимого капитала», от «биржевой спекуляции», от «неорганизованности сбыта», от «сккупщиков», от «раздробленности землевладения» и т. д. и т. д. Коротко говоря, в работе Носсига реакция в сторону эмпиризма зашла даже дальше, чем в произведениях признанных представителей немецкой исторической школы¹.

Что касается социально-политических воззрений Носсига, он и в этом отношении является представителем реакции в сторону Шмольера и его школы. Пара цитат даст достаточное представление об этой стороне дела. «Пересмотр, — заявляет Носсиг, — должен возвратиться к первоначальному тексту социализма», и этот текст мы «находим в библии» (т. I, стр. XXXIII, X, XX и др.). Задачу своего исследования Носсиг формулирует так: «Добросовестным исследованием, устранием всех элементов, стоящих в противоречии с природою человека и с законами хозяйства, необходимо создать просветленный социализм, к которому, будучи поставлены перед исторической неизбежностью радикальной реформы, могли бы примкнуть дальновиднейшие представители всех партий» (I, с., XXXIX).

По существу в этом видит свою задачу и Шмольер: «Немецкая наука не делала ничего иного, как только стремилась дать причинное обоснование для древнейших этическо-религиозных и государственно-правовых императивов» (непосредственно перед этим Шмольер говорит о великих идеальных благах человечества: «христианстве, нравственном долге, государственной власти»)². И вся социально-политическая деятельность исторической школы вытекала именно из того, что ее представители увидели всю историческую неизбежность радикальной реформы и стремились предотвратить ее невинной реформой, консервирующей суще-

¹ Характерно, что отрекомендовавшись читателю, Носсиг заявляет между прочим претензии на особую компетентность в аграрном вопросе, так как, «принимая непосредственное участие в сельских работах, он мог познакомиться с разнообразнейшими культурами» (т. II, стр. VII). Стоит нашему эмпирику сделать еще пару шагов, и он, подобно немецким аграриям, будет признавать право на суждения об аграрном вопросе только за теми, кто принадлежит к почтенному званию «земледельцев».

² Schmoller, I. с., 393.

стающий строй и потому имеющей основания рассчитывать на поддержку « дальновидных представителей всех партий»¹.

Вообще трудно представить себе более уродливую книгу, чем «Ревизия» Носсига: большое трудолюбие, значительная эрудиция, масса материала (особенно во II томе) — и в конечном итоге полное отсутствие положительных результатов, которые представляли бы действительный вклад в теорию экономического развития. Судьба, тяготеющая над исторической школой², оказалась в особенности безжалостной по отношению к эпигону исторической школы. Но при всей своей несостоятельности книга Носсига — знамение времени. В другое время он дал бы ей самое «катедрское» название: «Система» или «Handbuch социальной политики», или еще что-нибудь в этом роде. Теперь он выпускает ее под именем «Revision des Sozialismus». В другое время он издал бы ее через одну из многочисленных фирм, в которых печатается ученость, стоящая «вне партий» и вне практической жизни. Теперь ее издает фирма (Akademischer Verlag für soziale Wissenschaften), которая претендует на самую непосредственную связь с жизненными течениями.

III

Итак, новая историческая школа принципиально ограничивала свою деятельность накоплением материала и воздерживалась от теоретических построений. Она иронически ставила слово «теория» в кавычки и противопоставляла соответствующее понятие «частичным бесспорным истинам», в открытии которых видела всю задачу современной экономической науки. Только в своей области она и признавала элементы научности и отрицала всякое научное значение за работами Смита, Маркса и их продолжателей.

Историческая школа укрепилась в немецких университетах. Ее представители лишь изредка упоминали о Марксе, чтобы показать все превосходство «современной» экономической науки (так в особенности часто поступает Брентано), или же, не упоминая о нем, отправляясь к его «Капиталу» за материалом и даже за

¹ Ср. в том же сборнике полемическую работу Шмилера, написанную в 1875 г. против Трейчке.

² Новая историческая школа может указать собственно только две работы ее представителей, имеющие прочное научное значение. Это — книги ее вождей: Шмилера «Kleingewerbe» и Брентано «Arbeitsergilden der Gegenwart», появившиеся более 30 лет тому назад. Ученики Брентано в общем живут идеями своего учителя.

точками зрения по частным вопросам. Некоторое недовольство чисто описательной деятельностью, изредка проявлявшееся в рядах исторической школы, не имело большого значения, так как оно выступало нерешительно, не приобретало принципиального характера и быстро встречало резкий отпор. Критика со стороны, из «марксистского» лагеря, оставляла историзм равнодушным, потому что Маркс был с самого начала объявлен вне науки, и борьба с его методом (в теоретической области) и с его социально-политическими воззрениями (в области практики) искони признавалась одной из главных задач исторической школы. Кроме того, историческая школа могла находить утешение в том, что «ревизионизм» в некоторых своих течениях склонился к историко-этнической беспринципности.

Таковы претензии, таково фактическое положение университетской экономической науки в Германии¹. Теперь мы можем

¹ Когда предисловие это было уже написано и поступило в печать, в Германии появились два первых томика любопытной коллекции: «Sammlung sozialwissenschaftlicher Meister», к изданию которой только что приступила известная фирма Г. Фишера в Иене. Инициатором и редактором этой «Библиотеки классиков обществознания» является марбургский профессор Г. Вентиг, автор превосходной книги «Gewerbliche Mittelstandspolitik», отчасти использованной Зомбартом. Я приведу несколько выписок из общего введения Вентига к этой серии (Türgot, Beitrachtungen über die Bildung und die Verleihung des Reichtums, стр. III—VI). Оно поучительно и само по себе, — как выражение новой решительной реакции против исторической школы, — и по сопоставлению с недавними русскими призывами возвратиться к исторической школе, о которых упоминается ниже, в моем предисловии. «Когда я вспоминаю годы своего университетского обучения, — говорит Вентиг, — то пренебрежение собственно «теоретическим» образованием представляется мне одной из характерных особенностей нашего учебного плана... Историзм с его тяготением к фактам вторгся в область экономической науки. «Фактов!» — это сделалось лозунгом даже в университетских семинариях; статистические таблицы, «реалистическое» описание стало нашим евангелием. Напротив, проникновение материала теоретической мыслью и особенно изучение старых классиков заметно отступило на задний план. На Кэне и Тюрго, Юма и Смита, Мальтуса и Рикардо смотрели в значительной степени как на учёных, которые оставлены позади. Постоянные указания на то, что они дали не всю истину, затемняли истинные размеры того, что они сделали. Мы легко издавались над узостью горизонта, над «абстрактными» умозрениями англичан... С того времени мне все яснее становилось, что такое отрицательное отношение было дидактической ошибкой. У большинства людей, которые в настоящее время говорят и пишут об экономических проблемах, слишком часто нет ясного и целостного экономического мироозерцания, — нет даже сознания, что необходимо приобрести таковое, чтобы ориентироваться в суголовке противоречивых повседневных интересов. Из страха ложных теорий дошли почти до теоретического нигилизма. Между

оценить принципиальное значение предлагаемой в переводе работы. Зомбарт, талантливейший ученик Шмольера, деятельный член Союза социальной политики, руководитель некоторых исследований, произведенных Союзом, один из представителей университетской науки, без всяких обиняков заявляет, что в произведениях исторической школы отсутствует специфически теоретический момент — единообразное объяснение явлений, стремление свести их к последним причинам.

Зомбарт, как бы имея в виду заявления своего учителя, соглашается, что большинство экономистов до сих пор страдает недостатком положительных знаний, незнакомством с фактическими отношениями хозяйственной жизни. Он признает, что всякий теоретик должен овладеть уже накопленным эмпирическим материалом и, по мере возможности, обогащать сокровищницу фактических знаний.

Дальше начинается разногласие между учителем и учеником. Шмольер, как мы видели выше, полагает, что мы переживаем эпоху эмпирии и что теперь рано думать о возведении научного здания. Заявления Зомбарта производят впечатление прямой polemiki с таким оправданием приемов исторической школы. С первых же страниц предисловия он как будто хочет сказать: напрасно вы убаюкиваете себя надеждой, что и для вас придет эпоха рационального упорядочения эмпирии. Дело вовсе не в противопо-

тем прав был Эмерсон, утверждая: «Кто не допускает аналогии и требует кучи фактов, прежде чем приступить к построению теории, у того нет поэтических способностей, тот никогда не произведет ничего оригинального и прекрасного». И «дальше: разве даже ошибочная теория, — хотя бы мы ясно не сознавали ее границ, — разве даже такая теория в жизненной практике не ведет в конце концов дальше, чем рассудительный отказ от теории? По крайней мере, она избавляет деятеля от того, чтобы, действуя без плана, впадать в противоречие с самим собою, что достаточно часто случается с социальными политиками нашего времени. Лучшая поправка теории лежит обыкновенно именно в ее последовательном применении». И вот с той целью, чтобы «пробудить теоретический интерес, развить в изучающих политическую экономию критические способности, приучить к последовательному мышлению, подготовить к тому, чтобы и к практическим проблемам подходили систематически вооруженные целостным мирозрением», — с этой целью Вентиг и приступает к изданию классиков: Тюрго, Фергюсона, Смита, Стюарта, Мальтуса, Рикардо и т. д.

Таким образом, не только методологические, но и социально-политические воззрения исторической школы подвергаются новому серьезному нападению, исходящему из среды немецких профессоров. Возможно, что тяготение к классикам окончательно определилось у Вентига под влиянием «Современного капитализма»: в предисловии Зомбарта к этой работе и в приведенных цитатах из Вентига звучат одни и те же мотивы.

ложности эпох рационализма и эмпирии, а в противоположности между абстрактно-обобщающим и конкретно-индивидуальным взглядом на вещи. Наука может ожидать дальнейшего развития только от синтетического сочетания этих противоположностей. Но не исторической школе создать такой синтез: для ее представителей, голых эмпириков по самой своей природе, всякая теория тягостна и ненавистна.

Утешительная противоположность эпох Шмидтера превращается у Зомбарта в противоположность натур, которая ничего не сулит исторической школе.

Уже это звучит прямым, решительным вызовом по адресу исторической школы. Но Зомбарт с характеризующей его натуру боевой смелостью идет дальше и ставит точку над «и». В его беглом очерке истории экономической науки и ее методов историческая школа оказывается собственно как бы вне сферы науки. Намечая главные вехи в развитии познавательных принципов, применявшимися экономической наукой, он упоминает французских физиократов, английских классиков и, наконец, — и даже главным образом — Маркса. Исторической школе здесь не нашлось места.

Определенное говоря о своем отношении к исторической школе, Зомбарт заявляет: «моя «социальная теория» во всех своих элементах проникнута историческим духом, если разуметь под историзмом понимание всего хозяйственного процесса под углом зрения: «все течет, все изменяется». Но я не могу считать себя представителем «исторической школы». Меня отделяет от нее конструктивный момент в расположении материала, радикальный поступат единообразного объяснения из последних причин, построение всех социальных явлений в единую систему. Коротко говоря, меня отделяет от Шмидтера и его школы то, что составляет специфическую особенность всякой теории, всякой науки, или, в двух словах, меня отделяет от него Карл Маркс».

Припомним, как в 1897 г. Шмидтер упрекал «марксистов» за то, что они не стоят на почве современной учености и методов, — и мы не отдаемся от впечатления, что его ученик теперь возвращает этот упрек самому Шмидтеру.

Не ограничиваясь методологическими пожеланиями, Зомбарт поставил перед собой такую грандиозную задачу, как построение теории социального развития на основе огромного эмпирического материала, накопление которого составляет заслугу главным образом исторической школы. Перед нами в настоящее время только часть задуманной им огромной работы, но и этого достаточно, чтобы судить, в каком направлении она будет выполнена. От Но-

сига, как и от Шмидлера, Зомбарт отделяет действительно Маркса. И результаты получились неодинаковые. Насколько книга Носсига поражает хаотичностью и разбросанностью отовсюду надерганных фактов, настолько работа Зомбарта привлекательна стройностью в группировке материала, силу мысли и широтой кругозора¹.

Ближе познакомившись с «Современным капитализмом», читатель увидит, что Зомбарт примыкает к Марксу не только в методологическом отношении, но и в постановке многих общих вопросов, а нередко и в частных выводах. Общее впечатление от книги Зомбарта, по сравнению с работами Бернштейна за последние годы, можно резюмировать словами: «назад к Марксу», или, что будет точнее: «вперед с Марксом».

Зомбарт и сам не скрывает, что он задумал «Современный капитализм» под непосредственным влиянием работ Маркса. Зомбарт говорит, что его труд с формальной стороны представляет попытку заменить образный язык Маркса языком отвлеченных понятий, а его «неорганический взгляд на ход развития — эволюционными воззрениями, стоящими в большом соответствии с современным состоянием знаний». Каковы бы ни были мнения Зомбарта о том, что более соответствует современному уровню знаний, как бы он в некоторых частных случаях ни преувеличивал свою оригинальность по сравнению с Марксом и ни затушевывал близкое сходство, одно ясно: в резкой противоположности с Шмидлером, Зомбарт думает, что современная социальная наука в своем дальнейшем развитии не может обойти Маркса, а, напротив, должна взять исходную точку то, что сделано им.

Как будто всего этого мало, Зомбарт на всем протяжении книги разбрасывает иронические замечания по адресу исторической школы и неоднократно указывает, насколько пагубно отра-

¹ Было бы любопытно сопоставить какой-нибудь отдел книги Зомбарта с предшествующей литературой: только тогда и стало бы ясно, как много сделал Зомбарт для упорядочения фактического материала. Впрочем, читатель сам мог бы взять, например, две книги, которые представляются лучшими современными работами о развитии города: А. Вебер, Рост городов в XIX столетии, и Вандервельде. Бегство в города и обратная тяга в деревню (обе имеются в русских переводах). Сопоставив их с трудом Зомбарта, нельзя не признать, что, во-первых, материал Зомбарта богаче и шире, чем материал Вандервельде; во-вторых, теоретический элемент сильнее и ярче, чем соответствующая сторона в упомянутых книгах, и в-третьих, его теории не приходится игнорировать целые группы крайне важных явлений, как это делает Вандервельде. И, однако, по плану своей работы Зомбарт дает пока лишь «предварительный очерк» теории современного города.

зились принципы историзма даже на описательной деятельности целого ряда исследователей.

Разумеется, было бы наивно предполагать, что немецкая университетская наука преобразуется под влиянием работы Зомбарта. Представители исторической школы являются простыми собирателями фактов не потому, что они не знают других воззрений, а потому, что они органически неспособны проникнуться другими взглядами на предмет. Да и вообще изменение университетской науки немыслимо без коренных перемен во всем строе общественных отношений.

Однако уже и теперь можно указать одну крупную работу, которая написана под несомненным влиянием Зомбарта. Но она принадлежит перу Лампрахта¹, который вообще занимает своеобразное положение по вопросу о методе и задачах социальных наук. Он полной рукой почерпал богатый материал из «Современного капитализма» и даже в группировке его, может быть, сам не отдавая себе в том отчета, следовал за Зомбартом. Но даже у Лампрахта Зомбарт является в каком-то обставленном бесконечными оговорками, затемненном и затуманенном виде. Как метод Маркса утратил у Лампрахта ясные очертания и превратился в достаточно неопределенный «культурно-исторический метод»², так и от «Современного капитализма» у Лампрахта сохраняется, главным образом, богатый фактический материал, и лишь кое-где мелькают неясные очертания цельного здания.

Во всяком случае, появление «Современного капитализма» заметно вззволновало ученых Германии. Как было в случае с Бюхером, критика и теперь направилась прежде всего на фактическое содержание книги. Зомбарт собственно сам облегчил дело такой критики. Он не ограничивается возведением стройного здания из накопившегося материала, но, как заметит читатель, зачастую критикует чисто описательные работы своих предшественников, указывает на промахи и пробелы в исследованиях чисто архивного свойства. Таким образом он во многих пунктах открывает «Капитализм» для нападок историков-специалистов³.

Известный историк Ганс Дельбрюк в своем журнале

¹ «Zur jüngsten deutschen Vergangenheit», zweiter Band, в особенности erste Hälfte, Freiburg Im B. 1903.

² См. нашумевшие в свое время работы Лампрахта «Die kulturhistorische Methode. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft».

³ В особенности воспользовались этим германские историки на конгрессе в Гейдельберге. К сожалению, мы не могли достать полных отчетов о конгрессе.

«Preussische Jahrbücher» напал на методологическую сторону «Современного капитализма». Как ученик и последователь Ранке, Дельбрюк видит движущую силу истории в идеях; поэтому он резко выступил против Зомбарты, которого не без основания считает сторонником материалистического понимания истории. Подобно Шмollerу, Дельбрюк очень презрительно относится к Марксу и склонен отрицать за ним всякое научное значение.

Зомбарт, не отвечая на все нападки Дельбрюка, остановился в «Zukunft» лишь на его суждениях о значении Маркса. Он формулировал свои взгляды на этот предмет с еще большей решительностью, чем в «Современном капитализме». Одна из крупнейших заслуг Маркса, по его мнению, заключается в том, что в эпоху, когда политической экономии угрожала опасность потеряться в песках историзма, Маркс не подчинился течению и с несравненной энергией разрабатывал экономическую науку как теорию. По резкому заявлению Зомбарты, Дельбрюк не способен оценить такие заслуги: он — исключительно «историческая голова», чуждая строгому абстрактному мышлению. Поэтому о Марксе он не мог написать ничего другого, кроме «глупостей» (*dummes Zeug*).

Столкновение Дельбрюка с Зомбартом любопытно, главным образом, по резкости тона с той и другой стороны. На этом полемика, вероятно, не остановится.

Что касается собственно экономистов, их отзывы пока обнаруживают некоторую нерешительность. Они как будто ожидают пароля. Характерна в этом отношении обширная статья д-ра Поле (*«Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik»*), профессора с заметно выраженным аграрными симпатиями¹. В существенной части статьи Поле старается показать, что различия между Зомбартом и Бюхером не так велики, как это представляется Зомбарту. Остальные его замечания касаются преимущественно частностей и нередко основаны на странных недоразумениях. Таков, например, упрек в том, что Зомбарт не остановился на развитии капитализма, как такового, вне определенной исторической обстановки, и потому не выяснил, до какой степени международное разделение труда вытекает из самого существа капитализма и до какой — из конкретных исторических условий места и времени. Но Зомбарт с самых первых страниц своей книги заявил, что его задача — теория исторически существовавшего, а не какого-то надисторического и внеисторического капитализма. Следовательно,

¹ В журнале «Народное хозяйство», 1903 г., № 6, имеется перевод этой статьи.

Поле мог направить свои возражения только против метода Зомбартса, против его попытки построить историческую теорию капитализма, но не упрекать его за то, что он не дал того, чего не хотел дать и что считает не особенно плодотворным¹.

Еще хуже обстоит дело с указанием на другой мнимый пробел в «Современном капитализме», — на то обстоятельство, что Зомбарт лишь мимоходом упоминает о роли промышленных синдикатов и трестов. Если бы Поле обратил внимание на заявление Зомбартса, что тенденции в развитии самого капитализма будут исследованы в дальнейших томах, и что вышедшие два тома трактуют преимущественно о соотношении между капитализмом и до-капиталистическими формами хозяйства, он воздержался бы от такого упрека.

Наконец, характерно для историко-этического направления, с которым борется Зомбарт, замечание Поле, что капитальным недостатком работы Зомбартса является игнорирование влияния государства на хозяйственную жизнь. «Экономическое развитие представляется у него почти исключительно результатом стремлений индивидов и классов»; о глубоком «воздействии государства на экономические отношения» Зомбарт не упоминает.

Замечание Поле прямо непостижимо. Зомбарт не оставляет места никаким сомнениям относительно своих взглядов на природу современного государства. Он ясно заявляет с самого начала своей книги, что первой причиной, к которой приходится свести все остальное, он признает основные мотивы деятельности тех субъектов хозяйства, которым принадлежит руководящая роль в хозяйственной жизни, и что таковыми для современной эпохи хозяйства являются капиталистические интересы капиталистов, стремление капитала к реализации². Следовательно, государство играет у Зомбартса служебную роль, его деятельность подлежит объяснению.

¹ Недоразумение Поле часто повторяется в русской экономической и публицистической литературе. Здесь оно выступает в виде противоположности между «сущностью» экономического развития и его «формой». «Существенное» — это технический прогресс, развитие производительных сил. «Форма» — это данная организация хозяйства, капитализм. Только первое признается в его исторической необходимости и причинной обусловленности. Напротив, «форма» представляется как нечто внешнее и случайное для экономического развития, «искусственное» навязанное ему. Книга Зомбартса немало может содействовать рассеянию этой теоретической (и терминологической) путаницы: он ясно показывает, что в закономерном процессе развития капитализма нет никаких перерывов.

² Эти идеи разбросаны в разных местах 1 тома, в особенности же см. главы 10-12 и 20-22.

из «стремлений индивидов и классов». Поле мог противопоставить Зомбарту другую точку зрения, мог, например, по обыкновению этико-исторической школы возразить, что государство стоит вне и выше социальных классов, что оно само является ни к чему несводимой первопричиной социально-политической деятельности. Коротко говоря, здесь можно было противопоставить только методу метод; заявление же об «игнорировании» и т. д. объясняется или невнимательным чтением «Капитализма», или же органической неспособностью понять точку зрения Зомбарта. Мы склонны думать, что здесь было и то и другое, как это уже не раз наблюдалось и в русской литературе в спорах по аналогичным вопросам.

Вообще же Поле старается представить дело таким образом, как будто различия между Зомбартом и исторической школой меньше, чем думает Зомбарт, и во всяком случае не имеют принципиального характера. Любопытно, что и у Поле в конце концов вырывается признание серьезных достоинств за работую Зомбарта. «Несмотря на свои недостатки,— говорит он,— «Современный капитализм» остается крупным научным трудом, блестяще свидетельствующим об энергии автора, его прилежании, уменьи распоряжаться материалом, разрабатывать его, а также об его искусстве изложения».

Не упоминая о других отзывах, мы подробнее остановимся на небольшой статье Шмиллера¹. Воззрения Шмиллера послужили основой для характеристики новой исторической школы политической экономии. Его отзыв о «Современном капитализме» даст некоторое представление о том, как историческая школа реагирует в настоящее время на вызов, брошенный ей Зомбартом. Статья Шмиллера удобна и в том отношении, что она обрисовывает общий план «Современного капитализма», его внешние очертания, и, таким образом, поможет читателю ориентироваться в книге.

Сопоставив замечания Шмиллера с самой книгой, читатель без труда откроет, где Шмиллер прав и где он не в состоянии понять Зомбарта просто потому, что у него слишком «историческая голова», и где, наконец, в нем говорит естественное раздражение против блестящего ученика, обманувшего надежды учителя и склоняющегося на сторону его литературных врагов. Возможно также, что в душе Шмиллера еще тлеет надежда «ассимилировать» Зомбарта.

¹ В «Jahrbuch für Gesetzgebung — Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich 1922» профес. Haff

Статья Шмоплера начинается такими сведениями о Зомбарте, которые, конечно, интересны, но по нашим литературным традициям были бы уместны скорее в некрологе, чем в характеристике полного сил человека. Однако мы приводим их и вообще делаем в статье Шмоплера лишь незначительные сокращения.

IV

«Мне не легко приниматься за отзыв о «Капитализме», — начинает Шмоплер: — с одной стороны, я состою с автором, моим прежним учеником, а теперешним коллегой и другом, в хороших личных отношениях; а с другой — меня отделяет от него широкая пропасть в основных воззрениях, и потому я не могу обсуждать его «Капитализм» без известного полемического элемента, который так легко оскорбляет. Но я постараюсь воздать ему должное и в то же время отстоять свою точку зрения. Своей заметке я предпошулю сведения о личности автора: только они и дают ключ к его работе.

«Вернер Зомбарт — жизнерадостная, богато одаренная натура, цельная личность, счастливый оратор, который пишет, как говорит; конечно, ему не чуждо сильно развитое честолюбие. Его отец был self made man, который из землемеров сделался богатым собственником рыцарского поместья; это — прямой, превосходный характер, реформатор в социально-политическом отношении, идеалист-либерал. Сын вырастал в богатстве, среди наслаждений большого города; в его распоряжении были все образовательные ресурсы нашего времени; он с юности много знакомился с миром, путешествовал и обнаруживал очень сильные эстетические и социально-политические склонности. Самое сильное впечатление произвели на него работы Лассала и Маркса; он серьезно и энергично занимался изучением истории; кроме того и даже прежде всего он углублялся в работы замечательнейших социалистов, широкие концепции которых отвечали спекулятивным потребностям его ума. Маркс духовно в течение долгих лет всецело подчинял его себе. В настоящее время он обнаруживает склонность понемногу освобождаться от этой зависимости. Он постарался так интерпретировать квинтэссенцию учения Маркса о ценности, что оно становится совместимо с здравым человеческим рассудком; конечно, другой вопрос, что сохранилось при этом от действительного Маркса. Но и теперь Маркс остается для него великим ученым XIX в., как Адам Смит — великим ученым XVIII в. При сильно развитом чувстве собственного достоинства, он никогда не скрывал этого. Да и вообще у него есть энергичное мужество иметь

собственное мнение; не заботясь о карьере, он высказывает всегда что думает; в эпоху влияния Штумма это затруднило ему карьеру, получение звания ординарного профессора. В дружеских кругах его прозвали в шутку «салонным демагогом»; один внимательный наблюдатель недавно определил его существо как «еще не вполне выяснившуюся гениальность силы» (*Kraftgenialität*). В нем уживаются сочетание сильного политическо-индивидуалистического стремления к свободе и социалистических симпатий. Свои выдающиеся речи он любит заканчивать пламенным дифирамбом в честь индивидуальной политической свободы почти в стиле 1848 г. и почти в духе чистого манчестерства. В нем не бьется ни малейшей жилки консерватизма, и потому он предмет величайшей ненависти для *Schlesische Zeitung*.

«Прогресс, постоянный прогресс», проповедует он; новое он хочет заменить самоновейшим. Он стоит в близких личных отношениях с Генрихом Брауном и другими вождями социал-демократии. За последние годы он только и писал, что в *Архиве Брауна*; все остальные периодические издания, посвященные государственным знаниям, представляются ему неполноценными и отсталыми. В германской науке о государстве он является представителем модернизма среди молодых ученых, стремления которых аналогичны стремлениям молодых художников и поэтов с их новым стилем, новейшей лирикой и т. д. Я думаю, что Золя и Ибсен наряду с Марксом оказали на него определяющее влияние. С первым ему обща живопись деталей, со вторым — известная черта пессимизма. Постоянно протестовать против того, что сделано до сих пор наукой, — это главная потребность для него. Через каждую пару страниц он уверяет, будто в той или другой научной области за последние 50, 100 или более лет никто не сумел даже правильно поставить вопрос. Даже Маркса в настоящее время он нередко свысока поучает насчет его заблуждений. Обо мне самом он упоминает в тоне любезного уважения — и, конечно, вполне искренно, — но наряду с тем он отчитывает меня как ученого, который перемешивает причину и следствие, главное — я оперирую не по маркову рецепту материалистической историографии, не истолковываю народно-хозяйственные учреждения просто как производные и вторичные следствия хозяйствственно-технических процессов.

«Однако перейдем к делу. Два тома «Современного капитализма» должны представлять только начало чрезвычайно большой работы, рассчитанной на целый ряд томов. Первый том должен изображать «генезис капитализма». После введения, излагающего

систему понятий, вновь созданных автором, в первой книге он описывает «хозяйство как ремесло», т. е. типическую для средних веков организацию ремесла, условия его существования и докапиталистическую торговлю, сущность которой, по его мнению, лежит в ремесленности ее строя. Вторая книга трактует «генезис современного капитализма», т. е. выясняет понятие и сущность капитализма, причем возникновение капитала в основных чертах сводится к образованию земельной ренты и колониальному хозяйству; далее генезис капиталистического духа, зачатки промышленного капитализма и препятствия его развитию, потом промышленность и капитализм в конце ранней капиталистической эпохи (1849—1850 гг.), победоносное шествие капитализма в настоящее время, наконец, современные (1890—1900 гг.) ремесло и ремесленники.

«Географическая почва, на которой движется Зомбарт, за немногими исключениями — германская, так что первый том можно бы назвать экономической историей Германии, или, точнее, историей немецкого ремесла. Создать таковую стремился еще И. Г. Гофман в своих работах 1807—1843 гг., а потом в 1861—1869 гг., примыкая к Гофману и основываясь на материалах 1840—1861 гг., я старался продолжить; теперь Зомбарт, пользуясь бесконечно более совершенными предварительными работами и материалами 1882—1900 гг. и сообразуясь с переворотами в технике и народном хозяйстве, совершившимися с того времени, хочет довести это дело до широко задуманного научного завершения. Он постарался вполне и совершенно научно использовать исследование Союза социальной политики о ремесленниках, за которое мы обязаны прежде всего Бюхеру.

«Второй том «Теории капиталистического развития» в значительной степени опирается тоже на этот материал, представляет синтетическую его обработку и по существу является экономической и промышленной историей Германии в новейшее время, но историей в теоретической формулировке. Первая книга «Новые основы хозяйственной жизни» говорит о новом праве (свобода промышленности и т. д.), новой технике, новом стиле хозяйственной жизни. Вторая книга «Преобразование хозяйственной жизни» исследует возникновение современного земледелия и разложение старинного, тесно связанного с землей строя хозяйства, возникновение и существование современного города, преобразование потребностей, наконец, преобразования в организации сбыта товаров. Третья и последняя книга носит заглавие: «Теория промышленной конкуренции»; после нескольких замечаний о понятии и существе конкуренции последовательно описывается борьба, распространяю-

щаяся на качество предлагаемых товаров, борьба в области цен и препятствия, которые противостоят капиталистическому предприятию. Последний отдел в существенных частях говорит о современном падении ремесла и его форм, а также о применявшимся средствах спасения, которые, по мнению Зомбарта, конечно, суются очень мало. Вся последняя книга, как и вторая половина первого тома, по существу представляет историю немецкого ремесла и ремесленников в новейшее время.

«Этот внешний перечень содержания дает только общие рамки; основное содержание книги можно обозначить двумя словами, как прославление капитализма: ему обязаны мы в настоящее время высшей культурой и благосостоянием, между тем как еще в 1849 г. были довольно грубым, нецивилизованным народом варваров. Это — лейтмотив, который варьируется в двух томах и преподносится во всех частностях. Конечно, и этим мы сказали пока немного. Главное в том, как выглядит общий тезис, как он доказан, обрисован в частностях и мотивирован. На этот счет я должен сказать следующее.

«О том, что Зомбарт называет капитализмом, и что я назвал бы скорее современными денежно-хозяйственными формами производства, развившимися при либеральной системе свободы промышленности, свободной конкуренции и неограниченном стремлении к приобретению,— об этом Зомбарт дал нам ряд замечательных, глубоко проникающих частных работ и исследований. Он одинаково проявляет в них как остроумие и глубокую способность анализа, так и выдающуюся практическую проницательность, или, как я выразился бы, талант практически-делового расчета и живой дар к наблюдениям. Многочисленность таких удачных частных исследований — более чем конструктивный элемент, который сплачивает эти исследования, — заставляет меня признать работу Зомбарта безусловно значительнейшим из новейших исследований в области немецкой экономической науки, — хотя это и не значит, что я сейчас же выставлю Я. Смита, Маркса и Зомбарта как три равнозначных устоя нашей науки. Отдельные из этих исследований и глав замечательны также по стилю и изложению, по проникающему их духу и оригинальности мысли; такова, например, глава о «новом стиле хозяйственной жизни». Другие главы, между прочим, и такие, которые трактуют великие общие вопросы, не производят на меня такого впечатления; глава о «новом праве» представляется мне почти скучной.

«Но и в тех случаях, когда я приписываю великую ценность отдельным исследованиям Зомбарта, я недвусмысленно считаю, что

результат — отчасти в количественном, отчасти в качественном отношении — так высоко, как это делает автор. Например, я охотно приветствую данные 5-й главы I тома, показывающие, до какой степени часто средневековые ремесленники работали на отдаленный сбыт; но это для меня нисколько не доказывает ошибочности того представления, что средневековое ремесло характеризуется продажей непосредственно потребителям и сбытом вблизи, в городе и его окрестностях. Когда развивается отдаленный сбыт, старое ремесло как раз начинает перерастать свой первоначальный характер; внутри цеха открывается тяжелая борьба из-за того, может ли бедный мастер продавать свой продукт богатому мастеру для отдаленного сбыта; начинаются по большей части неудачные попытки организации отдаленного сбыта на товарищеских началах (например в Иглау); ремесло начинает переходить в домашнюю промышленность, утрачивать старый строй и т. д. В главе об «условиях существования ремесла» сказано много верного, а также в значительной степени нового, дан хороший историко-географический обзор, причинная связь изложена лучше, чем у кого-либо другого. Но я не могу признать, чтобы она была исчерпана, и еще менее могу согласиться, что достаточно тех общих выводов, которые сделаны из сопоставления античного и средневекового ремесленного строя, из истории этого строя в различных государствах Европы; заключения в значительной части я считаю неправильными. Я думаю, что это — сильное преувеличение (в направлении материалистической историографии) — изображать развитие цехового законодательства и цеховую организацию только как следствие падения ремесла. Немецкое ремесло выработало основные черты своего строя уже в 1100—1350 гг.; эпоха 1300—1500 гг. вообще, а для многих стран даже эпоха 1500—1800 гг., отнюдь не является эпохой падения ремесла. В Западной Европе причины цеховой организации имели более общий характер и более вытекали из психологической и нравственной атмосферы периода с 800 по 1500 гг., из государственного строя, из состояния общества, чем это представлено у Зомбартом.

«Глава о докапиталистической торговле очень ценное исследование, а также и экскурс о счетном искусстве. Таков же мой приговор о главах 9—12 I тома, трактующих о возникновении капитала в XIV—XVII вв. Но, на мой взгляд, они слишком уж подчинены общему тезису, материал для обоснования которого недостаточен и который я считаю не совсем правильным на основании общих соображений экономического, психологического и исторического

характера. Я имею в виду тезис, будто значительные состояния не могли возникнуть из торговли, но произошли от накопления земельной ренты. На мой взгляд, Зомбарт действительно доказал, что до сих пор обращали слишком мало внимания на земельную ренту эпохи 1300 — 1700 гг. Но первоисточники и литература не произвели на меня такого общего впечатления, что Зомбарт прав, обобщая свой тезис; он слишком низко оценивает то, чем обязаны своей торговле талантливые и отважные торговцы.

«С давних пор излюбленной темой как социалистической, так и фритредерской и симпатизирующей торговле политической экономии является стремление свести к земельной ренте огромное неравенство в распределении дохода и состояний; я напомню для примера только такие имена, как Лориа, Герцка, Генри Джордж, Оппенгеймер и т. д. Мне кажется, что Зомбарт слишком поддался таким теориям; он нашел много материала, подтверждающего такое понимание дела; он прав до известной степени, но он впал в обычную ошибку всех исследователей, которые открывают новый материал в пользу нового тезиса: он переоценивает результаты своих исследований. Кроме того, низкая оценка роли выдающихся деловых талантов в деле образования имущества соответствует марксистским идеям. Если бы я вздумал останавливаться здесь на отдельных доказательствах, это повело бы нас слишком далеко. Я упомяну только одно. Период наиболее энергичного развития земельной ренты совпадает с началом средних веков и с первой эпохой городской жизни. Напротив, все, что известно нам об энергичном образовании имущества в городах — все это относится преимущественно к позднейшему времени, когда ни в самых городах, ни в их окрестностях не наблюдалось такого значительного развития земельной ренты. И даже для современности, в которой, думается мне, я довольно точно знаю специальные причины богатства очень и очень многих лиц, я буду утверждать, что главными причинами являлись редкие личные дарования наших купцов, предпринимателей, директоров банков.

«Вторая половина первого тома и большая часть второго посвящена падению немецкого ремесла в период 1840—1900 гг. Другой общей работы на эту тему — работы таких размеров и такого значения — не существует. Если даже мы будем иметь в виду хороший материал и многочисленные хорошие работы предшественников, за Зомбартом остается большая заслуга. Многое Зомбарт видел яснее, чем его предшественники, многие выводы он удачнее формулировал. Но в общем он говорит сходно с другими писателями, которые до него давали вопросу общую

постановку. Он говорит только резче и радикальнее, несколько более обостряя тенденцию, выражаемую словом «капитализм»; это соответствует его личности и подчиняющим его общим идеям. Я лично в очень многом, что касается частностей, дал бы другую формулировку. Например, на товарищества ремесленников я смотрю далеко не так пессимистически. Я вижу, что и в настоящее время еще процветают многочисленные ремесла и производства средних размеров, если они в необходимой мере следуют за техническим и коммерческим прогрессом; я решительно не принимаю отвода такого доказательства, как эти тысячи производств, я не могу с задором утверждать подобно Зомбарту: если они прогрессируют в техническом и коммерческом отношении, то это уже отнюдь не ремесленные, а капиталистические производства. Но при всех этих расхождениях в формулировке мое теперешнее общее мнение о старинном ремесле вовсе не так уж далеко уклоняется от зомбартовского.

«Решительное суждение о целой работе» как таковой затруднительно потому, что осуществлена только часть замысла Зомбарта: следующие томы познакомят нас с сельским хозяйством, крупной промышленностью, миром рабочих, организацией их и с преобразованием народного хозяйства как целым: только они и должны сказать нам, куда ведет «капитализм», к чему ведет описанное в двух томах разрушение старого обиталища нашего народного хозяйства. О всем этом, о всем будущем здесь мы пока не узнаем ничего. Но, чтобы сказать решительное слово о Зомбарте, надо было бы, собственно говоря, вполне точно знать, что именно противопоставляет он падению ремесла. Пока это — лишь уверенность в созданном капитализмом повышении благосостояния и прославление его эстетических последствий. Когда Зомбарт касается этой своей излюбленной темы, он одушевляется, его покидает холодная сдержанность объективного докладчика.

«И, однако, я не могу ограничиться выражением надежды, что составлю суждение, когда явятся дальнейшие 1200—2400 страниц; суждение о научной личности Зомбарта всякий, кто позволяет себе вообще иметь мнение, должен составить после первых же 1200 страниц. В основных чертах у меня оно составилось уже раньше, чем я увидел эти страницы, — на основании 20-летних личных и литературных наблюдений. Я уже говорил, как высоко я ценю его талант. Теперь следует несколько конкретизировать мое суждение с положительной и отрицательной стороны.

«Главная сила Зомбарта заключается в его способности наблюдать и описывать, в его даре различения. За лучшее, что дают

два тома книги, мы обязаны первой способности, равно как и за многие удачные сопоставления крупных явлений хозяйственно-исторической жизни: например, что в прежние времена предложение промышленных продуктов обыкновенно отставало от спроса, а в настоящее время обгоняет его. Но все наблюдения постоянно оказываются у него на службе у его конструктивных, предвзятых мыслей. Он добросовестно старается быть объективным, но по существу только собирает примеры к тому, что для него заранее установлено. Его способность различения проявляется в потребности подвергать все явления новым и новым подразделениям и наделять новыми именами вновь образуемые таким образом группы явлений. Несомненно, это — правильный способ, которым познание должно пользоваться; но только не следует забывать, что линии, которые мы проводим, всегда являются только линиями, намечаемыми субъективно, по соображениям целесообразности, затем, чтобы с большим удобством окинуть взором бесконечную многосложность явлений; следует помнить, что причинное объяснение важнее, чем изобретение новых имен. На мой взгляд, Зомбарт в этом направлении делает слишком много.

«Я не стану отрицать, что некоторые подразделения Зомбарта представляют прогресс, другие кажутся мне не более целесообразными, чем употреблявшиеся до настоящего времени, иные даже менее целесообразными; таково, прежде всего, включение всего крестьянского сословия и крестьянского производства в понятие «ремесло». Но мое главное возражение таково: этот избыток новых названий затрудняет чтение книги¹.

«Основное понятие, «капитализм», которому посвящена вся книга, Зомбарт заимствовал у Маркса и социалистической литературы

¹ В действительности новаторство Зомбарта в области номенклатуры проявляется больше всего в строгом различии понятий «хозяйство» и «производство» и в разграничении различных стадий, какие проходит развитие «зависимости от капитала». Что касается распространения понятия «ремесленник» и на крестьянство (не на все), это обстоятельство мотивировано Зомбартом в новейшей книге: «Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert» (см. мой отзыв о книге в № 1 журнала «Образование» за 1904 г.), которая в существенных чертах представляет приложение основных точек зрения «Капитализма» к изучению народного хозяйства Германии в XIX в., а местами является изложением «Капитализма» в простой перепечаткой из него. Причисления «крестьян» к «ремесленникам» кажется странным только с первого взгляда. Но если мы вдумаемся в то определение понятия «ремесленник», которое дает «Капитализм», мы или признаем, что известные группы крестьян являются такими же «ремесленниками», как и сапожник при известных условиях, или же должны будем отказаться от зомбартовского определения. И. С.

туры. Он может сослаться в свою пользу на то обстоятельство, что его легитимировало всеобщее словоупотребление. Но это — понятие, отливающее всеми цветами, смутное, многомысленное, неясное и потому излюбленное в журнальных дебатах. Оно не исчезнет из ежедневных газет. Однако я сомневаюсь, чтобы в науке ему подобала такая роль, какую ему Зомбарт отводит. У Маркса оно имело за собой достаточное оправдание. Маркс отрицает все психологические, этические причины, причины, лежащие в учреждениях; он знает только механически-технические хозяйствственные процессы; накопление капитала и употребление капитала в современном производстве является Марксу единственной причиной современных хозяйственных и социальных отношений, распределения собственности и доходов, обеднения масс. Но Зомбарт уже не стоит на такой точке зрения. Он совершенно правильно признает — об этом у Маркса не было и предчувствия: он думал прямо наоборот, — что только психические причины дают объяснение всего происходящего в народном хозяйстве... В различных местах он изображает возникновение современных приобретательских стремлений, капиталистический дух; последний представляется ему не как нечто всегда и повсюду вытекающее из барыша, из образования вещественного имущества, но как продукт европейской истории XIV — XIX вв. Однако результат этих исторически-психических причин он все же называет капитализмом, — как будто это следствие капитала самого по себе, а не тех психических факторов, которые сам Зомбарт описывал как ближайшую причину.

«Несомненно, капитал играет огромную роль в современном народном хозяйстве и в современных предприятиях. Но объяснить эту роль мы можем только психологически: исходя от людей определенного времени, расы, национальной группы и от их психических сил, далее от психических отложений этих сил, от идей и моральных систем данного времени, нравов и права, учреждений эпохи, которые в свою очередь действуют обратно на людей, на их стремления, приобретательские побуждения. И все, в чем Маркс обвиняет капитал: так называемая «погоня за прибылью», необузданное пренебрежение благом и горем рабочих, — все это характеризует условия, при которых в 1500 — 1900 гг. развивались индивидуалистические приобретательские побуждения и отделялись от большинства прежних нравственных и социальных ограничений. Чтобы уразуметь современное народное хозяйство, необходимо исследовать эти явления. Но Зомбарт отчасти по самым своим склонностям и дарованиям далек от таких исследований,

отчасти же считает их не относящимися к сфере нашей науки. Здесь, на мой взгляд, лежит граница его дарования и его деятельности; здесь же и та пропасть, которая отделяет меня от него. Задачу своей жизни я вижу в том, чтобы разрабатывать эти части нашей науки. Поэтому сила Зомбарта проявляется в тех случаях, когда можно обойтись без изучения этих вопросов, и слабость там, где им принадлежит решающее значение. Он признает, что психические силы являются причинами для нашей науки; он дает даже многие хорошие психологические описания (дух ремесла, капиталистический дух и т. д.); но при всем том он не разделся со всеми остатками представлений, заимствованных у Маркса. И, прежде всего, он не видит, что мораль, нравы, право и учреждения научно можно понять только как психические явления. Он, думается мне, подпадает под власть старого, оставленного наукой представления, будто крупные и мелкие хозяйствственные процессы, в которых проявляется народная жизнь, можно и должно объяснять чисто экономически, из техники и формы производства и т. д. Между тем все эти факторы могут быть вполне поняты лишь с помощью психических и морально-политических причин и в своем великом движении одинаково подчиняются как духовным, так и материальным причинам.

«Основные методологические воззрения Зомбарта зачастую родственны моим. Но справедливое методологическое требование: исследователь не должен подчиняться односторонним идеалам, а также односторонним нравственным идеям, Зомбарт расширяет в совершенно другое требование: в народном хозяйстве и речи не должно быть о нравственных вопросах и силах. Касаясь таких вещей, он впадает в крикливый, презрительный тон. Но мне кажется, что под нравственными требованиями он всегда разумеет только требования прадедовской, мещанской и филистерской морали. Он, думается мне, просмотрел, что всякое общество может существовать лишь при условии господства известного количества социальных норм, которые при более высоком уровне культуры дифференцируются на нравы, право и мораль и которые, постоянно преобразуясь в зависимости от культурных условий, всегда являются, однако, предпосылкой всякого состояния общества и всех действующих в нем психических сил. Не исследовав как эти нормы психологически возникают, преобразуются, передаются, постоянно формируются вновь изменившейся внешней и внутренней, экономической и духовной культурой, и в то же время остаются неизменными в своих основных чертах, — не исследовав этого, никто не может, по моему скромному мнению, раз-

решить последние народно-хозяйственные вопросы. Великие экономисты были профессорами морали. И все, кто в настоящее время издевается над [этими цепями морали, все они, насколько я в состоянии видеть, бессознательно стоят на точке зрения какой-либо системы морали: так, Зомбарт, кажется мне, стоит на точке зрения утонченного эпикуреизма эстетического характера или на точке зрения материализма.]

«Что касается материалистической историософии [Маркса,— согласие Зомбарта с нею заходит, на мой взгляд, слишком далеко,— я отнюдь не отрицаю, что в противовес ложному и преувеличенному идеализму она имеет свои основания. Ранее не в достаточной мере принимали в расчет экономические, технические и социальные причины исторического развития. Но если психические явления представляют всегда только как вторичные, позднейшие продукты материальных и экономических причин, это будет уже несколько грубым использованием реакции, которая сама по себе справедлива.] В каждый данный момент, наряду с материальными причинами, действуют и оказывают на последнее модифицирующее влияние психические силы настоящего, равно как и всевозможные традиции в области духовной жизни; таким образом, в каждый момент совершается действие и противодействие, и всякое последующее хозяйственное состояние представляет совокупный продукт психических и материальных факторов. Что берет перевес, — это *quaestio facti*, которую приходится разрешать особо для каждого состояния, для каждого явления. Огюст Конти другие в противоположность Марксу убеждены, что возрастание господства духовной традиции из эпохи в эпоху представляет важнейшее явление в истории.

«Я не вполне уверен, оказываюсь ли я при таком понимании в полном противоречии с Зомбартом. [Но, думается мне, дело близко к тому; этим я и объясняю многие принципиальные противоречия, которые нас разделяют.

«Согласится ли он, что я воздал ему должное этими замечаниями, я тоже не знаю. Во всяком случае я старался понять его из него самого. Я признаю его талант, его силу изображения, его энергию; я радуюсь, что немецкая наука создала такую работу, как «Современный капитализм»,—безразлично, согласен ли я с нею в частностях и в существенных, основных точках зрения, или же нет».

Этот, в общем очень сочувственный, отзыв своим беспристрастием или стремлением сохранить объективность — делает большую часть Шмollerу-консерватору и Шмollerу-вождю исторической школы.

V

Для русской литературы книга Зомбарта имеет еще большее значение, чем для немецкой. Большинство талантливейших представителей русской университетской науки являются сторонниками методологических принципов немецкого историзма. Многие усвоили теорию ценности Маркса, но усвоение, по всем условиям существования русских университетов, должно было оказаться каким-то механическим: теория ценности в университетских курсах не дает особой точки зрения, с которой упорядочивается весь материал, а является случайным эпизодом, внешне вкрапленным в общее содержание курса.

Тяжелое положение нашей университетской науки сильнее всего отразилось на практических воззрениях, на социально-политических взглядах, нашедших себе выражение на университетских кафедрах. У нас против университетской науки выступали не Штуммы; она не выдвинула, и по всем условиям существования не могла выдвинуть, ни одной такой боевой натуры, ни одного такого яркого идеолога либерализма, такого энергичного борца за организованную самодеятельность, как Брентано и его виднейшие ученики. В русских университетах могли быть представлены воззрения преимущественно правого крыла немецких социал-политиков, предводимого Шмидлером. На них лежит печать государственности, — даже бюрократизма, сказали бы мы. В социально-политических требованиях, как и для Шмидлера, главным аргументом является *raison d'Etat* во всевозможных вариантах. Известные общественные классы изображаются только как объект социально-политической деятельности, но не как ее субъект, ее основная пружина. И как для немецких, так и для выдающихся русских университетских преподавателей, в центре симпатий стоят классы, которые не играют активной, сознательной роли в социально-политической деятельности: крестьянство и кустари. Последние, при всей своей неопределенности и двусмысленности в хозяйственном отношении, служат для нашей университетской науки такими же представителями «исконных начал» русской экономической жизни, как для немецкой служили ремесленники. Отношение к современным формам хозяйства (к «капитализму») и к общественным классам, которые развиваются с ними, и в Германии и у нас полно глубоких противоречий.

Еще лет десять тому назад такова была почти без всяких исключений и наша журнальная и книжная литература и в значительной степени остается такой до настоящего времени. Она в большей мере, чем университетские профессора, обнаруживала

знакомство с работами Маркса — но не с его методом, не с монистическим истолкованием процесса экономического развития, а, прежде всего, с его описаниями разрушительных действий капитализма. «Единообразное объяснение хозяйственного развития из последних причин» — то, что составляет главную задачу Зомбтарта — было ей чуждо. Историческое развитие представляло для нее не процесс, все стадии которого необходимо связаны между собою, а ряд каких-то случайностей и печальных недоразумений.

Ограничимся немногими иллюстрациями. Для г. Николая — она манифест 19 февраля 1861 г. и примыкающее к нему «Положение» являются санкцией исконной формы производства, «выработанной многими веками хозяйственной деятельности России», той формы, «в которой орудия производства принадлежат самим производителям». Принцип этих законодательных актов «стоял в безусловном противоречии с принципом, на котором зиждется хозяйствственный строй западно-европейских государств», — в настолько полном противоречии, «что, казалось, для капиталистической формы у нас и места нет»¹.

Места в действительности оказалось достаточно, и почти вся книга г. Николая — она посвящена описанию капиталистического грехопадения России, которое у него носит такой же случайный, исключительно извне обусловленный характер, как и библейское грехопадение.

Разумеется, на самом деле ни «Положение» не было «лебединой песнью старого процесса производства», ни принцип его не стоял в противоречии с принципом, «на котором зиждется хозяйственный строй западно-европейских государств». На самом деле принципы реформы 1861 г. не отличались от принципов прусского законодательства Штейн-Гарденберговской эры. Эта реформа была не лебединой песнью старых форм хозяйства, а первым решительным проявлением развивающейся новой формы — капитализма (ср. т. II Зомбтарта, главы и I и II, а также I отдел второй книги в том же томе). И не требования старого класса, крестьянства, нашли себе выражение в законодательных актах, а требования таких господствующих классов, как дворянство, которое стало вносить в свою хозяйственную деятельность «капиталистический дух», и буржуазия.

Отсутствие «метода» запутало г. Николая — она в безвыходных

¹ Николай — он, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, 1893 г., стр. 2—3, 64—67 и сл.

противоречиях. Другие представители того направления, к которому причисляется г. Николай — он, нашло очень упрощенный выход, буквально такой же, как Шмольер, Поль, Вагнер и др. немецкие социал-политики; разница только в том, что последние обычно получают солидную методологическую подготовку и потому в формулировках не доходят до таких наивностей, примеры которых дает наша литература. Особенную известность в этом отношении получило предисловие г. В. В. к его «Судьбам капитализма в России». То, что пагубнее всего тяготеет над Россией — отсталые и антикультурные публично-правовые нормы, — это самое он и считает залогом счастливого разрешения экономических противоречий.

Другим примером может служить г. Южаков. В 1895 г., — значит в то время, когда в русской литературе уже с полной определенностью выяснилась другая точка зрения на соотношение «экономики» и «политики», на природу современного государства — он писал в «Русском богатстве» (№ 5, стр. 106): «Община, большая семья, артель, кустарные и домашние промыслы, натуральное хозяйство — все медленно готовится к вымиранию и все рано или поздно обречено на вымирание, если мы не сумеем найти в своей умственной и нравственной культуре, в своих организованных общественных силах, в своих руководящих классах достаточно разума и совести, знания и патриотизма, чтобы спасти наше отчество и наш народ от горестных путей западно-европейского экономического развития» (разрядка г. Южакова).

Разберитесь в этой елейной фразеологии — и вы увидите, что г. Южаков возлагает свои надежды на разум и совесть, на знание и патриотизм руководящих классов, на то, что до их сердца дойдут соображения о *raison d'Etat*. Перед нами такое резкое ограничение объектов от субъектов социально-политических мероприятий, против которого ничего не возразили бы даже идеологии полицейского государства. Так отсутствие метода незаметно приводит к социально-политической и вообще политической бесприципности.

Г-н Южаков отрицательно относится к совершающемуся экономическому развитию («горестные пути» etc.), в нем он видит только разлагающее начало; в том, что подвергается разложению, тоже не открывается никакой активной прогрессивной силы. Надежды возлагаются на силу, которая стоит вне экономического

тем самым ставит их вне действительного, эмпирического мира, т. е. возлагает свои упования на социальное чудо, которое пристановит совершающуюся эволюцию и начнет историю снова, из самого себя, а не из тех сил, которые сложились в реальном мире.

Чтобы открыть в немецкой литературе *pendant* воззрениям г. Южакова, нам придется передвинуться от Шмидлера далеко вправо, обратиться к аграриям. Например, антисемитская газета «Deutsche Tageszeitung», которая по обыкновению всех аграриев мечет громы против капитализма и распинается за ремесло, писала в номере от 22 января 1904 г. по поводу одного заявления графа Бюлова: «Это невероятно удобный прием, если граф Бюлов говорит, будто развитие невозможно повернуть назад. Такая преувеличенно-высокая оценка развития — сплошное суеверие. Напротив, на развитие можно повлиять при помощи законодательства в интересах ремесленников, и если граф Бюлов не может задержать (*aufhalten*) развития или не направить его на истинные пути, тогда через известное время уже ничто не предохранит нашей политической и хозяйственной системы от разрушения».

Это буквально такая же философия истории, как у г. Южакова, с одной только маленькой разницей не в пользу последнего. Немецкие аграрии до сих пор чувствуют под собой прочную почву, они сознают себя одним из важных элементов «руководящих классов», они могут ссылаться на опасность, угрожающую «нашей системе». Имеются ли такие серьезные доводы у г. Южакова? И сколько еще бестактностей наделает он при своей методологической беспринципности? ¹

¹ Впрочем, не представляется невозможным, что г. Южаков относит себя к составу руководящих классов. Принимая во внимание высоко-политический характер его иностранных обозрений, это более чем вероятно. Например, в № 1 «Русского богатства» за 1904 г., обсуждая назревающий конфликт между Россией и Японией, он пишет (стр. 80): «продать железную дорогу (Манчжурскую) я рекомендую мелким нейтральным государствам Европы, отнюдь не великим европейским державам и еще менее американцам, самым вероятным нашим врагам, быть может, даже в недалеком будущем». «Я рекомендую... отнюдь» — так может говорить только власть имеющий. При своем «ограниченном разумении», свойственном мне, как только объекту всевозможных мероприятий, я до сих пор не знал, что американцы — самый вероятный мой враг. Г-ну Южакову, конечно, виднее. Он, вероятно, скоро даст список наций, к которым я должен заблаговременно проникнуться враждебными чувствами. Но все-таки как хорошо было бы, если бы даже иностранные обозреватели усвоили тот метод, тот дух, в котором написана вся книга Зомбартса, и если бы у них было побольше того «догматизма», за который они упрекали марксистов!

Жизнь разбивает иллюзии гг. В. В. и Южакова. Тогда остается еще одна будто бы внеклассовая сила: интеллигенция. Она должна заново начать историю, отречься от всей старой истории (от «горестных путей») и направить развитие на «истинную дорогу». Характерен в этом отношении г. Пешехонов. Десятилетняя полемика марксизма¹ с народничеством не прошла для него даром, старые наивные утопии для него невозможны, он пишет с большим темпераментом — и тем ярче демонстрирует какую-то растерянность своего миросозерцания. «В самом деле, — спрашивает он, — к чему ведет ничем не сдержанная борьба интересов?.. В перспективе виднеется тот строй жизни, в котором человек человеку волк»... «Такой-то факт с особою наглядностью показал недостаточность борьбы интересов как единственного регулятора жизни». И, насколько можно судить по контексту, в роли надклассового регулятора должна выступить интеллигенция, как носительница «общечеловеческой правды»¹.

Это — буквально то же, что говорил Шмольер, характеризуя современных немецких экономистов-профессоров (и прусскую бюрократию): «их убеждения вытекают не из страсти, классовых интересов, эгоизма, а из их честного понимания общего блага». «Их суждения [не омрачаются классовыми интересами], «они руководствуются исключительно общими интересами». Поэтому немецкие профессора, объединившись в Союз социальной политики (и прусская бюрократия), претендуют на роль третейских судей в необузданной борьбе эгоистических интересов, стремятся сдержать эту борьбу, урегулировать ее с некоторой высшей точки зрения, словом — уверяют, будто делают как раз то, что должна делать интеллигенция г. Пешехонова².

И любопытная черточка: «общечеловеческая правда» г. Пешехонова зачастую очень недалеко уходит от «общего блага» Шмольера. Рассуждая о том, что интересы [известных групп, в особенности нижних слоев, могут совпадать с общечеловеческими, г. Пешехонов замечает: «но это не значит, что они именно несут знамя «высоких идеалов». Окажись кто-нибудь ниже их — и они

¹ А. Пешехонов, На очередные темы, Спб., 1904 г., стр. 343, и сл.

² Schmoller, I. c., 390—392, и в особенности вся статья, направленная против Трейчке. Следует, впрочем, отметить одно отличие в пользу Шмольера. Он в основных чертах доволен общим ходом развития и считает полезными лишь маленькие корректизы к нему. Немецкие профессора не объяляют войны экономической действительности и потому могут сохранять уверенность, что действительность, хотя бы в образе г. Посадовского, благосклонно их выслушает. Только благодаря крайней умеренности своих по-

не усомнится и прибегнут к силе тяжести. Это и происходит на наших глазах, когда объединившиеся в союзы пролетарии изыскивают меры, чтобы обуздить Lumpenproletariat и необъединенных рабочих» (*ibid.*, 343).

«Общечеловеческая правда» г. Пешехонова, конечно, сдержит борьбу интересов, выступит на защиту неорганизованных, к которым организованные относятся действительно очень презрительно, что видно даже из тех кличек, как *scabs*, *Streikbrecher*, *Arbeitswillige*. Не знает ли г. Пешехонов, что именно защита их была целью знаменитого «каторжного законопроекта». Знает ли он, что из немецких профессоров только Шмoller со своим направлением не выступил против этого законопроекта, защищавшего «слабых» от «сильных», неорганизованных от организованных? И что даже Брентано страстно протестовал против него, как против совершенно реакционного?¹ Хороша же русская «общечеловеческая правда», если она не возвышается до уровня профессора Брентано!

Из этих примеров видно, что сходство между русским народничеством и немецкой исторической школой не ограничивается формальной стороной, но зачастую распространяется и на содержание социально-политических идеалов. Это не значит, чтобы здесь имело место прямое заимствование: напротив, основное горе народничества заключается в том, что оно просто повторяет старые, давно оказавшиеся несостоятельными, положения западно-европейской науки и ставит их открытие в особую заслугу «русской науки». Беда не в позаимствованиях, а, напротив, в недостаточном знакомстве с европейской литературой и в нежелании знакомиться с ней².

С сантиментальным отношением к неорганизованным вполне

¹ См. горячо написанную брошюру: L. Brentano, *Reaktion oder Reform?* Berlin—Schöneberg 1899.

² Одно время у нас вошло в моду свысока относиться ко всей западно-европейской науке. Было бы поучительно сопоставить народнические нападки на классическую экономику, в особенности на теорию ренты Рикардо, с нападками немецкой исторической школы на классиков. Исходные точки критики в том и другом случае оказываются поразительно сходными. И как немцы в противовес англичанам выступают с «национальной экономией», так у нас стремились создать «русскую экономическую науку» или «русскую социологическую школу». В последнее время, с расцветом идеализма националистического пошиба, опять возрождается такое явление. Маркс, например, оказывается для нас «буржуазным», так как его идеалы «материалистичны». И все эти толки об особой «русской науке», об особой «русской душе» *реакционны* не менее, чем *научны*.

гармонируют особые симпатии к тем докапиталистическим формам хозяйства, представителями которых являются крестьяне и кустари. Эти формы — крестьянское натуральное хозяйство с при-мыкающими к нему кустарными промыслами и домашним про-мышленным производством для собственного потребления. Они изображаются в самом идиллическом свете, как будто не на их почве выросли отношения «Пошхонской старины» Салтыкова, и противополагаются капиталистическим формам, развитие которых несет за собою будто бы только опустошение, бедность и гибель. И хотя развитие на Западе тоже исходило из докапиталистиче-ских форм, они обнадеваются специфической особенностью рус-ской экономической истории, которая на этом основании резко противополагается западно-европейской. Отсюда только один шаг до теории каких-то «особых путей», которыми должно пойти и дальнейшее наше экономическое развитие.

Русское народничество встретило появление книги Бернштейна с таким же злорадством и торжеством, как и немецкая историче-ская школа политической экономии. И причины радости по су-ществу были сходные. С одной стороны, в Бернштейне привет-ствовали эмпирика, выступившего против «увлечений теорией»; с другой — нашли сочувственный отголосок его замечания «о путях развития». Он, смешивая понятия «мелкое производство» и «ремесло», «крупное производство» и «капитализм», старался показать, что последний развивается с величайшей медленностью. Исходя из этого, он предлагал такие поправки к программе практической деятельности, которые шли навстречу университет-ским социал-политикам Германии и русскому народничеству.

Реакция в сторону историзма иногда и у нас отливается в формы, живо напоминающие скептицизм Э. Мейера. Г-н Булгаков, на-пример, энергично выступает против попыток характеризовать развитие капиталистического хозяйства какой бы то ни было общей формулой и против всяческих диагнозов и прогнозов в социальной науке¹.

И как в Германии, так и у нас наряду с историзмом реши-тельнее чем прежде, выступает этическое направление в со-циальной науке². Сходство между немецкой этической школой

¹ С. Булгаков, Капитализм и земледелие, т. II, 456, 457, 458.

² Зомбарт уже давно, в 1897 г., по поводу известной книги Штаммлера отметил тождество неоидеализма с этическим направлением в политической экономии. В другом месте я скоро дам характеристику русского неоидеа-лизма с этой точки зрения. Здесь же вообще приходится ограничиваться

и русским «идеализмом» доходит даже до мелочей. Для иллюстрации укажу только на один пример, который приобретает особенный интерес при сопоставлении с идеями Зомбарта (т. II, глава 15). Гг. Бердяев и Булгаков разражаются негодующими тирадами против «гедонизма», воображая, повидимому, что они говорят нечто новое. Но Шмольер уже несколькими десятилетиями раньше упрекал современных экономистов «в материалистической переоценке внешних благ и внешнего счастья, в отрицании потустороннего мира, в забвении сокровеннейшего существа человеческой природы, в приверженности к эвдемонистическим идеям XVIII в.». Одни с ненавистью относятся к гедонизму, другие к эвдемонизму; только к таким различиям в названиях и сводится зачастую практическая разница между немецкой этической школой и русскими идеалистами.

По условиям существования русской литературы и литераторов, «историзм» и «идеализм» долго встречали сравнительно слабый отпор в журналистике. Поэтому они, с облегчением констатировав «конец марксизма», не теряя времени, занялись дежкой наследства. Г-н Туган-Барановский «величайшей задачей социальной мысли нашего времени» считает «критическое преодоление марксизма», «отживающего марксизма», и уже призывает читателей воспринять социально-экономическую систему, которую он обещает создать¹. Автор предисловия к переводу одной книжки Менгера, изданной под редакцией приват-доцента Орженецкого, отдает наследство другим претендентам. Характерна его фразеология, которая прямо напоминает тяжбу сонаследников между собой. Он скорбит по поводу «увлечения доктриналии Маркса», которое «догматически устранило конкуренцию других школ и направлений», и потом продолжает: «в настоящее время, когда среди самого марксизма пробудился критический дух и стремление выйти за пределы узкого догматизма, внимание лиц, интересующихся экономическими вопросами, может и должно обратиться к двум основным направлениям в экономической науке: к историческому (разрядка моя) и к тому, видным представителем которого является Менгер»², т. е. к австрийской школе. К последней приглашали читателей также гг. Франк и Туган-Барановский. Народническая литература не переставала заявлять, что окончательная победа осталась за ее принципами, хотя прин-

¹ М. Туган-Барановский, Очерки из новейшей истории политической экономии, Спб., 1903 г., стр. IV, VI, 380-19.

² К. Менгер, Основания политической экономии, Одесса, 1902 г., стр. V.

ципы эти потеряли всякую определенность очертаний с того времени, как сделалось невозможным отрицать развитие капитализма в России. Их можно охарактеризовать двумя словами: историзм и этическое направление.

Словом, читатель оказывается теперь в самом затруднительном положении. Его одновременно тянут в направлении австрийской школы, исторической, этической — особенно в направлении двух последних. За последние годы у нас не появилось ни одной работы, в которой воззрения марксизма на метод и на экономическое развитие России получили бы такое яркое, сильное и целостное выражение, как в книгах Бельтова, Волгина и В. Ильина. У многих читателей неизбежно должна была явиться теоретическая растерянность.

При таких обстоятельствах книга Зомбарта приобретает особенное значение. Она как бы подводит итог десятилетней полемике марксизма с другими общественными течениями. Это не значит, что Зомбарт — «марксист» в том смысле, как обыкновенно употребляется это слово у нас, в смысле литературного выразителя определенного общественного движения. Вопреки уверениям Шмидлера, его отношение к движению полно в действительности глубоких противоречий. Но в противоположность большинству немецких профессоров, он хорошо знаком с работами Маркса, усвоил их метод, а во многих случаях и отдельные положения.

Однако усвоение не ведет к простым повторениям. Во-первых, Зомбарт настолько талантливый человек, что он умеет сохранить свою индивидуальность. Во-вторых, он удачно использовал огромную, по большей части (но не исключительно) описательную литературу, накопившуюся после появления I тома «Капитала». В-третьих, в то время, как Маркс в своих работах дает не только теорию капиталистического развития, но и экономическую историю Англии, Зомбарт дал не только теорию капитализма, но также историю его развития в Германии.

Последнее обстоятельство особенно важно для русских читателей. В условиях экономического развития Германии и России обнаруживается наибольшая аналогия. Мы долго не кончили бы, если бы поставили своей задачей отметить все черты сходства между Германией и Россией как в «докапиталистический» период, так и на первых стадиях капиталистического развития. Нам пришлось бы тогда обозреть почти все содержание «Современного капитализма», начиная с 18-й главы I тома. Но в этом нет нужды, так как читатель и сам не удержится от сопоставлений на каждом шагу.

Книга Зомбарты может сыграть серьезную роль в развитии русской общественной мысли. Она поможет окончательно разделаться с остатками национализма, принимает ли он славяно-фильскую окраску, как в старое время, или народническую, как несколько позже, или же «идеалистическую», как в новейшее время. Русскому читателю она скажет каждой страницей, что в прошлом у нас ничего нет, кроме бедности и некультурности, и что идеализировать в прошлом нечего. Она также решительно скажет, что для нас нет других путей к лучшему будущему, как те, по которым давно идет Запад Европы; что так называемые «наши пути» — это пути экономической отсталости и варварских, враждебных всякому развитию публично-правовых норм. Зомбарт еще раз и с большей силой напомнит нам, что борьба за сохранение старого ведет только к расточению сил (т. II, глава 35). Борьба за высшие экономические и публично-правовые формы возможна и плодотворна лишь на основе тех общественных сил, которые создаются капиталистическим развитием. И Зомбарт покажет нам, что это развитие выполняет свою историческую миссию несравненно быстрее, чем думали до настоящего времени, отожествляя капитализм с крупным производством и даже только с фабрикой (ср. т. I, глава 27 и в особенности 28). Чтобы характеризовать быстроту капиталистического развития, он не раз повторяет, что нам несравненно труднее представить себе экономический строй 1850 г., чем человеку XIX в. — строй экономических отношений в 1450 или даже в 1350 г. И факты, приводимые им, вполне подтверждают это.

Знакомясь с книгой Зомбарты и припоминая аналогичные работы об экономическом развитии России, читатель не отделается от мысли, что перед нами встают теперь такие же практические задачи, какие вставали и встают перед Западом. Нам нечего оплакивать патриархальную старину, «исконный» строй отношений: они не заслуживают сожалений. Ближайшая задача заключается в учете основных перемен, которые экономическое развитие произвело в структуре общества и в решительной ликвидации правовых норм, которые выросли на основе старого общества и тяготеют над развивающимся новым.

VI

Специальная критика, несомненно, откроет много промахов в книге Зомбарты. Иначе оно и быть не может. Книга Зомбарты охватывает такую обширную область во времени и в простран-

развития, так выходит за пределы собственнохозяйственных отношений, что было бы прямо непостижимо, если бы специалисты-историки хозяйственного развития, историки торговли, историки искусства, литературы и т. д. — не нашли в ней целого ряда ошибок. Зомбарт очень бегло излагает воззрения, которые не вызывают никаких возражений, но с тем большей обстоятельностью останавливается на вопросах, по которым до сих пор идут жаркие споры. Здесь он хочет сказать свое слово. Читатель нередко заметит за Зомбартом одну слабость. В стремлении к оригинальности он часто становится парадоксальным, что иногда только затемняет его действительное сходство с предшественниками. Все это облегчает дело критики.

До сих пор наибольшее внимание в немецкой литературе привлекла к себе одна идея I тома «Современного капитализма»: первоначальным источником капитала послужила накопленная земельная рента, городская и сельская, а не торговая прибыль, как полагало до сих пор большинство экономистов. Проф. Поле отнесся сочувственно к этой идеи, Шмольер — скептически, большинство на упомянутом съезде историков — отрицательно. Недавно И. Штридер посвятил этому вопросу целую книгу (*J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus*). Основываясь на разработке аugsбургских архивов, он признает эту идею неправильной. К сожалению, до сих пор я не имел возможности в подробностях ознакомиться с доводами Штридера.

Во всяком случае, будет принята идея Зомбарта или нет, читатель признает, что главы I тома (9—13), посвященные ее развитию и обоснованию, принадлежат к числу любопытнейших в I томе. Первые три из них в яркой форме знакомят с отношениями средневекового общества, а последняя дает великолепное и местами захватывающее описание колониального хозяйства на заре капиталистического развития. Чтобы углубить понимание явлений, о которых идет речь в этих главах, читателю полезно обратиться к 24-й главе I тома «Капитала» Маркса. Да и вообще следует усиленно рекомендовать сопоставление отдельных частей «Современного капитализма» и «Капитала». При подробных оглавлениях в обеих книгах оно не представит особых затруднений и в то же время послужит хорошей школой для развития экономического мышления. Читатель тогда сам без особенного труда откроет сильные и слабые стороны Зомбарта.

В немецкой литературе многие критики остановились на резких выходках Зомбарта против известных схем Бюхера. Основ-

ные работы последнего имеются в русских переводах¹ и были рекомендованы для изучения московской комиссией по организации домашнего чтения. Читатель, интересующийся этими вопросами, сделает опять-таки лучше всего, если сопоставит 1—5 главы 1 тома с указанными работами Бюхера.

С своей стороны, я ограничусь одним маленьким замечанием. В поисках за конечными причинами, из которых следует объяснить весь процесс хозяйственного развития, Зомбарт прерывает свой анализ на основных мотивах, определяющих деятельность субъектов хозяйства; не хозяйствующих субъектов вообще, а только тех, которым в экономической жизни известной эпохи принадлежит руководящая роль. Например, все отношения развитого капиталистического общества следует объяснить из мотивов капиталистического производителя и торговца. Основным мотивом деятельности капиталиста является стремление так использовать свое материальное имущество (капитал), чтобы оноозвращалось к нему приращенное прибылью (ср. т. I, предисловие, конец 3-й главы и главу 8-ю).

Нельзя не согласиться, что, оперируя с мотивами субъектов хозяйства, Зомбарт дал яркую характеристику ремесленной организации промышленности и торговли и с большой реальностью обрисовал психологию капиталистической эпохи.

Он дал и нечто большее. Достаточно допустить на фоне ремесленной организации новых людей, ставящих перед собой новые цели, проникающихся капиталистическим духом, представляющим полную противоположность ремесленному (14-я глава) — и мы, следя за Зомбартом, объясним развитие ремесленной системы хозяйства в капиталистическую. Мы поймем, как новые люди, вносящие в хозяйственную деятельность новые принципы на первых порах стараются использовать ремесленные формы хозяйства; мы увидим потом, как в хозяйственном строе переплетаются принципы, относящиеся к двум смежным системам хозяйства — ремесленной и капиталистической; как новый, капиталистический принцип усиливается, подчиняет себе государство, создает свое право, преобразует всю хозяйственную жизнь в своем духе, создает общественный строй, являющийся адекватным выражением капиталистической души. Руководящая роль в хозяйственной жизни окончательно переходит от ремесленников к капиталистам.

¹ К. Бюхер, Происхождение народного хозяйства, и статья в сборнике «История труда»: «Историческое развитие и классификация форм промышленности». Обе книги в изд. М. Воловозовой.

Мы можем также представить себе, как будет объяснять Зомбарт переход от капиталистической эпохи к новой, высшей системе хозяйства¹. Раз в капиталистическом обществе появляются носители хозяйственных принципов, прямо противоположных капиталистическим, для нас становится понятной дальнейшая история хозяйственного развития: мы поймем, как новые принципы борются за осуществление с старыми как при известных условиях крепнут силы их представителей, как борьба поведет в конце концов к отрицанию капиталистической системы хозяйства. Или коротко говоря, исходя из мотивов хозяйственной деятельности тех субъектов хозяйства, которые являются антагонистами капиталистов, мы, действительно, сумеем истолковать современное социальное движение с его ближайшими задачами, с его идеалами. Другими словами, мы можем признать, что в современном движении борьба действительно идет из-за того, какие субъекты хозяйства должны играть руководящую роль в хозяйственной деятельности, чьи хозяйственные принципы должны иметь определяющее влияние на весь хозяйственный и общественный строй.

Таким образом, с того момента, как выступают новые хозяйственные мотивы, идущие на смену мотивов, характерных для предшествующей эпохи хозяйства, причинное объяснение дальнего хода развития не представляет особенных затруднений; мы можем избежать всяких перерывов в конструируемой нами цепи закономерностей. Но именно только с этого момента. Прерывая анализ на основных мотивах, отказываясь ити дальше в своих поисках за последними причинами, Зомбарт создает тем самым перерыв и в своем объяснении хозяйственного развития. Беря исходную точкой мотивы капиталистических торговцев и производителей, он даст нам причинное объяснение развивающихся отношений в капиталистическую эпоху, но не сумеет единообразно истолковать переход ремесленного строя хозяйства в капиталистический, представить весь процесс хозяйственного развития в виде непрерывного закономерного ряда.

Здесь, думается мне, слабый пункт основных методологических положений, развитых Зомбартом преимущественно в предисловии к I тому. Зомбарт сам признает, что перерыв анализа носит несколько насильтственный характер, но полагает, что необ-

¹ Ср. беглые замечания, разбросанные в разных местах «Современного капитализма», а также популярные брошюры: «Sozialismus und soziale Bewegung» и «Dennoch!». Первая имеется в нескольких переводах на русский язык, перевод второй — в приложении к книге Кулемана, Профессиональное движение.

ходимость заставляет остановиться именно на мотивах. Однако, его аргументация представляется мне мало убедительной. Да и сам он в исторической части работы обнаруживает счастливую непоследовательность. Он исследует, по меньшей мере, те условия — мы сохраняем терминологию его предисловия, — при которых развился «капиталистический дух» и выступили новые люди, руководящиеся в своей деятельности именно капиталистическими мотивами (главы 13-я и 14-я). Условия эти в свою очередь не есть нечто первичное, неразложимое. Как Зомбарт требует в предисловии, сами они должны получить причинное объяснение. Таким образом, между мотивами ремесленника и мотивами капиталиста оказалось посредствующее звено: известные условия, сложившиеся к концу капиталистической эпохи. Следовательно, поиски последних причин, к которым приходится свести отношения развивающегося капиталистического общества, в действительности не остановились на основных мотивах капиталистических предпринимателей.

То же самое можно заметить и в брошюрах Зомбарта, называемых в предыдущем примечании. Там он также с большой обстоятельностью останавливается на выяснении условий, при которых выступают представители антикапиталистических мотивов хозяйственной деятельности и начинают борьбу за руководящую роль в хозяйственной жизни.

Все это, конечно, нисколько не устраниет затруднений, на которые указывает Зомбарт в своем предисловии, и которые, думается мне, нельзя признать неразрешимыми. Зомбарт не разрешает, а скорее обходит их в исторической части работы.

В связи с этим я не могу не остановиться на одном замечании, которое сделано в русской литературе по поводу основных методологических положений Зомбарта. Проф. Мануилов в предисловии к другому переводу «Современного капитализма» отказывается согласиться с мыслию Зомбарта, «что для каждой исторической эпохи должна существовать особая теория социальной жизни». Признавая, что конечными причинами социальных явлений «служат факторы психической деятельности людей», г. Мануилов спрашивает: «неужели эти факторы совершенно различны в различные эпохи? Разве не существует среди них таких, которые остаются в силе при смене ряда других условий, характеризующих собою исторические периоды?» Степень изменчивости мотивов человеческой деятельности различна, продолжает он. Среди них «есть такие, которые, раз возникнув, приобретают, так сказать, надисторический характер. Таков, например, основной мотив хо-

зяйственной деятельности — стремление человека обеспечить на более или менее продолжительное время удовлетворение своих потребностей при помощи предметов внешнего мира». Отсюда получается вывод: «если существуют «надисторические», если можно так выразиться, «относительно абсолютные» мотивы человеческой деятельности, то почему же на них не могут быть основаны «надисторические», «относительно абсолютные» положения социальной теории?»

Мысль Зомбартта, «что социальная теория неизбежно связана с определенной исторической эпохой», представляется г. Мануилову «повторением одной из крайностей историзма (разрядка мои), препятствующих построению экономической теории».

Эти замечания, кажется мне, основаны на недоразумениях. Прежде всего, Зомбарт вовсе не отрицает возможности общей социальной теории. В своем предисловии он только предостерегает от преувеличенной оценки такой теории. Она, говорит Зомбарт, может охватить только самые немногочисленные черты хозяйственной жизни. Это будет лишь общее учение о хозяйстве, своего рода увертюра к настоящей симфонии, но отнюдь не теория хозяйственного развития.

Нельзя не признать правильности этих утверждений. Мы могли бы, например, в построении социальной теории исходить из таких «надисторических» мотивов, как потребность в пище, одежде, жилище. Но тогда наша теория свелась бы к дюжине самых тривиальных, ничего не говорящих положений, как следующие: человек для удовлетворения своих потребностей всегда нуждается в предметах внешнего мира. Для добывания и переработки этих предметов он нуждается в орудиях, которые делает опять-таки из предметов внешнего мира, — и т. д., целый ряд таких же скучных, бессодержательных истин.

Видим ли мы последнюю причину хозяйственных отношений в уровне техники, в состоянии производительных сил, или в мотивах хозяйствования, это дела нисколько не изменяет. Во всех случаях для объяснения отношений капиталистического, например, общества придется исходить из техники, производительных сил или мотивов, характеризующих именно данную эпоху хозяйства, а не из таких бессодержательных абстракций, как техника, мотивы хозяйствования и т. д. Для познания капиталистической эпохи нам важно как раз то, что отличает ее от ремесленной и последующей, а не то, что обще им всем. Для познания, т. е. для построения теории

признанию даже Поле и Шмидтера, дал яркую характеристику отношений ремесленного периода, исходя из такого мотива хозяйственной деятельности ремесленника, как стремление обеспечить себе пропитание. Но мы не поняли бы современного Ротшильда и отношений, в центре которых стоит он, если бы попытались объяснить его деятельность стремлением прокормиться. Напротив, мы познаем его, исходя из такого мотива, как стремление использовать материальное имущество таким способом, чтобы оно постоянно возвращалось с известным приращением.

Ввиду всего этого я не могу согласиться также с утверждением г. Мануилова, что у Зомбарта «и самое понятие исторической эпохи крайне неопределенno». Напротив, понятия таких эпох хозяйства, как, например, ремесленная и капиталистическая, отличаются у него полной определенностью. Неопределенна только хронологическая граница между ними. Но определенность здесь вообще невозможна.

Взгляды Зомбарта на задачи социальной теории не представляют ничего существенно нового. Например, уже почти сорок лет тому назад было сказано, что каждому особому существенному в истории способу производства соответствуют свои особые законы населения, действительные лишь для исторически ограниченных периодов времени. Абстрактный, всеобщий закон размножения существует лишь для животного и растительного царства, да и для него только до тех пор, пока в него исторически не вмешивается человек¹.

Многие читатели вероятно уже заметили, что моя защита точки зрения Зомбарта против г. Мануилова в значительной части представляет почти дословные цитаты из Маркса и Энгельса. Таким образом, по моему мнению, во взглядах Зомбарта на социальную теорию и в данном случае оказались не «крайности историзма», а влияние опять-таки Маркса.

Июль 1904 г., г. Ячинск.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авенель 256
Агильтф 54
Адами 166
Аллер Макс 356
Альберт 45
Амир 67
Андре 100
Андреев 148
Андерсон 125, 363, 387, 418, 434, 440,
 442, 413, 447
Антон Карл 64
Аристотель 47, 185
Арнольд 116, 154, 155, 180, 445
Арониус 164
Аринас 400, 402

Баллард Иоганн 16
Барбазан 245
Барт 170
Бегейм 250
Бейль 446
Бек 275
Бекман 277, 306, 308
Белов 2, 66, 67, 82, 83, 103, 121, 122, 128,
 132, 142, 143, 169, 233, 241, 242, 287,
 294, 301, 367, 450
Бем 295
Бертаньоли 114
Бертэн 108
Бецольд 337
Бюкман 115
Битт рауф 56
Блюм 109
Блюмке 147
Болен 334
Бокмайер 430
Бонифацио 158
Борчгрэв 256
Ботера 137
Бранте 113
Бранфорд Виктор 133
Брезиг 142
Брем Адам 125
Броднити 187
Бурглюен Рене 160
Бюхер Карл 38, 66, 103, 122, 143, 155,
 165, 167, 168, 181, 201, 226, 227, 235,
 252, 255, 258, 261, 264, 265, 280
Бюшон 426
Буало Эт. 225

Буке 108
Буркхард 333, 337, 369, 378
Бутарик 350, 351, 355

Вагнер 188, 391
Вайц 19, 170, 17
Вантер Альф. 160
Варгес 103, 12
Вебер Альфред 249
Вебер Макс 3, 41, 54, 70, 103, 285, 299
Вебби С. и Б. 210
Вельварен Гетт 139
Верман 239, 240, 243
Видукинд 159
Виллани 281
Гильельм IV 445
Вильда 332
Виноградов 68
Виттих В. 57, 79, 94, 112, 113, 182
Вольтелини Ганс 54, 155, 280

Гааген 141
Гакман 311
Галле 112
Галлам 442
Гамалант Гауес 98
Гамильтон Террик 123
Гансен 59
Гартман М. 55, 68, 71, 74, 77, 81, 87,
 96, 105, 108, 110, 129, 143, 144, 175
Гегель 93, 129, 241, 243
Гейд 125, 126, 428, 430, 433, 434
Гейнен Р. 289, 295, 307
Гейс З. 402
Геки Ф. 79, 80
Гельмольт Ганс 288, 430
Гельпах Вилили 20
Генрих I 153
Генрих II 368
Генрих III 370, 380, 403
Генрих IV 101, 351, 363, 388, 403
Генрих V 408
Генрих VI 375
Генрих VII 374
Генрих VIII 374
Гепке Рудольф 308, 309
Герар 57, 71, 96, 99, 110, 114, 126
Герлик Феликс 2
Геродот 102
Герциберг Фердинанд 169

- Гиммель Г. 123
 Гиринг 244, 290, 294, 295
 Гирке Отто 57, 218
 Гирш 239, 243, 264, 287
 Гиффей 377
 Глоссатор 44
 Гоббс 334
 Гольдшмидт 123, 125
 Гольвег 143
 Гольдстадт 402
 Гон Наталиэль 72, 73
 Готгейм 272
 Гофман 143
 Грекоровиус 160
 Грин 144, 183, 187, 246
 Гриффин 423
 Гросс Чарльз 144, 177, 183, 218, 242, 305, 353
 Гроте Г. 390, 405, 414
 Грубер 305
 Груссиссон 376
- Давидсон 55, 88, 90, 125, 151, 154, 156, 157, 160, 182, 183, 289, 307, 426
 Дамас П. 172
 Дан Б. Ф. 63, 93, 153
 Даннеберг 412
 Дельбрюк Ганс 343, 350
 Диодор 102
 Допш Альфонс 57, 65, 78, 79, 80, 83, 100, 113, 116, 153
 Дорен 263, 273, 281, 293, 306
 Дрейзен 348
 Дриссен Феликс 139
 Дюрр 167
 Дюрер Альбрехт 131
- Елизавета 358, 378, 386, 387
 Еллинек 333, 337
- Жанден Жан 173
 Жеро 217, 222
- Зальцман 91, 221
 Зандер Пауль 67, 128, 133, 185, 186
 Заттлер 297
 Здекауэр Л. 304
 Зеелигер Гергард 68, 128
 Зибек Оскар 70
 Зивекинг 229, 274, 289, 297, 306, 432
 Зильбершмидт 307, 309, 310
 Зупан 422, 427
- Иенс 339
 Иероним 53
 Ихама-Штернхегг 35, 55, 57, 65, 66, 83, 87, 110, 125, 126, 159, 190, 226, 230, 231, 254, 411
- Каллен 163
 Кальвин 439
 Кальзен 132
- Кан Юлиус 392, 411
 Кантор 296
 Карл Великий 52, 69, 74, 83, 109, 129, 405
 Карл II 424
 Карл VI 339
 Карл VII 294
 Каро 57
 Каролинги 2, 34, 63, 64, 73, 78, 81, 103, 124
 Кейтген 145
 Келлер 448, 449
 Кемпбелль Дуглас 437
 Кенингэм 35, 38, 173, 253, 254, 256, 300, 371, 387, 389, 398
 Кеппелин 428, 429
 Кецшке 38, 70, 79, 84, 90, 92, 116
 Киссельбах В. 124, 125
 Клейнтрод 116, 287
 Кледен 240, 242, 293
 Кнапп 393, 394
 Кникке 181, 183
 Ковалевский 35, 38, 173, 253, 256, 300, 371, 387, 389, 398
 Кейтген 47, 307
 Кольбер 360, 376, 377, 380, 382, 388
 Коте 167
 Крейтон 255
 Кромвель 386
 Кулишер Иосиф 100, 123
 Курппенер Христиан 292
 Кустоди 137
 Кэмбль 84
 Кэнэ Карл 62, 128
- Лабанд 301
 Лабарт 98
 Лакомбле 99
 Лампрехт 53, 56, 57, 62, 71, 74, 76, 79, 84, 86, 90, 93, 106, 108, 114, 143, 154, 228, 236, 241
 Ландау 57, 82
 Ландау Елена 366
 Ластиг 299, 311
 Лангштейн Генрих 292
 Лаубе Генрих 378
 Левассер 35, 38, 173, 182, 217, 234, 253, 255, 305, 365, 368, 371, 377, 380
 Леви 370
 Лексис 391
 Леопольд I 371
 Лессер Фридрих 172
 Леспинас 384
 Летурно 123
 Лизегант 257
 Линденшмидт 109
 Липперт Юлиус 148, 160, 176, 281
 Лонг Иоганн 179
 Людовик II 94, 110
 Людовик XI 334
 Людовик XIII 351
 Людовик XIV 378
 Лютер 291, 332

- Мабилл 125
 Майксент 93
 Майт Ф. В. 144
 Майлленд 56, 62, 68, 126, 160, 172
 Мансион Л. 354
 Манье Р. 133, 134, 144
 Мария—Терезия 371
 Маркс Карл 18, 391, 393
 Мартини 356
 Марциан 124
 Маттей 116
 Маурер 57, 81, 90, 122, 125, 128, 131, 143, 151, 154, 156, 160, 170, 172, 177, 181, 207, 235, 236, 293
 Мейер 103
 Мейцен 57, 58, 63, 70, 81
 Меламед 336, 337
 Менгер Карл 16
 Мерле 87
 Меровинги 109, 124
 Мецкий Альберт 98
 Миллер Альфонс 62
 Миллер Вальтер 128
 Миллер Рихард 155
 Мишель Ф. 98
 Моммзен 10
 Монталамбер 93
 Монтецкие 161
 Монтьернф 93
 Монье 134
 Муратори 55, 97, 153, 158
- Нейман 301—303
 Нейцен 112
 Ниль 444
 Ницше 138
 Ноде 283
 Нокс 440
 Нюблинг Е. 391
- Оппенгейм М. 352
 Оппенгеймер Франц 336
 Оттон I 129
 Охенковский 366
- Пабст 151
 Пантелеони 100
 Пауен 65
 Паули 147, 285
 Пеец Ганс 48, 78
 Пенн Вильям 447
 Петр I 346
 Пешель 423
 Пивано Сильвио 70, 78
 Пижонно 372
 Пиль 376
 Пилия 108
 Пиренн Анри 10, 126, 179, 180
 Питт 376
 Прибрам Карл 366
 Поджи 112
 Поллок 68
 Постлесуэт 367, 429, 430, 434
- Прутц 424
 Пшибрам 373, 378, 382, 383, 445
 Пюшель 141, 183
- Раймер 287, 409
 Ранке 337, 339, 357
 Ратген 175
 Ратцель Ф. 136
 Раунд 68
 Реме П. 283, 295
 Рикардо 5
 Ритцель 53, 57, 135, 145, 151, 159, 166, 169, 175
 Рихтер 443
 Рицци Ганс 366
 Рояжерс 97, 217—219, 249, 255, 257, 287
 Родолико 401
 Рошер 369
- Савари 367, 370, 377, 380
 Сакс Ганс 478
 Сантини 156
 Сибом 57, 68, 70, 80, 97, 99, 112, 171
 Сибрарио 257
 Сигизмунд 42
 Симон Жюль 436
 Смит А. 137, 418
 Стебс 168, 170, 183
 Стеверс Вилли 283
 Стефан 280
- Тамассия 57
 Тафель 288, 422, 425
 Ташит 66, 70, 88
 Тевенен 57, 62
 Тейлор 445
 Тенис Ф. 50, 185
 Том 43
 Томмази 274, 288
 Томас 422—425
 Тофама 218
 Трельтиш Э. 439
 Тун 276, 372
- Улици К. 141, 233
 Унван 166
 Унвин 370, 380, 385
 Унгер 296
- Фабр 217
 Фалькे 239, 240, 241, 293, 304
 Фалькенштайн Сибото 96, 106
 Фанье 98, 107, 109, 226, 228, 229, 234, 245, 247, 253, 259, 262, 265, 269, 301, 305
 Фенглер Отто 109
 Фердинанд Католик 334
 Фердинанд I 401
 Ферстер 258
 Фехт 233
 Филипп IV 358
 Филипп А. 294
 Филиппи Ф. 84

- Финис 43
 Фиркандт А. 49, 50
 Флах 54, 112, 148, 152, 154, 160
 Фогель 126
 Франкштейн 277
 Франциск I 374
 Фредегариус 54
 Фрейтаг Густав 109, 114, 143, 144, 409
 Фридлендер Л. 103
 Фриорих-Вильгельм I 351
 Фрии Иоганн I, I, 147
 Цехлин 180
 Чиген И. 141
 Чилльнер Ф. 95
 Циммерман 422
 Чайлд Джозефа 370
 Шальк К. 412
 Шапнант 88, 96
 Шанц 263, 366
 Шаубе Авгольф 87, 100, 103, 110, 125, 175, 241, 282, 307
 Шварц 132
 Шеллер 222
 Шенберг 220, 260, 286
 Шенланк 276
 Шиппер 125
 Шлассер 71, 89
 Шмидт 237
 Шмольер 38, 201, 218, 222, 226, 230, 253, 254, 272, 273, 289, 293, 297, 339, 361, 367, 385, 397, 431
 Шнейдер 74, 115
 Шнеллер 105
- Шоу 391, 408
 Шрадер 103, 123, 206, 293
 Шрайбер 243
 Шрекенштейн 131
 Шреттер Ф. Ф. 392
 Штица 243, 288
 Штосс Фейт 269
 Шульте 101, 125, 239—244, 250, 282, 284, 289, 290, 301
 Шультен А. 135
 Шэпплин 104
 Шэфер 115, 168
- Эберграйт 298
 Эберштадт 128, 370
 Элуард II 374
 Энуард III 361
 Эдуард VI 358
 Эдуардс 440
 Эйленбург 219, 220, 225, 226, 252, 253, 261, 433
 Энкерт 234
 Эннен 53
 Эно 157
 Эренберг Р. 278, 392
 Эрмих 41
 Эшли 68, 112, 144, 173, 235
- Юн Д. 162
 Юсти Иоганн Готлиб 132
 Якоб В. 116
 Якоб Г. 54, 102, 104
 Яков I 374, 387
 Яков II 445
 Яни 38, 355
 Янсен 292

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббатство, аббаты 75, 88, 90, 91, 98, 106, 108, 110, 113, 115, 116, 129
 Аренда 111, 112
 Армия 338—341, 346—349; средневековая 341, 343; сухопутная 343, 344, 349
 Банки 306, 417; кредитные 419; XV, XVI вв. 415, 416, 417
 Банкноты 419, 420
 Барщина 28, 69, 70, 81, 82, 85, 86, 89, 98, 107, 172, 182
 Барщинный строй 69
 Биметаллизм 43
 Блага 15, 16, 26, 29, 30, 47, 51, 77, 118, 328, 39; распределение и потребление 69; потребительские 15, 246, 360, 399; см. также продукты
 Благородные металлы см. Драгоценные металлы
 Балюта 403; бумажная 418; германская 288, 289; государственная 401; золотая 415; серебряная 415
- Балютная политика 390, 395; система 402
- В-к IV 53; V 53, 107; VI 71, 74, 75; VII 55, 71, 74, 107, 129; VIII 52, 63, 74, 103, 105, 107, 109, 125, 126, 174; IX 52, 71, 74, 75, 79, 81, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 125, 126, 130, 174, 182; X 52, 68, 81, 90, 103, 115, 116, 119, 125, 159, 172, 181; XI 68, 90, 113, 115, 116, 119, 125, 129, 146, 159, 172, 173, 177; XII 90, 97, 105, 112, 113, 146, 172, 182, 255, 284, 285, 287, 294, 451; XIII 82, 97, 104, 112, 144, 222, 230, 237, 243, 249, 255, 273, 296, 396, 399, 403, 410; XIV 104, 173, 217, 225, 226, 230, 233, 252, 253, 273, 282, 283, 361, 403, 438; XV 153, 233, 253, 260, 285, 303, 334, 399, 403, 444; XVI 2, 48, 217, 276, 287, 295, 303, 332, 344, 347, 348, 350, 353, 355, 361, 369, 370, 380, 399, 413, 432, 439, 444; XVII 2, 275, 334, 345, 38, 353, 355, 358, 360, 370, 372, 380, 381, 382, 409,

- 427, 431, 439, 448; XVIII 2, 335, 338, 344, 353, 355, 358, 370, 373, 381, 382, 395, 403, 414, 419, 420, 427, 431, 434, 448; XIX 140, 420; XX 139
- Векселя** 301
- Вексельное право** 449
- Вест-индская компания** 429
- Вещи** 17, 18, 42, 59
- Владения** 105
- Военное предпринимательство** 353; снабжение 354
- Война морская** 341, 342; сухопутная 341
- Войска** см. Армия
- Восток** 114
- Гильдия** 196, 206, 283, 304, 305, 306, 384; статуты 305, 306
- Города** 53, 120, 126, 129, 131—139, 141—145, 147, 150—152, 154, 156, 158, 160, 163, 169, 170, 172, 173, 176, 180, 183, 185, 186, 188, 190, 249, 291; американские 142; английские 144, 187; брантские 182; ганзейские 283; германские 131, 132, 187, 225, 233, 290; епископские 150, 151, 168; имперские 143; итальянские 143, 144, 187, 333; католические 165; купеческие 178, 179; потребительские 149, 150; промышленные 162, 164; римские 53, 151; сельские 161; свободные 171; средневековые 133, 140, 141, 143, 145, 149, 150, 152, 155, 157, 158, 160, 163—165, 177, 179, 180, 187, 188, 216, 217, 230, 248, 258, 264, 284, 423; торговые 137, 161, фландрские 157; французские 187; ярмарочные 177
- Города:** образование 136, 138, 139, 140, 149, 162, 163, 180; социальная структура 141; теория происхождения 134; экономич. понятие 134
- Городской:** капитулярий 78, 81, 83, 94, 101; литература 133; политика 186, 187, 359, 367, 368; конституция 150; повинности 128; поселки 145; поселения 136, 160, 170; право 136, 158, 183; совет 132; статут 241; управление 220
- Государство** 327—330, 338, 341—351, 353, 362—364, 367, 372, 373—389, 390, 394, 398, 415, 436; военное 344, 347, 348, 349; германские 427; европейские 333, 344—346; итальянские 344; полицейские 331, 333; теория 337, 334
- Государственное благо** 330; валюта 401; долги 362, 364; право 42; снабжение 349—353; управление 337, 338
- Грюндерство** 418
- Дворовые** 96
- Дворянство** 158, 212
- Деньги** 47, 102, 118, 121, 130, 308, 310, 324, 360, 361, 362, 363, 364, 390, 391, 392, 393, 394, 396, 397, 399, 405, 406, 407, 408, 409, 418; бумажные 418, 419, 420; государственные 410, 411, 412, металлические 119, 420; обесцененные 406, 407, 408; функции 394, 398
- Денежное имущество** 119; отношения 312; платежи 110; политика 390; рынок 404; система 396, 397, 398, 400, 405, 420; сборы 107; средства 340
- Деревня** 57, 59, 62, 63, 76, 82, 128, 131, 135, 142, 143, 144, 146, 181
- Домены** 68, 83
- Доходы денежные** 107, 108, 110, 113; нетрудовые 72; производственные 28, 77, 104
- Драгоценные металлы** 116, 118, 119, 120, 353, 361, 362, 363, 401, 404, 415, 417
- Духовенство** 74, 75, 83, 90, 113, 115, 165, 166, 167, 168, 170, 173, 186, 212, 221, 228
- Евреи** 109, 125, 408, 437, 445, 448
- Епископы** 53, 73, 115, 152, 245
- Железные дороги** 138
- Законодательство** 42, 60, 68, 71, 77, 85, 110, 129, 132, 298, 301, 304; Англии 187; Германии 187; Фридриха II 332
- Законы** бургундцев 128; Луитпранда 129; салические 128; Солона 123
- Запретительное право** 191
- Заработка плата** 118, 227, 228, 229, 247, 248, 271, 275; денежная 119; натуральная 119; поденная 227
- Земельные владения** 61, 71, 72, 76, 154, 195; рента 150, 156, 159, 164, 210
- Землевладение** 70, 71; римское 69; крупное 105
- Землевладельцы** 71, 72, 73, 74, 77, 80, 95, 96, 98, 104, 105, 128, 144, 155, 161, 171, 172, 178, 225; сельские 159; светские 182
- Земледелие** 60, 138; примитивное 61
- Земля** 60, 68, 71, 72, 78, 79, 80, 81, 114, 140; пахотная 60
- Золото** см.: Драгоценные металлы
- Индивидуальность** 50, 51
- Индустрия** 221, 332, 383; оружейная 250; см. также Промышленность
- Испольшина** 78, 112
- Камералисты** 32
- Капитал** 320; накопление 215
- Капитализм** 2, 3, 10, 36, 37, 43, 48, 66, 116, 215, 263, 274, 277, 278, 286, 315, 32?, 323, 325, 326, 328, 329, 338, 362, 366, 379, 380; ранний 2, 335, 390, 416, 418; современный 3, 322, 326, 340
- Капитулы соборные** 167, 169
- Категории исторические** 33, экономические 33

- Колонии 2, 54, 442, 446; английские 447; венецианские 433; итальянские 433
 Колониальные владения 425, 427; государства 421, 425, 426; политика 421, 422, 423, 424, 431, 433; поселения 433; хозяйства 421, 435; экспансия 424
 Колонизация 430
 Колонизационные компании 432
 Комменда 299, 300, 310, 311
 Коммендатарий 299, 300, 310
 Коронное имущество 71, 150
 Крепостные 86, 99, 112, 128, 182
 Крестьяне 28, 44, 47, 48, 62, 68, 69, 72, 77, 78, 81, 84, 85, 88, 90, 94, 97, 99, 104, 105, 107, 110, 111, 121, 131, 161, 182, 185, 212; оброчные 93, 110
 Крестьянские владения 105, 111; двор 78, 92; земля 79; оброк 87, 92, 93; семена 60, 61, 63
 Культура 20, 31, 37, 49, 52, 55, 58, 69, 102, 114, 123; духовная 29, 30; земельная 55; институционная 29; личная 30, 31; материальная 55; объективная 29, 30, 31; римская 53, 102, 157
 Купцы 104, 124, 125, 126, 179, 286, 290, 292, 295, 297, 298; германские 301; готские 124; лильские 213; профессиональные 295; русские 26; средневековые 293; фландрские 244; см. также Торговцы
 Купеческие операции 292; статуты 305
 Марка испанская 64
 Мастера см. Ремесленный труд
 Меновые отношения 119, 120
 Меркантилизм 356, 357, 360—362, 367, 368, 371, 374, 376, 386, 422; теория 360, 361
 Метрополия 424, 425, 447
 Министаризм 3:9, 340
 Монастыри 70, 71, 73, 76, 83, 85, 88, 89, 90, 94, 96, 97, 99, 101, 105, 108, 109, 113, 115, 116, 121, 141, 153—155, 168, 180
 Монастырские владения 112, 116; казна 109; оброк 116; повинности 99; правила 107
 Монахи 72, 97
 Монеты неполноценные 408—411; расчетные 412, 413
 Монетное отношение 404; политика 390; промысел 408; система 398, 402, 405, 406, 410; устав 402, 414
 Монополии 368, 369, 375, 387, национальные 371
 Монополия производственная см. Производство; промышленная см. Промышленность; рыночная см. Рынок; транспортная см. Транспорт; торговая см. Торговля; цеховая см. Цех
 Налоги 362, 364, 375
 Население 54, 56, 60, 105, 121, 144, 160, 161, 164, 181, 182, 254, 259; аграрное 203; Германия 182; городское 162; сельскохозяйственное 58, 137, 203; средневековое 165, 255; Франции 182
 Науки камеральные 32; социальные 4, 5, 6, 33; технические 33
 Обмен 20, 48, 103, 118—121, 301; денежный 101; натуральный 101; непрерывный 100
 Оброк 87, 92, 93, 96, 111, 118; денежный 107, 111—113, 119; натуральный 112, 113, 119
 Оброчные крестьяне см. Крестьяне
 Ост-индская компания 373, 428, 429, 434
 Община городская 189, 191, 279; сельская 196
 Общинное владение 61; отношения 299
 Одежда и украшения 87—89, 91, 243
 Патриции 186
 Переселение 71
 Пираты 122—124
 Плебей 186
 Повинность 92, 130; пахотная 81; транспортная 99
 Подати 110, 118, 163, 178; денежные 119
 Полеводство 77
 Политика валютная см. Валюта; ввозная 183; городская 374; монетная см. Монеты; монопольная см. Монополия; промышленная см. Промышленность; торговая см. Торговля; транспортная см. Транспорт; хозяйственная см. Хозяйство
 Политическая экономия 3—7, 33
 Поместья 71, 73, 84, 86, 91, 97, 106, 110, 111, 127; дворянские 90; духовенства 83, 108, 112; светские 83, 90
 Поместная организация 111; право 150; суды 82
 Помещики 82, 86, 92, 94, 96, 107, 111, 113, 121, 128, 156, 171, 180, 182
 Помещичья земля 79, 80
 Поселения 58, 60, 82, 131, 137, 145; германские 59, 148; городские 148; земледельческие 143; кельтские 59; сельские 143; славянские 59
 Посуда домашняя 94
 Потребители 73, 149, 150, 189, 210, 213, 235, 246, 279
 Потребительские блага 15, 246, 360, 399; организация 75, 118; фонды 149, 150; цель 15
 Потребление 15, 16, 87, 94, 101, 112, 197, 223, 231
 Потребность 15, 26, 45, 46, 49, 51, 61, 73, 74, 76, 77, 84, 103, 113, 217, 222, 223, 224, 231
 Пошлины 101, 110, 118; внутренние 376; вывозные 375; денежные 119; монастырские 101; натуральные 101, 119;

- охранительные 375; пограничные 376; соляные 87, 101
- Право: история 35; народное 128; процессуальное 450; публичное 132; римское 450; торговое см. Торговля; транспортное см. Транспорт; цеховое см. Цехи; Ярмарочное см. Ярмарки; Предложение и спрос 211—213
- Предприниматели капиталистические 293, 310, 317—320, 325, 329, 362—364, 376, 377
- Предприятия 22—25, 42, 265, 267; горные 275; городские 279; единоличные 24, 199, 317; капиталистические 196, 317—320; коллективные 317; крупные 25; общественные 24; поместные 97; промышленные 268; ремесленные 266, 275, 235; торговые 291, 293, 300; транспортные 41; фабричные 41
- Премии 376
- Прибыль: норма и высота 321; предпринимательская 291; торговая 162
- Привилегии 108, 124, 358, 363, 364, 368—370, 387, 428, 432; капиталистические 370; личные 370; ремесленные 370; ярмарочные 142, 145
- Продукты 15, 17, 27, 61, 78, 79, 98, 101, 106—108, 110, 111, 121, 213, 220; потребительские 94, 105; промышленные 62, 84, 112, 193, 208, 220, 251; ремесленные 191; сельскохозяйственные 112, 210; см. также Блага
- Производители 110, 121, 122, 149, 171, 210, 213, 217, 219, 229, 246, 273, 279, 293; городские 191, 220; промышленные 127, 170, 192, 193, 195, 248, 252—254, 259, 276; ремесленные см. Ремесленники
- Производство 15, 16, 61, 76, 77, 94, 101, 208, 209, 214, 257, 382; бочарное 96; городское 191; капиталистическое 101; крестьянское 111; одежды 87—89, 91; пищи 84—86; полотняное 273; промышленное 25, 46, 62, 83, 84, 97, 208, 262, 264, 271, 277, 278; сельскохозяйственное 98, 250; шелковое 273
- Производство: издержки 210; регламентация 368; средства 27, 114, 315, 383; факторы 16, 23, 24, 27, 316, 321; см. также Промышленность
- Производственная монополия 196, 371; период 48; процесс 16, 25, 84, 87, 251, 321
- Промыслы 381; суконный 261, 267; торговый см. Торговля; см. также Ремесла
- Промышленность 32, 94, 124, 163, 221, 222, 246, 264, 271, 274, 275, 370, 386; городская 219; домашняя 276, 383; капиталистическая 362, 363, 373, 378; кустарная 383, 384; оружейная 276; развитая 209; рейнская 277; стандартная 382; суконная 267, 272; текстильная 87, 247, 249, 251, 273, 274, 381; художественная 98; шелковая 250, 273, 274; шерстяная 381; экспортная 250, 271; см. также Производство
- Промышленная деятельность 83, 97; заведения 91; изделия 221—224, 231, 233, 235, 237; монополии 371, 373; политика 365—367; техника 97
- Промышленники 121, 291
- Протестантизм 440
- Профессии органическая специализация 263—266
- Пути сообщения см. Транспорт
- Рабочие 21, 25, 42, 69, 80, 92, 130, 179, 193, 257, 299, 317, 377; наемные 80, 228; поместные 62, 80, 81, 91, 128; промышленные 90, 127—130, 171, 193, 194, 272, 273; Рабочая сила 27, 60, 71, 91, 92, 127
- Рабство 423, 435
- Расселение 71
- Регалии 369, 387
- Регламентирование 378—382
- Ремесла 36, 37, 191, 192, 199, 208, 209, 213, 216, 221, 259, 270, 271, 274, 277; городские 172; промышленные 278; римские 129; свободные 130
- Ремесленники 44, 46, 47, 76, 83, 95, 96, 120, 121, 127, 128, 130, 141, 145, 147, 161, 165, 170 и сл. 181, 183, 186, 190—196, 198, 199, 209, 210, 223, 227—229, 231, 233, 236, 246, 253, 259, 266, 268, 274, 275, 291, 304, 310, 325; базельские 260; гейдельбергские 267; городские 171; деревенские 62; дворовые 84, 230; Мастера 193—202, 205, 254, 261, 262, 266, 276; нюрнбергские 231; парижские 233, 260; подмастерья 199—202, 205, 261, 263, 266, 267, 270, 302; подрядчики 229; поместные 95; промышленные 127; свободные 93, 128; сельские 84; сельскохозяйственные 195; странствующие 123; торговцы 275; ученики 199—202
- Ремесленная организация 196, 211, 259, 265, 277; предприятия 275; производство 207, 223, 270; сословие 198, 252; строй 264; структура 263; трул 198, 199, 200, 202, 206, 276; цехи см. Цехи
- Рента 150, 156, 159, 164, 178, 210
- Римская империя 70, 103, 124, 129
- Ростовщичество 164, 292, 303—305, 408
- Рынки 36, 76, 107, 109, 110, 126, 132, 135, 249, 252, 276, 292, 297, 311, 312, 358; городской 191; международный 237, 252, 271; мировой 271; оксфордский 263; товарный 214, 373
- Рыночная монополия 197; сборы 111; цены 54
- Рыцарские ордена 155
- Сбыт 211, 212, 213, 292, 305
- Сбытовые отношения 207, 208, 223, 292; цепочка 210

- Севооборот 63, 82
 Сельское население 137; округа 132
 Сеньоры 44, 72
 Серебро см. Драгоценные металлы
 Скотоводство 77
 Снабжение 209; военное 354, 355; города 357; государства см. Государство; сырьевое 199, 208
 Соловарение 87
 Союзы подмастерьев 302
 Социализм 37
 Социальные группы 43; структура 120; условия 215; экономика 322
 Спрос 119, 259; и предложение 211, 212, 213
 Средневековые 103, 144, 227, 253, 254, 257, 258, 282, 291, 295, 308, 309, 324, 332, 381, 383, 399, 400; городское 362; европейское 102, 104, 123, 124, 141, 142; раннее 123, 126, 127, 129; феодальное 362
 Ссуды 304; бе процентные 301, 302, 303
 Строительное дело 91, 92, 93
 Строители: преприниматели 229; профессиональные 93
 Счетное искусство 294, 295, 296, 297
 Сырье 89, 91, 96, 197, 209, 225, 375; импортное 209
 Тарифы таможенные 100
 Техника 25, 60; библиографическая 12; инструментальная 17; производственная 243; промышленная 256; сельскохозяйственная 137, 207; транспортная 137, 207, 215; ремесленная 207
 Товары 48, 101, 101, 109, 110, 118, 119, 121, 213, 274, 276, 281, 284, 294, 336, 310, 358, 387; денежные см. Драгоценные металлы
 Товарообмен 1—104, 122
 Товарооборот 290, 291, 309, 388, 395; рыночный 128, 190
 Товарный рынок см. Рынок; Эквивалент 395
 Торговля 32, 42, 46, 103, 104, 125, 127, 162, 189, 244, 262, 280, 291, 306, 308, 312, 358, 369, 370, 386; внешняя 363, 364; вывозная 282; ганзейская 238; германо-итальянская 238, 239; голландская 418; денежная 164, 300; заморская 372; зерновая 232, 284; индийская 373; капиталистическая 382; международная 235, 237; международная 161, 239; меновая 102; меркантилистская 375; морская 286—289; оптовая 279; оседлая 126; поставочная 247; профессиональная 122—124, 200, 277; пряностями 294; рабами 423; разбойничья 122, 123; разносная 126, 174, 236; рейнская 238; ремесленная 279; речная 126; розничная 234, 279; рыночная 126; сезонная 123; случайная 124, 300; средневековая 123, 280, 285, 286, 291, 298, 301, 302, 303, 307—309, 311, сухопутная 289; товарная 46, 101, 102, 308; французская 371
 Торговля: история 100, 101; объекты 238—246, 250, 251, 282, 283, 289, 290, регламентация 368
 Торговая деятельность 300; договор 127; монополия 372, 373; оборот 109; операции 100, 229—301; политика 365—367, 374; право 13², 311, 449; прибыль см. Прибыль; промысел 310; ряды 233; статуты 303, 304; суда 290; Торговцы 44, 109, 120, 121, 124, 126, 127, 145, 161, 165, 174, 177—179, 190, 210, 245, 276, 279—281, 283, 284, 307, 399; винчестерские 45; ганзейские 288; капиталистические 299; докапиталистические 294, 298, 305, 306; любекские 238; мелочные 242, 290, 294, 304, 305; международные 400; оптовые 235, 279; профессиональные 124, 125, 235, 286, 291, 294, 304, 310; ремесленники 292, 299; различные 279; силезские 273; сирийские 124; см. также Купцы
 Транспорт 46, 98; военный 126, 138, 387, 388; сухопутный 138, 207, 215
 Транспортные издержки 291; монополия 373, 386; политика 385—389; право 388; техника 137, 207, 215
 Труд 16, 17, 19, 48, 292, 309; наемный 89; подсобный 24; продуктивный 16; промышленный 83, 114, 208, 248, 253, 257, 263; ремесленный 89, 198; ручной 81; сельскохозяйственный 114, 207; умственный 292; интенсивность 19, 322; организация 20; продукт 18, 20, 24; производительность 19, 256, 302; экспенсификация 329; эффективность 252
 Трудовые процессы 18, 21—23, 28, 47, 49, 251, 293, 294, 321
 Феодализм 332, 369, 375; см. также Средневековые
 Флот 333, 344, 345, 346, 347, 351, 352; грузоподъемность 287—289; грузостоимость 111, 289
 Французско-индийская компания 372
 Хозяева 63; сельские 189
 Хозяйство 23, 25, 26, 27, 35, 37, 43, 47, 48, 60, 61, 69, 71, 72, 76, 77, 101, 104, 120, 317, 315, 390; барщинное 57, 64, 65, 67, 76, 83, 105; городское замкнутое 252; господское 90; государственное 335; денежное 35, 66, 101, 116, 117, 118, 120, 359; деревенское 57; европейское 404; капиталистическое 23, 316, 327, 329; докапиталистическое 2, 43, 44, 45, 46, 47; крестьянское 57, 59, 62, 64, 77, 80, 82, 84, 85, 98, 104, 111; купчее 226; мануфактурное 100

- 102, 103, 104, 105, 106, 110, 111, 112, 117, 118, 119, 120, 121, 311; монастырское 116; народное 312, 361; натуральное 36, 101, 116, 117; общественное 305; плантаторское 431; поместное 67, 68, 69, 70, 76, 78, 80, 81, 82, 94, 97; помещичье 82, 84, 101, 103, 105; потребительское 35, 74, 77, 78, 80, 101, 103, 104, 105, 110, 111, 116, 117, 118, 119, 120, 189; промышленное 262; ремесленное 192, 311, 324; сельское 64, 77, 105, 121, 123, 124, 161; феодальное 324; частное 57
- Хозяйство:** история 8, 9, 134; наука 32, 33; организация 27; социология 6; форма 25, 28; наука о народном хозяйстве 4, 6, 7
- Хозяйственная жизнь 4, 15, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 41, 46, 47, 50, 51, 57, 64, 67, 69, 117, 120, 126, 102, 323, 324, 325, 326, 331, 332, 378, 418, 448, 451; деятельность 43, 45, 48; организация 37, 41, 57, 72, 103, 105, 111, 118, 119, 121; политика 187—189, 334, 335, 357, 359, 362, 367, 375, 376, 423; право 379; принципы 26; процессы 26, 31; система 5, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 59, 71, 316, 325, 341; строй 71, 74; функции 98
- Хозяйствующие субъекты 23, 25, 26, 27, 28, 42, 47, 71, 72, 103, 193, 315, 325, 358
- Цены 36, 209, 321
- Ценообразование 5
- Ценность меновая 47
- Церковь 53, 70, 73, 74, 98, 121, 141, 153, 155, 436; государственная 438, 441, 442; см. также Духовенство
- Чехия 187, 196, 126, 234, 258, 259, 261, 273, 303, 383; английские 380; ремесленные 3:8; торговые 3, 4, 3:5
- Чеховая монополия 370; патенты 384; право 383; статуты, уставы 229, 230, 239, 251, 262, 266; строй 383
- Чиновничество 169, 170, 332
- Экономический рационализм 307, 315, 316
- Ярмарки 111, 121, 122, 125, 174, 175, 178, 190, 219, 235, 237, 244, 245, 294, 3:8, 399; векселя ярмарочные 2:0, 301; ларьки 175, 176, 123; поселения 146, 173; право 132, 142, 145, 174, 126, 388; привилегии см. Привилегии; суды 245

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Нахен 110, 141, 153
- Австрия 2, 113, 152, 344, 356, 366, 371, 373, 378, 382, 384, 385, 401, 411, 413—Нижняя 153, Верхняя 153
- Адрианополь 426
- Азия 124, 435—Средняя 136
- Акарнания 425
- Аквитания 55
- Аккона 425
- Александрия 285
- Альпы 52, 58, 59, 117, 296
- Альсгейм 155
- Америка 327, 359, 413, 422, 426, 427, 429, 433, 435, 437, 442, 447
- Амстердам 151, 417, 446
- Англия 2, 58, 65, 78, 81, 82, 84, 85, 88, 99, 102, 107, 110, 112, 114, 124, 126, 141, 151, 153, 127, 160, 171—173, 182, 183, 187, 190, 217—219, 221, 228, 230, 237—242, 244, 246, 253—257, 281—284, 289, 290, 296, 307, 334, 342, 345, 346, 352—354, 356, 358, 360, 361, 365, 366, 370, 371, 373—376, 378, 379, 383, 384, 385, 387, 389, 391, 392, 396, 398, 401, 403, 406, 409, 414, 419, 420, 425, 427, 429, 431, 437, 440—442, 444, 445, 447, 448, 450
- Ангумуа 382
- Анжу 376
- Анклама 237, 239, 20, 242, 243
- Антверпен 400
- Антильские о-ва 427
- Арабское море 427
- Аргенторат (Страсбург) 54
- Арденбург 157
- Ар латское королевство 240
- Армения 426
- Арагонское королевство 426
- Арсуф 425
- Аснапиум 81
- Астгейм 155
- Атлантический океан 389
- Аугсбург 143, 164, 218, 234, 250, 284, 286, 290, 433
- Аупа 118
- Ауиге 148
- Афины 422
- Бавария 56, 78, 411
- Багдад 104
- Базель 155, 164, 180, 182, 209, 220, 241, 242, 244, 260, 264, 286, 397
- Бамберг 167
- Барбашос 434

- Батавия 434
 Беверлей 249
 Бельгия 113, 160, 218, 236, 255, 256
 Бенгалия 428, 434
 Беневент 55
 Бервик 249
 Берган 151, 304
 Берген 243
 Бехара 428
 Биджпур 249
 Блай 249
 Боббио 81, 94, 96, 99
 Бове 257
 Богемия 117, 125, 145, 148, 160, 351
 Боденское озеро 392
 Болонья 55, 155, 218, 229, 230, 306
 Бостон 286
 Брабант 153, 218, 270
 Бразилия 359, 427, 433
 Бранденбург 347, 350, 353, 355, 356, 366,
 384, 389, 391, 392, 427, 448
 Брауншвейг 163, 443
 Бремен 125
 Брентри 268
 Бреславль 198, 218, 230, 232, 234, 241
 Брешия 94, 96, 110, 151, 250
 Бриарский канал 368
 Бриджуотер 99
 Бристоль 99, 176, 218, 249
 Бритцен 253
 Брюгге 157, 164, 178, 179, 218, 347
 Брюссель 160
 Бубенгейм 155
 Будвейс Новый 148
 Бургундия 347, 352, 376, 377
 Бутсбах 181
 Бухара 136
 Бъевр 269
- В**
 Вавилон 135
 Вагезатия 124
 Вайкомб 249
 Валлингфорд 245
 Ванбери 249
 Варвич 249
 Везель 257
 Везер р. 52, 58
 Вейтерштадт 155
 Вейхельмюнде 159
 Великобритания—см. Англия
 Вельдерн 95
 Вена 53, 54, 153—155, 164—227, 230, 233,
 253, 259, 280, 298
 Венская область 145
 Венеция 71, 105, 121, 157, 164, 218, 230,
 243, 274, 280, 281, 284, 289, 290, 295,
 297, 303, 307, 346, 399, 412, 421, 425,
 426
 Венесуэлла 433
 Верден 68, 70, 90, 92, 115, 116
 Верона 55, 151
 Вестенгланц 262
 Вестфалия 411
- Византия 104, 153, 217; Византийская
 империя 425
 Вильс 379
 Вильтон 249
 Виндогонум 54
 Винчестер 236, 244, 245, 268, 303
 Виргиния 443
 Виртемберг (Вюртемберг) 76, 351, 443
 Виртен 176
 Виче 87
 Виченца 151
 Вормс 53, 99, 129, 155, 170, 180, 234
 Вьена р. 388
 Вюрицбург 167
- Гавергилле 249
 Галлия 55, 107, 158
 Гальберштадт 170
 Гамбия р. 429
 Гамбург 151, 158, 164, 166, 218, 243, 282,
 283, 406, 419
 Гаронна 389
 Гастингс 343
 Гарц 117
 Гарцбург 169
 Гавадалупа 427
 Гейдельберг 226, 252, 253, 261, 264, 265
 Гельмштетт 108
 Гемпшир 129
 Гент 157, 164, 218
 Генуя 158, 164, 218, 250, 273, 284, 352,
 412, 421, 425, 426
 Герлиц 233
 Германия 2, 43, 54, 56, 58, 62, 63, 65, 68,
 77, 83, 87, 88, 92, 94, 95, 99, 102, 103,
 106—114, 116, 121, 125, 134, 141, 143,
 145—147, 151, 153, 154, 157, 159, 160,
 163, 171, 172, 174, 176, 182, 183, 187,
 218, 222, 227, 228, 235, 236, 241, 253—256,
 281—284, 289, 290, 292, 294—296, 301,
 348, 356, 367, 372, 376, 380, 384, 385,
 389, 392, 398, 401, 406, 409, 411, 413,
 414, 418, 420, 437, 438, 440, 443, 449,
 450
- Гессен 443
 Герцберг 147
 Гиберния 176
 Гильдесгейм 154, 170
 Гитчин 249
 Глац Новый 148
 Глостер 249, 379
 Голландия 335, 352, 356, 375, 381, 385,
 427, 431, 437, 442, 446—448, 450
 Гослар 117, 183, 239, 240, 243
 Готланд, остров 124
 Греция 426
 Гринсбери 249
 Гудзонов залив 364
 Гунгерфорд 249
- Дам 157
 Данания 305, 346, 419
 Цанциг 159, 237, 239, 241, 243, 264, 297

- Дарданельский пролив 426
 Девоншир 268
 Динан 236
 Днепр 126, 127
 Доброй Надежды мыс 372
 Донкастер 249
 Дортмунд 241, 242
 Презден 218, 219
 Дунай 54
 Дюссельдорф 257
- Европа 34, 35, 38, 45, 53, 56, 58, 68, 70, 102—104, 109, 112, 113, 119, 124, 125, 155, 158, 218, 238, 294—296, 306, 330, 335, 337, 342, 344, 345, 390, 399, 405, 429—431, 436, 446, 449
 Египет 238
- Заксенбург 169
 Зальцбург 343, 176, 437;—Округ 117
 Золинген 277
 Золотой берег 429
 Зондский архипелаг 427
 Зорберланде 52, 64
- Иевр 225
 Иль де Франс 376
 Индийский океан 372
 Индия 242, 361, 427—430, 434; Вест-Индия 372, 428, 431; Ост-Индия 427, 430, 431; Передняя Индия 428
 Инсбрук 250
 Ионийские острова 425
 Йорк 218
 Йоркшир 268
 Ипр 151, 157, 164, 218
 Ирландия 58, 387, 448
 Испания 2, 54, 55, 68, 69, 71, 77, 78, 80, 85, 87, 93, 94, 96, 99, 107, 108, 110, 112—114, 121, 124, 125, 127, 144, 151, 152, 157, 158, 160, 171, 175, 183, 187, 218, 222, 225, 228, 229, 238, 243, 250, 253, 255, 270, 281, 294—296, 306, 333, 392, 399, 412, 421, 425, 450, 451
- Италия 2, 54, 55, 68, 69, 71, 77, 78, 80, 85, 87, 93, 94, 96, 99, 107, 108, 110, 112—114, 121, 124, 125, 127, 144, 151, 152, 157, 158, 160, 171, 175, 183, 187, 218, 222, 225, 228, 229, 238, 243, 250, 253, 255, 270, 281, 294—296, 306, 333, 392, 399, 412, 421, 425, 450, 451
- Калифорния 163, 427
 Калькутта 136
 Калэ 343
 Камбрэ 109, 160
 Канада 427, 423
 Кандия 426
 Капская земля 427
 Каринтия 117, 239
 Каролина 447
 Каффа 426
 Каэн 177
 Каэнна 244
 Квебек 427
- Кельн 53, 106, 135, 143, 154, 155, 167, 170, 173, 180, 181, 238, 250, 261, 272, 284, 290, 291
 Кембден 163
 Кемпен 135
 Кент 268
 Киев 126
 Кипр 426, 432
 Китай 136
 Клаусталь 117
 Клерво 68
 Клермонт 54
 Кобленц 99, 101
 Конвентри 249
 Кольчестер 249
 Комаккио 105, 121
 Комо озеро 290
 Коннентикут 442
 Константинополь 126, 127, 229, 307
 Констанца 162, 182, 392
 Корби 68, 75, 84, 89, 95, 101, 107, 109
 Корнуэль 249, 268, 378
 Корсика 426, 432
 Корф 249
 Кремона 143
 Крит 433
 Крым 426, 432
 Куттенберг 148
- Лангенок 377
 Лангенбилау 135
 Ландскрон 148
 Левант 421, 432, 433, 435
 Лейден 139
 Леймериц 148
 Лейпциг 218, 234, 253
 Лейстер 249
 Лидрихсгейм 99
 Лилль 378
 Линкольн 249
 Лион 371, 372
 Лиссабон 345
 Локрида 123
 Ломбардия 239, 450
 Лонг-Айленд 442
 Лондон 125, 144, 153, 160, 164, 170, 177, 178, 182, 218, 227, 230, 245, 266, 372, 379, 400
 Лорш 68
 Луара р. 388
 Луизиана 427
 Лукка 250, 274
 Льеж 124, 167
 Льюис 249
 Любек 143, 145, 147, 162, 164, 177, 218, 227, 231, 234, 239, 240, 242, 269, 282, 285, 301, 406
 Люнебург 163, 180
 Люни 54
 Лютих 63, 160, 164, 167
- Маастед 249
 Маслебург 170, 174

- Магелланов пролив 372
 Майнц 53, 54, 108, 155, 159, 167
 Мальшик (шер.) 148
 Мандренко 87
 Мантуя 54, 143, 151
 артиллика о-ва 427
 Масачусетс 42, 447
 Медебах 284
 Мексикон 219
 Мекленбург 344
 Мексика 359, 430
 Мелен 225
 Мельнике 148
 Мене 25
 Менхенштейн 213
 Мерзебург 170
 Мец 169, 218
 Милан 151, 152, 164, 218, 244, 250, 304
 Миссисипи 354
 Модена 55, 151
 Мозельская область 241
 Мозер р. 176
 Молуккские о-ва 427
 Монс 347
 Монте-Казино 70
 Мраморное море 426
 Мюльгаузен 219
 Мюнстер 95, 168
 Мюнцбакская долина 163

 Нарбонна 179
 Неаполь 152, 218, 332
 Негрепонт 428
 Нейштедт-Бранденбург 243
 Нидерланды 2, 171, 255, 335, 245, 366,
 372, 418, 446; — Соединенные 346
 Никария 426
 Никея 432
 Нимбург (Нейенбург) 148
 Ниневия 136
 Новгород 124, 291, 305 — Нижний-Нов-
 город 176
 Ногариенский лес 55
 Норвегия 17; 346, 419
 Нормандия 238, 376
 Нортгемптон 249
 Ноттингем 249
 Нью-Йорк 422, 427
 Нью-Кестль 287
 Нью-Порт 157
 Нюрнберг 143, 162, 164, 167, 190, 218,
 240, 241, 250, 276, 277, 401

 Одер р. 147, 148
 Океания 422
 Оксонахуд 379
 Оксфорд 155
 Онусса 426, 432
 Орисс 428
 Оснабрюк 239

 Павия 55, 151
 Падуя 54

 Палермо 152, 218
 Палестина 426
 Панагии св., остров 426, 432
 Папская область 346
 Париж 125, 153—156, 164, 173, 217, 220,
 222, 225—227, 229, 253, 262, 265, 269,
 275, 297, 347, 358, 365, 376, 380, 384,
 389
 Парма, 55, 151
 Партенгейм 155
 Пассау 166, 250
 Пелопонес 425
 Пенсильвания 447
 Пере 426
 Переяславль 126
 Пернов 287
 Перу 359, 430
 Пиза 143, 28, 425, 426
 Пикардия 376
 Пиль-ен Новый 148
 Пинцгау 95
 Пирна 239, 240
 Плавен (дер.) 148
 Плаценция 99
 По р. 105
 Подветреные острова 435
 Потсдам 169
 Полинезия 100
 Померания 391
 Португалия 2, 346, 369, 427, 444
 Прага 164; — Новая 148
 Приди 99
 Провиденс 447
 Прум 76
 Пруссия 338, 344, 347, 350, 351, 353, 356,
 359, 366, 384, 389, 391, 392, 437, 448
 Пуату 242, 257, 258, 376, 380
 Пуатье 97
 Пфальц 219, 220
 Пьяченца 151

 Рай 249
 Ратско-галльская область 63
 Ревель 282, 287, 238
 Регенсбург 155, 180, 226
 Реджио-Эмилия 55
 Рейн 5?, 53, 114, 239, 411—Нижний 372
 Рейнская область 409
 Рейхенау 68
 Рига 264, 287, 290
 Рим 52, 103, 422, 425, 433
 Римомагум 53
 Римская империя 72, 103, 124
 Рипон 249, 305
 Рона р. 389
 Ронсеваль 52
 Россия 2, 344, 346, 419
 Росток 218, 266, 282, 297
 Роттердам 446
 Руан 177
 Рудольфцелл 284
 Руги 125
 Рур 68, 90

- Саксония 117, 163, 351, 359, 411
 Самос 426, 432
 Сардиния 346, 426
 Саусгемптон 244, 245
 Священная Римская империя 402
 Северное море 58, 105
 Северо-американские штаты 419, 427
 Сена 269, 388
 Сен-Готард 282
 Сен-Дени 245
 Сен-Жермен 371
 Сен-Кентен 110
 Сен-Реми 68, 90
 Сент-Албанс 249
 Сент-Ондре 178
 Сент-Эдмундсбург 171
 Сибирь 102
 Сидон 425
 Силезия 117, 411
 Сирия 124, 422, 425, 426, 432
 Сирмийум 54
 Сицилия 64, 98, 110, 285, 332; обе Сицилии 346
 Скандинавия 2
 Снике 241
 Сольсбери 268
 Соммерсет 379
 Сорласко 99
 Средиземное море 388, 389, 425; средиземноморское побережье 103
 Страсбург 54, 128, 154, 155, 164, 167, 169, 178, 218, 227, 234, 242, 246, 305, 406, 409
 Суффолк 268
 Тегеран 136
 Тайн р. 370
 Тан 434
 Тир 425
 Тироль 303
 Тихий океан 372, 427
 Толедо 250
 Тоскана 54, 151, 160, 346, 450
 Траутенгаузен 148
 Тревизо 158
 Трир 107, 167, 172
 Труа 388
 Трюбау 148
 Тунис 285
 Турин 151
 Ульм 143, 159, 168, 218, 234, 250
 Утендорф 95
 Уtrecht 160
 Уостер 168
 Уэльс 99
 Фамагуст (часть Кипра) 426
 Феррара 55
 Фландрания 126, 153, 157, 218, 238, 250, 270, 273, 287
 Флерстгейм 155
 Флоренция 45, 55, 125, 150, 151, 154, 156, 157, 160, 162, 164, 182, 183, 218, 229, 243, 251, 273, 276, 280, 281, 296, 300, 302
 Флорида 427
 Фокея 432
 Фракия 385, 426
 Франкфурт-на-Майне 93, 155, 165, 167, 168, 181, 209, 218, 226, 252, 258, 259, 261, 264—267; на Одере 147
 Франция 2, 52, 56, 58, 68, 77, 85, 88, 94, 95, 108—110, 112, 114, 145, 146, 148, 151, 153, 154, 156, 160, 171, 181—183, 187, 217, 221, 222, 228, 230, 235, 246, 253—256, 301, 305, 335, 342, 344—347, 351—358, 361, 363, 365, 370—377, 381, 383, 384, 386—388, 392, 397, 398, 401, 407, 414, 419, 427, 431, 437, 438, 441, 450
 Фрейберг 117, 163, 164, 218, 238
 Фрейбург 141, 158, 243
 Фрисландия 241
 Фульд 68, 76
 Хиос 426, 431
 Хотцен 148
 Цезарея 425
 Цейлон 427
 Цюрих 233
 Чернигов 126
 Честер 249
 Шалонь 110
 Шампань 160, 238, 376
 Швабия 411
 Шварцвальд 236
 Швейднitz 242, 243
 Швейцария 2
 Швеция 241, 345, 346, 419
 Шефтсбери 249
 Шнееберг 359
 Шотландия 64
 Шлейфер 155, 167, 180
 Шпрее 287
 Шрудсбери 249
 Штейнмарк 239
 Штеттин 147, 282, 287
 Штральзунд 282
 Эйзенах 239
 Эйлешам 249
 Эйсменг 253
 Эксбридж 99
 Эльба р. 52, 58, 114, 132
 Эльзас 116, 117, 391
 Эн р. 388
 Энгерн 411
 Эпир 425
 Эрфурт 241
 Эссекс 268
 Этолия 425
 Эхтернах 76
Южный канал 389
Ямайка 434